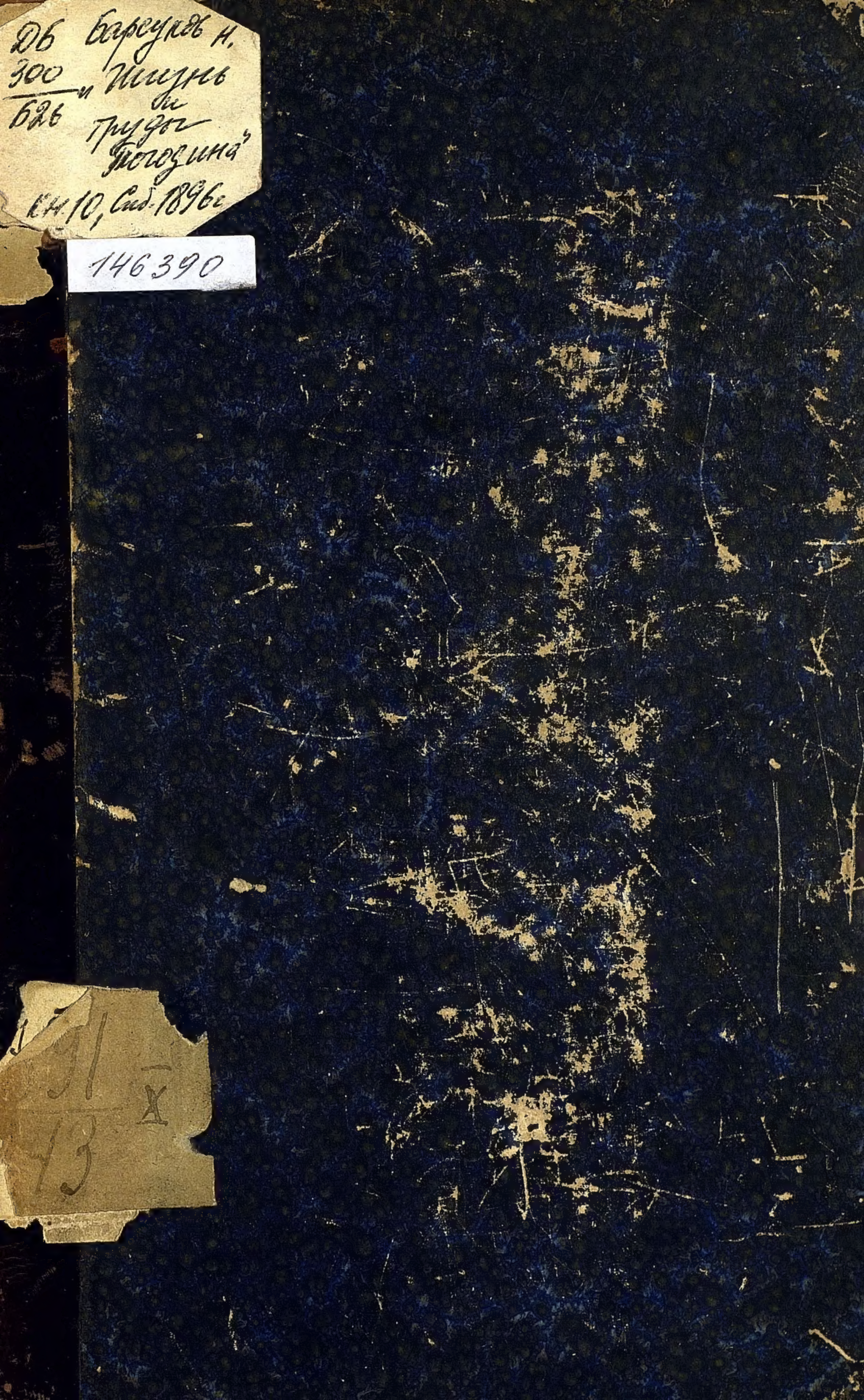

Д6 Барсуков Н.
300 Жизнь
62ь и труды
Погодина
кн. 10, Спб. 1896 г.
146390
91
13
X

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшие и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

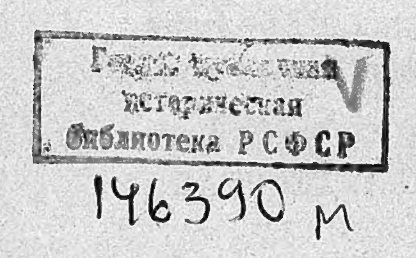
Николая Барсукова

КНИГА ДЕСЯТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1896

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

2417

историческая
библиотека РСФСР
146390 м

ИЗДАНІЕ

Потомственнаго Почетнаго Гражданина

Александра Николаевича

МАМОНТОВА.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1895 года, по возвращеніи моемъ изъ Пензы, посѣтилъ меня господинъ Московскій присяжный повѣренный Михаилъ Георгіевичъ Бажановъ, дотолѣ мнѣ вовсе незнакомый. Онъ сообщилъ, что довѣритель его, имя коего отказался назвать, сочувствуя *направленію* моего сочиненія *Жизнь и Труды М. П. Погодина* и узнавъ изъ статьи г. Розанова, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, что я не имѣю средствъ на продолженіе изданія моего сочиненія, выразилъ желаніе придти мнѣ на помощь своими денежными средствами.

Понятно, что я былъ изумленъ этою неожиданностью. М. Г. Бажановъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ сказать: *Не удивляйтесь, въ Москвѣ еще далеко не перевелись добрые люди и патріоты.*

И вотъ, на другой день памяти Святителя и Чудотворца Николая, который, какъ поетъ Церковь, *міру всему источаетъ многоцѣнное милости мνро и неисчерпаемое чудесъ море*, я получилъ изъ Москвы отъ М. Г. Бажанова слѣдующее письмо:

„Милостивый государь Николай Платоновичъ! Прежде всего позвольте вамъ засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе и уваженіе. Затѣмъ позвольте мнѣ снять инкогнито съ того лица, по порученію котораго я имѣлъ удоволь-

ствіе (*25-го ноября*) бесѣдовать съ вами въ Петербургѣ. Разумѣется, дѣлаю я это съ его разрѣшенія, согласно вашему желанію знать лицо, идущее на помощь изданію трудовъ вашихъ о жизни М. П. Погодина. Я былъ у васъ, глубокоуважаемый Николай Платоновичъ, по порученію потомственнаго почетнаго гражданина Александра Николаевича *Мамонтова*, весьма почтеннаго и уважаемаго, бывшаго желѣзнодорожнаго дѣятеля и коммерсанта въ Москвѣ, а нынѣ слѣпого старика, которому теперь шестьдесятъ четыре года отъ роду, и вотъ уже шестнадцать лѣтъ лишившагося зрѣнія и страдающаго тяжелыми недугами, который теперь, вдали отъ мірскихъ дѣлъ, въ уединеніи и тиши проводитъ время въ религіозно-философскихъ мышленіяхъ и, на сколько его средства позволяютъ, всюду спѣшитъ съ посильной помощью къ истинно нуждающимся и обремененнымъ. Его заботами и средствами, для религіозно-нравственнаго просвѣщенія, вновь устроенъ и открытъ, напримѣръ, женскій Рдейскій Успенскій монастырь, въ Новгородской губерніи. Но Александръ Николаевичъ не чуждъ и просвѣщенія свѣтскаго. Вышедшій изъ коренной Русской купеческой семьи и вращаясь постоянно въ кругу того времени выдающихся интеллигентныхъ дѣятелей, онъ понимаетъ всю благодѣтельную силу просвѣщенія. И, не смотря на то, что, вслѣдствіе слѣпоты его, вотъ уже шестнадцать лѣтъ ему читаетъ его секретарь, онъ интересуется въ литературѣ всѣмъ, что дорого для блага и просвѣщенія Россіи.

„И вотъ, своимъ чуткимъ и сильнымъ отъ природы умомъ, онъ понялъ, что вашъ трудъ о жизни и дѣятельности М. П. Погодина не есть только трудъ ординарный, съ слабыми штрихами лѣтопись, но трудъ весьма капитальный, который долженъ имѣть огромное вліяніе на настоящее и будущее моло-

дого поколѣнія, такъ какъ личность М. П. Погодина, вышедшаго изъ народа, съ лицами его окружавшими,—это Русскій народъ, на которомъ держится вся сила и величіе Россіи, по вѣрованію москвича, сила, зиждующаяся на Православной религіи и преданности Царю и Отечеству. Къ этой плеядѣ людей жизни М. П. Погодина принадлежалъ и Александръ Николаевичъ, лично знавшій покойнаго Погодина, который часто бывалъ въ семьѣ Мамонтовыхъ, Кокорева и другихъ, гдѣ М. П. Погодинъ, съ свойственной ему задушевностью, обсуждалъ всѣ вопросы, составлявшіе тогда злобу дня.

„Узнавъ изъ книжки *Русскаго Вѣстника*, что изданіе книги *Жизнь и Труды М. П. Погодина* должно пріостановиться по неимѣнію у васъ средствъ, Александръ Николаевичъ просилъ меня написать вамъ, многоуважаемый Николай Платоновичъ, что онъ обезпечиваетъ вамъ стоимость печатанія X-го тома о жизни М. П. Погодина, то-есть, типографскій расходъ за то количество экземпляровъ, которое вы обыкновенно печатаете. При чемъ просилъ меня присовокупить, что если Господь продлитъ дни его, то онъ на тѣхъ же основаніяхъ обезпечиваетъ вамъ изданіе и XI-го тома, если таковой выйдетъ отъ васъ.

„Почему я имѣю честь просить васъ, по отпечатаніи X-го тома, благоволите сообщить мнѣ и Александру Николаевичу подробный счетъ типографіи, вмѣстѣ съ книгой, для уплаты по счету. Пользуясь и проч., М. Бажановъ“.

„P. S. Александру Николаевичу желательно бы, на сколько возможно, поскорѣе начать печатать и XI томъ“.

Долгъ признательности обязалъ меня напечатать почтенное письмо М. Г. Бажанова вмѣсто предисловія къ настоящей книгѣ. Благодарныя же чувства мои къ доброхотному жерт-

вователю усугубляются утѣшеніемъ, что рука помощи *добраго человѣка* простерлась мнѣ *именно* изъ Москвы...

Пользуюсь случаемъ выразить также мою признательность и Василію Васильевичу Розанову, статья котораго *Культурная Хроника Русскаго Общества и Литературы за XIX вѣкъ*, напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (октябрь 1895 г.), обратила на себя вниманіе почтеннаго Александра Николаевича Мамонтова и имѣла такое благодѣтельное вліяніе на продолженіе изданія моего сочиненія...

Пою... дондеже есмь

Николай Барсуковъ.

16-го декабря 1895 г.
С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

Въ 1848 году А. С. Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „Въ Англіи вышла странная, но, говорятъ, весьма неглупая книга подъ названіемъ *Словенская реакція противъ современнаго безвѣрія*. Какъ странна эта внутренняя симпатія! И въ одной только въ Англіи!“ [1]) Давно Хомяковъ углубился въ Богословіе, и уже 1846 году у него былъ написанъ *Опытъ катехизическаго изложенія ученія о Церкви*, который самъ онъ озаглавилъ *Церковь одна*. Этотъ *Опытъ* онъ возымѣлъ мысль перевести на Греческій языкъ и напечатать въ Аѳинахъ[2]). Въ 1848 году Хомяковъ началъ хлопотать о напечатаніи этого сочиненія въ Россіи и по этому поводу писалъ А. Н. Попову: „Вы очень справедливо догадываетесь, что одобреніе моего Исповѣданія было бы для меня гораздо дороже всѣхъ моихъ статей; но вотъ теперь и о немъ затрудненіе. Протасовъ чрезъ Веневитинова посылаетъ мнѣ на пересмотръ экземпляръ съ своими отмѣтками, вообще не важными, но справедливыми, вѣроятно, синодскими, и желаетъ, чтобъ я объ этомъ самъ у Филарета похлопоталъ. Это дѣло крайне трудное съ такимъ человѣкомъ; я у него побываю и за дѣло примусь, разумѣется, очень осторожно, чтобы не испортить всего. Но не лучше ли было, и даже не нужно ли, чтобы къ Филарету пришелъ экземпляръ съ запросомъ, разумѣется не отъ Сѵнода или отъ Протасова, а отъ кого-нибудь изъ безцвѣтныхъ членовъ Сѵнода, къ которымъ здѣшній Митрополитъ равнодушенъ, безъ

упоминанія моего имени. Подумайте объ этомъ и поговорите, а я покуда слегка толкнусь къ самому. Хотѣлъ было это сдѣлать чрезъ барынь, напримѣръ, Наталью Петровну Кирѣевскую, да всѣхъ ихъ боюсь, а ея болѣе всѣхъ. Какъ-то это удастся? А меня это сильно тревожитъ. Кромѣ того, что я сильно дорожу этою работою и по совѣсти считаю ее весьма доброю и полезною, я еще гляжу на нее какъ на завѣщаніе Валуева, который меня понудилъ этимъ заняться въ надеждѣ добраго дѣйствія на Англію, и никогда съ нею не разставался и перечитывалъ ее часто, особенно когда на него нападала болѣзненная тоска“.

Дозволительно предположить, что митрополитъ Филаретъ, имѣлъ въ виду Богословіе Хомякова, когда 11-го ноября 1849 года писалъ ректору Московской духовной академіи архимандриту Алексію: „Не по модѣ ли мы богословствуемъ? Прежде утверждались на Священномъ Писаніи и мало вниманія обращали на преданіе. Потомъ съ силою замѣтили сей недостатокъ; слова православіе и преданіе стали звучать чаще и сливаться въ одинъ звукъ, и начали богословствовать по преданію, оставляя иногда позади Священное Писаніе, а нѣкоторые и унижали Писаніе. Новозавѣтные священные писатели писали по сошествіи на нихъ Святаго Духа, и они свидѣтельствовали и отъ ветхозавѣтныхъ, что отъ Святаго Духа *просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2 Петр., I, 21). Такъ ли вѣрно можно опредѣлить минуту, когда церковный писатель сдѣлался святымъ, и слѣдственно не просто писателемъ, подверженнымъ обыкновеннымъ недостаткамъ человѣческимъ? Церковь, конечно, думала о семъ вопросѣ и учитъ признавать преданія съ Откровеніемъ Божіимъ согласныя. И потому не правильнѣе ли основывать ученіе главнымъ образомъ на Священномъ Писаніи, а преданіемъ дополнять, объяснять, защищать отъ неправомыслящихъ? Св. апостолъ говоритъ, что діаволъ *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр., V, 8). Не довольно ли сего для остереженія вѣрующаго? Надобно ли еще доходить по *намекамъ* до подробностей діавольскаго распоря-

женія, утверждать, что діаволъ *приставляетъ злаго духа* къ человѣку на всю жизнь, и, остановясь на семъ, дать слышащему сіе ученіе вопросы: Неужели этотъ приставникъ здѣсь теперь? Неужели святое крещеніе ни мало не отстраняетъ его? Неужели и святость святыхъ и данная имъ благодать не удаляетъ сего приставника, приставленнаго, какъ говорятъ, на всю жизнь? Или преданіе лучше знаетъ діавола, нежели Апостолъ, который говоритъ, что къ рожденному отъ Бога *лукавый не прикасается* (1 *Іоан.*, V, 18). Вотъ, что мнѣ пришло на мысль: а вы разсуждайте, правда ли это".

Какъ бы то ни было, попытка Хомякова отпечатать свой опытъ не удалась; а между тѣмъ, по свидѣтельству Ю. Ѳ. Самарина, „Церковь была для Хомякова живымъ средоточіемъ, изъ котораго выходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы". Хомяковъ „жилъ въ Церкви, и не по временамъ, не урывками, а всегда и постоянно, отъ ранняго дѣтства и до той минуты, когда онъ покорно, безстрашно и непостыдно встрѣтилъ посланнаго къ нему ангела разрушителя:

Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда, покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель.
Да придетъ ангелъ разрушитель,
Какъ гость издавно жданный мой.
Мой взоръ измѣритъ великана.
Боязнью трудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольнаго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ [3]).

Въ то время, когда Хомяковъ безуспѣшно хлопоталъ объ изданіи въ свѣтъ своихъ богословскихъ трудовъ, въ области нашего Богословія произошли событія, заслуживающія вниманія. 16-го октября 1847 г. епископъ Рижскій Филаретъ писалъ А. В. Горскому: „Недавно былъ здѣсь Сербиновичъ. Безъ сомнѣнія, вы, дорогой мой, при всей вашей скромности или осердились бы, или расхохотались бы, еслибъ услышали, что *катехизисъ* Митрополита поручаютъ замѣнить сочиненіемъ

1*

другимъ—кому? мнѣ. Не правда ли, что это или досадно, или смѣшно. А это было. По какой причинѣ? *Катехизисъ митрополита,—лютеранскій катехизисъ*, точныя слова Сербиновича. Эти люди истинно почти помѣшаны. Нужно ли говорить, что на продолжительное разсужденіе объ одной и той же темѣ отвѣтомъ служило глубокое молчаніе. Или нѣтъ, къ сожалѣнію, не выдержалъ обѣта молчанія, сказалъ нѣсколько словъ не по ихъ вкусу. Но моя уже такая судьба: меня уже давно внесли въ списокъ упорныхъ Лютеранъ. Не сѣтую на то, хотя и не радуюсь. Молю Господа, чтобы принялъ душу мою съ вѣрою, которою доселѣ жилъ, воспитанный молитвами угодника Его преподобнаго Сергія" [4]). Когда объ этомъ узналъ самъ митрополитъ Филаретъ, то онъ со смиреніемъ писалъ (14-го января 1848 г.) епископу Рижскому Филарету: „Предположеніе написать новый катехизисъ можно понимать двояко. Или хотятъ новаго катехизиса для поселянскихъ училищъ, или находятъ неудовлетворительнымъ сунодскій катехизисъ и хотятъ замѣнить новымъ. Послѣднее было бы не самое благовидное дѣло, между прочимъ, послѣ того, какъ о семъ катехизисѣ учатъ въ Богословіяхъ и переведенъ онъ на Греческій, Нѣмецкій и Англійскій языки, а на сей послѣдній Англичаниномъ. Я доволенъ, что въ дѣлахъ сего рода всегда поставлялъ себя секретаремъ, а не болѣе, свободно подчиняясь лучшему сужденію другихъ, поколику оно не въ спорѣ съ Словомъ Божіимъ, и поколику можно было подчиниться оному безъ оскорбленія совѣсти. Но достоинство учительства церковнаго стоитъ заботы. Мнѣ желательно было бы знать, на какіе недостатки существующаго катехизиса было указано" [5]).

Въ то же время на поприще Богословія выступилъ архимандритъ Макарій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій и Коломенскій. Въ 1847 году онъ издалъ *Введеніе въ православное Богословіе*, за которое былъ возведенъ на степень доктора Богословія и удостоился получить наперсный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Твореніе это вызвало сильныя порицанія и со стороны митрополита Филарета, и со

стороны догматика Словенофильскаго ученія Хомякова. „Не *Богословію* Макарія“, писалъ Митрополитъ А. Н. Муравьеву,—„но крыльцо и сѣни къ зданію Богословія, не успѣлъ еще довольно разсмотрѣть: *Веніаминъ, Готлибъ, Климентъ, Шубертъ и нашъ преосвященный Ѳеофилактъ.*—Я не совѣтывалъ бы такъ мѣшать неправославныя имена съ православными и привлекать вниманіе къ чужимъ. *Съ этими-то послѣдними почти во всемъ согласны и мы.* Основывайте ученіе на истинѣ, а не на людяхъ. *Источникомъ для нея* (части *Введенія въ Богословіе) долженъ быть умъ.* Не довольно ли для ума, чтобъ онъ былъ малымъ ковшемъ, которымъ почерпаютъ изъ источника. Осторожно надобно допускать власть ума во введеніи науки, чтобъ онъ не заупрямился, когда въ наукѣ будете доказывать его паденіе и поврежденность, *омраченность мысли, оскверненіе ума* и *совѣсти.* Простите меня, и да проститъ меня Богословіе“ [6]).

Еще рѣзче отозвался Хомяковъ. „Макарій провонялъ схоластикой“, писалъ онъ А. Н. Попову,—„она во всемъ сказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, истиннаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и все живое обращать къ мертвому... Я радъ, что Макарій, такъ сказать, по образу деревенскихъ барынь, въ контрѣ и пикѣ съ Филаретомъ. Авось хоть со злости что-нибудь да осмѣлится сказать или изъ Академіи, или изъ духовенства Московскаго или Кіевскаго. Но, увы! страхъ такъ великъ, что и личная досада, пожалуй, смолкнетъ или будетъ только работать подспудно... Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго Богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи“ [7]).

Такъ же неодобрительно отнесся ко *Введенію* и историкъ Русской Церкви Филаретъ, епископъ Рижскій. „Петербургскіе рецензенты“, говоритъ онъ А. В. Горскому,—„недовольны мною... Пусть о. Макарій забавляетъ ихъ водянистыми разсказами безъ мысли и силы... Недавно читалъ его *Введеніе въ Богословіе,* что это за вздорная путаница? Ни логическаго

порядка, ни силы въ доказательствахъ нѣтъ. Еслибы мнѣ, грѣшному, привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною" [8]).

Но иначе отнесся Погодинъ къ этому во всякомъ случаѣ замѣчательному труду. „Указываемъ читателямъ", заявляется въ *Москвитянинѣ*,— „на этотъ обширный и зрѣлый трудъ, какъ на одно изъ истинно-ученыхъ произведеній, рѣдкихъ въ нашей Литературѣ вообще... Подробное и основательное разрѣшеніе всѣхъ предварительныхъ вопросовъ Богословія, точное распредѣленіе всѣхъ богословскихъ наукъ по содержанію и объему и, наконецъ, образцовая по ясности, отчетливости и чистотѣ изложенія, — все это встрѣчаемое въ этой книгѣ показываетъ въ ней плодъ долгой, усердной, всесторонней разработки богословскихъ познаній".

Хомякову вообще не везло. Въ томъ же 1848 году онъ написалъ: *Нѣсколько словъ по случаю Гумбольдта.* Желая эту статью напечатать въ *Москвитянинѣ*, онъ, 23-го ноября того же года, писалъ Погодину изъ своего села Богучарова: „Постарайся ее втиснуть въ журналъ твой, то-есть, протиснуть сквозь цензуру. Я думаю, что она не только совершенно невинна, но еще совершенно похвальна въ смыслѣ правительственномъ, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ нашихъ судей?..."

Къ сожалѣнію, цензура не была того же мнѣнія. Въ январѣ 1849 года цензоръ В. Н. Лешковъ представилъ въ Московскій цензурный комитетъ донесеніе слѣдующаго содержанія: „Съ цѣлью помѣщенія въ *Москвитянинѣ* поступила на разсмотрѣніе статья безъ особаго названія, написанная, какъ ему извѣстно, Хомяковымъ. Авторъ этой статьи касается современныхъ событій Западной Европы, доказывая ихъ необходимость, — говоритъ объ отношеніи христіанства къ государственному праву и, наконецъ, проводитъ параллель между Западною Европою и Россіею, которая хотя къ чести Россіи, но касается всѣхъ вопросовъ воспитанія народнаго и просвѣщенія, не говоря уже объ отдѣльныхъ выраженіяхъ слишкомъ яркихъ, напримѣръ, Русскій вигизмъ и т. п.". Вслѣдствіе всего

этого затрудняясь одобрить означенную статью къ напечатанію, цензоръ проситъ Комитетъ представить оную для разсмотрѣнія въ Главное Управленіе Цензуры.

Въ Главномъ Управленіи Цензуры къ статьѣ Хомякова отнеслись крайне строго. Одинъ изъ членовъ его представилъ *Мнѣніе о статьѣ*, въ которомъ заявляетъ: „Разсматриваемое сочиненіе и по формѣ, и по содержанію весьма странно. Оно не имѣетъ заглавія, и должно сознаться, что весьма трудно дать ей заглавіе по причинѣ разнородныхъ и не связныхъ между собою, даже противорѣчащихъ, мыслей, положеній, парадоксовъ. Слогъ тяжелый, темный, неудобопонятный. Содержаніе основывается на слѣдующемъ дерзкомъ и безразсудномъ положеніи: Россія находится въ несравненно болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ Англія, и вся наша дѣятельность есть безпрестанное подкапываніе нашихъ основъ. Этотъ ужасающій политическій порядокъ прикрытъ по мѣстамъ торжествомъ нашего Православія, въ противоположность тому, что на Западѣ религіозныя начала попраны. Сочинитель статьи, какъ призванный защитникъ Древней Руси, старается доказать воображаемую злобу и ненависть нашу къ старинѣ. Отъ того, по мнѣнію его, нѣтъ у насъ ни науки, ни искусства, ни общественной жизни... Послѣ изложенія переворотовъ на Западѣ говорится о раздорѣ, будто и у насъ наступившемъ. Какой раздоръ? Изъ предыдущаго можно полагать, что здѣсь разумѣется раздоръ началъ, элементовъ жизни, различныхъ слоевъ общества? Если это не сновидѣнье, то не вредный ли, смущающій каждаго парадоксъ? О великомъ преобразователѣ нашемъ сказано: „Много тяжелыхъ обвиненій падаетъ на память Петра“. — Развѣ все, совершающееся предъ нашими глазами, не продолженіе дѣлъ Петра I? Развѣ и реформа вылилась не изъ исторической потребности Руси?.. Въ мелочныхъ подражаніяхъ иностранцамъ сочинитель статьи видитъ Русскій вигизмъ, тогда какъ основанія нашего Православія и Самодержавія непреложны. Самая народность наша, наиболѣе высказывающаяся въ религіозныхъ и государственныхъ началахъ, вмѣстѣ съ

языкомъ и обычаями, утѣшительна для добросовѣстнаго мыслителя, потому что въ продолженіе тысячелѣтней политической жизни нашей она сохранилась въ народѣ, какъ святыня. Исключенія нѣсколькихъ личностей, увлекаемыхъ всѣмъ иностраннымъ, развѣ могутъ служить доказательствомъ? При этомъ исторія образованія каждаго народа представляетъ одинакія съ нашими заимствованія у народовъ, опередившихъ другихъ въ просвѣщеніи... Эти исключенія сочинитель статьи называетъ ожесточеннымъ антагонизмомъ противъ Русской земли, даже видитъ въ соотечественникахъ своихъ презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе всего народнаго. Это сущая клевета и злой протестъ Западу на себя самихъ. Авторъ доказываетъ ничтожество науки въ Россіи и ложное направленіе просвѣщенія. Сочинитель парадоксальной статьи утверждаетъ, что у насъ нѣтъ и искусства; этого мало: даже нѣтъ для насъ и прошедшаго. И этого мало: сочинитель идетъ далѣе, утверждая, что бытовыя наши отношенія, или простыя общественныя, не выражаютъ Русской жизни, что у насъ быть не можетъ внутренняго мира и внутренней полноты, что существуетъ злость на старую Русь. Тутъ же сочинитель самъ себѣ противорѣчитъ, какъ бы въ утѣшеніе говоря, что наука начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности Русской жизни". Мнѣнія свои критикъ заключаетъ такимъ приговоромъ: „Итакъ, я полагаю: 1) *Сомнѣнія*, касающіяся самыхъ важныхъ вопросовъ государственныхъ, ничѣмъ не разрѣшаемыя, ни въ какое время, а особенно въ нынѣшнее, къ *печатанію одобрены быть не могутъ*. Позволительно объ этомъ разсуждать на профессорской лекціи, а не въ журнальной статьѣ, которую вкривь и вкось толкуетъ толпа. 2) Нѣсколько словъ, сказанныхъ въ славу нашей народности, какъ бы для показанія благонамѣренности, не могутъ противодѣйствовать *опаснымъ парадоксамъ и противорѣчіямъ*, изъ коихъ состоитъ вся статья. 3) *Невозможность пропустить эту статью такъ очевидна*, что надобно удивляться, какъ Московскій цензурный комитетъ могъ въ этомъ усомниться".

На основаніи этого мнѣнія Уваровъ счелъ „неудобнымъ“ дозволить печатаніе въ *Москвитянинѣ* статьи Хомякова.

Между тѣмъ И. И. Давыдовъ писалъ Погодину изъ Петербурга (20-го марта 1849 г.): „О статьѣ Хомякова я слышалъ отъ Комовскаго и удивлялся, какъ вы хотѣли помѣстить ее въ *Москвитянинѣ*. Это бредъ безъ всякой связи и логики, гдѣ иногда блестятъ искры ума и то опасныя, не для освѣщенія, а какъ будто для поджиганья назначенныя. Берегитесь такихъ софизмовъ и не пускайте ихъ въ журналъ безъ строжайшаго досмотра“.

Само собою разумѣется, что Погодинъ не могъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ, и на возраженія его Давыдовъ (28-го апрѣля 1849 г.) отвѣчалъ: „Достоинствъ въ Хомяковѣ я не отвергаю, замѣтилъ только, что не люблю я умовъ разрушающихъ и ничего не зиждущихъ. Отрицаніе ведетъ къ ничтожеству; жизнь дается положительностью. Что̀ значитъ, не слышно С. П. Шевырева въ то время, когда ему надобно писать и писать“ [9]).

Погодинъ еще 1-го марта 1848 года въ своемъ *Дневникѣ* замѣтилъ: „Хомяковъ такой же младенецъ, какъ и Шевыревъ“.

Въ тишинѣ своего деревенскаго уединенія И. В. Кирѣевскій продолжалъ трудиться для своего будущаго философскаго сочиненія и съ этою цѣлью изучалъ творенія Святыхъ Отцовъ: „Ученіе о Святой Троицѣ“, говорилъ онъ, — „не потому только привлекаетъ мой умъ, что является ему какъ высшее средоточіе всѣхъ святыхъ истинъ, намъ Откровеніемъ сообщенныхъ, но и потому еще, что, занимаясь сочиненіемъ о Философіи, я дошелъ до того убѣжденія, что направленіе Философіи зависитъ въ первомъ началѣ своемъ отъ того понятія, которое мы имѣемъ о Пресвятой Троицѣ“.

Какъ извѣстно, Кирѣевскому не удалось окончить задуманнаго сочиненія; только часть его была напечатана въ *Русской Бесѣдѣ* 1856 года подъ заглавіемъ: *О возможности и необходимости новыхъ началъ для Философіи*. Хомяковъ, зная основную мысль своего друга, привѣтствовалъ въ 1848 году начало его труда слѣдующими вдохновенными строками:

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей —
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли эмпирей“.
Распусти жь свой парусъ бѣлый —
Лебединое крыло, —
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло!
И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

Въ сорока верстахъ отъ Долбина находится Козельская Оптина пустынь. Сюда не рѣдко уѣзжалъ Кирѣевскій и проводилъ здѣсь цѣлыя недѣли, душевно уважая многихъ старцевъ святой обители и особенно отца Макарія, своего духовнаго отца, бесѣды котораго онъ высоко цѣнилъ. Оптина пустынь, знаменитая въ округѣ благочестіемъ монашествующей братіи, извѣстна почти цѣлой Россіи изданіемъ многихъ переводовъ Святыхъ Отцовъ и другихъ назидательныхъ книгъ. Въ изданіяхъ этихъ и Кирѣевскій принималъ живѣйшее участіе: почти всѣ корректуры исправлялись въ его домѣ [10]).

Въ апрѣлѣ 1848 года Кирѣевскій писалъ Погодину: „Благодарю тебя, любезный Погодинъ, за твой *Москвитянинъ*. Я получилъ его въ день моего рожденья. Много тамъ есть хорошаго. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ, когда вверхъ дномъ ворочается весь міръ, Литература должна принять другой смыслъ. Между тѣмъ вотъ тебѣ просьба отъ меня и отъ жены: напиши еще разъ къ Иннокентію и къ Сербиновичу объ отцѣ Макаріи, потому что Орловскій архіерей распускаетъ слухъ, что онъ непремѣнно переведетъ къ себѣ отца Макарія и сильно объ этомъ хлопочетъ въ Сѵнодѣ. Но о. Макарій теперь такъ слабъ здоровьемъ, что долженъ былъ отказаться отъ указнаго духовничества. Сдѣлай одолженіе, не замедли, напиши посильнѣе. Я знаю, что когда нужно оказать дѣятельную помощь, ты долго не раздумываешь“. Съ

своей стороны и Н. П. Кирѣевская писала Погодину слѣдующее: „При свиданіи вашемъ съ С. П. Шевыревымъ, дружески прошу васъ, напоминайте ему почаще объ ускореніи изданія переводовъ старца Паѵсія, будьте въ этомъ святомъ полезномъ дѣлѣ дѣятельнымъ членомъ, — и вѣрьте, что тогда ваши всѣ дѣла потекутъ потокомъ благополучія".

Зиму 1848 года мать Кирѣевскаго А. П. Елагина прожила въ Москвѣ въ своемъ знаменитомъ домѣ у Красныхъ Воротъ въ приходѣ Трехъ Святителей. „Вѣроятно вы", писала Н. П. Кирѣевская Погодину, — „уже видѣли маменьку въ Москвѣ, она остановилась въ своемъ домѣ у Красныхъ Воротъ".

Подъ *2-мъ февраля 1848 г.* Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Елагинымъ, и радъ былъ увидить старый домъ. Какъ я приверженъ ко всему старому". Осенью же 1848 года и самъ И. В. Кирѣевскій переѣхалъ на жительство въ Москву, и его мать писала Погодину: „Навѣщайте его почаще, не давайте уединяться. О томъ же прошу Гоголя, которому скажите мой дружескій поклонъ... Старость почиталась прежде Божіимъ благословеніемъ, а теперь выходитъ наказаніемъ, гнѣвомъ. Но вездѣ Богъ и на крестѣ, и въ воскресеніи" [11]). Эти слова матери коментируются, до извѣстной степени, слѣдующими строками изъ письма Хомякова къ А. Н. Попову: „Мнѣ тяжело видѣть въ комъ бы то не было изъ нашихъ душевныхъ друзей что́ бы то ни было, напоминающее мнѣ духовное состояніе И. В. Кирѣевскаго" [12]).

Между тѣмъ Погодинъ покушался вызвать Кирѣевскаго къ печатной дѣятельности и по этому поводу писалъ Шевыреву: „Заѣзжай къ Кирѣевскому и потолкуй ему и ей, что все народонаселеніе сѣверное, тобой посѣщенное, ожидаетъ отъ него обѣщанной имъ въ *Москвитянинѣ* православной статьи, иначе склонится къ католичеству,—что на немъ лежитъ долгъ, и совѣстно не заплатить его, — что иначе для чего же бы ему и выздоровѣть: не для одного семейства живемъ мы, и проч. Скрывый свой талантъ".

Съ 1839 года И. В. Кирѣевскій былъ почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзднаго училища. „Онъ", по свидѣтельству М. А. Максимовича, — „принялъ это мѣсто не для того, чтобы считаться на службѣ и ежегодно жертвуя небольшую сумму денегъ, получать чины, но добросовѣстно исполнялъ свою должность, слѣдилъ за направленіемъ и ходомъ преподаванія и принималъ живое участіе въ успѣхѣ учениковъ" [13]). Душѣ его было чуждо честолюбіе, но не чуждо оно было его супругѣ. Предъ отъѣздомъ въ Москву она стала хлопотать о награжденіи чиномъ мужа своего. „Къ Веневитинову потрудитесь написать только", писала она Погодину,—„чтобы онъ сдѣлалъ все для *ускоренія производства Кирѣевскаго съ слѣдующимъ Кирѣевскому старшинствомъ*. Бумаги всѣ, какія для производства въ чинѣ нужны, посланы къ Министру съ представленіемъ Кирѣевскаго въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года отъ директора Тульской гимназіи г. Иванова. Теперь только дѣло попросить объ ускореніи производства съ должнымъ старшинствомъ. Благодарю васъ сердечно за вашу дружескую, обязательную готовность быть всегда полезнымъ, вы дѣломъ исполняете Евангельскую заповѣдь: *Болши сея любве никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя.* Прошу Бога дать и мнѣ возможность быть вамъ на что-нибудь полезной—въ этомъ было бы мое истинное утѣшеніе. Простите покуда, надѣюсь на удовольствіе скоро съ вами видѣться. Не правда ли?" — По пріѣздѣ въ Москву Н. П. Кирѣевская спрашивала Погодина: „Удалось ли вамъ производство въ чинъ моего благовѣрнаго?" Съ своей стороны Погодинъ обратился за содѣйствіемъ къ И. И. Давыдову, который 12-го декабря 1848 года отвѣчалъ: „По запискѣ о Кирѣевскомъ справка будетъ сдѣлана въ Департаментѣ, и тогда увѣдомлю васъ о результатѣ". Тѣмъ дѣло, кажется, и кончилось, не получивъ дальнѣйшаго теченія, ибо въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія мы не нашли и слѣда по этому дѣлу. Но въ томъ же письмѣ И. И. Давыдовъ сообщалъ Погодину, что „въ 10-й день текущаго де-

кабря 1848 года, Государь Императоръ пожаловалъ мнѣ орденъ святыя Анны первой степени. Такъ за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“ [14]).

II.

По общему признанію современниковъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей умственнаго движенія въ Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ младшій братъ Ивана, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ нашему высшему обществу. Располагая значительнымъ наслѣдственнымъ достояніемъ, онъ получилъ образованіе въ знаменитыхъ Германскихъ университетахъ, владѣлъ семью Европейскими языками, и это духовное богатство и роскошь просвѣщенія спасли его отъ рабства, по выраженію Пушкина, предъ *чужеземнымъ идеологизмомъ* и укрѣпили въ его сердцѣ благоговѣніе къ основамъ нашей Русской жизни.

По свидѣтельству Ѳ. В. Чижова, Кирѣевскій сумѣлъ страстно полюбить Русскую народность во всей ея первобытности и простотѣ и не гнушался ею въ ея нищенской одеждѣ; онъ относился къ простому нищему брату точно такъ же, какъ къ ученому, богатому, сильному.

„Съ палкою въ рукѣ и котомкою на плечахъ“ отправился Кирѣевскій странствовать пѣшкомъ по нашимъ селамъ и деревнямъ, вдали отъ большихъ дорогъ, туда, гдѣ слѣды старины сохранились живѣе и ярче, неутомимо собирая народныя пѣсни, пословицы, сказанія, изучая народный бытъ и нравы, стараясь разглядѣть и понять обломки давно прошедшей народной Русской жизни.

Языковъ привѣтствовалъ такое подвижничество своего друга вдохновенными стихами:

Своенародности подвижникъ просвѣщенный,
Съ ученымъ фонаремъ Исторіи смиренно
Ты древле-Русскіе обходишь города.

Пушкинъ, на своемъ брачномъ вечерѣ, въ 1831 году, бесѣдуя съ юнымъ тогда княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ о древнихъ Русскихъ пѣсняхъ, говорилъ ему, что *дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Петра Кирѣевскаго* [15]).

Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ Ѳ. И. Буслаевъ, посѣтивъ Кирѣевскаго, увидѣлъ у него „большую деревенскую коробью подъ замкомъ“ и полюбопытствовалъ спросить: „Какое сокровище хранитъ онъ такъ бережно взаперти и всегда передъ своими глазами?“ Кирѣевскій отвѣчалъ: „Здѣсь хранятся народныя пѣсни, былины и духовные стихи, которые много лѣтъ я собиралъ повсюду, гдѣ случалось бывать. Между ними много и такихъ пѣсенъ, которыя записаны моими друзьями и знакомыми. Вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ“ [16]).

Въ тридцатыхъ годахъ Погодинъ велъ съ П. В. Кирѣевскимъ „нескончаемые толки о его собраніи Русскихъ пѣсенъ и Новгородскомъ нарѣчіи“. Европейская наука, въ лицѣ знаменитаго Шафарика, въ 1836 году обратилась къ Погодину съ запросомъ: „Что дѣлаетъ П. В. Кирѣевскій съ своимъ собраніемъ Русскихъ пѣсенъ? Ради Бога, не долженъ онъ долѣе откладывать. Время летитъ. Мы желаемъ воспользоваться этимъ сокровищемъ, пока живы. Еслибы теперь, при сочиненіи моихъ *Древностей*, были у меня эти пѣсни, въ какомъ иномъ видѣ появились бы нѣкоторыя части ихъ“. И нашъ извѣстный ученый М. А. Максимовичъ въ 1840 году изъ Кіева спрашивалъ Погодина: „Печатаетъ ли Петръ Кирѣевскій свои пѣсни?“ На что Погодинъ и отвѣчалъ: „Петръ купилъ бумаги на пѣсни и сговорился съ Степановымъ, а начинать не начинаетъ“. Въ 1841 году Погодинъ, печатая въ *Москвитянинѣ* Вологодскія пѣсни, собранныя П. И. Савваитовымъ, заявилъ: „Издатель *Москвитянина* въ тщетномъ доселѣ ожиданіи драгоцѣннаго собранія П. В. Кирѣевскаго предпринимаетъ самъ изданіе народныхъ Русскихъ пѣсенъ, котораго настоятельно требуютъ всѣ Словенскіе литераторы, въ которомъ нуждается

Русская Словесность, Филологія, Археологія... Пѣсни — это наше сокровище, которымъ мы должны гордиться предъ всѣми Европейскими народами, исторія нашихъ чувствованій,—свѣтлая часть нашей исторіи, залогъ національности, драгоцѣнный памятникъ и вмѣстѣ источникъ народной Поэзіи, предъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ доселѣ знаменитыя Англійскія, Нѣмецкія, Французскія, Итальянскія подражанія. Всякую медленность въ этомъ дѣлѣ *Издатель Москвитянина* считаетъ гражданскимъ преступленіемъ".

По настоянію друзей и брата Ивана Васильевича П. В. Кирѣевскій рѣшился наконецъ приступить къ печатанію своего собранія. Въ 1844 году И. В. Кирѣевскій писалъ своему брату: „Если Министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а что весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя пѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи... Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ"[17]).

Наконецъ, въ 1848 году, въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* появилась часть многоцѣннаго собранія подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Русскія народныя пѣсни, собранныя Петромъ Кирѣевскимъ.* Каждое слово собирателя драгоцѣнно, а потому сообщимъ его предисловіе къ этимъ пѣснямъ:

„Едва ли есть въ мірѣ народъ пѣвучѣе Русскаго. Во всѣхъ почти минутахъ жизни Русскаго крестьянина, и одинокихъ и общественныхъ, участвуетъ пѣсня; почти всѣ свои труды, и земледѣльческіе, и ремесленные, онъ сопровождаетъ пѣснью.

Онъ поетъ, когда ему весело; поетъ, когда ему грустно. Когда общее дѣло, или общая забава соединяетъ многихъ, — пѣсня раздается звучнымъ хоромъ; за одинокимъ трудомъ, или раздумьемъ, ея мелодія, полная души, переливается одиноко. Поютъ всѣ: и мужчины и женщины, и старики и дѣти. Ни одинъ день не пройдетъ для Русскаго крестьянина безъ пѣсни: всѣ замѣчательныя времена его жизни, выходящія изъ ежедневной колеи, также сопровождены особенными пѣснями. На всѣ времена года, на всѣ главные праздники, на всѣ главныя событія семейной жизни, есть особыя пѣсни, носящія на себѣ печать глубокой древности; и особенно тамъ, гдѣ меньше чувствительно городское вліяніе; Русскій крестьянинъ, — вѣрная отрасль своихъ предковъ, не отступившій отъ нихъ даже и въ мелкихъ подробностяхъ своего домашняго быта, — до сихъ поръ поетъ эти древнія пѣсни, потому что онѣ вполнѣ сливаются съ его чувствомъ и съ его обычаемъ, также какъ выражали чувство и обычай его прапращура. Онъ дорожитъ своими пѣснями: можно сказать, что онѣ составляютъ любимую и лучшую утѣху его простой жизни.

„Поэтому не удивительно, что Русскихъ народныхъ пѣсенъ существуетъ необъятное множество, очень разнообразное и по содержанію, и по напѣвамъ.

„Не буду говорить объ ихъ красотѣ, уже давно признанной; ни объ ихъ важности для Русскаго языка и вообще для русской народности: въ этомъ также ни одинъ просвѣщенный человѣкъ не сомнѣвается. Но считаю нужнымъ обратить вниманіе особенно на одно обстоятельство, важность котораго оцѣнить, вѣроятно, не всѣмъ было возможно.

„Не смотря на то, что пѣсни имѣютъ такое значеніе въ жизни Русскаго народа, нельзя не признать мрачной истины, въ которой убѣдило меня многолѣтнее занятіе этимъ предметомъ, что вся ихъ красота, все, что составляетъ существенное достоинство ихъ характера, — уже старина, и что эта старина уже не возрождается въ новыхъ, себѣ подобныхъ отрасляхъ, какъ было въ продолженіе столькихъ вѣковъ.

Не удивительно, если тѣ, которые слыхали Русскія пѣсни только въ городахъ, или по большимъ дорогамъ, мало дорожатъ ими: это новое поколѣніе пѣсенъ, начинающее вытѣснять прежнія, въ самомъ дѣлѣ недостойно того, чтобы имъ дорожить, хотя и очень достойно вниманія. Настоящую, прекрасную Русскую пѣсню должно искать въ глуши, въ далекѣ отъ городовъ и отъ средоточій промышленной дѣятельности. Вездѣ, гдѣ коснулось деревенскаго быта вліяніе городской моды, соразмѣрно съ этимъ вліяніемъ уродуется и характеръ пѣсни: вмѣсто прежней красоты и глубины чувства встрѣчаете безобразіе нравственной порчи, выраженное въ безсмысленномъ смѣшеніи словъ, частью перепутанныхъ изъ старой пѣсни, частью вновь нестройно придуманныхъ; вмѣсто прежней благородной прямоты—ужимистый характеръ сословія лакейскаго.

„Русскія пѣсни можно сравнить съ величественнымъ деревомъ, еще полнымъ силы и красоты, но уже срубленнымъ: безчисленныя вѣтви этого дерева еще покрыты свѣжей зеленью; его цвѣты и плоды еще благоухаютъ полнотой жизни, но уже нѣтъ новыхъ отпрысковъ, нѣтъ новыхъ завязей для новыхъ цвѣтовъ и плодовъ. А между тѣмъ прежніе плоды уже на многихъ вѣтвяхъ начинаютъ преждевременно сохнуть; уже многіе изъ прежнихъ листьевъ и цвѣтовъ начинаютъ облетать, или глохнуть подъ блѣдной зеленью паразитныхъ растеній. Таково отношеніе Русскихъ пѣсенъ къ нашей новѣйшей, искусственной и подражательной литературѣ и къ начинающимъ ходить въ народѣ новымъ пѣснямъ, носящимъ на себѣ ея отпечатокъ.

„Не здѣсь мѣсто углубляться въ причины этого явленія. Но въ его присутствіи легко убѣдится всякій, кто хотя нѣсколько вникнетъ въ этотъ предметъ.

„Собраніе Русскихъ народныхъ пѣсенъ, предлагаемое здѣсь читателямъ, составлялось въ продолженіе многихъ лѣтъ. Начало ему было положено еще въ 1830 году; но небольшое количество пѣсенъ, тогда мною собранныхъ, по непредви-

дѣнному случаю, пропало; въ 1831 — 32 гг. я снова принялся записывать пѣсни съ голоса крестьянъ Московской губерніи; но еще бѣдно было мое собраніе, и нѣтъ сомнѣнія, что у меня бы не стало ни силъ, ни средствъ довести его до того значительнаго объема, котораго оно, наконецъ, достигло, еслибъ это предпріятіе не было поддержано и одушевлено дружбою незабвеннаго Языкова. Живое участіе въ моемъ собраніи принялъ покойный Н. М. Языковъ: онъ и его семья доставили мнѣ огромное, драгоцѣнное собраніе пѣсенъ, записанныхъ ими изъ устъ народа въ Симбирской и Оренбургской губерніяхъ; его имя дало этому предпріятію извѣстность; его одушевленному сочувствію я обязанъ многими внутренними силами. Ему принадлежитъ главная честь этого дѣла.

„Въ 1834 г., имѣя въ рукахъ уже довольно значительное собраніе и желая соединить въ немъ сколько можно больше пѣсенъ съ различныхъ концовъ Россіи, я нарочно съ этою цѣлью путешествовалъ по уѣздамъ: Новогородскому, Валдайскому, Демянскому и Осташковскому (въ старину принадлежавшему также къ области Новогородской); тамъ я также собралъ значительное число пѣсенъ, особенно замѣчательныхъ по своему нарѣчію. Такимъ образомъ собраніе мое еще много возрасло въ объемѣ. И съ тѣхъ поръ (не смотря на многіе продолжительные перерывы, которые приводили за собою обстоятельства жизни) я продолжалъ дополнять свое собраніе во время многочисленныхъ моихъ переѣздовъ по различнымъ сторонамъ Россіи (хотя и не могъ уже путешествовать исключительно для этой цѣли).

„Между тѣмъ мое собраніе пріобрѣло нѣкоторую извѣстность, и многіе друзья Русской народности сообщали мнѣ пѣсни изъ различныхъ концовъ Россіи, записанныя ими прямо съ голоса (иногда въ небольшихъ, иногда въ большихъ собраніяхъ). Считаю долгомъ искренно благодарить ихъ за ихъ содѣйствіе.

„Богатые матеріалы, положившіе основу моему собранію, получилъ я изъ Симбирской и Оренбургской губерній отъ

Н. М. Языкова, П. М. Языкова, А. М. Языкова, Н. А. Языковой, Е. П. Языковой, П. М. Бестужевой, Ек. М. Хомяковой и Д. А. Валуева. — А. С. Пушкинъ, еще въ самомъ почти началѣ моего предпріятія, доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи; А. Х. Востоковъ сообщилъ мнѣ списокъ съ любопытнаго рукописнаго собранія народныхъ стиховъ, хранящагося въ Румянцовскомъ Музеѣ; Н. В. Гоголь сообщилъ мнѣ тетрадь пѣсенъ, собранную въ различныхъ мѣстахъ Россіи; М. П. Погодинъ, кромѣ многихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ изъ различныхъ сторонъ Россіи, доставилъ мнѣ значительныя собранія гг. Тихомірова и Перевлѣсскаго, составленныя въ губерніяхъ Рязанской и Тверской; И. М. Снегиревъ—прекрасное собраніе пѣсенъ Тверской и Костромской губерній; С. П. Шевыревъ — собраніе пѣсенъ, записанныхъ имъ въ Саратовской губерніи; В. М. Рожалинъ — значительное собраніе пѣсенъ Орловской губерніи; А. Н. Поповъ — собраніе пѣсенъ Рязанской губерніи; К. Д. Кавелинъ — собраніе пѣсенъ Тульскихъ и Нижегородскихъ; В. А. Трубниковъ — прекрасное собраніе пѣсенъ Танбовскихъ; Д. П. Ознобишинъ — собраніе свадебныхъ пѣсенъ Псковской губерніи; А. Ѳ. Вельтманъ — весьма замѣчательное собраніе пѣсенъ изъ Калужской губерніи; В. И. Даль — собраніе пѣсенъ Уральскихъ; И. И. Клементьевъ — собраніе пѣсенъ Владимірской губерніи; А. В. Кольцовъ — собраніе пѣсенъ Воронежской губерніи; Ю. П. Гудвиловичъ — весьма замѣчательное собраніе пѣсенъ Минской губерніи; С. А. Соболевскій, неоднократно содѣйствовавшій моему предпріятію, доставилъ мнѣ любопытное собраніе Сопикова, который было приготовилъ къ изданію большое собраніе *Пѣсенъ* и *Романовъ*, гдѣ, между прочимъ, соединены всѣ почти пѣсни народныя, разбросанныя по стариннымъ пѣсенникамъ.

„Кромѣ названныхъ мною здѣсь почтенныхъ участниковъ и участницъ моего труда, содѣйствовавшихъ мнѣ значительными вкладами, очень многіе доставляли мнѣ народныя пѣсни, хотя въ небольшомъ количествѣ, записанныя ими съ голоса

въ различныхъ концахъ Россіи; и эти пѣсни, въ своей сложности, много увеличили мое собраніе. Съ благодарностью долженъ я упомянуть имена: П. А. Улыбышевой, Н. П. Кирѣевской, М. А. Воейковой, Е. И. Поповой, Д. А. Путилова, М. А. Стаховича, И. С. Савинича и М. А. Максимовича, участвовавшихъ въ моемъ собраніи.

„Такимъ образомъ не осталось почти ни одной изъ Великорусскихъ губерній, которая не отозвалась бы въ этомъ собраніи хотя нѣсколькими пѣснями. Но въ составъ его вошли только пѣсни *чисто-народныя*; такъ-называемые романсы и поддѣлки подъ народный ладъ остались ему чужды. Небольшое количество пѣсенъ, *чисто-народныхъ*, я счелъ нужнымъ помѣстить здѣсь частью изъ печатныхъ старинныхъ пѣсенниковъ, гдѣ онѣ таились среди хлама авторскихъ романсовъ, частью изъ нѣкоторыхъ журналовъ и книгъ, вообще чуждыхъ имъ по своему предмету и куда онѣ попали случайно; впрочемъ, я не касался тѣхъ изданій, которыя либо исключительно посвящены народнымъ пѣснямъ, либо относятся прямо къ нашему простонародному быту; въ нихъ читатель самъ можетъ удобно найти дополненіе къ моему собранію. Но пѣсенъ, уже бывшихъ въ печати, какъ я сказалъ, въ моемъ собраніи немного: почти все оно состоитъ изъ пѣсенъ, записанныхъ прямо съ голоса. О каждой пѣснѣ указано будетъ, откуда она взята, въ какомъ уѣздѣ и часто даже въ какой деревнѣ поется.

„Я еще буду имѣть случай, при выходѣ въ свѣтъ прочихъ частей собранія, обратить вниманіе читателей на многія особенности этого предмета; теперь скажу только нѣсколько словъ о I-й части, заключающей въ себѣ *Русскіе народные стихи*.

„*Стихами* называются въ народѣ пѣсни духовнаго содержанія, но также *пѣсни чисто-народныя*. Это не церковные гимны и не стихотворенія, составленныя духовенствомъ въ назиданіе народа, а плоды народной фантазіи, носящіе на себѣ и всѣ ея отпечатки. На духовныхъ предметахъ сосредоточивается коренная, задушевная любовь нашего народа; мысли

его почти всегда обращены къ предметамъ духовнымъ; и потому естественно, что онъ, часто воспѣвая святые гимны, слышанные имъ въ церкви, любитъ, въ простотѣ своей, украшать предметы священные своими полевыми цвѣтами. Разумѣется, что отъ этихъ простодушныхъ изліяній народнаго чувства нельзя требовать ни догматической точности, ни соотвѣтственности выраженія съ важностью предмета; но должно имъ отдать справедливость, что всѣ они проникнуты чувствомъ искренняго благочестія. А потому и ошибки ихъ, ненамѣренныя, конечно, никого не введутъ въ соблазнъ, тѣмъ больше, что и самые простолюдины строго отличаютъ эти плоды своей фантазіи отъ ученія церковнаго. *Стихи* поются по домамъ, особенно стариками, а часто и хоромъ всей семьи, во время постовъ, когда народъ считаетъ за грѣхъ пѣть обыкновенныя пѣсни; но особенно сохраняются они въ устахъ нищихъ слѣпцовъ, ходящихъ, какъ древніе рапсоды Греческіе, изъ края въ край и поющихъ народу эти *Стихи*, имъ такъ любимые“ [18]).

III.

По стопамъ П. В. Кирѣевскаго выступилъ студентъ Московскаго университета Павелъ Ивановичъ Якушкинъ.

Помянемъ и его.

П. И. Якушкинъ родился въ 1820 году, въ имѣніи своихъ родителей Сабуровѣ Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Родъ его принадлежитъ къ старинному дворянству, записанному въ шестой части Дворянской Родословной книги, Смоленской губерніи. Отецъ его Иванъ Андреевичъ приходился роднымъ дядей извѣстному декабристу Ивану Дмитріевичу Якушкину. Онъ служилъ въ гвардіи и по выходѣ въ отставку жилъ постоянно въ деревнѣ. Женатъ онъ былъ на своей крестьянкѣ Прасковьѣ Фалеевнѣ. По свидѣтельству лицъ ея знавшихъ, женщина эта „пользовалась общимъ глубокимъ уваженіемъ, внушаемымъ ея безконечной добротой,

свѣтлымъ умомъ и сердечностью". По замѣчанію С. В. Максимова, Прасковья Фалеевна, „по Русскому народному закону, во вдовствѣ своемъ проявила еще бо̀льшія умственныя способности и высокія нравственныя и практическія качества". По смерти мужа оставшееся послѣ него имѣніе она не только не разстроила, но привела въ наилучшее состояніе.

Благодаря этому счастливому обстоятельству П. Ф. Якушкина получила возможность дать образованіе шестерымъ своимъ сыновьямъ. Второй сынъ ея Павелъ, по окончаніи курса въ Орловской гимназіи, поступилъ въ 1840 году въ Московскій университетъ на математическій факультетъ, слушалъ его довольно успѣшно, такъ что былъ уже на четвертомъ курсѣ; но встрѣча съ Погодинымъ и П. В. Кирѣевскимъ измѣнила судьбу его и увлекла на то поприще, на которомъ имя свое сдѣлалъ онъ извѣстнымъ въ Исторіи Русской Литературы. Народный бытъ сталъ любимымъ предметомъ его изученія. По свидѣтельству С. В. Максимова, Якушкинъ, „узнавъ, что П. В. Кирѣевскій собираетъ народныя пѣсни, записалъ одну и отправилъ къ собирателю съ товарищемъ, нарядившимся лакеемъ. Кирѣевскій за эту пѣсню выдалъ пятнадцать р. асс. Якушкинъ вскорѣ повторилъ опытъ и на третій разъ получилъ уже отъ собирателя приглашеніе познакомиться. Пѣсни были неподдѣльнаго народнаго творчества, взятыя не изъ того источника, которымъ пробавлялась столичная публика при помощи Цыганъ и военныхъ запѣвалъ на народныхъ гуляньяхъ и кутежахъ. Чуткій къ способностямъ Якушкина, Кирѣевскій на собственный счетъ задалъ ему такую работу, которая наиболѣе соотвѣтствовала дарованіямъ неудавшагося математика. Кирѣевскій отправилъ его для изслѣдованія въ сѣверныя Поволжскія губерніи, разомъ на ту дорогу, которая оказалась потомъ настоящею, и на которой Якушкинъ и получилъ литературную извѣстность".

Съ своей стороры и Погодинъ желалъ оказать содѣйствіе Якушкину. Въ нашихъ рукахъ имѣется нижеслѣдующее наставленіе Погодина, преподанное Якушкину *въ сороковыхъ*

годахъ о собираніи пѣсенъ и разныхъ этнографическихъ свѣдѣній. „Вы рѣшились приступить немедленно къ исполненію вашего намѣренія, любезный молодой человѣкъ—путешествовать по Россіи. Мнѣ очень жаль, что вы не хотите кончить курса въ Университетѣ, не находя въ себѣ силы заниматься предметами, для васъ непріятными. Внутреннее чувство, говорите вы, влечетъ васъ необоримо въ путь: послѣ тщетныхъ увѣщаній, пишу вамъ краткое наставленіе, на что должно обращать вниманіе, чтобъ извлечь какъ можно болѣе пользы изъ вашихъ поисковъ и искупить вину вашего малодушія. Жалѣю, что не имѣю времени писать подробно и обстоятельно: набрасываю, чтó и какъ приходитъ въ голову на память...

„Первая цѣль ваша—собирать народныя пѣсни. Вы должны имѣть съ собою сборники Новиковскій и Сахаровскій и придѣлать къ нимъ каталогъ по азбучному порядку для облегченія справокъ. Слушая пѣсни изъ устъ народныхъ, вы будете отмѣчать варіанты къ напечатаннымъ, записывая гдѣ что именно вы услышите. Новыя пѣсни вы будете записывать также въ азбучномъ порядкѣ, какъ онѣ пропоются или проговорятся передъ вами, безъ всякихъ поправокъ, безъ всякихъ умолчаній. Записывая пѣсни, вы будете имѣть случай замѣчать разницу въ выговорѣ, разницы очень важныя, кои могутъ вмѣстѣ съ другими признаками, болѣе или менѣе существенными, содѣйствовать впослѣдствіи къ опредѣленію нарѣчій и поднарѣчій, а сіи къ разграниченію племенъ и удѣльныхъ княжествъ, а, пожалуй, и нѣкоторыхъ губерній. Вы помните, что отецъ Словенской грамматики Добровскій въ звукѣ *о* и *а* (роз и раз) видѣлъ одно изъ основаній, по которому дѣлилъ племена Словенскія на восточныя и западныя; *о* и *а*—важные признаки говоровъ: гдѣ говорятъ на *а*, какъ въ Москвѣ, и гдѣ на *о*, какъ въ Костромѣ и проч. Такъ буква *г*, остро или мягко выговариваемая, твердое или мягкое окончаніе глаголовъ въ третьемъ лицѣ настоящаго времени пишетъ и пишеть, пишутъ и пишуть. Отчего Малороссіяне выговариваютъ *хв*, гдѣ мы выговариваемъ *ф*, и на оборотъ выговари-

ваютъ *ф*, гдѣ *хв*? Мы говоримъ *хв*алить, а они *ф*алить; мы говоримъ *ф*илософія, а они *хв*илософія. Одна ясная отмѣна вызоветъ ваше вниманіе и къ другимъ, а совокупность такихъ отмѣнъ приведетъ непремѣнно къ общимъ заключеніямъ. Чуть только что-либо особенное коснется вашего слуха въ какомъ-нибудь словѣ, не только въ часто повторяющейся формѣ, тотчасъ кладите это на бумагу, и пуще не хлопочите объяснять себѣ эти различія, распредѣлять ихъ по родамъ и видамъ. Для этой работы вы еще не созрѣли, довольно и предовольно съ васъ теперь собирать матеріалы, указывать, а со временемъ, можетъ быть, придется вамъ и обработывать ихъ. Перечтите замѣчанія Шафарика въ его Словенскомъ народописаніи, чтобъ пріучиться къ наблюденіямъ этого рода.

„Изъ пѣсенъ дорожите больше всего историческими: чѣмъ онѣ рѣже встрѣчаются въ народѣ, тѣмъ онѣ драгоцѣннѣе. Но онѣ ведутся—это я знаю навѣрное. У меня записано, напримѣръ, въ памятной книжкѣ, объ одномъ мѣщанинѣ или ямщикѣ въ Богородскѣ, который знаетъ нѣсколько пѣсенъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Въ Вологдѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Архангельской губерніи поются еще пѣсни о Святомъ Володимерѣ, какъ увѣряли меня тамошніе жители. Нѣсколько пѣсенъ даже было ко мнѣ прислано. Еще записанъ у меня какой-то крестьянинъ Ефремъ Романовъ, знающій наизусть многія пѣсни, записанныя у Кирши Данилова, но гдѣ онъ живетъ, не могу припомнить.

„Послѣ историческихъ второе мѣсто занимаютъ пѣсни обрядныя, напримѣръ, святочныя, съ явственными признаками язычества. Шафарикъ увѣрялъ меня, что онъ во многихъ нашихъ пѣсняхъ видитъ слѣды глубокой древности. Онъ глубоко сожалѣетъ, что нашъ любезный Петръ Васильевичъ Кирѣевскій медлитъ изданіемъ своего драгоцѣннаго собранія.

„Наконецъ, обратите вниманіе на стихи духовные, которыхъ у насъ множество,—и есть превосходные. Всякій слѣпецъ на ярмаркѣ, или среди монастырскаго гулянья, напоетъ вамъ цѣлую тетрадь.

„Для пѣсенъ, равно какъ и для прочихъ вашихъ цѣлей, вы должны стараться быть какъ можно дальше отъ городовъ и и большихъ дорогъ, путей такъ называемой цивилизаціи съ ея развратами. Нигдѣ не говорите, что вы пріѣхали съ такою-то цѣлію — собирать пѣсни, или что-нибудь другое. Исподволь, нечаянно, между дѣлъ, вы должны достигать ея, не показываясь умникомъ, не смущаясь никакою глупостью или пошлостью. Мнѣ кажется, всего бы лучше, еслибъ вы отростили себѣ бороду, надѣли кумачную рубашку съ косымъ воротникомъ, подпоясали кафтанъ кушакомъ, да запаслись разнымъ мелочнымъ товаромъ: серьгами, кольцами, бусами, тесемками, лентами, баранками, пряниками и пустились торговать по селамъ. Тогда вы получили бы самый лучшій предлогъ начинать знакомство съ сельскими пѣвцами. Иначе мудрено собирать пѣсни.—Впрочемъ лучше всего научитъ васъ опытъ...“

„На этихъ словахъ“, говоритъ Погодинъ,—„прервался мой набросокъ: вѣроятно, Якушкинъ поспѣшилъ выѣхать изъ Москвы, и я не успѣлъ докончить своего письма къ нему. На поляхъ остался у меня также набросанный списокъ предметовъ, на которые я хотѣлъ обратить его вниманіе. Передамъ его здѣсь— можетъ быть, найдутся желающіе развить и распространить его для путешественниковъ-наблюдателей: Пѣсни. Напѣвы. Ноты. Духовные стихи. Сказки. Пословицы. Поговорки. Преданія. За́говоры. Пригово́ры. Причитанія. Прозвища. Собственныя имена мѣстъ, урочищъ и лицъ не изъ обыкновенныхъ (въ собственныхъ именахъ таится много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для важнѣйшихъ изслѣдованій науки по многимъ вопросамъ). Особыя формы этимологическія и синтаксическія. Ударенія. Произношеніе: Выговоръ. Мѣстныя слова. Названія звѣздъ, травъ, лѣкарствъ. Слова, относящіяся къ погодѣ, лѣсу, полю, водѣ, полевымъ работамъ, охотѣ, рыбной ловлѣ, постройкамъ (избамъ, клѣтямъ, сараямъ, гумнамъ, хоромамъ). Словарь плотниковъ, печниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, обручниковъ, бочаровъ, колесниковъ. Разсказы о

мертвецахъ, разбойникахъ, кладахъ, чудесахъ, колдунахъ, обморокахъ, лѣшихъ, домовыхъ, мельникахъ, лѣсникахъ, старостахъ, попахъ, господахъ, холопяхъ, управленіи, старинѣ. Духъ народный, нравы по мѣстамъ, желанія.

„Сельская жизнь. Занятія по временамъ года. Распредѣленіе работы. Отдыхи. Мірскія сходки. Гулянья. Посидѣлки. Предметы разговоровъ. Чтò гдѣ крестьянинъ дѣлаетъ для себя, чтò покупаетъ. Свадьбы съ подробнымъ описаніемъ обрядовъ. Сговоры и дѣвичники. Крестины. Похороны. Поминанья общія и частныя.

„Обычаи и обряды. Понятія о правѣ. Родственныя связи.

„Сны и ихъ толкованія, аналогіи, противоположности. Примѣты къ добру и худу, къ войнѣ и рекрутству, къ урожаю и голоду. Примѣты о погодѣ, о холодѣ и теплѣ, о временахъ года, о дняхъ. Слышать о покойникѣ. Получать деньги. Легкіе и нелегкіе дни. Счастливыя и несчастливыя встрѣчи. Сглазыванье и примѣры. Легкая рука. На роду̀ написано. Счастливцы и несчастливцы, въ сорочкѣ родился и проч. Колдуны и знахари. Колдуньи. Кликуши.

„Гаданья святочныя. Отворачивать глаза. Приворотить кого къ кому.

„Народная медицина: въ народѣ извѣстно множество драгоцѣнныхъ средствъ, сохраняющихся по преданію отъ глубокой древности. Имена болѣзней и припадковъ, цѣлебныя свойства травъ и проч.

„Описаніе жилищъ по разнымъ мѣстностямъ, напримѣръ, въ Москвѣ и Архангельскѣ, Рязани и Вологдѣ, Новѣгородѣ и Черниговѣ. Утварь, посуда.

„Пища по всѣмъ временамъ года.

„Одежда также, лѣтняя и зимняя.

„Городища, курганы, находимыя вещи. Гдѣ онѣ? Примѣты древнихъ поселеній, церквей и монастырей. Преданія. Вообще старые церкви и дома, примѣчательные по своей оригинальности. Иконостасы. Образа. Утвари. Собирать свѣдѣнія о рукописяхъ, особенно харатейныхъ старопечатныхъ книгахъ.

Записывать, гдѣ что есть или слышно о древнихъ монетахъ, иконахъ, деревянныхъ крестахъ и образкахъ каменныхъ, мѣдныхъ, вообще о древнихъ вещахъ. Узнавать имена знатоковъ и охотниковъ и объ ихъ собраніяхъ. Имена торговцевъ, и увѣдомлять немедленно по почтѣ...“

Записанныя Якушкинымъ пѣсни поступили въ сокровищницу П. В. Кирѣевскаго, и послѣдній въ 1848 году съ признательностью заявилъ: „П. И. Якушкинъ, который съ неутомимой, благородной ревностью къ дѣлу исходилъ пѣшкомъ многія губерніи, единственно съ цѣлію собирать пѣсни, и въ своей любви къ Русской народности находя силы бороться со всѣми трудами и препятствіями,—весьма значительно обогатилъ мое собраніе пѣснями Костромскими, Тверскими, Рязанскими, Тульскими, Калужскими и Орловскими“.

По окончаніи своихъ походовъ Якушкинъ поселился въ родной ему Орловской губерніи, а подъ Орломъ въ своей слободкѣ имѣлъ пребываніе и самъ П. В. Кирѣевскій. Якушкинъ часто у него гащивалъ и вообще продолжалъ съ нимъ сношеніе по дѣлу собиранія памятниковъ народнаго творчества.

По свидѣтельству лица, близко знавшаго П. И. Якушкина, П. В. Кирѣевскій „передъ смертію своею (25-го октября 1856 года) выразилъ желаніе, чтобы подборъ собранныхъ имъ пѣсенъ и окончательная редакція произведены были по всѣмъ правамъ и въ силу глубокаго знанія П. И. Якушкинымъ“.

И дѣйствительно, исполняя это завѣщаніе, родственники П. В. Кирѣевскаго, послѣ его смерти поручили Якушкину заняться приготовленіемъ къ изданію его собранія пѣсенъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Якушкинъ: „Когда мнѣ было поручено приготовить къ изданію собраніе П. В. Кирѣевскаго, въ то же время братья Елагины, М. А. Стаховичъ и я составили опись, въ двухъ экземплярахъ, всѣмъ пѣснямъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ остались послѣ смерти собирателя, и всѣ четверо подписались подъ обоими экземплярами. Думая, что издавать придется мнѣ, я поставилъ въ непремѣнное условіе, что по окончаніи работъ рукописи всѣ

должны для повѣрки поступить или въ Публичную Петербургскую Библіотеку, или въ библіотеку Московскаго Университета. Затѣмъ я немедленно приступилъ къ работѣ. Не мнѣ судить, хорошо или дурно вышло бы у меня собраніе, но я долженъ сказать, что, приготовивъ историческія пѣсни къ изданію и не довѣряя себѣ, я изъ Орловской губерніи, гдѣ производились работы, отправился въ Москву, съ единственною цѣлію воспользоваться совѣтами тамошнихъ ученыхъ; и какъ изданіе пѣсенъ, по моему мнѣнію, должно быть исполнено подъ вліяніемъ не одной какой-нибудь партіи, а всѣхъ партій, то я и обратился за совѣтомъ ко всѣмъ. Я показывалъ историческія пѣсни П. А. Безсонову, Бѣляевымъ, К. С. Аксакову, Ѳ. И. Буслаеву, И. Е. Забѣлину, Т. И. Филиппову, А. Н. Островскому, В. М. Ундольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову... Всѣ они одобрили мои работы по изданію Русскихъ пѣсенъ. Немедленно я вернулся въ Орловскую губернію, и къ осени 1857 года сборникъ пѣсенъ былъ готовъ".

По неизвѣстной намъ причинѣ трудъ Якушкина не былъ напечатанъ. Рукописное же собраніе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго въ февралѣ 1866 года передано было для печатанія въ Общество Любителей Россійской Словесности. И бѣдный Якушкинъ не былъ даже избранъ въ члены *коммиссіи для изданія собранія народныхъ пѣсенъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго*.

П. И. Якушкинъ былъ этимъ очень огорченъ и, получивъ „ударъ въ самую чувствительную сторону сердца", переѣхалъ въ Петербургъ и передъ друзьями своими сѣтовалъ о неудачѣ, которая „казалась ему самою большою неудачею цѣлой жизни", и старался „по возможности выйти изъ своего обиднаго, съ трудомъ выносимаго имъ положенія. Кроткій по натурѣ до самопожертвованій, незлобивый до оригинальности, онъ прибѣгнулъ и на этотъ разъ къ мѣрамъ, казавшимся ему наиболѣе достойными и безобидными. Ему удалось составить свой независимый, отдѣльный пѣсенный сборникъ при помощи личныхъ воспоминаній и его замѣчательной памяти и при содѣйствіи друзей и знакомыхъ; редакція *Отечественныхъ За-*

писокъ гостепріимно отвела у себя этому сборнику мѣсто, и Якушкинъ успокоился, сочтя эту задачу для себя оконченною. И лишь для очистки совѣсти, счелъ онъ нужнымъ разъяснить это дѣло читающей публикѣ въ полемической статьѣ, напечатанной въ *Библіотекѣ для Чтенія* [19]).

IV.

Изъ всѣхъ Словенофиловъ того времени только Ю. Ѳ. Самаринъ и И. С. Аксаковъ дѣйствовали на поприщѣ гражданской службы. Надо замѣтить, что Ю. Ѳ. Самаринъ „не раздѣлялъ мнѣнія своихъ друзей о необходимости полнаго и безусловнаго воздержанія отъ всякаго содѣйствія Правительству, и думалъ, что такое содѣйствіе обязательно для его друзей и для него самого въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣли, преслѣдуемыя Правительствомъ, совпадаютъ съ ихъ принципами и съ ихъ стремленіями“ [20]). Такъ, подвизаясь въ Ригѣ, Самаринъ въ своихъ *Рижскихъ письмахъ* выводилъ тайны Остзейскаго края на свѣтъ Божій.

Между тѣмъ, въ 1848 году, на смѣну Головина Остзейскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ. Къ сожалѣнію, появленіе и дѣйствія въ Остзейскомъ краѣ внука великаго Суворова не могли вызвать сочувствіе со стороны дѣйствующихъ тамъ съ самоотверженіемъ Русскихъ людей. Многострадальный Филаретъ, епископъ Рижскій, со скорбію писалъ своему другу А. В. Горскому: „Мои здѣшнія обстоятельства до сего дня не легче. Видно, такова воля Божія. Князь Суворовъ, не смотря на то, что внукъ знаменитаго любовію ко всему Русскому, до крайности страненъ въ своемъ усердіи къ Нѣмцамъ. Назвать ли его лютеранскимъ генералъ-суперъ-интендентомъ или только человѣкомъ, для котораго важны однѣ звѣзды,—не знаю. Безпрестанно твердитъ, что онъ Русскій съ ногъ до головы, а насмѣхается надъ всѣмъ Русскимъ и унижаетъ Русскихъ открыто. Твердитъ, что имѣетъ глубокое чувство правды, а покрови-

тельствуетъ Лютеранизму и преслѣдуетъ Православіе при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ. Помолитесь передъ преподобнымъ Сергіемъ за меня грѣшнаго и за дѣло святого Православія“ [21]).

Съ своей стороны Ю. Ѳ. Самаринъ, въ апрѣлѣ того же 1848 года, писалъ Погодину: „Я намѣренъ обратиться къ вамъ съ просьбою, которая, вѣроятно, васъ удивитъ. Можетъ быть, до васъ уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ въ Ригу новаго генералъ-губернатора князя Суворова и о первыхъ его дѣйствіяхъ. Эти дѣйствія были такого рода, что они отодвинули разомъ на нѣсколько лѣтъ начатое преобразованіе края; Нѣмцы подняли голову, Русское купечество повѣсило носъ; бѣдный Архіерей плачетъ какъ ребенокъ. Вся бѣда произошла отъ того, что князь Суворовъ поддался на приманку, конечно, самую соблазнительную. Нѣмцы встрѣтили его какъ избавителя и дали ему почувствовать, что онъ долженъ поддерживать ихъ, если только онъ не хочетъ прослыть, какъ его предшественникъ, человѣкомъ безхарактернымъ, орудіемъ другихъ людей и т. д. Однимъ словомъ, они овладѣли имъ совершенно. Мы долго думали, какъ бы тому помочь и придумали слѣдующее. Суворовъ къ счастью дорожитъ общественнымъ мнѣніемъ, или, лучше, онъ боится потерять популярность, неразлучную съ его именемъ. Еслибы могъ дойти до него изъ Россіи неодобрительный голосъ, онъ бы, безъ сомнѣнія, одумался. Въ Ригѣ естественно, что онъ его не слышитъ, потому что насъ пять человѣкъ, а прочіе Русскіе затерты. Надобно устроить такъ, чтобы на его проказы отозвалась Москва. Есть въ Москвѣ такой человѣкъ, у котораго онъ служилъ подъ начальствомъ, котораго онъ любитъ, уважаетъ и боится. Это А. П. Ермоловъ. Одного его слова достаточно будетъ, чтобы привести его къ сознанію. Вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и потому можете принять на себя роль посредника. Вы получите отъ меня вскорѣ послѣ этого письма подробную реляцію о первыхъ дѣйствіяхъ Суворова; покажите ее Ермолову, не называя меня. А. П. Ермоловъ, вѣроятно, не захочетъ, полагаясь

на одинъ этотъ документъ, написать князю Суворову своего мнѣнія, но мы этого не просимъ. Достаточно будетъ и того, если онъ препроводитъ къ нему копію съ этой реляціи съ простымъ вопросомъ: *вотъ что̀ про тебя пишутъ — правда ли это?* Если вамъ удастся склонить его къ этому, то вы окажете величайшую услугу всѣмъ Русскимъ, которыхъ судьба теперь въ рукахъ Суворова. Вѣроятно, я не успѣю послать вамъ этой реляціи вмѣстѣ съ этимъ письмомъ; но мнѣ нужно было предувѣдомить васъ, а реляція можетъ идти по почтѣ. Я также готовлю теперь нѣсколько писемъ объ Остзейскомъ краѣ, которыя буду посылать Хомякову съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ имъ ходъ. Вы не повѣрите, какъ во мнѣ разыгралась желчь отъ всего, что̀ я вижу и слышу. Да хранитъ васъ Богъ!"

Вслѣдъ за симъ письмомъ Погодинъ получилъ слѣдующую *реляцію* Ю. Ѳ. Самарина: „Грустно вообще быть свидѣтелемъ крушенія политической системы, которой мы сочувствовали, съ коей связаны были, по нашему убѣжденію, государственныя выгоды и народное достоинство; но еще тяжелѣе, когда съ подобною перемѣною сопряжено торжество партіи антинаціональной и глубоко эгоистической, когда это торжество проявляется не въ одной перемѣнѣ основного направленія администраціи, но въ безполезныхъ, полудикихъ оскорбленіяхъ всего того, что̀ не можетъ не быть дорого Русскому сердцу, наконецъ, когда это дѣлается не для какой-либо общеполезной цѣли, но безсознательно, изъ самолюбиваго желанія пріобрѣсти популярность или, лучше, купить ее всевозможными жертвами и уступками.

„Между тѣмъ именно это происходило у насъ передъ глазами, въ Ригѣ, съ пріѣзда князя Суворова, въ теченіе двухъ первыхъ недѣль. Казалось бы трудно въ столь короткій срокъ рѣзко обозначить себя въ политической дѣятельности, но новому Генералъ-губернатору это вполнѣ удалось, какъ вы легко убѣдитесь сами изъ слѣдующихъ строкъ.

„Вы уже давно знаете, что ненависть и ожесточеніе Остзейскихъ Нѣмцевъ сосредоточиваются преимущественно на двухъ

предметахъ: Русскомъ языкѣ и Православіи. Причина понятна: бароны и бюргеры очень хорошо знаютъ, что съ преобладаніемъ Русскаго языка въ губернскомъ управленіи неизбѣжно связано преобладаніе Русскихъ законовъ и Русскихъ исполнителей ихъ, а съ распространеніемъ Православія — укорененіе въ Остзейскомъ краѣ, притомъ не въ однихъ только многолюдныхъ городахъ, но и въ селахъ, постоянныхъ, преданныхъ простому народу свидѣтелей дѣйствій помѣщика, должности коихъ, при всевозможныхъ интригахъ, нельзя будетъ никакъ замѣстить Нѣмцами; ибо можно достигнуть назначеніе нѣмца въ генералъ-губернаторы, въ губернаторы, въ прокуроры и т. д., но трудно даже Нѣмцамъ надѣяться кого-либо изъ своихъ посвятить въ архіереи или въ священники.

„Князь Суворовъ, вслѣдствіе ли уроковъ, данныхъ ему въ Петербургѣ Мейендорфами, Паленами и со братіею, или можетъ быть, по придворному инстинкту, отгадалъ эти двѣ ненависти, и не знаю—умышленно или безотчетно—но по крайней мѣрѣ весьма удачно для своей популярности между Нѣмцами, умѣлъ польстить имъ съ перваго раза.

„На границѣ Рижскаго уѣзда онъ былъ встрѣченъ орднунгсъ-рихтеромъ, или капитаномъ-исправникомъ, который началъ рапортовать ему по-Русски, но князь Суворовъ прервалъ его упрекомъ: зачѣмъ онъ не говоритъ съ нимъ на своемъ родномъ нарѣчіи. Это одно слово, мгновенно разнесшееся по всему краю, ниспровергло все, что большими усиліями, въ теченіе трехъ лѣтъ, сдѣлано было для упроченія оффиціальнаго преобладанія Русскаго языка и оправдало тѣхъ, которые смотрѣли на это какъ на попытки нѣсколькихъ лицъ, противныя желанію высшаго Правительства.

„По общему Русскому обычаю, постоянно соблюдавшемуся даже всѣми государями, торжественный въѣздъ въ городъ оканчивается молитвою въ Соборѣ. Исполненіе этого обычая генералъ-губернаторомъ въ особенности важно въ Ригѣ, при настоящемъ положеніи господствующей церкви въ Остзейскомъ краѣ; но князь Суворовъ не только не исполнилъ его, но

даже, въ первое затѣмъ воскресенье, пришелъ въ свою домовую церковь, куда собралась толпа народа посмотрѣть на него, передъ самымъ причастнымъ стихомъ, и во все время, безостановочно, проговорилъ въ глазахъ всего народа съ генераломъ Ефимовичемъ о сдачѣ своего полка. Правда, что вслѣдъ за тѣмъ, въ Благовѣщеніе, князь Суворовъ отправился въ приходскую церковь къ архіерейскому служенію; но какъ бы для того, чтобы искупить это, въ тотъ же день вечеромъ, поѣхалъ en gala въ театръ смотрѣть свадьбу Фигаро, за что и встрѣченъ былъ Нѣмецкою публикою громомъ рукоплесканій, который ясно свидѣтельствовалъ, что она вполнѣ оцѣнила этотъ поступокъ. Наконецъ бывъ съ визитами у всѣхъ городскихъ пасторовъ, онъ не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ ни одного Русскаго священника, хотя они и были ему представлены Епископомъ.

„Уже этихъ дѣйствій слишкомъ достаточно было для начала, но князь Суворовъ ими не ограничился, и какъ бы желая еще положительнѣе заявить свое сочувствіе съ Нѣмцами относительно православнаго духовенства, 23-го марта, при публичномъ пріемѣ просьбъ, когда въ залѣ было, съ одной стороны, много просителей, а съ другой—нѣсколько Русскихъ и Нѣмецкихъ чиновниковъ, онъ позволилъ себѣ слѣдующіе отзывы: узнавъ, по случаю просьбы одной еврейки, что обращающимся въ христіанство жидамъ выдается отъ казны тридцать рублей серебромъ, онъ разразился упреками противъ монаховъ, которые, будто бы, стараются совращать въ Православіе, не заботясь объ искренности убѣжденій переходящихъ и присовокупилъ къ этому, Богъ знаетъ почему, насмѣшки надъ невоздержанностью монаховъ. Затѣмъ дойдя до четырехъ крестьянъ, которые явились просить о защитѣ ихъ отъ угнетеній помѣщиковъ, князь спросилъ у нихъ: были ли они у Архіерея? и когда тѣ отвѣтили утвердительно, присовокупивъ къ этому, что Преосвященный отклонилъ отъ себя всякое вмѣшательство въ ихъ дѣла и послалъ ихъ самъ къ Генералъ-губернатору,—князь Суворовъ разгнѣвался и приказалъ переводчику передать

имъ слѣдующее: „Скажите этимъ мнимымъ дѣтямъ Православія, что если они ищутъ небесныхъ благъ, то шли бы къ своему нѣжному отцу Архіерею; когда же заботятся о земныхъ, то не смѣли бы ходить къ нему, такъ какъ въ подобномъ случаѣ я не только не исполню ихъ просьбы, но еще накажу ихъ". И затѣмъ обращаясь къ одному изъ свидѣтелей этой сцены, князь Суворовъ присовокупилъ во всеуслышаніе: „Ce sacré православіе, on l'emploie ici pour faire toute sorte de cochonneries". А чтобы доказать, что это негодованіе происходитъ отнюдь не отъ чувства вѣротерпимости, онъ вслѣдъ за тѣмъ сказалъ двумъ раскольникамъ, просившимъ объ освобожденіи сыновей отъ рекрутства: „Какіе у васъ сыновья, когда у васъ собачьи свадьбы; отыщите мнѣ родословную этой собаки моей!" Вотъ факты невѣроятные, но тѣмъ не менѣе истинные, которые заставятъ васъ скорбѣть въ Москвѣ, а потому вы легко поймете, какое дѣйствіе они производятъ здѣсь, гдѣ всякое подобное слово раздуваетъ болѣе и болѣе наглость Нѣмцевъ и убиваетъ послѣднія, столько уже разъ обманутыя, надежды Русскихъ. Неизбѣжныя послѣдствія поступковъ и рѣчей новаго Генералъ-губернатора не замедлили обнаружиться.

„Вы знаете, что по свѣтскому положенію пасторовъ, находящихся въ Лифляндіи на правахъ помѣщиковъ, и по философскому характеру образованія протестантскаго духовенства вообще, большая часть его всегда была далека отъ народа, который видѣлъ въ пасторахъ лишь исполнителей церковныхъ требъ, отнюдь не наставниковъ и утѣшителей, и не только не прибѣгалъ къ нимъ съ довѣренностью въ своихъ нуждахъ и горестяхъ, но даже чуждался ихъ наравнѣ съ помѣщиками и со всѣми Нѣмцами. Православное духовенство съ самаго начала стало въ другія отношенія къ народу. Отвергнутое и даже гонимое землевладѣльцами, чуждое философской гордости, оно не гнушается бесѣдою съ поселяниномъ, не пренебрегаетъ изученіемъ его быта, не стыдится сочувствовать домашнимъ радостямъ и печалямъ крестьянской семьи. Это, разумѣется, не могло не подѣйствовать на Латышей и Эстовъ,

и за христіанскую заботливость они вознаграждали священниковъ искреннимъ довѣріемъ: стали обращаться къ нимъ какъ къ совѣтникамъ во всѣхъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

„Разумѣется, что ни Епископу, ни генералу Головину не возможно было, въ угоду пасторамъ и дворянамъ, воспретить священникамъ быть друзьями и наставниками крестьянъ, заставить насильно наше духовенство стать въ то самое положеніе, которое добровольно приняли пасторы, однимъ словомъ, побуждать священниковъ искать утраты любви и довѣренности ихъ прихожанъ. Но этого-то именно постоянно требовали помѣщики; въ короткости священниковъ съ крестьянами, они видѣли подговоры къ бунту, а въ отказахъ противодѣйствовать этой короткости со стороны Епископа и Генералъ-губернатора — явное потворство какимъ-то мнимо угрожающимъ безпорядкамъ и возмущеніямъ.

„Эти нелѣпыя опасенія, иногда *искреннія*, проистекали въ подобномъ случаѣ изъ сознанія помѣщиковъ, что крестьяне точно имѣютъ причины быть недовольными своимъ положеніемъ—большею частью были вымышленныя, съ цѣлью застращать Правительство и заставить его воспретить присоединеніе крестьянъ къ Православію и даже упразднить епископскую каѳедру въ Ригѣ. Жалобы на мнимыя попытки православнаго духовенства возмущать крестьянъ въ Лифляндіи противу помѣщиковъ нагло повторялись въ теченіе четырехъ лѣтъ, хотя факты постоянно опровергали ихъ, представляя со стороны поселянъ постоянное соблюденіе законнаго порядка, не только въ ходѣ обычной сельской жизни, но даже во время голодныхъ годовъ и среди многолюдныхъ сборищъ. Къ тому же, сверхъ опыта, здравый смыслъ долженъ бы былъ убѣдить каждаго, не ослѣпленнаго пристрастіемъ, въ невозможности приписывать священникамъ намѣреніе бунтовать крестьянъ; ибо православное духовенство очень хорошо понимаетъ, что нарушеніе спокойствія между поселянами не только не принесетъ пользы ходу Православія въ Лифляндіи,

но напротивъ того, можетъ повредить ему, доставивъ дворянству, какъ въ 1841 году, предлогъ просить о прекращеніи присоединенія. Слѣдовательно, священники уже по однимъ мірскимъ соображеніямъ принуждены желать со стороны крестьянъ повиновенія помѣщикамъ, домогаться же противнаго могутъ только фанатики лютеранизма изъ надеждъ повредить Православію. Не имѣя никакой причины къ возбужденію волненія въ народѣ, священники лишены способовъ къ тому, такъ какъ обычно приписываемыя имъ вины: приманивать крестьянъ къ переходу въ Православіе обѣщаніемъ мірскихъ выгодъ, очевидно, невозможны; ибо подобнаго рода обѣщанія неизбѣжно долженствовали бы давно уничтожить всякое довѣріе къ нашему духовенству въ поселянахъ, которыхъ горькій опытъ трехъ послѣднихъ годовъ не могъ не убѣдить въ томъ, что перешедшіе въ Православную Церковь не только не пріобрѣли никакихъ льготъ, но подвергались беззащитно усиленнымъ притѣсненіямъ лютеранскихъ помѣщиковъ. Не смотря однакоже на очевидную негодность и обветшалость обвиненія, взводимаго на нашихъ священниковъ, оно возобновлено было дворянствомъ немедленно по пріѣздѣ князя Суворова и оффиціально принесено ему, 20-го марта, предводителемъ дворянства, ландратомъ и даже гражданскимъ губернаторомъ. Къ этому поступку, сверхъ надежды найти въ новомъ Генералъ-губернаторѣ болѣе довѣренности, чѣмъ въ предшественникѣ его, побуждало дворянъ еще опасеніе, чтобы событія, потрясшія Западную Европу и значительно возбудившія вниманіе здѣшнихъ крестьянъ, не прервали долготерпѣнія ихъ и не побудили насильственно добыть себѣ давно обѣщанныхъ улучшеній. Въ этихъ ожиданіяхъ, дворянство заблаговременною жалобою на священниковъ не только надѣялось очернить ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сложить съ себя заранѣе и на всякій случай отвѣтственность за могущіе обнаружиться безпорядки.

„Не говоря уже о томъ, что князь Суворовъ не отгадалъ этой очевидной цѣли и не обратилъ вниманія на то, что признаки какой-то внутренней тревоги между крестьянами про-

явились теперь въ Курляндіи, то-есть, въ той губерніи, гдѣ поселяне менѣе угнетены, чѣмъ въ Лифляндіи, и гдѣ вовсе нѣтъ православныхъ священниковъ, онъ даже не далъ себѣ труда потребовать отъ предводителей дворянства фактическихъ подтвержденій ихъ жалобъ, а прямо обратился къ Епископу съ настояніемъ подтвердить православному духовенству, чтобы оно отнюдь не вмѣшивалось въ свѣтскія дѣла и не дѣлало крестьянамъ никакихъ обѣщаній. Мѣра эта по существу своему, разумѣется, ничтожна; она не произведетъ никакой перемѣны въ образѣ дѣйствія нашего духовенства, но она важна какъ оскорбленіе, нанесенное ему по просьбѣ и въ виду протестантовъ, и какъ признаніе со стороны Правительства обвиненій, взводимыхъ дворянствомъ на нашихъ священниковъ.

„Подкрѣпивъ силою правительственной власти клеветы дворянства, князь Суворовъ не скрылъ, что онъ не врагъ и политической ереси, господствующей въ здѣшнихъ провинціяхъ, а именно: будто можно и достаточно быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, не питая никакого сочувствія къ Россіи. Въ одномъ изъ первыхъ разговоровъ своихъ по пріѣздѣ въ Ригу, князь Суворовъ въ порывѣ откровенности сказалъ: „Признаюсь, я не понимаю, къ чему эта заботливость о Православіи, о распространеніи здѣсь Русской народности: Остзейцы преданы Государю—къ чему же болѣе?“ Теорія эта, составляющая тайное, задушевное убѣжденіе всѣхъ Нѣмцевъ въ Россіи, есть, съ одной стороны, нелѣпость, съ другой—заключаетъ въ себѣ самое разрушительное и опасное для насъ начало. Кто же повѣритъ, кто въ состояніи разумно допустить, чтобы можно было вѣрно и надежно служить Государю и при этомъ оставаться равнодушнымъ, напримѣръ, къ погибели Москвы, ненавидѣть Православіе, гнушаться Русскаго языка, систематически преграждать Русскимъ доступъ въ торговыя и ремесленныя общества; да и не дай Богъ, чтобы когда-либо подобная вѣра нашла мѣсто въ Русской душѣ, ибо она подорвала бы самую основу нашей общественной жизни. Если верховная власть сильна у насъ любовію народною, то это именно по-

тому, что народъ убѣжденъ въ единствѣ ея интересовъ и интересовъ Русской земли, въ невозможности отдѣлить первые отъ вторыхъ. Это убѣжденіе сообщало нашимъ предкамъ и волю, и силу терпѣливо перенести ужасы Іоанна Грознаго; оно заставило Сусанина стать подъ ножи Поляковъ; оно избавило насъ отъ позора видѣть Владислава на Русскомъ престолѣ — и оно-то именно уничтожается теоріею Остзейскихъ патріотовъ, которой, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ новый Генералъ-губернаторъ.

„Къ какимъ результатамъ приводитъ въ государствѣ связь верховной власти съ народонаселеніемъ, основанная не на любви къ общей отчизнѣ, а на личной привязанности къ государю, лучше всего видно теперь изъ примѣра Венгерцевъ. Давно ли они пылали умереть за Марію-Терезію, а теперь они главные виновники распаденія Австріи.

„Дѣйствія Суворова были бы прискорбны со стороны всякаго, но въ особенности горько видѣть ихъ исходящими отъ лица Суворова, отъ преемника одного изъ славнѣйшихъ Русскихъ именъ, изъ тѣхъ, которыя наиболѣе обязаны своею извѣстностью тѣмъ, что въ сердцѣ каждаго Русскаго, они неразлучны съ чувствами приверженности къ Православной Церкви и къ народности. Еслибы великій Суворовъ не былъ проникнутъ самъ этими двумя чувствами, еслибы онъ не обладалъ даромъ пробуждать ихъ въ Русскомъ человѣкѣ, еслибы онъ не проявлялъ ихъ безусловнымъ уваженіемъ къ обрядамъ нашей вѣры и предпочтеніемъ Русской натуры всѣмъ прочимъ, въ особенности Нѣмецкой, то, при всемъ его великомъ геніѣ, едва ли бы удалось ему быть побѣдителемъ подъ Рымникомъ и Нови... А теперь внукъ кощунствуетъ именно надъ тѣмъ, что составляло славу дѣда.

„Чтобы выразить, какъ глубоко новый Генералъ-губернаторъ оскорбилъ Русское народное чувство, достаточно сказать, что мы доведены до позора жалѣть о томъ, что вмѣсто Суворова не назначили любого Нѣмца. Нѣмецъ, конечно, не позволилъ бы себѣ всѣхъ описанныхъ выше выходокъ“ [22]).

Желаніе Самарина Погодинъ исполнилъ, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки его къ А. П. Ермолову: „Представлю Вашему Высокопревосходительству Записку о Рижскихъ чудесахъ, которая здѣсь ходитъ по рукамъ“. Дѣйствительно, многіе изъ Москвичей прочли эту записку. „Записка Самарина“, писалъ Погодину Шевыревъ, — „вчера меня разстроила. Ну ужь Суворовъ! Послать бы ему оттискъ автобіографіи дѣда его — да подчеркнуть въ ней слова: *Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ.* Неужели такіе поступки могутъ быть терпимы? Этому человѣку все ни по чемъ... Напиши, можно ли записку Самарина прочесть нѣкоторымъ, напримѣръ, Чаадаеву, и вообще. Я боюсь нанести вредъ ему. Честь и слава Самарину за такой благородный протестъ. Это подвигъ. Попову я прочту записку Самарина“. Погодинъ отвѣчалъ: „Запиской Самарина я былъ очень доволенъ. Прочесть ее близкимъ людямъ можно: въ огласку не надо только пускать, думаю, его имени“.

Изнемогши въ борьбѣ съ Нѣмцами, Самаринъ, въ іюнѣ 1848 года, рѣшился покинуть Ригу. Преосвященный Филаретъ напутствовалъ возвращеніе его въ Москву такими строками къ А. В. Горскому: „Пишу эти строки съ тѣмъ, чтобы рекомендовать тебѣ добраго и умнаго Юрія Ѳедоровича Самарина. Съ нимъ я провелъ много дней самыхъ пріятныхъ. Онъ очень достойный и рѣдкій человѣкъ. Будьте съ нимъ радушны и просты, и откровенны. Онъ стоитъ душевной любви. Отъ него узнаете о моемъ житьѣ-бытьѣ, и особенно же онъ хорошо знаетъ здѣшній край, изученный Русскою его душою“ [23]).

Но и въ Москвѣ было нерадостно Самарину. Друзья его, а наипаче К. С. Аксаковъ, по свидѣтельству Д. Ѳ. Самарина, смотрѣли на него, какъ на „отступника отъ одного изъ коренныхъ началъ Словенофильства, какъ на перебѣжчика на сторону Правительства, хотя и дѣйствующаго по совѣсти“ [24]). Не смотря на это, Самаринъ поспѣшилъ посѣтить Хомякова въ его Тульскомъ селѣ Богучаровѣ. По поводу этого посѣщенія и бесѣдъ

Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „У меня побывалъ Самаринъ. Можете вообразить, какъ я ему былъ радъ. Рига на него подѣйствовала во многомъ очень хорошо, знакомствомъ съ жизнью практическою, знакомствомъ съ нашимъ духовенствомъ даже въ его лучшихъ образцахъ, борьбой упорною, хоть и не совсѣмъ удачною, но не лишившею его бодрости, наконецъ, какимъ-то внутреннимъ, весьма замѣтнымъ окрѣпчаніемъ. Одно мнѣ было грустно: въ немъ до нѣкоторой степени подавлена прежняя веселость. Быть можетъ, такая перемѣна неизбѣжна, а все-таки грустно ее видѣть. У насъ постоянно должно быть болѣе надеждъ, чѣмъ сомнѣній, и слѣдовательно—нѣкоторый запасъ веселости“ [25]).

Въ Москвѣ Самаринъ бесѣдовалъ съ Погодинымъ „о Ригѣ и Петербургѣ“ [26]) и посѣтилъ Аксаковыхъ въ ихъ Абрамцовѣ.

Въ Москву Самаринъ привезъ свои *Рижскія Письма* и читалъ ихъ своимъ друзьямъ. 10-го декабря 1848 года онъ писалъ Погодину: „Завтра я буду читать у Свербеевыхъ свои письма объ Остзейскомъ краѣ и усерднѣйше прошу васъ, если имѣете нѣсколько свободныхъ часовъ, пожертвовать ихъ на слушаніе“ [27]). Изъ лицъ постороннихъ Самаринъ познакомилъ съ своими *Рижскими Письмами*: митрополита Филарета, А. П. Ермолова и графа С. Г. Строганова [28]).

V.

Въ многомятежный 1848 годъ Погодинъ съ особеннымъ увлеченіемъ занимался Русской Исторіею. „Съ чего ты взялъ“, писалъ онъ Шевыреву,—„что я безпокоюсь и тревожусь о холерѣ. Прага — вотъ что меня безпокоитъ и тревожитъ, а объ холерѣ я и не думаю. Я весь теперь погруженъ въ Исторію. Ахъ, еслибъ могъ я кончить, какъ желаю, хоть до Монголовъ, я умеръ бы спокойно, увѣренный, что не даромъ Богъ давалъ мнѣ въ руки перо. Что за періодъ занимательный, драматическій. Какія лица! И у насъ называли его скучнымъ, пустымъ и проходили мимо. Историки, впрочемъ, не вино-

ваты — имъ надо еще было расчищать дорогу, и только теперь, когда она расчистилась, можно оцѣнить дѣянія людей. Этотъ періодъ долженъ имѣть всю занимательность романовъ Вальтеръ-Скотта при простотѣ Гомеровской. Какъ ловко вставляется у меня *Духовная* Мономаха! — А Василько, Святославы, Мстиславы! Они, впрочемъ, все еще разрисовываются у меня въ воображеніи, а на дѣлѣ я въ болотѣ разысканій. Теперь оканчиваю провѣрку междоусобныхъ войнъ. Останутся Половецкіе набѣги, — и четыре тома *Изслѣдованій* могу печатать, но на чей счетъ? Уварова просить не хочу ни объ чемъ. Мнѣ хочется разорвать всѣ остальныя связи, или узы, и принять независимое совершенно положеніе въ отношеніи ко всѣму и ко всѣмъ, какъ подобаетъ историку. Если я успѣю, тогда получу все, если не успѣю, то значитъ, я не стоилъ больше. Претерпѣть мнѣ уже не долго и немного осталось". На это Шевыревъ, 25-го іюня 1848 года, отвѣчалъ: „Слава Богу, что ты такъ занялся Исторіею. Богъ тебѣ помочь. Только не утомляйся до изнуренія силъ, ибо это запрещается въ предохранительныхъ мѣрахъ. Уварова и не надо ни о чемъ просить. Дѣло!".

Дѣйствительно, издавъ въ 1846 году три тома своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи*, заключающихъ въ себѣ первоначальный періодъ Русской Исторіи, Погодинъ приступилъ къ періоду, какъ онъ самъ выражается, „самому запутанному, темному, скучному въ Русской Исторіи, какъ о немъ вообще у насъ думаютъ, — періоду удѣльному" [29]).

Такимъ образомъ въ теченіе 1848 года Погодинъ былъ занятъ „географіею, междоусобіями, Половцами" [30]). О ходѣ его занятій по этимъ предметамъ намъ повѣствуетъ *Дневникъ* его:

Подъ *5 января 1848 года*. Принимаюсь за Изслѣдованія. О, какъ я радъ!

— *6* — —. Надъ Исторіей, а мысль къ женщинамъ.

— *24 марта*. Читалъ газеты и думалъ, какъ жить. Надо приняться за Изслѣдованія.

Подъ *1 апрѣля.* Ахъ, когда выдамъ я Исторію.

— *3* — —. За междоусобными войнами. Не такъ скоро дѣлается, какъ предполагалось.

— *14* — —. Думаю, а всего лучше приняться опять за Исторію. Загряжскому очень понравилась моя Исторія. Ободрись, слабый!

— *17* — —. Въ Кремль слушать пренія. Толкуютъ еще о кротости и мудрости.

— *18* — —. Исторія всего безопаснѣе и вѣрнѣе.

— *20* — —. О междоусобіяхъ и Половцахъ все утро. Хорошо работалъ.

— *12 мая.* Утро у Ермолова.

— *13* — —. Взбунтовались бабы, и разсердился.

— — — —. Крыловъ о новомъ времени, о Русской Исторіи. Ученый человѣкъ, а Русской Исторіи не понимаетъ.

— *17—18* — —. Хочется скорѣе кончить Изслѣдованія и приняться за Исторію.

— *25* — —. О, какая великая аналогія и согласіе царствуетъ въ мірѣ и всѣхъ его явленіяхъ, отъ высочайшихъ до нижайшихъ.

— *1 іюня.* Работалъ безъ памяти надъ Кіевскимъ княжествомъ. Прогуливался и воспоминалъ.

— *4* — —. Предъ обѣдомъ былъ у Уварова. Чортъ ихъ всѣхъ возьми, лишь бы только я успѣлъ кончить Исторію.

— *17* — —. Писалъ статью въ ущербъ Исторіи. Скучно, что Исторія все отдаляется.

— *24* — —. Читалъ Иванова о хронографахъ.

— *3 іюля.* Работалъ надъ Изслѣдованіями. Снегиревъ съ любезностями.

— *10* — —. Немного о Половцахъ. Рожа у маменьки смущаетъ.

— *29* — —. Лѣниво за Половцами.

— *1 августа.* Къ обѣднѣ и молился, чтобы указалъ мнѣ путь. За Половцами.

— *18* — —. У Фрола и Лавра увидѣлъ сотни лошадей,

кропимыя святою водою. Былъ глубоко тронутъ этимъ остаткомъ древности патріархальной.

Подъ *3 ноября.* Рѣшился написать къ рожденію Изяслава Мстиславича.

— *29* — —. Пришли двѣ прекрасныя мысли объ Исторіи.

— *18 декабря.* Какъ трогательна исторія Василька!

Окончивъ разысканія о городахъ и предѣлахъ древнихъ княжествъ Кіевскаго и Черниговскаго (1054—1240), Погодинъ отправилъ свое изслѣдованіе къ Надеждину съ просьбою разсмотрѣть оное и напечатать въ *Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* Въ этомъ случаѣ Надеждинъ поступилъ истинно по пріятельски. Прежде печатанія онъ вмѣстѣ съ К. А. Неволинымъ внимательно прочитали это изслѣдованіе и снабдили его своими драгоцѣнными примѣчаніями, заявивъ отъ редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* слѣдующее: „Заслуженный нашъ ученый М. П. Погодинъ, занимаясь неусыпно разработкой Отечественной Исторіи, которой посвятилъ всю свою жизнь, прислалъ къ намъ эту часть трудовъ своихъ, съ просьбою, чтобы мы, помѣстивъ ее въ нашемъ журналѣ, присовокупили отъ имени редакціи *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* приглашеніе ко всѣмъ любителямъ и знатокамъ дѣла: взять на себя трудъ провѣрить, по своимъ свѣдѣніямъ, предлагаемыя здѣсь показанія, изслѣдованія и соображенія, въ особенности же, на основаніи живыхъ, мѣстныхъ наблюденій, подтвердить или опровергнуть сдѣланные выводы, пояснить оставшіяся темноты, разрѣшить возбужденныя недоумѣнія; однимъ словомъ всячески, кто чѣмъ можетъ, споспѣшествовать достиженію цѣли этихъ розысканій. Желаніе это мы исполняемъ тѣмъ охотнѣе, что предметъ, на который обращены эти розысканія, есть первой необходимости въ изученіи быта нашего великаго Отечества, и между тѣмъ до сихъ поръ находится въ крайнемъ запущеніи. Такъ какъ дѣло все состоитъ въ точномъ пріуроченіи прошедшаго къ настоящему, то оно входитъ въ прямой кругъ занятій, предоставлен-

ныхъ неоффиціальной части Губернскихъ Вѣдомостей, изъ коихъ нѣкоторыя дѣйствительно и оказываютъ, время отъ времени, полезныя въ этомъ родѣ услуги, сообщая болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ историческихъ слѣдахъ старины по своему краю. Теперь нужно бы только усилить и сосредоточить съ ихъ стороны дѣятельность, до сихъ поръ если обнаруживаемую, то все еще не иначе какъ мимоходомъ, урывками; и къ этому предлагаемыя розысканія содержатъ въ себѣ не только вызовъ, но и значительное облегченіе. Здѣсь подается тому первый примѣръ. Помѣщаемая работа сопровождается непрерывными замѣчаніями, дополненіями и исправленіями, составленными общимъ трудомъ: редактора *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* Н. И. Надеждина и профессора К. А. Неволина“ [31]).

Въ приватномъ же дружескомъ письмѣ своемъ къ Погодину, Надеждинъ писалъ:

„Съ сею же почтою посылаются къ тебѣ, любезнѣйшій Михулько, особые оттиски твоей статьи, въ числѣ ста экземпляровъ. Столько же оставляю и здѣсь у себя, чтобы разослать, куда слѣдуетъ, а также и раздать, буде окажутся желающіе помогать дѣлу. Думаю, что нѣкоторыя, совершенно ничтожныя перемѣны, сдѣланныя при писаніи, по уваженію разныхъ обстоятельствъ, всѣ будутъ тобою одобрены; а за свѣрку текстовъ и цитатъ, которая стоила намъ съ К. А. Неволинымъ нѣсколькихъ дней чортовскаго труда, долженъ ты остаться благодаренъ. Сказать по совѣсти, не много отыщется такихъ корректоровъ, какихъ тебѣ Богъ послалъ! А неточностей, ошибокъ и другихъ подобныхъ грѣховъ въ рукописи твоей была бездна. Въ доказательство возвращаю тебѣ оригиналъ статьи, который ты можешь, если найдешь охоту и досугъ, самоочно сличить съ печатнымъ. Кстати обрати для примѣра вниманіе на самыя послѣднія строки статьи. Тутъ ты своею рукой надѣлалъ такую билиберду, что, при печатаніи статьи въ журналѣ, мы, не добившись никакого толку, напечатали буквально, какъ есть. Впослѣдствіи, однако, я, ка-

жется, понялъ, что ты хотѣлъ сказать, и оттого въ особыхъ оттискахъ конецъ печаталъ уже иначе. Такъ ли впрочемъ, какъ по твоему слѣдовало бы — я и теперь не знаю... Не сѣтуй на меня, что я, вопреки твоему настоянію, не помѣстилъ въ концѣ твоего замѣчанія о противорѣчіяхъ и разногласіяхъ картъ. Этого нельзя было сдѣлать по высшимъ уваженіямъ. Карты отъ начальства; у насъ здѣсь, особенно въ нынѣшнія времена, въ подобныхъ вещахъ предписывается сохранять гарпократическое молчаніе. Частныя замѣчанія можно еще кое-какъ дѣлать, съ должнымъ благоговѣніемъ; а общій судъ произносить съ такою наивностью, какъ привыкли дѣлать вы Москвичи, считается совсѣмъ неподобающимъ... Что-то скажешь ты о нашихъ замѣчаніяхъ? За отчетливость ихъ мы ручаемся. Впрочемъ, сами чувствуемъ ихъ неполноту. Вотъ уже и теперь, послѣ выхода въ свѣтъ статьи, нѣкоторыя подробности представляются намъ яснѣе и опредѣлительнѣе. Вообще сдѣланное тобой мы только считаемъ началомъ труда, точкой отправленія для обширныхъ и продолжительныхъ изслѣдованій, которыхъ результаты — скажу смѣло — неисчислимы. За тобой, во всякомъ случаѣ останется честь перваго *махалы*, какимъ тебя признавалъ я всегда, согласно съ Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ, кланяющимся тебѣ и взявшимъ экземпляръ твоей статьи, чтобы сдѣлать къ ней дополненія изъ своихъ почтово-путевыхъ замѣтокъ по Волынской губерніи... Эта статья рѣшительно согнула въ крюкъ мою и безъ того слабую спину“.

Все это произвело на Погодина самое отрадное впечатлѣніе. Въ записи *Дневника* его, подъ 17-мъ іюня 1848 года, мы читаемъ: „Пріятное письмо отъ Надеждина о географическихъ изслѣдованіяхъ. Доброму слову обрадуешься, какъ нищій милостынѣ: вотъ какъ меня терзаютъ“.

В. И. Даль, поздравляя Погодина съ благополучнымъ окончаніемъ этого большого труда, писалъ ему: „Скажите: можно ли принять *исторически*, что Великая Русь вышла изъ Малой или Южной? Я дошелъ до этого факта *филологически*

и убѣжденъ въ этомъ: когда Кіевъ и Полоцкъ говорили Словенскимъ нарѣчіемъ, на Великой Руси жила Чудь; позже Ильмень заселился Словенами, языкъ былъ перенесенъ, и остальная Русь постепенно населялась и обрусѣла...“

Въ то время, когда Погодинъ занимался Древнею Русскою Географіею, у друга его Максимовича явилась мысль совершить этнографическое путешествіе.

Путешествіе это Максимовичъ желалъ совершить отъ Географическаго Общества и съ этою цѣлью онъ обратился къ другу своему Надеждину и просилъ его ходатайства предъ Обществомъ. Максимовичъ имѣлъ всѣ данныя, чтобъ исполнить блистательно возложенное на него порученіе. Самъ Неволинъ отдавалъ трудамъ Максимовича по Этнографіи полную справедливость. „Мы любуемся вашими трудами“, писалъ онъ, — „тою занимательностью, съ какою вы излагаете сухія вещи, простотою, съ которою разсматриваете и рѣшаете запутанные вопросы, отдѣланностью, съ какою пускаете на бѣлый свѣтъ ваши мысли“. Въ то время въ рукахъ Неволина и Надеждина было прекрасное изслѣдованіе Максимовича о Бубновской сотнѣ..

Вмѣсто Надеждина Максимовичу отвѣчалъ Неволинъ (30-го января 1848 г.). „Надеждинъ“, писалъ онъ, — „возвратился въ Петербургъ 6-го генваря, проѣхавши черезъ Житомиръ, а не черезъ Кіевъ, на который онъ не рѣшился ѣхать по причинѣ дурной дороги и необходимости спѣшить въ Петербургъ. Надеждинъ не замедлитъ сдѣлать по вашему письму соображеніе и представить, по установленному порядку, свое соображеніе Географическому Обществу. Онъ полагаетъ поручить вамъ на первый разъ проѣхать по чертѣ, отдѣляющей Малороссійское народонаселеніе отъ Великорусскаго и Бѣлорусскаго, и опредѣлить, съ положеніемъ на карту, границы ихъ, при чемъ вы можете дѣлать всѣ, какія представятся, этнографическія наблюденія и замѣчанія. Онъ желалъ бы получить отъ васъ свѣдѣнія, въ теченіе какого времени, по вашему соображенію, вы могли бы исполнить это порученіе, и какая при-

близительно потребуется вамъ для того сумма денегъ. Это свѣдѣніе сообщите или мнѣ, или ему самому, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше".

Дѣло это, однако, затянулось и не состоялось. Въ мартѣ 1848 года Неволинъ писалъ Максимовичу: „Увы! въ нынѣшнемъ году путешествіе не можетъ состояться по той весьма простой причинѣ, что денегъ не хватаетъ... При составленіи бюджета расходамъ Общества на слѣдующій 1849 г. ваша экспедиція будетъ на первомъ планѣ: такъ просилъ меня написать къ вамъ Надеждинъ". Это, разумѣется, очень огорчило Максимовича. По этому поводу, 24-го августа 1848 г., отозвался и самъ Надеждинъ.

„Не брани меня, любезнѣйшій Михайло Александровичъ", писалъ онъ, — „или пожалуй хоть и побрани, да не слишкомъ строго. Поѣздка твоя на нынѣшнее лѣто не могла состояться по разнымъ причинамъ, которыя не мѣсто здѣсь излагать подробно, — и это случилось не съ однимъ тобою: всѣ подобныя предпріятія, имѣющіяся въ виду у Географическаго Общества, въ томъ числѣ и такія, которыя рѣшены были давно и внесены окончательно въ бюджетъ, были также пріостановлены. Поэтому, сердиться тебѣ не на что, кромѣ какъ на обстоятельства. Прибавлю при этомъ, что мнѣ, равно какъ и всѣмъ, знающимъ тебя, будетъ очень жаль, если ты, увлекшись негодованіемъ, отчасти конечно и справедливымъ въ твоемъ положеніи — останешься при отреченіи, которое вырвалось у тебя въ послѣднемъ твоемъ письмѣ. Я, впрочемъ, самъ остаюсь при надеждѣ, что еще все можетъ уладиться; и предположеніе твоей поѣздки совершится къ твоей несомнѣнной пользѣ и чести, къ общему удовольствію всѣхъ твоихъ друзей — и во славу матушки Руси. Не разрушай, братъ, этой надежды!.. Пишу тебѣ это наскоро, чтобы сколько-нибудь тебя успокоить. Твое послѣднее письмо слишкомъ меня напугало и заставило выйти изъ всегдашняго молчанія, въ которомъ я — относительно не тебя только, но и всѣхъ вообще — заключаюсь, не столько по недосугамъ, сколько по недугамъ,

не дозволяющимъ мнѣ долго сидѣть съ перомъ надъ бумагой. Что, братъ, дѣлать? Я очень хилъ и едва влачу свое скудное бытіе! Не завидуй мнѣ нисколько. Если у меня въ чемъ есть противъ тебя преимущество, такъ развѣ въ томъ, что я терпѣливѣе тебя. А то мнѣ бы скорѣй слѣдовало завидовать твоему мирному отшельничеству на Михайловой Горѣ...“

Въ октябрѣ того же 1848 года Неволинъ писалъ Максимовичу: „Надеждинъ покорнѣйше васъ проситъ не замедлить присылкою окончанія *Бубновской сотни*. Онъ еще велѣлъ мнѣ написать вамъ, что онъ крайне огорченъ тѣмъ, что вы повеличали его въ послѣднемъ вашемъ письмѣ „Милостивымъ Государемъ“; велѣлъ написать, что если онъ не пишетъ вамъ, то, съ одной стороны, по безпрерывному множеству занятій, съ другой — потому, что я переписываюсь съ вами, о чемъ нужно, по своимъ и по его дѣламъ“. Въ мартѣ же 1849 года Неволинъ писалъ Максимовичу: „Я и Надеждинъ съ своей стороны исправляемъ у васъ только самое необходимое по нашему мнѣнію, потому что все кажется намъ интереснымъ или въ историческомъ, или въ этнографическомъ, или въ географическомъ отношеніи, или, наконецъ, по взгляду вашему на предметы; объ исправленіи вашего слога собственно нечего и думать, — эту смѣлость можетъ принять на себя развѣ кто-нибудь изъ бывшихъ вашихъ адъюнктовъ“.

Въ письмѣ Неволина отъ 29-го декабря 1849 года встрѣчаемъ приписку и Надеждина: „Константинъ Алексѣевичъ непремѣнно требуетъ, чтобъ я что-нибудь приписалъ тебѣ сейчасъ же. А что̀ приписывать? Надо бы написать, но — не у пріиде время! Итакъ, больше пока ничего, какъ — подожди еще немножко — до половины, напримѣръ, будущаго мѣсяца. Дѣло о твоей поѣздкѣ тогда, надѣюсь, придетъ къ окончательному рѣшенію“.

Къ сожалѣнію, Географическое Общество и впослѣдствіи не нашло возможнымъ поддержать плодотворное для науки предпріятіе Максимовича.

Съ своей стороны и Погодинъ былъ недоволенъ практи-

ческими результатами своихъ изслѣдованій въ области древней Русской Географіи, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника* 1851 года, въ которыхъ читаемъ:

Подъ *15-мъ апрѣля.* Вечеромъ Бѣляевъ разсказывалъ о своей древней географіи, которую, разумѣется, составилъ по моей и не имѣетъ совѣсти разсказывать.

Подъ *1—4-мъ декабря.* Забѣлинъ съ извѣстіемъ, что Географическое Общество in corpore опредѣлило золотую медаль Буслаеву и избрало его своимъ членомъ за магистерскую диссертацію третьяго года „О вліяніи христіанства на Словенскій языкъ". А о моихъ географическихъ древнихъ изслѣдованіяхъ некому было и вспомнить. Подлецы! Грустно!".

VI.

Между тѣмъ Маріенбадскій знакомый Погодина, Яновскій, продолжалъ свои изслѣдованія о древнѣйшей судьбѣ Великаго Новгорода и о результатахъ своихъ занятій дѣлать отчетъ Погодину.

„Честь имѣю увѣдомить" писалъ онъ 25-го января 1848 года, — „что я по совѣту вашему крѣпко занимаюсь изслѣдованіемъ о колонизаціи Вендовъ въ Новгородскомъ краѣ. Начавъ по обыкновенію съ древнихъ писателей, я хотя не нашелъ въ нихъ ничего прямо относящагося къ моему предмету, но узналъ изъ Юлія Цезаря *de Bello Gallico*, что Венды были народъ образованный, имѣли многочисленный флотъ и свои колоніи въ Британіи. Тацитъ пишетъ, что въ его время Нѣмцы ходили еще въ звѣриныхъ шкурахъ, а Венды уже въ дорогихъ шубахъ. Нѣмецкіе лѣтописцы среднихъ вѣковъ упоминаютъ о колоніяхъ Вендовъ во Франконіи и на Рейнѣ, гдѣ они заводили земледѣліе и соляныя варницы, кои и теперь тамъ называютъ Sool-Warnitz. Изъ Іордана только видно, что въ IV вѣкѣ у насъ на сѣверѣ обитали тѣ же народы, какъ и при Несторѣ; что же касается до Вендовъ Поморскихъ, то всѣ воообще Нѣмецкіе писатели отзывались

о нихъ съ удивленіемъ на счетъ обширности ихъ торговли, множества и многолюдства городовъ, искусной обработки земли, а главное внутренняго благоустройства, столь рѣдкаго въ тогдашней Европѣ. Въ древнѣйшихъ сказкахъ самихъ Скандинавовъ значится, что они посылали своихъ боговъ учиться мудрости у Вендовъ, на что указывалъ и Шафарикъ, а въ доказательство, что не Словене отъ Скандинавовъ, а на оборотъ, Скандинавы отъ Словенъ научились гражданственности, земледѣлію и ремесламъ, собралъ нѣсколько Словенскихъ словъ относящихся къ этимъ предметамъ, кои употребляются донынѣ Скандинавами. Одинъ изъ Шведскихъ писателей (Гробаргъ) очень ясно доказываетъ, что Норманнами назывались въ Европѣ вовсе не одни Скандинавы; но что морскіе разбойники извѣстны были въ VI вѣкѣ подъ именемъ Саксонцевъ, потомъ Датчанъ, и потомъ уже, когда въ этомъ прибыльномъ промыслѣ начали участвовать всѣ сѣверные обитатели, какъ-то Словене и Скандинавы, то западные и южные Европейцы назвали ихъ общимъ именемъ Норманновъ. На повѣрку выходитъ, что и Ліутпрандъ вовсе не такъ отозвался о Русахъ, какъ толкуютъ наши писатели. Подлинныя его слова: „Russos Graeci vocant nos Nordmenos“ показываютъ, что онъ признавалъ Русовъ за своихъ соплеменниковъ, ибо и Лонгобарды вышли отъ Балтійскихъ Словенъ.

„Собственно по моему предмету я нашелъ въ Румянцовскомъ Музеумѣ сочиненіе Прусскаго тайнаго совѣтника Гудлинга, напечатанное въ Потсдамѣ 1724 года. Въ немъ послѣ историческаго и топографическаго описанія Бранденбурга и Помераніи приложены списки дворянскихъ фамилій этихъ странъ съ извѣстіемъ, что по покореніи ихъ Нѣмцами и по введеніи христіанства почетныя Словенскія фамиліи, перемѣнявшія религію, причислялись къ дворянамъ, а недвижимыя имѣнія тѣхъ, кои оставили отечество, отдавались дворянамъ Нѣмецкимъ, перемѣнившимъ и названія ихъ на Нѣмецкія. Въ этомъ сочиненіи я нашелъ названія, сходственныя съ нашими, какъ-то: Ильмерь, Волховъ, Рорике, Мерь, Весинъ, Кривицъ, Славенъ,

даже Москау и пр. Это меня ободрило. Я отдѣлилъ Словенскія фамиліи отъ Нѣмецкихъ, и ихъ нашлось до тысячи трехъ сотъ, изъ коихъ половина кончится на ow и in, какъ и у насъ на сѣверѣ. И фамиліи очень сходныя съ нашими, напримѣръ, Storkow, Wolkow, Zaplin и пр. А такъ какъ тамошніе дворяне именуются по названіямъ владѣемыхъ ими деревень, то вмѣстѣ съ фамиліями я имѣлъ въ виду и названія мѣстностей. Съ этимъ запасомъ я нынѣшнимъ лѣтомъ пустился путешествовать, объѣхалъ шесть губерній, смежныхъ съ Новгородскою, и находилъ вездѣ разительное сходство въ названіяхъ нашихъ деревень съ Прусскими, тогда какъ сличая названія мѣстностей одной губерніи съ другою находилъ менѣе сходства. Напримѣръ: желая удостовѣриться, не было ли поселеній въ Новгородской области со стороры Кривичей или Полянъ, я собралъ сто сорокъ названій съ окончаніемъ на *чи* Витебской губерніи и болѣе шестидесяти Смоленской и сличалъ ихъ съ сорока семью такими же названіями, найденными въ Новгородской губерніи. Изъ всего этого числа нашлось только сходство въ одномъ названіи, тогда какъ сличая тѣ и другія съ Прусскими, открывается несравненно болѣе сходства. Г. управляющій Статистическимъ Отдѣленіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, тайный совѣтникъ Арсеньевъ, сдѣлалъ мнѣ большое одолженіе, позволивъ пользоваться свѣдѣніями офиціальными. Въ этомъ Отдѣленіи нашелъ я алфавитные списки всѣхъ деревень осмотрѣнныхъ мною губерній. Ихъ тамъ до шестидесяти четырехъ тысячъ. Сличая ихъ названія съ Прусскими, я былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ, которое является не въ единицахъ и не въ десяткахъ, а при самомъ поверхностномъ сличеніи цѣлыми сотнями, за всѣмъ тѣмъ что я искалъ сходство не въ смыслѣ названій, какъ Ходаковскій, а въ буквахъ, и что много изъ Прусскихъ именъ исковерканы Нѣмецкимъ выговоромъ и письмомъ. Для примѣра выпишу вамъ нѣсколько деревень хоть Ямбургскаго уѣзда, расположеннаго по Наровѣ и Финскому заливу. Названія Русскими буквами будутъ означать Русскія селенія, а Латинскими—Прус-

скія фамиліи. *Велиницы — Welinitz, Горицы — Goritz, Красницы — Crastnitz, Кокорицы — Kokeritz, Русковицы — Riedzkewitz, Суглицы — Sägelitz, Райково — Rainnow, Вардово — Wartow, Порхово — Porgow* и *Polchow, Рагулово — Rahenlow, Роково — Rochow, Струпово — Stripow, Вѣтка — Witke, Россія — Rossey* и пр. Въ самомъ Новгородѣ не только названія окрестныхъ деревень, но даже городскихъ концовъ точь въ точь сходны съ Прусскими, какъ-то: конецъ *Плотинскій — Plotin, Словенскій — Sloowen, Людинъ — Lotin, Горничьскій — Gornitz.* Дѣлая выводъ по вашему методу отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то-есть, имѣя удостовѣреніе, что позднѣйшія поселенія Новгородской губерніи изъ Средней и Южной Россіи удержали названія прежняго отечества, ибо тамъ есть селенія съ именами Кромы, Курскъ, Валуйки, Каневъ, Глуховъ, Прилуки и пр., я удостовѣряюсь болѣе и болѣе въ своей идеѣ о колонизаціи и продолжаю теперь разсматривать списки Ярославской и Костромской губерній, гдѣ обитала Меря. А читая Нестора, нахожу, что если имѣть въ виду колонизацію, то повѣствованіе его о первыхъ временахъ представляется яснѣе. Возьмемъ для примѣра хоть призваніе князей. Ихъ призывали Чудь, Словене, Кривичи, Весь и Меря. Слѣдовательно, они должны бы имѣть и одинакія права съ Словенами; но Несторъ Чудь, Весь и Мерю ставитъ въ числѣ данниковъ Руси съ другими иноплеменниками. При нынѣшнихъ понятіяхъ это обстоятельство не разрѣшимо, но при колонизаціи оно ясно. Извѣстно, что Чудь, Весь и Меря названія не туземныя, такъ же, какъ въ Америкѣ Пенсильванія, Виргинія, Флорида и пр., кои получили имена отъ первыхъ поселенцевъ, а впослѣдствіи и колонисты, и туземцы назывались по имени страны, такъ что подъ именемъ Пенсильванца разумѣлись и Американскіе дикари, и жившіе тамъ Европейцы, какъ и у насъ подъ именемъ Сибиряка. Туземцы страны Чуди называютъ себя Суоми, какъ и другіе Финны, но у Нестора Сумь показана особо. Русскіе обитатели Ямбургскаго уѣзда и теперь называютъ себя Чудинами, что замѣтилъ и Ходаков-

скій. Въ лѣтописяхъ названы Чудью лица съ западными Словенскими прозваніями: *Савиницъ*, *Нериваницъ*, *Синевицъ* и напротивъ не упоминается ни объ одномъ Чухонскомъ имени. Владиміръ населилъ южные города, Чудью, и, кажется въ Вышгородѣ былъ воевода Чудинъ. Въ числѣ Прусскихъ фамилій есть Цидовъ, Цудовъ, кои легко могли быть измѣнены въ Чудь, также есть тамъ Весинъ и Меринъ. Изъ этого я заключаю, что подъ именами Чуди, Веси и Мери разумѣлись какъ туземцы, такъ и Словенскіе колонисты; послѣдніе участвовали въ призваніи князей, какъ люди осѣдлые, а первые какъ дикари и звѣроловы показаны въ числѣ данниковъ Руси. Желательно знать объ этомъ ваше мнѣніе. Но главнѣйшее обстоятельство, заставившее меня писать всю эту галиматью, заключается въ томъ, что при моихъ розысканіяхъ открывается сильное противорѣчіе вашей теоріи о Скандинавствѣ Руссовъ, и потому, чтобъ избавить васъ отъ возраженія въ будущемъ, прошу покорно разрѣшить мои недоумѣнія въ настоящемъ, и особенно вотъ въ чемъ: Въ числѣ деревень Новгородской и сосѣднихъ съ нею губерній я нашелъ болѣе шестидесяти такихъ, кои носятъ названія Руси въ разныхъ формахъ, какъ-то: Россія, Русь, Русово, Руса, Русаново, Русково, Русаково и пр. и пр. и, сверхъ того, нѣсколько десятковъ съ названіями Словенской миѳологіи, а именно: Радгостицы, Жева, Святовидово, Стрибуково, Волотово, Волосово, Перунь и пр., и между ними одно только Оденьево въ самой глуши въ Кирилловскомъ уѣздѣ, гдѣ есть деревня съ названіями Нимчуха, Нѣмцово и пр. Видимо, что тамъ селились или плѣнные, или добровольные иностранные выходцы отдѣльно отъ Руси и Словенъ. Я думаю: 1-е) что поселеніе Руси у насъ на Сѣверѣ было еще до Рюрика, и основываю это положеніе на соляныхъ варницахъ Старорусскихъ ибо Новгородцамъ нельзя было обойтись безъ соли, а въ другихъ мѣстахъ ея не было; 2-е) что съ Рюрикомъ пришла не ватага бездомныхъ удальцовъ, а люди семейные, привыкшіе къ земледѣлію, иначе они не поселились бы въ деревняхъ; 3-е)

что эти Русы исповѣдывали Словенскую религію, какъ и наши первые князья и Олеговы послы; 4-е) что осѣдлые народы никогда не переселяются безъ остатка и даже кочевые оставляютъ по себѣ память въ урочищахъ и деревняхъ. У насъ на это много примѣровъ: Печенѣги, Кипчаки или Половцы, Маджары и пр. оставили по себѣ слѣды. Въ Скандинавіи при столѣтнихъ розысканіяхъ слѣдовъ Руси не найдено, а въ Пруссіи, кромѣ указаній лѣтописцевъ, начиная отъ географа Равенскаго до грамотъ католическаго духовенства, въ коихъ вездѣ упоминается о тамошней Россіи, осталось множество названій деревень и дворянскихъ фамилій, указывающихъ прямо на Русь во всѣхъ возможныхъ формахъ, какъ-то: *Ross*, *Rossow*, *Rossen*, *Rossau*, *Rossey*, *Rositz*, *Roske*, *Rutzow*, *Rotzen*, *Rosten*, *Rossiten*, *Rostke*, *Rossenau*, *Rossentin*, *Reusin* и пр.“.

Въ то же время Погодинъ продолжалъ печатать отрывки изъ своей обработанной Исторіи, и во второмъ нумерѣ *Москвитянина* 1848 года появились его *Ярополкъ* и *Владиміръ*. Отрывки эти весьма нравились И. И. Давыдову, и онъ писалъ автору: „Отрывки ваши изъ отечественной любезной всѣмъ намъ Исторіи прекрасны. Я уже писалъ, что они — лучшее украшеніе *Москвитянина*. Вижу, что вы вдохновляетесь, потому что эти отрывки навѣваютъ на меня особенное какое-то чувство, которое дается только чрезъ общеніе съ духомъ истины — чрезъ помазаніе. Вотъ ваше настоящее дѣло, а не званіе помощника, которое нынѣшній Попечитель назначаетъ для объѣзда гимназій, наравнѣ съ Бѣляевымъ. Какъ вамъ думать о должности объѣздного“; а въ другомъ своемъ письмѣ И. И. Давыдовъ писалъ Погодину, между прочимъ, и слѣдующее: „Вдругъ мнѣ пришло въ голову: почему бы вамъ, какъ Карамзину, не проситься въ исторіографы“.

VII.

Ученый другъ В. В. Григорьева, извѣстный оріенталистъ П. С. Савельевъ, въ 1847 году, обогатилъ Русскую Литературу замѣчательнымъ сочиненіемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи.* Еще до выхода въ свѣтъ этой книги В. В. Григорьевъ писалъ Погодину: „На дняхъ выйдетъ, наконецъ, въ свѣтъ книга П. С. Савельева; вотъ книга, такъ книга: въ копотливости заткнулъ Френа за поясъ; а ясность изложенія— истинно Русская. Онъ пришлетъ вамъ свою работу“ [32]). Познакомившись съ этою книгою, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ Мухаммеданскую Нумизматику. Прекрасная книга, и хоть бы слово обо мнѣ. Положимъ, онъ печаталъ ее прежде выхода моихъ книгъ, но онъ долженъ былъ сказать въ дополненіи“ [33]).

Не ограничиваясь этимъ, Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* и краткую рецензію о книгѣ, которая привела его въ полемику съ дружественнымъ Москвитянину *Сѣвернымъ Обозрѣніемъ.* Рецензію свою Погодинъ начинаетъ такъ: „Ни для какой Исторіи монеты не принесли такой пользы, какъ для Русской; нигдѣ историческія положенія не были такъ разительно подтверждены монетами, какъ у насъ, — притомъ самымъ необыкновеннымъ образомъ: Восточныя, Арабскія монеты послужили комментаріемъ Кіевской Несторовой Лѣтописи! Древняя Русская торговля и соединенныя съ нею промышленность и образованіе осязательно знакомы стали намъ изъ денежныхъ вкладовъ, находимыхъ по всему пространству Россіи, и всѣ сомнѣнія, возникшія въ послѣднее время у нашихъ изслѣдователей, разлетѣлисъ какъ дымъ; самъ Шлецеръ, не довѣрявшій древней торговлѣ, долженъ бы былъ преклониться предъ новыми открытіями. Френу принадлежитъ первая честь за нихъ. По его слѣдамъ пошелъ *Григорьевъ* и представилъ прекрасное разсужденіе о куфическихъ монетахъ. Онъ *допро-*

силъ монеты, какъ слѣдственный судья, и онѣ, послушныя, дали ему отвѣтъ, усладившій всѣхъ друзей Исторіи. Теперь является новый дѣятель на этомъ поприщѣ, П. С. Савельевъ. Книга его—превосходный трудъ, украшающій нашу историческую Литературу, какъ бы въ вознагражденіе за послѣдніе высшіе взгляды. Основательность, точность, отчетливость, полнота — неотъемлемыя достоинства *Мухаммеданской Нумизматики* Савельева. Смѣло рекомендую ее Русскимъ студентамъ, какъ произведеніе классическое, гдѣ они могутъ видѣть примѣръ, какъ должно работать для Исторіи, учиться пріемамъ и обогащаться свѣдѣніями *вѣрными*, а не *пустыми!*"

Далѣе Погодина въ книгѣ Савельева поразило слѣдующее разительное сближеніе: „Раскрытіе земли въ Бѣломъ-Городѣ (въ Москвѣ) представило любопытную картину нѣсколькихъ слоевъ древностей, погребенныхъ однѣ подъ другими: въ наносномъ песчаномъ слоѣ, въ глубинѣ девяти аршинъ отъ поверхности горы, найдены разбросанныя кости *допотопнаго* мамонта; выше, въ разныхъ мѣстахъ, *Арабскія монеты IX вѣка*; далѣе, на глубинѣ трехъ аршинъ, *кладбище XIV вѣка*, потомъ *серебряныя копѣйки XV, XVI и XVII вѣковъ*, вмѣстѣ съ другими Русскими древностями; вершину столькихъ могилъ древности вѣнчало *кладбище новыхъ временъ* *). А теперь на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ *храмъ Спасителю въ память о войнѣ 1812 года*".

Въ заключеніе своей рецензіи Погодинъ упрекнулъ Савельева за то, что онъ въ своей книгѣ игнорировалъ его изслѣдованія.

Почти одновременно съ П. С. Савельевымъ и И. И. Срезневскій обогатилъ Русскую Литературу замѣчательнымъ сочиненіемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Святилища и обряды языческаго Богослуженія древнихъ Словенъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ. 1846*. Приступая къ разбору этой книги, Погодинъ высказываетъ нѣ-

---

*) Кладбище Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря.

сколько словъ *объ общемъ мнѣніи* и утверждаетъ, что „у насъ его нѣтъ, или почти нѣтъ по разнымъ причинамъ. Литературнаго общаго мнѣнія нѣтъ отъ недостатка образованія и малаго развитія вкуса въ большинствѣ публики, которая слушается на время журнальныхъ крикуновъ, а потомъ равнодушно забываетъ ихъ крики и свои мнѣнія. Журнальные же крикуны хвалятъ и прославляютъ только своихъ сотрудниковъ по методѣ рядскихъ купцовъ: пожалуйте сюда, у насъ товары лучшіе: повѣсть г-на N. имѣла колоссальный успѣхъ; изслѣдованіе г-на S. пріобрѣло ему огромную репутацію; пожалуйте сюда—мы напечатаемъ еще повѣсть г-на N., мы представимъ еще новое открытіе г-на S., рядъ статей и тому подобное. Всѣ эти успѣхи, славы и репутаціи возгораются и гаснутъ почти ежегодно и даже ежемѣсячно, и установленіе вѣрнаго литературнаго общаго мнѣнія можетъ быть ожидаемо только отъ времени.—Но ученое общее мнѣніе можетъ, кажется, установиться и теперь, можетъ тѣмъ болѣе, что у насъ только есть двѣ науки, обнаруживающія жизнь, это—Русская Исторія и Русская Филологія. Для той и другой есть въ Университетахъ и Академіяхъ по крайней мѣрѣ по двадцати профессоровъ,—не говоря уже о стахъ-двухъ учителей въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Мудрено ли, кажется, о всякой исторической и филологической книгѣ (коихъ, впрочемъ выходитъ въ годъ отъ пяти до десяти), быть отзыву при всякомъ Университетѣ и Академіи? Изъ такихъ отзывовъ, разумѣется, безпристрастныхъ и многостороннихъ по самой натурѣ своей, и составилось бы общее мнѣніе, которое подѣйствовало бы и на частные литературные журналы съ ихъ штатными рецензентами. Почему же этого нѣтъ!"

Высказавъ это, Погодинъ переходитъ къ И. И. Срезневскому и такъ рекомендуетъ его: „Г. Срезневскій давно уже извѣстенъ въ нашей Литературѣ своими прекрасными, занимательными трудами. Кто, напримѣръ, не помнитъ его живыхъ статей о Сковородѣ и проч. въ *Московскомъ Наблюдателѣ*. Недавно подарилъ онъ такой же превосходный очеркъ

въ *Московскомъ Сборникѣ* о Вукѣ и Словесности западныхъ Словенъ. Теперь даетъ онъ намъ начало своего труда, болѣе важнаго и обширнаго—о Религіи древнихъ Словенъ".

О книгѣ же его Погодинъ замѣчаетъ: „Законнымъ судьею его книги въ Европѣ можетъ быть, разумѣется, Шафарикъ,—у насъ—товарищи его по предмету занятій—профессоры Словенской Исторіи и нарѣчій. Они должны сказать намъ, воспользовался ли Срезневскій всѣми источниками и такъ ли понялъ и сообразилъ всѣ древнія свидѣтельства. Съ моей стороны, я скажу только объ немъ въ отношеніи къ свидѣтельствамъ Русской Исторіи. Эта часть есть у него самая слабая по причинѣ очень простой: онъ смѣшалъ Русь, Норманское пришлое племя, съ туземными Словенами, и всѣ Арабскія свидѣтельства о религіи Руси придалъ Словенамъ, которымъ они вовсе не принадлежатъ. Такимъ образомъ Словенская его Миѳологія переполнилась совершенно чужеродными предметами и приведена въ замѣшательство" [34]).

Обѣ эти рецензіи Погодина своимъ тономъ и содержаніемъ очень не понравились редакторамъ *Сѣвернаго Обозрѣнія*, и тамъ появилась слѣдующая статейка: „Сужденія Погодина, редактора *Москвитянина*, о нашей исторической Литературѣ всегда замѣчательны съ той или съ другой стороны. Его обширная начитанность и собственные труды по Русской Исторіи могли бы сдѣлать его примѣчательнымъ и уважаемымъ историческимъ критикомъ. Но автору *Изслѣдованій*, по видимому, некогда заниматься критикою серьезною и писать хоть связно, не говоримъ послѣдовательно, о разбираемыхъ книгахъ. Онъ обыкновенно довольствуется бѣглымъ обзоромъ книги, выпишетъ изъ нея два-три мѣста для похвалы или порицанія и заключитъ рѣшительнымъ приговоромъ книгѣ, какъ съ каѳедры (ipse dixit) и обращеннымъ къ студентамъ, а не къ публикѣ. Въ первомъ нумерѣ своего журнала М. П. Погодинъ посвятилъ двѣ критическія статьи, въ десять страничекъ каждую, *Мухаммеданской Нумизматикѣ въ отношеніи къ Русской Исторіи*, П. С. Савельева, и изслѣдованію *О Словен-*

скомъ богослуженіи И. И. Срезневскаго. Савельева онъ упрекаетъ, зачѣмъ онъ, такъ тщательно приводящій всѣ источники, ни разу не сослался на *Изслѣдованія* его, г. Погодина. Упрекъ былъ бы справедливъ, еслибы цензурныя одобренія на обоихъ сочиненіяхъ не показывали осязательно, что *Нумизматика* Савельева, одобренная къ печатанію въ апрѣлѣ 1844—декабрѣ 1846 года, вышла изъ печати ранѣе *Изслѣдованій*, одобренныхъ въ маѣ 1846 года и полученныхъ въ Петербургѣ тогда уже, когда сочиненіе было кончено. Къ профессору Срезневскому авторъ еще болѣе несправедливъ; мало того: упрекая его въ мнимой ошибкѣ, критикъ дѣлаетъ дѣйствительную. Критикъ вообразилъ, будто бы Массуди, который писалъ о Словенской миѳологіи, все равно, что Ибнъ-Фоцланъ, не писавшій о Русской миѳологіи, и что Срезневскій приписалъ Словенамъ то, что̀ Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о Руссахъ! Эти колоссальныя ошибки, собственнаго изобрѣтенія, доставили оружіе критику противъ автора, который не виноватъ въ нихъ ни душой, ни тѣломъ, какъ Надеждинъ передъ Шевыревымъ. Неужели Погодинъ не читалъ извѣстій Массудія о Словенахъ, которыя изданы г. Шармуа, въ *Memoires de l'Acad. de St.-Pétersbourg!* Въ *Изслѣдованіяхъ* Погодина мы также не встрѣчали указанія на этотъ важный источникъ!“ [35])

Статейка эта очень раздражила Погодина, и онъ не замедлилъ отвѣтомъ: „*Сѣверное Обозрѣніе*“, писалъ онъ, — „разбирая мои историческія рецензіи, говоритъ: „критикъ вообразилъ, будто бы Массуди, который писалъ о Словенской миѳологіи, все равно, что Ибнъ-Фоцланъ, не писавшій о Русской миѳологіи, и что Срезневскій приписалъ Словенамъ то, что̀ Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о Руссахъ! Эти колоссальныя ошибки собственнаго изобрѣтенія доставили оружіе критику противъ автора, который не виноватъ въ нихъ ни душой, ни тѣломъ“. Какъ ни больно для самолюбія, но я всегда бываю готовъ сознаться въ своей ошибкѣ, большой и малой, тѣмъ болѣе колоссальной. Въ *Сѣверномъ Обозрѣніи* объявлены глав-

ными сотрудниками по ученой части гг. Григорьевъ и Савельевъ; я радъ подвергнуться ихъ суду, и спорить, прекословить имъ не буду: они оба оріенталисты—кому же лучше знать о Массуди и Ибнъ-Фоцланѣ, которыхъ профанъ, или писатель западный, разумѣется, можетъ иногда смѣшать, даже легче, чѣмъ восточный Державина съ Дершау, или П. Савельева съ Н. Савельевымъ. Но скажите мнѣ, милостивые государи, гдѣ я воображалъ, будто Массуди все равно, что Ибнъ-Фоцланъ. Объясните мнѣ, что значатъ слова ваши, будто Ибнъ-Фоцланъ не писалъ о Русской миѳологіи. Главный источникъ всѣхъ нашихъ и даже вашихъ свѣдѣній этого рода есть знаменитое изданіе Френа, которое въ самомъ заглавіи своемъ имѣетъ: Ibn Foszlan ueber die heidnischen Russen. Во второй строкѣ Ибнъ-Фоцланова извѣстія стоятъ слова, приведенныя мною противъ г. Срезневскаго: Sie (Russen) haben ihre eigene Sprache und eine Religion und ein gottlich Gesetz, worin sie mit keinem andern etwas gemein haben, а потомъ слѣдуетъ описаніе ихъ (Русскихъ) обычаевъ, которые Срезневскій приписываетъ Словенамъ, смѣшивая, по моему мнѣнію, Русь съ Словенами. Вотъ *только* что я сказалъ. Объясните мнѣ, милостивые государи, мое недоразумѣніе — безъ чего я никакъ не смѣю сказать вамъ, вашими словами, что эти двѣ колоссальныя ошибки вашего изобрѣтенія, и что я въ нихъ ни душею, ни тѣломъ не виноватъ. Я предположилъ бы, пожалуй, что онѣ даже принадлежатъ не вамъ, а Дершау, но я боюсь, чтобъ именно этимъ предположеніемъ не сдѣлать дѣйствительно колоссальной ошибки и не оскорбить дерзко, легкомысленно и опрометчиво редактора, который въ нихъ ни душей, ни тѣломъ не виноватъ. Шутка приписать кому бы то ни было, во всеуслышаніе, колоссальную ошибку, даже и не собственнаго изобрѣтенія!“

Покончивъ съ Срезневскимъ, Погодинъ переходитъ къ П. С. Савельеву и пишетъ: „Савельева упрекаю я—говоритъ далѣе *Сѣверное Обозрѣніе*—зачѣмъ онъ, такъ тщательно приводя-

щій всѣ источники, ни разу не сослался на мои *Изслѣдованія*". Это несправедливо. Я сказалъ по поводу собственныхъ словъ Савельева объ его единогласіи въ выводахъ съ Григорьевымъ, что онъ „въ моихъ *Изслѣдованіяхъ* могъ бы найти третье подтвержденіе, которое тѣмъ крѣпче, что основывается преимущественно на лѣтописяхъ и подтверждается монетами, а его основывается на монетахъ и подтверждается лѣтописями. Придти къ одному заключенію двумя различными путями — это очень примѣчательно, и говоритъ много само за себя", и проч. То ли это значитъ, что́ даетъ разумѣть *Сѣверное Обозрѣніе*? Изъ цѣлой рецензіи вынуть нѣсколько словъ и дать имъ такой превратный смыслъ, — простительно критикамъ *Современника* и *Отечественныхъ Записокъ*, но мы не желали бы найти подобные маневры въ *Сѣверномъ Обозрѣніи*, которое обѣщаетъ дать намъ собою дѣльный, хорошій и добросовѣстный журналъ".

Впрочемъ, въ заключеніе своего отвѣта Погодинъ сказалъ: „Мнѣ очень непріятно такое столкновеніе *Москвитянина* съ *Сѣвернымъ Обозрѣніемъ*, но оно нисколько не уменьшаетъ моего уваженія къ новому журналу, увѣренности, что онъ поддержитъ честь Русской журналистики, и желанія ему всякаго успѣха. Онъ не могъ еще обозначиться, но уже ясно видно, что это не *Современникъ* и не *Отечественныя Записки*, и что *Москвитянинъ*, разнясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, сойдется во многихъ главныхъ началахъ и вопросахъ" [36]).

Въ то время, когда Погодинъ спорилъ съ П. С. Савельевымъ, въ *Современникѣ* 1848 г. Егуновъ напечаталъ *Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси*, направленный противъ книги Савельева.

А. Н. Егуновъ, по свидѣтельству Д. А. Корсакова, былъ питомцемъ Московскаго Университета, „слушатель К. Д. Кавелина, впослѣдстіи авторъ ученыхъ статей по Русской Статистикѣ и Исторіи Русской торговли. Его студенческая работа по Исторіи древнѣйшей Русской торговли была напе-

чатана въ *Современникѣ*, по всей вѣроятности, благодаря посредничеству Кавелина".

Свой *Взглядъ* Егуновъ начинаетъ такими словами: „Множество извѣстій о древней Русской торговлѣ, разсѣянныхъ частью въ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ, частью же у иностранныхъ писателей разныхъ временъ и народовъ, до сихъ поръ, какъ извѣстно, сильно занимали изслѣдователей нашей старины. Обольщенные ими, всѣ они провозглашали, что съ древнѣйшихъ временъ торговля наша была цвѣтуща, дѣятельна, обширна, что она производилась чуть не на всѣхъ концахъ вселенной и т. п.; но въ то же время всѣ они какъ-то упустили изъ виду рѣшеніе весьма важнаго вопроса: гдѣ же у насъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія этой знаменитой торговли?.." Послѣ обширнаго изслѣдованія Егуновъ приходитъ къ убѣжденію, что торговля наша „стояла на самой низкой ступени развитія, была совершенно ничтожна, даже не была торговлей въ истинномъ смыслѣ этого слова". Изъ подстрочнаго примѣчанія мы узнаемъ, что Егуновъ, „благодаря просвѣщенному вниманію и благосклонности" графа С. Г. Строгонова при своемъ изслѣдованіи о нашей древней торговлѣ, пользовался его минцъ-кабинетами [37]). Задѣтый за живое этимъ *Взглядомъ*, Погодинъ возсталъ противъ него и отвѣчалъ автору его, между прочимъ, слѣдующее: „Скажу вообще о статьѣ Егунова: не видя у насъ слѣдствій промышленности и торговли, имъ придуманныхъ или сочтенныхъ за всеобщія, онъ выводитъ a priori, что у насъ не было торговли и промышленности, и подъ это готовое заключеніе собираетъ уже послѣ приличныя мѣста лѣтописей или толкуетъ по своему не приличныя. Вотъ въ краткихъ словахъ его процессъ разсужденія и изслѣдованія! Каченовскій судилъ вотъ какъ: Лѣтописи говорятъ о древней торговлѣ, образованіи, грамотности, коихъ не видать и въ позднѣйшее время, слѣдовательно, онѣ подложны. Неправильность логическая погубила такъ называемую скептическую школу и погубитъ новую школу резонеровъ или школу умничанья. Жалѣемъ о талантахъ и трудолюбіи!" Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ заключеніе,

Погодинъ преподаетъ молодымъ ученымъ слѣдующій совѣтъ: „Когда вы не видите слѣдствій, какихъ бы то ни было, какого-нибудь явленія, или происшествія, или причины, то разыскивайте, почему ихъ не было, а не отвергайте ихъ, въ угоду своей логикѣ, вопреки Исторіи. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, должно изслѣдовать, что помѣшало торговлѣ получить здѣсь то или другое развитіе, а не отвергать ея первоначальнаго существованія, которое столь ясно, полно, разнообразно засвидѣтельствовано современниками, туземцами и иностранцами, а въ наше время доказано монетами и учеными знатоками“.

Не довольствуясь своимъ отзывомъ о статьѣ Егунова, Погодинъ напечаталъ о ней въ *Москвитянинѣ* обширную, анонимную критическую статью и отъ себя сдѣлалъ къ ней слѣдующее рѣзкое замѣчаніе: „Читатели, надѣюсь, согласятся съ нами въ достоинствѣ этой рецензіи. Статья Егунова уничтожена въ прахъ. Въ такой же прахъ могутъ и должны быть обращены разныя бредни, коими думаютъ красоваться нѣкоторые журналы. Выдержавъ на своемъ вѣку борьбу со школою скептиковъ, потомъ со школою Словенофиловъ *), я принялъ было на себя трудъ побесѣдовать и съ новою школою резонеровъ, не смотря ни на какія кривыя толкованія и предположенія, еслибъ имѣлъ время. Желательно, чтобы опытное перо моего рецензента подвергло ихъ строгой критикѣ, на пользу Русской Исторіи, которая уродуется немилосерднымъ образомъ“ [38]).

На статью Егунова обратилъ вниманіе и Хомяковъ. Посылая Погодину свои *Нѣсколько словъ по случаю Гумбольдта*, онъ писалъ ему: „Постарайся ее втиснуть въ журналъ твой, то-есть, протиснуть. Почти въ концѣ статьи мимоходомъ зацѣпилъ я Егунова статью *О древней торговлѣ* и говорю, что онъ сдуру не замѣтилъ, что ежегодная плата съ одного Новгорода составляла четвертую часть всего окупа, взятаго Норманнами съ Англіи. При мнѣ лѣтописи нѣтъ, и поэтому

---

*) То-есть, анти-Норманскою.

я не помню навѣрное—три тысячи гривенъ, платимыхъ Новгородомъ, не были ли гривнами кунъ? Еслибы такъ, то, чтобъ избѣжать спора, можно привести вмѣсто этого факта опись огромнаго богатства, конфискованнаго Новгородцами у посадника или тысяцкаго во время борьбы съ великими князьями (не помню съ какими, но до Татаръ). Итогъ нѣсколько десятковъ тысячъ гривенъ у одного человѣка. Если же гривны, платимыя Новгородомъ, не гривны кунъ, то оставь сравненіе съ окупами Норманскими, но рѣши, что̀ лучше, Англійскій и Французскій или окупъ Византіи при Олегѣ. Это все въ твоей волѣ, да кстати о Новгородѣ: не помню я—есть ли у кого изъ васъ, говорившихъ о древней Русской торговлѣ, не скажу предположеніе, но фактъ несомнѣнный, что имя Н. Г. не находится у восточныхъ писателей по самой простой причинѣ: *Старая* Ладога, *Новъ* городъ, явно, Новая Ладога; итакъ, если торговля была весьма древняя, то у Аравитянъ должно быть по обычаю Востока имя древнѣйшее Ладоги: такъ оно и есть. Это доказательство страшной древности“.

VIII.

9-го октября 1847 года Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину изъ Риги: „Бѣдный преосвященный Филаретъ борется всѣми силами съ вліяніемъ мѣстной жизни. Ему приходится тяжелѣе всѣхъ. Его положеніе въ Ригѣ ежечасная пытка, которая ему не по силамъ“ [39]). Не смотря на это Преосвященный находилъ въ себѣ силы неутомимо трудиться надъ своимъ капитальнымъ трудомъ— *Исторіею Русской Церкви*; но не одни Нѣмцы досаждали его. Еще въ сентябрѣ 1845 года писалъ онъ своему другу А. В. Горскому: „Скажи мнѣ для Господа въ простотѣ сердца: отъ чего это такъ со мною, грѣшнымъ, что мнѣ письменные труды не обращаются въ прокъ?... Вотъ и *Исторія Русская*: годъ прошелъ, а объ ней... нѣтъ радующаго слуха... Или въ самомъ дѣлѣ я безплодная смоковница... Если это отнесть къ тому, что, быть можетъ, не столько часто тревожу

людей просьбами...., то опять не знаю, точно ли мало, по крайней мѣрѣ за *Исторію*, просилъ я. Правда, озираясь на прошлое, вижу, какъ будто многое засисѣло отъ застѣнчивости моей, можетъ быть, не всегда умѣстной... Господи! вразуми меня во спасеніе. Скажи грѣшному путь Твой! Другъ мой!... попроси Өедора Александровича Голубинскаго и другихъ... Годъ прошелъ—и какіе-нибудь два листа не просмотрѣны..." Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 14-го декабря 1845 г.) Филаретъ рѣшается на болѣе рѣшительныя мѣры. „Тетради мои", пишетъ онъ Горскому,—„покоятся попрежнему за кучею азбукъ. Доложите Өедору Александровичу Голубинскому, что при всемъ уваженіи моемъ къ Комитету я скоро вынужденъ буду жаловаться или Владыкѣ - Митрополиту, или Святѣйшему Сѵноду." Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ извѣщалъ Горскаго, что преосвященный Иннокентій „въ другой разъ побуждаетъ меня скорѣе окончить печатаніе остальныхъ частей *Исторіи*" [40]). Но самъ Горскій, принимая въ соображеніе тогдашнее состояніе науки, находилъ несвоевременнымъ появленіе полной Исторіи Русской Церкви. Въ сохранившемся письмѣ его къ Погодину мы находимъ слѣдующія строки: „Думаю заняться преемникомъ Алексія святителемъ Кипріаномъ, чтобы такимъ образомъ постепенно вести исторію іерарховъ Московскихъ и далѣе. Прежде нежели можно будетъ составить полную провѣренную съ источниками Исторію нашей Церкви, нужно обозрѣть время каждаго верховнаго ея правителя. Разными взглядами придано инымъ фактамъ и лицамъ слишкомъ много значенія, у другихъ искаженъ смыслъ. Постепеннымъ, но полнымъ обозрѣніемъ записанныхъ въ лѣтописяхъ и сохранившихся въ другихъ памятникахъ дѣяній нашихъ первосвятителей точнѣе можетъ быть опредѣлено истинное значеніе каждаго лица и событія. Вотъ цѣль, къ которой стремлюсь въ своихъ розысканіяхъ, не пускаясь въ общія обозрѣнія, которыя должны опредѣлиться сами собою по окончаніи предварительной работы".

Въ томъ же письмѣ Горскій проситъ Погодина сообщить ему свѣдѣнія о митрополитѣ Кипріанѣ изъ своего Древле-

хранилища, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ Погодину свое любопытное недоумѣніе: „Надгробное слово Кипріану, сказанное чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти Григоріемъ Цамблакомъ, читалъ я; но оно слишкомъ скудно фактами. Для меня очень не ясно, что̀ это за судъ, изъ-за котораго Кипріанъ такъ долго спорилъ съ Новгородомъ. Видно, что дѣло было не между архіепископомъ и митрополитомъ, но между городомъ и митрополитомъ. Архіепископа заточили уже тогда, какъ онъ принялъ участіе въ военныхъ предпріятіяхъ Новгорода. Дотолѣ митрополитъ, хотя и не получалъ суда отъ Новгорода, утверждалъ права архіепископа, какъ видно изъ грамотъ, и дружелюбно принималъ его у себя въ Москвѣ. Не знаю, удастся ли мнѣ разрѣшить эти узлы. Но попытаться—попытаюсь".

Какъ бы то ни было, въ теченіе 1847—1848 годовъ стали появляться не въ хронологическомъ порядкѣ книжки *Исторіи Русской Церкви*. Въ 1847 году въ Ригѣ былъ отпечатанъ *Періодъ Патріаршества* (1588—1720) [1]). Въ томъ же году вышелъ напечатанный въ Москвѣ *Періодъ третій, отъ раздѣленія Митрополіи до учрежденія Патріаршества* (1410—1588). Въ теченіе 1848 года вышли тоже напечатанные въ Москвѣ, *Періодъ первый*, *Періодъ второй, Монгольскій, отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія Митрополіи* (1236—1410) *и Періодъ пятый, Сѵнодальное управленіе* (1721—1826).

Когда всѣ эти книги вышли въ свѣтъ, преосвященный Филаретъ освободился отъ Египетской работы и былъ переведенъ на Харьковскую святительскую каѳедру. „Слышали ли", писалъ Горскій Погодину (20-го ноября 1848 года),—„объ іерархическихъ перемѣнахъ? У насъ есть извѣстіе, что Владыка *нашъ* Рижскій переводится въ Харьковъ? Нельзя и представить, какъ велика его радость. Не приведетъ ли Богъ увидѣть его"? [41]).

---

[1]) Въ моей библіотекѣ имѣется экземпляръ этой книги, принадлежавшій библіотекѣ графа П. А. Валуева, со слѣдующею надписью преосвященнаго Филарета: *Его Высокоблагородію Петру Александровичу Валуеву въ знакъ душевнаго уваженія. Сочинитель епископъ Филаретъ.*

Уже изъ Харькова самъ преосвященный Филаретъ сообщалъ А. В. Горскому (28-го декабря 1848 г.): „Объ *Исторіи* писалъ мнѣ преосвященный Иннокентій еще въ Ригу подобное вашему извѣстію. Теперь же пишетъ, что непріязненные толки уже затихли... Мнѣ писали, будто воюю съ Нѣмцами, и это-то инымъ не по вкусу... Рѣзки выраженія?... Этого не сознаю. Да, другъ мой! еслибы другому пришлось вытерпѣть тоже отъ Нѣмцевъ и также близко видѣть дѣла ихъ, какъ довелось мнѣ терпѣть и видѣть, не такъ бы заговорилъ онъ о Нѣмцахъ... Нѣмцы въ книгахъ умные и тихіе люди. Но пусть пожили бы съ ними въ Лифляндіи даже и на моемъ мѣстѣ. Нѣтъ, другъ мой, не осуждайте меня за рѣзкость. Душа моя грѣшная слишкомъ настрадалась,—въ ней все болитъ до самой малѣйшей фибры... Я старался говорить каждое слово по совѣсти, справляясь съ документами. Во время Елисаветы не такъ говорили и думали о Нѣмцахъ. Нынѣ иные добры стали къ Нѣмцамъ“ [42]).

Между тѣмъ противъ *Исторіи Русской Церкви* выступилъ и Погодинъ, написавъ о ней въ *Москвитянинѣ Нѣсколько словъ*. Начинаетъ онъ, впрочемъ, похвально:

„Преосвященный Филаретъ замѣняетъ намъ незабвеннаго Евгенія. Сочиненіе его, основанное на тщательномъ и многостороннемъ изученіи источниковъ, заслуживаетъ полную похвалу и благодарность соотечественниковъ. Открытія его проливаютъ новый свѣтъ на многія темныя мѣста Исторіи и разрѣшаютъ съ успѣхомъ нѣсколько вопросовъ. Это украшеніе Литературы и отличное пособіе, не смотря на свою излишнюю краткость и сжатость, для учащихъ и учащихся“. Обѣщая современемъ представить обстоятельную рецензію объ этомъ сочиненіи, Погодинъ останавливается теперь на „одной“, какъ онъ выражается, выходкѣ и на одномъ мнѣніи.

„Выходка относится къ Карамзину, а мнѣніе къ происхожденію Руси—предметамъ близкимъ къ моему сердцу! Для насъ, Русскихъ, ничего не можетъ быть противнѣе мысли основанія государства нашего Норманнами. Всѣ Русскіе историче-

скіе писатели прошедшаго столѣтія считали священнымъ долгомъ вооружаться противъ этого мнѣнія и употребляли всѣ силы, чтобъ опровергнуть оное—вспомнимъ о Тредьяковскомъ, Ломоносовѣ, Болтинѣ. Наши современники повторяютъ то же явленіе, напримѣръ, Максимовичъ, Морошкинъ, Надеждинъ. Что грѣха таить: самъ я выдержалъ пресильную борьбу съ собою, даже послѣ разсужденія о происхожденіи Руси, очень обрадовался было внутренно мысли Каченовскаго о Ваграхъ, которая открывала мнѣ надежду подъ именемъ Варяговъ-Норманновъ уразумѣть Словенъ,—но истина опять взяла свое; я перечелъ, перевѣрилъ всѣ источники, и утвердился въ первомъ убѣжденіи, что основатели Русскаго государства были Норманны Нѣмецкіе.

„Преосвященный Филаретъ однакожъ все еще сомнѣвается. Сомнѣніе свое выражаетъ онъ по поводу моего утвержденія, что Христіанствомъ мы обязаны Варягамъ, также какъ и гражданскимъ устройствомъ. *Да*, говоритъ онъ, *если Варяги Норманны, а Норманны не болѣе какъ морскіе разбойники: то характеръ Варяговъ—прекрасный проводникъ Христіанства; только отъ нихъ Русскіе и могли научиться Христіанству!*

„Почтенный авторъ забываетъ, что тогда въ Европѣ изъ странствовавшихъ народовъ и не было никого, кромѣ разбойниковъ: Франки, Лонгобарды, Датчане, Саксонцы и прочіе Нѣмцы—не уступятъ другъ другу, ни нашимъ Норманнамъ, въ разбойничествѣ на первыхъ порахъ своихъ, а между тѣмъ они-то и приняли вездѣ Христіанство! Это были *мѣхи новые*, въ которыхъ должно было сохраняться новое божественное ученіе, а старые мѣхи оказались видно негодными для этой цѣли.

„*О всемъ періодѣ до 988 года, говорятъ*, продолжаетъ авторъ, *ни одного извѣстія, ни одного намека нѣтъ въ лѣтописи о какомъ-нибудь христіанинѣ Словенскаго племени. На чемъ основался такой судъ? Кажется, на томъ, что въ лѣтописи говорится о Руси, о Варягахъ, а Русь, Варяги — Норманны!*"

„Да, на этомъ, и больше ни на чемъ и не нужно! *Но*, про-

должаетъ авторъ, *еслибы и такъ было, все еще не слѣдовало говорить, что никто изъ Русскихъ Словенъ не былъ христіаниномъ до 988 г.; равно не слѣдовало приписывать Норманнамъ введеніе Христіанства въ Россію.*

„Почему же не слѣдовало бы? Что есть — то есть; чего нѣтъ—того нѣтъ; лѣтописецъ говоритъ о христіанахъ Варягахъ, а о христіанахъ Словенскихъ не говоритъ, хоть самъ былъ словенинъ. Еслибъ были какіе Словене *у насъ* христіане, то вѣрно онъ нашелъ бы случай упомянуть объ нихъ. Впрочемъ, возможныя исключенія не значатъ здѣсь ничего.

„*Мы уже видѣли совѣщаніе Оскольда о введеніи Христіанства въ Россію. Константинъ говоритъ: государь Руссовъ собралъ совѣтъ; тутъ было множество народа, самъ государь предсѣдательствовалъ съ боярами и старѣйшинами. Не Словенское ли это вѣче?*

„Отвѣчаю: такія совѣщанія бываютъ у всѣхъ народовъ, и Норманнское вѣче отнюдь не меньше Словенскаго вѣча приличны словамъ Константиновымъ.

„*Народъ,—а въ это имя, конечно, не захотятъ включить, благородныхъ Варяговъ,—народъ разсуждаетъ о вѣрѣ.*

„Народу Словенскому также было бы мудрено совѣщаться съ норманномъ Аскольдомъ на его языкѣ, какъ теперь Галичьскимъ Русскимъ крестьянамъ разсуждать по-Нѣмецки въ Вѣнѣ на сеймѣ. Совѣщаніе Аскольдово относилось, разумѣется, къ Варяжскому населенію Кіева.

„*И что еще на бѣду? О тѣхъ, которые были выше народа, Константинъ говоритъ, что они болѣе другихъ привержены были къ язычеству.*

„Бѣда не велика, или лучше, бѣды здѣсь нѣтъ для поклонниковъ Норманнскихъ, а развѣ прибыль: потому что Константинова дружина Аскольдова ясно представляется здѣсь тождественною съ дружиной Варяжской Святослава и Владиміра, изъ которыхъ первая ругалась надъ принимающими Христіанство, а послѣдняя отчасти только послѣдовала своему князю.

„*Несторъ говоритъ о Св. Ольгѣ: сію бо хвалятъ Рустіи*

сынове, аки начальницю. Стало быть, Норманны, а не Русскіе Словене, чтутъ Ольгу своею начальницею? Ольга по смерти моляше Бога за Русь.—Стало быть, Ольга молилась за Норманновъ, а не за Словенъ! Бѣдные Словене!

„Утѣшимся! Ольга молилась за Словенъ вмѣстѣ съ Норманнами: у Олега еще „бѣша Варязи и Словѣне, и прочи прозвашася Русью“. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Несторъ: „отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Русская земля“.

„*У Нестора Словенскъ языкъ и Русскій—единъ есть. А языкъ Норманновъ близокъ къ Словенскому?*

„Нѣтъ, не близокъ. Да въ его время Словенскій назывался *уже* Русскимъ, точно какъ и Словене назывались уже Русскими. Авторъ приводитъ слова Нестора: „Словенскъ языкъ и Русскій единъ есть“, но забываетъ, что у Нестора тотчасъ послѣ сказано: отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словенѣ; сице и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ.

„*У Нестора и близкихъ продолжателей его Русь по преимуществу Южная Русь. Потому Русь, крещенная при Осколдѣ, Игорѣ и Ольгѣ,—преимущественно Русь Южная.*

„Да, ибо Кіевъ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ круговъ концентрическихъ, откуда имя Руси распространилось: се буди мати градомъ Русскимъ, сказалъ Олегъ, а до Норманновъ не было здѣсь имени Руси.

„Разобравъ мнѣніе, обращаюсь къ выходкѣ, почитая священнымъ за себя долгомъ вступиться за память о Карамзинѣ. Авторъ сказалъ объ немъ вотъ что въ одномъ примѣчаніи: *Почтенный исторіографъ Карамзинъ, написавшій такую прекрасную картину минувшей судьбы Россіи, въ первыхъ томахъ своей Исторіи не рѣдко дѣлаетъ странные отзывы о церковныхъ событіяхъ. Отчего это? Отъ того, что, не задолго предъ тѣмъ возвратясь изъ Парижа, онъ еще не освободился отъ злокачественнаго воздуха Палерояля*“.

„Прежде всего замѣчу ошибку автора: Карамзинъ выдалъ

Исторію *не вскорѣ* послѣ своего возвращенія изъ Парижа, а черезъ *двадцать пять лѣтъ,* и даже принялся писать ее почти чрезъ *пятнадцать.*

„Странные отзывы (если они есть) происходили отнюдь не отъ злокачественнаго воздуха Палерояля (впрочемъ отъ *отцевъ Палерояля* (sic) остались и великія произведенія учености и благочестія), а отъ недостаточнаго знакомства съ тѣмъ или другимъ предметомъ Церковной Исторіи. Точно такіе же странные отзывы онъ могъ сдѣлать и даже сдѣлалъ о событіяхъ права, или другой науки, безъ всякой зависимости отъ какого-нибудь предубѣжденія. Точно такъ же могъ сдѣлать, (а можетъ быть, и сдѣлалъ) самъ авторъ (и всякой другой), но отнюдь никто не назоветъ ихъ иначе, какъ ошибками: errare humanum est. Можно ли требовать отъ Карамзина, чтобъ онъ всѣ событія церковныя разбиралъ такъ тщательно, какъ политическія? Нельзя, какъ отъ церковнаго писателя нельзя требовать одинакаго вниманія къ политическимъ происшествіямъ, и никакую невольную ошибку того и другого не должно приписать вольнодумству. Скажу болѣе: Карамзинъ оказалъ Церковной Исторіи такія услуги, какихъ не оказали всѣ духовные писатели вмѣстѣ, и еслибъ онъ не расчистилъ дороги, то ни Филаретъ, ни Макарій, не могли бы идти по ней такъ твердо, даже теперь, чрезъ тридцать лѣтъ. Наконецъ повинюсь еще вотъ въ чемъ: Исторію Государства Россійскаго я знаю вдоль и поперекъ; Исторію Русской Церкви прочелъ теперь очень внимательно, и никакъ не вижу, въ чемъ состоитъ именно та *странность* отзывовъ Карамзина, которая отзывается будто злокачественнымъ воздухомъ Палерояля? Значитъ — она не примѣтна для не вооруженнаго глаза, даже при противоположности. Платона авторъ называетъ образцомъ для Исторіи Русской Церкви, а Платонъ называлъ Владимірово прозрѣніе духовнымъ и Самозванца—не Отрепьевымъ. Что сказалъ бы авторъ, еслибъ Карамзину случилось сдѣлать эти отзывы! Удержимся отъ такихъ обвиненій: такъ легко дѣлать ихъ въ области слова и мысли, въ высшей области созерцанія! Припомнимъ разныя

соотвѣтственныя явленія изъ Исторіи Русской церкви, напримѣръ, *Камень вѣры* Стефана Яворскаго оставался долго подъ запрещеніемъ. Но возьмемъ лучше примѣры изъ Исторіи церкви Римской. Папы готовы были сжечь Лютера, Лютеръ радъ былъ бы подгрести уголья подъ Кальвина, а Кальвинъ возвелъ на костеръ Серветія. И всѣ они поступали, какъ нынѣ говорятъ, добросовѣстно, вслѣдствіе своихъ убѣжденій,—а безъ убѣжденій можно обвинить кого угодно, даже несравненно легче. La parole est elastique.

„Итакъ, осмѣливаюсь просить автора именемъ науки, справедливости, пожалуй, хоть снисхожденія, исключить эту страницу о Карамзинѣ въ будущихъ изданіяхъ своего прекраснаго труда. Осмѣливаюсь просить и за Татищева, который, правда, не расположенъ былъ къ духовной власти и ея участію въ дѣлахъ гражданскихъ, не любилъ Никона, а впрочемъ христіанинъ былъ благочестивый, что видно изъ его завѣщанія, и безъименный анекдотъ Голикова, относящійся къ его молодости, не заслуживаетъ такого строгаго наказанія“ [43]).

Но самъ критикъ своими *отцами Палерояля* впалъ въ забавную ошибку, что и было замѣчено ему Д. П. Голохвастовымъ и М. А. Дмитріевымъ. „У васъ въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина*“, писалъ Голохвастовъ,—„престранная ошибка, которая можетъ подать поводъ къ злымъ насмѣшкамъ, тѣмъ болѣе, что она въ собственной вашей статьѣ. Вы смѣшиваете Palais-Royal, построенный въ 1629 году, въ которомъ, кромѣ магазиновъ и распутныхъ домовъ, ничего не было, съ извѣстнымъ аббатствомъ Port Royal, гнѣздомъ Янсенистовъ, уничтоженнымъ въ 1710 г.“. Съ своей стороны и Дмитріевъ писалъ: „Въ статьѣ вашей о книгѣ Филарета есть ошибка, которую я счелъ нужнымъ замѣтить для вашего свѣдѣнія. Здѣсь поставлено *Пале-рояль* вмѣсто *Пор-рояль* (Port-Royal). Ошибка очень важная, чтобъ къ ней не привязались Петербургскіе журналы. Нельзя ли какъ ее поправить, или оговорить. Извините, что я поспѣшилъ съ этимъ замѣчаніемъ: вы знаете, какъ я васъ люблю, и не люблю, когда на васъ нападаютъ“.

Преосвященный Филаретъ былъ не одинокъ въ своемъ мнѣніи о Карамзинѣ. Вотъ что писалъ Погодину князь Н. А. Енгалычевъ, изъ Темникова, 30-го декабря 1848 года: „Одна изъ публикованныхъ статей подала мнѣ поводъ думать, что публика можетъ надѣяться отъ васъ новаго изданія Русской Исторіи. Зная изъ трудовъ вашихъ по части Древней нашей Исторіи, что вы слѣдуете болѣе собственнымъ убѣжденіямъ, нежели постороннимъ авторитетамъ, зная, что вообще въ историческихъ изслѣдованіяхъ вашихъ вы стараетесь представить все въ своемъ видѣ, я увѣренъ, что въ новомъ изданіи Отечественной Исторіи вы все то пополните и поправите въ Исторіи Карамзина, что онъ упустилъ или пренебрегъ изъ уваженія къ духу времени, какъ говорится, и своему не-Русскому образу мыслей; вмѣняю себѣ однакоже въ долгъ просить васъ обратить преимущественно вниманіе ваше на то, что̀ въ Русской Исторіи составляетъ первое ея достоинство, первую красоту: на строгую нравственность, нелицемѣрную вѣру и благочестіе нашихъ царей и семействъ ихъ; на великіе характеры нашихъ первосвятителей, которые были первыми совѣтниками царей, которые во всѣхъ важныхъ государственныхъ случаяхъ никогда не оставались праздными и многажды сберегали и спасали царство отъ ошибочныхъ дѣлъ, направленій и бѣдствій государственныхъ; на вѣрность и преданность къ вѣрѣ царямъ и всему отечественному Русскихъ древнихъ вельможъ военныхъ и гражданскихъ и людей всѣхъ прочихъ сословій; въ особенности же на то, что основаніемъ такого состоянія Русскихъ нравовъ, побужденіемъ великихъ поступковъ и подвиговъ всѣхъ великихъ людей Русскихъ была вѣра и природная ихъ степенность. Г-нъ Карамзинъ все это не только не старался выставить впередъ, но напротивъ, всякому патріотическому поступку, всякому христіанскому самоотверженію старался дать какой-нибудь случай, какъ бы срамляяся древнею Русскою набожностію и нравами, и такимъ образомъ лишилъ Русскую Исторію ея преимущества, ея характеристическаго вели-

чія. Правда, что съ тогдашнею грубостію нравовъ, съ тогдашнею излишнею набожностію, нѣкоторыми тогдашними странными обычаями, предки наши кажутся странными, но надобно знать и этому цѣну, надобно здѣсь видѣть пути Провидѣнія; эта грубость, эта набожность, эти обычаи составляли запасъ рыцарскаго права и мужества Русскихъ, запасъ Русской къ вѣрѣ привязанности, запасъ къ сохраненію Русской народности. Не будь ихъ, мы бы еще болѣе изнѣжились, еще болѣе потеряли вѣру, еще болѣе бы стали походить на неистовые наши образцы, на Французовъ и Нѣмцевъ, изъ коихъ первые отъ разврата и безвѣрія, а вторые отъ мечтательности и философіи, которая привела ихъ къ тому же безвѣрію, вовсе сбились съ толку, и не видно конца ихъ по всѣмъ частямъ безтолковщины. Хоть бы они же разучили насъ въ неразборчивомъ имъ подражаніи" [44]).

IX.

Печатая письма митрополита Евгенія (1806 г.), Погодинъ замѣтилъ, что „*Москвитянинъ*, какъ прежде *Московскій Вѣстникъ*, имѣлъ часто случай говорить о митрополитѣ Евгеніи". Въ одномъ изъ писемъ изъ Новгорода (отъ 8-го апрѣля 1806 г.), Евгеній сдѣлалъ такой отзывъ о *Краткой Церковной Россійской Исторіи* митрополита Платона: „О нововышедшей нашей Церковной Исторіи скажу вамъ: 1) что это отнюдь не Исторія, а Лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка нанизаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи, и сайки, и бублики... 2) Много находится парадоксовъ, которыхъ и доказать нельзя, что будто у языческихъ Словенъ не было жрецовъ... Если былъ при идолѣ сторожъ, то и это уже sacrificculus. 3) Много также тутъ съ одной стороны хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія... Итакъ, вообще можно сказать, что оно, можетъ быть, послѣднее твореніе, не дѣлаетъ чести автору. Впрочемъ, это мнѣніе мое пусть останется у васъ подъ завѣсою скромности, ибо со-

вѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца". Но противъ этого приговора долгомъ счелъ возстать Погодинъ. „Евгеній", писалъ онъ,—„судилъ слишкомъ строго: *Исторія*, о коей идетъ рѣчь, была первымъ опытомъ, и вотъ прошло уже сорокъ лѣтъ съ ея появленія, какъ появились у насъ новыя руководства—Макарія и Филарета! Значитъ, дѣло не легкое"[45]).

Самъ же митрополитъ Платонъ съ величайшимъ смиреніемъ писалъ о своемъ, по выраженію С. М. Соловьева, *незабвенномъ трудѣ*: „О семъ моемъ сочиненіи не велѣмудрствую и не почитаю оное въ своемъ родѣ совершеннымъ, но еще можетъ быть и недостаточнымъ, а нѣгдѣ, мню, и погрѣшительнымъ. Но по крайней мѣрѣ, по неимѣнію доселѣ никакой церковной Россійской Исторіи, послужитъ она въ духовныхъ училищахъ къ нѣкоторой пользѣ, хотя на время, а тѣмъ, кои просвѣщеннѣе, подастъ она случай обстоятельнѣе и исправнѣе издать Россійскую Церковную Исторію. Почему отъ таковыхъ и ожидаю, что они недостатки мои своимъ благоразуміемъ исправятъ. А всѣхъ читателей прошу, дабы, найдя какіе-либо въ семъ изданіи недостатки, извинили меня моею старостію. Ибо уже бывъ шестидесяти восьми лѣтъ въ сей трудъ вступилъ я"[46]).

Своею *Краткою Церковною Россійскою Исторіею* митрополитъ Платонъ, по отзыву С. М. Соловьева, „съ честію заканчиваетъ въ нашей Исторической Литературѣ XVIII и начинаетъ XIX вѣкъ... и запечатлѣлъ свое сочиненіе печатію могучаго, юнаго таланта"[47]).

„Незабвенный для Кіева", говоритъ М. А. Максимовичъ,—„Иванъ Ивановичъ Фундуклей, будучи гражданскимъ губернаторомъ, оказалъ важную услугу исторической наукѣ — изданіемъ трехъ знаменитыхъ книгъ о Кіевѣ и Кіевской губерніи. На эти книги ссылаются всѣ, какъ на книги Фундуклеевы; да и нельзя иначе: онѣ изданы отъ его имени; онѣ составлены по его мысли, при его участіи и содѣйствіи, и безъ него—ихъ не было бы. Глядя на нихъ, онъ можетъ ска-

зать словами давняго воеводы Кіевскаго Ходкевича: *не пощадѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати!*“

Объ участіи М. А. Максимовича въ одной изъ этихъ Фундуклеевыхъ книгъ, а именно въ *Обозрѣніи Кіева* въ отношеніи къ древностямъ, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ письмѣ его къ Погодину. „Въ 1847 году“, писалъ Максимовичъ,—„когда транспортъ съ рисунками для *Обозрѣнія* былъ уже на пути изъ Парижа, вызвали и меня съ Михайловой Горы въ Кіевъ. Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ пріѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ; а на паромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня. Но тогда казакъ Осьмакъ, содержатель перевоза, и товарищъ его Скокъ, поспѣшали въ Кіевъ на торги и предложили мнѣ оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться съ ними. Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились барашками, а лодка была крошечная душегубка.... Кое-какъ усѣлся я въ ней самъ-третій, между двухъ казаковъ. Жутко было мнѣ, пока отплывали отъ берега. Онъ глотаетъ людей, какъ мухъ— говоритъ Гоголь о взволновавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самою глубиною Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безпечно. Живо мнѣ тогда воображались и твои Варяги, и мои Запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы — ненаглядныя Святыя Кіевскія горы!... Того же днч вручено мнѣ было *Обозрѣніе* Кіева, съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому пріѣзду; и я охотно взялся за это дѣло. Печатая готовый текстъ *Обозрѣнія*, кое-гдѣ исправленный рукою Фундуклея, я написалъ передовой очеркъ Кіева и пополнилъ примѣчанія изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для третьей книги моего *Кіевлянина*. Туда вошли: мои выписки трехъ записей изъ Никольскаго Евангелія 1411 года; листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щековицу, сообщенный мнѣ Зубрицкимъ, и проч..... Къ половинѣ іюля, къ Владимірову дню, *Обозрѣніе*

Кіева было совсѣмъ готово, въ великолѣпныхъ переплетахъ работы Штробиндера" [48]).

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ горячо привѣтствовалъ эту книгу. „Десятинная церковь", писалъ онъ — „Крещатикъ, Ярослава гробница, Софійскій соборъ съ мозаикой и живописью XI вѣка, Золотыя ворота, Лавра съ пещерами и мощами Свв. Антонія, Өеодосія, Нестора лѣтописателя и пр., монастырь Михайловскій, Андреевская церковь, Академія съ воспоминаніями о Петрѣ Могилѣ, Степанѣ Яворскомъ и Димитріѣ Ростовскомъ, гробницы князя Константина Острожскаго и Румянцева, — сколько воспоминаній, сколько живыхъ ощущеній для чистаго Русскаго сердца, любящаго Отечество, въ радости и горѣ, свободѣ и рабствѣ, счастіи и несчастіи! Фундуклей подарилъ насъ превосходнымъ описаніемъ и изображеніемъ достопримѣчательностей Кіева. Честь и слава и благодарность достопочтенному сановнику. О, еслибъ примѣръ его нашелъ подражателей,—и Владиміръ, Суздаль, Новгородъ, Петербургъ, Нижній, Рязань, Вологда, Устюгъ, Тверь, были описаны также! О всякомъ почти городѣ въ Россіи можно сказать много любопытнаго, но мы ничего не знаемъ, и въ гордости невѣжества думаемъ, что и сказать о нихъ нечего; останавливаемся во всякомъ городишкѣ Нѣмецкомъ, и подъ руководствомъ лон-лакея обѣгаемъ всѣ закоулки, терпѣливо выслушиваемъ всякій вздоръ, осматриваемъ всякія мелочи,—и проѣзжаемъ безъ вниманія Новгородъ, Черниговъ, Переяславль, Кострому, Куликово поле. Скажу здѣсь кстати, что я, ѣздивши нарочно изъ Москвы осмотрѣть мѣсто сраженія на рѣкѣ Сити, гдѣ рѣшилась въ 1237 году судьба Россіи на двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, въ трехъ окружныхъ городахъ не могъ узнать даже, гдѣ оно было, и послѣ долгихъ, тягостныхъ усилій, наконецъ нашелъ истокъ рѣки и знаменитое мѣсто, на которомъ никто и никогда не бывалъ прежде меня, какъ увѣряли жители. Таково наше невѣжество въ ту минуту, какъ мы кричимъ о національности! А явились еще люди, писатели, журналисты, которые пошли еще дальше,

которые имѣютъ дерзость доказывать, что и знать намъ ничего не нужно, и что для полнаго счастія Русскихъ людей довольно ихъ варварскихъ переводовъ Вѣчнаго Жида, Парижскихъ Тайнъ и подобныхъ гадостей Французской литературы, раздаваемыхъ ими въ придачу, gratis, просвѣщеннымъ субскрибентамъ. Этого мало — они думаютъ, что только ихъ убѣжденія (?) и имѣть можно, и что убѣжденія противоположныя не возможны, не естественны, и должны быть поносимы, искореняемы всѣми средствами, позволенными и не позволенными. „Описаніе полно, при всей своей краткости, не заключаетъ ничего лишняго, основательно, точно представляетъ нѣсколько новыхъ извѣстій и соображеній,—однимъ словомъ, оно, какъ говорятъ Нѣмцы, составлено zweckmässig, цѣлесообразно. Изображенія прекрасны, хотя въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, живописи Софійской, данъ, какъ кажется, тонъ искусства западнаго“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ отвелъ мѣсто въ *Москвитянинѣ* для обширной критической статьи Ѳ. В. Чижова, посвященой *Обозрѣнію Кіева*. Въ этой статьѣ Чижовъ, между прочимъ, отдалъ справедливость передовому Очерку Кіева, написанному М. А. Максимовичемъ и примѣчаніямъ его. „Краткій Очеркъ Кіева“, пишетъ Чижовъ,—„помѣщенный въ началѣ книги, судя по слогу, выбору содержанія, разсказу и по точности изслѣдованій, видно, что писанъ не тѣмъ, кто составлялъ текстъ къ рисункамъ. Принадлежащія къ нему примѣчанія тоже не должны принадлежать составителю текста, потому что въ нихъ иногда исправляется неопредѣленность словъ его, чаще же всего неполнота и неточность превосходно пополняются ссылками на лѣтописи и историческими изслѣдованіями. Въ этихъ примѣчаніяхъ читатель найдетъ много весьма замѣчательнаго въ историческомъ отношеніи; въ нихъ замѣтны слѣды долгаго и дѣльнаго занятія исторіей древняго Кіева, вообще Русскою Исторіею“. Объ остальной же книгѣ Чижовъ вынесъ довольно строгій приговоръ. Погодинъ, желая смягчить его, написалъ отъ себя нѣсколько словъ въ защиту: „Редакторъ, помѣщая съ благодарностью эту статью, позволяетъ себѣ только

не согласиться съ критикомъ касательно текста къ изображеніямъ Древностей въ Обозрѣніи Кіева: критикъ желаетъ системы и за отсутствіе ея осуждаетъ описателя. По моему мнѣнію, надо разбирать, хвалить или осуждать то, что̀ есть, а не то, чего нѣтъ. То было бы лучше,—согласенъ, но авторъ, по своимъ видамъ или даже обстоятельствамъ, не имѣлъ того въ виду, не могъ, не хотѣлъ. Онъ вознамѣривался описать Кіевскія Древности порознь, — если описалъ онъ ихъ не вѣрно, не полно, онъ виноватъ, а иначе имѣетъ совершенное право на благодарность. Критикъ хочетъ хронологической Исторіи Кіева по памятникамъ—это другая книга, съ другимя условіями. Такъ точно нельзя, напримѣръ, требовать Исторіи Литературы по памятникамъ, отъ каталога Строевскаго, Востоковскаго. Съ этой точки смотря, мы опять повторимъ свое мнѣніе о достоинствѣ *Обозрѣнія Кіева* тѣмъ болѣе, что самъ строгій рецензентъ не нашелъ въ этомъ отношеніи почти никакихъ ошибокъ и пропусковъ. Еще одно замѣчаніе: критикъ не договорилъ, кажется, своей мысли о тожествѣ Скиѳовъ съ Словенами" [49]).

Питомецъ Московской Духовной Академіи И. Н. Остроумовъ написалъ магистерское сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія Флорентійскаго Собора*, но по труду, который положилъ на исправленіе этого сочиненія А. В. Горскій, оно по справедливости можетъ считаться произведеніемъ послѣдняго. Филаретъ, получивъ эту книжку, писалъ (28-го марта 1847 г.) А. В. Горскому: „Статья очень хороша. Предметъ разобранъ дѣльно и отчетливо. Съ этою статьею не стыдно показаться въ люди. Ошибаюсь ли я, думая, что это работа друга моего, который такъ скроменъ даже передъ другомъ" [50]). Съ своей стороны и Погодинъ замѣтилъ слѣдующее: „Пожалѣемъ, что ученый авторъ не дописалъ своей исторіи; соборъ кончился въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, и великому князю Василью Васильевичу Темному, который, безъ дальнѣйшихъ соображеній и тонкихъ преній, указалъ путь митрополиту Исидору, принадлежитъ честь послѣдняго удара. Еслибъ Россія

согласилась на Флорентинское соединеніе, то оно приняло бы другой видъ и на Востокѣ. Зачѣмъ отказываться отъ такого положительнаго участія въ обще-Европейскомъ происшествіи? Дѣйствіе Темнаго — характеристическое, одинакое по своей натурѣ съ дѣйствіями Ярослава, Изяслава Мстиславича, Ростислава Смоленскаго, Андрея Боголюбскаго, Всеволода, Алексѣя и Петра, и принадлежитъ къ отличіямъ Русской Исторіи. Пожалѣемъ также, что авторъ не описалъ Русскихъ свидѣтельствъ о соборѣ, рукописныхъ, также не сообщилъ свѣдѣній о печатномъ изданіи, которое подало поводъ къ ученой полемикѣ 1842 года" [51]).

По поводу этого замѣчанія А. В. Горскій писалъ Погодину: „Въ отзывѣ своемъ объ *Исторіи Флорентійскаго Собора* вы сдѣлали сочинителю замѣчаніе, зачѣмъ онъ не дописалъ своей исторіи, — и указали, что конецъ Собора былъ въ Москвѣ. Что же? Вѣдь сказано въ этой книжкѣ, какъ приняли Исидора въ Россіи, и особенно въ Москвѣ. Не придано суду Московскому такого значенія, какое вы даете? Но соборъ Московскій и не былъ послѣднимъ рѣшителемъ тѣхъ затрудненій, въ какія введена была Православная Восточная Церковь Соборомъ Флорентійскимъ. По времени онъ былъ ранѣе того Патріаршаго суда, на которомъ вся Восточная Церковь чрезъ своихъ представителей отреклась отъ беззаконнаго соединенія, по составу своему былъ онъ частный. Поэтому сочинителю, кажется, и нельзя было придать такого вселенскаго значенія, на какое вы указываете. Русскія современныя записи о Соборѣ весьма бѣдны содержаніемъ, и не во всемъ достовѣрны. Вотъ причина, почему о нихъ сказано немного. Споръ, начавшійся съ извѣстія о Ватиканскомъ спискѣ Исторіи Флорентійскаго Собора, я не помню, чѣмъ кончился. Впрочемъ, не подумайте, высокопочтенный Михаилъ Петровичъ, что замѣчаніе ваше задѣло мое самолюбіе. Вѣрьте, нисколько. Я желалъ только оправдаться сколько-нибудь въ глазахъ вашихъ — и ни въ чьихъ болѣе".

X.

Въ Бозѣ почившій отецъ намѣстникъ Свято-Троицкія Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ, еще будучи въ мірѣ (Левъ Александровичъ Кавелинъ), сдѣлалъ описаніе той Святой обители, въ которой сподобился принять ангельскій образъ. Въ 1847 году онъ напечаталъ въ С.-Петербургѣ *Историческое Описаніе Козельской Оптиной пустыни и состоящаго при ней скита.*

Одинъ изъ подвижниковъ пустыни, почтенный рясофоръ П. А. Григоровъ, 6-го марта 1848 года, сообщалъ Погодину: „Исторію Оптиной пустыни писалъ Левъ Александровичъ Кавелинъ, двоюродный братъ Московскаго профессора,—служитъ въ гвардіи и былъ сотрудникомъ покойнаго *Маяка!...* Судъ крикливыхъ Петербургскихъ журналовъ, выучившихся ловко браниться у Польскаго задорнаго цербера, для него не важенъ; но онъ ждетъ, что скажетъ исторіографъ М. П. Погодинъ, чтобъ воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями при второмъ изданіи и исправить тѣ недостатки, кои будутъ указаны! — *Москвитянинъ* отголосокъ цѣлой Россіи и одинъ только представитель въ Москвѣ, гдѣ столько умовъ“ [52]).

Погодинъ чрезвычайно заинтересовался книгою Л. А. Кавелина и напечаталъ въ *Москвитянинѣ* слѣдующее: „Въ послѣднее время Церковная Словесность наша обогатилась многими прекрасными описаніями монастырей, церквей и разныхъ священныхъ древностей. Къ числу ихъ принадлежитъ и это сочиненіе Кавелина, написанное съ теплотою сердечной, съ смиреніемъ, въ духѣ благочестія. Родъ Кавелина издавна обитаетъ въ сторонѣ Козельска: съ чувствомъ описываетъ онъ первыя свои впечатлѣнія въ обители, побудившія его впослѣдствіи принять на себя этотъ прекрасной трудъ, напримѣръ: „Особенно плѣнилъ меня“, говоритъ онъ,—„уединенный скитъ. Когда я предстоялъ Божественной Литургіи въ его простомъ, деревянномъ храмѣ, среди старцевъ, удру-

ченныхъ лѣтами и отъ юности вмѣнившихъ *вся въ уметы*, ради Царствія Божія, то какъ-то понятнѣе и доступнѣе становились сердцу моему слова дѣвственнаго Апостола, возглашаемыя чтецомъ: *Не любите міра, ни яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть* (I Іоан., 2, 15—16)".

„Исторія монастыря написана очень подробно, и всѣ источники, впрочемъ скудные, употреблены въ дѣло рукою искусною. Сначала Кавелинъ представляетъ краткое историческое извѣстіе о самомъ городѣ Козельскѣ, говоритъ о блистательной его защитѣ отъ Батыя, о покореніи его вмѣстѣ съ прочими городами древней земли Вятичей Литвою, и наконецъ о присоединеніи къ Москвѣ, какъ украйнаго города, а отъ Москвы къ удѣльнымъ ея князьямъ. Эпизодъ о смутномъ времени обработанъ очень хорошо. Козельскъ съ Калугой держался долго Тушинскаго вора, а потомъ Поляковъ, и уже только по Деулинскому миру вошелъ въ составъ мирныхъ и вѣрныхъ городовъ Россіи, искупивъ, какъ признается Кавелинъ, *свою ревность не по разуму*, жертвами кровавыми и тяжкими. За симъ переходитъ онъ къ монастырю, основанному, вѣроятно, въ XIV вѣкѣ и упоминаемому въ XVI. Замѣчательно, что основателемъ Оптиной пустыни былъ, по преданію, разбойникъ, обратившійся на путь спасенія и возсіявшій славою добродѣтели. Какъ кстати привелъ Кавелинъ слова пророка Іезекііля: *беззаконникъ, аще обратится отъ всѣхъ беззаконій своихъ, яже сотворилъ, и сохранитъ вся заповѣди Моя, и сотворитъ судъ, и правду, и милость, жизнію поживетъ, и не умретъ; вся согрѣшенія его, елика сотворилъ, не помянутся ему.* И изъ разбойника могъ сдѣлаться праведникъ! Успокоимся, смотря на разные людскіе пороки и недостатки. Многія подробности въ описаніи Кавелина имѣютъ интересъ мѣстный, домашній; другія любопытно узнать всякому благочестивому читателю; за нѣкоторыя, дающія понятіе о нравахъ,

поблагодарить историкъ. Оптина пустынь принадлежала всегда къ числу монастырей бѣдныхъ, а послѣ указовъ 1704 г., по коимъ Петръ I велѣлъ отобрать отъ монастырей разные доходы, она могла только содержаться мірскимъ подаяніемъ, „кто что пожалуетъ“. По духовному регламенту она была въ 1724 году упразднена вовсе, и братія ея со всѣмъ монастырскимъ имуществомъ переведены въ Бѣлевскій Преображенскій монастырь. По кончинѣ Петра I, ходатайствомъ одного изъ ревнителей обители, стольника Шепелева, она была возстановлена въ 1726 г.—Екатерина I вскорѣ повелѣла возстановить и прочіе упраздненные маловотчинные монастыри.

„Оптина пустынь по возобновленіи своемъ и жила въ скудости; замѣчательнаго ничего не случалось. Кавелинъ впрочемъ всѣми силами старается уловить всякую черту, приносящую ей честь въ какомъ бы то ни было отношеніи; напримѣръ: въ 1760 г. настоятелемъ Оптиной пустыни значится игуменъ *Пафнутій.*—„Здѣсь пріятно замѣтить“, говоритъ онъ,—„смиренный духъ братства тогдашняго времени и уваженіе ревностной ко спасенію жизни и душевной чистоты въ людяхъ, преимущественно предъ внѣшними способностями и *стихійною* образованностію: этотъ настоятель не умѣлъ писать; значитъ, онъ могъ удостоиться званія игумена не иначе какъ за свою добродѣтельную жизнь, за мудрое смиреніе, вѣнецъ иноческихъ добродѣтелей“.

„Нынѣшнее состояніе обители описано обстоятельно и отчетливо.

„Прогулка по кладбищу, со многими занимательными подробностями, погружаетъ невольно въ задумчивость.

„Во второй части Кавелинъ помѣстилъ описаніе скита. Здѣсь читатели найдутъ многія любопытныя извѣстія о митрополитѣ Кіевскомъ Филаретѣ, объ игуменѣ Моисеѣ, ревностномъ исполнителѣ его мысли, о старцѣ Досифеѣ — но всего важнѣе жизнь старца Леонида, ученика знаменитаго Паисія. Выпишемъ одно мѣсто: „Келья его представляла картину достойную кисти художника. Старецъ, въ бѣлой одеждѣ, крат-

кой мантіи, былъ виденъ изъ-за круга учениковъ своихъ, которые стояли предъ нимъ на колѣняхъ, и юношескія лица ихъ были одушевлены разными выраженіями чувствъ. Иной приносилъ покаяніе въ такомъ грѣхѣ, о которомъ и не помыслилъ бы не проходившій послушанія; другой со слезами и страхомъ признавался въ неумышленномъ оскорбленіи брата; на одномъ лицѣ горѣлъ стыдъ, что не можетъ одолѣть помысловъ, отъ которыхъ желалъ бы идти на конецъ свѣта; на другомъ выражалась хладнокровная улыбка невѣрія ко всему видимому: онъ пришелъ на ряду съ другими явиться только къ старцу и уйдти не исцѣленнымъ; но и онъ, страшась проницательнаго его взгляда и обличительнаго слова, потуплялъ очи и смягчалъ голосъ, какъ бы желая смягчить своего судію ложнымъ смиреніемъ. Здѣсь видно было истинное послушаніе, готовое лобызать ноги старца,—тамъ немощный, отринутый всѣмъ міромъ, болѣзненный юноша не отходилъ отъ колѣнъ о. Леонида, какъ отъ доилицы ея питомецъ. Между прочими видна была сѣдая глава воина, служившаго нѣкогда въ отечественной брани и теперь ополчившагося, подъ начальствомъ такого искуснаго вождя, противъ враговъ невидимыхъ. Здѣсь бѣлѣлись и власы старца, который, признавая свое неискусство въ монашествѣ, начиналъ азбуку духовную, когда міръ признавалъ его наставникомъ. Такимъ-то разнообразнымъ обществомъ былъ окруженъ великій старецъ и вождь духовный. Въ углу этой чудной келіи станвалъ и азъ грѣшный, замѣчая эти зрѣлища, столь же поучительныя, какъ и всѣ событія, напоминавшія лучшее время христіанства. *Собраніе смиренныхъ, яко избраніе Серафимовъ,*—сказалъ св. Исаакъ Сиринъ. Вечеромъ собранные на правило, на чтеніе вечернихъ молитвъ и двухъ главъ Апостола и Евангелія, составляли какъ бы единое семейство. Пришедшіе съ лѣтнихъ работъ сидѣли на полу и отдыхали, пріемля пищу духовную, едва только подкрѣпивши себя вещественною. Чтецъ долженъ былъ читать не протяжно и безъ ложной чувствительности, не тщеславясь голосомъ, при чемъ старецъ останавливалъ его своими замѣ-

чаніями. Евангеліе читывалъ самъ старецъ высокимъ голосомъ, по Молдавскому способу, который по преданію заимствованъ изъ великой Лавры Св. Паисія". Многіе вопросы одного благочестиваго юноши, Тамбовцева, и отвѣты о. Леонида приложенные ко второй части очень замѣчательны—да, вдали отъ площадей и рынковъ свѣта, въ лѣсахъ и пустыняхъ, совершаются у насъ многія поучительныя событія, возникаютъ и рѣшаются вопросы высшей мудрости, единой на потребу, но мы, легкомысленные, не обращаемъ на нихъ вниманія, и даже смѣемся надъ ними!

„Вся книга написана чистымъ правильнымъ языкомъ.

„Напрасно подъ прекраснымъ эпиграфомъ: *Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, пощеніемъ,* поставилъ Кавелинъ: „*Полное собраніе Рус. лѣтоп.*". Надо бы написать просто: Несторъ, иначе подумаешь, что это слова неизвѣстно чьи.

„Вторая часть описанія имѣетъ эпиграфомъ: *Вѣмъ оубо, въ истину вѣмъ, яко сія вся превъсходящая вещь, требовавше кратшихъ глаголъ, множайша же разума. Азъ же съставихъ елико могохъ.* О, еслибъ этотъ смиренный эпиграфъ Кавелина былъ выразумленъ и исполняемъ всей пишущей его братіею, всѣми нами грѣшными! *Кратшихъ глаголъ, множайша же разума,* — прекрасное правило преподаетъ намъ Кавелинъ! Будемъ стараться, будемъ стараться послѣдовать ему!" [53])

На торжественномъ актѣ Московскаго университета, въ 1847 году, профессоръ В. Н. Лешковъ произнесъ рѣчь *О Древней Русской Дипломатіи,* которую вслѣдъ затѣмъ издалъ отдѣльною брошюркою. Въ Петербургѣ рѣчь эту осмѣяли. „А читали ль вы", писалъ Лешковъ Погодину, — „какъ мою рѣчь разругали въ *Отечественныхъ Запискахъ*? Должно покуда смолчать". Да и самъ И. И. Давыдовъ изъ Петербурга же писалъ Погодину: „Лешковымъ вы довольны по цензурѣ; а довольны ли его рѣчью? Что за нелѣпость эта рѣчъ!.. Чего же смотритъ непосредственный начальникъ?.." [54]). Но Погодинъ остался весьма доволенъ этою

рѣчью и въ своемъ *Москвитянинѣ* 1848 года напечаталъ о ней, между прочимъ, слѣдующее: „Нельзя не благодарить почтеннаго профессора за выборъ предмета, столь для насъ близкаго и занимательнаго, но Петербургскіе журналы именно за то и возстали на него: какъ можно находить въ Русской Исторіи что-нибудь до Петра Перваго! Они причисляютъ себя къ Европейскимъ журналамъ, принимаютъ прекрасный догматъ развитія личности, а между тѣмъ не позволяютъ никому думать иначе! Гдѣ же терпимость—не говорю уже о знаніи дѣла! Авторъ имѣетъ право на благодарность за приложеніе языка науки къ Русской Исторіи въ дипломатическомъ отношеніи. Онъ внимательно изучалъ источники и старался извлечь изъ нихъ свои положенія. Если иногда ошибается, то никогда не говоритъ наобумъ. Идеалъ его науки, можетъ быть, увлекаетъ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но такія увлеченія неизбѣжны при первыхъ опытахъ: онъ пролагаетъ новую дорогу, которая никогда не бываетъ сначала прямою. Многимъ страннымъ кажется искать дипломатію въ дикомъ почти состояніи общества, и въ самомъ дѣлѣ это странно, если мы будемъ имѣть въ виду Талейрановъ и Питтовъ, но всякій блестящій плодъ выходитъ изъ ничтожнаго зерна, которое подвергается долго многимъ измѣненіямъ, пока явится во всей своей красотѣ: сравните право на нынѣшней степени развитія съ началомъ права въ первомъ періодѣ гражданскихъ обществъ. Почему же не искать дипломатіи и въ сношеніяхъ нашихъ Варяжскихъ князей, и проч. Очень удачно, по нашему мнѣнію, авторъ употребляетъ выраженія: *Дипломатія Руси*—до Іоанна III; *Дипломатія Московскаго государства*—до Петра I. Третьему періоду принадлежитъ, разумѣется, имя *Дипломатіи Русскаго государства*“.

Въ заключеніе Погодинъ выражаетъ желаніе даровитому автору „успѣха при дальнѣйшемъ разработываніи избраннаго имъ новаго поля, которое обѣщаетъ наградить его богатою жатвою, къ пользѣ Русской Исторіи и удовольствію истинныхъ ея друзей“.

Въ 1848 году, въ С.-Петербургѣ, вышла небольшая бро-

шюрка, безъ обозначенія имени автора, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Взглядъ на Исторію Западной Руси*. Эта брошюрка обратила на себя вниманіе Погодина, и онъ писалъ: „Волынь, Подолія, Бѣлоруссія, Галиція составляютъ древнѣйшую *собственность* Россіи; онѣ принадлежали *нашимъ* знаменитѣйшимъ княжествамъ: Кіевскому, Волынскому, Галицкому, Полоцкому, заселены *до сихъ поръ* чистыми *Русскими* племенами, исповѣдуютъ Русскую, то-есть Грековосточную вѣру,—это такія историческія аксіомы, это такія азбучныя истины, кои извѣстны всякому дитяти, начинающему учиться Исторіи, но, къ сожалѣнію, неизвѣстны вовсе Европейскимъ политикамъ, и мало нашему, такъ называемому высшему кругу, о которомъ неизвѣстный авторъ брошюры выразился слишкомъ учтиво въ слѣдующихъ словахъ: „Обучавшееся въ началѣ сего столѣтія поколѣніе, занимающее нынѣ въ государствѣ мѣста правительственныя и составляющее такъ называемое высшее наше общество, не могло имѣть много правильныхъ свѣдѣній объ Исторіи Западной Руси, и объ отношеніяхъ оной къ Польшѣ, съ которою судьба ея соединена была въ теченіе трехъ столѣтій". Въ XIV столѣтіи, вслѣдствіе Татарскаго ига, она была завоевана или наслѣдована Литовскими князьями, и уже въ XVI досталась Полякамъ. Поляки сдѣлались тамъ только арендаторами, а теперь они помѣщики. Нельзя довольно возблагодарить почтеннаго автора, что онъ постарался повторить и представить вкратцѣ всѣ эти событія и приложилъ пояснительныя карты. Нельзя не повторить съ особеннымъ удовольствіемъ вслѣдъ за нимъ слѣдующія прекрасныя слова: „Русь Ярославова съ того времени, чрезъ восемь вѣковъ, и понынѣ сохранила названіе земли Русской, хотя не вся еще доселѣ возвратилась въ составъ нынѣшняго Русскаго государства".

По поводу магистерскаго сочиненія А. Б. Лакіера *О вотчинахъ и помѣстьяхъ* *) Погодинъ замѣтилъ: „Какъ въ Русскомъ быту, такъ и въ Русской Исторіи, все просто, по-

---

*) С.-Пб. 1848.

тому что близко къ природѣ, естественно. Чтобъ понять это простое, надо и приниматься за него просто. Примитесь за что угодно просто, и вы не найдете никакого затрудненія, никакого препятствія, все пойдетъ какъ по маслу! Но мы отвыкли отъ этой простоты, мы хотимъ вездѣ умничать да еще смотрѣть чрезъ Нѣмецкіе, Французскіе и Латинскіе очки; мудрено ли, что дѣло изъ рукъ иногда валится. Мы разыгрываемъ механиковъ Крылова, котораго знаменитую басню непремѣнно хочется мнѣ здѣсь выписать:

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться и пр."

Эту басню Погодинъ совѣтуетъ перечитывать всѣмъ: „профессорамъ, журналистамъ, писателямъ и—тѣмъ болѣе рецензентамъ" [55]).

XI.

Достопочтенный Д. Н. Бантышъ-Каменскій напечаталъ въ Петербургѣ, въ 1847 году, три тома своего знаменитаго *Словаря достопамятныхъ людей Русской Земли* и въ своемъ предисловіи заявилъ: „Въ 1836 году изданъ въ Москвѣ книгопродавцемъ Ширяевымъ мой *Словарь достопамятныхъ людей Русской Земли*, въ пяти частяхъ. Отдаленный службою отъ литературныхъ занятій, я отдалъ тогда въ печать, что написалъ: многихъ біографій недоставало. Меня критиковали за то, хотя въ предисловіи и были объяснены причины. Все свободное время посвящаю я начатому труду. Издаваемыя нынѣ въ свѣтъ біографіи представляютъ по содержанію своему отдѣльное сочиненіе и вмѣстѣ служатъ дополненіемъ *Словаря*... Трудно *одному* замѣнять сословіе литераторовъ, которые, въ чужихъ краяхъ, печатаютъ *полные словари*, едва упоминая о Россіянахъ. Кромѣ желанія познакомить иноземцевъ съ знаменитыми моими соотечественниками, цѣль моя—

сохранить для потомства подвиги, достойные подражанія, и, осмѣивая слабости, описывая преступленія, возвысить цѣну добродѣтели. Критика не устрашаетъ меня: дѣльными замѣчаніями воспользуюсь, на пустыя не буду отвѣчать... Если *Словарь* мой и не принесетъ желаемой пользы, то, по крайней мѣрѣ, будетъ не безполезенъ для *нѣкоторыхъ* нашихъ ученыхъ, которые любятъ выдавать *чужое* за свое, старое за *новое*. Можно изъ него составить: Исторію Русскихъ полководцевъ, Русскихъ министровъ, Русскихъ іерарховъ, Русскихъ историковъ, Русскихъ стихотворцевъ, знаменитыхъ Россіянъ и разныхъ замѣчательныхъ людей въ Россіи. *Обширное поле для выписокъ*" [56]).

Пользуясь выходомъ въ свѣтъ этого сочиненія, Погодинъ написалъ на него обширную рецензію, въ которой, „сообразуясь съ алфавитнымъ порядкомъ", предлагаетъ и свои любопытныя замѣчанія, которыми мы и воспользуемся.

Приступая къ рецензіи, Погодинъ заявилъ, что „Д. Н. Бантышъ-Каменскій принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ историческихъ писателей нашихъ, украшающихъ Литературу своими сочиненіями. Вступивъ въ 1810 годахъ на поприще, онъ не перестаетъ до сихъ поръ трудиться, и со всякимъ новымъ трудомъ своимъ пріобрѣтаетъ новое право на благодарность соотечественниковъ. Исчислимъ главные, чтобъ устыдить не званныхъ рецензентовъ *Современника* и *Отечественныхъ Записокъ*, которые старались закидать его своею грязью, и вмѣстѣ, чтобъ предупредить читателей въ пользу послѣдняго сочиненія. *Путешествіе въ Молдавію, Валахію и Сербію*, 1809 г. *Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго*, въ 2 частяхъ, 1812 г. *Историческое собраніе списковъ ковалеровъ четырехъ Россійскихъ Императорскихъ Орденовъ*, 1813 г. *Жизнь преосвященнаго Амвросія, убіеннаго въ Москвѣ. Малороссійская Исторія* въ 4 томахъ, въ 1822 г. (а новое изданіе, исправленное и значительно распространенное, въ 1837 г.). *Словарь достопамятныхъ людей Русской Земли*, въ 5 томахъ, 1836 г. *Біографія Россій-*

скихъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ, въ 4 частяхъ, 1840 г.“

Разсмотрѣвъ біографію *Амвросія митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго*, Погодинъ замѣтилъ: „На Духовныхъ Академіяхъ нашихъ лежитъ обязанность пересмотрѣть старыхъ проповѣдниковъ, опредѣлить ихъ качество и достоинство и сдѣлать выборъ изъ ихъ сочиненій“.

Анастасій (Романенко-Братановскій), архіепископъ Астраханскій. „Это почтенное имя“, говоритъ Погодинъ, — „въ вѣтреной текущей литературѣ почти забылось, но наше поколѣніе знало его твердо. Сообщу здѣсь кстати, чему особенно обязаны были мы въ гимназіяхъ первоначальными свѣдѣніями о Русской Литературѣ прошедшаго столѣтія. *Образцовымъ* такъ называемымъ *сочиненіямъ*, кои изданы были въ 1815 или 1816 годахъ какимъ-то обществомъ въ Петербургѣ, въ двѣнадцати томахъ, съ портретами, — вслѣдъ за подобнымъ изданіемъ Жуковскаго и Воейкова въ Москвѣ, передъ Французами. Эти изданія, надъ коими послѣ стали такъ глумиться Полевой и его нынѣшніе преемники, не доставляющіе впрочемъ, ничего образцоваго, принесли свою несомнѣнную пользу. Имена всѣхъ Русскихъ авторовъ были намъ извѣстны съ ихъ сочиненіями, и слово Анастасія на кончину Бецкаго мы знали такъ же твердо, какъ и Конисскаго: *Оставимъ астрономамъ доказывать*... Перечтите отрывки изъ писемъ Анастасія: сколько ума и чувства! Поправьте немножко слогъ — и они годятся хоть въ собраніе мадамъ Севинье. Вологда была первымъ поприщемъ его краснорѣчія: Анастасій толковалъ тамъ Священное Писаніе, живя при дѣдѣ своемъ епископѣ Иринеѣ, и сдѣлался предметомъ удивленія всего города, который послѣ имѣлъ счастіе наслаждаться проповѣдью Иннокентія, а еще прежде трудами Евгенія. Епископскую каѳедру получилъ Анастасій въ Бѣлоруссіи — вскорѣ послѣ незабвеннаго Георгія Конисскаго. Послѣ него осталось много трудовъ, но они лежатъ вмѣстѣ съ многими подобными въ библіотекахъ, казенныхъ и частныхъ, неизвѣстныя, неоцѣнен-

ныя, безплодныя. Анастасій началъ, напримѣръ, толкованіе на Евангеліе Іоанново. Намъ неудается нынѣ слышать о толкованіяхъ!“

Апраксинъ, Степанъ Өедоровичъ, знаменитъ побѣдою, во время Семилѣтней войны, при Грос-Егерсдорфѣ надъ войсками Фридриха Великаго. При этомъ имени Погодинъ не можетъ не удержаться, чтобы не повторить „въ сотый разъ своей общей укоризны“ и продолжаетъ: „Мы толкуемъ нынѣ безпрестанно о національности, но чѣмъ стараемся утвердить ее, какъ заботимся о сохраненіи извѣстій о дѣлахъ предковъ? Теперь живетъ еще второе поколѣніе послѣ Степана Өедоровича Апраксина, а мы о важнѣйшемъ происшествіи изъ его жизни: почему онъ внезапно отступилъ изъ Пруссіи,—ничего не знаемъ вѣрнаго, кромѣ Бишингова преданія. Еслибъ не было у насъ Нѣмцевъ Бишинга, Манштейна, Беркольца и проч., не знаю, что̀ бы мы знали о нашей политической исторіи XVIII столѣтія! И у насъ говорятъ еще объ національности, у насъ— предающихъ забвенію дѣла отцовъ, не только дѣдовъ, а прадѣдовъ мы не знаемъ и по имени!“

Въ біографіи *графа А. А. Аракчеева* Погодинъ останавливается на его духовномъ завѣщаніи и высказываетъ такое мнѣіе, что „будущій историкъ Александра I былъ бы гораздо благодарнѣе графу Аракчееву, еслибъ онъ вмѣсто двухъ милліоновъ оставилъ ему только одинъ съ присоединеніемъ своихъ записокъ о покойномъ Государѣ, какъ извѣстномъ ему ближе всѣхъ. А теперь историкъ, ограниченный реляціями и газетами, будетъ находиться въ затруднительномъ положеніи, когда дойдетъ у него рѣчь до человѣка внутренняго и кабинетнаго. Опять должно будетъ обращаться къ архивамъ иностранцевъ — печальная необходимость! Одно слово, одинъ взглядъ, одно движеніе, уловленное умнымъ, проницательнымъ современникомъ, дороже бываетъ цѣлой книги. А у насъ кто записываетъ, кто замѣчаетъ? Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ скончался также не оставя записокъ. Остальные современники знали покойнаго Государя, такъ сказать по вре-

менамъ—одинъ только князь Петръ Михайловичъ Волконскій остается, по близости его къ императору Александру, самымъ вѣрнымъ свидѣтелемъ его царствованія. О, еслибы дошли до него эти строки, и онъ оставилъ свѣдѣнія объ своемъ Государѣ и благодѣтелѣ! Сдѣлаю еще замѣчаніе о желаніи графа Аракчеева: срокъ столѣтній для нашего времени, живущаго такъ быстро, слишкомъ долгъ! При насъ совершается годами то, на что прежде требовались десятилѣтія и столѣтія: такъ тѣло падаетъ къ землѣ съ увеличивающеюся постепенно быстротою. Безпрестанно перемѣняются точки зрѣнія, масштабы и таксы. Сочиненіе 1925 года, можетъ быть, удостоится преміи тогдашней Академіей, но въ какой мѣрѣ будетъ оно соотвѣтствовать намѣренію щедраго наградителя, — это вопросъ неудоборѣшимый! Подамъ добрый совѣтъ своей братьѣ-писателямъ: собирать свѣдѣнія объ императорѣ Александрѣ и оставлять оныя въ наслѣдство дѣтямъ; по крайней мѣрѣ, я надѣюсь вмѣсто деревень наградить свой родъ порядочнымъ портфелемъ".

Біографію *Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго*, отца автора *Словаря*, Погодинъ совѣтуетъ „читать молодымъ людямъ, выступающимъ на ученое поприще: это былъ одинъ изъ великихъ дѣятелей нашего ученаго образованія въ прошедшемъ столѣтіи, недостаточно еще у насъ оцѣненный! Какіе труды, какое постоянство, какая дѣятельность! Большая часть ихъ лежитъ въ рукописяхъ; припомнимъ слова объ нихъ Карамзина, который много пользовался его извлеченіями о политическихъ сношеніяхъ Россіи съ Европейскими государствами: „Онѣ принадлежатъ Исторіи и могутъ быть изданы безъ нарушенія правилъ государственной скромности. Не только Россія, но и вся Европа съ того времени перемѣнилась: старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питая единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способствуя просвѣщенію. Исправнымъ, отъ Государя Императора одобреннымъ, изданіемъ сочиненій Бантыша-Каменскаго, мы почтили бы память сего незабвеннаго мужа, который жилъ любовію къ

отечеству и нравственности. Каменскій былъ начальникомъ Архива послѣ Миллера и Стриттера и передъ Малиновскимъ— счастливое мѣсто, имѣвшее сряду такихъ достойныхъ правителей. Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій достойно продолжаетъ нынѣ этотъ почтенный рядъ къ пользѣ Русской Исторіи и Древностей".

По поводу біографіи *графа Ильи Андреевича Безбородко*, основателя Нѣжинскаго Лицея, Погодинъ говоритъ: „И да будетъ на вѣки вѣковъ священна память благотворителя въ лѣтописяхъ Русскаго Просвѣщенія. Этой жертвою покрылъ онъ много грѣховъ, если имѣлъ ихъ! Вспомнимъ, что изъ Нѣжинскаго Лицея въ одинъ курсъ вышли: Гоголь, Кукольникъ, Базили, Прокоповичъ, Лукашевичъ... Сѣяніе дало плодъ! Капиталъ не остался безъ процентовъ".

Переходя затѣмъ къ біографіи *Александра Андреевича Беклешова*, Погодинъ замѣчаетъ, что онъ „славится по преданію какъ одинъ изъ отличныхъ дѣльцовъ и правителей, — но напечатано объ немъ почти ничего".

Графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. При этомъ имени Погодинъ восклицаетъ: „Еще Екатерининскій герой!" и далѣе говоритъ: „Долго думалъ я, читая и бесѣдуя объ этомъ времени, отчего тогда было такое обиліе въ примѣчательныхъ людяхъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія: министры, полководцы, губернаторы, посланники! Считаешь и не перечтешь всѣ эти звѣзды первой, второй, третьей величины! Никакой другой причины не нашелъ я важнѣе этой: у всѣхъ ихъ была одна наука — Россія, этой наукѣ учились, учились они отъ молодыхъ ногтей и за то узнавали ее превосходно, а мы учимся всѣмъ другимъ наукамъ, а къ Россіи обращаемся послѣ всѣхъ, когда наступаетъ время дѣйствовать, а не учиться! Да и языкъ Русскій играетъ здѣсь не маловажную роль. — Привыкнувъ думать по-Французски, по-Нѣмецки, по-Латыни и переводя рѣчь свою на Русскій языкъ съ грѣхомъ пополамъ, ну какъ поймешь Русскаго человѣка, да и какъ ему растолкуешь себя, удерживая глаголъ до конца,

который иногда и у самого выскочитъ изъ головы! Мы знаемъ много лишняго, но не знаемъ всего нужнаго,—и все потому главное различіе времени стараго и новаго, касательно службы, происходитъ отъ воспитанія, которое начинается у насъ подъ руководствомъ Французовъ, Нѣмцевъ и Латинской грамматики, а прежде происходило въ деревнѣ, въ кругу семейства и среди народа, въ виду всѣхъ его обстоятельствъ, на Священномъ Писаніи. Да не подумаетъ здѣсь кто-нибудь, чтобъ я говорилъ противъ изученія иностранныхъ языковъ,—нѣтъ, оборони Боже, я хотѣлъ только сказать, что мы право немного потеряемъ, если не вполнѣ будемъ владѣть всѣми тонкостями Французскаго произношенія, хотя это, какъ извѣстно, и составляетъ у насъ главный признакъ благороднаго происхожденія и хорошаго воспитанія (bien elevé — а по моему, грѣшенъ, на оборотъ!), немного потеряемъ, говорю, тѣмъ болѣе, что Пиль, управляя, говорятъ, порядочно двумя стами милліоновъ людей, не умѣетъ даже говорить по-Французски,—но я отвлекся отъ графа Васильева, — когда-нибудь поговоримъ объ этомъ подробнѣе, — теперь возвратимся къ своему предмету“.

„Съ участіемъ прочтетъ всякій“, говоритъ далѣе Погодинъ, „жизнь *князя Александра Николаевича Голицына*, который оставилъ въ Отечествѣ память добраго человѣка и благодѣтельнаго начальника“. Князь А. Н. Голицынъ, по духовному завѣщанію своему, между другими распоряженіями, предоставилъ принадлежавшій ему золотой крестъ императору“: „Сей крестъ“, какъ писалъ онъ, „пожалованъ предку моему, князю Борису Алексѣевичу, бывшему дядькою императора Петра I, царицею Наталіею Кириловною, когда онъ взялъ Петра на руки, чтобъ увезти его въ Троицкую Сергіеву Лавру. Царица вручила ему сей крестъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ ему благословеніемъ, а ежеля онъ несетъ сына ея на погибель, чтобъ онъ поразилъ его. Родитель мой симъ благословеннымъ крестомъ благословилъ меня при рожденіи моемъ, а я благословилъ имъ Государя моего Императора Николая Павловича, въ

день отъѣзда Его въ походъ противъ Турокъ, 25 апрѣля 1828 года, съ тѣмъ, чтобы я сохранилъ его до кончины моей, а потомъ, да будетъ онъ врученъ Его Величеству, яко достояніе его предковъ, данное моему предку на спасеніе Петра I. Я молю Господа Іисуса Христа, да послужитъ сей крестъ Государю Императору Николаю Павловичу щитомъ противъ Его видимыхъ и невидимыхъ враговъ, и да почіетъ на главѣ Его и въ сердцѣ Святый Духъ для внутренняго Его возрожденія!“

Съ своей стороны Погодинъ замѣчаетъ, что въ его Отечественномъ Музеѣ записано нѣсколько подробностей о покойномъ князѣ А. Н. Голицынѣ, слышанныхъ отъ людей къ нему близкихъ,—другія хранятся еще у нихъ въ памяти, но должно надѣяться, что онѣ не пропадутъ для насъ или нашихъ дѣтей.

„Друзья Русской Словесности будутъ благодарны“, говоритъ Погодинъ, — „автору за біографію *Ивана Ивановича Дмитріева* [57])“. Но этою біографіею и вообще всѣмъ *Словаремъ* остался недоволенъ племянникъ И. И. Дмитріева, М. А. Дмитріевъ и по этому поводу онъ написалъ Погодину: „Читалъ я въ *Москвитянинѣ* записки изъ *Словаря* Бантыша-Каменскаго. Добрый и трудолюбивый человѣкъ; а куда много собираетъ всякаго вздору и бабьихъ сказокъ! О дядѣ моемъ Иванѣ Ивановичѣ много небывальщинъ: никогда онъ не сидѣлъ въ крѣпости, никогда не увозилъ Кострова въ Петербургъ! Надобно бы мнѣ объ этомъ написать нѣсколько строкъ въ *Москвитянинѣ*, да со мной нѣтъ девятой книжки. Этотъ Плутархъ, по моему мнѣнію, стоитъ наравнѣ съ нашимъ Тацитомъ, Вейдемейеромъ: только послѣдній поосмотрительнѣе. Судя потому, что я могъ замѣтить, можно судить и о прочихъ его біографіяхъ. А ужъ никакой жизни, никакого блеска, никакихъ сближеній съ эпохой, никакого авторскаго ума: сухо, и слогъ книжный—особливо, какъ вы замѣтили въ разговорахъ“ [58]).

Съ своей же стороны, по поводу біографіи И. И. Дмитріева, Погодинъ заявилъ: „Рецензентъ имѣлъ честь пользо-

ваться расположеніемъ маститаго старца“; что онъ „часто посѣщалъ его, и записывалъ все слышанное, пока узналъ, что онъ самъ пишетъ свои записки. Я пересталъ записывать, думая найти всѣ разсказы въ сочиненіи самого И. И. Дмитріева, и ошибся, ибо онъ писалъ очень кратко и не любилъ входить ни въ какія подробности, опасаясь, кажется, наскучить, напрасное опасеніе, читателямъ... Для будущихъ біографовъ замѣчу еще, чтобы они не повторяли за сочинителемъ *Словаря* „извѣстіе объ его благотворительности, искаженное, не будь онъ тѣмъ помянутъ покойнымъ М. Н. Макаровымъ. Князь П. А. Вяземскій, одинъ изъ младшихъ его друзей, написалъ разсужденіе объ его сочиненіяхъ“.

Погодинъ выражаетъ сожалѣніе, что ему обозрѣніе перваго тома *Словаря* пришлось заключить княгинею Ириною Петровной Долгоруковой, дочерью князя Петра Алексѣевича Голицына и племянницей дядьки Петра I, которая прожила нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ, совершенно приняла тамошніе обычаи, и наконецъ перемѣнила свое исповѣданіе на Римское“.

Второй томъ *Словаря* Д. Н. Бантышъ-Каменскаго начинается біографіею *митрополита Кіевскаго Евгенія*. „Гдѣ ни жилъ Евгеній“, пишетъ Погодинъ,—„въ продолженіе своего долговременнаго служенія Церкви, вездѣ онъ оставлялъ слѣды своей дѣятельности, а жить ему случилось въ самыхъ важныхъ городахъ—Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Кіевѣ... Онъ списывалъ и сохранялъ все, что попадалось ему подъ руки, или на глаза, безъ всякаго тщеславія или самолюбія—изъ одной любви къ дѣлу, принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ начинаніяхъ въ пользу Исторіи, и рецензентъ можетъ засвидѣтельствовать это письмами къ нему, еще молодому человѣку, только выступавшему на поприще: совѣты, пособія, были у Евгенія готовы всякому,—и совѣтовалъ, помогалъ, не митрополитъ, не старецъ, а простой любитель, ровесникъ: такъ, въ 1835 году отдалъ онъ мнѣ въ Кіевѣ драгоцѣнные листы своего харатейнаго Псалтыря, когда я, возвращаясь отъ Ша-

фарика, возбужденный его рѣчами, предполагалъ издавать памятники древле-церковнаго языка, изъявилъ предъ нимъ желаніе напечатать ихъ; такъ послѣ обѣщался доставить прочіе древніе палеографическіе отрывки, полученные мною уже послѣ его смерти. Письма Евгеніевы бывали иногда цѣлыми статьями. Переписка его должна быть очень обширна. Желательно собрать ее для полной біографіи незабвеннаго іерарха, заслужившаго мѣсто въ будущемъ отечественномъ Пантеонѣ. Авторъ *Словаря* доставляетъ для нея много матеріаловъ, а обязанность написать ее лежитъ на дѣятельномъ нашемъ ученомъ и литераторѣ И. М. Снегиревѣ, которому поручило исполненіе этой священной обязанности и Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, одолженное такъ много митрополиту Евгенію. Пора, пора приняться за нее, пока еще живо столько его современниковъ, знакомцевъ и подчиненныхъ, ученыхъ и образованныхъ. Замѣтимъ, что въ завѣщаніи этого бѣднаго по рожденію человѣка есть статья, коей недостаетъ въ завѣщаніи его близкаго пріятеля, любившаго Русскую Исторію не меньше его, богатаго графа Н. П. Румянцова: „Положить семь тысячь рублей асс. въ Государственный Банкъ, съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались питомцу Кіевской Академіи за удовлетворительное сочиненіе о какой-либо Кіевской древности“. Обратимъ наконецъ вниманіе на *простоту* Евгенія, составлявшую отличительное достоинство его обращенія, и его *умѣренность*, коею живо напоминалась наша добродушная старина“.

По поводу біографіи *Ивана Перфильевича Елагина* Погодинъ пишетъ: „Его труды принадлежатъ также къ Исторіи Русской Словесности, но до сихъ поръ тамъ встрѣчается только его имя. Историки обращаютъ вниманіе на главныхъ дѣятелей, Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. п. Сочиненія и переводы писателей второстепенныхъ, третьестепенныхъ не изслѣдованы и значеніе ихъ не опредѣлено, оттого разстояніе между великими писателями нашими кажется слишкомъ великимъ. Слогъ Елагина считался въ свое время образцо-

вымъ (онъ родился въ 1725 году, слѣдовательно, былъ современникомъ Ломоносова). Императрица Екатерина удостоивала его особенной благосклонности. Трагедія Браве *Безбожный* (напеч. въ 1771 г.), имъ переведенная, производила неистовство. Мнѣ попадался (еще въ гимназіи) современный экземпляръ съ отмѣтками объ игрѣ актеровъ. Передамъ, что помню: на Калиграфа, игравшаго злодѣя, было сказано тамъ, никто не могъ смотрѣть безъ отвращенія дня три послѣ представленія. Плавильщиковъ произносилъ какія-то слова въ концѣ третьяго дѣйствія, такъ что скрипки падали въ оркестрѣ, и проч. Добраго друга Гранвиля игралъ съ удивительнымъ успѣхомъ Померанцевъ, которому послѣ отдавалъ полную справедливость и Карамзинъ. Елагинъ написалъ *Повѣствованіе о Россіи*, котораго напечатана первая часть. Продолженіе — чуть ли не до Романовыхъ, или Петра І-го,—я видѣлъ, кажется, въ десяти квартантахъ у покойнаго Анастасевича. Мнѣ попался недавно Литературный Сборникъ прошедшаго столѣтія, гдѣ помѣщено больше ста пятидесяти бранныхъ и полемическихъ стихотвореній Ломоносова, Сумарокова, Елагина и проч. Скоро ли князь П. А. Вяземскій, подарившій насъ такимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ о Фонъ-Визинѣ, издастъ свою *Старину и Новизну*".

По мнѣнію Погодина, сочиненія *Василія Васильевича Капниста* „имѣютъ полное право на особое изслѣдованіе отъ историковъ нашей Словесности. Самая жизнь его должна быть описана подробно и занять принадлежащее ей мѣсто въ галлереѣ Русскихъ писателей. Говорятъ, что послѣ него осталось множество бумагъ, и надо удивляться, какъ до сихъ поръ не сдѣлано изъ нихъ должнаго употребленія. Капнистъ провелъ большую часть своей жизни въ своей деревнѣ Обуховкѣ, на берегу Псела, и велъ большую переписку, кажется, очень тщательную. Это я знаю по дѣламъ Московскаго Общества Любителей Русской Словесности, коего онъ былъ самымъ *дѣятельнымъ* сотрудникомъ и корреспондентомъ. Въ бумагахъ Державина и Дмитріева, вѣрно, осталось множество его пи-

семъ, а еслибъ нашлись его черновые отпуски, то мы, безъ сомнѣнія, получили бы много любопытныхъ подробностей о литературѣ и литераторахъ его времени".

„За біографію Карамзина", свидѣтельствуетъ Погодинъ,— „мы всѣ должны быть очень благодарны автору, доставляющему много матеріала для будущаго подробнаго сочиненія о нашемъ безсмертномъ историкѣ".

Лазарь Барановичъ, архіепископъ *Черниговскій*, по мнѣнію Погодина, „ожидаетъ подробнаго біографа изъ Кіевской Академіи. Онъ былъ сотрудникомъ Хмѣльницкаго, онъ не подписался подъ приговоромъ Никону, онъ умолялъ царя Алексѣя Михайловича не отдавать Полякамъ Кіева, первопрестольнаго града царства Русскаго, отъ котораго искони на всю Россію возросла благодать Божія, и на которомъ утверждается вся Украйна. Объ его смерти св. Димитрій Ростовскій записалъ въ своихъ запискахъ: „3-го сентября преставился архіепископъ Черниговскій, Лазарь Барановичъ, великій столпъ церковный". Лазарь болѣе всего въ жизни желалъ митрополіи Кіевской, и не смотря на свои права, никогда не получалъ ея: нѣсколько разъ обманывала его надежда на избраніяхъ. Въ послѣдній разъ жалуясь на обиды, будучи уже девяноста семи лѣтъ, онъ писалъ къ царямъ Іоанну и Петру, „что находится на смертномъ одрѣ и ходатайствуетъ не для себя, а для преемниковъ своихъ; что немощи его гонятъ въ землю, и ему нельзя сказать: *„Лазаре! гряди вонъ изъ гроба; но гряди въ гробъ!"* Скончался ста лѣтъ".

Въ біографіи *Петра Ивановича Мелиссино* вниманіе Погодина останавливаетъ слѣдующее происшествіе въ его жизни: „Около 1748 года Сумароковъ началъ писать трагедіи. Мелиссино, умѣвшій хорошо декламировать, пригласилъ своихъ товарищей сыграть *Хорева*; начальники не противились, и трагедія была разыграна *мастерски* юношами, которые не имѣли еще никакого понятія о театрѣ, но слѣдовали влеченію чувства. Слухъ объ отважномъ предпріятіи кадетъ вскорѣ дошелъ до самолюбиваго автора: онъ явился въ корпусъ, чтобъ по-

забавиться надъ дѣтьми, и, вмѣстѣ съ зрителями, растроганъ былъ живою игрою, не могъ удержаться отъ рукоплесканія, немедленно сообщилъ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому о *неслыханномъ чудѣ*. Императрица Елисавета Петровна изъявила желаніе увидѣть Русскихъ актеровъ на придворномъ театрѣ; осталась чрезвычайно довольна игрою кадетъ и сочинителемъ, которому подарила драгоцѣнный перстень—и вотъ начало Русскаго придворнаго театра!"

Отдавая полную справедливость *Словарю* Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, Погодинъ однако замѣчаетъ: „Наши некрологисты хвалятъ все безъ пощады и употребляютъ слова безъ всякаго разбора: читая наши некрологіи, подумаешь, что живешь въ небесномъ царствѣ добродѣтели". Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаясь къ автору *Словаря*, Погодинъ говоритъ, что у него „недостаетъ иногда оттѣнковъ для отличенія общихъ мѣстъ отъ историческихъ".

Вскорѣ не стало въ живыхъ и автора *Словаря Достопамятныхъ людей Русской Земли*. Онъ скончался 25-го января 1850 года, въ С.-Петербургѣ. Бренные останки его привезены изъ С.-Петербурга въ Донской монастырь, гдѣ погребены его дѣдъ, архіепископъ Московскій Амвросій, „искусившій здѣсь мученическую смерть отъ изувѣровъ, и его отецъ начальникъ Архива Иностранной Коллегіи. Послѣ заупокойной обѣдни и панихиды, совершенной Донскимъ архимандритомъ Ѳеофаномъ, 10-го февраля 1850 года, гробъ усопшаго опущенъ былъ въ могилу... Дѣтямъ своимъ онъ могъ повторить предсмертныя слова своего родителя: *Я очень доволенъ, въ жизни никого не обидѣлъ ... Вѣрую въ Искупителя Христа, и вѣра моя не посрамитъ меня*".

XII.

Личность и судьба Сперанскаго съ давнихъ лѣтъ занимала Погодина, и это сблизило его съ барономъ М. А. Корфомъ, который усердно собиралъ матеріалы для біографіи сего государственнаго мужа. Въ 1848 году баронъ Корфъ напечаталъ статью о Сперанскомъ. По поводу этой статьи Погодинъ написалъ *Нѣсколько словъ.* Этимъ *Нѣсколькимъ словамъ* вмѣстѣ съ своими статьями по поводу книги Филарета *), объ *Отечественныхъ Запискахъ* и статьею объ Англіи **), Погодинъ придавалъ необыкновенную важность. „Это", писалъ онъ Шевыреву,—„голосъ гражданина, который считаетъ своею обязанностью сказать свое мнѣніе, какъ онъ стѣсненъ въ когтяхъ у кошки Крылова. Всѣ четыре составляютъ одно цѣлое. Надо ихъ перечесть и пережевать". Съ тремя означенными статьями Погодина мы уже знакомы, познакомимся же теперь покороче и съ его *Нѣсколькими словами по поводу статьи барона М. А. Корфа о Сперанскомъ.*

Статью свою Погодинъ начинаетъ такъ: „Читатели *Москвитянина,* вѣрно, помнятъ, сколько затрудненій долженъ былъ преодолѣть издатель, опредѣляя годъ рожденія *Карамзина.* Затрудненія эти увеличивались еще болѣе тѣмъ, что самъ знаменитый Исторіографъ ошибся, говоря о годѣ своего рожденія, хоть и провѣрилъ тысячи и тысячи чиселъ во всей *Исторіи Государства Россійскаго.* Еще болѣе труда пришлось взять на себя достопочтенному барону М. А. Корфу при опредѣленіи появленія на свѣтъ другой Русской славы, *Сперанскаго,* который такъ же, какъ Карамзинъ, ошибался въ счетѣ своихъ годовъ. Баронъ Корфъ собралъ множество данныхъ изъ писемъ, записокъ, отчетовъ, исповѣдныхъ росписей, и вывелъ наконецъ мастерски вѣрное заключеніе, что Сперан-

*) См. выше, стр. 67 слл.

**) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1895, кн. IX, стр. 171—174.

скій родился 1-го января 1772 года. Не странно ли, спрошу я по этому случаю, что мы при рѣшеніи такихъ простыхъ вопросовъ о двухъ знаменитѣйшихъ современникахъ, сомнѣваемся, споримъ и бываемъ принуждены работать въ потѣ лица, точно какъ Европейскіе ученые, опредѣляя время и мѣсто рожденія Гомера и Платона, жившихъ за двѣ или за три тысячи лѣтъ? Отъ чего это происходитъ? Отъ нашей холодности, равнодушія и системы молчанія — вотъ гдѣ источникъ всѣхъ подобныхъ недоумѣній, затрудненій и споровъ. А баронъ Корфъ обвиняетъ еще Булгарина въ „преждевременности его извѣстій". Но еслибъ ихъ не было, еслибъ самъ баронъ Корфъ не сдѣлалъ своего прекраснаго изслѣдованія, то слѣдующія поколѣнія остались бы въ совершенномъ сомнѣніи объ этомъ вопросѣ. Нѣтъ, по моему мнѣнію, эти два случая *осязательно* доказываютъ намъ необходимость гласности,—но и для бóльшаго убѣжденія присоединю къ нимъ еще два не менѣе разительныя доказательства и примѣра. 1) Давно ли мы узнали положительно о личномъ, непосредственномъ, самомъ дѣятельномъ участіи покойнаго императора Александра въ войнахъ 1813 и 1814 годовъ? Давно ли мы получили ясное понятіе о тѣхъ великихъ затрудненіяхъ, кои представлялись ему на всякомъ шагу, со стороны союзниковъ, въ великомъ дѣлѣ освобожденія Европы? Давно ли мы могли оцѣнить вполнѣ ту непоколебимую твердость и постоянство, съ коими онъ, не смотря ни на какія препятствія, стремился къ своей цѣли и не выпускалъ ея ни на минуту изъ виду? Давно ли? Лѣтъ пять или шесть—изъ сочиненій Михайловскаго-Данилевскаго, который представилъ намъ подлинныя записки, письма, распоряженія, оффиціальные документы. Вотъ когда лицо Александрово озарилось для насъ блескомъ съ новой стороны! Жуковскій, правда, называлъ его прежде Агамемнономъ, князь Вяземскій въ своей знаменитой надписи взывалъ къ нему: *нашъ Царь, нашъ славный вождь Царей*,—но свидѣтельства поэтовъ не достаточны предъ судомъ строгой исторической критики. 2) Лицо

Императрицы Марiи есть сокровище новой Русской Исторiи, а что у насъ написано объ ней? Почти ничего. Между тѣмъ, вы безпрестанно слышите отъ какой-нибудь несчастной вдовы, съ какимъ материнскимъ участiемъ вошла она въ ея положенiе, пристроила ея сиротъ, и съ какою нѣжностью увѣдомляла ее объ ихъ успѣхахъ; или отъ какой-нибудь безродной дѣвицы, какое попеченiе прилагала она объ ея излѣченiи, во время болѣзни, и какъ часто приказывала докторамъ доносить объ ходѣ ея пароксисмовъ; или отъ бѣднаго чиновника, которому она, не въ примѣръ другимъ, пожаловала пенсiю до выслуженнаго срока, въ уваженiе его дряхлости или немощи; или отъ способнаго мальчика, замѣченнаго ею на экзаменѣ, который долженъ былъ представлять ей ежемѣсячно отчетъ въ своихъ занятiяхъ. Какiя драгоцѣнныя, высокiя, святыя черты! Черты, гдѣ величiе снисходитъ или, лучше, возвышается до человѣчества, черты, которыми чрезъ двадцать-тридцать лѣтъ прошибаются слезы, которыя производятъ въ наше время дѣйствiе сильнѣе всякихъ опытовъ могущества и подвиговъ славы, а между тѣмъ онѣ, за недостаткомъ гласности, пропадаютъ у насъ безпрестанно. Умираютъ свидѣтели и уносятъ съ собой въ могилу всѣ живыя свѣдѣнiя, такъ что будущему Русскому Плутарху останутся главными матерiалами реляцiи, газеты и отзывы иностранцевъ, которымъ вѣрить едва ли кто рѣшится. И будетъ онъ ныть о недостаткѣ матерiаловъ, какъ ноемъ мы, приступая къ описанiю жизни Ломоносова, Сумарокова, Хемницера, Богдановича, Румянцова, и въ то же время молча о Кутузовѣ, Сперанскомъ, Ростопчинѣ, Новосильцовѣ, Сенявинѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, то-есть, давая право нашимъ дѣтямъ затянуть ту же докучную iеремiаду“.

Въ то время, когда Погодинъ писалъ эти строки, его посѣтилъ извѣстный нашъ ученый Г. И. Спасскiй. „Вы застали меня вотъ зачѣмъ“, сказалъ Погодинъ почтенному гостю, и разговоръ ихъ тотчасъ завязался о Сперанскомъ, о которомъ вотъ что узналъ Погодинъ новаго,—„въ дополненiе его дока-

зательствъ противъ системы барона Корфа": Отецъ Сперанскаго, священникъ села Черкутина (которое впрочемъ въ народѣ извѣстно болѣе подъ именемъ Черкватина?) Владимірской губерніи, Владимірскаго уѣзда, былъ высокъ ростомъ и толстъ, отчего крестьяне прозвали его Михайло *Ометъ* (а дѣда Г. И. Спасскаго, священника въ смежномъ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, который былъ тоже толстъ, но ростомъ низокъ, —Максимъ *Чанъ*). Мать Сперанскаго была жива еще въ 1824 году, и портретъ ея въ скромномъ одѣяніи сельской попадьи висѣлъ всегда въ кабинетѣ графа Сперанскаго на видномъ мѣстѣ. Сестра Сперанскаго, въ замужествѣ за протопопомъ на его родинѣ, жива до сихъ поръ, и вѣроятно, можетъ сообщить какія-нибудь свѣдѣнія о своемъ братѣ. Въ училищѣ Сперанскій учился очень хорошо и всегда шелъ первымъ, что̀ стоило ему впрочемъ небольшого труда по его способностямъ; былъ очень рѣзвъ и быстръ, что̀ въ понятіи товарищей соединялось съ его рыжеватостью; былъ силенъ и вмѣстѣ задоренъ: бывало поддается намъ, разсказывалъ товарищъ его по ученію Вигилянскій, а потомъ всѣхъ и положитъ. Вмѣстѣ съ Сперанскимъ присланы были не изъ Владимірской семинаріи, а изъ Суздальской, въ главную Петербургскую, Шиповскій и Вышеславскій. „Дальнѣйшая судьба ихъ", говоритъ баронъ Корфъ, „намъ неизвѣстна". Шиповскій былъ переводчикомъ знаменитаго въ свое время Флоріанова Нумы Помпилія. Этотъ переводъ и я помню — съ его цвѣтущимъ слогомъ, впрочемъ много уступавшимъ подлиннику. Шиповскій былъ учителемъ въ первомъ Кадетскомъ Корпусѣ и другомъ инспектора Бебера. Можетъ быть, найдется что-нибудь любопытное у ихъ наслѣдниковъ. Когда-то Сперанскій сочинилъ разсужденіе подъ заглавіемъ: *Философія любви*, котораго послѣ онъ самъ никакъ не могъ отыскать. Впрочемъ и *Правилъ краснорѣчія* у него не было. Учась Французскому языку (признанному имъ, увы, необходимымъ условіемъ успѣха въ службѣ), онъ нарочно отростилъ себѣ бороду, чтобъ никуда не выходить изъ дома и скорѣе достигнуть предназначенной

цѣли, подобно Демосѳену, который обривалъ себѣ половину головы, удаляясь въ пещеру для усовершенствованія себя въ ораторскомъ искусствѣ. Близкими пріятелями Сперанскаго, въ первые годы его службы, были три брата Скабовскіе (причитавшіеся ему даже съ родни), изъ которыхъ два, Михаилъ Аѳанасьевичъ и Иванъ Аѳанасьевичъ, учились въ Московскомъ Университетѣ (второй былъ адъюнктомъ Ботаники), а третій, кончивъ курсъ въ Семинаріи, находился на службѣ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ. Сперанскій былъ огорченъ сильно смертію перваго, котораго любилъ за умъ и доброту, и нерѣдко посѣщалъ въ скромной его квартирѣ на Петербургской сторонѣ. Трогательно было свиданіе Сперанскаго въ 1812 г., на пути чрезъ Владиміръ къ мѣсту назначенія, съ однимъ изъ старыхъ его учителей протоіереемъ Пѣвницкимъ. Сперанскій посѣтилъ тогда Семинарію, встрѣтилъ его въ классѣ Философіи и подошелъ подъ благословеніе. Старецъ благословилъ его и упалъ предъ нимъ на колѣни. Сперанскій сдѣлалъ то же, и оба залились слезами въ присутствіи всѣхъ учениковъ, изъ которыхъ отъ одного, А. Г. Вигилянскаго, слышалъ это Г. И. Спасскій; послѣ пошли они по остальнымъ классамъ вмѣстѣ и разговаривали. Свидѣтелемъ былъ еще инспекторъ Семинаріи архимандритъ Іосифъ. А вотъ еще одинъ забавный разговоръ, показывающій, какъ Сперанскій вообще думалъ о счетѣ лѣтъ. 30-го ноября въ двадцатыхъ годахъ пришелъ къ Сперанскому Андрей Яковлевичъ Поповъ, извѣстный по первому открытію золотоносныхъ розсыпей за Алтаемъ, по какому-то дѣлу. Вообще Сперанскій, возвратившись изъ Сибири, любилъ принимать тамошнихъ жителей и служившихъ тамъ чиновниковъ, которые съ своей стороны считали обязанностію засвидѣтельствовать свое почтеніе Сибирскому Джемшиду, какъ піитически назвалъ его въ посмертномъ посвященіи второй части Описанія Сибири одинъ изъ просвѣщенныхъ Сибиряковъ, другъ Сперанскаго, П. А. Словцовъ. „Ты не именинникъ ли нынче", спросилъ между прочимъ Попова Сперанскій.—Именинникъ.—„А сколько тебѣ стукнуло?"

Не знаю порядочно — надо спросить Зеленцова, мы съ нимъ ровесники. „Вотъ еще спрашивать“, возразилъ Сперанскій,— „уперся бы на одномъ, да и стоялъ! Вѣдь не слѣдствіе же будемъ мы производить о твоихъ годахъ“. Касательно прозванія Сперанскаго, вѣроятно, оно дано въ училищѣ или Семинаріи, при самомъ принятіи, въ ознаменованіе хорошей надежды, которую подавалъ мальчикъ. Такое прозваніе повторилось въ наше время. Преосвященный Ѳеофилактъ, принимая учениковъ въ Рязанскую Семинарію, замѣтилъ по отвѣтамъ одного бойкаго мальчика и далъ ему прозваніе *Надеждина*. „Вотъ сколько любопытныхъ подробностей узналось“ говоритъ Погодинъ,— „въ одно посѣщеніе отъ одного человѣка, подробностей, которыя пропали бы безъ напечатанныхъ замѣчаній барона Корфа и эпизода Булгарина“. При этомъ Погодинъ, вопреки Корфу, замѣчаетъ: „Булгаринъ, повторяемъ, имѣетъ полное право на благодарность соотечественниковъ. Извѣстія его не только *не преждевременны*, но очень своевременны— *безъ нихъ* мы не получили бы двадцати вѣрныхъ, съ отличнымъ искусствомъ выведенныхъ положеній барона Корфа, которыя прочесть всякому русскому, не только охотнику, такъ пріятно, какъ самую занимательную повѣсть, только не изъ натуральной школы. Авторъ, вѣрный своей системѣ, предназначалъ ихъ правда „для потомства“, но мы виноваты, мы прочли ихъ украдкою, тѣмъ съ большимъ любопытствомъ и живѣйшимъ удовольствіемъ: запрещенные плоды всегда кажутся слаще. Одно только грѣшное ощущеніе произвелъ въ насъ баронъ Корфъ—это зависть къ нашимъ потомкамъ, которые будутъ читать вполнѣ превосходное сочиненіе, извѣстное намъ теперь только отчасти и то по исхищенному образчику. О, одно извѣстіе о такомъ сочиненіи искупаетъ многія горькія и непріятныя событія въ Русской Петербургской литературѣ послѣдняго времени“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ выражаетъ надежду, „что достопочтенный сановникъ, съ которымъ случилось намъ побесѣдовать о важномъ вопросѣ, будетъ намъ признателенъ за тѣ

прекрасныя черты объ его героѣ, кои доставляетъ ему въ этой статьѣ *Москвитянинъ*,—и за портретъ старушки въ платкѣ, красовавшійся въ кабинетѣ вельможи, и за земной поклонъ, которымъ изгнанникъ возблагодарилъ стараго учителя, и даже за живописное прозвище Омета, данное крестьянами отцу графа Сперанскаго".

Въ заключеніе своей статьи Погодинъ говоритъ: „Предметъ такъ занимателенъ, важенъ и своевремененъ, что мудрено отъ него оторваться. Баронъ Корфъ говоритъ, что „... оцѣнка... многихъ событій (изъ жизни Сперанскаго) составляетъ задачу еще совершенно преждевременную". Почтенный авторъ благоволитъ при семъ случаѣ обратить вниманіе на Европейскую печать, предѣлы которой теперь распространяются столько. Не печатая ничего сами, мы даемъ иностранцамъ поводъ говорить и писать Богъ знаетъ что объ насъ и объ Россіи. Преходя молчаніемъ всякія нелѣпости, не предлагая никакихъ возраженій, мы даемъ какъ будто право переносить ихъ не только въ общее мнѣніе, но даже и въ науку. Ложь для насъ непріятна, но правда принесетъ еще больше стыда. Не удаляясь отъ предмета статьи, я скажу о *Сводѣ Законовъ*, вышедшемъ подъ редакціею Сперанскаго. Сводъ, по прекрасной мысли Государя Императора, переведенъ на Нѣмецкій языкъ; и я готовъ держать какой угодно закладъ, что очень скоро явится у Нѣмцевъ какое-нибудь систематическое научное разсужденіе объ этомъ славномъ памятникѣ нынѣшняго царствованія. Если Реицъ написалъ намъ Исторію Русскихъ древнихъ законовъ по памятникамъ, разсѣяннымъ Богъ знаетъ гдѣ, на старомъ, непонятномъ и чужомъ языкѣ, то останется ли на долго безъ многосторонняго изслѣдованія Сводъ, на Нѣмецкій языкъ переведенный: Нѣмцы внесутъ его тотчасъ въ науку, въ Исторію Права, въ Догматику, Методологію, Энциклопедію и проч., и проч., и неужели для нашей національной гордости не будетъ оскорбленіемъ такое предупрежденіе? Не будутъ ли Нѣмцы имѣть права укорить насъ въ невѣжествѣ, въ лѣности, беззаботности?"

На другой день, какъ статья была написана, посѣтилъ Погодина одинъ изъ достойнѣйшихъ Московскихъ духовныхъ сановниковъ, извѣстный своею долговременной службою и разнообразными трудами Новоспасскій архимандритъ Аполлосъ. „Не встрѣчались ли вы когда-нибудь съ Сперанскимъ?“ спросилъ его Погодинъ. „Какъ же—когда я ѣхалъ въ 1814 году изъ Иркутска въ Петербургъ, я останавливался на нѣсколько времени въ Перми. Архіереемъ тамъ былъ тогда Іустинъ *), и пригласилъ меня служить съ собою въ праздникъ... Я узналъ въ церкви Сперанскаго, видѣннаго мною прежде въ Петербургѣ, и поклонился ему. На завтракѣ у Преосвященнаго онъ познакомился со мною и пригласилъ на другой день къ себѣ. „Можно ли“, спросилъ я своего хозяина.—Какъ вамъ угодно. „Этотъ отвѣтъ не удовлетворителенъ“.—Другого дать я не могу. Іустинъ объяснилъ, почему онъ не считаетъ благоразумнымъ открытое сообщеніе съ Сперанскимъ. У меня у самого есть къ нему почтеніе Высокопреосвященнаго Амвросія Петербургскаго, которое я все еще думаю, какъ передать. „Позвольте — кстати мнѣ“. Я отправился такимъ образомъ къ Сперанскому. „Чѣмъ занимаетесь вы?“ спросилъ я его послѣ обыкновенныхъ привѣтствій. Сперанскій указалъ на Библію и тетрадь: „Выбираю тексты изъ Священнаго Писанія, приличные моему положенію“. Онъ долго и подробно разспрашивалъ о Сибирскомъ управленіи и объ Иркутскихъ губернаторахъ — Пестелѣ и Трескинѣ. Отецъ архимандритъ Аполлосъ, продолжая свое путешествіе, заѣхалъ въ Новгородъ къ Преосвященному Виктору, жившему на покоѣ въ Юрьевѣ монастырѣ, и въ разговорѣ между прочимъ сказалъ ему, что познакомился дорогою съ его землякомъ, Сперанскимъ, въ Перми (Викторъ былъ также изъ Владиміра). „Какъ же“, отвѣчалъ старецъ, — „я помню его вотъ какимъ, онъ у меня посохъ держалъ, я ставилъ его въ стихарь“ [59]).

---

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1893, кн. VII, стр. 162—163.

Прочитавъ эту статью, нѣкто Старовѣровъ написалъ Погодину пространное письмо, въ которомъ отнюдь не является поклонникомъ Сперанскаго. „Истекаетъ двадцать восьмое лѣто“, писалъ онъ,—„какъ сложивъ съ плечъ ружье, я тащусь по гражданской службѣ и осѣдло проживаю въ С.-Петербургѣ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ изъ всѣхъ выходящихъ на Русскомъ языкѣ журналовъ, я почти только и читаю *Москвитянинъ*, находя его занимательнѣйшимъ и пріятнымъ для себя. Въ 6-мъ или 7-мъ нумерѣ сего журнала, вы, милостивый государь, разбирая біографіи Русскихъ людей сочиненія Бантышъ-Каменскаго, похваливъ это собраніе матеріаловъ, пригодныхъ для потомства, — назвали ихъ односторонними, что̀, впрочемъ, не безъ основанія, хотя и желательно, чтобы у насъ выходило поболѣе такого рода книгъ, до коихъ я еще смолоду былъ большой охотникъ. Въ вышедшемъ нынѣ 8-мъ нумерѣ *Москвитянина* въ статьѣ: *Нѣсколько словъ по поводу статьи барона М. А. Корфа о Сперанскомъ*, на стр. 36-й вы соболѣзнуете о будущихъ Русскихъ Плутархахъ, что современники молчатъ: о Кутузовѣ, Сперанскомъ, Ростопчинѣ, Новосильцовѣ, Сенявинѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ. На страницахъ же 40-й и 41-й, разсуждая о Сводѣ Законовъ, вышедшемъ подъ редакціею Сперанскаго, выразились какъ о славномъ памятникѣ нынѣшняго царствованія, то-есть: о славномъ памятникѣ Сперанскаго. Конечно, никто не станетъ отрицать, что Провидѣніе щедро надѣлило дарованіями покойнаго Михаила Михаиловича Сперанскаго; о направленіи ихъ — иное дѣло. Изданный подъ редакціей его Сводъ Законовъ составилъ огромный трудъ, хотя — и если изволите заглянуть въ записки Исторіографа, „для опредѣленія года рожденія котораго вы должны были преодолѣть столько затрудненій“ — совершаемъ былъ по указанію Карамзина, — не мѣшало бы и ему удѣлить хоть крупинку. Польза, Сводомъ Законовъ принесенная, извѣстна мнѣ по опыту. Но и вы, милостивый государь, въ свою очередь, конечно же, изволите согласиться, что съ изданіемъ Свода Законовъ, у насъ на Руси

милліоны противу прежняго болѣе появилось крикуновъ и недовольныхъ. Это такъ понятно, что излишне объ этомъ распространяться. Выставляя на видъ читателей вашего журнала, родныхъ и знакомыхъ покойнаго Сперанскаго, чуть ли не до третьяго поколѣнія, и тѣмъ характеризуя его, — не сочли однакожъ нужнымъ упомянуть о благодѣтеляхъ-виновникахъ его возвышенія и, симъ образомъ, извините, сами впали въ односторонность. А кажется такъ легко было того избѣгнуть, просматривая Біографіи сочиненія Каменскаго, и чѣмъ, я думаю, не уменьшили, а увеличили бы его достоинства. Но, можетъ быть, вамъ не извѣстно, что родитель Михаила Михаиловича, кромѣ званія сельской церкви священника, былъ у одного изъ виновниковъ возвышенія сына его духовникомъ; а въ то время быть духовнымъ отцомъ такого духовнаго сына, сами знаете, что-нибудь да значило (кто въ наше время не называетъ Дубенскихъ, Самборскихъ съ процвѣтающими отраслями — вельможами, Комаровскихъ — графами?); нынѣ, благодаря просвѣщенію, за все отвѣчаютъ исповѣдныя росписи. Не смотря на то, покойный Михаилъ Михаиловичъ заплатилъ свой долгъ потомству тѣхъ особъ по пословицѣ: не вспоишь, не вскормишь, и враговъ не наживешь. Такая уплата ни мало однакожъ не побудила измѣнить нынѣшняго Черкутинскаго владѣльца *), едва ли не восьмой годъ проживающаго въ Индіи (ради пріятностей свѣтской жизни), прежнія распоряженія о производствѣ достойнѣйшей сестрицѣ покойнаго Сперанскаго съ потомствомъ тысячи пятисотъ рублей ежегоднаго пенсіона и объ оставленіи за нею земель, въ такомъ количествѣ десятинъ, что иному мелкопомѣстному помѣщику необидно бы имѣть столько же. Само собою разумѣется, что все это вмѣстѣ взятое вовсе не такъ трогательно, какъ „портретъ старушки въ платкѣ", красовавшійся въ кабинетѣ вельможи, и то, когда покойный Михаилъ Михаиловичъ, „встрѣтивъ старца-учителя — палъ передъ нимъ

*) Князя Алексѣя Николаевича Салтыкова, извѣстнаго путешественника, о которомъ будетъ сказано ниже.

на колѣни, обнялись и оба заплакали". Наконецъ, бѣдный канцлеръ Румянцовъ... Но довольно, продолженіе можетъ увлечь далеко, и есть дѣла посороннія. А въ статьѣ вашей, невольно заставившей меня обезпокоить васъ настоящимъ письмомъ, вотъ что̀ поразило: кто это васъ сподобилъ поставить на одну линію съ Кутузовымъ — Сперанскаго?!. Давъ ему еще мѣсто между княземъ Смоленскимъ и Ростопчинымъ!.. Ради Бога, извините, вѣдь это похоже на святотатство!!!... Тѣ творили, — Сперанскій сводилъ... Ужель тутъ требуются доводы?.. Я убѣжденъ, милостивый государь, что вы, положивъ руку на сердце, внутренно сознаетесь, что сдѣланное вами сравненіе ни по чему не сходно; думаю также, что и почтенный вашъ сотрудникъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, котораго, къ сожалѣнію, имѣю честь только знать по прекрасному взгляду его на людей и дѣянія ихъ въ статьяхъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ вашемъ,—согласится въ томъ же. Князь Смоленскій, Ростопчинъ и прочіе, у васъ идущіе за Сперанскимъ, были не то, что дворяне, на которыхъ со временъ величайшаго изъ преобразователей, такъ дружно возстаютъ новѣйшіе знаменитости,—хотя между тѣмъ Отечество наше обязано имъ: всѣмъ могуществомъ, славою, всѣми похвальными начинаніями, въ чемъ, быть можетъ, не откажетесь и вы приложить удостовѣреніе; но настоящіе сыны Отечества, истинные, благородные монархисты, чуждые замысловъ, зависти... А Сперанскій съ его Сводомъ и другими постановленіями изъ-подъ его же редакціи вышедшими... Ужъ если вамъ прѝшло желаніе съ кѣмъ-либо ровнять Сперанскаго, то чего вѣрнѣе—поставьте его на одну доску съ Кочубѣемъ, въ совокупности дѣйствовавшимъ съ 1828-го до половины 1834 года въ важнѣйшихъ постановленіяхъ государственныхъ,—вотъ его мѣсто, ни на шагъ впередъ; они же кстати въ жизни и породнились. А въ замо̀къ къ нимъ Бенкендорфа. Не гнѣвайтесь, не спорю я, что послѣдній ничего не писалъ, кромѣ Инструкціи, о коей одинъ бѣднякъ мнѣ сказывалъ, что ее слѣдуетъ читать вмѣсто Евангелія; но для полноты картины онъ тутъ необходимъ по

части физико-нравственныхъ наукъ. Разберите, обсудите на досугѣ хладнокровно, какъ при нихъ дѣла строились, увидите, что пошли побѣги, показались почки, созрѣли и плоды; гдѣ дѣйствуетъ одинъ хитрый умъ, тамъ не блаженствуютъ. Помнится, въ какомъ-то журналѣ уже сожалѣли, что о Сперанскомъ ничего не говорятъ. Отвѣтомъ служило молчаніе. Чего же больше, можно было выразумѣть, что насильно милъ не будешь никому. Вамъ, правда, угодно приписывать безгласность о знаменитѣйшихъ современникахъ: „холодности, равнодушію и системѣ молчанія" своихъ соотечественниковъ. Оно такъ, да не совсѣмъ: Россіяне умѣютъ молчать (себѣ на умѣ), только я назову это молчаніе вмѣстѣ съ терпѣніемъ не *системою*, а великою наукою, свыше на нихъ ниспосланною, по милости которой..., но не мнѣ состязаться съ вами въ Исторіи, когда вы сами говорите, что знаете ее вдоль и поперекъ. Скажу только, что эта наука позволяетъ мнѣ, когда захочется, соснуть спокойно, чего и вамъ сердечно желаю. А этой-то науки Европейцамъ никогда недоставало и недостанетъ. Пріемлю смѣлость обратиться къ вашей памяти: умный, благородный Монтескье съ доброю цѣлію, а какъ знать, быть можетъ, соблазнившись, пожелалъ пройти по тропѣ древнихъ мужей,—пустилъ въ ходъ: *Духъ Законовъ*. Что жь вышло? Разбудилъ тигра, который съ того времени рыская по Европѣ, рыкалъ и, разинувъ пасть,—остановился передъ нами... Благоволите взять во вниманіе, что мы отъ него ограждаемся Сводомъ Законовъ... Да гдѣ же *Духъ*-то *Законовъ?* Съ позволенія вашего—давно уже протухъ; осталось отъ него только, какъ нынѣ выражаются (выраженія котораго терпѣть не могу), *духъ времени*. Мнѣ пришло на мысль сужденіе одного моего знакомца (пріятель г. Корфа), разсказывавшаго, что когда въ 1832 году Сперанскій, въ сопровожденіи министра юстиціи Дашкова и товарища послѣдняго, вошли со Сводомъ Законовъ къ Государю, то Его Величество, снявъ съ себя Андреевскую звѣзду и пришпиливая на Сперанскаго, соизволилъ ко всѣмъ сказать: Господа, кажется, мы окончили не худое дѣло.

Первые двое смолчали, молодой товарищъ отвѣчалъ: „Не рано ли, Государь“. Дружокъ мой, прокатившійся въ Сибирь при Сперанскомъ, за чинкомъ, охуждая отвѣтъ товарища,—счелъ его лестію! Василью Дмитріевичу Корнильеву не угодно было понять, что товарищъ провидѣлъ послѣдствія изданія Свода Законовъ въ отношеніи исполненія... Поэтому-то самому и біографіи надлежитъ писать исподволь, издавать ощупью. Сами изволите видѣть, что для закрытія своихъ грѣшковъ, мы охотнѣе отыскиваемъ слабыя стороны въ другихъ; такъ писать о почившихъ современникахъ, сдѣлавшихся знаменитыми, и предъявлять все написанное современной же публикѣ,—все равно, что обнажить нерастлѣвшія кости, а это воспрещаетъ Церковь и 256 Статья Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ, по которой таковыя приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ съ наложеніемъ клеймъ. Шила въ мѣшкѣ не утаишь—говоритъ пословица. Вы—человѣкъ ученый, имѣете юныхъ слушателей, быть можетъ, и потомство: извольте потрудиться; съ постояннымъ стремленіемъ чего не достигнешь? Пріохочивайте къ тому же слушателей и свою надежду; со временемъ все то передадутъ грядущимъ поколѣніямъ на безпристрастное сужденіе, въ назиданіе. А вы нынѣ сообщите сущимъ что-нибудь поотраднѣе безъ преувеличенія о почившихъ соотечественникахъ; такъ мы вамъ въ поясъ, подобно какъ Бантышъ-Каменскому. Если судьбамъ угодно послать намъ новое испытаніе, то быть можетъ, не забудутъ князя Смоленскаго, Ростопчина и другихъ, какъ вспомнили Пожарскаго, Палицына, Сухорукова. Когда же вспомнятъ Сперанскаго, я бы даже могъ приблизительно сказать вамъ о томъ, да пожалуй, причтете то къ духу времени. Безспорно, онъ знаменитъ, долго, долго еще будетъ жить въ памяти, войдетъ въ бытописаніе, но не тѣмъ, что изъ-подъ его редакціи вышли разнаго рода постановленія, Сводъ Законовъ, отъ котораго и четвертой части не осталось по нынѣшнее время, да что и мудренаго, когда умъ къ намъ летитъ по желѣзнымъ

дорогамъ; обождите немного, какъ поспѣетъ своя,—не то еще будетъ; она нѣсколько сооружается медленно и уже свыше смѣты стоитъ семнадцать милліоновъ рублей серебромъ, но за то тогда мы поскачемъ на своемъ умѣ... Еще недалеко ушло отъ насъ время, когда отъ мала до велика, отъ убогаго до богатаго, отъ звонаря до угасившаго Платона,—все шло впередъ, все тянулось, все трезвонило для отраженія... Вотъ гдѣ знаменитость Сперанскаго... здѣсь виденъ перстъ Божій!.. Я не судья, а только слѣдователь; но вѣдь тутъ пучина, романъ, сказали бы юноши... Благословенный миротворецъ, сколько могъ, берегъ его: поздно вечеромъ ввозимъ былъ онъ въ закрытомъ экипажѣ въ городъ или селеніе, съ зарею поднимался въ путь все далѣе, далѣе отъ ратоборствовавшихъ, наконецъ перешагнулъ хребетъ Уральскій... Прикажите, если нѣтъ подъ рукой, отыскать манифестъ Александра, оправдывавшій, возвращавшій его назадъ. Документъ важный, необходимый; поищите въ немъ, прислушайтесь къ звукамъ словъ, не найдете ли чего утѣшительнаго для тѣни Сперанскаго... Чѣмъ же отвѣчалъ онъ заботливости благодушнаго? Когда погребали Александра, Сперанскій въ церемоніи несъ орденъ Владимірскій, съ улыбкою потряхивалъ подушкою... Разгадайте ее... каждый шагъ, слово, взоръ этого человѣка важны, требуютъ разслѣдованія осторожнаго и десятка три годковъ. Сперанскій ничѣмъ такъ не ознаменовалъ себя, когда сталъ во главѣ законовѣдцевъ, какъ образованіемъ школы изъ трехъ словъ: „Умѣй сдѣлаться нужнымъ". Съ того времени всѣ, пустившись писать проекты, поглотили самый Сводъ его законовъ; а тысячи небывалыхъ безполезныхъ для государства мѣстъ и должностей съ полчищами чиновниковъ—появились на жатву; и до самой его кончины неотложно, какъ бы въ мелочную лавочку, прибѣгали къ великому мужу за проектами. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что отъ проектовъ кладовыя не тучнѣютъ. Если вы когда сюда пожалуете, то въ Коломнѣ близъ Аларчина моста, легко отыщите домъ съ вывѣскою: Департаментъ Проектовъ и Смѣтъ, составъ котораго долженъ

погибнуть голодною смертію, буде не станутъ поддерживать его проектами. Многое бы еще можно было сказать кое-о-чемъ, помѣщенномъ въ статьѣ вашей. Да вы, спасибо, частенько журите соотечественниковъ за то, что они все перенимаютъ отъ чужеземцевъ; хотя опять-таки для себя нечувствительно иногда страдаете тою же болѣзнію, говоря, напримѣръ, довольно фигурно: „о Европейской печати, которая *теперь* столько распространяется“. Ну да гдѣ мнѣ о томъ судить съ однимъ плохимъ знаніемъ Русской грамоты, съ натурою только-что и крѣпкою azаднимъ умомъ; правду сказать, и у васъ словцо *теперь* немножко крѣпонько. Но зачѣмъ мнѣ безвѣстному, горемыкѣ-одинокому, отнимать хлѣбъ-соль отъ г. В. Лешкова. Пусть г. сановникъ баронъ М. А. Корфъ (нерѣдко встрѣчающійся разъѣзжающимъ на гривенномъ извощикѣ) пишетъ о покойномъ Сперанскомъ, что за благо признаетъ, ему то и слѣдуетъ, какъ человѣку, обязанному настоящимъ своимъ поприщемъ покойному Михаилу Михаиловичу; да и онъ весьма основательно замѣтилъ, „что оцѣнка въ жизни Сперанскаго многихъ событій составляетъ задачу совершенно преждевременную“; не даромъ же онъ служитъ по Департаменту Законовъ. Но вамъ, милостивый государь, издателю единственнаго Русскаго журнала—пожалуйста извините—не только не надлежало бы вызывать на то г. барона, но и отстранить свой журналъ служить эхомъ отзывовъ о подобнаго рода людяхъ,—оно не будетъ услышано; притомъ же и бумага не всегда все терпитъ. Довольно съ насъ и изложеннаго мнѣнія г. редакторомъ Свода Военныхъ Постановленій Устряловымъ, въ извѣстной, изданной имъ книгѣ,—объ одномъ убѣленномъ сѣдинами, ранами и заслугами воинѣ *). Я, какъ видите, не литераторъ, не г. Корфъ и не г. Булгаринъ, а коренной россіянинъ, и потому позволилъ себѣ взять смѣлость высказать откровенно и просто свое мнѣніе о статьѣ вашей, питаясь надеждою, что вы будете къ нему снисходительны; а за нѣкоторую, быть мо-

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1895, кн. IX, стр. 177—179.

жетъ, шероховатость въ слогѣ, свойственную русаку необразованному, если Богъ доведетъ меня переселиться въ Москву, явлюсь къ вамъ съ повинною" [60]).

XIII.

26-го августа 1848 года, Шевыревъ писалъ Жуковскому: „Погодинъ сидитъ въ своемъ собраніи рукописей, которое надобно бы пріобрѣсти Москвѣ, что̀ бы и обезпечило и его самого, и его драгоцѣнную библіотеку" [61]).

Дѣйствительно, Погодинское Древлехранилище съ каждымъ, можно сказать, днемъ расширялось и обогащалось, и счастливый владѣлецъ имѣлъ уже право сказать во всеуслышаніе, что „наши историки, изслѣдователи, филологи, духовные, юристы, поэты, романисты, не воспользовались и вполовину тѣми сокровищами, кои разсыпаны въ письменной литературѣ; что наши понятія о Древности должны измѣниться очень много вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ памятниками; что для разработки ихъ нужны сотни дѣлателей; что лѣтописи и грамоты составляютъ первый источникъ Исторіи, но далеко не единственный; что для знакомства съ Русскимъ народомъ напротивъ онѣ слишкомъ недостаточны; что Исторія нашей Церковной Словесности должна непремѣнно увеличиться вдвое или втрое; что Несторъ, Кириллъ Туровскій, Максимъ Грекъ, стоящіе почти оазисами въ древности, должны соединиться длинною плотною цѣпью со временемъ Петра I; что..., но не мѣсто распространяться объ этомъ болѣе. Повѣрятъ ли, что не проходило у меня почти одного дня безъ важнаго открытія. Разумѣется, этими открытіями я не дорожу для себя, напротивъ приглашаю всѣхъ своихъ учениковъ и охотниковъ къ продолженію ихъ—и открывайте: золото разсыпано на всякомъ шагу".

Въ 1848 году Погодинъ, между прочимъ, пріобрѣлъ Греческую Псалтырь, которая нѣкогда принадлежала духовнику царя Іоанна Грознаго, знаменитому Сильвестру. Въ это же

время Д. П. Голохвастовъ, углубившись въ изученіе *Домостроя,* писалъ Погодину: „Отъ всей души благодарю васъ за сообщеніе любопытнѣйшаго извѣстія, близко касающагося до попа Сильвестра. Дай Богъ вамъ пріобрѣсти драгоцѣнную *Псалтырь* его, хотя, мнѣ кажется, и триста р. сер., а тѣмъ паче пятьсотъ сер., цѣна ужасная, особенно, если принять въ соображеніе малое у насъ число охотниковъ и пріобрѣтателей подобныхъ вещей. Впрочемъ, я въ этомъ толку не знаю, ибо на такого рода покупки не пускаюсь. Отчего вы называете ребячествомъ радость, которую чувствовали, держа въ рукахъ книгу, нѣкогда бывшую въ рукахъ Сильвестра? По моему, такого рода радость есть высочайшій признакъ чистоты душевной. Секрета вашего относительно этой покупки или продажи я не выведу, потому что, не имѣя въ обычаѣ платить за добро лихомъ, не заплатить бы за радушное и поспѣшное сообщеніе столь любопытнаго извѣстія вредной для васъ болтовнею. Если же вы пріобрѣтете эту книгу, или будете ее имѣть хотя на нѣсколько времени, то очень важное дѣло будетъ снять *fac-simile* съ надписи: *Селиверстовская.* Это можетъ повести къ цѣлой перспективѣ весьма любопытныхъ догадокъ и открытій. Появленіе моихъ розысканій замедлилось главнѣйше остановкою въ изданіи Историческаго Общества и тѣмъ еще, что я много занятъ, а еще болѣе развлеченъ по службѣ. Теперь время подрядовъ, изъ коихъ иные на огромныя суммы, а другіе хотя и не такъ важны, но также удобны для злоупотребленій, которыя должно истреблять во всѣхъ, большихъ и малыхъ, звеньяхъ этой огромной цѣпи“.

За *Псалтырью* въ руки Погодина достался *Апостолъ,* принадлежавшій митрополиту Филиппу. „Что долженъ былъ сдѣлать“, писалъ собиратель Шевыреву,—„нынѣ, не смотря на свою крайность, купить книгъ на сто двадцать рублей! *Апостолъ митрополичь Филиповъ,* на пергаментѣ, древнѣйшее письмо, по моему мнѣнію, XIII столѣтія. Ну какъ отъ него отказаться, и полѣзай хоть въ петлю. Да *Псалтырь* Скорины невиданная и негаданная. Да *Тріодь* чуть не XII сто-

лѣтія на пергаментѣ! О Господи! Да когда же Ты меня избавишь отъ моихъ лютыхъ напастей! Привезу показать тебѣ на дняхъ".

„Благодарный за посѣщеніе", преосвященный Іаковъ, епископъ Нижегородскій, 8-го апрѣля 1848 года, присылаетъ Погодину опись столбцевъ, найденныхъ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ [62]). Это открытіе надѣлало много шума, и П. М. Строевъ доносилъ Археографической Коммиссіи: „Акты, открытые Нижегородскимъ епископомъ Іаковомъ въ подвалахъ тамошняго Печерскаго монастыря, о которыхъ столько писано въ журналахъ, даже въ *Journal des Debats*, были разсмотрѣны мною еще въ 1833 году" [63]). Впрочемъ и самъ преосвященный Іаковъ писалъ объ этомъ открытіи Погодину: *интереснаго мало* [64]). Въ то же время Погодинъ „долго торговался съ Ржевскими купцами объ грамматикѣ Зизанія" [65]).

10-го іюня 1848 года Даль писалъ Погодину: „Спѣшу увѣдомить васъ, что отправилъ къ вамъ тюкъ, въ которомъ найдете сюртукъ А. С. Пушкина прострѣленный, стихотворенія его, рукописный словарь, разныя древнія рукописи въ свиткахъ, мой давнишній опытъ перевода Евангелія" [66]).

Получивъ этотъ тюкъ, Погодинъ, писалъ Шевыреву: „Утро было преумилительное: я получилъ отъ Даля окровавленный сюртукъ Пушкина и тетрадь его рукописныхъ стихотвореній, и много думалъ объ немъ, читая въ стихахъ и объ Отечествѣ. Я долженъ, долженъ уйти.... Но куда и какъ мнѣ оторваться отъ злобы довлѣющей дню и днямъ текущимъ".

Въ то же время Погодинъ пріобрѣлъ портретъ Императора Александра I въ молодости, который поднесъ Наслѣднику и получилъ за это благодарность [67]).

Намъ не извѣстно, удалось ли Погодину воспользоваться чѣмъ-либо изъ бумагъ А. И. Тургенева, но извѣстна слѣдующая оффиціальная бумага къ нему нѣкоего Суконина: „Его Превосходительство господинъ Московскій Оберъ-Полицмейстеръ, поручилъ мнѣ, вслѣдствіе предписанія Его Сія-

тельства господина Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, истребовать отъ наслѣдниковъ покойнаго тайнаго совѣтника Тургенева находящуюся между бумагами Александра Ивановича, оставшимися послѣ его смерти у Нефедьевой, переписку, происходившую въ 1801 году между бывшею тогда при Высочайшемъ Дворѣ Саксонскою Миссіею и Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Такъ какъ мнѣ извѣстно, милостивый государь, что вы были коротко знакомы съ покойнымъ Александромъ Ивановичемъ, присутствовали, если не ошибаюсь, при его кончинѣ и впослѣдствіи приводили оставшіяся послѣ него бумаги въ порядокъ, то я и осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею моею просьбою, увѣдомить меня, не извѣстно ли вамъ, гдѣ находится вышеозначенная переписка—и буде она, имѣется между бумагами у наслѣдниковъ, взять на себя трудъ отыскать и ко мнѣ ее доставить" [68]).

Въ Малороссіи славилась библіотека Ивана Яковлевича Лукашевича. Само собою разумѣется, Погодинъ ею крайне интересовался и 11-го февраля 1848 года писалъ М. А. Максимовичу: „Я разъ пять спрашивалъ тебя о Лукашевичѣ, кажется—Иванѣ Яковлевичѣ, что живетъ близъ тебя — антикваріи" [69]).

Библіотека И. Я. Лукашевича процвѣтала въ его селѣ Кононовкѣ, Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губерніи. На вышеприведенный запросъ Погодина М. А. Максимовичъ отвѣчалъ: „А объ И. Я. Лукашевичѣ, ей-ей, не знаю, чего тебѣ отъ меня хочется: тебѣ въ отношеніи старокнижномъ онъ, конечно, извѣстнѣе, нежели мнѣ. Знаю, что онъ сбираетъ, покупаетъ, книгъ его еще не видалъ: богатъ онъ довольно таки, но не слишкомъ-то тороватъ: такое объ немъ ведется повѣрье... А лично онъ, хоть некрасивъ больно съ лица, но человѣкъ хорошій, мнѣ показался, сколько удалось его мнѣ узнать. Отецъ его крестилъ меня,—а онъ купилъ у Тимковскаго Згарь, гдѣ и я, и всѣ Тимковскіе родились". Въ томъ же письмѣ Максимовичъ сообщаетъ: „У меня для тебя есть

подлинное письмо объ убіеніи Амвросія въ Москвѣ, письмо отъ того N.N., который былъ при немъ и самъ чуть не убитъ былъ: все дѣло описываетъ преподробно къ епископу Переяславскому Іову Базилевичу" [70]).

Познакомившись лично съ библіотекою И. Я. Лукашевича, Максимовичъ писалъ: „Я видѣлъ ее въ іюнѣ сего 1849 года, и думаю, что это первая библіотека въ Южной Руси по множеству Русскихъ книгъ гражданской печати, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, и особенно по богатству старопечатныхъ книгъ Словенскихъ. Съ большимъ трудомъ, иждивеніемъ и знаніемъ дѣла Лукашевичъ успѣлъ уже собрать почти всѣ книги, которыя считаются основными и капитальными въ нашей Словенорусской библіографіи, начиная съ *Часослова* и *Тріоди Посной*, напечатанныхъ въ Краковѣ 1491 года, до книгъ, изданныхъ въ Яссахъ, 1791 года, повелѣніемъ великаго гетмана казацкихъ войскъ князя Потемкина-Таврическаго" [71]).

Стремясь сдѣлать свое Древлехранилище, такъ сказать, общественнымъ центромъ Москвы, Погодинъ задумывалъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ устроить въ немъ публичныя лекціи. „Въ лекціяхъ", писалъ онъ Шевыреву, — „радъ участвовать.— Устраивай, а во мнѣ будь увѣренъ. Изъ Исторіи Словесности — три, Русской Исторіи—двѣ, изъ Всеобщей Исторіи—три (Грановскій), изъ Исторіи Права—двѣ или три. Перевощиковъ, Лешковъ, Спасскій, Глѣбовъ. Обстоятельства учатъ насъ, и потому мы должны допускать только своихъ. Изъ чужихъ не болѣе Грановскаго. Въ дополненіе посѣтители получаютъ билетъ для осмотра Музея моего съ объясненіемъ. Мысль о лекціи прекрасная и своевременная, только нужна твердость: уладимъ сперва все между собою, и потихоньку, чтобъ неблагонамѣренные люди не испортили прежде исполненія. Засѣданія два тоже можно присоединить. Вотъ и начнется Общество Словесности".

Но въ то время, когда Погодинъ мечталъ объ этомъ, Древлехранилище его едва не сдѣлалось жертвою пламени. „Съ нами", писалъ ему И. И. Давыдовъ (30-го августа 1848 г.),—

„безпрестанно бѣды неожиданныя: вамъ угрожалъ пожаръ, а мнѣ болѣзнь сына. Слава Богу, что и то, и другое кончилось страданіями страха. Теперь вы видите, какой опасности подвергаются ваши коллекціи. Покойная Елисавета Васильевна всегда говорила объ этихъ опасеніяхъ. Поэтому продавайте— и вы будете покойны: при спокойствіи доведете Исторію не до Татаръ, а до Петра, если не захотите идти далѣе“.

Когда же, охраняя свое Древлехранилище отъ огня, Погодинъ вздумалъ переселиться изъ большого дома во флигель и о семъ извѣстилъ И. И. Давыдова, то послѣдній писалъ ему: „Знаете ли, что извѣстіе ваше о переселеніи вашемъ во флигель прослезило меня. Вы поймете причину слезъ. Я самъ долженъ буду помѣститься у себя во флигелѣ, когда переѣду въ Москву. Не намъ, видно, суждено блаженствовать въ этомъ мірѣ... Впрочемъ, для безопасности вашихъ коллекцій это необходимо“.

А между тѣмъ сокровища Древности такъ и лились въ Древлехранилище“. „*Между нами*“, писалъ Погодинъ Шевыреву,—„покупаю у Спасскаго (Сибирскаго) собраніе вещей, найденныхъ въ Чудскихъ могилахъ въ Сибири, и Сибирскія Лѣтописи, между ними та единственная, которую Карамзинъ назвалъ Строгановскою. Еще, и также *между нами*, у Волкова Валуевское собраніе фамильныхъ бумагъ!! Такъ все и плыветъ въ руки. Нельзя отказываться, какъ игроку вставать изъза стола, не кончивъ партіи: Vogue la galère! За то уже такое собраніе, которому и Николай Павловичъ поклонится“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину грезился въ то время и такой планъ: „Если я успѣю“, писалъ онъ Шевыреву,—„продать часть, напримѣръ, грамоты, то составлю у себя канцелярію, найму человѣкъ четырехъ (Ундольскаго, Бѣляева, Оріентова,...) жить у меня и работать подъ моимъ руководствомъ. Мы въ годъ надѣлали бы чудеса для Русской Исторіи. Привелъ бы въ порядокъ всѣ справки — ну да что и говорить? Только между нами! Эта мысль еще только въ зародышѣ. Переговоримъ при свиданіи“.

XIV.

Послѣ выхода графа С. Г. Строганова изъ попечителей Московскаго учебнаго округа, жгучимъ вопросомъ для Университета было избраніе ректора. 22-го января 1848 года Шевыревъ писалъ Погодину, что ректоромъ избранъ Алфонскій—Слава Богу! Но черезъ мѣсяцъ тотъ же Шевыревъ увѣдомляетъ, что „ректоромъ Перевощиковъ". Въ *Дневникѣ* же Погодина, подъ 5-мъ марта 1848 года, читаемъ: „Толковалъ съ Страховымъ. Онъ передавалъ мнѣ мнѣнія Голохвастова, который желалъ ректорства Баршеву. Вотъ дуракъ-то. Это уже рѣшительное понятіе даетъ мнѣ объ его неспособности".

Когда всѣ эти колебанія дошли до Петербурга, то И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Въ Московскомъ Университетѣ все сплетни, сплетни и еще сплетни. Прекрасное сословіе! Выбрали себѣ ректора, а потомъ пишутъ, что этотъ выборъ сдѣланъ невзначай, что имъ недовольны, и нельзя ли отмѣнить. Боже мой! И это просвѣщенные люди! Вотъ наша alma Universitas! Такъ, одинъ человѣкъ можетъ и разрушить созданное, и создать разрушенное. Грустно намъ съ вами, старожиламъ Москвы, глядѣть на всѣ неурядицы и хлопоты, гдѣ прежде обитали миръ, тишина, спокойствіе. Мнѣ кажется, что добросовѣстное обозрѣніе профессоровъ прежняго Московскаго Университета принесло бы большую пользу—и показало бы ничтожество пигмеевъ, и возродило бъ уваженіе къ незабвеннымъ двигателямъ просвѣщенія. Какія превосходныя личности представятся! Какія славныя имена между нашими товарищами и сверстниками! Въ наше время затруднялись избраніемъ въ ректоры отъ излишества ученыхъ вельможей, а не отъ недостатка. И это графъ Строгановъ называетъ своею реформою! Боже! *Положи храненіе устамъ моимъ*! Говоришь по неволѣ, изъ любви къ Святой Руси, къ Московскому Университету". Въ другомъ своемъ письмѣ И. И. Давыдовъ на ту же тему писалъ: „Нашъ вѣкъ былъ дѣйствительно золотой: были та-

ланты, была наука, было религіозное уваженіе къ Университету. Что же теперь видимъ?“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ все еще не могъ разстаться съ мыслью вступить снова въ Университетъ; но противъ этого поползновенія возсталъ И. И. Давыдовъ, писавшій Погодину: „Что касается до возвращенія на пятилѣтіе, я не совѣтую и думать объ этомъ, не совѣтую напрасно этою думой себя тревожить. Посмотрите на almam Universitatem: кто тамъ дѣйствующія лица? Подумаешь, что нѣкоторые вышли изъ Половецкихъ набѣговъ. А между тѣмъ никто, кромѣ С. П. Шевырева и Д. М. Перевощикова, писать по Русски не умѣетъ, не исключая Санскритовъ, Словенъ, Грековъ и всякой всячины. Это плоды слабоумнаго прежняго начальника!“

Изъ профессоровъ, кромѣ Шевырева, Погодинъ находился въ дружбѣ съ Н. И. Крыловымъ, Г. Е. Щуровскимъ, Ѳ. И. Иноземцовымъ, В. Н. Лешковымъ, І. В. Варвинскимъ, И. П. Матюшенковымъ и др. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся записочки и наконецъ записи *Дневника* самого Погодина. Такъ, подъ 13-мъ февраля 1848 года записано: „Вечеромъ Крыловъ. Объ университетскихъ дѣлахъ. О партіяхъ тайныхъ и явныхъ. Чортъ ихъ возьми. Исторія—убѣжище“. На масленицу Н. И. Крыловъ приглашаетъ Погодина „на Русскіе блины“. Въ апрѣлѣ 1848 года, между Погодинымъ и Крыловымъ возникла слѣдующая переписка:

Погодинъ. „Нужно сто пятьдесятъ р. с., кои благоволите вручить Якову, а Яковъ передастъ ожидающему у воротъ мужику, а мнѣ записку пришлите, что дано-де столько“.

Крыловъ. „Поелику въ Русскомъ характерѣ есть что-то Татарское, по вашему же выраженію, и поелику вы просили только сто р. с., что я и приготовилъ, то не учавствуя въ Татаро-Русскомъ происхожденіи, а будучи безъ примѣси, посылаю вамъ сто, да и то на самое короткое время; ибо не шутя буду имѣть скоро въ нихъ нужду“. Въ заключеніе Крыловъ приглашаетъ къ себѣ Погодина „на дружескій вечерокъ“. Вскорѣ послѣ этого *вечерка* Погодинъ получаетъ слѣдующую

записочку отъ І. В. Варвинскаго: „Въ послѣднее наше свиданіе у Н. И. Крылова мы условились сойтись слѣдующій вторникъ у меня; такъ какъ въ этотъ день будетъ учено-медицинское Общество у Ѳ. И. Иноземцова, котораго и я членъ, то я отлагаю нашу сходку до среды... Сегодня я случайно узналъ о прибытіи въ Москву почтеннѣйшаго Даля и о желаніи его посѣтить меня“.

Въ одно іюньское утро, *утру глубоку*, Н. И. Крыловъ писалъ Погодину: „Ѳ. И. Иноземцевъ проситъ пожаловать къ нему сегодня на братскій вечерокъ; между вашими пріятелями вы встрѣтите у него и г. Грудева“.

Подъ 8-мъ іюля 1848 года Погодинъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеръ у Лешкова. Игралъ въ вистъ. Возвращался съ Крыловымъ. О Строгановѣ и Закревскомъ“.

Чрезъ Ѳ. И. Иноземцева Погодинъ находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ И. П. Матюшенковымъ и въ служебной карьерѣ его принималъ живое участіе, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки И. И. Давыдова къ Погодину: „Что касается до Иноземцева, то кліентъ его самъ виновникъ замедленія въ удостоеніи: ему стоитъ только скорѣе окончить экзаменъ. Вы знаете, что Министръ первый защитникъ правъ Университета. Графъ, еще въ бытность свою въ Москвѣ, положительно сказалъ Иноземцеву, что Матюшенковъ долженъ выполнить всѣ требованія Устава—и тогда онъ можетъ надѣяться на всякое покровительство“.

Въ августѣ 1848 года посѣтилъ Москву И. Я. Горловъ, и Крыловъ писалъ Погодину: „По случаю пріѣзда въ Москву профессора Горлова мы собираемся сегодня вечеркомъ для бесѣды ученой у Ѳ. И. Иноземцева. Извѣщая объ этомъ, просимъ покорнѣйше и васъ принять участіе въ нашей бесѣдѣ. Получили ли вы лаврскій гостинецъ? Видите, я васъ и покойницу помянулъ, и помянулъ добромъ; а вы все иначе другихъ... поминаете. Не хорошо; брось, братъ, это дьявольское навожденіе — сирѣчь судъ надъ другими. Мудрено брать на себя такую должность“.

День своихъ именинъ великомученика Никиты (15-го сентября) Крыловъ, по Русскому обычаю, постоянно праздновалъ. „Не забыли ли вы“, писалъ онъ Погодину, — „15-е сентября? Если забыли, то я вамъ напомню, что это—день моего Ангела, въ который я издавна, по Русскому обычаю, пирую въ кругу ученыхъ своихъ друзей, —чему и вы бывали свидѣтелемъ.—И нынѣ надо отпировать, да еще по *славному*, чтобы начать университетскія наши занятія. Въ среду, вечеркомъ, около 8-ми часовъ—будетъ настоящее время“.

Въ декабрѣ Г. Е. Щуровскій дѣлаетъ вечерокъ, на который тоже зоветъ Погодина: „Нѣкоторые изъ моихъ университетскихъ товарищей обѣщались собраться у меня для дружеской бесѣды въ воскресенье вечеромъ. Могу ли надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи видѣть васъ... вмѣстѣ съ другими“ [72]).

Изъ молодыхъ профессоровъ Погодинъ питалъ особенное сочувствіе къ Ѳ. И. Буслаеву. 3-го іюня 1848 года Буслаевъ защищалъ свою диссертацію на степень магистра, подъ заглавіемъ: *О вліяніи Христіанства на Словенскій языкъ. По Остромирову Евангелію*. Еще до диспута Погодинъ, познакомившись съ этимъ сочиненіемъ, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 16-мъ мая 1848 г.): „Буслаева прекрасная диссертація. Съ нимъ о Строгановскихъ....“

Въ письмѣ къ А. Н. Попову Буслаевъ, между прочимъ, сообщаетъ нѣкоторыя подробности о своемъ диспутѣ: „Наконецъ диссертація моя прошла сквозь огонь и воду, то-есть, напечатана и защищена. Диспутъ былъ 3-го іюня, въ четвергъ; спорили долго, отъ 12 почти до 4 часовъ. Возражали Шевыревъ, Бодянскій, Катковъ, Леонтьевъ, Хомяковъ. Шевыревъ хотѣлъ, чтобы я раздѣлилъ миѳологическій періодъ языка на четыре, а потомъ на пять отдѣловъ... Нападалъ на меня за то, будто я вижу въ нашей Поэзіи вліяніе Скандинавское, но я ему доказалъ, что это ему померещилось... Бодянскій прицѣплялся къ каждому словопроизводству, но только дополнялъ меня, а не опровергалъ. Въ заключеніе своихъ возраженій Бодянскій

сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, котораго я столько же не ожидалъ, какъ вѣроятно и вы: мои де изслѣдованія особенно его радуютъ тѣмъ, что я безпристрастно отдаю каждому языку свое, и Словенскому, и Нѣмецкому... Катковъ нападалъ на меня за соединеніе интересовъ лингвистическихъ съ историческими, такъ что не видно, кто въ моей диссертаціи—какъ онъ выразился—*хозяинъ*, лингвистъ или историкъ: хозяиномъ диссертаціи назвалъ я самого себя... Леонтьевъ коснулся моего понятія о чистотѣ Словенскаго перевода Священнаго Писанія, а потомъ отстаивалъ мнѣніе Копитара о Паннонизмахъ въ Церковно-Словенскомъ языкѣ. Хомяковъ началъ свои возраженія общимъ замѣчаніемъ, что теперь на нѣкоторое время наука въ Европѣ остановилась въ своемъ развитіи, и намъ Русскимъ, только однимъ, предстоитъ обработывать ее, а потому моя диссертація для него пріятное явленіе. Затѣмъ нападалъ на меня за излишнюю осторожность въ сличеніи языка Словенскаго съ Санскритскимъ и приводилъ примѣры: изъ его словъ я вывелъ, что онъ считаетъ Санскритъ мѣстнымъ нарѣчіемъ языка Русскаго. Наконецъ, Шевыревъ сдѣлалъ общее заключеніе обо всемъ диспутѣ и заявилъ, что были нападенія частныя, болѣе обращенныя на періодъ миѳологическій, но собственно мой предметъ о вліяніи Христіанства на Словенскій языкъ остался за мною, и я сидѣлъ въ своей крѣпости, какъ онъ выразился, *непобѣдимъ*“ [73]).

На другой день диспута Хомяковъ писалъ тому же А. Н. Попову: „Вчера былъ диспутъ Буслаева, не очень интересный, хотя и довольно живой. Сильные были пріемы Санскритскихъ корней, за что Аксаковъ нѣсколько сердится. Я ратоборствовалъ, но немного, потому что публика была уже крайне утомлена“ [74]).

Защитивъ свою диссертацію, Буслаевъ пріобрѣлъ степень магистра и немедленно вслѣдъ за тѣмъ получилъ штатное мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ Русской Словесности.

Въ позднѣйшихъ *Воспоминаніяхъ* Ѳ. И. Буслаева мы читаемъ: „Я былъ кругомъ виноватъ передъ своимъ наставни-

комъ И. И. Давыдовымъ въ дерзкихъ выходкахъ, которыя себѣ позволилъ въ критикѣ на его статью о мѣстоименіяхъ. Теперь, чтобы очистить совѣсть, я послалъ ему въ Петербургъ свою диссертацію при письмѣ, въ которомъ искренне прошу извинить меня за нанесенное ему мною оскорбленіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю его отвѣтъ въ письмѣ отъ 9-го іюня 1848 года: „Приношу вамъ душевную благодарность за присылку мнѣ прекраснаго вашего разсужденія: *О вліяніи Христіанства на Словенскій языкъ.* Я думаю, что на книгу вашу такъ много сдѣлано возраженій во время диспута, что вамъ скучно бы было возобновлять подобныя пренія въ письмѣ. Возраженія же вызываются и по новости, и по важности предмета. Сближеніе Индо-Европейскихъ языковъ съ Санскритскимъ нынѣ стало общимъ мѣстомъ университетскихъ, даже гимназическихъ преподавателей Филологіи, но вамъ принадлежитъ честь совершенно новаго дѣла — сличенія Словенскаго перевода Библіи съ Готскимъ. Эта часть разсужденія весьма любопытна. Еще благодарю васъ за добрыя ваши чувствованія ко мнѣ, возбуждаемыя въ васъ, вѣроятно, воспоминаніями о студенческой вашей жизни въ Университетѣ. Дѣйствительно, я съ радостью вижу въ ученыхъ трудахъ вашихъ то направленіе, какое я старался дать занятіямъ вашимъ въ продолженіе курса. Тогда о Боппѣ, В. Гумбольдтѣ, Гриммѣ только въ Московскомъ Университетѣ говорили на лекціяхъ, и именно на лекціяхъ Русской Словесности. Тутъ познакомились студенты и съ Добровскимъ, котораго Словенская Грамматика переведена по моему экземпляру. Правда, было время, когда вы не сознавали этого, но теперь, въ періодѣ нравственнаго сознанія, вы не можете скрыть отъ самихъ себя того, что извѣстно всѣмъ и каждому изъ вашихъ товарищей. Такова сила нравственнаго закона!“ [75]).

XV.

Мы уже имѣли случай неоднократно замѣчать, что съ переѣздомъ И. И. Давыдова въ Петербургъ у него образовались дружескія сношенія съ Погодинымъ, и Давыдовъ сталъ главнымъ посредникомъ между нашимъ историкомъ и Уваровымъ. Мы также имѣли случай замѣчать о мечтаніяхъ Погодина вступить на службу. Послѣ выхода графа С. Г. Строганова изъ попечителей Московскаго Учебнаго Округа Погодинъ желалъ сдѣлаться помощникомъ попечителя, и за содѣйствіемъ онъ обратился къ И. И. Давыдову; но, какъ мы уже знаемъ, это домогательство не увѣнчалось успѣхомъ. Взамѣнъ сего И. И. Давыдовъ указывалъ Погодину на Академію Наукъ и ходатайствовалъ предъ графомъ С. С. Уваровымъ объ обезпеченіи Погодина для успѣшныхъ его занятій Русскою Исторіею. „О васъ говорилъ я Графу", писалъ Давыдовъ Погодину, — „*самое лучшее для него*, сказалъ Его Сіятельство, *чего я желалъ бы ему отъ всей души, академическое жалованье.* Да какъ это сдѣлать". Въ другомъ письмѣ (9-го февраля 1848 года) Давыдовъ писалъ Погодину: „Что касается до оклада по Академіи, сказалъ Графъ, теперь не предвидится возможности. Надобно подождать". Окружающіе Министра, вмѣстѣ съ Министромъ, желаютъ вамъ добра; но въ дѣлахъ общественныхъ, какъ и въ природѣ, есть вѣдь законъ необходимости: ему должно покориться и имѣть терпѣніе. Насъ съ вами почитаютъ богачами: васъ по той причинѣ, что имѣете собранія милліонныя; а меня оттого, что я никогда ни у кого не просилъ денегъ, ни взаймы, ни въ одолженіе, и всегда всѣмъ былъ доволенъ. Одна смерть животы вскроетъ; пока надобно терпѣть и жить, какъ Богъ велитъ. Не думайте также, чтобъ окружающихъ великихъ земли легко было просить. Не думайте, чтобъ и они легко могли все дѣлать. Бываютъ исключенія, при общихъ правахъ, да это рѣдкость. Бóльшей части суждено трудиться и сидѣть у моря въ ожи-

даніи погоды“ [76]). По поводу отъѣзда въ Петербургъ Г. В. Грудева Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Грудевъ, ѣдущій къ Уварову. Объ чемъ мнѣ просить его? Жалѣю, что прежде унижался намекая. Чортъ васъ возьми!“ [77]).

Въ то же время Погодинъ, желая что-то напечатать въ Академіи, завелъ по этому поводу переписку съ А. А. Куникомъ, писавшимъ ему: „Я еще у васъ въ долгу, любезный Михаилъ Петровичъ; отвѣтомъ на вашъ вопросъ, будетъ ли Академія печатать вашу вторую часть. Это само собою разумѣется. Относительно же гонорара я могу сообщить вамъ мало утѣшительнаго. По уставу, какъ всякій академикъ, такъ и всякое постороннее лицо, отдающее Академіи свое произведеніе для напечатанія, получаетъ пятьдесятъ экземпляровъ, которые можетъ оставить для себя или пустить въ продажу. Только въ такомъ случаѣ, если составленіе сочиненія заказывается какому-либо лицу Академіею, допускается, въ видѣ исключенія, бо̀льшее число экземпляровъ. Въ настоящемъ случаѣ *вамъ* назначатъ *maximum* семьдесятъ пять экземпляровъ, дабы другіе не могли воспользоваться этимъ прецедентомъ. Остальные экземпляры остаются собственностью Академіи“.

Между тѣмъ, 1-го ноября 1848 года, Уваровъ писалъ князю П. А. Ширинскому-Шихматову: „Мнѣ извѣстно, что академикъ Погодинъ уже нѣсколько лѣтъ занимается составленіемъ пространнаго сочиненія о Русской Исторіи, и успѣшное окончаніе этого труда, требующаго усилій постоянныхъ и многолѣтнихъ, при дознанныхъ уже познаніяхъ сочинителя въ Отечественной Исторіи, безъ всякаго сомнѣнія, обогатитъ Русскую Словесность произведеніемъ весьма полезнымъ и замѣчательнымъ. Содѣйствіе выполненію этого предпріятія, достойнаго всякаго поощренія, прямо входитъ, по моему мнѣнію, въ кругъ дѣятельности Отдѣленія Русскаго языка и Словесности; потому я надѣюсь, что оно признаетъ полезнымъ для облегченія Погодину возможности скорѣе и успѣшнѣе совершить предпринятый имъ ученый трудъ, назначить ежегодное пособіе въ тысячу рублей серебромъ въ продолженіе хотя трехъ лѣтъ“.

Благопріятный отвѣтъ князя Ширинскаго состоялся 20-го ноября 1848 года, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности, вслѣдствіе предложенія вашего, опредѣлило производить Погодину, въ видѣ пособія, для скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго окончанія его ученыхъ изслѣдованій по части Русской Исторіи, по тысячи рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы Погодинъ представлялъ Отдѣленію, въ концѣ каждаго года, отчетъ объ успѣхахъ своихъ занятій и о ходѣ предпринятаго имъ ученаго труда“.

Въ день своего рожденія Погодинъ былъ обрадованъ увѣдомленіемъ И. И. Давыдова, что „Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности, по предложенію Графа, назначило ему тысячу рублей серебромъ въ годъ, какъ пособіе для изданія трудовъ его по части Русской Исторіи. Это назначеніе сдѣлано на три года; по истеченіи же срока, если не представится чего-либо лучшаго, такое опредѣленіе можетъ повториться“.

Вслѣдъ за Давыдовымъ и самъ графъ С. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Вы можете быть увѣрены, любезный Михаилъ Петровичъ, что распоряженіе, по коему Вторымъ Отдѣленіемъ Академіи опредѣлено вамъ пособіе, столько же мнѣ пріятно было, сколько и вамъ; я не могъ придумать другого средства обезпечить ваши труды и радуюсь, что я въ этомъ успѣлъ. Я не могъ доселѣ писать къ вамъ, ибо частью отъ служебныхъ занятій, частью отъ частыхъ недуговъ, имѣю свободнаго времени весьма мало. Скажите это самое Перевощикову и Шевыреву, къ коимъ я все сбираюсь написать въ отвѣтъ на ихъ письма“.

Поздравляя Погодина съ новымъ 1849 годомъ, Высокопреосвященный Иннокентій, между прочимъ, писалъ ему изъ Петербурга: „Графъ С. С. Уваровъ подвигся наконецъ на помощь вамъ. Спасибо ему! Но все еще не все. Надобно что-либо попостояннѣе, опредѣленнѣе“. Съ своей стороны и Г. В. Грудевъ привѣтствовалъ Погодина самымъ задушевнымъ образомъ: „Поздравляю васъ отъ всего сердца, почтеннѣйшій

Михаилъ Петровичъ, съ Монаршею милостію, которая даетъ вамъ возможность продолжать труды на поприщѣ историческомъ. Хвала Министру, ходатайствующему за полезные труды. На сплетни не смотрите; что же дѣлать людямъ завистливымъ и злымъ, какъ не сплетничать".

Въ то время, когда Погодинъ получилъ пособіе отъ Академіи Наукъ, финансы этого учрежденія находились не въ цвѣтущемъ положеніи. „За послѣдніе годы", писалъ, 13-го января 1849 года, А. А. Куникъ Погодину,—„наши финансы шли все подъ гору. Въ первыхъ числахъ декабря на общее засѣданіе явился нашъ Вице-президентъ и объявилъ намъ, что экономическія суммы почти исчерпаны. Онъ пригласилъ насъ оказать ему содѣйствіе („помогите мнѣ") и предложилъ избрать коммиссію изъ шести академиковъ и поручить ей ближайшее ознакомленіе съ до сихъ поръ существовавшимъ дѣлопроизводствомъ. Послѣ засѣданія онъ обратился ко мнѣ лично со словами: „Я разсчитываю на васъ". А я уже три года ожидалъ этой минуты и поэтому порадовался, что буду включенъ въ коммиссію, которая будетъ состоять, кромѣ меня и Бетлингера, изъ двухъ членовъ другихъ отдѣленій. Князь предоставилъ въ наше распоряженіе всѣ бумаги Правленія. Мы нашли, что академическія счетныя книги велись въ высшей степени безпорядочно; много времени и труда приходится употреблять на то, чтобы оріентироваться въ этомъ хаосѣ. Такимъ образомъ мы до нѣкоторой степени уже знаемъ источникъ зла. Конечно, нѣкоторыя стороны ведутъ противъ насъ интриги. Мы на это заявили, что нисколько не разсчитываемъ на благодарность, но тѣмъ не менѣе считаемъ своею обязанностью, на сколько отъ насъ зависитъ, возвысить значеніе Академіи и дать ея дѣятельности новое направленіе. Вы знаете, что̀ я подъ этимъ разумѣю. Теперь настало время, когда мы нѣкоторымъ образомъ въ состояніи посвятить себя нашей задачѣ болѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ *возможно*. Въ возможности спасти себя собственными силами (то-есть, при посредствѣ строго разсчитанной экономіи въ дѣло-

производствѣ, въ печати и т. д.) теперь мы убѣждены твердо. Да и мы не безъ основанія надѣемся, что впредь будемъ имѣть болѣе возможности дѣйствовать на поприщѣ науки и главнымъ образомъ въ вопросахъ, касающихся Россіи, если... Къ сожалѣнію, нѣкоторыя личности не могутъ или не желаютъ убѣдиться въ необходимости реорганизаціи Правленія (какъ conditio sine qua non). Вѣроятно, опять удовлетворятся полумѣрами. Если дѣло будетъ поставлено такъ, то ужь нечего жаловаться на Академію, какъ на ученую корпорацію; какъ бы то ни было, но въ непродолжительномъ времени большая часть нашихъ предложеній все же такъ или иначе должна быть снова принята".

Лѣто 1848 года графъ С. С. Уваровъ по обычаю проводилъ на Карповкѣ. 30-го іюля того же года И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Эпидемія у насъ слабѣетъ. Городъ пустъ; остаются одни горемыки, намъ подобные, которымъ некуда дѣваться. Графъ Сергій Семеновичъ на дачѣ и здоровъ, слава Богу. Холера измѣнила планъ: неизвѣстно, когда можно будетъ его сіятельству предпринять поѣздку въ Москву и Порѣчье. Видѣлись ли вы съ молодымъ Графомъ въ проѣздъ его черезъ Москву? Если видѣлись, то напишите что-нибудь: это пріятно для Графа".

Въ день Успенія Министръ Народнаго Просвѣщенія предпринялъ поѣздку въ Москву. „Завтра", увѣдомлялъ И. И. Давыдовъ Погодина,—„Графъ отправляется къ вамъ въ Москву, если не будетъ какого-либо непредвидѣннаго препятствія. Вѣдь у министровъ непредвидимыхъ препятствій болѣе, нежели у насъ".

17-го августа Шевыревъ увѣдомлялъ Погодина: „Сегодня ожидаемъ Министра. Вотъ съ нимъ и говори о цензурѣ". Но въ этотъ день ожиданіе не исполнилось. Оно исполнилось только 19-го августа. Въ то время, когда писалъ Погодинъ о Филаретѣ и Иннокентіи, онъ получаетъ отъ Шевырева слѣдующую записку: „Министръ пріѣхалъ въ часъ ночи. Не такъ былъ здоровъ дорогою, но теперь ему лучше, какъ ска-

залъ мнѣ его человѣкъ. Я являлся къ нему во второмъ часу въ мундирѣ, но онъ не принималъ никого. Я записался. Человѣкъ мнѣ сказалъ, — что принимать онъ будетъ университетскихъ, вѣроятно, послѣ Порѣчья, куда ѣдетъ въ воскресенье. Отношеній его ко мнѣ настоящихъ я не знаю. Съ частнымъ визитомъ къ нему я не поѣду до тѣхъ поръ, пока онъ не выразитъ желаніе меня видѣть". На другой день то-есть, 20-го августа, кажется, Грудевъ извѣщалъ Погодина: „Графъ остановился въ домѣ Варгина на Тверской. Онъ уже спрашивалъ васъ; а мнѣ, ей Богу, не было времени васъ увѣдомить... Пріѣзжайте къ Графу вечеромъ около 8 часовъ". По нездоровью Погодинъ не могъ въ тотъ же день посѣтить Уварова, и Шевыревъ писалъ своему другу 21-го августа 1848 г.: „Министръ очень сожалѣлъ, что ты болѣнъ, и что не могъ тебя онъ видѣть... У меня былъ разговоръ съ нимъ болѣе часу. Онъ пріѣхалъ съ самыми лучшими расположеніями въ пользу Университета. Меня звалъ въ Порѣчье" [78]).

Встрѣтившись черезъ нѣсколько дней послѣ того съ Н. И. Крыловымъ, Погодинъ, отъ 23-во августа, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Крыловъ объ Уваровѣ, о ласкахъ его Грановскому. Что онѣ значатъ? Не хочетъ ли онъ выпытывать? Мнѣ все это скучно. У меня Исторія. Не хочется ѣхать къ нему".

Наконецъ, по настоятельному убѣжденію Шевырева, Погодинъ только 26-го августа явился къ Министру [79]).

Въ тотъ же день Шевыревъ писалъ Погодину: „Мнѣ надобно рѣшительно знать: ѣдешь ты или нѣтъ? Ѣдетъ Грановскій; если поѣдемъ втроемъ, я велю изготовить коляску; если же вдвоемъ — то тарантасъ".

Между тѣмъ И. И. Давыдовъ еще 17-го августа 1848 года писалъ Погодину: „Теперь, какъ я полагаю, вы уже сами видѣлись съ Министромъ и обо всемъ переговорили... Грустить не о чемъ тѣмъ, которые трудятся для Отечества и науки; рано или поздно честный трудъ вознаградится. Я на своемъ вѣку болѣе васъ встрѣчалъ грусти и бѣдъ;

по всегда уповалъ на правосудіе и благость Всемогущаго. „Съ нами Богъ — и никто же на ны.“ — „Насъ мучили, говоритъ Апостолъ, а мы терпѣли; насъ огорчали, а мы веселились; насъ изгоняли, а мы въ пустыняхъ и вертепахъ молились“. Что же значатъ наши горести въ сравненіи съ этими горестями? И можетъ ли унывать тотъ, кого уже знаетъ Русь святая? Чѣмъ же будутъ отличаться избранные отъ отребія? Это нашъ послѣдній экзаменъ, за который дается дипломъ въ руки, когда будемъ лежать въ гробу... Прощайте! Увѣдомьте о дорогомъ гостѣ, здоровъ ли онъ и веселъ у васъ, и берегите его спокойствіе“.

Изъ Москвы графъ С. С. Уваровъ въ сообществѣ Шевырева, Погодина, Грановскаго, Симонова и Окулова отправился въ Порѣчье. И. И. Давыдовъ, зорко слѣдя за Порѣцкими гостями, писалъ Погодину: „Рѣшились ли вы съѣздить въ Порѣчье? Если туда отправились только, какъ мнѣ пишутъ, Симоновъ, Шевыревъ, Грановскій и Окуловъ, то это квартетъ Ивана Андреевича. Впрочемъ, вѣдь и такой квартетъ забавенъ; въ деревнѣ же, на покоѣ, забава и нужна... Ожидать буду извѣстій отъ васъ, по возвращеніи Графа изъ Порѣчья. Осмотрѣть Московскій Университетъ нужно; но ему нужнѣе возвратиться къ дѣламъ Министерства. Вы называете нашъ вѣкъ печальнымъ: правда, онъ не слишкомъ радостенъ. Мы одни счастливы и спокойны въ славномъ нашемъ Отечествѣ. Не забудьте, что мы съ вами, по закону психологическому, живемъ болѣе прошедшимъ; поэтому мы, можетъ быть, строги къ настоящему“.

Въ другомъ письмѣ (отъ 13-го сентября 1848 г.) И. И. Давыдовъ писалъ: „Сердечно радуюсь, что вы въ Порѣчьѣ отдохнули и потѣшились. Изъ квартета, какого можно было ожидать по приготовленіямъ, вышелъ прекрасный концертъ. Безъ сомнѣнія, вы какъ старинный Порѣцкій гость, настроивали и слаживали. Что касается до безпримѣрнаго хозяина, просвѣщеннаго, добрѣйшаго и геніальнаго, то чѣмъ ближе стали бы вы къ нему, тѣмъ болѣе почувствовали бы и удивленія, и

любви. Дай Богъ, чтобъ онъ подолѣе держалъ въ рукахъ своихъ Министерство! Пользуясь случаемъ, о себѣ откровенно съ нимъ говорите: онъ приметъ откровенное объясненіе съ благодареніемъ и будетъ думать объ исполненіи. Я разумѣю чистосердечное изложеніе нуждъ вашихъ и возможность все это поправить пріобрѣтеніемъ въ казну вашего музея".

Гостившіе въ Порѣчьѣ профессора, по обычаю, читали лекціи. Грановскій читалъ—*О переходныхъ эпохахъ въ Исторіи человѣчества.* „Нельзя безъ глубокаго сожалѣнія", говоритъ его біографъ,—„думать, что не сохранилось никакого слѣда отъ чтенія, въ которомъ историкъ высказалъ свои воззрѣнія по вопросамъ, занимавшимъ его мысль много лѣтъ". „При самомъ началѣ моихъ занятій Исторіею", такъ началъ Грановскій свое чтеніе,—„эти печальныя эпохи приковали къ себѣ мое вниманіе. Меня влекла къ нимъ не одна трагическая красота, въ которую онѣ облечены, а желаніе услышать послѣднее слово всякаго отходившаго, начальную мысль зарождавшагося порядка вещей. Мнѣ казалось, что только здѣсь возможно опытному уху подслушать таинственный ростъ Исторіи, поймать ее на творческомъ дѣлѣ. И если долгое, глубокое изученіе не исполнило моихъ желаній, оно не охладило моихъ надеждъ".

Объ историческихъ бесѣдахъ Погодина съ хозяиномъ Порѣчья мы узнаемъ слѣдующее изъ письма И. И. Давыдова, полученнаго Погодинымъ уже тогда, когда Министръ возвратился въ Петербургъ: „Рѣчь была о Русской Исторіи, а потому непосредственно и о васъ. При этомъ случаѣ я осмѣлился спросить графа С. С. Уварова, удавалось ли его сіятельству говорить съ вами объ историческихъ вашихъ занятіяхъ. „Даже мы спорили", отвѣчалъ Графъ, „съ Михаиломъ Петровичемъ о томъ, что нельзя быть вмѣстѣ и Нибуромъ, и Шиллеромъ". Мнѣ желательно было узнать подробности спорной бесѣды, и Графъ съ обычною любезностью повторилъ свои тезисы. „Вы, вѣрно, имѣли особенную причину начать разговоръ объ историческихъ занятіяхъ Михаила

Петровича?“ спросилъ Графъ. Тутъ только сказалъ я, что ученые и писатели любятъ участіе въ ихъ занятіяхъ, какъ родители любятъ, когда ласкаютъ ихъ дѣтей.—„Да, разговоръ мой“, прибавилъ Графъ, „клонился именно къ тому, чтобы показать, что подъ Исторіею я разумѣю художественное произведеніе, и что любезный нашъ Михаилъ Петровичъ (собственныя слова Графа) врагъ формы; а идея безъ формы тоже, что свѣтъ въ тускломъ стеклѣ. Свѣтъ прекрасенъ въ брилліантѣ“. Изъ этого я заключаю, что Графъ выразилъ вамъ свое воззрѣніе на Исторію, какъ искусство и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ совѣтъ не пренебрегать формою. Слѣдовательно, вы напрасно жаловались на равнодушіе. Послѣ многихъ другихъ рѣчей Графъ возвратился къ вашимъ трудамъ и сказалъ: „Напишите Михаилу Петровичу, что я остаюсь при своемъ мнѣніи: онъ убѣдитъ меня въ противномъ, когда, будучи профессоромъ Исторіи и академикомъ, напишетъ Исторію такъ, какъ писалъ о всемъ быломъ Вальтеръ-Скоттъ. Притомъ зачѣмъ онъ *не продолжилъ* Карамзина?..“ Тутъ прерванъ былъ разговоръ: и мы на этомъ остановимся... Признаюсь, я нахожу, что взглядъ Графа вѣренъ“.

Между тѣмъ И. И. Давыдовъ уже торопилъ Погодина описаніемъ Порѣчья. „Напрасно вы медлите—Порѣцкими бесѣдами: вѣдь онѣ теряютъ ароматъ свѣжести и своевременности. Семеро одного никогда не ждутъ“.

Съ своей стороны и Погодинъ писалъ къ Шевыреву: „Порѣцкія бесѣды пойдутъ въ первую книгу (*Москвитянина* 1849 г.). Если мы пошлемъ ихъ черезъ недѣлю, то онѣ не воротятся ближе декабря“. Но вслѣдъ затѣмъ Погодинъ писалъ тому же Шевыреву: „Надо послать въ Порѣчьѣ художника снять урну. Бѣляевъ превосходный пейзажистъ, но я боюсь, что онъ не мастеръ для фигуръ. Посовѣтуйся съ Рамазановымъ. Не укажетъ ли онъ какого-нибудь ученика. Его отвезутъ и привезутъ и заплатятъ за трудъ. Надо сдѣлать сюрпризъ Сергію Семеновичу, и твое изслѣдованіе замѣнитъ всякую статью о Порѣчьѣ“.

Такимъ образомъ вмѣсто обычнаго описанія пребыванія нашихъ ученыхъ въ Порѣчьѣ (въ 1848 году) въ *Москвитянинѣ* 1849 года было помѣщено описаніе Шевырева хранящейся въ Порѣчьѣ Альтемпской урны, превосходнаго произведенія Греческаго рѣзца. Урна эта была вывезена графомъ С. С. Уваровымъ изъ Италіи въ 1843 году. Въ примѣчаніи къ этому описанію обѣщано: „Редакція надѣется впослѣдствіи представить рисунокъ съ Порѣцкой урны къ этому изслѣдованію“.

По полученіи этой книжки *Москвитянина* въ Петербургѣ, 27-го январи 1849 года, И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Статья С. П. Шевырева объ урнѣ Альтемпской прекрасная. Графъ ею очень доволенъ“ [80]).

XVI.

Возвратившись изъ Порѣчья въ Москву, графъ С. С. Уваровъ приступилъ къ обозрѣнію Московскаго Университета и на это онъ посвятилъ время съ 10-го до 28-го сентября 1848 г. Лѣтописцемъ этого событія является самъ Погодинъ.

„Важнѣйшимъ происшествіемъ нашимъ“, повѣствуетъ лѣтописецъ, „относительно умственной жизни, въ продолженіе сентября мѣсяца, было пребываніе министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова. Мы представимъ здѣсь краткое обозрѣніе его дѣйствій, сколько они извѣстны въ публикѣ. Они начались съ 10-го сентября и продолжались до 28-го; состояли въ посѣщеніи профессорскихъ лекцій; въ бесѣдахъ съ профессорами, въ испытаніяхъ студентовъ, въ обозрѣніи гимназій и прочихъ подвѣдомственныхъ Университету мѣстъ.

„Отъ 10-го до 13-го числа Министръ по утрамъ принималъ къ себѣ начальство, профессоровъ, учителей и постороннихъ посѣтителей, — всѣхъ, которые имѣли до него дѣло съ своими нуждами, предложеніями или вопросами.

„Съ 13-го началось обозрѣніе Университета. Въ первый день посѣтилъ онъ Словесный Факультетъ и выслушалъ лек-

цію декана, профессора Шевырева, коей содержаніемъ былъ общій взглядъ на Исторію Поэзіи въ связи съ другими словесными науками. Потомъ—лекцію профессора Грановскаго: о характерѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

„15-го Министръ былъ въ Математическомъ Факультетѣ, на лекціи заслуженнаго профессора и ректора Перевощикова, который, *никогда не старѣясь*, украшаетъ тридцать лѣтъ Отдѣленіе и по своимъ сочиненіямъ и урокамъ принадлежитъ къ числу главныхъ распространителей Математики въ Россіи. Предметомъ его лекціи былъ выводъ Ньютонова закона тяготѣнія изъ законовъ Кеплера о движеніи планетъ около солнца. Послѣ нея Министръ выслушалъ лекцію профессора Словенскихъ нарѣчій Бодянскаго: о Краледворской рукописи.

„16-го обозрѣвалъ Вторую и Третью Гимназію.

„17-го—Дворянскій Институтъ и слушалъ въ Университетѣ лекцію профессора Сельскаго Хозяйства Желѣзнова: о почвахъ—съ опытами ихъ разложенія.

„18-го обозрѣвалъ строющуюся обсерваторію.

„Съ 20-го до 23-го студенты въ Университеской залѣ предлагали предъ нимъ изустно краткія разсужденія на заданныя темы: 20-го въ Отдѣленіи наукъ Историко-Филологическихъ; 21-го въ Отдѣленіи наукъ Юридическихъ; 22-го въ Отдѣленіи наукъ Физико-Математическихъ.

„23-го Министръ осматривалъ принадлежащія Университету Клиники, подъ вѣдѣніемъ профессоровъ Иноземцова, Овера, Поля и Варвинскаго, и въ Екатерининской больницѣ выслушалъ лекцію профессора Судебной Медицины Армфельда.

„24-го осматривалъ Первую Гимназію.

„25-го слушалъ литургію и молебенъ въ Университетской церкви и потомъ присутствовалъ на актѣ, гдѣ самъ раздавалъ дипломы и медали студентамъ, кончившимъ курсъ ученія.

„28-го Министръ посѣтилъ учебныя заведенія, находящіяся подъ покровительствомъ Императрицы: Институты Екатерининскій и Александрійскій“.

Исчисливъ дѣйствія Министра, лѣтописецъ излагаетъ за-

тѣмъ вкратцѣ, „въ чемъ они состояли. Въ Университетѣ — послѣ всякой прослушанной лекціи онъ входилъ въ разсужденіе съ профессоромъ объ ея предметѣ въ частности и о предметѣ всей науки вообще, о современномъ ея состояніи и главныхъ дѣятеляхъ, и наконецъ о духѣ, въ какомъ она должна быть преподаваема. Въ гимназіяхъ—по низшимъ классамъ предлагалъ учителямъ экзаменовать передъ нимъ учениковъ, а во всѣхъ высшихъ экзаменовалъ самъ изъ языковъ древнихъ и новыхъ и Словесности, заставлялъ переводить, требовалъ объясненій; по Русской Исторіи и Словенскому языку въ Первой Гимназіи предлагалъ вопросы Попечитель, а изъ Математики ректоръ Д. М. Перевощиковъ. Старшій учитель Смирновъ представилъ чрезъ Директора изданныя имъ книги: Овидія, Федра и Руководство къ переводамъ съ Русскаго языка на Латинскій. Въ классѣ Греческаго языка Министръ нашелъ четырнадцатилѣтняго ученика, по фамиліи Малинина, который зналъ наизусть всю *Одиссею*. Каждое обозрѣніе продолжалось отъ двухъ до трехъ часовъ.

„Въ Университетѣ для публики всего занимательнѣе было слушаніе студенческихъ разсужденій. Лишь только Министръ изъявилъ свое желаніе, чтобъ студенты изложили предъ нимъ публично свои свѣдѣнія на избранныя ими самими изъ всѣхъ наукъ темы, — и весь Университетъ пришелъ въ движеніе. Студенты наперерывъ одинъ передъ другимъ являлись къ Деканамъ просить чести назначенія. Даже кончившіе курсъ ученія, кандидаты, объявляли свою готовность подвергнуться этому испытанію новаго рода. Деканы не успѣвали записывать именъ, и въ продолженіе двухъ дней составились по всѣмъ Отдѣленіямъ длинные списки. Трудно было дѣлать выборъ, чтобъ никого не обидѣть, не охладить доброй воли, и потому должно было предоставить его по большей части случаю или счастію.

„20-го числа, въ полномъ собраніи почти всѣхъ членовъ Университета и многихъ постороннихъ посѣтителей, приглашенныхъ Министромъ, начались эти трудныя испытанія, коихъ,

надо признаться, ожидали студенты и профессора не безъ смущенія. Министръ открылъ ихъ краткою рѣчью, въ коей объяснилъ свое намѣреніе — познакомиться ближе съ студедентами и получить личное непосредственное понятіе объ ихъ свѣдѣніяхъ, объ объемѣ, въ какомъ преподаются науки, и о духѣ всего ученія. Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, сказалъ онъ, я сдѣлалъ здѣсь первый подобный опытъ. Онъ удался сверхъ моего ожиданія. До сихъ поръ, вѣроятно, сохранилось между вами преданіе о вашихъ старшихъ товарищахъ, которые тогда давали мнѣ отчетъ въ своихъ занятіяхъ. Надѣюсь, что вами я также буду доволенъ, и получу сладкое для меня право донести Государю Императору, что Московскій Университетъ продолжаетъ быть вполнѣ достойнымъ Его Августѣйшаго покровительства. Потомъ, обратясь къ посѣтителямъ, Министръ объяснилъ имъ трудность задачи и поручилъ ихъ снисхожденію молодыхъ людей, выступающихъ теперь передъ ними на арену.

„За симъ начались испытанія. Магницкій, по каѳедрѣ Русской Словесности, говорилъ о Державинѣ. Безсоновъ, по каѳедрѣ Психологіи, о современномъ состояніи Психологіи. Свербеевъ, по каѳедрѣ Русской Словесности, о Крыловѣ. Худяковъ, по каѳедрѣ Русской Исторіи, о Междуцарствіи. Горловъ, по каѳедрѣ Политической Экономіи, о постепенномъ развитіи народнаго хозяйства.

„Каждая лекція имѣла свое собственное достоинство: Умное устройство разсужденія, соразмѣрность частей, порядокъ, полнота при всей краткости, примѣчательный даръ слова—вотъ достоинства г. Магницкаго. Ясностію, обдуманностію, внутреннимъ сильнымъ убѣжденіемъ въ своихъ мысляхъ, которое слышно было въ самомъ ихъ выраженіи, зрѣлостію — отличалось разсужденіе г. Безсонова. Слушая его, забывалось, что это студентъ, дающій отчетъ; онъ казался уже преподавателемъ. Прекрасный образъ изложенія, изящная простота, какое-то благородное спокойствіе, самоувѣренность при всей скромности, много литературно-блестящихъ мыслей и выраженій—

вотъ чѣмъ отличалось разсужденіе г. Свербеева. Разсужденіе г. Худякова состояло изъ частностей болѣе или менѣе занимательныхъ. Разсужденіе г. Горлова имѣло другой характеръ: оно казалось нѣсколько импровизированнымъ, и въ этомъ отношеніи служило, по моему мнѣнію, доказательствомъ силы молодого человѣка.

„Есть имена, слова, мысли, которыя, особенно изъ устъ молодого человѣка, съ каѳедры Московскаго Университета, произведутъ всегда магическое дѣйствіе: Отечество, просвѣщеніе, Университетъ, Москва, Петръ, Екатерина, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ... А если они еще произнесутся съ сердечнымъ участіемъ, если въ словѣ просвѣтитъ мысль, если почуется въ груди юноши священный огонь, о, это такое наслажденіе для всякаго друга науки, съ которымъ не многія могутъ сравниться.

„Второй день былъ занятъ упражненіями Юридическаго Факультета. Шубинъ читалъ по каѳедрѣ Римскаго права: объ основныхъ началахъ семейнаго права Римскаго и Христіанскаго. Аѳанасьевъ по каѳедрѣ Исторіи Русскаго Законодательства: краткій очеркъ общественной жизни Русскихъ въ три послѣднія столѣтія до-Петровскаго періода. Капустинъ по каѳедрѣ Уголовнаго права: объ Исправительныхъ Заведеніяхъ. Чечуринъ (?) по каѳедрѣ Русскаго права: о вліяніи физическаго состоянія на правоспособность. Пальма первенства досталась Шубину; онъ уже кандидатъ, слѣдовательно, младшіе его соперники могли спокойно уступить ему славу перваго успѣха; въ живой свободной картинѣ представилъ онъ семейство древнее Римское и новое Христіанское во всѣхъ его юридическихъ отношеніяхъ, и еслибъ избѣжалъ нѣсколькихъ повтореній, то чтеніе его можно бы назвать отличнымъ вполнѣ. Аѳанасьевъ, также кандидатъ, явился полнымъ представителемъ новыхъ, какъ говорятъ, воззрѣній на Русскую Исторію. *Москвитянинъ* имѣетъ мнѣніе объ ней почти противоположное, извѣстное читателямъ, а потому удерживается говорить о чтеніи, какъ судія, можетъ быть, пристрастный. Капустинъ изложилъ ясно и

подробно всѣ системы исправительныхъ заведеній. Чечуринъ (?) привлекъ вниманіе публики, сначала, совершенно въ другомъ отношеніи. Онъ очень обробѣлъ, долго, послѣ вступленія, не могъ выговорить ни одного слова. Два профессора, одинъ за другимъ, вставъ съ мѣстъ своихъ, подошли къ нему съ помощію. Разумѣется одного ихъ появленія было достаточно, чтобы этотъ vertige sacerdotal прошелъ, и молодой человѣкъ вновь опознался въ своей рѣчи (оріентировался). Онъ тотчасъ началъ говорить и доказалъ свои познанія о данномъ предметѣ, къ удовольствію успокоившихся слушателей.

„Этотъ случай доказалъ убѣдительно, что молодому человѣку разсуждать съ каѳедры передъ такими судіями не такъ легко, какъ бы онъ ни приготовился, и что успѣхъ зависитъ отъ весьма многихъ обстоятельствъ.

„Третій день былъ посвященъ наукамъ физико-математическимъ. Разсужденія имѣли совершенно другой характеръ, по характеру самыхъ наукъ, отличаясь точностію, отчетливостію, знакомствомъ со всѣми новыми открытіями. Кандидатъ Перевощиковъ, по каѳедрѣ Астрономіи, читалъ объ открытіи теоріи тяготѣнія и объ ея приложеніи къ движенію планетъ. Кандидатъ Малевскій-Малевичъ, по каѳедрѣ Геологіи, о постепенномъ развитіи ископаемыхъ: растеній и животныхъ. Михайловъ, по каѳедрѣ Физики, объ образованіи грозовыхъ облаковъ. Капобусъ, по каѳедрѣ Зоологіи, о географическомъ размѣщеніи животныхъ.

„Сими разсужденіями заключились студенческія испытанія.

„Кромѣ читавшихъ, изъявили желаніе читать предъ Министромъ еще слѣдующіе кандидаты и студенты: *По каѳедрѣ Русской Словесности. Рогозинниковъ*: 1) о Ломоносовѣ, 2) о Карамзинѣ; *Гарусовъ*: о словахъ Кирилла Туровскаго; *Бартеневъ*: *) объ языкѣ и слогѣ Несторовой Лѣтописи; *Сипягинъ*: о началахъ устнаго и письменнаго языка; *Возницынъ*: объ Исторіи Греческой Риторики. *По каѳедрѣ Русской Исторіи.*

---

*) Петръ Ивановичъ, нынѣшній издатель *Русскаго Архива.*

Кандидатъ *Филипповъ*: О присоединеніи Малороссіи. *По каѳедрѣ Всеобщей Исторіи. Георгіевскій*: О предшественникахъ Реформаціи; *Рогозинниковъ*: объ Юліанѣ; *Елиевскій*: О поселеніи Франковъ въ Галліи и ихъ учрежденіяхъ сравнительно съ учрежденіями Бургундовъ и Визиготовъ. *По каѳедрѣ Римской Словесности.* Кандидатъ *Зедергольмъ*: о Гораціи; *Соколовъ*: о сатирахъ Горація сравнительно съ Ювеналовымъ. *По каѳедрѣ Греческихъ Древностей. Хлоповъ*: Объ учрежденіи Калисѳеновомъ. *По каѳедрѣ Словенскихъ нарѣчій. Магницкій*: О Чешской драмѣ Честмиръ; *Бѣляевъ*: О судѣ Любуши. *По каѳедрѣ Общей Филологіи. Базилевскій*: О миѳологическомъ періодѣ въ Исторіи языка. *По отдѣленію Юридическихъ наукъ.* Кандидатъ *Островскій*: О происхожденіи и юридическихъ достоинствахъ присяжныхъ; *Гладковъ*: О призрѣніи въ Россіи; *Лысогорскій*: О поединкахъ; *Лакіеръ*: О лицѣ какъ субъектѣ права по Римскимъ законамъ".

Далѣе Погодинъ говоритъ: „Скажемъ однимъ словомъ, что эти три дня останутся долго въ памяти университетской. Напряженіемъ, въ коемъ находились студенты, соревнованіе, возбужденное между ними, сила мыслительная, приведенная въ движеніе предметами разсужденій—все это дастъ непремѣнно прекрасный плодъ. Профессоры сами найдутъ о чемъ подумать по этому поводу, и Т. Н. Грановскій вѣрно сравнилъ разсужденія съ зеркаломъ, въ коемъ видны и преподаватели, и слушатели".

Высказавъ это, Погодинъ счелъ долгомъ поставить на видъ слѣдующее: „Замѣтимъ еще для нѣкоторыхъ, что ни объ какой особенной, искусственной подготовкѣ нельзя было и думать: изъ прилагаемаго списка вызывавшихся читать студендентовъ и обозрѣнія избранныхъ предметовъ можно удостовѣриться, что всѣ профессоры вмѣстѣ не могли бы написать столько лекцій, а деканы даже прослушать ихъ въ данные два-три дня для приготовленія, въ продолженіе коихъ не прерывались обыкновенныя лекціи. Едва можно было послѣднимъ записать имена и подать по нѣскольку общихъ совѣтовъ".

Свое описаніе Погодинъ заключаетъ: „Засвидѣтельствуемъ просвѣщенному начальству глубочайшую благодарность за его вниманіе, участіе, одобреніе, и, обращаясь къ Московскому Университету, повторимъ здѣсь въ заключеніе предсмертныя слова одного изъ достойнѣйшихъ профессоровъ, украшавшаго собою Университетъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, преданнаго ему всею своею прекрасною душею, имѣвшаго сильное вліяніе на усовершенствованіе Русскаго языка и распространеніе любви къ Русской Словесности, наставника послѣдовавшимъ ея профессорамъ, Давыдову и Шевыреву, покойнаго Мерзлякова:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный;
Мужайся въ силахъ, спѣй въ плодахъ;
Сіяй всегда въ величьи новомъ
Подъ Николаевымъ покровомъ [81])“.

Долгъ справедливости обязываетъ насъ воздать за все это хвалу графу С. Г. Строганову, такъ какъ это прекрасное явленіе есть результатъ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ его по управленію Московскимъ Учебнымъ Округомъ, и о которомъ Министръ Народнаго Просвѣщенія свидѣтельствовалъ предъ Государемъ слѣдующее: „Дабы нѣкоторымъ образомъ доказать юношеству степень и родъ участія, которое высшее начальство принимаетъ въ ихъ успѣхахъ, я допустилъ экзамены особаго рода, упражненія, въ коихъ студенты замѣняли преподавателей и гдѣ каждый по желанію могъ съ каѳедры говорить о предметѣ, имъ избранномъ. Эти бесѣды (коимъ былъ сдѣланъ мною за шестнадцать лѣтъ первый опытъ въ Московскомъ же Университетѣ) имѣли полный успѣхъ: онѣ возбудили живое и благородное соревнованіе между студентами, рѣзко отдѣляя способныхъ отъ слабыхъ, и открыли нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ. Мнѣ же служили, такъ сказать, зеркаломъ, въ коемъ непосредственно отражались и духъ преподаванія профессоровъ, и собственный взглядъ молодыхъ людей на предметы ихъ занимающіе. Этими вѣрными данными Министерство не оставитъ воспользоваться и на будущее время“.

Но Государь не особенно сочувственно отнесся къ этому и свой взглядъ начерталъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Подобныя рѣчи съ каѳедры студентовъ считаю полезными *только и единственно* для тѣхъ изъ нихъ, которые сами готовятся служить по ученой или учебной части; для прочихъ же считаю сіе рѣшительно *вреднымъ* и не могу дозволить продолжать сего, ибо оно вселяетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ, что̀ противно духу нашихъ постановленій и вовсе безполезно“.

Когда же статья Погодина о пребываніи графа С. С. Уварова въ Москвѣ появилась въ *Москвитянинѣ*, Министръ получилъ слѣдующее письмо отъ Д. П. Бутурлина (отъ 18-го апрѣля 1849 г.): „Въ вышедшемъ недавно седьмомъ нумерѣ *Москвитянина*, въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Почетный гость на лекціяхъ Университета*, напечатано: „Въ то время, когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ, и *становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія*, членамъ Московскаго Университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ Русскимъ съ высокою степенью Европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ Университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на вѣрные разсадники Русскаго просвѣщенія“. Усматривая изъ сего, что вопреки удостоенному Высочайшаго утвержденія заключенію Комитета *2-го апрѣля 1848 г.*, въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобные прежнимъ толки на счетъ Университетовъ, Комитетъ не могъ не остановиться особенно на употребленной въ помянутой статьѣ фразѣ: „становится необходимымъ *стать за Университетъ во имя просвѣщенія*“, фразѣ неумѣстной, если авторъ указывалъ ею на частныхъ людей, какъ не имѣющихъ у насъ голоса въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій, и болѣе нежели дерзкой, если онъ хотѣлъ намекнуть симъ на преднамѣренія Правительства. Вслѣдствіе чего Комитетъ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія и о сей

статьѣ *Москвитянина.* Государь Императоръ въ 17-й день текущаго апрѣля изволилъ на семъ послѣднемъ представленіи Комитета собственноручно написать: „Министру Народнаго Просвѣщенія подтвердить, что я рѣшительно *запрещаю* всѣ подобныя статьи въ журналахъ *за* и *противъ* университетовъ“.

Напряженная дѣятельность графа С. С. Уварова въ Москвѣ не обошлась ему даромъ, и онъ занемогъ. Когда узналъ объ этомъ И. И. Давыдовъ, то писалъ Погодину: „Сколько первое письмо ваше, отъ 3-го октября, касательно пріѣзда скораго къ намъ Министра обрадовало меня, столько второе, отъ 4-го октября, огорчило, принеся грустную вѣсть о болѣзни Графа. Нѣтъ ли чего-либо опаснаго въ болѣзни? Объ этомъ вамъ слѣдовало бъ написать, для принятія нужныхъ мѣръ со стороны — Графини. Дай Богъ, чтобъ все кончилось благополучно! Если дѣйствительно болѣзнь ограничивается простудою и болью въ ушахъ, то еще можно *поострить* и сказать, что вы лекціями вашими *оглушили* добрѣйшаго и снисходительнаго слушателя. Не правда ли, что это годится въ коллекцію остротъ? Но теперь такъ тяжело на сердцѣ, что эти остроты не радуютъ. Никогда не было нужно столько присутствія Графа здѣсь, какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Стеченіе дѣлъ важныхъ и разнообразныхъ удивительное: онъ только можетъ успокоить и остановить борьбу свѣта съ тьмою. Духъ тьмы искони воюетъ со свѣтомъ; эта борьба никогда не казалась столько опасною, сколько нынче, когда и трудно провести межу, и отличить свѣтъ истинный отъ свѣта сатанинскаго, или тьмы. Министерство Просвѣщенія становится труднымъ и многосложнымъ; а это должно повести къ тому, что въ публикѣ будутъ знать ему цѣну и согласятся въ его великомъ значеніи. Мы, Москвичи, благодарны вамъ за прекрасную статью о пребываніи Министра въ Москвѣ; особенно благодарны за Мерзлякова, незабвеннаго для его *учениковъ* и *преемниковъ.* У меня, кромѣ тоски отъ неизвѣстности въ разсужденіи болѣзни Графа, грусть домашняя — болѣзнь нашего ребенка, страдающаго отъ прорѣзыванія зубовъ ужасно,

а для отца и матери невыносимо. Боже мой, что за таинственная загадка наша жизнь! Одинъ истинный христіанинъ въ состояніи выносить всѣ ея испытанія. Не могу продолжать—перо валится изъ рукъ... Прощайте".

Какъ бы то ни было пребываніе въ Москвѣ Уварова произвело хорошее впечатлѣніе и на Университетъ, и на общество. 23-го октября 1848 г. Шевыревъ писалъ Министру: „Незабвенное пребываніе ваше въ Порѣчьѣ, Москвѣ и въ аудиторіяхъ Московскаго Университета освѣжило всѣ наши силы. Вѣрные мудрымъ указаніямъ вашимъ, мы продолжаемъ бодро дѣйствовать и стремимся къ тому, чтобы мысли, вами выраженныя среди насъ, оправдались нашимъ дѣломъ".

Съ своей стороны и Уваровъ не остался въ долгу предъ Университетомъ. 1-го ноября 1848 года Шевыревъ сообщалъ Погодину: „Сегодня Помощникъ Попечителя объявилъ намъ Царскую милость. Ректору корону на Анну, мнѣ, Баршеву и Иноземцову Анны 2-й степени, Грановскому Монаршее благоволеніе. Это тѣмъ особенно пріятно, что совершилось весьма скоро и показываетъ благоволеніе Царя къ Министру и Университету. Князь Щербатовъ прочиталъ намъ письмо Министра, написанное въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ".

XVII.

15-го октября 1848 года графъ С. С. Уваровъ уже пребывалъ въ своемъ министерскомъ кабинетѣ въ домѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія у Чернышова моста, и И. И. Давыдовъ съ радостью писалъ Погодину: „Графъ, слава Богу, возвратился къ намъ благополучно. Различные толки о замедленіи его въ Москвѣ умолкли. Не смотря на труды и заботы, перенесенные имъ при обзорѣ Университета, онъ здоровъ и бодръ. Московскимъ Университетомъ онъ доволенъ, хотя, при всей кротости своей и добротѣ, говоритъ, что не ожидалъ столькихъ безпорядковъ и неурядицы, сколько дѣйствительно нашелъ. Такъ онъ былъ предубѣжденъ въ пользу

прежняго Попечителя. Вами и душею, и сердцемъ доволенъ, глубоко васъ уважаетъ и приказалъ написать вамъ, что онъ болѣе всѣхъ (собственное его выраженіе) помышляетъ о томъ, какъ бы улучшить ваше положеніе и васъ успокоить. Теперь спѣшу увѣдомить васъ о первыхъ рѣчахъ Графа касательно васъ. Описаніе ваше его пребыванія въ Москвѣ прекрасно. Графъ только не совсѣмъ согласенъ съ вами въ разсужденіи классификаціи чтецовъ: онъ почитаетъ выше всѣхъ Безсонова, моего крестника. Вѣдь это сынъ Алексѣя Терентьевича, бывшаго законоучителя въ Университетскомъ Пансіонѣ".

Вскорѣ послѣ этого письма, а именно 20-го октября 1848 г. графъ Уваровъ представилъ Государю слѣдующую докладную записку:

,,Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, я осмотрѣлъ всѣ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія зависящія, учебныя заведенія, въ Москвѣ состоящія. — Не дозволяя себѣ отягощать вниманіе Вашего Величества подробностями сего обзора, простиравшагося на всѣ части этихъ заведеній, имѣю счастіе представить на Всемилостивѣйшее Ваше вниманіе главные взгляды сего осмотра и моихъ распоряженій.

О духѣ Университетскаго юношества.

,,Начиная съ духа юношества, я осмѣливаюсь донести, что не только не оказывается ничего предосудительнаго, но что, по моему замѣчанію и по мнѣнію многихъ уважительныхъ наблюдателей, общій духъ какъ будто утвердился и броженіе умовъ утихло при видѣ Европейскихъ событій. Этотъ оборотъ въ понятіяхъ обнаруживается болѣе или менѣе во всѣхъ классахъ общества. Кажется, что умы, устрашенные внѣшними ужасами, ближе сомкнулись около народныхъ началъ и учрежденій. Вездѣ слышенъ отголосокъ общаго сознанія, что посреди бурь, волнующихъ окрестныя государства, Россія, опираясь на твердомъ и незыблемомъ началѣ своемъ, сохраняетъ величественное спокойствіе, соотвѣтствующее ея достоин-

ству и силѣ. Отвращеніе къ печальнымъ явленіямъ Западной Европы можно назвать всеобщимъ.

„Тѣ же впечатлѣнія замѣтны въ умахъ юношества, особенно въ Москвѣ, гдѣ влеченіе къ народнымъ преданіямъ и отечественной славѣ имѣло во всякое время особую силу. Можно и должно по совѣсти сказать, что, наблюдая въ этомъ отношеніи должную осторожность и понимая это положеніе вещей, умы юношества охранятся въ неизчислимомъ большинствѣ отъ заразы губительныхъ заблужденій и отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Уроженцы Царства Польскаго, оканчивающіе образованіе свое въ Московскомъ Университетѣ, отличаются безукоризненностію своего поведенія,—и не смотря на тревожныя явленія на Западѣ и въ другихъ частяхъ бывшей Польши,—доселѣ не подавали повода ни къ какому нареканію.

По части полицейской и управительной.

„На этотъ предметъ обратилъ я особенное вниманіе, и всѣ мѣры мои были преимущественно къ этому направлены. Замѣтивъ нѣкоторое послабленіе дисциплины между студентами, особенно въ отношеніи къ профессорамъ, я далъ Попечителю предложеніе, въ коемъ, говоря объ обозрѣніи Университета, я поставлялъ на видъ неправильное отношеніе студентовъ къ наставникамъ слѣдующимъ образомъ: „Отношеніе студентовъ къ наставникамъ называю неправильнымъ, коль скоро въ ихъ глазахъ профессоръ есть просто читающее лицо безъ дальнѣйшаго вліянія на ихъ успѣхи, на ихъ судьбу, на ихъ гражданскій или учебный бытъ. Само собою разумѣется, что начальство обязано во всякое время защитить студента отъ незаконнаго притязанія профессора, буде таковое притязаніе доказано будетъ; но давать *a priori* перевѣсъ студентамъ противъ наставниковъ значило бы колебать всѣ основанія порядка и дисциплины и, унижая ученое сословіе, унижать и самое начальство, поставившее себя въ прихотливое и неумѣстное отношеніе къ юношеству. Сверхъ сего, тутъ же рождается зло превыше всѣхъ прочихъ; тутъ возникаетъ

въ студентахъ мысль, что они составляютъ отдѣльное сословіе,—сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права. Эта вредная мечта, которая легко могла бы поселиться въ умахъ неопытной и возбуждаемой молодежи, противорѣчитъ прямо коренному началу, коимъ мы обязаны непреклонно руководствоваться, именно, что учащееся юношество не образуетъ сословія и не имѣетъ никакихъ правъ *in corpore*, развѣ право искать законной защиты въ собственномъ своемъ начальствѣ въ предѣлахъ, уставомъ означенныхъ, и что учащееся юношество, доколѣ оно сидитъ на скамьяхъ Университета, почитается несовершеннолѣтнимъ въ томъ смыслѣ, что оно, состоя въ нравственной, такъ сказать, опекѣ, тогда только пользуется полнотою гражданскихъ правъ, когда, оставивъ высшее учебное заведеніе, поступаетъ на службу и входитъ въ гражданскую жизнь.

,,Изъ сего слѣдуетъ, что въ продолженіе университетскаго ученія студенты *in corpore* не должны быть допускаемы ни къ какому общему изъявленію общей мысли, и что,—далеко отъ того, чтобы давать имъ предпочтеніе въ отношеніи къ профессорамъ,—эти послѣдніе должны быть чтимы въ глазахъ студентовъ естественными посредниками къ начальству и, во всѣхъ законныхъ случаяхъ, ходатаями за студентовъ у начальства.

,,Къ сему присовокупилъ слѣдующее: я считаю излишнимъ поставлять на видъ необходимость сихъ мѣръ, проистекающую столько же изъ видовъ правительства, сколько и изъ самыхъ событій современной Европы; попраніе всего священнаго, нарушеніе всѣхъ началъ нравственныхъ и политическихъ, гибель и раздоры, распространенные вокругъ насъ, столь противные Русскому началу и столь отвратительные сердцу всякаго вѣрноподданнаго, побуждаютъ насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, проложить твердую, непроницаемую черту между заблужденіями мнимаго всемірнаго просвѣщенія и необходимаго развитія нашего нравственнаго образованія въ духѣ Православія, Самодержавія и Народности. Ваше превосходительство

не оставите, пригласивъ къ себѣ Ректора и Декановъ Факультетовъ, сообщить имъ содержанiе сей бумаги, дабы они вполнѣ убѣдились, что освященныя волею Его Величества начала, коими въ теченiе пятнадцати лѣтъ руководствовалось непреклонно Министерство Народнаго Просвѣщенiя, остаются неизмѣнными, и что настоящiя обстоятельства болѣе, чѣмъ когда-либо, призываютъ каждаго благомыслящаго къ точному и совѣстливому исполненiю высокихъ предначертанiй Августѣйшаго Монарха".

Часть учебная.

„Соображая, что нѣкоторыя части преподаванiя, относящагося до наукъ *Юридическихъ* и *Политическихъ*, могутъ, въ уваженiе обстоятельствъ, быть сокращены безъ нарушенiя цѣлости преподаванiя и безъ ущерба для наукъ, я предписалъ Совѣту Московскаго Университета составить вновь по моимъ указанiямъ программы, долженствующiя поступить потомъ на мое утвержденiе. Сверхъ того, возложилъ на Совѣтъ начертать инструкцiи для факультетскихъ Декановъ, коимъ преимущественно поручено будетъ наблюденiе за точнымъ исполненiемъ утвержденныхъ программъ. Подобное распоряженiе будетъ сдѣлано и по другимъ университетамъ.

„Строгость, которую я требовалъ на сей разъ, при прiемныхъ экзаменахъ, будучи тщательно соблюдаема ректоромъ и профессорами, имѣла послѣдствiемъ, что едва ли половина явившихся на экзамены желающихъ принята въ Университетъ; равномѣрно строгость при переводныхъ (годичныхъ) экзаменахъ удалила значительное число студентовъ, не надѣющихся выдержать экзамены. Такимъ образомъ, положено начало постепенному, такъ сказать, очищенiю Университета, и какъ въ семъ случаѣ не были ни въ чемъ нарушены законныя правила и требовано было въ точности только то, что̀ предписывается закономъ, то сiе уменьшенiе числа студентовъ совершилось безъ огласки и безъ жалобъ, нечувствительно и само собою. Продолжая дѣйствовать указаннымъ образомъ,

университетское начальство, коему даны отъ меня подробнѣйшія наставленія, окончитъ начатое въ непродолжительномъ времени; тѣмъ достигнется двоякая цѣль: студентовъ будетъ меньше и они будутъ лучше образованы и нравственнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ. Тщеславное усиліе умножать цифру студентовъ, дабы выказать тѣмъ благосостояніе Университета, есть безсомнѣнно первый шагъ къ совершенному упадку подобныхъ заведеній.

,,Изложивъ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ главныя распоряженія, коими я считалъ нужнымъ ограничить безъ огласки и объемъ предметовъ, и число поступающихъ студентовъ, я считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что эти неожиданныя мѣры, кои могли нѣкоторымъ образомъ казаться при первомъ взглядѣ нѣсколько стѣснительными, были приняты съ радушною покорностію и съ лучшими чувствами со стороны большинства университетскаго сословія. Духъ юношества въ семъ случаѣ оказался вполнѣ благонадежнымъ, знаменуя, что при твердыхъ, но справедливыхъ началахъ, наше юношество способно слѣдовать всегда благонамѣренному направленію начальства.

,,Въ начальственныхъ лицахъ, вступившихъ нынѣ въ управленіе Московскимъ Учебнымъ Округомъ, я нашелъ чистое усердіе, желаніе быть полезными, готовность исполнять разумно и осмотрительно данныя наставленія; о чемъ считаю долгомъ всеподданнѣйше свидѣтельствовать передъ Вашимъ Величествомъ. Словомъ, все подаетъ вѣрную надежду, что Московскій Университетъ, слѣдуя безусловно данному Вами, Всемилостивѣйшій Государь, направленію, не только выдержитъ трудный опытъ настоящаго времени и обстоятельствъ, но болѣе и болѣе сдѣлается достойнымъ Вашего высокаго одобренія и, оставаясь наравнѣ съ прочими Русскими учебными заведеніями не причастенъ заразѣ современныхъ заблужденій, будетъ служить, вмѣстѣ съ другими, оплотомъ противъ этой заразы и полезнымъ орудіемъ Вашей высокой предусмотрительности.

„Ваше Императорское Величество вслѣдствіе подобныхъ осмотровъ всегда изволили обращать милостивое вниманіе на мое всеподданнѣйшее ходатайство о награжденіи нѣкоторыхъ отличнѣйшихъ преподавателей. На семъ основаніи осмѣливаюсь доложить, что въ числѣ лучшихъ и благонадежнѣйшихъ изъ Московскихъ профессоровъ достойны особеннаго вниманія: нынѣшній ректоръ, профессоръ Астрономіи и Математики статскій совѣтникъ *Перевощиковъ*, профессоръ Русской Словесности статскій совѣтникъ *Шевыревъ*, профессоръ Хирургіи статскій совѣтникъ *Иноземцовъ*, профессоръ Законовѣдѣнія статскій совѣтникъ *Баршевъ* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Всеобщей Исторіи магистръ *Грановскій*.

„Въ заключеніе считаю долгомъ всеподданнѣйше присовокупить, что во все время моего пребыванія въ Москвѣ, я состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ графомъ Закревскимъ, оказавшимъ мнѣ совершенное содѣйствіе, и коему я находилъ нужнымъ сообщать о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ".

Между тѣмъ И. И. Давыдовъ меланхолически писалъ Погодину (2-го ноября 1848 г.): „Вы однажды писали, что приходится горько и тяжело: да едва ли не всѣ мы про себя говоримъ то же самое. Кажется, лучшая пристань — свое гнѣздо въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Вамъ издали представляется все въ миражѣ, и вы думаете, что здѣсь все возможно. Напротивъ, въ гостяхъ мы бываемъ мягче и ко всему болѣе готовы, а у себя дома и въ потокѣ дѣлъ иное говоримъ, иначе дѣйствуемъ. Таковъ человѣкъ вездѣ и всегда" [82]). Да и Шевыревъ, не смотря на полученную награду, вотъ что̀ писалъ Погодину 9-го декабря того же 1848 года: „Мнѣ хотѣлось бы очень чаще видѣться съ тобою. Хоть бы положили мы въ недѣлю разъ обѣдать другъ у друга поочереди, но ужь непремѣнно. Я обдумываю тоже свое положеніе. Смекнуть безъ дружескаго совѣта не могу. Приходитъ время тяжкое. Право, пошелъ бы скорѣе въ земледѣльцы. При новыхъ распоряженіяхъ не бу-

детъ возможности сдѣлать ничего для науки. Я уже и теперь отъ нея отвлеченъ поминутно. Между тѣмъ силы слабѣютъ. Еслибы я могъ теперь за прослуженное время получить три четверти пенсіи, поселиться въ деревнѣ и работать для науки, я былъ бы счастливѣйшій человѣкъ. Объ этомъ никому".

XVIII.

Послѣднее пребываніе Министра Народнаго Просвѣщенія въ Москвѣ было роковымъ для Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

20-го декабря 1848 года, съ своей Михайловой Горы, М. А. Максимовичъ писалъ своему земляку О. М. Бодянскому: „Жалѣю сердечно о вашихъ *Чтеніяхъ*, что для нихъ пробилъ такъ скоро послѣдній часъ!"

Но прежде чѣмъ приступить къ описанію этого прискорбнаго событія въ исторіи нашей Литературы, скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ отношеніяхъ, которыя въ это время существовали между Погодинымъ и секретаремъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Бодянскимъ.

Еще въ январѣ 1848 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вельтманъ и Бодянскій. О гадостяхъ Бодянскаго". Что это были за *гадости*, намъ неизвѣстно. Въ то же время (18-го января 1848 г.) Шевыревъ писалъ Погодину: „Вотъ тебѣ записка отъ Бодянскаго. Смягчись и дай ему *Москвитянина.* Мы обяжемъ его статьею". На это Погодинъ рѣзко отвѣчалъ: „Скажи Бодянскому, если онъ въ другой разъ осмѣлится сказать тебѣ, что я *окомпроментируюсь* предъ его сочленами, что я *не могу* окомпроментироваться передъ ними. Послѣ всѣхъ гадостей и подлостей, кои онъ сдѣлалъ со мною, я, разумѣется, не долженъ бы смотрѣть на нихъ. Я даю имъ свои рукописи и книги, разумѣется, не для нихъ, а для науки. Журнала своего низко мнѣ въ руки дать такому... Сію минуту я слышу, что Бодянскій хвалится, что не до-

пустить выйдти второму нумеру въ первое число, и что первый вышелъ только потому, что тогда было ему некогда. Можетъ быть, это сплетня, но странно приписать постороннему человѣку такія оригинальности. И подать поводъ—не много дѣлаетъ чести. Посуди по себѣ: гадкая сплетня, выдумка, сколько испортила тебѣ крови. А эти господа мучили и *мучатъ* меня не словами, а дѣлами, ударами *физическими*.... Отъ Бодянскаго статей ждать нечего. Подобными ему статьями мы, или, признаюсь, я и убилъ журналъ. Излишняя мягкость и слабость моя надѣлали мнѣ много зла". На эти раздражительныя строки, Шевыревъ на другой же день отвѣчалъ своему другу: „Ты начинаешь безпокоиться и раздражаться понапрасну. Бодянскій, конечно, никогда того не говорилъ. Это, конечно, сплетня. Думалъ ли я, что просьба его о экземплярѣ *Москвитянина* тебя такъ разсердитъ?" На это Погодинъ писалъ: „Бодянскій не скажетъ тебѣ, разумѣется, ничего обо мнѣ, но я узналъ давно документально эту бестію предателя". О засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 27-го марта 1848 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Собраніи Общества. Какъ вскинулъ на меня Строгановъ сверкающими глазами, когда я началъ объяснять на его вопросъ, почему не помѣщалъ статей. Дѣла вертятся все около пальцевъ, никто не слушается, не смѣетъ сказать слова свиньѣ Бодянскому, который кричитъ. А я все-таки не умѣю овладѣть рѣчью! Да и не хочется. Разсердился на новаго подлеца Ундольскаго". Даже на другой день засѣданія Погодинъ продолжалъ размышлять объ Обществѣ и замѣтилъ: „Сколько подлостей, низостей. Что за характеры!" Но Шевыревъ продолжалъ защищать Бодянскаго и писалъ Погодину: „Не сердись ты такъ на Бодянскаго. Вообще и не сердись на молодое поколѣніе. Лучше сходиться. Нынче во снѣ видѣлъ—будь мы всѣ вмѣстѣ, пошло бы лучше". „Правда", отвѣчалъ ему на это Погодинъ,—„я употребилъ слишкомъ сильное слово, и скажу теперь, какъ графъ Ростопчинъ: *вмѣсто б ... и читай Мазепа*".

Вскорѣ послѣ этой переписки Погодина посѣтилъ самъ Бодянскій и привезъ ему свою статью подъ заглавіемъ *Лингвистика О. И. Сенковскаго*. По поводу же этого посѣщенія Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бодянскій приходилъ любезничать. Чортъ ихъ знаетъ“ [83]). Само собою разумѣется, что привезенную статью Погодинъ съ удовольствіемъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ*.

Надо замѣтить, что Сенковскій въ первой книжкѣ *Библіотеки для Чтенія* 1848 года напечаталъ статью: *Манифестъ Дарія сына Истаспова и прочіе каменописанные памятники древнихъ царей Персіи*. На статью эту обратилъ вниманіе Погодинъ и писалъ Шевыреву: „Просмотрѣлъ Дарія... Вотъ и еще Словенофилъ—Сенковскій. Онъ доказывалъ и объ чемъ и Хомяковъ говорилъ мимоходомъ. Сенковскій уже и прочее. Если Сенковскій не шутитъ надъ нами, онъ великолѣпный ученый. Впрочемъ надо спросить Хомякова“.

Печатая статью Бодянскаго, Погодинъ потребовалъ отъ автора, чтобы онъ подписалъ свое имя. Противъ этого требованія авторъ не прекословилъ и писалъ издателю *Москвитянина*: „Что вы такъ расходились за подписомъ имени? Да пожалуй я не подписывалъ его до послѣдней корректуры, чтобъ до времени не узналъ кто какъ о томъ изъ постороннихъ. А теперь ставлю вамъ подъ нею начальныя буквы своего имени и фамиліи, то-есть *О. Б.* Думаю, довольно будетъ и для самаго Сенковскаго, и для всѣхъ прочихъ, кто смыслитъ въ этомъ спорѣ, чтобъ узнать, кто это таковъ. Я не хочу подписывать полнаго имени не потому, чтобы прятался отъ чьего бы то ни было удара; иначе зачѣмъ вызывать его; а отъ того, что не считаю, признаюсь, написаннаго стоющимъ такой оффиціальности и представительности. Впрочемъ, если вамъ и этого мало,—пожалуй, готовъ подписаться хоть подъ двумятремя строчками своими“.

Послѣ этого Бодянскій въ теченіи лѣта 1848 года каждое воскресенье посѣщалъ Погодина и сообщалъ ему животрепещущія Словенскія извѣстія.

Таковы были отношенія Бодянскаго къ Погодину и Шевыреву передъ грозою, разразившеюся надъ Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Во дни секретарства Бодянскаго въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ былъ поднятъ вопросъ объ изданіи въ Русскомъ переводѣ сочиненія Флетчера *О государствѣ Русскомъ или образъ правленія Русскаго Царя, обыкновенно называемаго Царемъ Московскимъ, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны. Въ Лондонѣ, печатано Т. Д—мъ для Томаса Чарда, 1591 года.* Противъ этого предпріятія Общества возсталъ П. М. Строевъ, доказывая, что это предпріятіе можетъ лишить Общество драгоцѣннаго права собственной цензуры; но за это предвидѣніе почтенный археографъ испыталъ оскорбленіе со стороны Президента Общества. Подъ 4-мъ марта 1847 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бѣляевъ разсказывалъ, какъ Строгановъ прогналъ Строева изъ собранія". Слухъ объ этомъ скоро достигъ Петербурга, и И. И. Давыдовъ съ справедливымъ негодованіемъ писалъ Погодину: „Ему съ рукъ сошла и дерзость со Строевымъ, и тогда никто не двинулся съ мѣста, когда непремѣнно должно было всѣмъ встать и выйти изъ собранія, оставивъ его съ секретаремъ и актуаріемъ".

Какъ бы то ни было въ засѣданіи Общества, бывшемъ 27-го декабря 1847 года, князь М. А. Оболенскій представилъ Обществу подлинникъ и переводъ сочиненія Флетчера. Къ переводу было приложено обширное предисловіе, подписанное княземъ М. А. Оболенскимъ. По распоряженію Предсѣдателя этотъ переводъ былъ напечатанъ въ первой книжкѣ *Чтеній* (1848 года, четвертый годъ).

Роковая книжка эта вышла въ свѣтъ въ октябрѣ 1848 года. Въ это время, какъ мы уже знаемъ, въ Москвѣ пребывалъ Министръ Народнаго Просвѣщенія и, усмотрѣвъ въ означенномъ сочиненіи Флетчера неодобрительные отзывы о Русскомъ правительствѣ и духовенствѣ, сдѣлалъ распоряженіе остановить

этотъ выпускъ *Чтеній* и вырѣзать изъ него сочиненіе Флетчера. Вслѣдствіе этого распоряженія Погодинъ получилъ отъ Бодянскаго слѣдующее оффиціальное письмо (отъ 8-го октября 1848 года): „По сдѣланному его сіятельствомъ господиномъ предсѣдателемъ Общества графомъ С. Г. Строгановымъ распоряженію, необходимо нужно возвратить въ Общество всѣ экземпляры первой книжки *Чтеній* года четвертаго, какъ выданныя гг. членамъ и соревнователямъ, бывшимъ въ засѣданіи Общества 30-го минувшаго сентября, такъ и послѣ полученныя ими, а потому, препроводивъ къ вамъ третьяго дня изъ типографіи первую книжку *Чтеній* въ исправленномъ видѣ, покорнѣйше прошу возвратить ту, которую вы получили по билету. Эту книжку мнѣ нужно вмѣстѣ съ прочими съ обмѣномъ на исправленную возвратить его сіятельству господину Предсѣдателю Общества“.

Въ оправданіе своего распоряженія графъ Строгановъ сообщилъ графу Уварову: „Сочиненіе Флетчера, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ“.

Но эти справедливые доводы были нисколько неубѣдительны для графа Уварова и о распоряженіяхъ его по этому предмету Общество узнало въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 27-го ноября 1848 года, на которомъ было прочитано слѣдующее отношеніе помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа князя Г. А. Щербатова, на имя Предсѣдателя Общества,

графа С. Г. Строганова (отъ 3-го ноября 1848 г.) о томъ, что по всеподданнѣйшему докладу господина Министра Народнаго Просвѣщенія о первой книжкѣ четвертаго года *Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы впредь всѣ изданія Общества были подвергаемы разсмотрѣнію общей цензуры, на основаніи существующихъ правилъ. При семъ его сіятельство г. Помощникъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа присовокупилъ, что для разсмотрѣнія изданій Общества онъ назначилъ сторонняго цензора Московскаго Цензурнаго Комитета, коллежскаго совѣтника Флерова".

Такимъ образомъ оправдалось предвидѣніе П. М. Строева, и Общество лишилось своего драгоцѣннаго права собственной цензуры.

Въ томъ же засѣданіи было прочтено письмо къ Секретарю Общества отъ графа Строганова о томъ, что „имѣя въ виду частыя отлучки изъ Москвы и полагая, что отсутствіе предсѣдателя можетъ быть не безъ вліянія на ходъ занятій Общества, его сіятельство слагаетъ съ себя званіе Предсѣдателя Общества".

Въ то же время и секретарь О. М. Бодянскій доводилъ до свѣдѣнія Общества, что „не имѣя болѣе возможности, по своимъ занятіямъ, нести должность секретаря, онъ проситъ уволить его отъ оной. По выслушаніи этихъ бумагъ, Общество приступило къ баллотированію, и большимъ числомъ избирательныхъ голосовъ избрало Предсѣдателемъ своимъ—его превосходительство господина вице-президента Александра Дмитріевича Черткова, а Секретаремъ — дѣйствительнаго члена И. Д. Бѣляева. Опредѣлено: довести о семъ до свѣдѣнія его превосходительства господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и просить, на основаніи § 23-го Устава Общества, о представленіи вновь избраннаго Предсѣдателя на утвержденіе его сіятельства господина Министра Народнаго Просвѣщенія".

Представленіе этой трагедіи происходило въ присутствіи слѣдующихъ лицъ: А. Д. Черткова, Д. П. Голохвастова,

М. П. Погодина, С. П. Шевырева, князя М. А. Оболенскаго, Ѳ. Л. Морошкина, А. М. Кубарева, П. И. Иванова, Д. Н. Дубенскаго, Г. И. Спасскаго, И. Д. Бѣляева, С. М. Соловьева, В. М. Ундольскаго, П. В. Хавскаго, Н. В. Калачева и графа М. В. Толстаго.

Но самымъ трагическимъ лицомъ въ этой Исторіи былъ несчастный Бодянскій; онъ долженъ былъ лишиться секретарства въ Обществѣ и покинуть службу при Университетѣ. Что же касается до взводимаго на него А. М. Кубаревымъ обвиненія въ напечатаніи сочиненія Флетчера, этого „вздорнаго“ по его словамъ „памфлета“, въ количествѣ тысячи восемьсотъ экземпляровъ, тогда какъ по положенію Общества „опредѣлено было напечатать триста экземпляровъ“, то по свидѣтельству Н. В. Калачова, лишнее количество экземпляровъ было напечатано на счетъ князя М. А. Оболенскаго [84]).

Между тѣмъ по Москвѣ распространилась клевета на Погодина и Шевырева и достигла Петербурга. Подъ 1-мъ декабря 1848 г. А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Ѳеодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей Церкви... Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, теперь представилъ Министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на Святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи. Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія Государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ чрезъ Московскаго генералъ-губернатора Закревскаго. Это неслыханный случай съ генералъ-адъютантомъ... Но дѣло не въ этомъ: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.* Строгановъ, по выраженію Гоголя, *нагадилъ* Уварову, Уваровъ Строганову. Это въ порядкѣ вещей на Святой Руси... Но за что погибла книга Флетчера — книга полезная для нашей Исторіи? За что пострадалъ секретарь

Общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано Общество, оказавшее не мало услугъ наукѣ?"

Клевету эту распространялъ въ Петербургѣ и князь М. А. Оболенскій. Вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* того же А. В. Никитенка, подъ 6-мъ февраля 1849 года: „Недавно былъ у меня князь М. А. Оболенскій и разсказывалъ мнѣ о подвигахъ Шевырева и Погодина, чтобы выслужиться предъ графомъ Уваровымъ: какъ они подвизались противъ графа Строганова, какъ подали доносъ о печатаніи Флетчера, какъ пострадало отъ того Общество Исторіи и Древностей и секретарь послѣдняго Бодянскій" [85]).

Но о томъ же князѣ Оболенскомъ вотъ что Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 8-мъ августа 1848 года: „Хотѣлъ было приняться за работу, какъ Оболенскій. Слово за слово и началъ бранить Строганова".

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ *Москвитянина* А. Е. Студитскій сообщилъ Погодину слѣдующій меморандумъ, подъ заглавіемъ: *Къ свѣдѣнію для гг. Погодина и Шевырева.* „Принимая въ соображеніе: а) что есть обвиненія передъ судомъ общества, которыми пренебрегать нельзя и не должно; b) что означенный судъ состоитъ большею частію изъ членовъ, не имѣющихъ ни здраваго смысла, ни знанія людей, ни строгости въ оцѣнкѣ доказательствъ, ни совѣсти, которая могла бы упрекнуть ихъ за несправедливо произнесенный приговоръ; с) что обвиненія предъ означеннымъ судомъ часто бываютъ производимы неизвѣстными обвинителями, безъ имени или съ ложнымъ именемъ, расходятся какими-то тайными путями и часто бываютъ неизвѣстны обвиняемымъ, что̀ очень можетъ быть и въ настоящемъ случаѣ, считаю нужнымъ сообщить слѣдующее: Слышалъ я вчера отъ двухъ особъ, принадлежащихъ къ различнымъ слоямъ общества и незнакомыхъ между собою, что на васъ и на Шевырева предъ Московской публикой взведено тяжкое обвиненіе въ томъ, что вы не только донесли Уварову на Президента и Секретаря Историческаго Общества, но даже какими-то таинственными путями доста-

вили ему статью Флетчера, которой онъ не могъ бы имѣть, настаивали, чтобы это дѣло было пущено въ ходъ, чтобы журналъ былъ запрещенъ и редакторъ отданъ подъ судъ, что графъ Уваровъ именно съ этою цѣлію и оставался долго въ Москвѣ; что въ продолженіи всего этого времени вы не переставали дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Вотъ сущность обвиненія: не угодно ли знать подробности? За нѣсколько мѣсяцевъ, именно при началѣ правильнаго, повременнаго изданія *Чтеній*, говорятъ, что вы отвѣчали на вопросъ, въ какихъ отношеніяхъ вы какъ редакторъ *Москвитянина* будете къ *Чтеніямъ? Я буду воевать съ ними черезъ полгода, когда они пойдутъ въ ходъ*. Вы и Шевыревъ находитесь во враждѣ съ Президентомъ и Секретаремъ Общества. При этомъ замѣчаютъ, что впрочемъ съ послѣднимъ ужиться невозможно. Шевыревъ, публично, въ засѣданіи Общества, жалуясь на диктатуру Бодянскаго касательно *Чтеній*, требовалъ не только ограниченія ея посредствомъ комитета редакціи, но даже *удаленія Бодянскаго отъ должности секретаря и редактора*. Наконецъ, во все время пребыванія Министра въ Москвѣ вы были вмѣстѣ съ нимъ, и *слѣдовательно*, строили разные ковы и ухищренія противъ гг. Президента (замѣтьте какъ Президента) и Секретаря Историческаго Общества. Развивая эту мысль, помянутый Президентъ замѣтилъ, что *отъ Погодина онъ ожидалъ всего, но никогда не думалъ, чтобы Шевыревъ, котораго онъ всегда считалъ человѣкомъ добросовѣстнымъ, пожертвовалъ интересомъ дѣла личной ненависти*. Мнѣ это передано въ одномъ мѣстѣ какъ общественный слухъ; въ другомъ—какъ обвиненіе, именно высказанное графомъ Строгановымъ. Объ участіи или не-участіи Бодянскаго ни слова. Сообщаю потому, что отъ васъ не слыхать ни слова, и можетъ быть, это вамъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ въ этомъ видѣ. Между прочимъ замѣтьте, что для произнесенія этого обвиненія выбрана минута очень удобная: въ подробностяхъ оно высказано вскорѣ по полученіи бумаги изъ Петербурга, когда впечатлѣніе было“. Клевета эта до такой степени была

распространена въ Москвѣ, что даже Ю. Ѳ. Самаринъ ей повѣрилъ, и когда Погодинъ пригласилъ его къ себѣ на вечеръ, данный въ честь Гоголя, то тотъ не принялъ приглашенія и писалъ ему: „Послѣднія происшествія въ университетскомъ кругу, о которыхъ говоритъ теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мнѣ впечатлѣніе, съ которымъ я не считаю себя въ правѣ принять вашего приглашенія. Мнѣ было очень тяжело написать тѣ строки, потому что я вамъ обязанъ за многое и никогда не забуду живого участія, которое вы принимали издавна въ моихъ занятіяхъ и успѣхахъ; но это самое налагало на меня обязанность высказать вамъ, и вамъ однимъ, откровенно то, что у меня на душѣ“.

Опроверженіемъ этой клеветы можетъ служить слѣдующее письмо самого Бодянскаго къ Погодину (отъ 9-го октября 1848 года): „Предчувствую: наступаетъ новая пора въ жизни моей. Съ покорностью склоняюсь подъ крестъ, изъ-подъ котораго не подниматься ужь мнѣ болѣе. Пріютите же бѣдную мою *книжницу*—единственное мое сокровище и гордость (въ ней безъ малаго десять тысячъ томовъ). Ворочусь—и вы воротите ее мнѣ; нѣтъ—пріобщите къ своему сокровищу, по словамъ Писанія: *Ему же дано—придано*. Озираясь кругомъ, я не вижу, куда бы и кому бы достойнѣе могъ ввѣрить это въ томъ и другомъ случаѣ. Пусть будетъ оно хоть малымъ толикимъ свидѣтельствомъ того неизмѣннаго въ глубинѣ души моей чувства, которое я, не смотря ни на какую размолвку нашу, всегда питалъ и питаю къ вамъ, какъ человѣку, больше всѣхъ сдѣлавшему мнѣ добра въ жизни моей. Пожалуйста, воротите мнѣ *эту* книжку *Чтеній* и не обижайтесь, что принужденъ былъ обратиться за ней къ вамъ особенной оффиціальной бумагой. Да нельзя ли вамъ прислать ко мнѣ кого-либо изъ надежныхъ за рукописью „Татищева Лѣтописи или Исторіи“. Больше мѣсяца сбирался доставить вамъ ее лично, и все не могъ за недосугомъ и суетою; а теперь и досугъ, да ноги не несутъ“. Въ тотъ же день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Трогательное и пріятное письмо Бо-

дянскаго. Я позабылъ все его зло, но отъ чего, отъ добродушія ли, или отъ удовлетвореннаго самолюбія? Мнѣ пріятно было увидѣть, что онъ признаетъ мое добро и пр. Пригласилъ его къ себѣ, и онъ разсказалъ мнѣ всѣ похожденія, изъ коихъ видно, что Строгановъ не отпирается отъ Бодянскаго и не слагаетъ своей отвѣтственности, а Уварову доносилъ иначе".

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ Бодянскому по обычаю лаконично: „Вотъ этотъ языкъ я понимаю. Homo sum. Радъ буду и помочь, если вы захотите дѣйствовать искренно, и получивъ опытъ".

О своей перепискѣ Погодинъ счелъ долгомъ сообщить Шевыреву: „Вчера прислалъ мнѣ письмо Бодянскій, въ коемъ проситъ меня въ случаѣ нужды, если не воротится, взять къ себѣ его библіотеку. Я не могъ понять, откуда онъ не воротится, и пригласилъ его къ себѣ. Оказалось, что онъ боится Вологды или другой ссылки. Я хотѣлъ ему посовѣтовать, чтобъ онъ написалъ повинное письмо къ Министру „увлекшись-де желаніемъ печатать и сообщить интересъ изданію, обнадеженный и проч." Но изъ словъ его заключилъ, что Строгановъ не отказывается, какъ донесено было Министру, а напротивъ, принимаетъ на себя всю отвѣтственность. Далѣе—Строгановъ уже началъ свои дѣйствія чрезъ Петербургъ, пораженный приказаніемъ остановить всѣ дѣйствія Общества и опечатаніемъ книгъ. Слѣдовательно, теперь начнется война не на животъ, а на смерть, между Строгановымъ и Уваровымъ. Побѣда, по видимому, должна достаться послѣднему. Во всякомъ случаѣ, Бодянскому нельзя искать двухъ защитъ. Оболенскій указывалъ на мѣста. Бодянскій спрашивалъ Строганова два раза и читалъ ему всѣ главы сполна. Впрочемъ—всего въ запискѣ не перепишешь, а я выѣхать ей-Богу еще не могу. Вотъ какую оскомину набилъ. А надо было говорить". Вслѣдъ за симъ Погодинъ получилъ слѣдующія строки отъ И. И. Давыдова: „Нѣкоторыя страницы изъ Флетчера я пробѣжалъ: удивляюсь тупоумію и сумасбродству предсѣдателя, переводчика и издателя".

17-го октября 1848 года Бодянскій снова посѣтилъ Погодина, и послѣдній записалъ въ своемъ дневникѣ: „Бодянскій *съ извѣстіями о доносѣ Снегирева Министру*, а теперь распускаютъ слухъ на меня. О, какое противное и скаредное созданіе! Ровинскій и Забѣлинъ. Смѣялись съ Гоголемъ надъ этимологіей Бодянскаго; и онъ началъ вставлять ты!“

Невинность же Шевырева относительно Бодянскаго доказывается слѣдующимъ письмомъ Погодина (5-го января 1849 г.) къ кому-то въ Петербургѣ (вѣроятно, къ Грудеву): „Къ величайшему моему удивленію и прискорбію пріѣзжаетъ ко мнѣ вечеромъ вчера С. П. Шевыревъ, разсказываетъ мнѣ свои дѣйствія касательно Бодянскаго и читаетъ всѣ письма. Я такъ и обомлѣлъ. Послѣ перваго письма къ О., я уже предугадалъ всѣ остальныя. Ну, что прикажете дѣлать! Источникъ его дѣйствій прекрасный—доброе движеніе сердца, но исполненіе никуда не годится. Онъ теперь видитъ это, такъ объясните и графу Уварову. Къ этому присоединились еще вотъ какія обстоятельства. Противная партія Строгановская возбудила Богъ знаетъ какіе толки по Москвѣ, особенно въ высшемъ обществѣ, по поводу происшествія въ Историческомъ Обществѣ. Между прочимъ пущена была клевета, что Бодянскій погубленъ мною и имъ, то-есть, Шевыревымъ, что я указалъ Графу на статью и проч. О Шевыревѣ говорили Богъ знаетъ что. Я, разумѣется, плюнулъ на эту клевету и ожидалъ, что она спадетъ сама собою, какъ прежнія, а ему захотѣлось ее скинуть тотчасъ и показать, что онъ не только не виноватъ въ несчастіи Бодянскаго, но еще употребилъ всѣ силы облегчить его. Съ другой стороны, представилось ему, что графъ Уваровъ не можетъ уже самъ помочь ему, и что нужно ему подать поводъ, потомъ онъ увидѣлъ слезы Бодянскаго, и махнулъ письмо, представивъ его, какъ адвокатъ, въ преувеличенномъ до нельзя видѣ. А прежде мнѣ не сказалъ, опасаясь, что я остановлю его. Теперь онъ видитъ все, успокоился и напишетъ письма, кому слѣдуетъ, благодарственныя, извинительныя, удовлетворительныя и проч. Вы знаете, какъ къ концу

семестра бываютъ у него возбуждены нервы, присоедините искусственное намѣреніе дразнить его и проч... Онъ ратовалъ за графа Уварова и его дѣйствія до истощенія силъ, также можетъ быть слишкомъ, позабывъ эпиграфъ *Вѣстника Европы* ne quid nimis, да подъ конецъ и выкинулъ штуку. Благоволите объяснить все это графу, изгладить его непріятное впечатлѣніе! Для Бодянскаго сдѣлано теперь все, что можно со всѣхъ сторонъ, а удовлетворить всѣ бычьи прихоти кто же можетъ пожелать. Меня прерываютъ пять разъ за письмомъ".

Въ это время Погодинъ видѣлъ сонъ, о которомъ онъ сообщилъ Шевыреву: „Видѣлъ во снѣ Бодянскаго, который приходилъ будто просить прощенія у меня и говорилъ, что онъ лжецъ. А я ему сказалъ: мириться я очень радъ, но сходите къ С. П. Шевыреву, предъ которымъ вы виноваты больше.—Я уже былъ у него—отвѣчалъ онъ".

Между тѣмъ изъ Петербурга (2-го ноября 1848 года) И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Судьба Историческаго Общества, вѣроятно, вамъ извѣстна. Кого Богъ захочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ, или, что все равно, напускаетъ на него гордость и человѣкъ гибнетъ. Не представляетъ ли этому свидѣтельство Змѣй Горынычъ? Надменный до дерзости въ какое ничтожество попалъ!" Иное писалъ Хомяковъ Погодину изъ своего Богучарова: „Боюсь я вашихъ раздоровъ. Усобица на Руси—радость для Татаръ и Нѣмцевъ" [86]).

XIX.

Искупительною жертвой борьбы графа Строганова съ графомъ Уваровымъ былъ Бодянскій. Ректоръ Московскаго Университета объявилъ ему, что, по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія, онъ перемѣщенъ въ Казанскій Университетъ на мѣсто В. И. Григоровича, а сей послѣдній переводится на Московскую каѳедру. Получивъ это объявленіе, Бодянскій написалъ къ Уварову слезное посланіе.

„Не дерзая и помышлять", писалъ онъ, — „о противо-

рѣчіи волѣ начальства, я осмѣливаюсь представить во вниманіе вашего сіятельства, что въ подпискѣ, данной мною 28-го іюля 1837 года, съ которой сохранилась у меня копія, я обязывался прослужить въ должности преподавателя при Московскомъ Университетѣ, а не безусловно по назначенію начальства. Двадцать три года тому назадъ принужденный, по совѣту врачей, искать климата, который соотвѣтствовалъ бы моему, отъ природы хилому и слабому, здоровью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлялъ возможность довершить свое образованіе, я удалился въ Москву. Боровшись во все время съ жестокою бѣдностію, безъ пособія и покровительства, я кончилъ благополучно и съ успѣхомъ ученіе въ Университетѣ и получилъ предложеніе отъ начальства отправиться въ путешествіе по заграничнымъ Словенскимъ землямъ и по возвращеніи занять въ немъ каѳедру Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій, при чемъ и далъ подписку въ вышеизложенномъ смыслѣ, ибо дать ее безъ ограниченія и безусловно, при слабомъ моемъ здоровьѣ, я бы счелъ преступнымъ обманомъ. Къ несчастію, и тутъ перемѣна климата Московскаго, къ которому я столько привыкъ, имѣла для меня самыя губительныя послѣдствія: прежнія золотушныя и ревматическія боли снова явились и до того усилились, что, вмѣсто двухъ, я принужденъ былъ пробыть за границей пять лѣтъ, какъ это извѣстно вашему сіятельству изъ тогдашнихъ донесеній моихъ. По возвращеніи моемъ въ Москву здоровье мое не только опять пришло само собою въ прежнее нормальное положеніе, но даже позволило, въ удовлетвореніе вполнѣ сознаваемой мною священной обязанности противу правительства и пламенной любви къ предмету, сверхъ положеннаго числа часовъ, преподавать свой предметъ лишнихъ три и, кромѣ того, заниматься еще сочиненіями и переводомъ по нему, напримѣръ, *Словенскихъ Древностей* знаменитаго Шафарика, изданныхъ мною въ пяти книгахъ мѣсяцъ тому назадъ и стоившихъ около двухъ тысячъ серебромъ и проч. Но лишь только оставлялъ я Москву, природный недугъ мой попрежнему возвращался, какъ

это случилось въ поѣздку мою, въ 1846 году, въ Малороссію и смежныя съ нею губерніи, и исчезалъ самъ собою съ возвращеніемъ въ Московскій климатъ, знакъ, что этотъ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ моему хилому организму, и что я безнаказанно не могу оставить его.—Теперь я долженъ, по предписанію вашего сіятельства, отправиться въ далекую Казань, которая, будучи почти на тысячу верстъ отдаленнѣе на востокъ, не только не можетъ замѣнить столько благодѣтельнаго для меня климата Москвы, но еще, разоренная въ послѣдніе годы нѣсколько разъ страшными пожарами, приводитъ меня въ ужасъ при одной мысли, что я могу, подобно нѣкоторымъ изъ тамошнихъ профессоровъ (напримѣръ, Ковалевскому, потерявшему, во время свирѣпства огня десять томовъ „*Записокъ объ Исторіи Буддизма*“—плодъ двадцатилѣтняго труда, Монгольскую рукопись, единственный экземпляръ въ Европѣ, за которую Лондонское Азіатское Общество предлагало владѣльцу огромную сумму, и проч.) лишиться въ городѣ, получившемъ въ наше время такую печальную извѣстность, своей библіотеки, простирающейся почти до десяти тысячъ томовъ и составляющей, по каѳедрѣ Словенскихъ нарѣчій, полнѣйшую послѣ библіотеки Чешскаго Народнаго Музея въ Прагѣ и единственное мое сокровище. Но пуще всего ужасаетъ меня во всемъ этомъ то обстоятельство, что вѣсть о перемѣщеніи моемъ въ Казань сразитъ мою бѣдную мать, старушку слишкомъ за шестьдесятъ лѣтъ, которая, потерявъ только прошлымъ годомъ своего мужа и оставаясь на моихъ рукахъ, не вынесетъ удара, постигшаго ея сына. Въ подтвержденіе слабости своего здоровья, которое не въ состояніи, какъ это показалъ нѣсколько разъ самый опытъ, перенести, безъ неминуемыхъ гибельныхъ для него послѣдствій, перемѣны Московскаго климата, обязываюсь представить вашему сіятельству, при первомъ востребованіи, свидѣтельство знающихъ мое положеніе врачей, подтвержденное Врачебною Управою. Находясь въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство

войти въ мое горестное положеніе. Не подумайте при этомъ, сіятельнѣйшій графъ, чтобы я домогался оставить за собою каѳедру и соединенный съ нею окладъ. Желая преемнику моему болѣе удачи, я счастливымъ себя почту, если буду имѣть возможность, хотя изрѣдка у подножія этой каѳедры, нѣкогда мною съ такимъ рвеніемъ занимаемой, радоваться успѣхамъ сидящаго на ней. Не страшась еще разъ встрѣтиться съ знакомой мнѣ бѣдностью, изъ одного желанія сохранить безцвѣтную и горестную жизнь мою и чрезъ то не подвергнуться утратѣ двухъ моихъ единственныхъ сокровищъ въ мірѣ, бѣдной моей матери и богатой библіотеки, я умоляю ваше сіятельство обратить на меня свое милостивое вниманіе. Родясь въ скудости и одинокій, я буду доволенъ весьма малымъ, буду жить только для своей науки, да бѣдной удрученной дряхлостью и горемъ матери старушки, увѣренный, что, въ случаѣ крайности, ваше сіятельство не откажете мнѣ въ возможности, по силамъ своимъ и положенію, исполнить обязательство, данное мною нѣкогда начальству подъ извѣстнымъ условіемъ, назначивъ, какое вы заблагоразсудите, мѣсто въ Москвѣ, хотя бы то приходскаго учителя".

Но Уварова не разжалобило это слезное посланіе, онъ даже не счелъ нужнымъ отвѣтить лично Бодянскому и только предписалъ Московскому попечителю объявить ему, что, „принимая въ уваженіе слабость его здоровья, для котораго, по его словамъ, не вреденъ одинъ только Московскій климатъ, Министръ предоставляетъ ему просить объ увольненіи вовсе отъ службы, причемъ впрочемъ должно быть представлено законное свидѣтельство и сохранена имъ обязанность дослужить вышеупомянутый двѣнадцатилѣтній срокъ, когда состояніе его здоровья дозволитъ ему исполнить это тамъ, гдѣ министерство признаетъ полезнымъ употребить его".

Когда получено было оффиціальное извѣстіе о переводѣ Бодянскаго въ Казань, то графъ Строгановъ, какъ и слѣдовало ожидать, благородно заступился за несчастнаго и писалъ графу Уварову (16-го ноября 1848 г.): „Въ началѣ прошед-

шаго мѣсяца, по выходѣ изъ печати первой книжки *Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, ваше сіятельство приказали пріостановить помѣщенную въ ней статью Флетчера; извѣщенный о томъ чрезъ Попечителя Учебнаго Округа, я немедленно приступилъ къ отбиранію отъ членовъ Общества розданныхъ имъ экземпляровъ и черезъ два дня, кромѣ двухъ, всѣ находились у меня, а статья замѣнена другою; такимъ образомъ Флетчеръ остался совершенно негласнымъ въ Москвѣ. Я долженъ полагать, что это обстоятельство не было доведено до вашего свѣдѣнія, потому что извѣщенный по докладу вашего сіятельства о напечатаніи означенной статьи въ трудахъ Общества Государь Императоръ вскорѣ послѣ того изъявилъ мнѣ, какъ предсѣдателю, неудовольствіе свое за мою неосмотрительность. Какъ мнѣ ни чувствителенъ гнѣвъ Его Императорскаго Величества, но я утѣшался мыслію, что отвѣтственность за неосторожность пала на меня одного; тѣмъ болѣе, что Бодянскій, въ званіи секретаря Общества, дѣйствовалъ по моему распоряженію; два раза обращалъ вниманіе мое на содержаніе Флетчера, и что не смотря на его представленіе, статья была назначена мною къ печати. Послѣ всего этого ваше сіятельство можете представить себѣ, съ какимъ прискорбіемъ узналъ я о переводѣ профессора Бодянскаго въ Казань и какъ тяжело мнѣ видѣть, что онъ одинъ наказанъ за мои дѣйствія. Обращаясь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою, если перемѣщеніе Бодянскаго послѣдовало по Высочайшему повелѣнію, принять на себя трудъ доложить Государю Императору, что я одинъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ и, какъ начальникъ, одинъ долженъ отвѣтствовать за дѣйствія подчиненнаго. Если же переводъ профессора Бодянскаго послѣдовалъ по распоряженію министерства, смѣю надѣяться, что во всемъ вышеизложенномъ вы найдете, милостивый государь, достаточныя причины для смягченія наказанія достойнаго ученаго. Въ продолженіе многихъ лѣтъ по дѣламъ службы я часто былъ разныхъ мнѣній съ вашимъ сіятельствомъ, но позвольте мнѣ думать, что

между нами не можетъ быть разногласія въ сочувствіи къ невинности и въ состраданіи къ человѣку больному, живущему для одной науки, и для котораго перемѣщеніе въ Казань можетъ быть роковымъ приговоромъ! Во ожиданіи милостиваго рѣшенія на участь Бодянскаго и великодушнаго снисхожденія къ его ученой дѣятельности, честь имѣю быть... и пр.". На это графъ Уваровъ писалъ: „Въ отвѣтъ на письмо вашего сіятельства, отъ 16-го ноября, имѣю честь васъ увѣдомить, что какъ запрещеніе напечатаннаго перевода Флетчера было произведено по моему распоряженію и въ мою бытность въ Москвѣ, то всѣ обстоятельства этого дѣла мнѣ извѣстны. По возвращеніи въ С.-Петербургъ узналъ я, что ваше сіятельство чрезъ письмо къ графу Орлову предупредили всякое мое дальнѣйшее движеніе; вслѣдствіе сего представлена была подлинная книжка Его Императорскому Величеству. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ сообщилъ я тогда же конфиденціально вашему брату графу Александру Григорьевичу и потому не могу указать на безпристрастнѣйшаго свидѣтеля. Что же касается до перевода профессора Бодянскаго въ Казань, а изъ Казани въ Москву профессора Григоровича, то эта мѣра, не превышающая власть министра, была внушена разными соображеніями, не зависѣвшими отъ дѣйствій Бодянскаго въ званіи секретаря Общества. Будучи далекъ отъ мысли обращать на Бодянскаго всю строгость взысканія въ дѣлѣ, въ коемъ вамъ угодно нынѣ въ вашемъ письмѣ принять отвѣтственность на себя, я имѣлъ въ виду сохранить Бодянскому, по возможности, бо̀льшую часть выгодъ, сопряженныхъ съ его званіемъ, ни мало не отстранивъ его отъ поприща, коему онъ посвятилъ свои труды и на коемъ онъ и въ Казанскомъ Университетѣ можетъ вполнѣ оказать свое усердіе. Перемѣщеніе его въ Казань отнюдь не помрачаетъ его службу, и онъ въ новомъ кругу дѣятельности сохранитъ подобно его товарищамъ право на мое безпристрастное участіе. Раздѣляя въ полной мѣрѣ заключеніе вашего сіятельства, что разность мнѣній не можетъ имѣть вліянія на общее начало справедливости, тяжело было бы думать,

что столкновеніе болѣе или менѣе непріятное въ служебной жизни должно оставаться неизгладимымъ въ памяти даже и по прекращеніи служебныхъ отношеній".

Но графъ Строгановъ не удовольствовался этимъ и продолжалъ дѣйствовать въ пользу Бодянскаго чрезъ графа А. Ѳ. Орлова. Вслѣдствіе сего графъ Уваровъ получилъ слѣдующее письмо отъ начальника Третьяго Отдѣленія (13-го января 1849 г.): „Бывшій попечитель Московскаго Учебнаго Округа генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ представилъ къ Государю Императору записку о профессорѣ Московскаго Университета *Бодянскомъ*, который, по случаю напечатанія въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей* перевода статьи *Флетчера* о состояніи Россіи въ 1588 году, перемѣщенъ въ Казань. Ни мало не жалуясь на ваше сіятельство, графъ Строгановъ испрашиваетъ только о милости Его Величества, дабы Бодянскій не былъ обязываемъ, по взятой съ него Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія подпискѣ, дослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ того же Министерства, если онъ вновь поступитъ на службу, и при этомъ графъ Строгановъ объяснилъ въ своей запискѣ, что Бодянскій далъ подписку служить двѣнадцать лѣтъ только при Московскомъ Университетѣ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ испросить ваше согласіе на означенное ходатайство генералъ-адъютанта графа Строганова, и какъ ваше сіятельство, при личномъ моемъ съ вами совѣщаніи, уже изъявили на это свое согласіе, то имѣю честь покорнѣйше просить васъ удостоить меня письменнымъ по сему предмету отзывомъ, дабы я могъ войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Его Императорскому Величеству". На другой же день графъ Уваровъ отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны не находитъ препятствія къ исходатайствованію Высочайшаго соизволенія на увольненіе исправляющаго должность ординарнаго профессора Казанскаго Университета надворнаго совѣтника Бодянскаго отъ службы и въ уваженіе болѣзненнаго состоянія на освобожденіе его отъ обязанности дослужить недо-

стающее противъ данной имъ подписки число лѣтъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Такимъ образомъ Бодянскій, по справедливому замѣчанію Н. А. Попова, „всегда отличавшійся твердостью въ отстаиваніи, какъ своихъ личныхъ правъ, такъ и всякаго рода интересовъ, ему ввѣренныхъ", получилъ увольненіе отъ службы и остался въ Москвѣ [87]). Замѣстителемъ же каѳедры его назначенъ В. И. Григоровичъ, съ которымъ однако Казанскій Университетъ разставался неохотно. Вотъ что писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія Казанскій попечитель (6-го января 1849 г.):

„Перемѣщеніе профессора Григоровича въ Москву и дошедшій до меня слухъ, что преемнику его, Бодянскому, обстоятельства едва ли дозволятъ перемѣститься въ Казань, производятъ во мнѣ опасеніе, что каѳедра Словенскихъ нарѣчій, недавно здѣсь основавшаяся, надолго останется не занятою. Въ короткое время управленія моего Университетомъ, онъ лишается уже четвертаго профессора, изъ которыхъ каждый, начавъ въ Казани свое ученое поприще, оставляетъ заведеніе именно въ то время, когда зрѣлость его сужденій, обдуманность взгляда и пріобрѣтенная опытность дѣлали его наиболѣе полезнымъ. Настоящая потеря тѣмъ важнѣе для Университета, что нѣтъ въ виду, сколько мнѣ извѣстно, ни одного ученаго, который бы могъ заступить мѣсто Григоровича, между тѣмъ какъ послѣдній не имѣлъ здѣсь времени развить свое преподаваніе до той степени, чтобъ приготовить среди своихъ слушателей такого, который бы былъ въ состояніи изучать Словенскія нарѣчія безъ ближайшаго руководства".

XX.

Несчастіе, постигшее Бодянскаго, возбудило къ нему всеобщее сочувствіе. „Что это у васъ дѣлается?" спрашивалъ Хомяковъ у Погодина, изъ своего Богучарова,—Неужели правда, что Бодянскій переведенъ въ Казань? Если это правда, неужели это вамъ всѣмъ не стыдно? Если это только въ буду-

щемъ, то мнѣ кажется, и Шевыреву, и всѣмъ профессорамъ добропорядочнымъ слѣдуетъ отвратить это твердостью, сдѣлать изъ этого une question de cabinet? Вѣдь Бодянскій человѣкъ, котораго ни Университетъ, ни Историческое Общество замѣнить не могутъ". При этомъ до Хомякова дошелъ невѣрный слухъ, о которомъ онъ въ томъ же письмѣ писалъ Погодину: „Я слышу и очень радъ, что ты опять читаешь въ Университетѣ. Хорошее и желанное дѣло; но какъ же у васъ раздѣлилась съ Соловьевымъ Исторія? Или если оба читаете одно, то какъ съ нимъ ладите въ черезполосности? Боюсь я вашихъ раздоровъ. Усобицы на Руси радость для Татаръ и Нѣмцевъ". „Что у васъ новаго въ литературѣ и просвѣщеніи?" спрашивалъ М. А. Дмитріевъ того же Погодина, изъ своего отдаленнаго Богородскаго.—„А Бодянскаго, я слышалъ, уже не будетъ въ Университетѣ? А Общество Исторіи и Древностей подчинено цензурѣ? Жаль: это можетъ повредить ея успѣхамъ: цензура пожалуй и къ Нестору придерется" [88]).

Самъ же Бодянскій имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующія строки отъ своего земляка, съ Михайловой Горы: „Долго залежалось письмо ваше, любезный Осипъ Михайловичъ, разумѣется въ Золотоношѣ... наконецъ я его прочелъ — и сердцемъ сокрушился, зачѣмъ читать учился... Жалѣю сердечно о вашихъ *Чтеніяхъ*..., но вы успѣли уже ими составить себѣ навсегда памятникъ и много добраго запаса обнародовали для ученаго люда... Честь вамъ — слава за то! У меня съ появленіемъ духовныхъ стиховъ родилось какое-то предчувствіе не къ добру...*) Но извѣстите меня: quis, quid, quibus auxiliis... Прежде всякихъ работъ отдохните, любезный землякъ, по трудѣхъ веліихъ, отдохните здорово, какъ слѣдуетъ украинцу послѣ рабочей лѣтней поры отдыхать всю зиму, съ люлькою въ зубахъ" [89]).

Иныя чувства къ совершившемуся прискорбному событію

---

*) Здѣсь М. А. Максимовичъ разумѣетъ сборникъ древнихъ Русскихъ духовныхъ стиховъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ* Петромъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ, см. выше.

питалъ И. И. Давыдовъ и вотъ что̀ писалъ изъ Петербурга къ Погодину: „Наконецъ и послѣднія пакости злого кошемара прошли безвозвратно. Предсѣдатель Историческаго Общества догадался выйти изъ Общества и тѣмъ всѣхъ успокоить. Слава Богу! Теперь избирайте предсѣдателя, не начальника, при которомъ никто не смѣлъ говорить, а primum inter pares. Что касается до права цензуры, называемаго вами драгоцѣннымъ, въ этомъ съ вами нельзя согласиться. Вопервыхъ, Общество не имѣло никогда права цензуры, подобно Университетамъ, Педагогическому Институту, Академіямъ; а пользовалось этимъ правомъ more majorum ex usu. Поэтому Общество ничего не лишено, а ему указана только законная дорога къ цензурѣ. Вовторыхъ, право цензуры, еслибъ и принадлежало Обществу, нельзя назвать драгоцѣннымъ: скорѣе это опасное право, потому что все Общество всегда подвергалось бы отвѣтственности за одного предсѣдателя или секретаря. Положимъ, что цензура Общества вошла въ обычай: но прежній Предсѣдатель не умѣлъ уберечь этого обычая. Вотъ онъ и наказанъ. Такъ преслѣдуйте его за попраніе ногами той довѣренности, какую Общество ему предоставляло. По крайней мѣрѣ Общество этой мѣрою спасено. Секретарь переводится въ Казань, и это изъ различныхъ бѣдствій, ему угрожавшихъ, наименьшее. Вамъ за семьсотъ верстъ многое представляется не въ томъ видѣ, въ какомъ надобно разсматривать эти важные предметы. Благословляйте милосердіе Государя и снисходительность Министра“.

Въ томъ же письмѣ Давыдовъ между прочимъ писалъ: „За скудость мою на меня не сердитесь. Наслѣдства я не получалъ, пріисковъ золотыхъ у меня не бывало, за приданое я себя не продавалъ: откуда жь взять мнѣ? У меня каждый кусокъ хлѣба облитъ пбтомъ. Я *не прошу — и потому думаютъ, что я богатъ*. Вѣдь говорили же, что Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій сдѣлалъ меня своимъ наслѣдникомъ: что жь оказалось послѣ его смерти? Но это дѣло постороннее и къ Историческому Обществу не идетъ“.

Въ вышеприведенномъ письмѣ М. А. Максимовичъ спрашиваетъ Бодянскаго: „Кто теперь вмѣсто васъ и кто предсѣдателемъ?“ Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующая запись въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 27-мъ ноября 1848 года:

„Въ собраніе. Избрали Черткова и Бѣляева. Теперь пойдетъ хорошо“.

Изъ *Дневника* Погодина мы узнаемъ также, что собранія Общества происходили еще 3-го и 9-го ноября, на которыхъ присутствовали и прежній Предсѣдатель, и прежній Секретарь. Подъ 2-мъ ноября 1848 года Погодинъ записалъ: „Завтра собраніе Историческаго Общества. Предвижу волненіе въ крови и непріятности, а надо ѣхать“. И дѣйствительно въ этомъ собраніи произошло столкновеніе Шевырева съ графомъ Строгановымъ, о чемъ Погодинъ на другой же день записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Къ Шевыреву, и поѣхали къ Голохвастову за совѣтами. Строгановъ назвалъ дѣйствіе Министра *пристрастнымъ*. Шевыревъ вспылилъ и сказалъ ему такую жестокую рѣчь, что я испугался. Потомъ говорилъ я о мѣрахъ, какія принять надо на будущее время. Споръ съ Бодянскимъ, который не понимаетъ даже, что ему добра хотятъ. Совершенная скотина. Онъ въ Казань“.

Объ этомъ столкновеніи Погодинъ, по желанію Шевырева, увѣдомилъ И. И. Давыдова, который по этому поводу писалъ: „Нѣсколько словъ о пресловутомъ вашемъ засѣданіи, гдѣ Предсѣдатель позволилъ себѣ дерзость—назвать дѣйствія Верховнаго начальника *пристрастными*. Вы съ С. П. Шевыревымъ вступились и показали нелѣпость дерзости; но вѣдь вы дѣла не кончили юридически. Слѣдовало или настоять, чтобъ этотъ эпитетъ былъ записанъ въ протоколъ, или оставить засѣданіе. Но вы не сдѣлали ни того, ни другого, изъ чего жь хлопотали? Вотъ, до какой степени прежній Предсѣдатель, онъ же и Попечитель, убилъ самостоятельность и личность каждаго, что въ его присутствіи всѣ забывали драгоцѣнное право человѣчности“.

Въ засѣданіи, бывшемъ 9-го ноября 1848 года, Погодинъ прочелъ слѣдующую записку: „Во исполненіе опредѣленія Общества въ засѣданіи сего 3-го ноября честь имѣю представить свое мнѣніе о томъ, какія мѣры должно принять оно для охраненія своихъ изданій на будушее время отъ какихъ бы то ни было нареканій. Въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ оно должно усугубить свою осторожность. На одного сторонняго цензора положиться вполнѣ оно не можетъ, ибо по правиламъ цензуры за всякую статью отвѣчаетъ не только цензоръ, но и авторъ, и издатель. Предоставить изданіе гг. президенту и секретарю, какъ до сихъ поръ дѣлалось, нельзя, ибо отвѣтственность, которую торжественно принималъ на себя первый, не принесла Обществу никакой пользы. Г. Президентъ, одинъ, безъ вѣдома Общества, пропустилъ Флетчера, а наказаніе получило все Общество, лишась по Высочайшему повелѣнію драгоцѣннаго для себя права печатать безъ посторонней цензуры. Такъ точно и въ ученомъ отношеніи нельзя предоставить выбора статей одному г. секретарю. Вслѣдствіе чего имѣю честь предложить Обществу возвратиться къ прежнему порядку дѣйствій, то-есть, учредить комитетъ изъ трехъ членовъ, которые обязаны читать всѣ статьи, назначаемыя къ печатанію и представлять о нихъ свое мнѣніе Обществу, съ означеніемъ причинъ, почему однѣ могутъ, а другія не могутъ, отчасти или вполнѣ, быть напечатаны. Общество въ засѣданіяхъ своихъ будетъ изъявлять свое согласіе или несогласіе съ рѣшеніемъ комитета по большинству голосовъ, или по баллотировкѣ. Печатать въ такомъ огромномъ количествѣ считаю я также безвременнымъ и безцѣльнымъ. Общество надѣялось на экстраординарное пособіе, по обѣщанію г. Президента, но этого пособія до сихъ поръ еще не воспослѣдовало, и потому оно должно ограничить свою дѣятельность“.

Графъ С. С. Уваровъ остался очень доволенъ избраніемъ А. Д. Черткова въ предсѣдатели Общества. „Я“, писалъ онъ Погодину,—„одобряю выборъ А. Д. Черткова въ президенты

Общества, но представленія еще не получалъ; вообще письменная часть идетъ у васъ медленно. Археографическая Коммиссія издала нѣсколько любопытныхъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ для Исторіи. Еслибъ мое здоровье было получше, то общее движеніе дѣлъ разнаго рода было въ полной дѣятельности, но довольствоваться можно и тѣми явленіями, которыя доказываютъ, что духъ еще не угасъ, и что направленіе, данное по мѣрѣ и требованію обстоятельствъ, сохраняется. Затѣмъ, прощайте, любезный Михаилъ Петровичъ, бодрствуйте духомъ и тѣломъ, и ваши труды принесутъ несомнѣнную пользу къ успѣху и развитію нашей Исторіи. Сынъ вамъ усердно кланяется, тоже и Графиня". Въ томъ же письмѣ Уваровъ сообщаетъ Погодину, что „И. И. Давыдовъ получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени".

Страшный и холерою, и революціею 1848 годъ былъ для И. Д. Бѣляева лѣтомъ благопріятнымъ. Еще до избранія его въ секретари Общества Погодинъ писалъ Н. К. Калайдовичу: „Очистилось мѣсто совѣтника въ Вотчинномъ Архивѣ. Занять его желаетъ чиновникъ тамошній, старый кандидатъ его, Бѣляевъ, извѣстный изслѣдователь. Кого присовѣтуете вы попросить объ немъ: гг. Пинскаго, Топильскаго, Лебедева или графа А. Н. Панина. Черкните мнѣ два слова, любезный Николай Константиновичъ". На это Калайдовичъ отвѣчалъ: „Лебедевъ ничего не можетъ сдѣлать, ровно ничего; Топильскій не захочетъ, остаются Пинскій и графъ Александръ Никитичъ Панинъ. Если попросить того и другого, то можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, потому что подобными мѣстами не дорожатъ; только надобно поспѣшить, чтобъ предупредить конкурентовъ. Я съ своей стороны могу написать Правителю Канцеляріи" [90]). Кромѣ того, и самъ И. Д. Бѣляевъ писалъ А. Н. Попову: „Въ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ при Московскихъ департаментахъ Сената открылась вакансія совѣтника; должность эта, по многимъ причинамъ, мнѣ по сердцу особено потому, что я здѣсь могъ бы дѣйствовать свободно въ пользу науки; а документовъ въ

Архивѣ тьма, такъ что разработка ихъ и приведеніе въ извѣстность могутъ занять всю дѣятельность моей жизни. Необходимая для васъ разборка Патріаршаго и другихъ церковныхъ приказовъ была бы первою моею обязанностію и отвѣтомъ на ваше ходатайство передъ графомъ Д. Н. Блудовымъ о помѣщеніи меня на вакансію совѣтника при Архивѣ; о томъ также проситъ васъ М. П. Погодинъ" [91]). Желаніе И. Д. Бѣляева исполнилось, и 7-го сентября 1848 года А. Н. Поповъ извѣщалъ Погодина: „Графъ Панинъ далъ свое согласіе на опредѣленіе И. Д. Бѣляева совѣтникомъ" [92]).

18-го декабря 1848 года состоялось подъ предсѣдательствомъ А. Д. Черткова засѣданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и новый секретарь И. Д. Бѣляевъ жаловался Обществу на прежняго Секретаря, что послѣдній не сдаетъ „никакихъ дѣлъ и вещей по Обществу"; а библіотекарь В. М. Ундольскій жаловался на то, что „въ продолженіе текущаго года онъ не получалъ отъ прежняго Секретаря слѣдующихъ Библіотекѣ Общества поступившихъ въ оное книгъ и проч."

Въ томъ же засѣданіи П. М. Строевъ заявилъ: „Находясь въ Обществѣ дѣйствительнымъ членомъ съ 1823 года, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, я не могу болѣе участвовать въ засѣданіяхъ; а потому покорнѣйше прошу не считать меня членомъ и исключить изъ списка".

Между тѣмъ прежній другъ Бодянскаго, А. М. Кубаревъ, вотъ что писалъ о немъ Сахарову: „Какъ ни крѣпился, не могъ однакожь удержаться, чтобы не написать вамъ о послѣднихъ событіяхъ въ нашемъ Обществѣ. Неистовый Бодянскій привелъ въ такое замѣшательство дѣла Общества своимъ глупымъ журналомъ, что Общество не знаетъ гдѣ найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгіево стойло. Но этого мало. Онъ еще ругается надъ Обществомъ. Отъ него требуютъ отчета— не даетъ. И такъ отвѣчаетъ письменно. Требуютъ книгъ, которыхъ онъ набралъ нѣсколько десятковъ на имя Общества въ разныхъ общественныхъ мѣстахъ отвѣчаетъ: *не дамъ*.

Требуютъ оригиналовъ для продолженія печатанія многихъ начатыхъ пьесъ—отвѣчаетъ: *возвратилъ ихъ по принадлежности.* Можно ли удержать негодованіе при мысли, что такой уродъ позволяетъ себѣ такія дерзости? Что онъ глупъ и полуневѣжда, это я знаю давно и хвалилъ въ немъ только батырщество; но чтобы онъ былъ такъ подлъ—этого я не ожидалъ никогда. Взгляните на древніе акты имъ изданные—можно ли безъ скорби душевной видѣть ихъ такъ изуродованными отъ невѣжества издателя? Наконецъ, чѣмъ сдѣлались *Чтенія?* Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей или небылицъ хохлацкихъ! Такъ что самое доброе, что̀ есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль Министру очистить Университетъ, столицу и Общество отъ этой скверны. Теперь говорятъ, что графъ Строгановъ за него хлопочетъ. Очень жаль. Онъ не знаетъ, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ его ходатайства, и въ выборѣ людей не дѣлаетъ ему чести. Присоедините къ этому, что этотъ человѣкъ не только не знаетъ древне-Словенскаго языка—даже бывши за границею не выучился порядочно по-Польски. Присоедините хохлацкую грубость, упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое справедливо. Мнѣ жаль Черткова, который принялъ предсѣдательство въ такой запутанности дѣлъ, что хоть брось все. Къ чести его надо сказать, что онъ избранъ единодушно, даже членами Университета, хотя Попечитель тутъ же присутствовалъ. Прибавилъ бы я вамъ еще тысячу непристойностей Бодянскаго, но письмо будетъ тетрадью. Каковъ хохолъ“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что самъ Шафарикъ еще 5-го декабря 1848 года вотъ что писалъ Погодину: „На счетъ того, какъ Бодянскій издаетъ древніе Словенскіе памятники, безъ раздѣленія словъ, безъ знаковъ препинанія, въ сокращеніяхъ, это приводитъ меня въ отчаяніе; я могъ бы проливать кровавыя слезы, еслибы мои глаза не высохли уже почти отъ горя и скорби и досады. Ка-

кое безсмысліе, какое варварство въ 1847 г. Кто будетъ это читать, изучать, переваривать, ежели онъ имѣетъ хотя единую искру смысла и вкуса; въ старыхъ рукописяхъ я еще это переношу. Въ старое время это дѣлалось изъ нужды, не было типографій; но мы, мы это дѣлаемъ изъ глупости, тупоумія и предразсудковъ. Жаль денегъ, жаль бумаги! Это мертворожденный; это есть и останется дорогою роскошною оберточною бумагою. Неужели мы Словене будемъ вѣчно прозябать, какъ животные. Неужели въ нашихъ головахъ никогда не настанетъ разсвѣта? О Господи! помилуй насъ! Все это я вкратцѣ написалъ самому Бодянскому, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы между нами возникла бы ссора изъ-за этого, такъ какъ мнѣ извѣстна его самолюбивая и вспыльчивая натура, потому я васъ прошу объ этомъ не говорить и не распространяться, кромѣ вѣрныхъ друзей... Нельзя ли вамъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ, Дубенскимъ или Ундольскимъ и пр. сдѣлать маленькій опытъ, какъ слѣдуетъ печатать древне-Словенскіе памятники?“ [93])

Съ своей стороны и Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ за то же время не щадилъ бѣднаго Бодянскаго:

Подъ *18-мъ декабря 1848 г.* Гадости Бодянскаго. Странности Строева.

— *20* — — — Кубаревъ и Клевановъ о Бодянскомъ и историческихъ трудахъ. Что за гадкое созданіе. Но ввечеру получилъ извѣстіе, что онъ прослезился.

— *22* — — Бѣляевъ съ новыми гадостями о Бодянскомъ.

— *23* — — Бодянскій передъ нами уже разливается слезами, только что обругавши и оклеветавши всѣхъ насъ. Что за гадости.

Въ концѣ же концовъ Погодинъ писалъ Шевыреву: „Кубаревъ привезъ мнѣ извѣстіе, что Бодянскій обѣщался доставить всѣ требуемыя свѣдѣнія. Значитъ, съ нимъ произошелъ кризисъ, и онъ опомнился. Дай Богъ! Я просилъ Кубарева увѣрить его, что мы рады содѣйствовать ему въ чемъ только можно. А за три дня онъ точно буйствовалъ“.

Но скоро Погодинъ разочаровался и въ новомъ Предсѣдателѣ, и въ новомъ Секретарѣ. „Я“, писалъ онъ Шевыреву,— „ѣду обѣдать къ Черткову, чтобъ потолковать о дѣлахъ Историческаго Общества. Это не такъ просто, какъ онъ думаетъ. Надо издать книгу на славу, на свой счетъ, чтобъ показать, между прочимъ, дуракамъ, что и безъ графа Строганова... мы дѣло дѣлать можемъ“. Въ то же время Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдать къ Черткову, съ которымъ тоже мудрено сладить, ибо не растолкуешь“. Въ томъ же *Дневникѣ* мы находимъ и слѣдующую запись Погодина: „Съ Бѣляевымъ объ Обществѣ—и этотъ хочетъ по-своему“ [94]).

XXI.

29-го января 1849 года исполнилось шестьдесятъ шесть лѣтъ В. А. Жуковскому. „Уже два года какъ Россія“, писалъ Шевыревъ,—„готова праздновать пятидесятилѣтній юбилей его литературной дѣятельности, если считать ее съ того перваго стихотворенія, которое напечаталъ онъ въ 1797 году, въ *Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени*. Празднество совершилось бы, еслибы возвратился празднуемый въ Отечество. Но между тѣмъ недавно достойный другъ Жуковскаго, который по немъ представитель нашей Словесности, князь П. А. Вяземскій, праздновалъ у себя въ домѣ то торжество, котораго ждетъ и желаетъ Россія. Оно совершилось въ кругу друзей и близкихъ почитателей Жуковскаго. Намъ сообщены нѣкоторыя подробности объ этомъ праздникѣ отъ А. Я. Булгакова, которому передалъ ихъ очевидецъ П. П. Новосильцовъ. Князь Вяземскій одушевилъ этотъ вечеръ своими прекрасными стихами, въ которыхъ мыслію обозрѣлъ всю прекрасную жизнь Жуковскаго. Эти стихи прочитаны были графомъ Д. Н. Блудовымъ и сильно тронули всѣхъ. Затѣмъ собесѣдники и другъ поэта графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, котораго имя также любезно многимъ, своимъ одушевленнымъ голосомъ пропѣлъ куплеты, которыхъ слова при-

надлежатъ князю Вяземскому: Ты, Вьельгорскій! Влагой юга, кубокъ сѣверный напѣнь!..., а музыка самому пѣвцу. Хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ свѣтскаго общества сопровождалъ его. Не можемъ не упомянуть о томъ, что тутъ же раздавались голоса Львова и Глинки. Всѣ участвовавшіе въ этомъ вечерѣ исполнены были однихъ чувствъ: любви къ Жуковскому, желанія ему возвращенія на родину и здоровья его супругѣ, отъ чего зависитъ возвратъ его. Списокъ всѣхъ тѣхъ, которые приняли участіе въ этомъ праздникѣ, былъ немедленно написанъ ими и отправленъ къ Жуковскому“ [95]).

Въ изъявленіе „сердечнаго сочувствія и уваженія къ бывшему своему наставнику“ этотъ вечеръ князя Вяземскаго почтилъ своимъ присутствіемъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ“ [96]).

На этотъ прекрасный праздникъ князь П. А. Вяземскій пригласилъ и находившихся въ то время въ Петербургѣ Ю. Ѳ. Самарина и И. С. Аксакова. Не знаемъ, какъ отблагодарилъ за это вниманіе Самаринъ, что же касается Аксакова, то вотъ что онъ писалъ своему отцу (отъ 31-го января 1849 г.): „Въ субботу Самаринъ получилъ записку отъ Вяземскаго, гдѣ онъ приглашаетъ его и меня, хоть я у него и не былъ, къ себѣ на вечеръ для празднованія юбилея Жуковскаго по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Мы отправились и къ удивленію нашли почти всѣхъ въ бѣлыхъ галстухахъ и орденахъ: скоро узнали мы, что на этомъ вечерѣ будетъ Наслѣдникъ; тутъ было множество народу: былъ Киселевъ, Блудовъ и вообще цвѣтъ Петербургскихъ придворныхъ умовъ. Пріѣхалъ Наслѣдникъ, и Блудовъ прочиталъ стихи Вяземскаго, на сей случай написанные. Стихи очень плохи. Блудовъ читалъ ихъ, безпрестанно прикладывая лорнетъ къ глазамъ и тряся голосъ для эффекта. Еслибъ мнѣ не было противно и досадно, мнѣ было бы смѣшно. Да, я забылъ сказать, что все это началось пѣніемъ *Боже, Царя храни*; пѣли бывшіе тутъ артисты, Оболенскіе (Дмитрій и Родіонъ), Бартенева и нѣкоторыя другія дамы. Когда Блудовъ читалъ стихи,

то нѣкоторыя дамы прослезились, нѣсколько разъ раздавался ропотъ неудержимаго восторга изъ устъ этихъ чопорныхъ фигуръ въ бѣлыхъ галстухахъ; когда кончилось чтеніе, то послышались жаркія похвалы: c'est charmant, c'est sublime! Послѣ этого пропѣты были куплеты старикомъ Віельгорскимъ; послѣ каждаго куплета хоръ повторялъ refrain:

Нашъ привѣтъ ему отраденъ,
И отъ города Петра
Пусть домчится въ Баденъ-Баденъ
Наше Русское ура!

„Надо было видѣть, съ какимъ жаромъ эти бѣлые галстухи кричали: *наше Русское ура*... Послѣ этого поданъ былъ листъ бумаги, на которомъ всѣ посѣтители должны были написать свои имена, начиная съ Наслѣдника. Дѣлать нечего, и я вписалъ свое имя, только почти предпослѣднимъ. Наконецъ Великій Князь уѣхалъ, и тогда Глинка музыкантъ сталъ пѣть разные свои романсы... Это только меня и утѣшило. Предоставляю вамъ судить, что испыталъ и перечувствовалъ я въ первую половину вечера. Среди этого стараго общества я чувствовалъ себя новымъ человѣкомъ, совершенно ему чуждымъ; среди воздаяній этой старой Поэзіи во мнѣ пробуждалось сознаніе того новаго пути, по которому пошла моя стихотворная дѣятельность... Я рѣшительно не хотѣлъ сближаться съ этимъ обществомъ... Глинка, немножко подпивъ за ужиномъ, пѣлъ Испанскія мелодіи и свои сочиненія съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Это по истинѣ геніальный художникъ. Я познакомился съ нимъ и завтра читаю ему *Бродягу*... Вяземскій просилъ Самарина и меня написать объ этомъ вечерѣ статью и послать въ *Москвитянинъ*. Мы отказались подъ предлогомъ ссоры съ Погодинымъ. Онъ, конечно, понялъ, почему мы отказались и видимо огорчился. Впрочемъ, говорятъ, что оффиціальность вечера было не его дѣло, а сюрпризъ, сдѣланный ему его женою. Былъ тутъ и Ѳ. Н. Глинка".

Но это нисколько не помѣшало Аксакову вскорѣ послѣ того навѣстить князя Вяземскаго, и послѣдній „ни слова о

своемъ вечерѣ“, а только пригласилъ Аксакова прочесть у него *Бродягу* [97]).

Совершенно противоположное впечатлѣніе изъ этого вечера вынесъ Плетневъ, который (отъ 28-го февраля 1849 года) писалъ виновнику торжества: „Всѣ мы праздновали у Вяземскаго день вашего рожденія. Въ числѣ подписавшихся дамъ вы найдете подпись: *Александра Плетнева.* Это подпись моей жены, которая тутъ въ первый разъ письменно означила новую свою фамилію, чему очень радовалась... Такого прекраснаго праздника я не запомню. Всѣ одушевлены были однимъ чувствомъ—чистою, нѣжною любовью къ вамъ и благодарностью къ хозяевамъ. Притомъ это собраніе представляло цвѣтъ общества, вкуса и благородства“.

Праздникъ Жуковскаго совпалъ съ семейнымъ событіемъ Плетнева. Въ это время онъ вступилъ во второй бракъ съ княжною Александрою Васильевною Щетининою. „Принявши святое благословеніе ваше“, писалъ онъ Жуковскому (28-го февраля 1849 г.),—„я отпраздновалъ свою свадьбу 26-го января. Великій Князь Наслѣдникъ удостоилъ быть у меня отцомъ посаженымъ, а Балабина была посаженою матерью. Изъ начальниковъ я пригласилъ только Министра и Попечителя. Въ числѣ немногихъ гостей былъ князь П. А. Вяземскій съ Княгинею“ [98]). По поводу женитьбы Плетнева И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „У васъ женился Иноземцевъ на экономкѣ, а у насъ Плетневъ на княжнѣ. Знай нашихъ Тверитянъ“ [99]).

Возвращеніе Жуковскаго въ Отечество было искреннимъ желаніемъ всѣхъ его друзей и почитателей. „Обѣщаніе ваше“, писалъ ему Шевыревъ, — „подарить насъ всѣхъ свиданіемъ съ вами на слѣдующую весну очень утѣшительно. Будемъ молить Бога, чтобы сбылось оно. Присутствіе ваше здѣсь необходимо и для добра нашей Литературы. Вы поддержали бы въ молодомъ поколѣніи дѣятелей, которые хранятъ красоту слова и остаются вѣрны вашимъ преданіямъ. Нельзя утаить, что большая часть молодого поколѣнія идетъ не тою стезею. Это художники безъ *идеала.* Они

сами отъ него отрекаются, полагая его въ дѣйствительности. Грустное, отчаянное самоубійство искусства—вотъ что видно въ нихъ! Не знаю, какъ мы спасемся отъ этой бѣды и выйдемъ на настоящій путь. Всего болѣе огорчаетъ и поражаетъ меня ранняя гибель многихъ молодыхъ дарованій. Журнальная Сцилла и Харибда такъ скоро поглощаетъ ихъ и дѣлаетъ жертвами своего бумажнаго водоворота. Едва лишь появится молодой человѣкъ съ новою, свѣжею повѣстью, какъ въ ту же минуту какой-нибудь журналистъ вербуетъ его въ поставщики повѣстей, и все кончено“ [100]).

Гоголь же писалъ Жуковскому изъ Москвы: „Мнѣ все кажется, что хорошо бы тебѣ завести подмосковную. Въ деревнѣ подлѣ Москвы можно жить еще лучше, нежели въ Москвѣ, и еще уединеннѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Въ деревню никто не заглянетъ, и чѣмъ она ближе къ Москвѣ, тѣмъ меньше въ нее навѣдываются, — это уже такой обычай; такъ что представляются двѣ выгоды: отъ людей не убѣжалъ и въ то же время не торчишь у нихъ на глазахъ“ [101]).

Но къ сожалѣнію Жуковскому далѣе Варшавы не довелось быть въ Россіи. Родіоновъ писалъ Погодину: „Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что В. А. Жуковскій пріѣзжалъ въ Варшаву для свиданія съ Государемъ и получилъ снова отпускъ до весны. Рвется онъ домой; наскучила ему Германія“.

Съ своей стороны Погодинъ, желая принести дань своего уваженія Жуковскому, обратился къ А. П. Елагиной съ просьбою написать о Жуковскомъ въ *Москвитянинѣ*; но Елагина отклонила отъ себя это порученіе и писала Погодину (27-го февраля 1849 г.): „Благодарю васъ за письмо ваше, за извѣстія обо всѣхъ, за *Москвитянина* и даже за предложеніе написать о Жуковскомъ. Я сообщу это предложеніе сестрѣ Аннѣ Петровнѣ, можетъ быть, ей это будетъ по сердцу, а я покуда никуда еще не гожусь. Извините, не могу еще перебирать нашей жизни... Моя вся душа была связана съ его душею, мы любили одно и стремились вмѣстѣ. Просто не могу. Головныя боли еще къ тому же соединились, я насилу гляжу и движусь“.

Вскорѣ послѣ того Погодинъ получилъ статью подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о дѣтствѣ В. А. Жуковскаго* при слѣдующемъ письмѣ отъ А. П. Зонтагъ: „Узнавъ отъ Авдотьи Петровны, что вы желали бы имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтствѣ Василья Андреевича Жуковскаго, беру смѣлость доставить вамъ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Если вы найдете ихъ достойными быть помѣщенными въ *Москвитянинѣ*, то прошу васъ исправить слогъ, выраженія и все, что вамъ покажется нужнымъ, кромѣ фактовъ, совершенно справедливыхъ. Ихъ признаетъ такими и самъ Василій Андреевичъ. Прошу васъ также не угадывать имени автора, и если угадаете, то не выставлять его подъ статьею, ежели вы удостоите ее печати". Не смотря на это Погодинъ почему-то приписалъ эту статью А. П. Елагиной, которая по поводу этого ошибочнаго предположенія писала ему: „Статью о Жуковскомъ прислала не я, а знаменитая писательница для дѣтей Анна Зонтагъ, которая и обладаетъ Мишенскимъ. Досадно мнѣ, что вы приняли это за мой слогъ, я писала бы серьезнѣе: Жуковскій стоитъ того. — Домъ батюшки Петра Николаевича былъ въ Мертвомъ переулкѣ у Успенья на Могильцахъ и проданъ сестрою Анной Муханову Алексѣю Ильичу, которому и принадлежитъ доселѣ. Многое, многое объ моемъ Жуковскомъ хорошо бы разсказать вамъ, но мы дождемся его, и тогда, конечно, лучше можно написать его біографію съ его позволенія. А онъ въ маѣ будетъ въ Россію, въ іюнѣ, можетъ быть, въ Москвѣ. Не сѣтуйте на разногласіе въ дѣйствіяхъ; безъ единомыслія не можетъ быть согласія, а вѣдь мы для того должны *возлюбить другъ друга*. Гдѣ же это взять... Жуковскій въ Университетскомъ Пансіонѣ былъ друженъ съ Тургеневыми и знакомъ съ отцомъ ихъ; когда поѣхалъ въ 1815 году въ Петербургъ, то его тамъ знали по его посланію къ Императору Александру, и тотчасъ Тургеневъ и Блудовъ представили Государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. У меня есть о томъ письмо его. Карамзинъ женатъ былъ прежде на Протасовой и потому знакомъ со всѣмъ нашимъ домомъ. Но обо всѣхъ

этихъ подробностяхъ можетъ написать вамъ сестра, а я не прежде разскажу, какъ увидѣвшись съ Жуковскимъ, которому не желаю сдѣлать какую-нибудь непріятность“ [102]).

Какъ бы то ни было, но статья *Нѣсколько словъ о дѣтствѣ В. А. Жуковскаго* была напечатана въ *Москвитянинѣ*. Жуковскій, какъ извѣстно, родился въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города. Авторъ съ грустью въ заключеніе замѣчаетъ: „Его прекрасная родина—Мишенское опустѣло! Замолкъ веселый шумъ, строенья развалились, оранжереи исчезли, сады вымерзли, пруды высохли, и въ немъ стало бѣдно, пустынно и уныло! Когда-то какъ бы въ пророческомъ духѣ Жуковскій написалъ стихи къ запустѣвшей деревнѣ. Эти стихи никогда не были напечатаны и врядъ ли сохранились въ рукописи: они начинаются такъ:

О родина моя! О бурнъ благословенный!

„Ихъ очень можно примѣнить къ родинѣ В. А. Жуковскаго, гдѣ уцѣлѣлъ одинъ только Божій храмъ и стоитъ не измѣнившимся свидѣтелемъ прошедшаго времени“.

Шевырева поставило въ тупикъ слово *бурнъ* и за разъясненіемъ онъ обратился къ Погодину, который отвѣчалъ: „*О бурнъ благословенный*! Я не понимаю самъ, но въ подлинникѣ именно такъ“.

XXII.

Въ апрѣлѣ 1849 года Жуковскій завершилъ свой многолѣтній трудъ надъ переводомъ *Одиссеи*, начатый имъ въ 1842 году. Въ 1849 году въ *Москвитянинѣ* было заявлено: „Спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей, что *Одиссея* кончена переводомъ. Самому спокойному, мирному произведенію древней Поэзіи судьба привела быть переведеннымъ въ самое бурное изъ новѣйшихъ временъ и напечататься подъ громомъ пушекъ и при блескѣ сабель. Лавровый вѣнецъ Жуковскаго украшается свѣжими листьями, а бѣдная Русская Литература получаетъ драгоцѣнный подарокъ“ [103]).

Первая часть *Одиссеи* была получена въ Москвѣ еще въ концѣ 1848 года, и Погодинъ писалъ Шевыреву: „Сію минуту только чудакъ Гоголь сказалъ мнѣ, что получена *Одиссея.* Такъ хочется почитать что-нибудь успокоительное—изящное"; а подъ 18-мъ ноября 1848 г. Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Получилъ *Одиссею* отъ Жуковскаго и прочелъ первую пѣснь. Нѣтъ, это еще не просто! Предѣлы языка не раздвигаются". Прочитавъ вторую пѣснь, Погодинъ на другой же день записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Нѣтъ, я проще разскажу нашу Одиссею". И. И. Давыдовъ, не питавшій къ Жуковскому особеннаго сочувствія, по выходѣ первой части перевода *Одиссеи* писалъ Погодину: „Изъ перевода *Одиссеи* я разобралъ въ классѣ девятую рапсодію сравнительно съ подлинникомъ. Одинъ изъ студентовъ составляетъ изъ лекцій разборъ, который, можетъ быть, пришлю къ вамъ для *Москвитянина.* При Рафаелѣ никакая копія устоять не можетъ; лишь только копіи одна бываетъ лучше другой. Такъ и переводъ *Одиссеи* лучше перевода *Иліады*: вотъ что можно сказать". Такъ какъ Погодинъ намѣревался въ *Москвитянинѣ* напечатать разборъ Шевырева, то на это предложеніе Давыдова отвѣчалъ молчаніемъ; а потому И. И. Давыдовъ напечаталъ предложенное въ *Отечественныхъ Запискахъ* и по этому поводу писалъ Погодину: „Въ *Отечественныхъ Запискахъ* взгляните на разборъ, написанный студентомъ Главнаго Педагогическаго Института. Я готовилъ его для *Москвитянина* и писалъ вамъ объ этомъ; но вы ни слова на это не отвѣчали, полагаясь на разборъ С. П. Шевырева—и я уступилъ статью *Отечественнымъ Запискамъ.* Этотъ разборъ — результатъ лекцій, читанныхъ о Гомерѣ, а изложеніе принадлежитъ даровитому юному Русскому филологу" [104]). Въ статьѣ же своей *О назначеніи Русскихъ Университетовъ* И. И. Давыдовъ писалъ: „Какъ живописецъ изучаетъ Рафаеля, Рубенса, такъ филологъ сродняется съ Гомеромъ, Виргиліемъ на ихъ языкахъ; ему переводы Гнѣдича и Жуковскаго не могутъ замѣнить *Иліады* и *Одиссеи*..." [105]).

Какъ только вышла первая часть перевода *Одиссеи*, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Объ *Одиссеѣ*, вѣрно, будетъ у тебя нѣсколько статей. Она входила въ твои лекціи публичныя, да и вообще Жуковскій—поэтъ, ты—критикъ и долженъ сказать свое слово во всеуслышаніе для него и для насъ, и для Литературы".

Въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей, напечатанныхъ въ *Москвитянинѣ*, Шевыревъ оцѣнилъ высокое достоинство вдохновеннаго труда Жуковскаго и въ заключеніе замѣтилъ: „Дошедши до конца XII-й пѣсни, мы скажемъ, что желаніе наше прочесть вторую половину *Одиссеи* Жуковскаго можетъ равняться развѣ только другому желанію видѣть самаго переводчика среди нашей Москвы. Мы увѣрены, что онъ и самъ, разсказывая по Русски похожденія Греческаго героя, безпрерывно сочувствуетъ ему въ томъ главномъ стремленіи сердца, которое одушевляло всѣ его дѣйствія. Для поэта, окруженнаго со всѣхъ сторонъ чужбиною, родину и отечество составляетъ одно—языкъ, да еще тѣ задушевныя вѣрованія и убѣжденія, которыя на всякомъ пространствѣ соединяютъ его съ его народомъ и государствомъ. Для насъ, живущихъ здѣсь, есть еще возможность видѣть и чувствовать отчизну въ городѣ, гдѣ живешь, въ лицѣ народа, который насъ окружаетъ, въ его одеждѣ, въ природѣ нашей страны; для поэта же, разлученнаго съ отчизною, вся она сосредоточилась въ одномъ—въ языкѣ, который для него и земля, и народъ, и цвѣтъ неба, и бѣлизна снѣговъ, и шумъ рѣкъ, и раздолье полей нашего дивнаго отечества. Въ его стихахъ слышна его неизсякаемая любовь къ ней, гораздо болѣе, чѣмъ въ возгласахъ театральнаго патріотизма, который хотя и на родинѣ, но отдалился отъ нея и духомъ, и словомъ своимъ, и до того отказался отъ всего Русскаго, что не въ силахъ понимать прекраснаго языка Русской *Одиссеи*. Можно жить въ Германіи и носить въ себѣ родину въ убѣжденіяхъ своего ума и сердца, и въ языкѣ, какъ носитъ ее Жуковскій. Можно жить на родинѣ— и все-таки быть иностранцемъ и по образу мыслей, и по языку своему" [106]).

Само собою разумѣется, что разборъ Шевырева не понравился И. И. Давыдову, который писалъ Погодину: „Разборъ *Одиссеи* до сихъ поръ состоитъ изъ изложенія содержанія поэмы: кто этого не знаетъ? Желательно слышать сужденіе о переводѣ“. Въ другомъ письмѣ Давыдовъ замѣчалъ: „Въ критическихъ разборахъ много дѣльнаго, но недостаетъ силы, а напротивъ, въ нихъ замѣтна робость и captatio benevolentiae. Такъ въ разборѣ перевода *Одиссеи* рѣчь заведена съ яицъ Леды. Къ чему оно? Вѣдь всякій знаетъ о томъ, что̀ сдѣлано по части переводовъ Гомера иностранными; а надобно лучше сравнить хоть одну рапсодію съ подлинникомъ. Еще что̀ за различіе между возвращеніемъ наружнымъ и внутреннимъ? Вотъ уже умъ за разумъ зашелъ...“

Съ своей стороны и М. А. Дмитріевъ не оставилъ безъ вниманія разборъ Шевырева. „Разборъ *Одиссеи* прекрасно написанъ“, писалъ онъ Погодину,—„этого и должно было ожидать. Но жаль, что Степанъ Петровичъ, упоминая о всѣхъ Нѣмцахъ, писавшихъ объ Одиссеѣ, не сказалъ ни слова о Капнистѣ (человѣкъ не послѣдній въ нашей Литературѣ), который одинъ изъ Русскихъ написалъ и напечаталъ особую книжку о расположеніи пѣсенъ Одиссеи. Капнистъ, можетъ быть, ошибался въ своемъ предположеніи; но какой былъ прекрасный случай Русскому профессору поговорить о Русскомъ писателѣ, занимавшемся такимъ предметомъ. Я съ моей стороны въ восхищеніи отъ Жуковскаго *Одисссеи*. Что за свобода языка и что за ясность этого поэтическаго зеркала“ [107]).

Уединившійся отъ всѣхъ и отъ вся Гоголь писалъ Жуковскому: „Появленіе *Одиссеи* было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, не отемняющее головы... Но такихъ, увы! немного. Никакое время не было такъ бѣдно читателями хорошихъ книгъ, какъ наступившее. Шевыревъ пишетъ рецензію...., но никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе за чтеніе свѣтлое

и успокоивающее душу. Временами мнѣ кажется, что второй томъ *Мертвыхъ Душъ* могъ бы служить для Русскихъ читателей нѣкоторою ступенью къ чтенію Гомера. Временами находитъ такое желаніе прочесть изъ нихъ что-нибудь тебѣ, и кажется, что это прочтеніе освѣжило бы и подтолкнуло меня!...“ [108]).

Въ это время, въ *Allgemeine Zeitung*, Жуковскій напечаталъ, въ формѣ извлеченія изъ писемъ Русскаго на родину, статью подъ заглавіемъ: *Англійская и Русская политика.* Статью эту онъ прислалъ въ редакцію *Москвитянина* для перевода на Русскій языкъ. Желаніе Жуковскаго было исполнено Шевыревымъ. Какъ статью политическаго содержанія Московская цензура отправила ее на усмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры. „Думаю“, писалъ В. И. Назимовъ князю П. А. Ширинскому-Шихматову,—„что воспитатель Его Высочества Наслѣдника Цесаревича и вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ знаменитый поэтъ, котораго творенія проникнуты высокимъ нравственнымъ чувствомъ и благоговѣніемъ ко всему, чѣмъ велико и сильно наше отечество, не имѣетъ нужды предъ вашимъ сіятельствомъ въ моемъ ходатайствѣ за благонамѣренность его послѣдняго сочиненія“.

Вполнѣ соглашаясь съ В. И. Назимовымъ, князь Ширинскій въ своей всеподаннѣйшей докладной запискѣ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Статья (Жуковскаго) сама по себѣ есть краснорѣчивое и въ высшей степени благонамѣренное сочиненіе, исполненное преданности къ Престолу и любви къ Отечеству. Но какъ въ ней весьма съ невыгодной стороны представляется современная политика Англіи и порицаются въ сильныхъ выраженіяхъ дѣйствія лорда Пальмерстона, то Главное Управленіе Цензуры и не можетъ дозволить печатанія означенной статьи безъ Высочайшаго разрѣшенія. Какъ по этому уваженію, такъ и по содержанію сочиненія *Англійская и Русская Политика*, заслуживающаго вниманія Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше представляя оное на Высочайшее благоусмотрѣніе, имѣю счастіе испрашивать повелѣнія“.

На этой запискѣ Императоръ Николай I, въ Петергофѣ 2-го іюня 1850 года, начерталъ: *Не должно печатать.*

Это глубоко огорчило и оскорбило Жуковскаго. „То, что вы пишете о цензурѣ“, писалъ онъ Плетневу,—„дѣйствуетъ на душу, какъ удушье на горло, не потому, что оно касается до меня лично, а потому, что это есть общее бѣдствіе“.

„Отъ воспоминаній радости“, писалъ Плетневъ Жуковскому,—„мелькнувшей такъ свѣтло и благодатно въ домѣ Вяземскихъ, я съ разорваннымъ сердцемъ долженъ перейти къ свѣжему событію, горестному, къ потерѣ невозвратимой: сегодня (28-го февраля 1849 г.) похоронили ихъ послѣднюю дочь — Валуеву. Она скончалась скоропостижно. Болѣзнь ея называютъ сухою холерою. Бѣдный нашъ другъ Вяземскій! Его вторая половина жизни вся наполнена одними лишеніями и горестями. И какъ они передѣлали его. Это не прежній весельчакъ: это задумчивый философъ, тихій христіанинъ, меланхолическій затворникъ. Если когда-нибудь Богу угодно будетъ, чтобы мы трое сошлись кончать дни наши вблизи другъ друга, о, я увѣренъ, что это было бы самое ровное, самое тихое и небесамъ самое угодное общество“ [109]).

Для исцѣленія своей страждущей души князь П. А. Вяземскій предпринялъ путешествіе ко Святому Гробу. „Когда приближаешься уже къ концу земного поприща“, пишетъ нашъ паломникъ,—„и имѣешь въ виду неминуемое путешествіе въ страну отцовъ, всякое путешествіе, если предпринимаешь его не съ какою-нибудь спеціальною цѣлью въ пользу науки, есть одно удовлетвореніе суетной прихоти, безплоднаго любопытства. Одно только путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ можетъ служить исключеніемъ изъ этого правила, Іерусалимъ—какъ бы станція на пути къ великому ночлегу. Это—приготовительный обрядъ къ торжественному переселенію. Тутъ запасаешься не пустыми свѣдѣніями, которыя ни на что не пригодятся намъ за гробомъ, но укрѣпляешь, растворяешь душу напутственными впечатлѣніями и чувствами, которыя могутъ, если Богъ благословитъ, пригодиться и тамъ, и во

всякомъ случаѣ нѣсколько очистить насъ здѣсь. Какъ поживешь въ Святомъ Градѣ, проникнешься убѣжденіемъ, что судьбы его не исполнились. Тишина въ немъ царствующая—не тишина смерти, а торжественная тишина ожиданія. Въ молодости моей, когда я былъ независимѣе и свободнѣе, путешествіе какъ-то никогда не входило въ число моихъ преднамѣреній и ожиданій. Я слишкомъ безпечно былъ поглощаемъ суетами настоящаго и окружающаго меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу, и съ той поры смерть запечатлѣла каждое мое путешествіе. Въ первый разъ собрался я за границу, по предложенію Карамзина, ѣхать съ нимъ; но кончина его (1826 г.) разсѣяла это предположеніе до приведенія его въ дѣйствіе. Послѣ болѣзнь Пашеньки заставила насъ ѣхать за границу. Ея смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествіе. Второе путешествіе мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840). Смерть Машеньки была точкою исхода моего третьяго путешествія. Такимъ образомъ четыре могилы служатъ памятниками первыхъ несбывшихся сборовъ и трехъ совершившихся путешествій моихъ. Не взмой меня волна несчастій, я, вѣроятно, никогда не тронулся бы съ мѣста. Вѣроятно, путешествія мои, всегда отмѣченныя смертью, кончатся путешествіемъ ко Святому Гробу, который примиряетъ со всѣми другими гробами. Такъ быть слѣдовало" [110]).

Въ концѣ мая князь П. А. Вяземскій прибылъ въ Москву. Подъ 28-мъ мая 1849 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ Вяземскій. Говорилъ съ нимъ о новыхъ обстоятельствахъ и очень былъ тронутъ его горестію. Это прекрасный, добрый и благородный человѣкъ". Вскорѣ послѣ этого свиданія князь Вяземскій писалъ Погодину: „Я сегодня вечеромъ дома, пріѣзжайте ко мнѣ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, часу въ десятомъ. Послѣ завтра думаю отправиться въ далекій путь... Богъ вѣдаетъ когда опять встрѣтимся" [111]).

5-го іюня 1849 года Погодинъ вмѣстѣ съ Гоголемъ отправились къ князю Вяземскому въ Остафьево. Подъ этимъ числомъ

въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Къ Вяземскому въ Остафьево, по Серпуховской знакомой дорогѣ, по которой ѣздилъ съ такимъ бьющимся сердцемъ. Съ Гоголемъ о Европѣ, о Россіи, правительствѣ. Это шоссе, напримѣръ, проведено прямо, стоило дорого, но ѣздить нельзя: усыпано хрящемъ, что и колеса, и копыта испортились. Всѣ ѣздятъ и мучатся и проселками, а за шоссе все-таки платятъ Клейнмихелю. Вяземскій очень радъ. Гуляли. О Карамзинѣ, о крестьянахъ, о Петрѣ Великомъ, литературѣ и пр. Съ Всеволожскимъ. Обѣдали у Окуловыхъ".

Разставшись съ своими гостями, князь П. А. Вяземскій предпринялъ путешествіе на Востокъ. Графиня Е. П. Ростопчина напутствовала его прекраснымъ стихотвореніемъ:

Молитвы даръ—даръ чудный, даръ безцѣнный,
Замѣнъ всѣхъ непрочныхъ благъ земныхъ.
Блаженъ, кто молится въ минуту счастья...
. . . .
Блаженъ, кто молится, въ тоскѣ и мукѣ..
Подъ ношею тяжелаго креста,
Кто горемъ посѣщенъ, возноситъ къ небу руки,
Твердя: Ты святъ, Господь, и власть Твоя свята!

17-го іюня 1849 года князь П. А. Вяземскій былъ уже въ Одессѣ. „Утѣшаемся тѣмъ", повѣствуетъ Одесскій Лѣтописецъ,—„что обыкновенныя жары наши въ это время года были смягчены часто перепадавшими дождями и не были слишкомъ отяготительны для нашего драгоцѣннаго сѣвернаго гостя. Притомъ живя въ Лондонской гостинницѣ, онъ могъ вдоволь насладиться тѣмъ, чѣмъ Одесса наиболѣе щеголяетъ: это бульваръ съ его видомъ на море. Князь съ супругою прожили въ нашемъ городѣ до 30-го іюня. Въ это время поѣздки за городъ и посѣщенія знакомыхъ и почитателей его содѣлали, смѣемъ надѣяться, пребываніе его въ нашемъ городѣ по крайней мѣрѣ не скучнымъ. Между тѣмъ приближавшійся день Апостоловъ Петра и Павла подалъ ближайшій поводъ почитателямъ его дарованій дать въ честь Князя и супруги его обѣдъ. Отонъ по прежнему явился съ своими

услугами. Въ обѣдѣ этомъ принялъ участіе находящійся здѣсь графъ А. Н. Панинъ съ супругою. За шампанскимъ Князь выразилъ свою благодарность собесѣдникамъ за внимательный пріемъ въ Одессѣ. Находившійся тутъ же профессоръ Зеленецкій обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Позвольте, Князь, увѣрить васъ, отъ лица всѣхъ трудящихся здѣсь на поприщѣ отечественной Литературы и всей Одесской публики, что и въ нашемъ городѣ, также какъ и въ Петербургѣ, Москвѣ и во всѣхъ отдаленныхъ частяхъ Россіи, умѣютъ цѣнить и уважать заслуги людей, дѣятельностью своею приносящихъ честь и славу имени Русскому. Ваше литературное поприще, ваши труды и занятія драгоцѣнны для насъ. Мы не можемъ не сочувствовать, вмѣстѣ съ другими нашими соотечественниками, тѣмъ чувствамъ, думамъ и мечтамъ, тѣмъ благороднымъ выраженіямъ ума свѣтскаго, чисто Русскаго, которыя въ произведеніяхъ вашихъ питаютъ душу каждаго, кто дорожитъ родиной и ея завѣтнымъ бытомъ въ кругу нашей жизни. Эти чувства, думы и мечты близки къ нашему сердцу. Они даютъ намъ право просить васъ, даже, простите порывъ убѣжденія и чувства,—требовать отъ васъ *полнаго изданія вашихъ сочиненій*, которыя безспорно доставили вамъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ Исторіи нашей Литературы. Это изданіе, совокупивъ въ одно цѣлое многочисленныя произведенія пера вашего, коими современныя изданія наши обогащались еще до эпохи 1812 года, вполнѣ упрочитъ ихъ извѣстность въ отечественной публикѣ, по праву займетъ одну изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ Русской библіографіи и узаконитъ тѣ надежды, которыя всѣ мы, ваши искренніе почитатели, питаемъ, ожидая отъ трудовъ вашихъ, вашей вполнѣ національной музы новыхъ произведеній на пользу и отраду всего пишущаго и читающаго міра нашего, на вашу собственную честь и славу“. Князь Петръ Андреевичъ принялъ съ живымъ участіемъ этотъ голосъ многочисленныхъ цѣнителей своего пера и обѣщалъ удовлетворить ихъ желаніямъ. Съ своей стороны прибавимъ мы, что изданіе это, особенно въ настоящую,

скудную дарованіями, эпоху Литературы нашей, принесетъ много пользы родному слову. Послѣ обѣда присоединился и Одесскій градоначальникъ А. И. Казначеевъ. Тутъ бесѣда оживилась воспоминаніями о славныхъ дняхъ 1812 года; говорили о настоящемъ времени, столь бѣдственномъ для Западной Европы и долженствующемъ возвеличить Россію, спокойную, счастливую у себя, подъ десницею великаго Монарха; приводили на память подвиги ея царей, полководцевъ и градоправителей. Бесѣда длилась до послѣдняго времени".

День святого равноапостольнаго князя Владиміра князь П. А. Вяземскій праздновалъ на берегахъ Босфора на именинахъ нашего посланника В. П. Титова.

Предъ минаретами Пророка....

Отъ 2-го октября нашъ Паломникъ писалъ оттуда же Д. П. Северину: „Смерть милой дочери забросила насъ сюда къ сыну, который здѣсь женился и счастливъ съ доброю, прекрасною и достойною женою, а теперь и съ дочкою, которую на дняхъ даровалъ имъ Богъ. Благодаримъ Бога за его счастіе, но новыя семейныя радости не залечиваютъ прежнихъ сердечныхъ ранъ. Мы думали провести здѣсь зиму, но теперь не знаемъ, какъ рѣшатъ обстоятельства. Сиръ Стратфортъ Каннингъ своими происками можетъ быть выживетъ насъ отсюда и прежде" [112]).

XXIII.

Вопреки утвержденію Шевырева, „время зимнихъ удовольствій" обѣихъ столицъ въ 1849 году было далеко не скудно. Въ Петербургѣ они даже перешли въ крайность, о чемъ свидѣтельствуетъ одно имѣющееся у насъ письмо Шевырева къ Погодину.

Въ Москвѣ же въ ту зиму, въ домѣ Генералъ-Губернатора, былъ знаменитый маскарадъ, который произвелъ сильное впечатлѣніе. „Если ты хочешь быть современнымъ", писалъ 4-го января 1849 года Шевыревъ Погодину, — „то я совѣтую

тебѣ велѣть немедленно перевести съ Англійскаго статью о костюмѣ временъ Елисаветы и увеселеніяхъ ея двора... Пришли ко мнѣ переводчика... Теперь объ этомъ только и толкуютъ въ обществѣ, и ты уже знаешь, что готовится маскарадъ къ пріѣзду Государя".

Душою и распорядительницею этого маскарада была графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская. Она учредила цѣлый комитетъ. 6-го января 1849 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Учреждается комитетъ, въ который ты приглашенъ отъ графини Закревской. Лужинъ имъ предсѣдательствуетъ. Члены: Чертковъ, Загоскинъ, ты, Вельтманъ, Добровольскій, Рамазановъ, Рабусъ. Завтра, въ пятницу, *въ часъ*, первое засѣданіе. Послѣ завтра поѣдемъ всѣ къ Графинѣ". Въ другомъ письмѣ отъ 11-го января Шевыревъ писалъ Погодину: „Ты обѣщалъ достать рисунокъ Польскаго женскаго костюма, но въ письмахъ Шереметева этого нѣтъ, также и на картинкѣ, а между тѣмъ я съ твоихъ словъ обѣщалъ одной хорошенькой дамѣ этотъ рисунокъ и введу ее въ обманъ. Такъ сдѣлай же милость, доставь рисунокъ, коль обѣщался. Неужели нѣтъ у тебя портрета Марины или другой какой полячки?" [113]).

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого комитета былъ Погодинъ. Онъ написалъ чуть не цѣлый трактатъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о значеніи Русской одежды въ сравненіи съ Европейской.* „Разсмотрите Русскую одежду", пишетъ онъ, — „съ какой вамъ угодно стороны. Начнемъ, напримѣръ, со стороны *значенія смысла характерности.* Не сознаетесь ли вы, что нарядъ дѣвицы, женщины, юноши, пожилого человѣка рѣзко, явственно у насъ отличается, и что съ перваго взгляда всѣхъ ихъ распознать легко? Сколько невинности, скромности, кротости, граціи выражается одеждой дѣвичьей! А красота во второмъ своемъ фазѣ, красота замужней женщины, со всѣми ея прелестными формами, какъ выгодно выставляется въ Русскомъ, особенномъ ея убранствѣ! Отвагу, энергію, живость юноши, какъ характеризуетъ этотъ легкій, коротенькій зипунъ, съ узкими рукавами, при откры-

той шеѣ! Сколько важности, степенности, величія въ одѣяніи старческомъ! У Европейцевъ этихъ различій не существуетъ: одинакой фракъ и одинакое круглое платье для всѣхъ возрастовъ.

„Итакъ, Русская одежда *умнѣе,* — вотъ первое наше заключеніе.

„Теперь скажемъ объ ней нѣсколько словъ въ отношеніи къ ея улучшеніямъ, въ ея будущности. Она можетъ украшаться, измѣняться, совершенствоваться до безконечности, оставаясь однакоже собою. Вопервыхъ, вы можете употреблять на нее какія угодно матеріи—бумажныя, шерстяныя, шелковыя, бархатъ, парчу; вовторыхъ, вы можете пользоваться всѣми цвѣтами, отъ небесной лазури до полевой зелени. Вы можете строчить, вышивать ее всякими шерстями, шелками, серебромъ, золотомъ; объ узорахъ, разводахъ и говорить нечего, на рукавахъ, на полахъ, по краямъ, на сколько станетъ воображенія. Напомнимъ ихъ древнія имена по *Выходамъ Царскимъ* Строева: городы, деревца, копыты, короны, косы, кречатье перо, круги, кубы, кустики, листы, лучи, люди, облачка, птички, репьи, рѣки, струи, травы, цвѣты, челночки, черенки, чешуя, шахматы и проч. А какъ легко и удобно употребить здѣсь кисти, бахрамы, каймы, галуны, позументы, блестки, запонки, пуговицы. Въ моемъ Музеѣ есть до ста древнихъ формъ пуговицъ, а новое искусство увеличитъ ихъ легко до тысячи. Что можно сдѣлать съ кушаками и поясами, съ ихъ длиною, шириною, концами, узлами, петлями. Все сказанное относится одинаково къ сарафану и къ кафтану.

„А что сдѣлаете вы изъ фрака? Какъ ни ломаютъ себѣ голову наши заморскіе артисты и артистки,—и поуже, и пошире, и покороче, и подлиннѣе,—нѣтъ, не выходитъ ничего, кромѣ такой нелѣпой, мизерабильной фигуры, для которой есть слова и клейма только у Гоголя.

„Итакъ, Русская одежда способнѣе *для украшеній и улучшеній,*—вотъ второе наше заключеніе.

„Вмѣсто доказательствъ о *разнообразіи* довольно мнѣ исчислить, хотя вкратцѣ, наши названія: Кафтаны, однорядки, плащи, епанчи, платна, опашни, ферязи, полушубки, зипуны, полукафтанья, поддѣвки, сарафаны, тѣлогрѣйки, шубки, шубейки, душегрѣйки, и пр. и пр.

„О *живописности*—спросите у художниковъ, какъ они мучатся, когда имъ надо бываетъ писать картину, или, еще болѣе, ваять статую въ Европейской одеждѣ, къ какимъ хитростямъ прибѣгаютъ, чтобъ какъ-нибудь пособить ея безобразію! Попытайтесь вообразить себѣ статую, напримѣръ, во фракѣ. И тутъ уже отвѣчаютъ за все про-все Греки, которые даже нашему Нижегородскому посадскому человѣку Минину удѣлили тогу изъ своихъ запасныхъ магазиновъ, хоть его кафтановъ, вѣроятно, досталось въ роду поколѣнія на три.

„Итакъ, Русская одежда *разнообразнѣе и живописнѣе* Европейской, наше третье и четвертое заключеніе.

„А соотвѣтствуетъ ли Русская одежда климату—это одно изъ важнѣйшихъ условій одежды?

„На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ вамъ сперва нашъ франтъ, который въ 30 градусовъ мороза развозитъ визиты въ круглой шелковой шляпѣ,—наша модная дѣвица, которая, опасаясь измять свою прическу или наколку, ѣдетъ пять верстъ на балъ съ непокрытой почти головой,—и нашъ бѣдный мальчикъ, который съ голой шеей гуляетъ, плача отъ стужи, по Тверскому бульвару, въ сопровожденіи Французскаго гувернера, укутаннаго въ енотовую шубу. Спросите ихъ по совѣсти, какъ они довольны Европейской одеждой.

„А соотвѣтствуетъ ли Русская одежда Русскому характеру? Обратимся опять къ фраку, этой курткѣ съ фалдами, этой одеждѣ Европейскаго пролетарія par excellence, — гдѣ все такъ узко, такъ тѣсно, такъ коротко, обтянуто и натянуто. Такъ и кажется, что ее выдумалъ голодный сынъ Германіи, предчувствуя свою нужду, чтобы не истратить ни одного лишняго вершка и не продѣть ни одного лишняго шва.

„Итакъ, Русская одежда гораздо *соотвѣтственнѣе* Евро-

пейской Русскому *климату* и Русскому *характеру.* Вотъ наше пятое и шестое заключеніе. Говорить ли объ ея приличіи? Надѣюсь, всѣ согласятся со мною, что Русская одежда соотвѣтствуетъ всѣмъ правиламъ и требованіямъ благопристойности, а Европейская такова, что даже и разсуждать объ ней въ этомъ отношеніи *неприлично*" [114]).

Статья эта произвела впечатлѣніе, и нѣкто написалъ Погодину пространное и оригинальное письмо, въ которомъ по поводу одежды умудрился коснуться табели о рангахъ.

„Съ удовольствіемъ", пишетъ этотъ странный корреспондентъ, — „прочелъ я въ *Москвитянинѣ* ваши *Нѣсколько словъ о значеніи Русской одежды въ сравненіи съ Европейской*..... Нельзя не отдать справедливости вашимъ патріотическимъ чувствамъ; да и вообще все, что̀ вы успѣли написать въ свой вѣкъ, весьма близко къ Русскому сердцу. За всѣмъ тѣмъ вы смотрите слишкомъ односторонне на вашъ предметъ и берете только одну внѣшнюю сторону. Неужели въ самомъ дѣлѣ, мы будемъ умнѣе, образованнѣе, честнѣе и дѣльнѣе, если бросимъ фракъ и надѣнемъ старый Русскій зипунъ? Вамъ, какъ прямо Русскому человѣку, который съ бо̀льшимъ правомъ, нежели покойный Полевой, могъ бы сказать про себя, что *Русь* его *знаетъ*..., вамъ, какъ журналисту и патріоту, слѣдовало бы вооружаться противъ тѣхъ предразсудковъ и язвъ нашего общественнаго быта, которыя суть не внѣшнее, а дѣйствительное, коренное зло нашей жизни, отъ которыхъ въ нашемъ Русскомъ Царствѣ гніетъ все... умъ, дарованіе, самые добрые нравы и даже терпитъ физическое благосостояніе и всѣ успѣхи гражданственности...

„Позвольте объясниться. Напримѣръ: *Чины.* Что такое они значатъ въ нашемъ вѣкѣ? Петръ Великій, можетъ статься, имѣлъ разумныя причины выдумать свою табель о рангахъ; и я не поспорю, что въ *свое* время эта табель была одною изъ пружинъ, двигавшихъ нашихъ предковъ впередъ, но теперь? Теперь это зло самой первостепенной важности, которое на всѣхъ путяхъ нашей гражданской жизни есть помѣха

величайшая всему хорошему. Въ самомъ дѣлѣ, почему у насъ такъ мало въ обществѣ образованныхъ людей, такъ мало ученыхъ, людей спеціальныхъ и пр. и пр.? Потому что у насъ учатся ради одного экзамена, а объ экзаменѣ хлопочутъ ради привилегіи на чины, — и коль скоро привилегія въ рукахъ, прощай ученіе, все забыто! Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, продолжать совершенствовать себя умственно, когда есть другая дорога на право уваженія въ обществѣ, *чины*, и дорога чѣмъ дальше, тѣмъ легче; такъ что тайному совѣтнику можно быть глупѣе осла, и лишь бы только онъ умѣлъ играть въ карты, онъ будетъ уваженъ и почтенъ вездѣ въ Русскомъ Царствѣ, а дѣйствительному тайному совѣтнику можно обойтиться и вовсе безъ ума... Вы скажете, что чины даютъ за заслуги, нѣтъ! ихъ высиживаютъ долголѣтнею службою, для которой, право, не многое нужно. Скажите, не есть ли это язва? И какъ винить молодыхъ людей, что въ восемнадцать лѣтъ каждый изъ нихъ бросаетъ ученіе; и потому у насъ вездѣ, куда ни оглянись, скороспѣлка, недопеченный калачъ, недозрѣлая ягода! Посмотрите на этотъ предметъ съ другой точки. Какъ бы у насъ, въ Россіи, ни былъ уменъ, ученъ молодой человѣкъ, хоть будь онъ семи пядей во лбу, онъ всѣ лучшіе годы своей службы и своей жизни, когда у него всѣ силы души и ума въ полномъ цвѣтѣ — долженъ быть подъ началомъ и указкой какихъ-нибудь отжившихъ свой вѣкъ стариковъ, тупыхъ, отсталыхъ, а часто и просто глупыхъ... Что же выходитъ изъ этого: отечество теряетъ, можетъ статься, геніальнаго человѣка, вспомните, что̀ былъ Питтъ или Бонапартъ въ двадцать пять лѣтъ ихъ возраста, а *старыхъ* начальниковъ, которые подъ шестьдесятъ лѣтъ потеряли уже и бодрость, свѣжесть ума, и дѣятельность съ крѣпостію силъ, водятъ за носъ и обманываютъ всячески секретари, правители канцеляріи, дѣлопроизводители и пр. и пр., отсюда происходятъ всѣ взятки, подкупы и всѣ мошенничества, которыми такъ *богата* наша Русская служебная дѣятельность... Есть одно словцо, которымъ вашъ Московскій вельможа князь Сергій Михайловичъ Голи-

цынъ сдѣлался у насъ въ степныхъ мѣстахъ, за семьсотъ верстъ отъ Москвы, народнымъ человѣкомъ; можетъ статься, это словцо и выдумано и вовсе имъ не говорено; по крайней мѣрѣ ему оное приписываютъ. Разсказываютъ, что̀ будучи теперь членомъ Государственнаго Совѣта, онъ никогда не былъ и не хотѣлъ быть сенаторомъ, потому-де, какъ выразился онъ, что это не Правительствующій, а .... Сенатъ... За это словцо князя Сергія Михаиловича очень полюбилъ Русскій народъ... Изъ этого факта вы можете видѣть, что не лестную репутацію пріобрѣлъ себѣ Сенатъ въ общественномъ мнѣніи—а отчего? потому что большею частію сенаторы—или люди крѣпко уже пожилые, или сѣвшіе на эти мѣста по порядку и степенямъ службы,—тянулись, тянулись и наконецъ чрезъ долгую службу дотянулись до сенаторскихъ креслъ, *устали*..., и оберъ-секретари съ секретарями тому и рады. Можно ли въ силу нашего государственнаго чиноположенія молодому человѣку въ двадцать лѣтъ быть сенаторомъ? Нѣтъ; прежде пятидесяти лѣтъ *никакъ* нельзя... Это въ своемъ родѣ Китай въ Европѣ. Дѣйствительно, ежели у насъ нѣтъ положительно узаконяемыхъ десяти тысячъ Китайскихъ церемоній, то онѣ какъ бы подразумѣваются въ нашемъ обществѣ. Скверно и даже до возмущенія духа мерзко смотрѣть на наше общество, напримѣръ, въ Петербургѣ, особенно въ Петербургѣ. Гордый, чувствующій свое достоинство молодой человѣкъ плюнетъ, взглянувъ на это общество, и уйдетъ—уйдетъ и изъ службы, и изъ Петербурга, къ намъ въ степь, въ деревню. Что̀ за униженіе, низкопоклонство, подтакиваніе, что̀ за тенеты на умъ и на всякое свободное выраженіе мысли! а отъ чего? Оттого, что тамъ, куды ни оглянись, торчитъ тайный или дѣйствительный тайный совѣтникъ, при которыхъ никакъ нельзя человѣку въ двадцать лѣтъ, хотя бы титулярному совѣтнику, *смѣть свое сужденіе имѣть*. Отъ этого и народный характеръ портится; является лицемѣріе духа и Китайскіе поклоны... И посмотрите, какъ эта *чиновность*, на гибель нашего общественнаго быта, отражается своимъ вліяніемъ во

всѣхъ случаяхъ. Пойдетъ ли дѣйствительный тайный совѣтникъ у насъ на выборахъ, напримѣръ, въ уѣздные судьи?? Какъ можно! вся табель о рангахъ рухнетъ и рушится! А между тѣмъ замѣтьте, что уѣздный судья или исправникъ важнѣе своимъ вліяніемъ на благосостояніе, счастіе и благоденствіе своего округа, важнѣе, нежели четверо членовъ Государственнаго Совѣта вмѣстѣ взятыхъ! Я это говорю безъ увеличиванія; въ этихъ людяхъ фундаментъ всякаго суда и распорядка въ Государствѣ; этими людьми правительство прикасается къ народу, и ежели эти люди худы, то плохо прививаются и всѣ добрыя мѣры правительства... Я, право, не понимаю, что̀ мѣшаетъ правительству нашему завтра же отмѣнить всякое приложеніе *табели о рангахъ*, хотя по крайней мѣрѣ въ отношеніи дворянскихъ выборовъ... А это узаконеніе, внесенное даже и въ *Сводъ Законовъ*, чтобы въ общественныхъ собраніяхъ и даже въ *Церкви* чинъ стоялъ предъ чиномъ впереди, подъ опасеніемъ за нарушеніе штрафа въ приказѣ? А эти правила *чиновности*, что даже и порохъ изъ казенныхъ погребовъ не иначе продается какъ по *чинамъ*, одному поменьше, другому побольше? А это вліяніе чиноположенія, что будь вы хорошій *механикъ*, *архитекторъ*, *землемѣръ*, *гидравликъ*, какого бы то ни было спеціальнаго дѣла *мастеръ*,—но ежели вы не болѣе какъ коллежскій регистраторъ, то вы вездѣ послѣдняя спица въ колесницѣ, и явись онъ, хоть бы, напримѣръ, къ вашему графу Арсенію Андреевичу Закревскому съ просьбою, то простоитъ въ пріемной полчаса, тогда какъ тайному совѣтнику тотчасъ раскрываютъ двери, хоть въ сущности этотъ регистраторъ вдесятеро полезнѣе членъ общества, нежели тайный совѣтникъ. За то у этого свое павлинье перо на головѣ... Не отъ этого ли и наше купечество вытягиваетъ своихъ дѣтокъ въ чины? и оттого наше коммерческое сословіе лишь только тамъ процвѣтаетъ, гдѣ оно, то-есть, купечество, деретъ на копѣйку рубль барыша: все, что̀ немного получше духомъ и въ этомъ сословіи, лѣзетъ въ чиновничество... Чины стали язвой“ [115]).

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что отвѣтилъ Погодинъ на это неожиданное письмо, заставившее насъ нѣсколько уклониться отъ описанія блистательнаго маскарада, который состоялся въ домѣ Московскаго Генералъ-Губернатора.

XXIV.

Наступило 9-е февраля, день маскарада. Наканунѣ Шевыревъ писалъ Погодину: „Если получилъ билетъ въ маскарадъ, то пріѣзжай ко мнѣ ранѣе. Надобно въ 9 часовъ быть тамъ“ [115]).

Краснорѣчивымъ описателемъ этого праздника явился Шевыревъ. „Время зимнихъ удовольствій столицы, довольно *скудныхъ* въ этомъ году, подъ конецъ оживилось, и всѣ они какъ будто сосредоточились въ одномъ великолѣпномъ чудномъ праздникѣ, которому Московское Общество было изумленнымъ свидѣтелемъ, въ ночь съ 9-го на 10-е февраля, въ домѣ у его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго. Праздникъ и своею прекрасною мыслію, и художественнымъ характеромъ, и совершенною удачею исполненія привелъ всѣхъ его видѣвшихъ въ единодушный восторгъ... Лѣтописи Московской пріятно сохранить память объ этой свѣтлой минутѣ, тѣмъ болѣе, что она вся проникнута была живою мыслію... Въ наше время“, продолжаетъ Шевыревъ, „въ образованной Европѣ есть два великія государства, которыя могутъ понимать другъ друга въ своей непоколебимой и самостоятельной народности. Они оба остаются вѣрны мудрымъ началамъ своего политическаго устройства, оба вѣрятъ въ успѣхъ человѣческаго образованія и никакъ не думаютъ, чтобы можно было его достигнуть путемъ насилія, безначалія и крови. Оба, въ большинствѣ массы народа, уважаютъ свою исторію, свои отечественныя преданія, свою вѣру, законы, нравы и обычаи. Оба равно огромны и какъ будто раздѣлили между собою планету на сушѣ и на водахъ: одна царица твердой земли, другая царица моря. Эти государства—Россія и Англія. Прекрасно было въ праздникѣ осуществить эту мысль, представить ее въ живыхъ образахъ...

Для того, чтобы изобразить Англію, выбранъ былъ дворъ Елисаветы, какъ представилъ его Вальтеръ-Скоттъ въ своемъ *Кенильвортскомъ замкѣ.* Россія же была олицетворена во всемъ величіи и красотѣ своихъ древне-Русскихъ и теперешнихъ народныхъ одеждъ, во всемъ разнообразіи ихъ по мѣстностямъ, областямъ и племенамъ. Русское шествіе представляло намеки на Исторію и Географію Россіи, на движеніе столицъ и присоединеніе княжествъ, городовъ, царствъ, на все многовѣковое возрастаніе исполинскаго народа и государства".

Въ виду возбужденныхъ толковъ объ этомъ праздникѣ Шевыревъ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Москва всегда подавала примѣръ благотворительности. Ея милостыня не оскудѣваетъ... Москвѣ, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживилась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили въ дѣятельность. Заработная плата умножалась. Портные и другіе ремесленники не находили времени. Около богатѣющаго купца, около довольнаго ремесленника сытнѣе былъ и бѣдный. Признано экономами за лучшее средство благотворенія народу и обществу возбуждать трудъ, дѣятельность, давать поводъ къ работѣ. Всякое сильное движеніе въ торговлѣ обращается въ пользу всѣмъ и дойдетъ непремѣнно до тѣхъ, которые нуждаются. Но какъ же обществу не подвергаться осужденіямъ за стремленіе къ удовольствіямъ, когда оно подвергается ему даже и за стремленіе къ благотворительности". Вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ сохранилъ и списокъ лицъ, которыя участвовали въ этомъ праздникѣ: *Дворъ королевы Елисаветы*: князь А. Ѳ. Волконскій, А. П. Мартынова, Е. А. Акинфова, Е. А. Дашкова, княгиня Е. С. Мещерская, М. А. Ребиндеръ, княгиня Е. Н. Абамеликъ, Е. А. Васильчикова, Е. А. Дюклу, княгиня А. А. Долгорукая, Н. Я. Теплова, Е. И. Болдырева, Н. И. Писарева, Е. К. Сафонова, С. И. Рахманова, Е. А. Хлопова, князь А. Д. Абамеликъ, князь В. А. Волконскій, баронъ А. П. Боде, А. Н. Даниловъ, П. П. Базилевскій, князь М. Б. Черкасскій, Н. Н. Волковъ, Н. С. Римскій-Корсаковъ, А. М. Салтыковъ,

И. С. Пашковъ, А. Д. Столыпинъ, Н. Н. Боборыкинъ, Н. Д. Масловъ, А. Д. Шелиховъ, Л. Н. Волковъ, П. А. Хлоповъ, П. А. Козлова, Н. Н. Пушкина, Ѳ. М. Савина, А. И. Аникѣева, С. В. Ладомiрская, Е. А. Черткова, Н. А. Ивинская, Н. Н. Васильчикова, А. П. Небольсина, Т. Г. Орфано, Е. Д. Хрущова, В. А. Богдановская, княгиня М. А. Львова, Л. Н. Ховрина, П. В. Зубкова, М. А. Хлопова, С. А. Олсуфьева, княгиня А. В. Голицина, А. А. Турчаниновъ, Б. М. Маркевичъ, И. В. Кошелевъ, П. А. Жихаревъ, В. Ѳ. Самаринъ, Г. А. Чертковъ, А. А. Дурново, Н. А. Жихаревъ, В. А. Вонлярлярскiй, П. А. Скуратовъ, Н. А. Денисьевъ, В. В. Зубковъ, князь А. А. Салтыковъ, А. Ѳ. Панютинъ, князь М. М. Долгорукiй, А. Н. Тиньковъ, В. А. Олсуфьевъ, Н. А. Бахметевъ. Пажи: В. И. и Л. И. Лужины, А. С. Мельгуновъ, князья Г. О. и П. О. Грузинскiе. *Королева Елисавета и графъ Лейчестеръ*: графиня Н. А. Орлова-Денисова и князь В. Б. Четвертинскiй. *Свита Королевы*: С. М. Сухотинъ (Сюссексъ), Н. П. Ермоловъ (Ралей), Н. А. Назимова, М. А. Талызина, С. А. Пономарева, Н. К. Аверкiева, графиня В. П. Толстая, баронесса М. Л. Боде, Е. П. Ермолова, М. А. и О. А. Могилевскiя.

„*Порядокъ, въ какомъ слѣдовали лица, представлявшiя столицы, города, области и народы Русской Имперiи.* Двое рындъ: А. А. Кирѣевъ и А. С. Кирѣевскiй. *Добрыня*: И. М. Дашковъ. *Двое княжескихъ отроковъ*: князь П. О. Грузинскiй и Н. С. Киселевъ. *Кiевъ*: С. Н. Казакова, М. А. Писаревъ. *Владимiръ*: княгиня Н. В. Оболенская и М. А. Волковъ. *Москва*: княгиня С. В. Мещерская и графъ А. Ѳ. Ростопчинъ. *С.-Петербургъ*: графиня Л. А. Нессельродъ и С. К. Нарышкинъ. *Новгородъ*: А. И. Пашкова, В. К. Рѣшетовъ. *Псковъ*: Е. Д. Хрущова и М. А. Квацинскiй. *Смоленскъ*: М. А. Лачинова и Н. А. Мамоновъ. *Ярославль*: Е. Ф. Денисьева и И. М. Мацневъ. *Рязань*: баронесса М. Ѳ. Розенъ и князь М. Б. Черкасскiй. *Курскъ*: Е. Н. Хитрово и К. Н. Хитрово. *Тверь*: В. Н. Берингъ и Н. Н. Гордѣевъ. *Кострома*:

М. Д. Черевина и А. Ѳ. Ладыженскій. *Нижній Новгородъ*: княжна Е. С. Горчакова и П. А. Коробьинъ. *Архангельскъ:* П. Н. Рахманова и Ѳ. П. Корниловъ. *Казанское Царство*: княжна Л. Н. Гагарина и Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ. *Астраханское Царство*: княгиня А. Н. Гагарина и П. С. Киселевъ. *Тула*: Н. К. Сафонова и князь С. П. Вадбольскій. *Калуга*: М. А. Новосильцова и князь Е. О. Грузинскій. *Орелъ*: Е. С. Стрекалова и Н. Ѳ. Крузе. *Воронежъ*: С. В. Толстая и С. С. Смирновъ. *Симбирскъ*: С. П. Бестужева и О. Д. Шеппингъ. *Саратовъ*: княжна Е. Н. Голицина и В. Г. Высотскій. *Пенза:* А. П. Демидова и И. А. Веловзоръ. *Тамбовъ*: княгиня А. Д. Оболенская и В. Б. Казаковъ. *Новочеркасскъ*: княжна В. И. Грузинская и князь В. Н. Гагаринъ. *Полтава*: княжна П. Д. Хилкова и С. И. Деспотъ - Зеновичъ. *Харьковъ*: Л. А. Хрущова и Д. Н. Батюшковъ. *Остзейскія губерніи*: Л. И. Тарасенко-Отрѣшковъ. *Эсты*: Е. Г. Гежелинская и Н. С. Кологривовъ. *Витебскъ*: княжна В. Д. Хилкова и И. А. Мамоновъ. *Крымъ*: Ю. Д. Давыдовъ и В. Д. Шлыковъ. *Польша*: княгиня Н. Б. Шаховская и князь С. А. Оболенскій. *Грузія*: А. А. Калачова и В. В. Калачовъ. *Имеретія*: Е. П. Безобразова и С. Н. Мыкыртычьянцъ. *Мингрелія*: М. М. Міансаріанъ. *Карабахъ* и *Ширванъ*: княгиня О. Н. Четвертинская и С. П. Сушковъ. *Финляндія*: княжна О. С. Горчакова и А. В. Панинъ. *Шемаха*: княжна Е. Н. Трубецкая и Н. Ѳ. Самаринъ. *Дербентъ*: А. С. Цурикова и Ѳ. В. Алябьевъ. *Ермакъ*: А. Е. Мерлинъ“.

О представителяхъ Петербурга графини Лидіи Арсеніевнѣ Нессельродъ (рожденной Закревской) и С. К. Нарышкинѣ Шевыревъ замѣтилъ: „Блестящій городъ Невы выпалъ на долю той, которая сама, во всемъ блескѣ весенней юности, только что прилетѣла оттуда въ нѣжныя объятія нетерпѣливыхъ родителей. Все на ней было пышно, свѣжо, блистательно, но все на гостьѣ Москвы принимало уже Русскій характеръ. Это былъ какой-то переходъ отъ Русской одежды къ западной. Лицомъ бояринъ былъ молодъ, какъ столица, которую онъ

представлялъ. Отсутствіе бороды имѣло также значеніе. Имя напоминаетъ славный родъ въ женскомъ колѣнѣ того, кѣмъ основана наша юная столица. Но отчего же Петербургъ явился у насъ въ древне-Русской одеждѣ? Отчего не въ Нѣмецкомъ кафтанѣ начала XVIII вѣка? Оттого, что мы въ Москвѣ любимъ знать и видѣть его какъ Русскій городъ; оттого, что онъ намъ приходится по сердцу по мѣрѣ того, какъ самъ русѣетъ и сближается съ жизнію Россіи; оттого, что хотя мы и называемъ его иностраннымъ именемъ, а признаемъ Петровымъ городомъ".

На Погодина маскарадъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе. „Русскіе костюмы восхитительны", отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ: „Никогда Русская одежда, мужская и женская, не являлась въ такомъ блистательномъ, великолѣпномъ, изящномъ видѣ, какъ 9-го февраля на вечерѣ у графа А. А. Закревскаго. Въ рисункахъ Солнцева, Каменскаго, Чернецовыхъ, Свиньина и другихъ нашихъ путешественниковъ - художниковъ нельзя было не любоваться ею, но восхититься можно было только тогда, какъ Русскій духъ *въ очью совершился*, какъ нарядились по-Русски наши красныя дѣвицы, наши добрые молодцы, какъ явились передъ нашими глазами въ дѣдовскихъ кафтанахъ степенные бояре и величавыя боярыни. Что за прелесть, что за пышность, что за разнообразіе, что за красота, что за поэзія! Въ какой прахъ падаютъ, какому справедливому презрѣнію подвергаются предъ нею всѣ Европейскіе костюмы, древніе, средніе и новые, даже до послѣдняго ихъ явленія — самаго моднаго фрака, сшитаго на Кузнецкомъ мосту, „Нѣмецкимъ портнымъ изъ Петербурга", какъ хвастаютъ Московскія вывѣски...

„Глядя на Русскую одежду, всѣ гости графа А. А. Закревскаго", продолжалъ Погодинъ, „убѣдились осязательно въ ея преимуществѣ и достоинствѣ предъ Европейскою, отдавая впрочемъ полную справедливость великолѣпію, искусству, роскоши и всѣмъ украшеніямъ Англійскихъ костюмовъ на балѣ Елизаветиномъ. За то вѣрно и сама гордая королева Англіи,

взглянувъ духомъ изъ Исторіи, была очень довольна этимъ праздникомъ, и подумала про себя: ахъ, какъ я была хороша! Въ такомъ пріятномъ расположеніи духа она, безъ сомнѣнія, примирилась съ новыми своими знакомцами изъ *Московскаго Государства*, о которыхъ нагородилъ-было ей всякаго вздора опрометчивый и желчный ея посланникъ Флетчеръ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ обращаетъ вниманіе читателей, и еще болѣе читательницъ, на то, что „Русская одежда *возвышаетъ, увеличиваетъ красоту*, а Европейская ее уменьшаетъ и скрадываетъ. А что̀ сказать о внутреннемъ народномъ чувствѣ, этой тайной симпатіи, которая хранится въ глубинѣ души всякаго Русскаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ онѣмеченъ, офранцуженъ или англизированъ, и которая пробудилась теперь во всѣхъ такъ сильно и радостно, при видѣ славныхъ и добрыхъ предковъ? Ходя по обширнымъ заламъ и видя передъ собою Добрыню Никитича, Ермака Тимоѳеевича, Московскаго рынду, сокольничаго, удалыхъ рослыхъ Варяговъ, какъ описываютъ ихъ Арабскіе писатели, мы встрѣчались какъ будто съ старыми своими знакомыми, родными, и Исторія оживала передъ нами въ лицахъ; такъ и хотѣлось толковать о вчерашней потѣхѣ съ сокольничимъ, который держалъ своего сокола по уставу: „честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно, къ вѣдѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей", или спросить рынду: „а въ какой церкви изволитъ царь Алексѣй Михайловичъ слушать нынѣ заутреню: у Похвалы Пресвятой Богородицы или у Спаса за Золотой Рѣшеткой?" Погодинъ простираетъ свои желанія далѣе: „Что еслибы еще когда-нибудь, въ подобномъ обществѣ раздались звуки родной Русской пѣсни, которая захватываетъ за сердце еще глубже! Что еслибъ вмѣсто кадрили заплелся плетень или закружился хороводъ, и какая-нибудь красавица выступила павою, и поднявъ правую руку, подпираясь лѣвою, стала манить къ себѣ суженаго! Вѣдь у всѣхъ забилось бы сердце, всѣмъ стало веселѣе и радостнѣе, не смотря ни на какое различіе мнѣній — такъ отчего же мы не хотимъ ве-

селиться и сами себя произвольно обрекаемъ на Европейскую скуку и монотонность? Зачѣмъ мы, здоровые, напрашиваемся въ чахотку, и хотимъ чваниться худобою, когда намъ Богъ далъ столько хлѣба-соли?"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ, что „Европейскіе рауты, балы и маскарады лишились всей своей прелести: они обветшали со многими другими учрежденіями, и жизни въ нихъ не осталось; они снизошли на степень театральныхъ спектаклей, и все общество, особенно высшее, раздѣлилось только на актеровъ и зрителей. Одни собираются смотрѣть, другіе показываться, а общаго участья, и слѣдовательно, общаго веселья, жизни, тамъ уже нѣтъ и быть не можетъ. Искусство съ своимъ лицемѣріемъ взяло верхъ; если есть еще гдѣ природа съ своей искренностью, то это у Словенъ. Въ запрошломъ году я былъ на одномъ большомъ празднествѣ въ Бѣлградѣ, столицѣ Сербіи, гдѣ присутствовали владѣтельный Князь, его семейство, всѣ его министры и высшіе сановники... Послышались звуки національной музыки..., въ ту же минуту первые двое, которымъ случилось стоять рядомъ и услышать музыку, хватаютъ другъ друга за руку и начинаютъ пляску, *коло.* А музыка между тѣмъ раздается громче и громче, быстрѣе и быстрѣе, она уже гремитъ, движеніе увеличивается. Вылетаетъ красавица, молодецъ; или выступаетъ почтенный старецъ, беретъ крайняго или крайнюю за руку, и начинаетъ *водить коло.* При мнѣ явился другъ Симичь, президентъ Совѣта Министровъ, весь серебряный, еще рослѣе и массивнѣе нашего Ермолова, который дрался, можетъ быть, въ девяносто девяти сраженіяхъ, считаетъ ранъ больше, чѣмъ волосъ, который пережилъ пять революцій, котораго знаетъ всякой сербъ, и которому всякой кланяется... зажегшись огнемъ молодости, онъ *повелъ коло*..., а потомъ, чрезъ нѣсколько времени, другая знаменитость, Петроніевичь, который слыветъ Сербскимъ Талейраномъ,—можете себѣ представить, какой тутъ разливается восторгъ! *Для исторической вѣрности* замѣчу впрочемъ: и въ патріархальную, въ нѣко-

торыхъ отношеніяхъ даже дикую, Сербію начинаетъ прокрадываться западная цивилизація, тлетворной своей стороной, чрезъ Австрійскую границу. Когда я вошелъ въ залу, тамъ раздавался Нѣмецкій вальсъ, и черноволосыя, чернобровыя Сербянки кружились съ пограничными офицерами. Я подошелъ, не помню къ Вучичу или къ Симичу и сказалъ ему: Что еслибъ блаженный царь Лазарь *) всталъ изъ своего гроба въ Раваницѣ и вдругъ явился здѣсь? Что̀ сказалъ бы онъ, услышавъ такую вражью музыку?—„Коло, коло", закричалъ старикъ,—и началась эта живая, веселая, національная пляска. Затѣмъ, возвратясь на Тверскую, Погодинъ писалъ: „*Для той же исторической вѣрности* замѣчу, что и на вечерѣ у графа А. А. Закревскаго Французскій языкъ, вдругъ раздававшійся изъ устъ какой-нибудь прелестной, кровь съ молокомъ, Русской дѣвушки, съ заплетенными косами, въ лентахъ и кружевахъ, или пышной, великолѣпной боярыни въ золотомъ повойникѣ, разрушалъ иногда, ненавистный, мое очарованіе". Свою статью Погодинъ заключаетъ такъ: „Да, у насъ есть все свое—прекрасное, высокое, удивительное, чудесное, душевное, сердечное, чего нѣтъ нигдѣ, или что̀ уже на Западѣ устарѣло, или ослабѣло, замерло.—Я сказалъ нѣсколько словъ выше о Русскомъ чтеніи, о Русскомъ пѣніи, о Русской живописи, о Русскомъ зодчествѣ: мы имѣемъ и должны имѣть свою музыку, свою поэзію, свою философію, потому что мы народъ древній, самобытный, своеобразный, потому что Богъ далъ намъ такой языкъ, какого не имѣетъ никто, потому что Онъ велъ насъ по какому-то особому пути, котораго мы разобрать еще не можемъ, потому что у насъ была своя особая исторія. Почему же мы не пользуемся до сихъ поръ всѣми своими сокровищами? Потому что мы все еще гоняемся за чужими Европейскими призраками, за Нѣмецкими привидѣніями, за Французскими блудящими огнями, за Италіанской фатой-морганой, за Англійскими причудами,

*) Послѣдній Сербскій царь, разбитый Турками въ сраженіи на Косовомъ полѣ, 1389 года, послѣ котораго Сербія подпала игу Турокъ.

однимъ словомъ, потому что мы не знаемъ еще самихъ себя. Господи! при наступленіи Великаго поста, произнесемъ сердечную молитву: Даруй намъ зрѣти наши прегрѣшенія" [116]).

И самый маскарадъ, и статьи о немъ возбудили желчь въ Аксаковыхъ. Изъ Петербурга И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Замѣтили вы въ статьѣ Шевырева слово о благотворительности, о пользѣ роскоши и расточительности? И какой вздоръ все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она не производительна и расточаетъ капиталы, которые дѣйствуя, какъ капиталы, въ тысячу разъ полезнѣе, нежели въ безконечно маломъ раздробленіи. По крайней мѣрѣ такъ учила меня Политическая Экономія. И для каждой пары нашелъ онъ приличную похвалу и не скажетъ никогда: Петербургъ, а всегда—Сѣверная Пальмира, Невская столица. Что за отвратительный сиропъ. Мнѣ было просто весело перейти къ топорной рубкѣ Погодина. Э, скверно! И какой-нибудь маскарадъ—вотъ все проявленіе общественной публичной жизни, наполнившее собою всю зиму! Надобно имѣть или непонятную мудрость, или тайное равнодушіе сердца, чтобы довольствоваться какою-нибудь малою толикою проявившагося здѣсь движенія мысли, чтобъ довольствоваться и быть довольну, то-есть, спокойну!" Все это показалось Аксакову „такъ скверно, такъ грустно", что ему непреодолимо захотѣлось изъ Петербурга „опять въ даль, въ даль, подъ это чудное, южное, темно-синее небо, которое", писалъ онъ своему отцу,—„вышибло у меня слезы, когда я впервые увидалъ его подъ Николаевымъ; чуть здѣсь заиграетъ солнце и начинается оттепель, уже меня такъ и подмываетъ... Какъ мнѣ хотѣлось бы провести лѣто гдѣ-нибудь въ Малороссіи, на хуторѣ!" На это С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну 18-го марта 1849 г.: „Ступай въ Малороссію, подъ ея прекрасное небо, въ ея роскошную природу. Мнѣ сладко было твое увлеченіе, Константинъ взбѣсился отъ него, а Хомяковъ и Гоголь умерли-было со смѣху подъ гнѣвомъ Константина" [117]). Но С. Т. Аксаковъ главнымъ образомъ нападалъ на Шевырева, а не на

самый маскарадъ. „Русское платье“, писалъ онъ,—„на бывшемъ маскарадѣ убило наповалъ всѣ другіе костюмы. Повѣришь ли ты, Иванъ, что ругательство, какъ говорятъ иные, надъ Русскимъ платьемъ, какъ костюмъ въ маскарадѣ, произвело на общество самое благопріятное дѣйствіе, и что послѣдствія его будутъ полезны“. Переходя же къ Шевыреву, С. Т. Аксаковъ писалъ: „Шевыревъ получилъ въ подарокъ отъ графини Закревской богатую палку... Давно и молча ожидаемый маскарадъ долженъ сегодня совершиться. Завтра Шевыревъ изъ костюмера превратится въ писаку и, какъ достойный наслѣдникъ Шаликова, стоя на колѣняхъ предъ свѣтской пустошью, опишетъ великое событіе, обмакивая перо въ сладкое чувство умиленія... Боже мой! Этотъ же самый Шевыревъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ живыхъ и свѣжихъ стихахъ высказалъ все то о Шаликовѣ, что̀ я теперь говорю о немъ самомъ!.. *Грустно, господа, жить на свѣтѣ*... Шевыревъ на верху блаженства. Статья его понравилась у васъ: онъ шелъ свѣтелъ, какъ мѣдный грошъ! Отвратительное созданье! Онъ ругаетъ Константина самымъ неблагонамѣреннымъ образомъ. Если Погодинъ и хуже его, то все онъ для меня сноснѣе, какъ человѣкъ умный“.

XXV.

Въ это время на горизонтѣ Московскаго большого свѣта появился графъ В. А. Сологубъ съ своею драмою *Мѣстничество*, которая была напечатана въ *Литературномъ Сборникѣ съ иллюстраціями*, изданномъ редакціею *Современника* въ 1849 году. Драму свою графъ Сологубъ прочелъ въ домѣ тетки своей Александры Ивановны Васильчиковой. Не будучи самъ на чтеніи, но по слухамъ С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну: „Читалъ Сологубъ у Васильчиковыхъ свою драму при многочисленной публикѣ. Константинъ не поѣхалъ, ибо оставилъ Васильчиковыхъ совсѣмъ. Всѣ люди, сколько-нибудь понимающіе какое-нибудь литературное достоинство драматиче-

скаго произведенія, находятъ, что драма Соллогуба—нелѣпость во всѣхъ отношеніяхъ. Гоголь и Загоскинъ не поѣхали даже слушать" [118]).

Но присутствовавшій при чтеніи драмы Хомяковъ отозвался объ этомъ произведеніи болѣе снисходительно. Вотъ что писалъ онъ Ю. Ѳ. Самарину (отъ 1-го марта 1849 г.): „Чтеніе драмы графа Соллогуба было не безъ успѣха; конецъ не годится никуда. Система ложная, но разговоръ живъ во многихъ мѣстахъ и вѣренъ. Скажу съ Аксаковымъ, что талантъ явенъ, но убитъ пустотою Петербургской жизни. Отъ этого у него раскольники жалкіе и смѣшные пискуны: здѣсь они не таковы, а у Соллогуба они списаны съ Петербургскихъ мѣнялъ-скопцовъ" [119]).

На это чтеніе приглашенъ былъ и Погодинъ, который подъ 13-мъ февраля 1849 года записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Щербатову. Къ Васильчиковой, которая обласкала. Соллогубъ". Въ *Москвитянинѣ* же по поводу этой драмы Погодинъ замѣтилъ слѣдующее: „Изящная Словесность наша обращается болѣе и болѣе къ старинѣ, а Исторія, занятая слишкомъ долго глубокою древностью, не приготовила еще, не очистила для нея матеріаловъ, такъ что самые простые вопросы не могутъ быть иногда рѣшены безъ предварительныхъ справокъ, если не изслѣдованій. Недавно спросили меня въ обществѣ, по поводу новой драмы графа Соллогуба, бывали ль у насъ прежде неровные браки (mesalliances). Вдругъ я могъ отвѣчать только, что вѣроятно они не считались унизительными, потому что у насъ особенно по мужѣ жена, а не мужъ по женѣ; потому что самые цари вступали въ бракъ всегда съ дѣвицами не изъ знатныхъ, первыхъ родовъ, а наоборотъ. Начнемъ съ послѣдняго: Петръ женатъ былъ на Лопухиной. Ѳедоръ на Грушецкой и потомъ на Апраксиной. Царь Алексѣй Михайловичъ на Милославской и потомъ на Нарышкиной, прежде хотѣлъ взять Всеволожскую. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ на Стрѣшневой, а прежде хотѣлъ взять Хлопову. О Шуйскомъ и Самозванцѣ говорить нечего. Ѳедоръ Ивановичъ женатъ былъ на Годуновой. Между женами

Грознаго была одна, купеческаго рода, Мелентьева. Василій Ивановичъ женатъ былъ на Сабуровой (это знатный тогда родъ) и потомъ на иноплеменницѣ Глинской. Только первый нашъ Иванъ Васильевичъ женатъ былъ на Тверской княжнѣ и потомъ на Греческой царевнѣ, да Иванъ Алексѣевичъ на Салтыковой. Перебирая послѣ въ памяти браки частныхъ людей, я вспомнилъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго (брата царева) и Бориса Ѳедоровича Годунова, женатыхъ на дочеряхъ Малюты Скуратова, который былъ только временщикомъ при Грозномъ, да одного Романова, женатаго на Шестовой".

Этотъ вопросъ навелъ Погодина на размышленіе объ источникахъ Русской Исторіи. „Лѣтописи", пишетъ онъ, — „теперь намъ всѣ болѣе или менѣе извѣстны. Оффиціальныхъ документовъ множество. Духовное и церковное управленіе также богато источниками. Теперь чередъ до частной жизни, о коей до сихъ поръ мы должны были довольствоваться извѣстіями иностранцевъ. Гдѣ же брать свѣдѣнія объ ней? Въ фамильныхъ архивахъ, или, лучше, въ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ сундукахъ съ старыми бумагами, по древнимъ боярскимъ селамъ, кои теперь часто находятся у пятыхъ и десятыхъ владѣтелей. Ни объ одномъ родѣ я не слыхивалъ, чтобъ онъ берегъ и хранилъ документы, до него относящіеся, что̀ въ чужихъ краяхъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, даже Франціи, считается самою священной обязанностію. На этихъ шпаргалахъ основывается аристократическая гордость. У насъ ея нѣтъ и не бывало, и уже слишкомъ, потому что отъ того и пропали, пропадаютъ драгоцѣнные историческіе матеріалы. Только въ недавнее время, и то въ исполненіе литературныхъ и ученыхъ, личныхъ своихъ потребностей, нѣкоторыя лица принялись собирать сказанія о своихъ родахъ. Назовемъ съ благодарностію князя П. В. Долгорукаго, Д. П. Голохвастова, Н. Д. Иванчина-Писарева. Послѣдній хотѣлъ дать своимъ документамъ еще литературную занимательность и тѣмъ повредилъ своему собранію. Можемъ извѣстить еще своихъ читателей, что извѣстный любитель, собиратель и зна-

токъ нашихъ древностей, Н. Г. Головинъ, собралъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи своего древняго, знаменитаго рода, которые издать намѣренъ по частямъ. Князь М. А. Оболенскій занимается также уже давно собираніемъ матеріаловъ о своемъ родѣ, родѣ Михаила Черниговскаго. Слышалъ я давно и о князѣ Никитѣ Петровичѣ Трубецкомъ. Вообще о дворянскихъ родахъ трудились Новиковъ и всего болѣе Спиридовъ, и въ послѣднее время К. М. Бороздинъ. О нѣкоторыхъ родахъ писалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія монахъ Ювеналій Воейковъ; о фамиліи Строгановыхъ нѣсколько документовъ издано Устряловымъ. А Голицыны, Щербатовы, Гагарины, Трубецкіе, Пушкины и прочіе, и прочіе, остаются безъ біографій! *). Не считаю нужнымъ прибавлять, что я съ своей стороны готовъ служить изъ своего Древлехранилища чѣмъ могу для всѣхъ, кому угодно. Съ другой стороны, прошу доставлять мнѣ, если у кого отыщутся подобные документы".

Возвращаясь затѣмъ къ неровнымъ бракамъ, Погодинъ продолжаетъ: „Что же мы узнаемъ объ нихъ изъ фамильныхъ архивовъ? По *ряднымъ* мы увидимъ ясно всѣ родственныя связи дворянскихъ родовъ между собою. Завѣщанія помогутъ также. А priori судя, неровныхъ браковъ быть у насъ не могло, потому что браки рѣшались преимущественно родителями, а родители, уважая родъ и службу, не могли имѣть ни мысли, ни повода къ неровнымъ бракамъ. Романисты, драматисты должны быть очень осторожны, основывая свою завязку, или развязку на такихъ вопросахъ, не очищенныхъ критикою. Они проиграютъ, отказываясь отъ Европейской случайной любви, но за то могутъ выиграть съ другой стороны, и совершенно новой и оригинальной, сводя людей, обрекая молодыхъ на вѣчную жизнь вмѣстѣ безъ всякаго предварительнаго знакомства, не только желанія. Здѣсь мѣсто для очень ориги-

*) Укоры Погодина имѣли свое благодѣтельное дѣйствіе. Послѣ него прибыло много новыхъ генеалогическихъ трудовъ, какъ это видно изъ *Обзора источниковъ и литературы Русскаго родословія* Александра Барсукова. С.-Пб. 1887.

нальныхъ сюрпризовъ. Талантъ найдетъ вездѣ средство показать себя. Но точно ли бракъ рѣшался одними родителями? Не принадлежитъ ли эта мысль къ числу прочихъ, не провѣренныхъ критикой? Вотъ, напримѣръ, изъ напечатаннаго *Домостроя*, мы видимъ, что даже люди средняго сословія жили у насъ довольно открыто и вели хлѣбъ-соль между собою".

Въ заключеніе Погодинъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній графу В. А. Сологубу: „Онъ заставляетъ князя Мстиславскаго преклониться предъ княземъ Ромодановскимъ, по приговору суда о мѣстахъ. Помилуйте! Мстиславскіе были первыми родовыми боярами, и съ ними никто спорить не смѣлъ. Да и всего на всего ихъ было шесть: Михайло Ивановичъ, Θедоръ Михайловичъ, Иванъ Θедоровичъ, Василій и Θедоръ Ивановичи. А Ромодановскіе „разошлись отъ прародителей далече", давно „худы стали". Перемѣните лучше роли, и Мстиславскаго оборотите Ромодановскимъ, а Ромодановскаго Мстиславскимъ" [120]).

Между тѣмъ зимнія удовольствія 1849 года перешли предѣлы масляницы и вступили въ Великій постъ. С. Т. Аксаковъ съ справедливымъ негодованіемъ писалъ объ этомъ своему сыну: „Петербургъ ведетъ себя, какъ слѣдуетъ ему; но Москва— какъ не слѣдуетъ ей. Говорятъ, что въ настоящемъ Великомъ посту будутъ такія катанія съ горъ, съ музыкою, факелами, пѣсенниками и цыганами, какихъ еще никогда не бывало. Закревскій потерялъ въ моихъ глазахъ послѣднее доброе мнѣніе, какое я имѣлъ о немъ; я считалъ его православнымъ Русскимъ человѣкомъ. Я не обвинялъ его въ произволѣ въ его столкновеніяхъ съ Московской публикой, ибо эта подлѣйшая публика того стоитъ. Ее можно оскорблять сколько угодно, но оскорблять народъ въ его святыхъ вѣрованіяхъ — безразсудно..." [121])

Когда же наступилъ Великій постъ, митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію (25-го февраля 1849 года): „Меня Господь сподобилъ принять въ своей церкви къ трапезѣ Господней около ста человѣкъ. Утѣ-

шенъ я также былъ притекавшими къ святителю Алексѣю въ повечеріи и въ день его праздника, и на первой недѣли поста на повечерія. Но что слышалъ о неистовствѣ зрѣлищъ на Сырной недѣлѣ, то очень печально. Европа безумствуетъ и страждетъ: мы видимъ—и не страшимся идти путемъ безумія, не вразумляясь ни тѣмъ, что уже насъ постигло, ни тѣмъ, что можетъ намъ угрожать". Въ другомъ письмѣ (11-го марта) Митрополитъ писалъ: „Я просилъ у Генералъ-Губернатора защиты святому посту отъ оскорбляющихъ его публичнымъ катаньемъ съ горъ въ постныя воскресенья, которое, по словамъ нѣкоторыхъ, сопровождается и танцами въ бесѣдкѣ, и къ которому намѣревались присоединить еще музыку при играхъ и иллюминацію. Музыку и иллюминацію онъ запретилъ, а прочее не могъ, потому что въ Петербургѣ то же дѣлаютъ" [122]).

Отдавая дань свѣтскимъ увеселеніямъ, Погодинъ не нарушалъ однако святыни поста. Среди разгара зимнихъ увеселеній онъ посѣщалъ Митрополита, служилъ молебны. Неложныя свидѣтельства объ этомъ мы имѣемъ въ *Дневникѣ* его:

Подъ *11-мъ января 1849 года:* Вечеръ у Филарета. Очень милъ и любезенъ. О политикѣ и нашемъ времени. Объ Исторіи. Очень обрадовался моему намѣренію поставить рядомъ князей и святыхъ.

— *25-мъ января 1849 года*: Въ типографію. Встрѣтила меня Иверская Божія Матерь. Помолился со всѣми. Ихъ благочестіе. Далъ имъ всѣмъ 5 р. с. на чай. Благодарности, говорятъ, не было конца.

Великій канонъ Андрея Критскаго Погодинъ слушалъ въ Чудовѣ монастырѣ. „Кто бывалъ въ Римѣ", писалъ онъ, — „во время Великаго поста, тотъ знаетъ, съ какимъ тамъ рвеніемъ всѣ иностранцы—Русскіе, Англичане, Нѣмцы—слѣдятъ за всѣми движеніями Папы, съ какимъ любопытствомъ читаютъ они и выучиваютъ почти наизусть особую книжку обо всѣхъ его служеніяхъ. А многіе ли изъ насъ знакомы съ подробностями архіерейскаго служенія? Я хочу теперь напомнить читателямъ о чтеніи покаяннаго Канона святаго Андрея

Критскаго высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ понедѣльникъ, вторникъ и середу на первой недѣлѣ поста въ Чудовѣ монастырѣ. Я слушалъ его.

„Тишина всесовершенная, народъ стоитъ съ благоговѣніемъ и, кажется, не дышитъ, или едва переводитъ дыханіе. Среди этого безмолвія слышится тихій, но внятный голосъ Митрополита, выражающаго изъ глубины души священные глаголы христіанской скорби и раскаянія боговдохновеннаго поэта, которые прерываются безпрестанно молитвами ликовъ: *Помилуй насъ, Боже, помилуй насъ!* Впечатлѣніе особенное, глубокое!

„Наше чтеніе, скажу здѣсь кстати, безъ всякой католической декламаціи, имѣетъ свой особенный характеръ, точно какъ и наше пѣніе церковное, и наша церковная живопись, и наша церковная архитектура. Но все это еще скрывается въ тайнѣ творчества...“ [123])

XXVI.

Еще 4-го марта 1849 года митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію: „...Даетъ Богъ и радость, и заботу. Къ Страстной недѣлѣ и Пасхѣ ожидается соборъ высокихъ гостей. Помолитесь преподобному Отцу нашему Сергію, чтобы онъ своими молитвами покрылъ мою немощь, да воздастся должное и днямъ святымъ, и благочестивѣйшему Величеству въ мирѣ и благомъ разумѣніи“ [124]). Изъ Петербурга отъ 1-го марта И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „На пятой недѣлѣ поста ѣдетъ въ гости къ вамъ Государь со всѣмъ своимъ дворомъ, со всей Царской фамиліей. Они хотятъ встрѣтить тамъ Пасху и обновить Дворецъ. Говорятъ, отправляется также туда по почтѣ батальонъ Преображенскаго полка и эскадронъ Конногвардейцевъ. Вѣроятно, будетъ много манифестацій Руссицизма, много всякихъ эффектовъ, Государь на это мастеръ, и я увѣренъ, что въ душѣ собственно, когда онъ бываетъ въ Кремлѣ, пробуждается

сочувствіе къ народу, къ Руси, но не всегда ясно для него самого. Но всего забавнѣе будутъ окружающіе его! Все это пустится въ національность; если уже Закревскій своимъ маскарадомъ увлекъ всю Москву, такъ что уже будетъ теперь! И на днѣ Москвы, на осадкѣ останется одинъ Константинъ (то-есть, Аксаковъ), ибо и народъ поддастся весь обаянію. Маскарадъ Закревскаго, возбудившій въ Петербургѣ сильную зависть, повторится во Дворцѣ и, вѣроятно, всѣ участвующіе будутъ приглашены къ Московскому Двору Его Величества. Теперь посланъ туда графъ Шуваловъ для найма ко Дворцу трехсотъ человѣкъ прислуги. Что̀ всего замѣчательнѣе — это то, что Государь приказалъ Блудову ѣхать съ собою, и онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Антониной Дмитріевной, о чемъ скажите Хомякову; онъ можетъ надѣяться, что его будутъ таскать всюду; что̀ мы тогда будемъ дѣлать съ бородой?..“

Въ другомъ письмѣ И. С. Аксаковъ писалъ: „Говорятъ, Государь хочетъ всю службу Страстной недѣли прослушать въ Успенскомъ соборѣ и вообще крѣпче возобновить свою связь съ народомъ, въ чемъ, разумѣется, и успѣетъ. Мы просили Попова вести дневникъ своему пребыванію въ Москвѣ въ это время“ [125]).

Наконецъ наступило 27-е марта 1849 года. „Площадь кипитъ народомъ“, повѣствуетъ Погодинъ, — „не видать нигдѣ пустого мѣста и яблоку упасть негдѣ, — Иванъ великій по всѣмъ ярусамъ уставленъ людьми, — всѣ паперти, крыши заняты, — около стѣнъ вездѣ подмостки и скамьи. Взоры устремлены на дворецъ, гдѣ съ утра поднялся Императорскій флагъ, къ крыльцу, откуда долженъ показаться Царь. Большой Успенскій колоколъ давно уже благовѣститъ къ торжественному молебну. Скоро ли, скоро ли?.. Но вотъ онъ умолкъ! Что это значитъ? Вѣрно, сейчасъ выйдетъ Царь. Всѣ руки поднимаются къ шляпамъ. Нѣтъ — колоколъ, какъ будто переводя духъ, опять начинаетъ свой чудный благовѣстъ, которому нигдѣ не услышите подобнаго. Съѣхались всѣ государственные чины.

Уже прибылъ и Митрополитъ. Всеобщее ожиданіе. Вдругъ... трезвонъ оглушающій, какая-то громовая, торжественная, наполняющая сердце веселіемъ гармонія: Царь показался на крыльцѣ! Вотъ онъ, вотъ онъ! Головы всѣ открылись... Онъ поклонился народу; ур...ааа! ур...ааа! ур...ааа! Онъ сошелъ съ крыльца, — всѣхъ выше, всѣхъ виднѣе, — за нимъ его первый сынъ, Наслѣдникъ, родившійся въ Москвѣ, среди насъ, его младшіе сыновья... ура! ура! ура! Народъ со всѣхъ сторонъ бросается къ нему на встрѣчу, загораживаетъ дорогу; ему пройти, кажется, нельзя, но онъ проходитъ свободно, и лишь только куда оборотится, вездѣ передъ нимъ сама собою раздвигается улица...“

„Мнѣ“, продолжаетъ Погодинъ, — „случилось стоять въ артели Володимірскихъ плотниковъ. *Ребята, я остановлю его*, сказалъ одинъ дѣтина дюжій, въ сажень косую въ плечахъ. — Что ты, закричали на него прочіе, ухватясь за полы. *Еже ей-ей остановлю*, говоритъ онъ, порываясь впередъ. Полно, полно, зачѣмъ? *Скажу: дай насмотрѣться.* Другой, старикъ, увидя Царя, перекрестился благоговѣйно и промолвилъ съ собою: *ну — сподобилъ Богъ!*

„У Сѣверныхъ дверей Успенскаго собора встрѣчаетъ Царя Митрополитъ, нашъ великій учитель, нашъ высокій богословъ, и благословляя его, произноситъ: „Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь! Съ благодареніемъ къ Богу срѣтаемъ тебя и съ чувствомъ нашего счастія. Твой престолъ осѣненъ покровомъ Провидѣнія, твой родъ цвѣтетъ и прививаетъ къ себѣ новыя цвѣтущія отрасли. Во дни, не обильные миромъ, твой народъ въ мирѣ: потому что надъ нимъ бодрствуетъ твой Самодержавный духъ. Изъ праха древности ты воскресилъ здѣсь твой царскій чертогъ, въ величіи достойномъ твоего царства и великому дню Воскресенія, Царю дней, представляешь освятить твой праздникъ обновленія. При предстательствѣ Святыхъ, къ которымъ во храмѣ семъ приводитъ Тебя благочестіе, молимъ Бога, да пребудетъ Его благословеніе надъ домомъ твоимъ, да пребываетъ всегда съ тобою державно

благочестіе, и твоимъ благочестіемъ и самодержавіемъ всегда крѣпка и счастлива твоя Россія".

„Царь идетъ приложиться къ Московской Святынѣ", повѣствуетъ далѣе Погодинъ,—„образу Владимірской Божіей Матери, мощамъ Петра митрополита, предрекшаго славу Москвѣ, Іоны, спасшаго ея перваго самодержца, Филиппа, говорившаго правду Грозному...

„Изъ южныхъ дверей выходитъ царь ко Дворцу. У Краснаго крыльца принимаетъ онъ Супругу и дочерей. На крыльцѣ встрѣчаетъ ихъ въ полномъ облаченіи придворное духовенство. Радостные клики народа сопровождаютъ ихъ на всякомъ шагу. Вотъ всѣ они всходятъ на Красное крыльцо. Царь оборачивается и кланяется народу на всѣ стороны. Ура, ура, ура!.. Въ эту минуту даже нельзя не быть взаимной любви. Чего не можетъ онъ сдѣлать тогда? Если онъ этимъ тысячамъ велитъ броситься въ огонь, въ воду, на ножъ, на пушку, на вѣрную смерть... Они бросятся, не думая, не спрашивая, и никто не отстанетъ. Этого мало: пусть эти тысячи погибнутъ передъ нашими глазами. Другіе кинутся за ними съ тою же готовностью въ томъ же восторгѣ, лечь подлѣ своихъ братьевъ, лишь бы исполнить царское слово.

„Вотъ гдѣ сила Русскаго царя, теперь непреоборимая, всемогущая! У насъ шестьдесятъ милліоновъ жителей, но въ Китаѣ ихъ больше; у насъ цѣлыя страны лишней земли, но въ Америкѣ, Австраліи, она плодоноснѣе; у насъ множество золота, серебра и прочаго,—но оно есть и по другимъ мѣстамъ,—а этой любви къ царю, этой безотчетной преданности, этой неограниченной довѣренности нѣтъ нигдѣ на всемъ свѣтѣ. Разбирайте ее и толкуйте объ ея происхожденіи, природѣ, значеніи и достоинствахъ, какъ угодно: *оно есть*, и вотъ въ чемъ главное! И эта любовь, преданность, довѣренность Русскаго народа, нигдѣ, въ самой Россіи, не выражается такъ ясно, такъ сильно, такъ торжественно, какъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ на Красной площади, между Иваномъ Великимъ Успенскимъ Соборомъ, Грановитой Палатой. Здѣсь свято-мѣсто

Русской Исторіи, здѣсь Русскій духъ въ очью совершается! Здѣсь можно понять тому, кто хочетъ, что̀ значитъ *Русскій Царь*".

„Царь въ Москвѣ!"—восклицаетъ Погодинъ.—„Кажется", говоритъ онъ,—„никогда не встрѣчала Москва дорогихъ своихъ гостей съ такою радостію, какъ нынѣ. Отъ чего происходитъ это? Отъ того ли, что Царь давно здѣсь не былъ,—отъ того ли, что теперь пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ Царицею, со всѣми сыновьями и невѣстками, дочерьми и зятьями, и такое посѣщеніе, съ семьею въ семью, дружелюбное, родственное, отеческое, возбуждаетъ особенное чувство,—отъ того ли, что мы встрѣчаемъ его на новосельѣ, съ коимъ обыкновенно, въ нашемъ быту, соединяются желанія, самыя горячія, отъ того ли, что онъ утѣшилъ насъ къ празднику, а кто знаетъ Русскаго человѣка, тотъ понимаетъ, что̀ значитъ для него: къ празднику, и какому празднику! Можетъ быть, все это вмѣстѣ увеличиваетъ обыкновенную радость, но есть еще одна причина, которая едва ли не имѣетъ здѣсь большаго участія. Какая же?

„У народа есть органъ, котораго не достаетъ у прочихъ такъ-называемыхъ образованныхъ сословій, органъ втораго зрѣнія, какого-то безотчетнаго таинственнаго предчувствія, органъ, который на всѣхъ языкахъ выражается пословицей: гласъ народа — гласъ Божій (vox populi — vox Dei). Народъ радуется, скорбитъ, безпокоится, веселится, какъ птица воздушная, которая угадываетъ бурю и вёдро скорѣе и вѣрнѣе всѣхъ физиковъ и метеорологовъ. Русскій народъ почувствовалъ, кажется, что никогда его Царь не былъ такъ дорогъ, такъ нуженъ для него, для отечества, для Европы, для мира всего міра, какъ теперь. Ему слышится, что на этой главѣ, по неисповѣдимому Промыслу Божію, почіютъ нынѣ судьбы тысячей и темъ.

„Но полно такъ ли это? Разсудимъ...

„Всякій согласится, что общество Европейское потрясено въ своихъ основаніяхъ и ищетъ себѣ новыхъ опоръ. Оно

найдетъ ихъ, ибо благое Провидѣніе со всѣхъ путей зла приводитъ человѣчество къ одной своей цѣли—къ добру, но пока продолжаются тревожные поиски и смѣняются мучительные опыты, не всякую ли минуту опасность грозитъ въ Европѣ гибелью всему истинному, прекрасному, всему драгоцѣнному, что̀ пріобрѣтено, въ теченіе вѣковъ, страданіями и слезами, пòтомъ и кровью, желаніями и молитвами всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній? И во всякую такую страшную минуту, скажите, не обращаются ли взоры съ каждой стороны, съ правой и лѣвой, сюда, къ намъ, на далекій Сѣверъ, къ этому поносимому безумцами народу и его великомощному Царю: что̀ онъ подумаетъ, что̀ онъ скажетъ, что̀ онъ сдѣлаетъ?

„Но онъ, кажется, ничего не дѣлаетъ, ничего не предпринимаетъ, не указываетъ, онъ молчитъ.

„Да, онъ молчитъ, и между тѣмъ мысль о немъ у однихъ удерживаетъ руку, уже поднятую, и она внезапно опускается въ нерѣшимости. Да, онъ молчитъ, и между тѣмъ другіе съ мыслію о немъ засыпаютъ покойнѣе на своихъ терніемъ покрытыхъ ложахъ; одни почерпаютъ въ этой мысли для себя бодрость, другіе поражаются робостію; для однихъ здѣсь надежда, для другихъ страхъ.

„Удивительный жребій выпалъ на долю двухъ братьевъ! Старшій, Александръ, отразилъ нашествіе двадесяти языковъ подъ предводительствомъ такого человѣка, у котораго въ умѣ было силы можетъ быть еще больше, чѣмъ у всѣхъ ихъ вмѣстѣ; Александръ, въ громѣ битвъ, подъ заревомъ пожаровъ, среди воинственныхъ кликовъ, прошелъ торжественно изъ конца въ конецъ всю Европу и рѣшилъ надолго ея судьбу, въ обществѣ предводимыхъ имъ Царей.

„Другой—рѣшаетъ ее одинъ, не поднимая руки, не произнося слова, не двигаясь съ мѣста, одинъ-одинехонекъ, въ тишинѣ Своего кабинета; рѣшаетъ, говорю, силою Своего имени, уравновѣшивая всѣ движенія, ослабляя нападенія, подкрѣпляя отпоры...

„Чей жребій выше, чья задача мудренѣе? Никто не осмѣ-

лится теперь отвѣчать на этотъ вопросъ. Мы стоимъ еще будто на берегу другого Нѣмана и видимъ предъ собою только начало какого-то новаго, неслыханнаго, невиданнаго Европейскаго пещнаго дѣйствія. Мы не знаемъ, чѣмъ оно кончится, а тѣмъ менѣе, какой приговоръ произнесетъ будущая Исторія дѣйствующимъ лицамъ. Мы можемъ только молиться въ эту великую минуту, чтобъ Тотъ, „Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду", низпослалъ нашему Царю духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, разрѣшить *свою* задачу наиблаготворнѣе, къ общему удовольствію всѣхъ племенъ и народовъ, и содѣйствовать счастливому окончанію Европейскихъ смутъ,—да получитъ каждый свое, да обуздается сильный, укрѣпится слабый, умилостивится богатый, удовлетворится бѣдный, и утомленная, измученная, настрадавшаяся Европа, благодаря *его* разумному, безпристрастному посредничеству, *его* нравственному, благому участію, воскликнетъ наконецъ: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе.*

„А мы, на святой Руси, спокойные и безопасные, возблагодаримъ Бога за наши миръ и тишину; убѣдимся, размышляя объ Европейскихъ происшествіяхъ, что счастіе народовъ, равно какъ и людей, зависитъ не отъ одной формы правленія, а гораздо болѣе отъ его идеи; убѣдимся, что лучшая форма можетъ исказиться исполненіемъ и на оборотъ; примемъ къ сердцу Евангельское изреченіе, что одна буква умерщвляетъ, и только Духъ животворитъ; позаботимся всего болѣе о внутреннемъ,—внѣшняя же вся приложатся къ тому. Пусть вѣра и власть, коихъ утрата составляетъ бѣдствіе Европы, по общему признанію всѣхъ первыхъ и лучшихъ ея мыслителей, выражаются и преуспѣваютъ у насъ чисто, законно и свято; пусть народъ, подъ ихъ священною сѣнію, совершенствуется безпрепятственно во всѣхъ отъ Бога ему дарованныхъ способностяхъ и пользуется небесными дарами безъ исключенія. Пусть всѣ сословія, вѣрныя историческому своему происхожденію, любяся взаимно, идутъ твердо по ихъ пути, не прель-

щаясь никакими чуждыми призраками и терпѣливо ожидая, по примѣру предковъ, исполненія своихъ судебъ!

„Итакъ, да здравствуетъ святая Русь и ея славный, единственный представитель, *Русскій Царь*, со всѣмъ своимъ *Августѣйшимъ семействомъ*! Да осѣняетъ его Всевышній Своимъ покровомъ, и да процвѣтаютъ всѣ Царственныя лѣторасли, *ему* въ утѣшеніе, Отечеству въ пользу и славу!

„Да здравствуетъ Духовенство, уча народъ въ духѣ благочестія и чистоты, въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости, и удовлетворяя его высшимъ потребамъ!

„Да здравствуетъ Дворянство, служа вѣрой и правдой, на полѣ брани и въ судилищѣ мира, покидая болѣе и болѣе иностранное воспитаніе съ Французскимъ языкомъ, которое мѣшаетъ ему быть вполнѣ Русскимъ!

„Да здравствуетъ Купечество, надѣляя насъ плодами всемірной и своей промышленности и жертвуя избытками, какъ прежде, на пользу меньшихъ братій!

„Да здравствуетъ Крестьянство и, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, кормя насъ всѣхъ до сытости, да пріиметъ мзду свою!

„Да здравствуетъ благородное Воинство, и да не оставляетъ побѣда никогда славныхъ знаменъ его!

„Да здравствуетъ Ученое и Пишущее Сословіе, памятуя, что въ его рукахъ теперь вращается мечъ сильный, мечъ обоюду-острый, которымъ оно должно поражать порокъ, а не потворствовать ему, и споспѣшествовать распространенію въ народѣ истинныхъ понятій и познаній!

„Да здравствуетъ, да здравствуетъ весь православный народъ!

„Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!“

Шевыревъ же воспѣлъ *27-е марта 1849 года* въ прекрасныхъ стихахъ:

Царь въ Кремлѣ передъ святыней,
И народъ вокругъ него . . .
. . . .
Западъ! въ буряхъ и въ покоѣ

Ты поглядывай сюда: . . . . .
. . . .
Здѣсь союзъ Царя съ народомъ. .
. . . .
Ужъ давно толпою тѣсной
Кремль такъ звучно не шумѣлъ;
Долго колоколъ воскресный
Тѣмъ весельемъ не гудѣлъ [126]).

Вернувшись въ этотъ день домой, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Я такъ усталъ, такъ ослабъ, что даже испугался. Въ Кремлѣ былъ съ 11-го часу на ногахъ, или лучше на ногѣ, а воротился вмѣстѣ съ твоими санями. Радъ, что вылились у тебя стихи. Что за Русскій народъ, что за Кремль, что за Успенскій колоколъ. Хоть кого проймутъ слезы“.

Статью свою Погодинъ посылалъ на разсмотрѣніе къ графу А. А. Закревскому и безъ задержки получилъ слѣдующее извѣщеніе отъ Ѳ. П. Корнилова: „Только сей часъ мнѣ удалось прочитать графу Арсенію Андреевичу возвращаемую при семъ статью вашу. По содержанію Графъ находитъ нужнымъ представить ее предварительно Государю Императору и потому проситъ васъ ее переписать и переписанную доставить, или прислать снова завтра утромъ къ 11-ти часамъ утра. Съ своей стороны онъ находитъ нужнымъ перемѣнить или вовсе выпустить только одно выраженіе, подчеркнутое карандашемъ: „*не двигая бровями*“. Кромѣ того, Графъ поручилъ мнѣ просить васъ, когда статья эта будетъ Высочайше одобрена, дозволить тотчасъ перепечатать ее изъ *Москвитянина* въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Полицейской Газетѣ*. Заранѣе прошу у васъ извиненія за безпокойство, которое по необходимости посланецъ мой произведетъ у васъ въ глубокую полночь“ [127]). Получивъ разрѣшеніе печатать, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ждалъ, что пріѣдутъ за мной къ Царю. Получилъ разрѣшеніе. Слава Богу“ [128]). Изъ письма Ѳ. П. Корнилова отъ 30-го марта Погодинъ узналъ: „Статью вашу Графъ возилъ съ собою во Дворецъ, но была ли она читана Государемъ, мнѣ неизвѣстно. Я прочиталъ ее съ но-

вымъ наслажденіемъ, понятнымъ Русскому сердцу. Графу она также очень понравилась".

Вообще статья Погодина произвела хорошее впечатлѣніе. „Не знаю", писалъ ему Оттъ, — „какого мнѣнія столичные наши умники о статьѣ *Царь въ Москвѣ,* но ручаюсь вамъ, что вся обширная Русь радостно встрепенулась при этихъ горячихъ словахъ". „На долю *Москвитянина*", писалъ Погодину А. Ѳ. Бычковъ, — „выпалъ завидный жребій быть вѣрнымъ, но *не красноглаголевымъ Лѣтописцемъ* этихъ дней".

Вотъ что писалъ Погодину И. И. Давыдовъ: „Въ прекрасной вашей статьѣ одно мѣсто не понравилось: *Всякій согласится, что общество Европейское потрясено въ своихъ основаніяхъ и ищетъ себѣ новыхъ опоръ. Оно найдетъ ихъ, ибо благое Провидѣніе со всѣхъ путей зла приводитъ человѣчество къ одной своей цѣли.* Многіе толковали его лукаво; мы даже съ преосвященнымъ Иннокентіемъ васъ осуждали за это мѣсто". Съ своей стороны и Иннокентій писалъ Погодину: „Видите, какъ трудно писать въ этомъ родѣ. Перестаньте же нападать и на насъ".

Но не всѣмъ пришлась по душѣ статья Погодина. Она подверглась насмѣшкамъ Герцена и его единомышленниковъ и отнесена къ разряду *раболѣпныхъ.* Слѣдуетъ однако поставить на видъ, что это осмѣяніе не нашло себѣ сочувствія со стороны западныхъ знаменитыхъ мыслителей. Прудонъ сдѣлалъ, такъ сказать въ упоръ, слѣдующій вопросъ Герцену: „Вѣрите ли вы, что *Русское Самодержавіе* произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ Русскаго народа?" Но Герценъ на этотъ добросовѣстный вопросъ Прудона, по своему обычаю, далъ уклончивый отвѣтъ: „Прудонъ, черезъ край освободивши личность, испугался, взглянувъ на своихъ современниковъ, и чтобы эти каторжные не надѣлали бѣдъ, онъ ловитъ ихъ въ капканъ Римской семьи".

Другой знаменитый мыслитель Карлейль писалъ тому же Герцену: „Ваша родина имѣетъ талантъ, въ которомъ она

первенствуетъ, и который даетъ ей мощь далеко превышающую другія страны, *талантъ* необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ, безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ подъ опасеніемъ наказаній—*талантъ повиновенія*, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперь. И я нисколько не сомнѣваюсь, что отсутствіе его будетъ, рано или поздно, вымѣщено до послѣдней копѣйки и принесетъ съ собою страшное банкротство. Таково мое мрачное вѣрованіе въ эти революціонныя времена“.

Поощренный успѣхомъ своей статьи Погодинъ вздумалъ написать *Черты изъ пребыванія Царскаго семейства въ Москвѣ*. Но статья не была разрѣшена къ печатанію, и графъ Закревскій писалъ автору ея: „Г. Министръ Императорскаго Двора, сообщая мнѣ, что Государь Императоръ не изъявилъ Высочайшаго соизволенія на напечатаніе статьи вашей: *Черты изъ пребыванія Царскаго семейства въ Москвѣ*, присовокупляетъ, что Его Величеству угодно, чтобы ничего болѣе не было печатаемо относительно помянутаго пребыванія. О таковой Высочайшей волѣ я увѣдомляю васъ, милостивый государь, для надлежащаго свѣдѣнія“.

Не останавливаясь предъ этимъ, Погодинъ намѣревался сдѣлать подробное описаніе этого событія. Съ этою цѣлію онъ обратился въ Канцелярію Генералъ-Губернатора съ просьбою, чтобы выданъ былъ циркуляръ о сообщеніи ему со всѣхъ вѣдомствъ свѣдѣній; но Ѳ. П. Корниловъ находилъ это неудобнымъ и писалъ ему: „Съ вашимъ циркуляромъ не знаю что и дѣлать? Печатать, думаю, не ловко, а писать циркуляръ не знаю къ кому, да и дѣло ли это Канцеляріи?“ Когда же Корниловъ доложилъ объ этомъ графу Закревскому, то разумѣется, Генералъ-Губернаторъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ своего Правителя Канцеляріи, и послѣдній увѣдомилъ объ этомъ Погодина. „Вызывать начальства заведеній учебныхъ и благотворительныхъ“, писалъ онъ, — „монастырей и пр. къ доставленію обстоятельныхъ свѣдѣній о посѣщеніяхъ Царя и Царскаго семейства, чрезъ пропечатаніе въ газетахъ

Графъ нашелъ совершенно неприличнымъ. Я это предугадалъ“.

Такимъ образомъ и это предпріятіе Погодина не увѣнчалось успѣхомъ.

Ко дню освященія новаго Московскаго Дворца въ Кремлѣ достопочтенный историкъ Домашняго быта Русскихъ Царей и Царицъ, И. Е. Забѣлинъ, помянулъ лѣта древнія и напечаталъ въ *Москвитянинѣ* рядъ статей подъ заглавіемъ: *Дворецъ Московскихъ царей до Петра Великаго.*

Монографію свою авторъ заключилъ такъ: „При Петрѣ Великомъ Дворецъ былъ оставленъ; его древнее благолѣпіе при нововведеніяхъ Петра потеряло смыслъ и прежнее значеніе и стало постепенно упадать, не находя опоры въ новыхъ требованіяхъ жизни. Кромѣ того, онъ былъ два раза опустошенъ страшнымъ пожаромъ. Въ 1696 г. іюня 2, по словамъ Желябужскаго, государевы хоромы выгорѣли *безъ остатка.* Другой пожаръ, случившійся въ 1701 году, описываетъ самъ Государь въ письмѣ къ Ѳ. М. Апраксину: „Здѣсь иныхъ вѣдомостей нѣтъ“, говоритъ онъ,— „только іюня въ 19-й день былъ пожаръ въ Кремлѣ: загорѣлось на Спасскомъ подворьѣ; отъ чего весь Кремль такъ выгорѣлъ, что не осталось не только что иново, но и мостовъ по улицамъ, кромѣ Житнова двора. Которыя остались разломанныя хоромы въ Верху (то-есть, во Дворцѣ), и тѣ сгорѣли, также и садовники всѣ отъ мосту и до мосту; а каменный мостъ у пильной мельницы отстояли мы. На Ивановской колокольнѣ колокола обгорѣвъ попадали, изъ которыхъ большой и Успенской упалъ разбился“ [129]).

Цензоръ В. Н. Лешковъ писалъ Погодину: „По моему никакъ нельзя, Михаилъ Петровичъ, допустить въ статьѣ о Дворцѣ Древнемъ извѣстій о частыхъ пожарахъ. Вы хорошо понимаете, почему эти извѣстія могутъ произвести впечатлѣніе“.

XXVII.

Освященіе Кремлевскаго Николаевскаго Дворца происходило въ самый день Пасхи.

Жребій лѣтописца этого церковнаго и государственнаго событія выпалъ на долю нашего почтеннаго писателя А. Ѳ. Вельтмана. „Въ то самое время“, повѣствуетъ онъ, — „когда на всемъ необъятномъ пространствѣ отъ береговъ Сѣвернаго Океана до Чернаго моря и отъ подножія Карпатовъ до священныхъ вершинъ Арарата, вся семья Русскаго народа славила святое Воскресеніе,—сердце ограждаемаго и хранимаго Провидѣніемъ Царства радостно билось, торжествуя Свѣтлый Праздникъ вмѣстѣ съ Отцемъ и Матерію Отечества и ихъ благословеннымъ семействомъ.

„Въ то же время совершалось и торжество освященія новыхъ Царскихъ Чертоговъ посреди завѣтнаго Кремля, посреди благолѣпной купы Божіихъ храмовъ, обителей святыхъ угодниковъ Московскихъ и усыпальницъ великихъ князей и царей—потомковъ рода Рюрика и рода Богоизбраннаго Михаила.

„Слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ святый митрополитъ Петръ, освятивъ новоселье великокняжеское на Москвѣ, предрекъ будущее величіе новой столицѣ и потомству Іоанна. Его предреченіе граду: *руки его взыдутъ на плеща враговъ*—исполнилось; его предреченіе Іоанну: *родъ твой возвеличится*—сбылось.

„Тогда какъ на помраченномъ Западѣ совершается размирье и рушеніе, и примѣнилось къ нему слово древняго Русскаго пѣвца: *тяжко ти головѣ кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы*, мы—подъ кровомъ Зиждущаго крѣпость, благоденствіе и славу...

„... Святой часъ полуночи былъ близокъ; благоговѣйно готовилось все на Москвѣ къ встрѣчѣ воскресшаго Спасителя... Вдругъ благовѣстный Царь-колоколъ подалъ голосъ... Послѣдовалъ высочайшій выходъ изъ Грановитой Палаты въ храмъ

Спаса за Золотою Рѣшеткою... Давно уже этотъ древнiй храмъ молитвъ семейства Царскаго, сооруженный Iоанномъ III во славу Нерукотвореннаго образа Спаса, перенесеннаго нѣкогда изъ Эдессы въ Царьградъ, и потомъ Греческою царевною Софiею, супругою Iоанна, въ Москву, не оглашался подобной торжественной литургiей... Когда священнодѣйствующiй Духовникъ Ихъ Величествъ возгласилъ: *Христосъ Воскресе!* воздухъ заколебался отъ благовѣстнаго звона тысячъ колоколовъ... Заутреня совершилась. По окончанiи литургiи наступило шествiе изъ храма на освященiе новаго Дома Царя...

„Духовенство изъ Верхо-Спасскаго Собора, въ преднесенiи запрестольнаго креста и зепрестольной иконы Донскiя Божiей Матери и въ предшествiи хора пѣнiя: *Христосъ Воскресе* совершало крестный ходъ по заламъ. По стезѣ освященiя и окропленiя Высокопреосвященнымъ Филаретомъ святою водою шествовалъ Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, въ сопровожденiи Министра Двора и дежурныхъ. За Йхъ Величествами—Государь Наслѣдникъ, съ Государыней Цесаревной, государь великiй князь Константинъ Николаевичъ съ супругою, государи великiе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, государыня великая княгиня Марiя Николаевна, государыня великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, его императорское высочество принцъ Петръ Георгiевичъ Ольденбургскiй, его королевское высочество принцъ Александръ Гессенскiй... Когда шествiе вступило въ Андреевскую залу и хоръ запѣлъ *Спаси, Господи, люди Твоя,* Высокопреосвященный Митрополитъ остановился предъ Трономъ и послѣ эктенiи, возглашенной протодiакономъ, произнесъ молитву. По окропленiи всѣхъ комнатъ святою водою, Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Августѣйшимъ семействомъ, разгавливались въ гостиной...

„Былъ уже четвертый часъ утра Великаго Праздника, тогда торжество Государева новоселья заключилось общей душевной молитвой и желанiемъ многолѣтiя, здравiя и благоденствiя державнымъ хозяевамъ“.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ князю П. М. Волконскому Государь соизволилъ сказать: „Кремлевскій дворецъ мой, изящное произведеніе зодчества, будетъ новымъ достойнымъ украшеніемъ любезной моей древней столицы, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ окружающимъ его зданіямъ, священнымъ для насъ и по соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ вѣковъ минувшихъ и великихъ событій Отечественной Исторіи“ [130]).

Съ своей стороны и Погодинъ при созерцаніи этого торжества не остался безмолвнымъ и въ своихъ запрещенныхъ *Чертахъ* повѣствуетъ: „А хотите ли вы видѣть Европейскаго Императора! Идите въ новый Дворецъ: залы Андреевская, Александровская, Георгіевская, Владимірская горятъ какъ жаръ! Тысячи и тысячи свѣчъ разливаютъ повсюду чудной свѣтъ. Вездѣ золото, серебро, мраморъ, шелкъ. Какіе столпы, какіе карнизы, какіе потолки, полы, какія украшенія! Что за пространства, заключенныя въ стѣнахъ! Взоръ теряется въ ихъ безконечностяхъ! Богатство, великолѣпіе, сіяніе, слава! Придворные въ блестящихъ мундирахъ, высшіе чины въ лентахъ, звѣздахъ и крестахъ, военные съ эполетами, эксельбантами, въ шарфахъ, дамы въ тончайшихъ тканяхъ съ длинными шлейфами.... Церемоніймейстеры безпрестанно проходятъ и устраиваютъ порядокъ: pas en avant, messieurs! Je vous prie de reculer un peu! Encore, encore! De grâçe mesdames!

„И вотъ является въ сопровожденіи многочисленной блистательной свиты Императоръ, ведя подъ руку Императрицу. За нимъ четыре четы Его Сыновъ и Дочерей — Царское, и всякой долженъ согласиться, Царственное семейство! Они идутъ въ церковь Спаса за Золотой Рѣшеткой слушать Воскресную заутреню и обѣдню.

„Внизу, въ городѣ, который отзывается вдругъ всѣми своими безчисленными колоколами на первый ударъ Ивана Великаго, въ самую полночь, бываетъ другое удивительное явленіе...

„Но развѣ Русскій Царь и Европейскій Императоръ два

лица? Нѣтъ—одно! Изъ Владимірской залы только два шага до Грановитой Палаты и Краснаго крыльца. Отвори онъ дверь къ народу, или, еще менѣе, открой окно царя Алексѣя Михайловича, и вся Москва, а съ ней и вся Россія, его увидитъ, услышитъ и отвѣтитъ: Европейскій Императоръ опять Русскій Царь!

„Грановитая Палата, оставленная въ первоначальномъ своемъ видѣ, рядомъ съ новыми залами, изображаетъ разительно древнюю нашу Исторію сравнительно съ новою. Это ихъ прародительница. Подъ этими тяжелыми сводами, на этихъ твердыхъ, глубоко въ землѣ, до материка, положенныхъ основаніяхъ, стоитъ древній Русскій престолъ, его же не двигнетъ никто, кромѣ Бога, пока святая милость на насъ пребываетъ.

„Прекрасная минута была въ Георгіевской залѣ, гдѣ послѣ обѣдни собраны были гражданскіе чины и ожидали торжественнаго шествія.... Вдругъ понеслись издали тихіе, сладкіе звуки..., они еще не ясны, словъ разслышать нельзя...., но вотъ они полнѣютъ, приближаясь, становятся съ каждой секундой сильнѣй и сильнѣе.... и наконецъ гремятъ: *Христосъ.... воскресе.... изъ.... мертвыхъ,.... смертію.... смерть.... поправъ,.... и сущимъ.... во гробѣхъ.... животъ.... даровавъ.* Вотъ они раздались и въ самой Георгіевской залѣ, съ какимъ-то особеннымъ, удивительнымъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ отголоскомъ. Идутъ лики. Какъ хорошъ былъ, среди этого сіянія, пышности, блеска, нашъ Митрополитъ, съ своимъ блѣднымъ лицемъ, впалыми щеками, тусклымъ взглядомъ, изнуреннымъ тѣломъ. Неся животворящій крестъ, онъ, казалось, говорилъ собою предстоящимъ: Чадца! Утѣшайтесь въ новомъ царскомъ жилищѣ, но не забывайте, что вѣчный домъ для всѣхъ васъ на небесахъ, а не на землѣ. Онъ окропилъ святой водою новозданныя стѣны. За нимъ слѣдовалъ торжествующій Хозяинъ, въ сопровожденіи Августѣйшаго семейства. Всѣ ихъ лица свѣтились радостію! И вотъ они вступаютъ въ Андреевскую залу. Ликъ поетъ: *Спаси, Господи, люди Твоя!* Митрополитъ останавливается передъ Трономъ и произноситъ молитву:

„Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, Царю царствующихъ, уготовый Домъ Царства царю по сердцу Твоему Давиду въ Іерусалимѣ и Соломону Домъ Царевъ—и домъ Аведдара пришествіемъ Кивота Твоего благословивый, и во днѣхъ плоти Твоея смиренный домъ Закхея благодатнымъ Твоимъ посѣщеніемъ обновивый и рекій: *днесь спасеніе дому сему бысть!* Пріиди и нынѣ благодатію Твоею и сей новосозданный домъ благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго Государя нашего Императора Николая Павловича всея Россіи благословеніемъ Твоимъ благостнымъ осѣни, утверди, сохрани въ роды родовъ, всякаго блага и мира наполни, и въ немъ державному Домовладыцѣ, и роду его во благочестіи и добродѣтели и благоденствіи и славѣ жити благоволи, и да будетъ царственный чертогъ сей и иже въ немъ престолъ утвержденіемъ и веселіемъ сего Царствующаго Града и всего Царствія Россійскаго. Яко Ты еси, благославляяй и освящаяй всяческая, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

„А эта минута, когда всѣ присутствовавшіе, вслѣдъ за Царемъ, начали давать другъ другу христіанское цѣлованіе и разгавливаться у Царя въ гостяхъ! А другая, когда Царь, въ Андреевской залѣ, близъ своего трона, предстоявшимъ Наслѣднику и меньшимъ сыновьямъ, началъ христосоваться со всѣми Русскими людьми, военными и гражданскими, купцами, мѣщанами, ремесленниками, ямщиками!.......“

Все это вдохновило Хомякова, и онъ написалъ: *Кремлевская заутреня на Пасху:*

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святый насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва!

Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ...

Стихи эти Хомяковъ привезъ къ Блудовымъ и „прочиталъ съ глубокимъ умиленіемъ послѣдніе два стиха“:

Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

На это графиня А. Д. Блудова ему сказала: „Я не совсѣмъ съ вами согласна; есть слово *святѣе брата*. Слово *отецъ*,— перебилъ Хомяковъ,—„но оно почти неземное слово“ [131]).

Погодинъ въ тѣхъ же *Чертахъ* сохранилъ слѣдующую быль: „Государь, въ первый день праздника, по окончаніи параднаго смотра войскъ, вышелъ изъ экзерцицъ-гауза. Народъ покрывалъ всю площадь. Что же воскликнулъ онъ, увидя Государя? Разумѣется — по своему обыкновенію: ура! Нѣтъ, онъ закричалъ ему въ одинъ голосъ: *Христосъ Воскресе*! Государь самъ, кажется, удивился неожиданному привѣтствію, остановился, похристосовался съ ближайшими пятью-шестью человѣками и сказалъ остальнымъ: *Во истину воскресе!* Я желалъ бы, дѣти, похристосоваться со всѣми вами, но я спѣшу!... Передъ Николаевскимъ дворцомъ составилась однажды многолюдная толпа: въ окнахъ показались двѣ Великія Княгини. Вдругъ подходитъ Государь и наклоняетъ имъ головы передъ народомъ, потомъ двумъ меньшимъ Сыновьямъ, потомъ Наслѣднику и Наслѣдницѣ—восторгъ неописанный! ура!“

„Христосъ Воскресе и Воистину Воскресе!“, привѣтствовалъ И. С. Аксаковъ изъ Петербурга своего отца,—„поздравляю васъ съ праздникомъ. Какъ-то и гдѣ-то встрѣтили вы заутреню, то-есть, здоровые? Вѣроятно, нынѣшній годъ, по случаю пріѣзда Царской фамиліи, стеченіе народа больше, и Кремль долженъ былъ быть великолѣпенъ въ эту ночь. Какъ жаль, какъ досадно, какъ невознаградимо то, что я теперь не въ Москвѣ! Говорятъ, что пріемъ Государю сдѣланъ удивительный, и Государь, и вся его семья чрезвычайно довольны и счастливы. Я увѣренъ, что это такъ. Пусть же онъ пора-

дуется, глядя на свой народъ!“ На это С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ: „Я сижу постоянно дома и слушаю разсказы о Московскихъ событіяхъ. Государь часто приводитъ меня въ умиленіе своими славными поступками. Кажется, онъ никогда еще такъ не сближался съ народомъ, какъ нынѣ, и народъ съ любовію, горячо и шумно, безпрестанно говоритъ о немъ. Этотъ говоръ, какъ ручьи вешней воды, протечетъ всю Русь. Слава Богу!“ [132]).

9-го апрѣля 1849 года освященъ былъ камень въ воспоминаніе объ учрежденіи Преображенскаго полка. „По окончаніи торжественнаго обряда“, повѣствуетъ Погодинъ, — „главнокомандующій Гвардейскимъ и Гренадерскимъ корпусами, великій князь Михаилъ Павловичъ и начальникъ всей гвардейской пѣхоты Цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи командира Преображенскаго полка генералъ-адъютанта Катенина, всѣхъ батальонныхъ начальниковъ и наличныхъ офицеровъ гвардіи, удостоили своимъ посѣщеніемъ знаменитаго ветерана Русской арміи, одного изъ первыхъ героевъ войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, подъ начальствомъ котораго Императорская гвардія покрылась первыми лаврами и Преображенскій полкъ получилъ Георгіевскія знамена, — Алексѣя Петровича Ермолова. Какъ пріятно, сладко было видѣть торжественный поѣздъ Сына Царева, Государя Наслѣдника, Брата Царева, со всѣми представителями Русской гвардіи, деревянному семиоконному домику, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма, Кавказа, — гдѣ надъ низменной крышей ярко горитъ лучъ Русской славы“.

Послѣ этого посѣщенія въ *Дневникѣ* Погодина мы встрѣчаемся съ слѣдующею записью подъ 20-мъ апрѣля 1849 года: „Къ Ермолову. Принялъ и очень ласковъ. Много говорили о Кульмѣ. Выпросилъ у него страничку, на которой онъ начертилъ планъ Кульмскаго сраженія. Былъ у него Михаилъ Павловичъ и Наслѣдникъ въ день гвардейскаго праздника. Напишу объ этомъ, и послѣ пришло въ голову прекрасное выраженіе: *горитъ лучъ Русской славы*“.

Вскорѣ послѣ этого, 24-го апрѣля того же 1849 г., Ѳ. П. Корниловъ писалъ Погодину: „Графъ А. А. Закревскій поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что обстоятельство, относящееся до Алексѣя Петровича (Ермолова), какое не знаю, описано вами точно такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ".

Во время царскаго пребыванія въ Москвѣ великіе князья и великіе княгини посѣщали нѣкоторые Московскіе достопамятные церкви и монастыри. По свидѣтельству И. М. Снегирева, 24-го марта 1849 года великій князь Михаилъ Николаевичъ обозрѣвалъ „священный памятникъ завоеванія царства Казанскаго—Покровскій соборъ съ церковію Василія Блаженнаго. Здѣсь великій князь поклонился св. мощамъ почивающихъ подъ спудомъ Василія Блаженнаго и Іоанна Юродиваго, извѣстнаго подъ именемъ водоноса и большаго колпака... Тяжелыя ихъ вериги напомнили великому князю о труженичествѣ сихъ Христа ради юродивыхъ, которые прямо и знаменательно открывали правду, одинъ Іоанну Грозному, а другой Борису Годунову. Отсюда великій князь отправился въ Новоспасскій монастырь, переставленный Іоанномъ III отъ дворца съ Кремлевскаго бора на новое мѣсто, въ Васильцовскій станъ. Тамъ Іоаннъ III положилъ основу монастырю сооруженіемъ каменнаго собора въ 1491 году; черезъ полтора вѣка, сперва царь Михаилъ, потомъ сынъ его Алексѣй, вмѣсто обветшалаго храма, воздвигли новый огромный, донынѣ существующій, гдѣ устроили родовое кладбище Захарьиныхъ, Юрьевыхъ, Романовыхъ, Шереметевыхъ. Въ Покровской церкви великій князь приложился къ чудотворному образу Всемилостиваго Спаса, принесенному въ 1646 году изъ Вятки въ Москву. Въ усыпальницѣ царскихъ родителей великій князь благоговѣйно поклонился гробницѣ матери царя Михаила Ѳеодоровича великой инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ... Потомъ въ настоятельскихъ келліяхъ, ею построенныхъ, архимандритъ Аполлосъ поднесъ Его Высочеству св. икону и описаніе монастыря.

„На пути своемъ въ Симоновъ монастырь Великій Князь

не оставилъ безъ примѣчанія прежній Крутицкій архіерейскій домъ, который красуется пятиглавою двухъ-ярусною церковію и узорочными воротами съ теремкомъ, украшеннымъ разноцвѣтными кахелями. Въ Симоновомъ монастырѣ великій князь въ настоятельскихъ покояхъ слушалъ пѣніе монаховъ, коимъ славится обитель. Настоятель архимандритъ Мельхиседекъ поднесъ Его Высочеству въ благословеніе св. икону и свое описаніе монастыря. Занимательна была для Его Высочества простота царскаго дворца, смежнаго съ монашескою трапезою; сюда уединялся царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ во дни Великаго поста.

„26-го марта 1849 г. великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, великія княгини Ольга Николаевна и Александра Іосифовна изволили обозрѣвать достопамятности Новоспасскаго монастыря. Въ усыпальницѣ царскихъ родителей великая княгиня Ольга Николаевна читала надписи на гробницахъ, а въ покояхъ настоятельскихъ Ихъ Высочества разсматривали портреты всѣхъ патріарховъ Московскихъ, снимки съ собственноручныхъ ихъ подписей, также изображеніе царей Московскихъ и митрополитовъ Московскихъ отъ Тимоѳея до Филарета. Памятники сіи составляютъ достойное и почтенное украшеніе келлій настоятельскихъ...“

2-го апрѣля 1849 года, въ Великую субботу, по окончаніи Божественной Литургіи Государь Наслѣдникъ съ Супругою встрѣчены были во святыхъ вратахъ Новосспаскаго монастыря архимандритомъ Аполлосомъ съ крестомъ и св. водою. Ихъ Высочествамъ сопутствовали графъ Н. А. Протасовъ и В. Д. Олсуфьевъ. Въ предшествіи настоятеля и клира, пѣвшаго тропарь Преображенію, при колокольномъ звонѣ, Ихъ Высочества изволили слѣдовать папертью въ соборъ; на сводахъ ея они разсматривали царское родословное древо; на стѣнахъ ея Государь Наслѣдникъ замѣтилъ старинную картину Страшнаго Суда, которую онъ желалъ при посѣщеніи своемъ этого монастыря въ 1837 году оставить безъ поновленія. Между тѣмъ какъ Ихъ Высочества оканчивали обозрѣніе усыпальницы,

прибылъ въ монастырь великій князь Константинъ Николаевичъ и сталъ обозрѣвать монастырскія достопамятности „не съ однимъ любопытствомъ“, какъ замѣтилъ Снегиревъ, „но съ наблюдательностію любителя и знатока древности. Съ чувствомъ благоговѣнія великій князь разсматривалъ величественный, обширный алтарь, гдѣ на горнемъ мѣстѣ устроены три степенныя сѣдалища, и гдѣ священнодѣйствовали патріархи Московскіе во всемъ великолѣпіи своего сана съ архіереями и освященнымъ Соборомъ“.

Вскорѣ по напечатаніи этого описанія Погодинъ получилъ отъ архимандрита Симоновскаго Мельхиседека слѣдующее письмо: „Читая *Москвитянинъ* сего 1849 года подъ заглавіемъ: Московская Лѣтопись, И. М. Снегирева. *Посѣщеніе Московскихъ нѣкоторыхъ монастырей Ихъ Императорскими Высочествами*, нельзя не замѣтить, что Снегиревъ бывшее посѣщеніе сего года марта 24-го числа Новоспасскаго монастыря государемъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ описываетъ со всѣми подробностями въ увеличенномъ видѣ, а посѣщеніе Симонова монастыря въ сокращенномъ, тогда какъ въ Новоспасскомъ Великій Князь пробылъ не болѣе получаса, а въ Симоновскомъ полтора часа, и посѣщеніе Новоспасскаго монастыря Ихъ Высочествами марта 26-го числа и апрѣля 2-го числа; но посѣщеніе марта 28-го дня въ шесть часовъ пополудни Симонова монастыря Ихъ Императорскими Высочествами: государынею цесаревною великою княгинею Маріею Александровною и государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и супругою его Ея Высочествомъ Александрою Іосифовною, и великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, и государынею великою княгинею Маріею Николаевною, какъ они были встрѣчены Настоятелемъ оной обители съ братіею и благоизволили въ тепломъ Соборѣ слушать бдѣніе Матери Божіей, Царицы Небесной, съ умилительнымъ благоговѣніемъ, болѣе двухъ часовъ, и изъявивъ Настоятелю совершенное удовольствіе свое и высокую признательность въ 9-мъ часу по-полудни

изъ монастыря отправились; также марта 31 дня Его Императорскимъ Высочествомъ Петромъ Принцемъ Ольденбургскимъ посѣщеніе Симонова монастыря, какъ онъ изволилъ обозрѣвать со вниманіемъ храмы Божіи, святыню онаго, слушать церковное пѣніе, и, посѣтя покои Архимандрита онаго монастыря, пробывъ въ ономъ болѣе часу, отправляясь, изъявилъ за все совершенное удовольствіе и искреннюю признательность— все оное опущено. Вслѣдствіе чего справедливость требовала, дабы Снегиревъ, не умалчивая о послѣдующихъ посѣщеніяхъ Ихъ Императорскими Высочествами Симонова монастыря, также описалъ оныя съ точною подробностію. Итакъ, изъяснивъ о томъ вашему превосходительству, во уваженіе вышесказанныхъ обстоятельствъ къ общему удовольствію и назиданію покорнѣйше прошу васъ помѣстить несправедливо пропущенныя посѣщенія Симоновской обители Ихъ Императорскими Высочествами, напечатать о томъ въ издаваемомъ вами *Москвитянинѣ* гдѣ слѣдуетъ по принадлежности“ [133]).

10-го апрѣля 1849 года митрополитъ Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „Здѣсь дни сіи, по благости Божіей, благополучны. Москва мирно радуется, наслаждаясь лицезрѣніемъ Благочестивѣйшаго Государя и его Августѣйшаго семейства“ [134]).

XXVIII.

9-го апрѣля 1849 года С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну Ивану въ Петербургъ: „Сегодня будетъ знаменитый маскарадъ, или правильнѣе сказать: праздникъ въ старинныхъ и новыхъ народныхъ Русскихъ платьяхъ. Третьяго дня былъ праздникъ въ новомъ Дворцѣ, гдѣ было двадцать тысячъ посѣтителей! Всѣ поражены благочиніемъ публики, хотя и никакая полиція, по волѣ Государя, не смѣла мѣшаться“ [135]).

Обязанности лѣтописца по части свѣтской взялъ на себя Шевыревъ и описалъ намъ Русскій праздникъ, данный въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ 9-го и 11-го

апрѣля 1849 года. Ареною торжества былъ домъ Московскаго Генералъ-Губернатора. „Въ субботу Свѣтлой недѣли", повѣтствуетъ Шевыревъ, — „совершился вполнѣ тотъ Русскій праздникъ, котораго мысль и содержаніе отчасти уже извѣстны. Ровно два мѣсяца тому назадъ, 9-го февраля, Московское Общество видѣло одинъ прекрасный эскизъ той картины, которая теперь вполнѣ доконченная, во всемъ блескѣ и великолѣпіи, предстала наконецъ взорамъ Державныхъ Гостей Москвы, и праздникъ достигъ своей цѣли. Снова Англичане XVI столѣтія, пышный дворъ Елисаветы и сама Королева, съ своими приближенными, открыли шествіе. Англіи уступала шагъ смиренная Россія, сознавая, что на пути всемірнаго образованія Англія шла впереди. За нею развернулось, какъ великолѣпный, безконечный свитокъ, Русское Царство. Мы снова поклонились красотѣ златоверхаго Кіева и славнаго города Владиміра. Въ скромномъ величіи прошла передъ нами сѣдовласая Москва и уже степенный Петербургъ. Многіе города, громкіе памятью Исторіи, прислали своихъ представителей на праздникъ: Бѣлозерскъ, Черниговъ, Ростовъ, Угличь, Вязьма, Галичь, блиставшій жемчужнымъ нарядомъ женъ своихъ, Вологда, Пермь, Екатеринодаръ, Петрозаводскъ. Уфа дала живописнаго башкирца съ мѣткими стрѣлами. Подолія — прекрасную малороссіянку. Вильно — такую же литвинку, Грузія — новую грузинку. Гостья Невы *) изъ Петербурга перелетѣла въ горный Дагестанъ и вышла своенравной черкешенкой. Екатеринославъ прислалъ юную чету переселенцевъ Сербовъ; Бялостокъ красовался видной парой; черноокая Бессарабія напоминала нѣгу Азіи, и при ней великолѣпенъ былъ молдаванинъ, въ чалмѣ и парчахъ Востока. Снова кланялись мы и прежнимъ знакомымъ — и плѣнительному Воронежу, и пышной Калужанкѣ, которую велъ царскій сокольничій, Рязани и Тамбову, которые остались вѣрны мѣстнымъ народнымъ одеждамъ, и восточнымъ глазамъ Дербента. Исто-

*) То-есть, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде.

рическія лица по временамъ прерывали шествіе. Среди этой пышности, въ величавой простотѣ явился Русскій мужикъ села Домнина, Иванъ Сусанинъ, въ смуромъ кафтанѣ, въ черныхъ рукавицахъ, съ дубиной въ рукѣ, весь осыпанный снѣгомъ. Тутъ, подъ Нижнимъ Новгородомъ шелъ князь Д. М. Пожарскій съ своимъ вѣрнымъ Кузьмою. За Архангельскомъ бѣжалъ въ Москву учиться рыбацкій сынъ съ Холмогоръ, шестнадцати лѣтъ, въ нагольномъ тулупѣ съ сѣтью въ одной рукѣ, съ ариѳметикой Магницкаго въ другой. Добрыня, открывавшій шествіе, Ливонскій рыцарь по серединѣ, Ермакъ въ заключеніи. Передъ каждымъ городомъ или областію боярскій отрокъ несъ гербъ. Дѣти—лучшій цвѣтъ Московскаго Дворянства—украшали это шествіе. И вотъ раздались Русскія пѣсни. И подъ ихъ родные напѣвы начали свиваться и развиваться хороводы. При видѣ этого зрѣлища, при звукахъ родныхъ пѣсенъ, не одно плечо подъ тяжкимъ генеральскимъ эполетомъ подымалось отъ знакомаго Русскаго чувства, и, конечно, не одно сердце билось Русскимъ трепетомъ. Строгія и многодумныя очи нашего Государя обвеселились на этомъ Русскомъ праздникѣ, и свѣтлая улыбка выражала радость его Русскаго сердца.....“

По желанію Ихъ Величествъ, праздникъ повторился 11-го апрѣля 1849 года въ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія....

„Между тѣмъ какъ шумѣлъ, тѣснился и толпился балъ собранія“, продолжаетъ Шевыревъ, — „въ комнатахъ, приготовленныхъ для Государыни Императрицы, произошло событіе, котораго не забудутъ, конечно, ни дѣти наши, принявшія въ немъ участіе, ни дѣти дѣтей нашихъ. Ихъ угощала царская ласка и милость. Какъ цвѣты разсыпались они по коврамъ, и какъ мотыльки рѣзвились на нихъ около Государыни Императрицы и Великихъ Княгинь. Не одно живое и искреннее слово вылетѣло изъ устъ невинныхъ малютокъ, не привыкшихъ сковывать чувства и языкъ осторожностью и свѣтскимъ приличіемъ. Открытый младенческій лепетъ находилъ прямой до-

ступъ къ чадолюбивому сердцу Государя и Государыни. И вотъ ихъ царственною милостію съ дѣтскаго пира вышли отроки пажами Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ.

„Не забудется, конечно, никогда въ Москвѣ этотъ праздникъ, котораго мысль принадлежитъ супругѣ Московскаго Градоначальника, а успѣхъ исполненія единодушному желанію Московскихъ дворянъ представить взорамъ Державныхъ Гостей внѣшній видъ богатства и разнообразіе одеждъ древней и новой Россіи....“

Свое сказаніе о Московскомъ праздникѣ Шевыревъ заключаетъ такими словами: „Мысль о нашемъ возлюбленномъ Отечествѣ, о его несокрушимыхъ силахъ, о его славѣ, могуществѣ, добрѣ, правдѣ, просвѣщеніи и особенно Вѣрѣ, какъ главномъ источникѣ всѣхъ другихъ благъ, должна болѣе, чѣмъ когда-нибудь, проникнуть всѣ основы нашего бытія, одушевлять насъ и въ храмѣ Божіемъ, и въ царскомъ дворцѣ, и въ палатѣ закона, и на полѣ брани, на сушѣ и на морѣ, и въ храминѣ суда, и на каѳедрѣ ученаго, и въ словѣ писателя, и въ быту семейномъ, и въ занятіяхъ и другихъ общественныхъ, и на биржѣ купеческой, и въ трудахъ земледѣльца. Мы счастливы тѣмъ, что эта мысль, выраженная прекраснымъ праздникомъ отъ лица просвѣщеннѣйшаго круга Москвы въ домѣ ея Градоначальника, нашла глубокое сочувствіе въ Самомъ Хозяинѣ Россіи, которому Богъ ввѣрилъ ея величіе, добро и правду для счастія его народа, и который въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ своего царствованія, не переставалъ, какимъ-то отъ Бога даннымъ ему внушеніемъ, призывать насъ къ тому, чтобъ мы возвращались въ свое отечество. Пришла пора не однимъ наружнымъ образомъ намъ въ него возвратиться, но и внутреннимъ. Отъ образованія западныхъ народовъ мы не откажемся, какъ свидѣтельствуетъ Англія, которой дали шагъ впередъ на Московскомъ праздникѣ. Но мы уже не будемъ раболѣпно слѣдовать ему, а съ сознаніемъ, что въ насъ есть свои особенныя, наши, завѣтныя силы, которыя далъ намъ Богъ, Исторія, земля наша и ко-

торыхъ мы не должны ни сокрушать, ни искажать въ себѣ никакимъ раболѣпнымъ подражаніемъ".

Вотъ порядокъ, въ которомъ слѣдовали лица, представлявшія *дворъ Королевы Елисаветы*: княгиня Л. И. Волконская, Л. Н. Ховрина, Е. Д. Хрущова, А. П. Мартынова, М. А. Ребиндеръ, княгиня Ек. Н. Абамеликъ, С. А. Олсуфьева, Н. Н. Пушкина, Ек. А. Хлопова, баронъ А. П. Боде, Н. И. Писаревъ, князь Д. А. Абамеликъ, Д. Н. Батюшковъ, Н. А. Денисьевъ, Н. С. Римскій-Корсаковъ, князь М. Б. Черкасскій, Н. Н. Волковъ, В. А. Олсуфьевъ, Б. М. Маркевичъ, П. А. Хлоповъ, Ѳ. М. Сухотинъ, Н. Д. Масловъ, Н. Н. Васильчиковъ, А. Л. Верещагинъ, княгиня А. В. Голицына, Н. А. Бахметьевъ, графиня В. П. Толстая, П. А. Коробьинъ, А. Я. Теплова, А. Д. Столыпинъ, С. Н. Хитрова, Ѳ. Н. Хитровъ, С. В. Ладомірская, В. Ѳ. Самаринъ, К. П. Ермолова, М. П. Демидовъ, Н. А. Ивинская, А. А. Дурновъ, М. А. Хлопова, А. Н. Тиньковъ, Т. Г. Орфано, П. А. Скуратовъ, П. А. Козлова, А. А. Турчаниновъ, А. И. Аникѣева, П. А. Жихаревъ, В. А. Богдановская, В. В. Зубковъ, княгиня М. А. Львова, Г. А. Чертковъ, Ек. А. Акинова, Н. Н. Бабарыкинъ, С. А. Богдановская, Д. Д. Благово, П. В. Зубкова, князь М. М. Долгорукій, кнагиня А. А. Долгорукая, И. С. Пашковъ, княгиня Е. С. Мещерская, П. И. Базилевскій, А. П. Небольсина, В. А. Лярскій. *Пажи*: В. Лужинъ, Л. Лужинъ, А. Мельгуновъ, Н. Мельгуновъ, князь Грузинскій, М. Талызинъ. *Королева Елисавета и графъ Лейчестеръ*: графиня Н. А. Орлова-Денисова и баронъ Л. Л. Боде. *Свита Королевы:* С. М. Сухотинъ (Сюссексъ), Н. П. Ермоловъ (Раллей), Н. С. Римская-Корсакова, А. Н. Волкова, М. Д. Матвѣева, Е. К. Сафонова, С. С. Мельгунова, О. А. Могилевская, Н. А. Могилевская, М. А. Талызина и Н. К. Аверкіевъ.

За симъ слѣдуетъ порядокъ, въ какомъ слѣдовали лица, представлявшія столицы, города, области и народы Русской Имперіи. Двое рындъ: А. С. Кирѣевскій и П. А. Кутузовъ. Добрыня: И. М. Дашковъ. *Княжескіе отроки*: А. Ѳ. Паню-

тинъ, князь П. О. Грузинскій, Н. С. Киселевъ, князь Е. О. Грузинскій, П. С. Киселевъ. *Кіевъ.* Отрокъ: князь А. Голицынъ; С. Н. Казакова и М. А. Писаревъ. *Владиміръ.* Отрокъ: В. Лопухинъ; княгиня Н. В. Оболенская и М. А. Волковъ. *Москва.* Отрокъ: графъ В. Ростопчинъ, княгиня С. В. Мещерская и графъ Н. П. Апраксинъ. *С.-Петербургъ.* Отрокъ: князь М. Голицынъ, княгиня В. А. Черкасская и князь А. С. Долгорукій. *Новгородъ.* Отрокъ: В. Пашковъ; графиня С. В. Толстая и В. В. Рѣшетовъ. *Бѣлозерскъ.* Отрокъ: С. Перфильевъ; Е. А. Васильчикова и Е. П. Новиковъ. *Псковъ.* Отрокъ: Э. Кирѣевскій; Е. Д. Хрущова и С. Ѳ. Сафоновъ. *Смоленскъ.* Отрокъ: князь М. Долгорукій; М. А. Лачинова и Н. А. Мамоновъ. *Вязьма.* Отрокъ: В. Хлоповъ; княгиня Е. В. Гагарина и В. А. Дашковъ. *Черниговъ.* Отрокъ: А. Базилевскій; княгиня Н. В. Оболенская и Д. А. Наумовъ. *Ярославль.* Отрокъ: Ѳ. Рюминъ; Е. Ф. Денисьева и И. М. Мацневъ. *Ростовъ.* Отрокъ: М. Талызинъ; Н. А. Нарышкина и Н. А. Деревицкій. *Угличъ.* Отрокъ: Н. А. Александровъ; С. А. Пономарева и князь Р. А. Оболенскій. *Рязань.* Отрокъ: П. Ладомірскій; баронесса П. Г. Розенъ и князь А. Б. Черкасскій. *Курскъ.* Отрокъ: А. Нащокинъ; Е. Н. Хитрово и К. Н. Хитрово. *Тверь.* Отрокъ: князь А. Львовъ; В. Н. Берингъ и Н. Н. Гордѣевъ. *Кострома.* Отрокъ: князь А. Хилковъ. *Иванъ Сусанинъ*: М. Г. Высотскій; М. Д. Черевина и А. Ѳ. Ладыженскій. *Галичъ.* Отрокъ: А. Пономаревъ; Н. А. Пономарева и П. П. Засѣцкій. *Нижній Новгородъ.* Отрокъ: И. Бартоломей. *Князь Д. М. Пожарскій* и *Козьма Миничъ Сухорукій*: В. Г. Коробьинъ и Ю. А. Оболенскій; княжна Е. С. Горчакова и Н. А. Талызинъ. *Вологда.* Отрокъ: Н. Львовъ; С. Н Львова и А. С. Мельгуновъ. *Архангельскъ.* Отрокъ: С. Лярскій; П. Н. Рахманова и Ѳ. П. Корниловъ. *Холмогоры. М. В. Ломоносовъ*: А. А. Лярскій (сынъ). *Пермь.* Отрокъ: Н. Яковлевъ; М. А. Колокольцева и Н. Л. Верещагинъ. *Казанское Царство.* Отрокъ: князь П. Гагаринъ; княжна Л. Н. Гагарина и Л. И. Горсткинъ. *Астраханское Царство.* Отрокъ:

князь Н. Гагаринъ; княжна А. Н. Гагарина и князь Д. В. Гагаринъ. *Тула.* Отрокъ: Н. Пономаревъ; Н. К. Сафонова и князь С. П. Вадбольскій. *Калуга.* Отрокъ: Ю. Панинъ; М. А. Новосильцова и В. Г. Высотскій. *Орелъ.* Отрокъ: В. Брандорфъ; Е. С. Стрекалова и Н. Ѳ. Крузе. *Воронежъ.* Отрокъ: С. Толстой; Е. В. Толстая и С. С. Смирной. *Симбирскъ.* Отрокъ: П. Мельгуновъ; княжна Е. Н. Голицына и князь И. В. Гагаринъ. *Саратовъ.* Отрокъ: Б. Шевыревъ; С. П. Бестужева и Д. О. Шеппингъ. *Уфа.* Отрокъ: А. Супоневъ; А. А. Назимова и князь С. П. Голицынъ. *Пенза.* Отрокъ: А. Линдфорсъ; А. П. Демидова и Д. И. Лужинъ. *Тамбовъ.* Отрокъ: князь В. Долгорукій; княгиня А. Д. Оболенская и В. Б. Козаковъ. *Новочеркасскъ.* Отрокъ: А. Прибытковъ; княжна В. И. Грузинская и князь В. Н. Гагаринъ. *Екатеринодаръ.* Отрокъ: князь П. Мещерскій; С. А. Черткова и С. Г. Высотскій. *Полтава.* Отрокъ: П. Горсткинъ; княжна П. Д. Хилкова и С. И. Деспотъ-Зиновичъ. *Харьковъ.* Отрокъ: Б. Чашниковъ; Е. А. Дюклу и А. М. Салтыковъ. *Остзейскія губерніи:* Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ. *Эсты:* Е. Г. Гежелинская и П. С. Кологривовъ. *Екатеринославъ.* Отрокъ: П. Тютчевъ; Е. В. Тютчева и А. А. Столыпинъ. *Могилевъ.* Отрокъ: князь Г. Хилковъ; княжна В. Д. Хилкова и И. А. Мамоновъ. *Крымъ.* Отрокъ: Н. Крюковъ; Д. Ю. Давыдова и А. А. Наумовъ. *Петрозаводскъ.* Отрокъ: князь Н. Долгорукій; графиня А. В. Орлова-Денисова и П. А. Зубковъ. *Волынь.* Отрокъ: С. Перфильевъ; княгиня М. Б. Четвертинская и Н. Д. Свербеевъ. *Подолія.* Отрокъ: С. Евреиновъ; О. В. Евреинова и А. Г. Орфано. *Литва.* Отрокъ: В. Крюковъ; княгиня О. Д. Долгорукая и князь Л. А. Голицынъ. *Грузія.* Отрокъ: М. Богаевскій; Е. А. Дашкова и В. В. Калачевъ. *Мингрелія.* С. А. Черткова и М. М. Міансаріанъ. *Имеретія.* Отрокъ: Д. Яковлевъ; Е. П. Безобразова и С. Н. Макыртычьянцъ. *Карабахъ* и *Ширванъ.* Отрокъ: И. Александровъ; княжна В. Б. Четвертинская и В. Д. Шлыковъ. *Дагестанъ.* Отрокъ: П. Лярскій;

графиня Л. А. Нессельроде и И. П. Новосильцовъ. *Бялостокъ.* Отрокъ: А. Смирной; О. А. Бестужева и Д. А. Бестужевъ. *Финляндія.* Отрокъ: С. Мильфельдъ; княжна О. С. Горчакова и А. В. Панинъ. *Бессарабія.* Отрокъ: И. Александровъ; княгиня Л. П. Голицына и В. П. Шелашниковъ. *Царство Польское.* Отрокъ: А. Дубовицкій; М. А. Столыпина и князь С. А. Оболенскій. *Шемаха.* Отрокъ: князь Н. Голицынъ; княжна Е. Н. Трубецкая и Н. Ѳ. Самаринъ. *Дербентъ.* Отрокъ: В. Колпашниковъ; А. С. Цурикова и Ѳ. В. Алябьевъ. *Ермакъ*: А. Е. Мерлинъ [186]).

Съ своей стороны и Погодинъ въ своихъ *Чертахъ* тоже сказалъ нѣсколько словъ объ этомъ праздникѣ: „Въ субботу, у Московскаго градоначальника, графа А. А. Закревскаго, повторено было то знаменитое празднество (читатели простятъ, что мнѣ никакъ не хочется называть его маскарадомъ), о которомъ *Москвитянинъ* сообщилъ уже полное извѣстіе, перепечатанное во всѣхъ газетахъ и журналахъ.

„Это примѣчательное празднество украсилось сторицею: введены многія историческія лица, драгоцѣнныя для Русскаго человѣка по своимъ воспоминаніямъ: и Сусанинъ, и Мининъ, и Пожарскій, и Ломоносовъ; придано больше правильности и полноты движеніямъ, введены пѣсни и хороводы, о коихъ изъявлялъ желаніе *Москвитянинъ.*

„Наши читатели знаютъ, какое дѣйствіе на зрителей произвели въ первый разъ Русскія одѣянія, разнообразныя, богатыя, живописныя, изящныя. Вообразите же теперь, что всѣ губерніи, страны и области, составляющія безпредѣльную Россію, въ лицѣ своихъ представителей, являлись на смотръ къ своему верховному Владыкѣ и преклоняли предъ нимъ свои знаменья. Вообразите, что онъ долженъ былъ чувствовать! Какое впечатлѣніе должны были получить всѣ зрители!

„Вотъ кланяется ему старый Кіевъ, свободный Новгородъ, вотъ идетъ первопрестольная Москва, коей гербъ несется маленькимъ Ростопчинымъ, внукомъ знаменитаго градоначальника въ 1812 году, за нею являются Владиміръ и Смоленскъ,

и Ростовъ, и Черниговъ, Рязань, Кострома, Псковъ, Тверь, Вологда... и царство Казанское, и царство Астраханское, и царство Сибирское, ведомое Ермакомъ, а тамъ отдаленныя наши области—и Грузія, и Мингрелія, и Дагестанъ, Карабахъ, Ширванъ, Шемаха, Бессарабія и прочія, и прочія.— А между тѣмъ воспѣвается пѣсня:

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!.....

„Но что есть особеннаго въ этихъ словахъ, скажетъ иной чопорный знатокъ всѣхъ литературъ, кромѣ Русской, какія неприличныя и тривіальныя желанія! Можетъ быть, онъ будетъ правъ, особенно судя по своей книжкѣ, или тетрадкѣ своего гувернера, но я приведу ему замѣчаніе одного изъ знаменитѣйшихъ критиковъ: въ поэзіи всего выше не то, что есть, а то, чего нѣтъ...“

Слухъ о Московскихъ праздникахъ мгновенно распространился повсюду. „Говорятъ пріѣзжіе изъ Москвы“, писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу изъ Петербурга,—„что Москва теперь необыкновенно торжественна и празднична, и что пятьдесятъ рындъ сдѣланы пажами!.. Изъ этого должно заключить, что Русскіе костюмы произвели желаемое дѣйствіе“. Въ числѣ упоминаемыхъ И. С. Аксаковымъ рындъ, пожалованныхъ въ пажи, былъ и сынъ лѣтописца Московскихъ празднествъ Борисъ Шевыревъ.

Въ то самое время, когда Московское общество любовалось на маскарадахъ Русскими костюмами, изъ Петербурга, отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ пришелъ циркуляръ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ о томъ, „что Государю

не угодно, чтобъ Русскіе дворяне носили бороды: ибо съ нѣкотораго времени изъ всѣхъ губерній получаются извѣстія, что число бородъ очень умножилось. На западѣ бороды— знакъ, вывѣска извѣстнаго образа мыслей; у насъ этого нѣтъ, но Государь считаетъ, что борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ".

Этотъ циркуляръ крайне огорчилъ С. Т. Аксакова. „Итакъ", писалъ онъ своему сыну Ивану, 25-го апрѣля 1849 года, — „конецъ кратковременному возстановленію Русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! Конецъ надеждѣ на обращеніе къ Русскому направленію. Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но увѣрившись въ противномъ, и въ душѣ все-таки не любя насъ, хотя безъ всякой причины, сейчасъ рѣшились задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, а тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго отнята всякая общественная дѣятельность, даже хоть своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда".

Съ своей стороны и К. С. Аксаковъ писалъ своему брату: „Итакъ, Русскому дворянину нельзя носить Русскаго платья! Борода при Русской одеждѣ необходима; или лучше: борода есть часть Русской одежды, съ воспрещеніемъ бороды воспрещается и Русское платье. Признаюсь тебѣ, на меня находитъ мысль: не сказано ли это о бородахъ западныхъ, которыхъ я самъ сильно не люблю, о бородахъ при платьѣ иностранномъ—тогда другое дѣло; тогда это было бы скорѣе оправданіемъ Русской одежды; ибо въ циркулярѣ сказано, что Государь считаетъ недостойнымъ Русскаго дворянина подражать западной модѣ. Совершенная истина. Но въ такомъ случаѣ, эти слова совершенно уже не относятся къ тѣмъ, которые, какъ Отесинька, какъ я, не только не подражаютъ западной модѣ, но совершенно отъ нея отказались. Я бы такъ и понялъ циркуляръ, но въ окончаніи говорится о дворянахъ вообще, и эти послѣднія слова заставляютъ думать, что и

носящіе Русскую одежду не изъяты отсюда. Какъ скоро объявятъ намъ циркуляръ, мы, я и Отесинька, исполнимъ не медля объявленное въ немъ приказаніе. Борода не составляетъ для насъ нравственнаго, религіознаго убѣжденія. Но тяжело будетъ это для меня и, конечно, еще тяжеле для Отесиньки, ибо въ его лѣта вдругъ измѣнить свою наружность, согласную съ его возрастомъ, образомъ жизни и мыслями, оскорбительнѣе какъ-то, чѣмъ въ мои средніе годы. Наружность, одежда считается многими за бездѣлицу. Ты знаешь, милый Иванъ, что я думаю иначе. Наружность составляетъ, такъ сказать, тонъ жизни, a c'est le ton, qui fait la musique; тонъ, строй жизни—главное. Вотъ почему мода сдѣлалась проводникомъ всѣхъ западныхъ бредней, всѣхъ разнородныхъ грѣховъ, и сервилизма и либерализма. Вотъ почему и теперь освобожденіе отъ западной моды было бы, если не полнымъ, то весьма значительнымъ освобожденіемъ отъ вліянія западнаго зла. И, наконецъ, вотъ почему не могу я повѣрить, чтобы Государь нашъ, въ которомъ такъ часто высказывается Русское чувство, который въ самомъ циркулярѣ выразилъ свое негодованіе противъ подражанія Западу, чтобы Государь нашъ былъ противъ Русской одежды. Нѣтъ! этого быть не можетъ!.. Какъ хорошо, еслибъ представить въ историческомъ очеркѣ роли, которыя разыгрывали въ теченіе полутораста лѣтъ съ Петра въ Россіи, платье Нѣмецкое, иностранное, и платье Русское. Здѣсь былъ бы видѣнъ тонъ и строй той и другой жизни. Много гнусныхъ попытокъ и измѣнъ пятнаютъ платье иностранное! О, сколько зла, сколько зла принесъ намъ Западъ! И сколько еще зла можетъ принести онъ, если не прекратится его вліяніе, котораго одинъ изъ главныхъ проводниковъ—мода".

Между тѣмъ Шевыревъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что К. С. Аксаковъ не торопился брить бороды. „Дуракъ Аксаковъ", писалъ Шевыревъ Погодину,—„являлся два раза къ Хомякову въ бородѣ послѣ циркуляра и между прочимъ вечеромъ 1-го мая. Утромъ я его видѣлъ у Хомякова, а объ

вечерѣ сказывалъ мнѣ Чаадаевъ. Такъ и хочется человѣку, чтобы взяли, да не берутъ".

Но вскорѣ, къ утѣшенію Шевырева, бороды были сбриты, а въ томъ же маѣ 1849 года Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „Мы всѣ ходимъ уже бритые: Аксаковы получили предписаніе отъ полиціи, но впрочемъ весьма вѣжливое. К. С. Аксаковъ крайне некрасивъ безъ бороды въ Нѣмецкомъ платьѣ. Трубниковъ пишетъ очень забавно: „Велѣно бриться. Чтожъ? И бриться станемъ, коли въ томъ общая польза". Это слово получило великій успѣхъ. „Увѣдомляя объ этомъ графиню А. Д. Блудову, Хомяковъ писалъ ей: „Безпечный, веселый Хомяковъ, который отъ роду никакой претензіи не имѣлъ кромѣ неудачной претензіи на бороду, вдругъ сдѣлается хмурымъ и серьезнымъ Безбородкою. Я и такъ замѣчаю, что каждые два дня я сержусь по цѣлому получасу, когда брѣюсь. Ну, какъ эта лихорадка испортитъ мнѣ характеръ! Итакъ, на дняхъ я какъ-то горячился съ пріятелемъ, и пріятель мнѣ объявилъ очень важно: Mon cher, vous souffrez d'une barbe rentrée".

Самъ И. С. Аксаковъ не придавалъ Русскому платью и бородѣ такой важности, какую придавали имъ его отецъ и братъ; получивъ ихъ письмо, онъ писалъ: „Письмо Константина о Русскомъ платьѣ прекрасно, я читалъ его многимъ. Но дѣло въ томъ, что теперь вниманіе всѣхъ отвлечено въ другую сторону, существенно важнѣйшимъ событіемъ, войною,— существенно важнѣйшимъ потому, что потекутъ рѣки крови. А потому и совѣтую вамъ всѣ эти заботы оставить на время"[137]).

XXIX.

Во время пребыванія въ Москвѣ Царской Фамиліи Погодинъ имѣлъ счастливый случай сблизиться со многими высокопоставленными особами и изъ нихъ въ особенности съ Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ. Занимая постъ гофмейстера Двора Наслѣдника Цесаревича, онъ былъ живымъ

посредникомъ между Дворомъ и ученою и литературною Москвою. Подъ 22-мъ апрѣля 1849 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

„Вечеромъ у Олсуфьева до 12 ч. Говорили безъ околичностей и совершенно сблизились. Прочелъ ему статью: О Словенахъ и Нѣмцахъ“. Съ того времени у нихъ завязалась переписка. Свои старыя записки о Словенахъ Погодинъ читалъ не только Олсуфьеву, но и графу Закревскому и графу В. Ѳ. Адлербергу. Прочитавъ Закревскому, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 23-мъ апрѣля 1849 года: „Прочелъ Закревскому статью. Кажется, очень доволенъ. О Словенахъ. Посовѣтовалъ не *переписываться; я послѣ скажу вамъ причину*. Я и не переписываюсь. А въ статьѣ моей много прекрасныхъ вещей“.

Вечеръ 27-го апрѣля Погодинъ провелъ у Шевырева вмѣстѣ съ графомъ Н. А. Протасовымъ, который былъ съ нимъ „очень любезенъ“. Но эти чтенія о Словенахъ, кажется, не понравились графу С. С. Уварову. По крайней мѣрѣ И. И. Давыдовъ (24-го мая 1849 г.) вотъ что писалъ Погодину: „Я не могу скрыть отъ васъ, что Графъ удивился, что вы графу Адлербергу говорили о Словенахъ. Словене въ 1849 году развѣ то же, что они были или чѣмъ казались въ 1840-мъ? *Sapienti sat*“ [138]).

Вмѣстѣ съ Дворомъ посѣтилъ Москву, какъ мы уже знаемъ, и графъ Д. Н. Блудовъ. Въ это время онъ лично познакомился и сблизился съ Хомяковымъ. Въ запискахъ его дочери графини Антонины Дмитріевны сохранились объ этомъ любопытныя подробности. „Въ это время“, пишетъ она, — „мы пріѣхали въ Москву; я—въ первый разъ. Батюшка былъ въ числѣ приглашенныхъ Государемъ на освященіе новаго Дворца въ Кремлѣ. Поручая ему постоянно литературно-историческія работы и розысканія, которыми самъ очень дорожилъ, Государь хотѣлъ и въ эту знаменательную историческую минуту имѣть его при себѣ и дать отцу моему радость пережить съ нимъ эту минуту. Мы остановились въ красивомъ

домѣ на Малой Дмитровкѣ, у гостепріимнаго москвича, родного племянника батюшки, Павла Петровича Писемскаго, и я прямо очутилась въ средѣ для меня новой, но душевно-близкой, средѣ тогдашняго блистательнаго круга Московскихъ умственныхъ знаменитостей изъ разныхъ литературныхъ партій, сходившихся мирно и дружелюбно у насъ. Изъ нихъ Хомяковъ былъ блистательнѣйшій. Впечатлѣніе это оставалось у меня всегда одинаковое. Вотъ что я писала о немъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: Nous voyons beaucoup Хомяковъ, dont la verve et l'esprit sont vraiment incomparable. C'est un feu d'artifice continu, et cependant il y a toujours quelque bonne et profonde pensée qui éclate au milieu de tout ce feu et de toutes ces paillettes et qui reste dans la mémoire ou dans le coeur comme il arrive quelquefois qu'une étoile semble se mêler aux chandelles romaines et en faire partie, jusqu'à ce que, la fête finie, on la voie se rétacher seule sur l'obscurité du ciel et y briller pûre et limpide dans son éternelle clarté“ [139]).

Погодинъ графу Блудову былъ давно извѣстенъ. Въ *Дневникѣ* перваго мы читаемъ слѣдующее:

Подъ *25-мъ марта 1849 года*: Къ Блудову. Постарѣлъ. Ласковъ. О Меттернихѣ, Словенахъ, Папѣ. Дочь Блудова и Сушкова.

— *18-мъ апрѣля*—: Шевыревъ привозилъ новости о Блудовѣ, Ундольскомъ и пр. Скоты: Всѣ врозь. Чѣмъ бы помогать другъ другу.

— *20-мъ* — —: Къ Блудову съ визитомъ.

Въ это время Погодинъ очень сблизился съ дочерью Блудова графинею Антониною Дмитріевной, которую графиня Е. П. Ростопчина въ письмѣ своемъ къ Погодину характеризовала въ такихъ чертахъ: „Вотъ вамъ она: *Не хороша*, не вышла замужъ и потому, заглушивъ все нѣжно-женское въ себѣ, она предалась дружбѣ, умнымъ бесѣдамъ, увеселительнымъ выдумкамъ, *буфонитъ* иногда и на театрѣ, и въ гостиной, однимъ словомъ, хочетъ обмануть и другихъ, и себя веселостью и живостью,

но, въ сущности, должна страдать внутренно, это видно и понятно; она добра по влеченью, а еще болѣе по разсчету, *любитъ услужить*, любитъ очень *покровительствовать*, умна, образована и слегка мѣтитъ въ *femme* supérieure.... Вы, которые хорошо знаете женщинъ въ душевномъ и характеристическомъ отношеніи, вы поймете эту личность, довольно часто встрѣчающуюся въ свѣтѣ, и будете умѣть съ нею распредѣлиться".

За это время сохранилось весьма любопытное письмо Погодина къ графинѣ Блудовой: „Вы помните вѣрно того казака у Гоголя, которому очень хотѣлось дать хорошую выпляску, кажется, передъ своими внучатами, но ему никакъ „не вытанцовалось". У меня точно также „не выговаривается" передъ вами и послѣ всякаго раза остается въ головѣ множество всякой всячины, которая меня безпокоитъ... Мнѣ надо непремѣнно выразить свои мысли, чтобъ вы съ моей стороны не оставались въ недоумѣніи о чемъ бы то ни было (о Луи-Филлиппѣ-ли то, или комедіи Островскаго)—странное желаніе, но вы помните, что сказалъ тотъ же Гоголь о Русскихъ ученыхъ: или пьетъ мертвую, или ужь такую гримасу состроитъ, что святыхъ вонъ понеси. Здѣсь есть впрочемъ часть и вашей вины, если позволите такъ выразиться: вы подѣйствовали на меня такъ, что я дорожу слишкомъ вашимъ мнѣніемъ. Мнѣ хочется передать вамъ всѣ свои мысли.... Мало встрѣчается такихъ симпатичныхъ людей.... А мы даже и не приближались къ главнымъ вопросамъ, вопросамъ, которые лежатъ у сердца... разумѣется—нѣтъ отъ этого пользы,—удовольствіе отвлеченное... Но какъ-то становится легче на душѣ! А время такое грустное! Раздѣлить и горе, и радость пріятно, очень пріяно... Столько сочувствія, согласія, я замѣтилъ въ васъ... Итакъ, имѣю честь представить первое дополненіе къ разговорамъ. За неопрятность писанья не взыскивайте: пишу прямо, какъ будто бы говорилъ (и то послѣ дневной работы, вмѣсто отдыха), и переписыванья вы вѣрно не спросите, но удостоите ли вниманіемъ и писаніе? Не забывайте Гоголевой апофегмы — и будьте снисходительны!

„А начать надо все-таки съ *Луи-Филиппа*. Вы слишкомъ къ нему строги. Я не былъ до него никогда охотникъ, но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ хилой старичекъ, сгорбленный, ведя подъ руку свою бѣдную старушку, ночью, подъ дождемъ, дрожащій отъ холода, бродилъ по берегу моря, ища себѣ убѣжища... мнѣ какъ-то стало его жаль, и эта ночь не оставляетъ моего воображенія. Послушайте: принималъ ли онъ дѣятельное (actif) участіе въ революціи 1830 года? Онъ ли готовилъ ее?—Нѣтъ.—По крайней мѣрѣ мнѣ не попадалось никакихъ доказательствъ. Обстоятельства расположились безъ него. Онъ только принялъ предложеніе. Вы скажете: онъ долженъ былъ отвергнуть его. Вотъ тутъ-то и нужно снисхожденіе: circonstances attenuuelles. Онъ надѣялся сдѣлать добро, удержать отъ зла. Отказомъ боялся произвести замѣшательство. Разумѣется, гдѣ дѣйствовало и самолюбіе и честолюбіе, но тайно, можетъ быть, тайно даже для него. И за это, равно какъ и за то внутреннее удовольствіе, которое онъ, межетъ быть, ощутилъ при несчастныхъ происшествіяхъ съ его родными, онъ наказанъ много. Смерть герцога Орлеанскаго — какой ему ударъ въ какое чувствительное мѣсто. (Повѣрите ли, что я человѣкъ, кажется, слишкомъ посторонній, не могу до сихъ поръ вспомнить объ ней безъ содроганія). О концѣ и говорить нечего. Итакъ, *если* онъ былъ виноватъ, такъ онъ уже разсчелся съ судьбою. Будьте же къ нему снисходительны. Съ нѣкотораго времени я считаю снисходительность первою или одною изъ первыхъ человѣческихъ добродѣтелей. Какъ Христосъ былъ снисходителенъ! И какъ божественно его человѣческое снисхожденіе... Но о Луи-Филиппѣ, случайно, мимоходомъ, это лицо для меня постороннее, а *Борисъ Годуновъ,* о, вотъ это другое лицо. Бориса Годунова я люблю, люблю горячо, а никакъ не могу допустить, не буду спокоенъ я до тѣхъ поръ, пока не смягчу вашего приговора. Въ дѣтствѣ я полюбилъ его, и причина тому Карамзинъ. Его *Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ* меня плѣнили совершенно, и я съ девяти лѣтъ все думалъ,

какъ бы найти въ пеплѣ „ту искру, которой заранивается истина“, чтобы оправдать Бориса. Двадцать лѣтъ тому назадъ я принялся съ жаромъ за всѣ документы объ этомъ дѣлѣ, изслѣдовалъ тщательно, внимательно—работалъ много и заключилъ торжественно, что повторю и теперь: нѣтъ никакихъ доказательствъ вѣрныхъ, критическихъ объ участіи Годунова въ погибели царевича Дмитрія. Одно только подозрѣніе. Вспомните же, моя добрая, умная, любящая отечество Графиня, что Борисъ Годуновъ, вѣнчаясь на царство въ Успенскомъ соборѣ, воскликнулъ, тряся верхъ своей рубашки: клянусь, отче Патріархъ, что въ моемъ царствѣ не будетъ нищаго... отдамъ послѣднюю рубашку... „Глаголъ зѣло высокъ“, говоритъ другой славный человѣкъ Русскій, Авраамій Палицынъ. Неужели это комедія! Нѣтъ, нѣтъ, моя добрая Графиня, это говорило сердце. Оцѣните же это движеніе! Человѣкъ не бываетъ сряду добръ, великъ, высокъ. Всякую минуту измѣняемся, сказалъ, кажется, Григорій Назіанзинъ. Можетъ быть (опять можетъ быть), Борисъ былъ виноватъ въ такую-то минуту словомъ, помышленіемъ, но все-таки не дѣломъ, за то сколько добра, ума, дѣятельности благой въ продолженіе цѣлой жизни! Вспомните, что онъ хотѣлъ основать Университетъ въ 1606 году (куда мы теперь пускаемъ только по триста человѣкъ, какъ будто обреченныхъ на погибель); вспомните, какъ онъ поступалъ съ харчевниками, и что думалъ о винѣ, коимъ мы спаиваемъ теперь народъ, возбуждая искуственно жажду всякими зельями. Наконецъ, припомните, какъ онъ умеръ, какъ погибла его жена, сынъ, какой судьбой погибла его дочь... Признаюсь вамъ, что только это наказаніе, это несчастіе, меня смущаетъ болѣе всего: неужели онъ наказанъ столько, не бывъ виноватымъ — и мой умъ, при этой мысли, съ грустію умолкаетъ. Сколько споровъ было у меня съ Пушкинымъ о Борисѣ. Впрочемъ его аргументы были болѣе піитическіе. Историческую истину онъ, какъ поэтъ, могъ только угадывать, но никогда не могъ доходить до нея путемъ изслѣдованія. Вы примиритесь съ

Годуновымъ, Графиня, не правда ли? Прочтите мое разсужденіе о Борисѣ, но вы не читаете, и мнѣ обидно... это мимоходомъ.

„Порядка въ писаньѣ искать нечего. Пишу — что и какъ приходитъ на память. *Комедія Островскаго* имѣетъ больше достоинствъ, нежели полагаете вы и Графъ. Причина вашей несправедливости въ томъ, что вы не знаете тѣхъ купцовъ, съ которыхъ она списана. Это не тѣ купцы, которыхъ Графъ оставилъ въ Москвѣ въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ. Это негодное поколѣніе, переходъ отъ грубости, доброты, простоты, къ такъ называемой цивилизаціи. Ихъ жаргонъ и въ словахъ, и въ мысляхъ, совершенно другой: онъ-то схваченъ Островскимъ отлично, и очень жаль, въ отношеніи къ автору, публикѣ, искусству, что комедію не позволяютъ играть. Она дополненіе къ уголовному кодексу. Липочка — лицо превосходное, типическое, какъ Простаковъ, Скалозубъ, по сочиненію. Автора надо бы ободрить, а онъ подвергается почти гоненію. Вотъ почему мнѣ хотѣлось такъ, чтобъ вы послушали Садовскаго и замолвили слово, въ случаѣ нужды, въ Петербургѣ за піесу.

„О двухъ бѣдныхъ невѣстахъ — я прошу васъ: это для меня легко и просто, а къ другимъ я приступиться не могу, вы поговорите съ Окуловою, или съ кѣмъ заблагоразсудите. Ну, что стоитъ Великой Княгинѣ скинуться по какой-нибудь ассигнаціи — и два семейства устроены! Фрейлины могутъ прибросить на рубашку, а недостающее мы примемъ на себя. Подумайте — бывшій профессоръ, отецъ семи дѣтей, или тѣ сироты послѣ археолога! Но васъ нечего и просить и убѣждать — вы устроите.

„Былъ въ Кремлѣ — минута прекрасная, забудешься, когда Царь поклонился, и шапки пришли въ движеніе, но тотчасъ облакомъ и закрыло солнце. Гдѣ представители науки, искусства, просвѣщенія. Сколько ихъ? Ни громкой лиры нѣтъ, ни убѣдительнаго слова. Я ходилъ въ толпѣ, прислушивался, присматривался. Россія, народъ, отечество, — говорятъ: какъ онъ,

такой-то, любитъ отечество, какая она Русская и т. под. Но эти слова отвлеченныя, собирательныя! Любите меня, его, ее! Ивана, Григорья, Аграфену. Зачѣмъ толкаете вы эту старуху, которая пробирается въ Соборъ? Вѣдь — она народъ, Россія. Ея нитка есть въ этомъ ветхомъ знамени. Можетъ быть, ея молитва дойдетъ скорѣе другой! Зачѣмъ бьете вы въ грудь этого бѣдняка, чтобъ онъ не подходилъ къ рѣшеткѣ. Вѣдь онъ — Россія, народъ, отечество. Развѣ онъ чувствуетъ слабѣе вашего. Зачѣмъ гоните съ площади эту толпу. Вѣдь это — Россія, народъ, отечество. Она закричитъ ура громче вашего. Ихъ доля есть въ общей славѣ. Они дали тѣ лучи и искры, изъ которыхъ составилось ваше сіяніе. Пожалуй, все это назовутъ коммунизмомъ, припишутъ дурному направленію, — и я никогда не рѣшусь употребить въ печати этого оборота, который попалъ мнѣ на языкъ и доставилъ авторское удовольствіе.

„Грустно, Графиня, — и два дня я ходилъ какъ шальной, воспоминая о прошедшемъ, размышляя о настоящемъ.

„А воротясь читалъ иностранныя газеты. Тамъ-то что̀ дѣлается! Тамъ-то какими пустяками занимаются. О, бѣдное человѣчество! Столько времени ты прожило, столько горя перетерпѣло, слезъ и крови пролило, — и до чего ты достигло, гдѣ же? Въ первыхъ, самыхъ просвѣщенныхъ и пр. странахъ, въ Англіи, Франціи, Германіи! Бѣдное! Видно — единое есть на потребу, но не то, чего ты ищешь.... А это одно возможно во всѣхъ формахъ и зависитъ только отъ насъ самихъ.

„Заѣзжалъ ко мнѣ Небольсинъ, возвращающійся изъ путешествія по Киргизскимъ степямъ и пр. Человѣкъ сто, сказалъ онъ мнѣ между прочимъ, попалось ему между мѣщанами, купцами, крестьянами, въ уѣздныхъ городишкахъ, селахъ, караванахъ, столько умныхъ, дѣльныхъ, знающихъ, что любо слушать, и дѣло идетъ превосходно. Да, Графиня, — вотъ здѣсь мы всѣ должны находить утѣшеніе и успокоеніе. Россія быстро идетъ впередъ. Не смотря на̀ всѣ наши препятствія, еще болѣе не смотря на всѣ наши такъ называемыя благонамѣрен-

ныя содѣйствія, она идетъ всѣми своими членами, и конца пути ея не видитъ никто, такъ онъ далекъ! Встревожишься иногда по утру, въ полдень, вечеромъ, при такой или такой мѣрѣ, при такомъ или такомъ дѣйствіи, но, къ ночи, когда шумъ утихнетъ, и подумаешь на покоѣ, то и увидишь, что дурное мимо идетъ, не причиняя вреда, или самый малый, а прочее все улучшается и возвышается. Дѣлай каждый, что ему дано, заботься о томъ кругѣ, въ которомъ онъ поставленъ—и довольно.

„А съ другой стороны: Гоголь скоро напечатаетъ второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, Русскій языкъ вводится между Словенами, которыхъ считается больше тридцати милліоновъ, Айвазовскій написалъ пожаръ Москвы, печатаются тысячи документовъ, слышите много опытовъ, на сценѣ появилось множество талантовъ. Жуковскій работаетъ, Блудовъ блюдетъ просвѣщеніе. Слава Богу, слава Богу! Сокрушаться много нечего, и жаль, что Хомяковъ такъ лѣнивъ, а Кирѣевскій уступаетъ даже и ему въ дѣятельности.

„Получилъ изъ Ставрополя нѣсколько разсказовъ—преинтересные. А чьи? Чиновника молодого по межевому вѣдомству. Вотъ еще письмо изъ Кіева — студентъ — мѣщанинъ *) сообщаетъ прелюбопытное извѣстіе. Одинъ грандъ сказалъ мнѣ недавно: бѣда, что всѣ оставляютъ податныя сословія, а къ нимъ вновь никто нейдетъ. Добрый человѣкъ! Кто же мѣшаетъ тебѣ платить подать, чтобъ уравняться. Будемъ платить всѣ, такъ переходъ и уничтожится самъ собою. Опять это похоже на коммунизмъ.

„Да, позабылъ я вамъ разсказать: часа два провелъ я во дворцѣ въ ожиданіи представиться Великому Князю. Человѣкъ тридцать промелькнуло передъ моими глазами. Я смотрѣлъ и слушалъ. И чего я не наслушался! Что это за дикіе! Объ чемъ они говорятъ? Что ихъ занимаетъ? Отъ чего они безпокоятся. Никогда не позабуду я этого впечатлѣнія. И ка-

*) С. И. Пономаревъ.

кое идолопоклонство! Какое забвеніе человѣческаго и всякаго достоинства. Жалко, грустно, гадко! Я сошелъ съ лѣстницы, какъ изъ пытки.

„Когда же эти и прочіе люди имѣютъ время, чтобъ подумать о чемъ-нибудь серьезномъ, не торопясь, чтобъ прочесть хоть что-нибудь? Послѣ такого затянутаго утра, гдѣ уму еще тѣснѣе, чѣмъ стану, не долженъ ли человѣкъ тупѣть, деревенѣть".

XXX.

Въ бытность свою въ Москвѣ графъ Д. Н. Блудовъ посѣтилъ Московскій Университетъ, и въ *Москвитянинѣ* объ этомъ записано слѣдующее: „Пріѣхавъ въ Москву для краткаго отдыха, государственный мужъ первыя минуты этого отдыха посвятилъ нашему Университету: явленіе пріятное, котораго мы не можемъ не записать въ Московской лѣтописи. Во вторникъ Графъ выслушалъ двѣ лекціи въ Юридическомъ факультетѣ: профессоровъ Крылова и Орнатскаго; въ четвергъ въ первомъ отдѣленіи Философскаго факультета также двѣ, профессоровъ Шевырева и Грановскаго. Бесѣды сановника съ профессорами и объ Римскомъ правѣ, и объ *Словѣ о полку Игоревѣ*, съ полнымъ знаніемъ дѣла до мельчайшихъ подробностей, обнаруживало и радушное вниманіе его къ лекціямъ профессорскимъ, и всю многосторонность его разнообразныхъ свѣдѣній. И профессора, и студенты умѣютъ цѣнить такое вниманіе. Въ то время, когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ и становятся стать за нихъ во имя просвѣщенія, членамъ Московскаго Университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ Русскимъ съ высокою степенью Европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ Университетамъ свое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ какъ на вѣрные разсадники Русскаго просвѣщенія" [140]).

Но Императоръ Николай въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, къ сожалѣнію, остался недоволенъ наружнымъ видомъ студентовъ и имѣлъ по этому поводу разговоръ съ тогдашнимъ попечителемъ Д. П. Голохвастовымъ, который сообщилъ объ этомъ разговорѣ графу С. С. Уварову, въ письмѣ отъ 11-го апрѣля 1849 года: „Государь изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ и съ величайшею милостью выразился, что видѣлъ студентовъ благоприличныхъ, но и такихъ, у которыхъ внѣшность и пріемы неудовлетворительны. Я бы желалъ, сказалъ мнѣ Государь, чтобы ты видѣлъ нашихъ Петербургскихъ студентовъ. Было время, что Михаилъ Павловичъ мнѣ говорилъ объ ихъ распущенности и дурномъ видѣ, а теперь онъ самъ ими любуется и завидуетъ ихъ прекрасной наружности. На это я принялъ смѣлость замѣтить, что въ Петербургскомъ университетѣ нѣтъ медиковъ, а у насъ ихъ очень много, и почти всѣ они очень бѣдные молодые люди, что въ Петербургѣ студенты прибываютъ не изъ отдаленныхъ губерній: они большею частію дѣти достаточныхъ семействъ, изъ духовенства, купечества и даже разнаго чиновнаго люда, и могутъ не только прилично держать себя, но и состоятъ подъ семейнымъ наблюденіемъ, тогда какъ у насъ большинство молодыхъ людей изъ всѣхъ частей Имперіи, безъ средствъ, безъ родныхъ и покровителей, слѣдовательно, безъ надзора, и размѣщены по разнымъ, преимущественно отдаленнымъ, кварталамъ города. „Въ такомъ случаѣ *начальство должно замѣнять имъ родителей и родныхъ.* У тебя на это есть инспекторъ и субъинспекторъ. Я столько имѣю опытности въ этомъ дѣлѣ, что очень вижу, что̀ происходитъ отъ бѣдности и что̀ отъ непривычки къ этой формѣ, которую они стали употреблять только предъ моимъ пріѣздомъ (l'epée, le chapeau et le salut en portant la main au chapeau). Я бы желалъ, чтобы эти молодые люди уважали мундиръ, который они носятъ, этотъ мундиръ, который уравниваетъ богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ. Я бы желалъ, чтобы для собственной ихъ пользы, имъ было внушаемо, что они готовятся вступить на

службу въ свѣтъ, въ общество, и что въ обществѣ, съ этой наружностью, они будутъ играть самую жалкую роль“ [141]).

Въ это же время въ исторіи Русскаго просвѣщенія произошло прискорбное событіе. Мы говоримъ объ упраздненіи Московскаго Дворянскаго Института.

30-го апрѣля 1849 года статсъ-секретарь Танѣевъ извѣстилъ Министра Народнаго Просвѣщенія, что „съ учрежденіемъ въ Москвѣ Второго Кадетскаго Корпуса Государь Императоръ, признавъ существованіе Московскаго Дворянскаго Института безполезнымъ, Высочайше повелѣть изволилъ сдѣлать соображеніе о закрытіи его, съ передачею дѣтей меньшихъ классовъ въ Кадетскій Корпусъ и съ оставленіемъ высшихъ классовъ только до окончанія курса сего года; а зданіе сего института передать для одной изъ Московскихъ гимназій“.

Московскій Дворянскій Институтъ возникъ по упраздненіи въ 1830 году знаменитаго Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, 22-го февраля 1833 года, и имѣлъ цѣлію „доставить дворянству, въ Москвѣ проживающему, постоянное средство для пріуготовленія юношества къ университетскому образованію, подъ надзоромъ правительства“.

Закрытіе Института произвело тяжкое впечатлѣніе на общество. Изъ Петербурга (24-го мая 1849 г.) И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Дошло ли до васъ извѣстіе о закрытіи Дворянскаго Института, какъ безполезнаго въ настоящее время? Вотъ какъ начальствующіе умѣли довести до безполезности нѣкогда процвѣтавшее заведеніе!“ Вспоминая же свою дѣятельность въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, И. И. Давыдовъ писалъ: „Грустно вмѣстѣ съ вами и другими, почитающими almam Universitatem за вторую мать, но что дѣлать? Жаль и того вертограда, гдѣ мы съ Антономъ Антоновичемъ Прокоповичемъ-Антонскимъ много трудились, но тоже нечего дѣлать. Во всемъ мы кругомъ виноваты. Мы на своихъ мѣстахъ всю жизнь просидѣли: и мѣста насъ любили, какъ и мы ихъ любили. Что̀ жъ сдѣлали наши преемники?

Ни одинъ не остался на своемъ мѣстѣ. Sat sapienti... До какой степени ложны и нелѣпы слухи о переведенiи Педагогическаго Института въ домъ бывшаго Дворянскаго Института, вы теперь сами знаете. Удивительно, что историкъ-критикъ довѣряетъ всякому миѳу. Можетъ ли министерское заведенiе непосредственно, какъ Департаментъ, отдѣлиться отъ Министра? Къ подобнымъ несправедливымъ толкамъ, или явнымъ клеветамъ, принадлежатъ упреки и прежнiе, и нынѣшнiе въ мнимыхъ посредственностяхъ. Въ Университетскомъ Пансiонѣ при мнѣ были: Сандуновъ, Цвѣтаевъ, Мерзляковъ, Чумаковъ, Перевощиковъ, Щепкинъ, Погодинъ, Павловъ и пр. Кажется, это не посредственности. Теперь у меня въ Институтѣ: Остроградскiй, Грефе, Купферъ, Брандтъ, Лоренцъ, Устряловъ, Срезневскiй, Савичъ, Шиховскiй, Куторга, Фрейтагъ, Штейнманъ, Бекеръ. Всѣ эти господа или академики, или заслуженные профессоры, тоже не посредственности. И такъ, гдѣ же правда? Могутъ клеветать посторонние невѣжды; а ладно ли это профессорамъ, которые должны знать дѣло не по слухамъ, а своимъ собственнымъ умомъ".

Въ *Дневникѣ* же Погодина мы читаемъ:

Подъ *19-мъ мая 1849 года*: Крыловъ вечеромъ о закрытiи Дворянскаго Института. Что это значитъ. Вѣрно, относится къ Строганову. Ахъ, еслибы онъ былъ уменъ, сколько бы онъ могъ сдѣлать зла или добра, какъ ловко бы могъ обмануть всѣхъ.

— *23-го* — — — : Институтъ уничтожаютъ... Чуть ли не по плану Ив. Ив. Давыдова. Не хорошо вообще.

Поводомъ къ предположенiю объ участiи И. И. Давыдова въ закрытiи Дворянскаго Института могло послужить то обстоятельство, что ему Министръ Народнаго Просвѣщенiя поручилъ привести Высочайшую волю въ исполненiе и, съ этою цѣлью 4-го iюля 1849 года, онъ былъ командированъ въ Москву „для принятiя, по совѣщанiю съ Московскимъ Попечителемъ, полныхъ и окончательныхъ мѣръ" по закрытiю Института. По прибытiи въ Москву Давыдовъ доносилъ

Министру: „Отправившись изъ С.-Петербурга 8-го числа іюля, я прибылъ въ Москву 10-го числа. На другой же день я видѣлся съ Д. П. Голохвастовымъ и вручилъ ему письмо Вашего Сіятельства. Попечитель объявилъ мнѣ, что онъ сдалъ должность свою помощнику князю Г. А. Щербатову, и потому отказался отъ участія въ закрытіи бывшаго Московскаго Дворянскаго Института“. Съ своей стороны и графъ А. А. Закревскій увѣдомлялъ Министра Народнаго Просвѣщенія: „Получивъ отъ директора Главнаго Педагогическаго Института г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Давыдова свѣдѣніе о цѣли прибытія его въ Москву, я долгомъ считаю увѣдомить васъ о готовности моей оказать г. Давыдову зависящее отъ меня содѣйствіе по возложенному на него порученію“.

Не смотря на взводимыя подозрѣнія, старые друзья и товарищи И. И. Давыдова приняли его съ распростертыми объятіями. 16-го іюля 1849 г. Д. М. Перевощиковъ писалъ Погодину: „Не угодно ли вамъ, Михаилъ Петровичъ! сдѣлать мнѣ одолженіе откушать въ слѣдующій понедѣльникъ подъ липами въ Покровскомъ. Будетъ обѣдать Иванъ Ивановичъ“. Самъ же Давыдовъ того же числа писалъ Погодину: „Поздравляю васъ съ пріѣздомъ, душевно-уважаемый Михаилъ Петровичъ. Очень радъ, что мы нѣсколько часовъ проведемъ вмѣстѣ у отца Ректора. Но заѣхать къ вамъ не могу: передъ обѣдомъ у меня дѣла съ Помощникомъ Попечителя, и я не знаю, въ какую пору окончу наше совѣщаніе. Я былъ въ отчаяніи, что васъ не увижу. Слава Богу, что вы рѣшились оставить деревню въ это прекрасное время. Д. М. Перевощиковъ живетъ на Филяхъ, въ домѣ, кажется, управляющаго“. Вслѣдъ за симъ Погодинъ зоветъ Давыдова обѣдать къ себѣ, но тотъ уклоняется. „День обѣда у васъ, душевно уважаемый Михаилъ Петровичъ“, пишетъ онъ,—„назначенъ неопредѣленно, и потому если вы завтра, то-есть, въ субботу (23-го іюля) дома, я пріѣду къ вамъ къ 4 часамъ, чтобы съ глазу на глазъ побесѣдовать. Сегодня же мы увидимся вечеромъ у Геннадія Владиміровича Грудева“. 27-го іюля И. И. Давыдовъ

извѣщалъ Погодина: „Сегодня Г. И. Романовъ приглашаетъ насъ къ себѣ на обѣдъ. Живетъ онъ у Яузскаго моста въ собственномъ домѣ“. Однимъ словомъ, обѣдамъ въ честь Петербургскаго гостя не было конца, такъ что наконецъ они его утомили, и въ одномъ своемъ письмѣ къ Погодину онъ говоритъ: „Что касается до обѣдовъ, то въ Москвѣ отъ нихъ нельзя отказаться. Правда, они мнѣ уже надоѣли“.

Покончивъ свою миссію по закрытію Дворянскаго Института, И. И. Давыдовъ вернулся въ Петербургъ и 6-го августа 1849 года доносилъ Министру Народнаго Просвѣщенія: „Возвратясь сего числа изъ Москвы, я вступилъ въ исправленіе моей должности“ [142]).

Сдѣлавъ это отступленіе, по выраженію нашихъ лѣтописцевъ, *на преднее возвратимся.*

Къ концу апрѣля 1849 года Москва опустѣла, и митрополитъ Филаретъ 30-го апрѣля 1849 года писалъ А. Н. Муравьеву: „Все время Высочайшихъ и высокихъ гостей въ Москвѣ прошло и благодареніе Богу, и снисхожденію ихъ, пріятнымъ для меня образомъ, но такъ, что я не видалъ, какъ прошло. А тотчасъ по ихъ отбытіи предшествовавшее утомленіе перешло въ изнеможеніе... Москва была счастлива лицезрѣніемъ и снисхожденіемъ Царя своего и его Семейства; имѣемъ признакъ, что и Царь Москвою былъ доволенъ. Какъ заря послѣ яснаго дня, свѣтятъ теперь пріятныя воспоминанія. И всѣмъ, и особенно намъ служащимъ въ церкви, радостно и назидательно было видѣть высокихъ, со вниманіемъ, благоговѣніемъ и смиреніемъ притекающихъ къ святынѣ. Слава Богу о всемъ“ [143]).

27-го апрѣля 1849 г. И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „*Honores mutant mores.* Да, *mutant mores* даже и тѣхъ, которые считаютъ себя непоколебимыми. Въ продолженіе жизни вашей въ большомъ свѣтѣ вы совсѣмъ забыли о вашей братіи. Вы откликнулись тогда только, какъ остались опять наединѣ, среди вашего Музея, съ одними воспоминаніями о скоротеч-

ности всего въ мірѣ, кромѣ мудрости и добродѣтели. Съ чѣмъ же васъ поздравить? Что вы получили за ваши труды?" [144])

Но царское пребываніе въ Москвѣ возбудило въ Погодинѣ честолюбивые помыслы. Къ тому способствовали и успѣхъ его статей, и вниманіе, ему оказанное со стороны Августѣйшихъ Особъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Не ложнымъ свидѣтельствомъ этого стремленія служитъ намъ его *Дневникъ*, въ которомъ читаемъ:

Подъ *29-мъ апрѣля 1849 года:* Думалъ о попечительствѣ, гувернерствѣ (къ сыну Наслѣдника).

— *30-мъ* — — — : Грудевъ съ новостями непріятными объ Уваровѣ, о дурныхъ отношеніяхъ къ нему Наслѣдника. Какъ они мучатся, бѣдные!

— *24-мъ мая* — — : Ахъ еслибъ напечатать мнѣ два тома и взять приступомъ Исторіографію (то-есть, исторіографа).

— *26-мъ* — — : Работаю усердно, и между тѣмъ мысль написать Государю о нынѣшнемъ политическомъ состояніи Европы и Россіи.

— *28-мъ* — — : Назимовъ сказывалъ, что для надзора за воспитаніемъ дѣтей Наслѣдника представлены были: я, Шевыревъ и Чивилевъ. А я этого не слыхалъ.

— *7-мъ октября* — — : Думалъ, что Назимовъ захочетъ имѣть меня помощникомъ.

— *8-мъ* — — : Шевыревъ думалъ, что Давыдовъ помощникомъ Попечителя. Для меня все равно.

— *9-мъ* — — : Давыдовъ удивилъ. Извѣстіе о Петербургѣ. Лучше заниматься Исторіей, а Давыдова напрасно подозрѣваютъ, кажется.

— *29-мъ ноября* — : Вездѣ слухи о моемъ ректорствѣ и моихъ будто бы исканіяхъ. Подлецы!

XXXI.

Свѣтлые Московскіе мартовскіе и апрѣльскіе дни были омрачены открытіемъ въ Петербургѣ такъ-называемаго *дѣла Петрашевскаго.*

Еще 25-го іюня 1848 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ Петербургѣ что-то было, мнѣ говорили, сегодня у Генералъ-Губернатора. Говорятъ объ этомъ есть въ *Сѣверной Пчелѣ*“. На это Погодинъ отвѣчалъ: „О, матушка Москва! Не было у тебя ни генералъ-губернатора, ни митрополита,— одинъ глухой комендантъ *), о которомъ столько было слышно, сколько слышитъ онъ самъ—и все время прошло преспокойно, а западный городъ буйствуетъ.—Настроили они его себѣ на голову“.

Въ *Дневникѣ* же своемъ подъ *1-мъ* и *2-мъ мая 1849 года* Погодинъ записалъ: „Въ Петербургѣ захвачено сорокъ человѣкъ Ровинскій. Духъ корпуса въ правовѣдахъ. Страшная тревога вездѣ“.

„О Петербургскомъ заговорѣ толкуютъ много“, писалъ Хомяковъ А. Н. Попову,—„кто съ негодованіемъ, кто съ состраданіемъ; мое мнѣніе увидите въ письмѣ къ графинѣ Блудовой. Разсказываютъ великолѣпное слово, сказанное графомъ Закревскимъ одному изъ его пріятелей: „Что, братъ, видишь изъ Московскихъ Словенъ никого не нашли въ этомъ заговорѣ. Что это значитъ по твоему?“—Не знаю, ваше сіятельство.— „*Значитъ*, всѣ тутъ; да хитры, не поймаешь слѣда“. Это *значитъ* просто геніальное слово!“

Графинѣ А. Д. Блудовой Хомяковъ писалъ: „Въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое боевое время!... Что вамъ сказать про здѣшніе толки о вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ? Слухи объ намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ вну-

*) Сталь, Карлъ Густавовичъ.

шаетъ состраданіе. Вообще разсказы очень темны, а иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр., и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни, къ несчастію, не тетки моей, что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ Русскихъ до единаго, а для заселенія Россіи выписать Французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ. Я подозрѣваю, что мнѣніе этой барыни нѣсколько преувеличено, думаю, что вы со мною будете въ томъ согласны; но оставивъ въ сторонѣ толки и пересуды Москвы, а можетъ быть и Петербурга, не худо бы было постараться открыть истинную причину того страшнаго развитія коммунизма въ школахъ, которое положило начало открытымъ клубамъ. Болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины. Позволяю себѣ сообщить вамъ свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало семейное воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ-называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ (вѣроятно, единственное злоупотребленіе во всей Россіи), оно отмѣнило ихъ и потребовало отo всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено, для студента оставалась еще возможность оставаться при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть-чуть не съ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и навсегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія, и что образованіе слугъ правительственныхъ можетъ совершиться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; премія дана коммунистическому началу, а сильнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами, ваше сердце и вашъ разумъ; но даю вамъ слово, что

сынъ мой, если Богъ дастъ ему жизнь, не будетъ лишенъ семьи, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой службы государственной. Этого требуетъ отъ меня совѣсть, этого требуетъ начало Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ. Простите мнѣ неприличную и непривычную для меня серьезность тона: я рѣдко впадаю въ этотъ грѣхъ; да ужь видно время такое" [145]).

Погодинъ же въ *Дневникѣ* своемъ подъ 21-мъ мая 1849 года записалъ слѣдующее: „Слухъ о развращеніи и подкапываніи подъ религію между крестьянами въ устроенной школѣ Государственныхъ Имуществъ. О, Боже мой, что дѣлается? Думалъ, не приходится ли мнѣ написать такую же записку, какъ Карамзинъ, и почти въ такихъ же обстоятельствахъ". Вслѣдъ за февральскою революціею возникло въ Петербургѣ такъ-называемое *Дѣло Петрашевскаго*. Собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, по Высочайшему повелѣнію, началось въ мартѣ 1848 г., и эти розыски продолжались до 20-го апрѣля 1849 г. По мнѣнію И. П. Липранди, „наибольшая часть членовъ общества Петрашевцевъ предполагали идти медленнѣе, но вѣрнѣе, и именно путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на массы. Съ этою цѣлію въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ Правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастія. Тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи". Изъ всего этого И. П. Липранди „извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько *всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія*. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана,

очевидно, нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и „я“, говоритъ Липранди, — „имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины устраиваются, а можетъ быть, отчасти и устроены“. Обращая вниманіе на составъ Общества, Липранди говоритъ: „Безъ сомнѣнія, не для чего иного, какъ съ цѣлію произвесть всеобщее повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду“.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ казалось Липранди и то, что „главную роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества...“

По мнѣнію Липранди, „заговорщики, руководствуемые мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п. менѣе опасны: они не такъ могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собою“; но въ Обществѣ Петрашевцевъ Липранди примѣтилъ, что „въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ. Слѣпо предаваясь этимъ утопіямъ, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все человѣчество—и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія. Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они не остановятся ни на чемъ, не затруднятся ни-

чѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности".

Всѣ эти наблюденія привели Липранди къ убѣжденію, что въ такъ-называемомъ дѣлѣ Петрашевскаго „скрывается зло великой важности, угрожающее коренным потрясеніемъ общественному и государственному порядку". Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, говоритъ Липранди, „замѣчательны: члены онаго вступали въ разговоры съ легковыми извозчиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противу помѣщиковъ и высшаго правительства" и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Липранди считалъ „не безполезнымъ обратить тщательное вниманіе на то, какія мѣста на службѣ и какое положеніе въ обществѣ занимаютъ пропагандисты: ибо симъ только могла быть опредѣлена съ достаточною вѣрностію степень ихъ силы въ настоящемъ времени, равно какъ и степень вреда, приготовленнаго ими на предбудущее время".

Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ Липранди составилъ себѣ понятіе, что „всякій заговоръ рождается въ головѣ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма немногихъ... Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ сами заговорщики всегда безсильны: имъ нужна *физическая сила*, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ... При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодованію на правительство, на существующій порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобы произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидя, что онъ принимаетъ характеръ серьезный..... Впрочемъ и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается

до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствія своего стремленіемъ внести, будто бы, порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же подъ рукой произведенной и раздуваемой: такимъ образомъ вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. Итакъ, сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями *физическая сила,* которую составляетъ низшій классъ, въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлію грабежа, наживы, личнаго мщенія. По принятому въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному правилу, настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитія, оставляются не наказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами“ [146]).

Все это высказано И. П. Липранди 17-го августа 1849 г., а въ послѣдніе годы жизни самъ участникъ въ Петрашевскомъ дѣлѣ Ѳ. М. Достоевскій сознавалъ, что „соціалисты произошли отъ Петрашевцевъ. Петрашевцы посѣяли много сѣмянъ“ [147]).

XXXII.

Послѣ описанныхъ торжествъ, происходившихъ въ Москвѣ въ свѣтлую недѣлю Пасхи и по ней, императоръ Николай по возвращеніи въ Петербургъ, 26-го апрѣля 1849 года, объявилъ всенародно: „Божіею милостію, мы Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и проч. и проч. и проч., объявляемъ всенародно: Манифестомъ отъ 14-го марта 1848 года извѣстивъ вѣрноподданнымъ нашимъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Западную Европу, мы съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили, что готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не

щадя себя будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ Святою Нашею Русью, защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ. Смуты и мятежи на Западѣ съ тѣхъ поръ не укротились. Преступныя обольщенія, увлекающія легкомысленную толпу обманчивымъ призракомъ такого благоденствія, которое никогда не можетъ быть плодомъ своеволія и самоуправства, проложило себѣ путь и на востокъ, въ сопредѣльныя намъ, подвластныя Турецкому правительству княжества Молдавское и Валахское. Одно присутствіе войскъ нашихъ совмѣстно съ Турецкими возстановило и удерживаетъ тутъ порядокъ. Но въ Венгріи и Трансильваніи усилія Австрійскаго правительства, разрозненныя другою еще войною—съ врагами внѣшними и внутренними—въ Италіи, не могло доселѣ восторжествовать надъ мятежемъ; напротивъ, укрѣпясь скопищами нашихъ Польскихъ измѣнниковъ 1831 года и другихъ разноплеменныхъ пришельцевъ, изгнанниковъ, бѣглыхъ и бродягъ, бунтъ развился тамъ въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ. Среди сихъ пагубныхъ событій, Императоръ Австрійскій обратился къ намъ съ желаніемъ нашего содѣйствія противъ общихъ нашихъ враговъ. Мы въ немъ не откажемъ. Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго Вождя браней и Господа побѣдъ, мы повелѣли разнымъ арміямъ нашимъ двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе нашихъ областей. Да будетъ съ нами Богъ, и никто-же на ны! Такъ—мы въ томъ увѣрены—чувствуетъ, такъ уповаетъ, такъ отзовется, въ Богомъ хранимой Державѣ нашей, каждый русскій, каждый нашъ вѣрноподданный, и Россія исполнитъ святое свое призваніе!“ [148]).

19-го мая 1849 года В. Д. Олсуфьевъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Послѣ свиданія нашего въ Москвѣ сколько совершилось новаго. Вся Европа своротила съ торной дороги и валяетъ полемъ, куда глаза глядятъ. Письмо ваше для Государя Цесаревича 1838 года и два донесенія о Словенахъ я прочиталъ съ истиннымъ удовольствіемъ, теперь не время давать ихъ кому-либо; Ихъ Высочество слишкомъ заняты

предстоящимъ отбытіемъ въ походъ... И мы нынѣшнее лѣто встрѣчаемъ необыкновенно: бывало предваряли всѣхъ отъѣздомъ въ Царское Село, а нынѣ Императрица уже давно тамъ, а мы въ городѣ, и Богъ вѣсть, когда отсюда выѣдемъ. У насъ также семейныя хлопоты: старшій сынъ выходитъ изъ камеръ-пажей въ офицеры, въ первыхъ числахъ іюня: и немедленно долженъ отправиться догонять полкъ—молодъ; хотѣлось бы еще подержать дома, да что дѣлать?—Какъ спокойно и пріятно проводили мы время въ Москвѣ, и какъ вдругъ многое перемѣнилось по прибытіи сюда. Государь Наслѣдникъ неоднократно повторялъ мнѣ, что пребываніе въ Москвѣ оставило въ немъ самыя пріятнѣйшія воспоминанія. Когда-то Богъ опять приведетъ пожить съ вами" [149]).

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, а именно 16-го іюня 1849 года родительское сердце Государя Наслѣдника Цесаревича было поражено страшнымъ ударомъ. Онъ лишился своей дочери и въ день погребенія ея, 19-го іюня, данъ былъ въ Варшавѣ Высочайшій манифестъ, въ которомъ объявлялось, что „по волѣ Бога Всемогущаго, первородная дщерь Наслѣдника Цесаревича Великая Княжна Александра Александровна, послѣ продолжительной, тяжкой болѣзни, скончалась на седьмомъ году возраста" [150]).

Государь и Наслѣдникъ приняли личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и 1-го іюля 1849 года, изъ Петергофа, князь П. М. Волконскій писалъ графу А. А. Закревскому: „По отсутствіи Государя и Наслѣдника управленіе здѣсь всѣми дѣлами возлагается на особенную секретную коммиссію, подъ моимъ предсѣдательствомъ и членами: княземъ Чернышевымъ—по военной части и графомъ Блудовымъ—по гражданской; помоги Богъ мнѣ по старости и по слабости силъ управиться, ибо и безъ того я довольно замученъ, и надо бы все оставить" [151]).

Послѣ ряда побѣдъ съ нашей стороны, 1-го августа 1849 года, Московскій Генералъ-Губернаторъ получилъ изъ Варшавы Высо-

чайшій рескриптъ, въ которомъ между прочимъ сказано: „Рѣшившись оказать помощь моему Августѣйшему союзнику, Австрійскому императору Францу-Іосифу къ поддержанію его законныхъ правъ и къ усмиренію въ Венгріи мятежа—я былъ увѣренъ, что и въ этой войнѣ Россійскія войска покажутъ себя достойными своей вѣковой славы. Всемогущій Творецъ благословилъ наше священное дѣло, и двухмѣсячныя дѣйствія союзныхъ армій увѣнчались самыми вожделѣнными успѣхами... Въ особенности мнѣ отрадно видѣть, что столь важныя послѣдствія пріобрѣтены съ малымъ пролитіемъ Русской крови, всегда моему сердцу драгоцѣнной. Съ душевнымъ удовольствіемъ поручаю вамъ извѣстить объ этихъ событіяхъ жителей первопрестольной столицы нашей, и желаю, чтобы совершено было молебствіе“ [152]).

Съ своей стороны митрополитъ Филаретъ въ письмѣ своемъ (отъ 8-го августа 1849 года) извѣщалъ архіепископа Рязанскаго Гавріила: „Если письмо не дойдетъ до васъ скоро, то, можетъ быть, не излишне сообщить вамъ нынѣ полученное извѣстіе, что значительнѣйшій изъ Венгерскихъ мятежническихъ генераловъ, Герги, сдался Россійскому войску безъ боя. Это подаетъ надежду близкаго добраго окончанія брани, которое и да даруетъ Богъ“, а 12-го августа 1849 года митрополитъ Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „Два дня посвящены были молебствіямъ о военныхъ успѣхахъ. Фельдмаршалъ разбилъ мятежниковъ подъ Дебрецынымъ; Лидерсъ обратилъ въ бѣгство Бема. Наконецъ Гиргей предъ Россійскимъ войскомъ сложилъ диктаторство и положилъ оружіе безусловно и безъ боя. Это подаетъ надежду добраго близкаго конца дѣлу“ [153]).

Молитва святительская была услышана. 17-го августа 1849 года въ Варшавѣ данъ былъ Высочайшій манифестъ, въ которомъ между прочимъ начертано: „*Россія исполнитъ свое святое призваніе*! Такъ рекли мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, возвѣщая, что мы повелѣли нашимъ арміямъ, по желанію союзника нашего, императора Австрійскаго, идти усмирять мятежъ въ Венгрію и возстановить въ оной законную

власть ея Государя. Божіимъ милосердіемъ такъ и совершилось. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, и храбрыя наши войска пришли отъ Галиціи до Песта, отъ Песта до Арада, отъ Буковины и Молдавіи до Банната, вездѣ торжествуя. Исполнивъ нашъ обѣтъ свято, повелѣли мы нынѣ торжествующимъ войскамъ нашимъ воротиться въ свои предѣлы. Съ благодарнымъ сердцемъ къ Подателю всѣхъ благъ отъ глубины души воскликнемъ: да, воистину съ *нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ!*“ [154]).

„Благодаря Бога“, писалъ князь П. М. Волконскій, изъ Петергофа, 20-го августа 1849 года, къ графу А. А. Закревскому,—„дѣла наши кончились славно, и какъ нельзя было ожидать. Великъ Россійскій Богъ, а князь Варшавскій счастливъ; войска наши возвращаются домой на прежнія мѣста, равно и гвардія. Я ожидаю Государя сюда сегодня или завтра, и очень буду радъ сдать ему всѣ дѣла, которыми довольно мучаюсь“ [155]).

Къ величайшему нашему удивленію, Погодинъ о Венгерской войнѣ не промолвился ни единымъ словомъ. Но за то Словенофилы отнеслись къ этому событію весьма сочувственно. „О Венгерской войнѣ“, писалъ Хомяковъ А. Н. Попову,—„толки въ обществѣ весьма невыгодные. Фрондеры не понимаютъ ея необходимости, а по моему, эта необходимость ясна“. Тому же Попову писалъ Кошелевъ изъ Остенде: „Блистательное окончаніе Венгерской войны произвело вездѣ чудное движеніе. Лучше всего то, что Маджары положили оружіе не передъ Австрійцами, а передъ Русскими. Знаете, это всѣхъ здѣсь изумило“ [156]). „Вотъ и война кончилась“, писалъ И. С. Аксаковъ изъ Рыбинска къ своему отцу,—„гвардія только прогулялась, а армія совершила блистательную кампанію“. Въ другомъ письмѣ изъ Ярославля И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Пріѣхавши сюда, я взялъ у Вице-губернатора разныя Французскія газеты и Revue des deux Mondes, которыя я уже давно не читалъ, и повеселилъ свою душу ругательствомъ, страхомъ и удивленіемъ иностранцевъ передъ

нами по случаю послѣдней Венгерской кампаніи. Стараются доказать, что не мы побѣдили, а Нѣмцы съ Гайнау, а намъ по какому-то фатализму счастія досталась честь“ [157]).

Но вотъ что писалъ М. А. Дмитріевъ Погодину: „Всю нынѣшнюю Венгерскую войну меня не оставляла мысль, что еслибы за это добровольное заступничество за Австрійцевъ, (конечно, тутъ входила близость Польши), заступничество, безъ котораго они еще долго бы побарахтались, и вмѣсто этого доказательства безкорыстной дружбы, которая однако стоила же Русской крови—мы получили бы обратно Русскій Галичъ, королевство Галицію?—Карамзинъ сказалъ: *старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ*. Но я скажу: *для чувства, возбуждаемаго родствомъ народнымъ и памятью исторической—нѣтъ давности*! Не знаю, можно ли, не можно ли это быть; но согласитесь, что для русскаго эта мысль очень позволительна! Какъ бы то ни было, она меня не оставляла, хотя я зналъ, что этого не будетъ! Мы чрезвычайно великодушны; даже не помнимъ, что именно послѣ великодушія Александра Нѣмцы насъ возненавидѣли! Но это не мое дѣло“.

Когда война уже кончилась, В. Д. Олсуфьевъ, 26-го октября 1849 года, изъ Царскаго Села писалъ Погодину: „Я съ семействомъ живу при Ихъ Высочествахъ, въ Царскомъ Селѣ и ежедневно встрѣчаемъ возвращающіеся изъ похода полки. Если Богъ дастъ, долженъ прибыть и нашъ старшій сынъ съ гусарами. Что скажете о казняхъ *Гайнау?* Когда настанетъ время *валиться*, люди сами подъ собою копаютъ пропасть. Постараюсь прислать вамъ, если успѣю, съ симъ вмѣстѣ списокъ съ письма Георгія къ Ридигеру, вамъ, быть можетъ, будетъ пріятно имѣть его какъ историческій памятникъ“ [158]).

XXXIII.

„Среди радостныхъ ликованій Россіи“, свидѣтельствуютъ современники, „восторженной славою своего Государя и подвигами войскъ его поразила всѣхъ вѣрныхъ сыновъ ея глубокою, искреннею, невыразимою печалью вѣсть о кончинѣ великаго князя Михаила Павловича. Государь лишается въ немъ единственнаго брата, первѣйшаго друга, усерднѣйшаго сотрудника,—человѣчество добрѣйшаго изъ людей“ [159]).

Великій Князь преставился въ Варшавѣ 28-го августа 1849 года.

Письма Ѳ. И. Горемыкина къ Я. И. Ростовцеву послужили для насъ источникомъ при описаніи послѣднихъ дней жизни великаго князя Михаила Павловича.

12-го августа 1849 года Великій Князь былъ на кавалерійскомъ ученіи, происходившемъ на Макатовскомъ полѣ. Тамъ поразилъ его ударъ. Приближенные привезли его съ поля въ Бельведерскій дворецъ „безъ памяти, безъ языка и правой руки и ноги“. Послѣ принятыхъ мѣръ Великій Князь пришелъ въ память, но не могъ говорить и дѣйствовать пораженною рукою. Въ $4^1/_2$ часа, онъ пріобщился Св. Таинъ и сталъ покойнѣе. По свидѣтельству Ѳ. И. Горемыкина, „на Государя, который не отходитъ отъ кровати своего брата, нельзя смотрѣть безъ горчайшихъ слезъ“.

Въ это время великая княгиня Елена Павловна съ дочерью Екатериною Михайловною пребывала на островѣ Рюгенѣ. Государю благоугодно было послать къ ней Ѳ. И. Горемыкина съ извѣщеніемъ объ этомъ несчастіи. На другой день Горемыкинъ отправился и въ Успеньевъ день былъ уже на мѣстѣ. Узнавъ о случившемся, великая княгиня Елена Павловна немедленно рѣшилась ѣхать въ Варшаву. Между тѣмъ положеніе больного было безнадежно. Онъ часто стоналъ, и „по временамъ такъ громко и такимъ голосомъ, что сидящіе за двѣ, за три комнаты, выдерживать не могутъ“. Въ тѣ

минуты, когда приходилъ въ себя, узнавалъ окружавшихъ; Государя и Наслѣдника Цесаревича „всегда узнавалъ и, смотря на нихъ съ нѣжностью, часто хваталъ ихъ руки и держалъ долго“.

25-го августа 1849 года, великая княгиня Елена Павловна съ дочерью пріѣхала въ Варшаву. На первое время она ограничилась только тѣмъ, что подошла къ двери и посмотрѣла на больного сквозь отверстіе. Великую же княжну Екатерину Михайловну совсѣмъ не пускали къ умирающему отцу даже въ сосѣднюю комнату. Кромѣ медиковъ, входили въ спальню только Государь, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Н. М. Толстой и Огаревъ... Но послѣдніе три дня супруга и дочь проводили у постели умирающаго, который узналъ ихъ и очень былъ обрадованъ... Наконецъ 28-го августа 1849 года, въ 2½ часа, Великаго Князя не стало. „Послѣ трехъ дней мучительной агоніи“, пишетъ Горемыкинъ,—„онъ испустилъ духъ на рукахъ Государя, Наслѣдника Цесаревича и великой княгини Елены Павловны“...

„Сегодня совершилось три дня“, писалъ Горемыкинъ Ростовцеву,—„какъ чистая, высокая душа нашего Великаго Князя отлетѣла къ Божественному источнику, а мы здѣсь, стоя около его гроба, не можемъ еще унять сердечной тоски, которая... съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе давитъ душу, туманитъ мысли, наводя болѣе и болѣе на печальныя размышленія и о себѣ, и о жизни человѣческой, и раскрывая болѣе и болѣе великость потери. Второстепенные, мелкіе оттѣнки характера и дѣйствій начальника, иногда сердитаго и грознаго, исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнью, не оставляя ни малѣйшаго горькаго впечатлѣнія; напротивъ, въ душѣ остается воспоминаніе благороднѣйшаго, нѣжнѣйшаго отца, друга правды и человѣчества, поборника законовъ и порядка, ревнителя службы и долга, которому остался вѣренъ неизмѣнно до конца своей жизни, принесенной въ жертву своимъ обязанностямъ. Звуки встрѣчнаго марша, которымъ отдавали ему честь при его появленіи передъ фронтомъ, еще не успѣли замолкнуть, когда

смертельный ударъ сразилъ его; они были прощальною почестью, съ которою его повезли съ поля, уже полумертваго. Я вижу въ этомъ какъ бы примѣръ, указаніе намъ всѣмъ,—служить до послѣдняго истощанія силъ, не ослабѣвать въ усердіи и дѣятельности даже тогда, когда въ груди уже таится зародышъ смертельной болѣзни. Съ такими мыслями стоимъ мы около гроба покойнаго, и самые твердые изъ насъ не могутъ удержать слезъ".

„Сегодня (31-го августа 1849 г.)", повѣствуетъ Горемыкинъ, „послѣ утренней панихиды великая княгиня Елена Павловна съ дочерью простились въ послѣдній разъ съ усопшимъ и отправились въ Штетинъ, откуда на пароходѣ поѣдутъ въ Петербургъ. Прощаніе ихъ съ нами представляло сцену, раздирающую душу; обѣ онѣ много насъ благодарили, хотѣли еще говорить — и не могли; мы, обливаясь слезами, молча поцѣловали ихъ руки, и безмолвно, съ рыданіями проводили до кареты" [160]).

„Мы", писалъ митрополитъ Филаретъ къ А. Н. Муравьеву,—„по обыкновенной перемѣнчивости дѣлъ человѣческихъ, то радуемся, то печалимся. На одной недѣлѣ молились благодарственно о прекращеніи брани, и печально о упокоеніи души преставившагося великаго князя Михаила Павловича" [161]).

8-го сентября 1849 года князь П. М. Волконскій, изъ Петергофа писалъ графу А. А. Закревскому: „Съ вами раздѣляю горесть отъ потери добрѣйшаго великаго князя Михаила Павловича, который всегда осыпалъ насъ съ вами милостію и добрымъ расположеніемъ. Государь весьма разстроенъ и огорченъ сею жестокою потерею брата и истиннаго друга. Я сегодня былъ у великой княгини Елены Павловны, которая вчера пріѣхала въ Павловское, съ великою княжной Екатериною Михайловною; обѣ въ ужасномъ огорченіи" [162]).

„Жаль Великаго Князя", писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу,—„это былъ человѣкъ съ сильнымъ убѣжденіемъ въ святости долга и, конечно, одинъ изъ лучшихъ служакъ". Тотъ же Аксаковъ писалъ А. О. Смирновой: „Вѣрно, васъ глубоко огор-

чила смерть Великаго Князя. Жаль его: онъ былъ добрый человѣкъ, съ твердымъ убѣжденіемъ въ святость долга. Что-то будетъ теперь дѣлать Елена Павловна съ дочерью" [163]).

16-го сентября 1849 года въ Петербургѣ происходило погребеніе великаго князя Михаила Павловича. „У насъ все кругомъ мрачно", писалъ И. И. Давыдовъ Погодину, — „сегодня происходила траурная процессія почившаго въ Бозѣ Великаго Князя. Грустно, еще повторяю, и сердце изнываетъ! Но предадимъ себя волѣ Божьяго Промысла!" [164]).

Въ это время князь П. А. Вяземскій путешествовалъ по Востоку и, будучи, 12-го мая 1850 года, на Голгоѳѣ за упокойною обѣднею, помянулъ вмѣстѣ съ своими родными и близкими и имя раба Божія великаго князя Михаила [165]).

По смерти великаго князя Михаила Павловича начальникомъ Военно-Учебныхъ заведеній былъ назначенъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Въ послѣдній годъ жизни Великаго Князя было напечатано знаменитое *Наставленіе для образованія воспитанниковъ Военно-учебныхъ заведеній*, составленное не безъ участія Московскаго Университета. *Наставленіе* это вызвало неодобреніе. Профессоръ А. В. Никитенко въ *Дневникѣ* своемъ подъ 27-мъ марта 1849 года записалъ: „На дняхъ вышло въ свѣтъ *Наставленіе для образованія воспитанниковъ Военно-учебныхъ заведеній*, составленное Ростовцевымъ. Люди недалекіе въ восторгѣ. Другіе недоумѣваютъ надъ этимъ притязаніемъ скомкать всякую науку такъ, чтобы она была и наука, и то, что намъ угодно" [166]). Еще рѣшительнѣе отозвался объ этихъ *Наставленіяхъ* А. Ѳ. Бычковъ въ письмѣ своемъ къ Погодину: „Имѣете ли вы въ рукахъ *Наставленіе*, сочиненное Ростовцевымъ, о цѣли, направленіи и объемѣ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Это—крайніе предѣлы фразы, ученаго нахальства и учености, обглодавшей верхушки знаній а нашъ Министръ приложилъ къ этому руку. Жаль, что не въ ходу теперь дубинка Петра Великаго!" [167])

Это сужденіе заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что въ то время самъ А. Ѳ. Бычковъ съ успѣхомъ подвизался на поприщѣ педагогіи въ Военно-учебныхъ Заведеніяхъ. Осторожный же Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ подъ *26-мъ октября 1849 года* записалъ: „Не проговорился ли предъ Булыгинымъ о негодности *Наставленій* Ростовцева“.

Вступленіе Государя Наслѣдника Цесаревича на постъ главнаго начальника Военно-учебныхъ заведеній ознаменовалось открытіемъ въ Москвѣ, 6-го декабря 1849 года, Второго Кадетскаго Корпуса. 2-го декабря того же года митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію: „Простуда не очень тяжелая держитъ, однако, меня въ келіи, и еще не вижу времени выхода, между тѣмъ какъ предстоитъ 6-го дня не нетрудная служба—освященіе храма въ новооткрываемомъ кадетскомъ корпусѣ, на которомъ я долженъ быть по волѣ Государя Наслѣдника Цесаревича“ [168]).

По приглашенію отъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича на торжество открытія собрались „всѣ Московскіе военачальники, градоначальники, сенаторы, предводители и прочія почетныя особы“.

Освященіе храма во имя Св. Архангела Михаила и Божественную литургію совершалъ митрополитъ Московскій Филаретъ съ архимандритами Новоспасскимъ—Аполлосомъ, Донскимъ—Ѳеофаномъ, Симоновскимъ—Мельхиседекомъ. При этомъ Филаретъ произнесъ слово, въ которомъ, упомянувъ о созданіи „среди новаго“ военнаго стана—новаго храма *Бога мира* (*Евр.* XIII, 20), воскликнулъ: „О, Боже мира! Гдѣ же обѣщанное Тобою чрезъ Пророка время, когда *раскуютъ мечи своя на орала и копія своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча (Ис.* II, 4), слѣдственно и учиться военному искусству не нужно будетъ? Безъ сомнѣнія, есть такое звено въ многосложной цѣпи временъ; ибо глаголъ отъ Тебя исшедшій не возвратится къ Тебѣ тощъ. Но мы недовольно разумѣваемъ времена и лѣта, которыя Ты положилъ въ Своей власти. *Грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда речеши миръ на люди твоя*,

на царство, на грады, на веси, на души, но миръ Твой и у Тебя самого слѣдуетъ тому же закону, который Ты предписалъ ему для Твоихъ посланниковъ: *Аще будутъ ту сыны мира, почіетъ на нихъ миръ Твой, аще же ни—къ Тебѣ возвращается* (*Лук.* X, 6), въ ожиданіи сыновъ мира".

Сравнивая службу военную съ службою духовною, Владыка сказалъ: „А я хотя не могу отказаться отъ званія и должности воина, потому что нѣкто изъ людей моего рода службы другому, принадлежащему къ той же службѣ, далъ сію заповѣдь: *Ты убо зло постражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ* (*2 Тим.* II, 3), однако ничего не могу сказать вамъ о искусствѣ оружіемъ наносить раны и смерть, и тѣмъ пріобрѣтать побѣду. Мнѣ указано оружіе,—меня учили искусству брани,—которымъ не отъемлется жизнь, а сохраняется, или даже дается мертвому. *Оружія бо воинства нашего не плотская* (*2 Кор.* X, 4). *Нѣсть наша брань къ крови и плоти* (*Ефес.* VI, 12). *Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша*".

Общее вниманіе привлекъ образъ Св. Архангела Михаила, которымъ Императоръ Павелъ I благословилъ новорожденнаго своего сына Михаила, завѣщанный въ копіи Корпусу почившимъ Великимъ Княземъ" [169]).

На этомъ торжествѣ присутствовалъ Погодинъ и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Открытіе Корпуса въ Лефортовѣ. Кадеты. Филаретово слово. Ему надобно гремѣть. Обѣдъ и Пель предлагаетъ за здравіе добраго нашего Царя".

XXXIV.

Описавъ въ предыдущихъ главахъ государственныя и народныя радости и горе, мы приступаемъ теперь къ изложенію общественной дѣятельности Погодина въ качествѣ редактора *Москвитянина*.

Принимая дѣятельное участіе въ изданіи *Москвитянина* 1848 года, Шевыревъ наотрѣзъ отказывался принимать таковое же въ 1849 году и даже на предложеніе Погодина

написать объявленіе объ изданіи этого журнала въ 1849 году отвѣчалъ: „Объявленіе о *Москвитянинѣ* въ 1849 году не имѣю духу писать. Пиши ты". Съ своей стороны и преосвященный Иннокентій писалъ Погодину: „Едвали бы вы сдѣлали не лучше, еслибъ передали журналъ вашъ кому-нибудь другому. Вѣдь онъ у васъ отымаетъ много времени. А какая вамъ прибыль отъ него?" [170]). Но Погодинъ никакъ не рѣшался разстаться съ своимъ дѣтищемъ и въ тайнѣ отъ друзей вошелъ въ сношеніе съ А. Ѳ. Вельтманомъ и убѣдилъ его принять обязанности соредактора. Получивъ его согласіе, Погодинъ обратился въ Цензурный комитетъ съ прошеніемъ, въ коемъ онъ, предвидя въ слѣдующемъ 1849 году слишкомъ много для себя занятій по изданію своихъ изслѣдованій о Русской Исторіи, проситъ комитетъ объ исходайствованіи позволенія передать редакцію *Москвитянина* извѣстному литератору А. Ѳ. Вельтману, точно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ дозволено ему было, въ одномъ изъ прошедшихъ годовъ, передать редакцію своего журнала Студитскому. Когда это прошеніе дошло до Министра Народнаго Просвѣщенія, то онъ въ свою очередь, 12-го января 1849 года, обратился къ графу А. Ѳ. Орлову съ слѣдующимъ запросомъ: „Не имѣя о Вельтманѣ надлежащихъ свѣдѣній на счетъ благонадежности его къ исполненію обязанности редактора, я, на основаніи заключенія Главнаго Управленія Цензуры, обращаюсь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою объ увѣдомленіи, не имѣется ли въ Третьемъ Отдѣленіи ... свѣдѣній о Вельтманѣ". На это графъ Орловъ (15-го января 1849 года) отвѣчалъ, что „по дѣламъ ввѣреннаго мнѣ Управленія нѣтъ никакихъ свѣдѣній о литераторѣ Вельтманѣ, и какъ онъ долженъ быть извѣстенъ мѣстному начальству, то не благоугодно ли будетъ вамъ отнестись по сему предмету къ графу Закревскому", и послѣдній, разумѣется, далъ благопріятный отзывъ: „по дѣламъ ввѣреннаго мнѣ управленія нѣтъ никакихъ свѣдѣній, которыя могли бы служить препятствіемъ къ передачѣ редакціи журнала *Москвитянинъ* А. Ѳ. Вельтману".

Избранный и утвержденный высшею властію въ званіи редактора *Москвитянина* Александръ Өомичъ Вельтманъ, по отзыву Погодина, „принадлежалъ къ числу тѣхъ типическихъ тружениковъ, которые работаютъ съ утра до вечера въ своемъ кабинетѣ, никуда и никогда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій и всецѣло преданы своему дѣлу. Подражателей имъ желать безполезно, ибо могутъ ли найтись охотники корпѣть надъ письменнымъ столомъ или за книгами часовъ по пятнадцати въ день, но нельзя не воздать имъ должной дани уваженія, даже мимо содержанія ихъ дѣятельности“. А. Ө. Вельтманъ былъ ровесникомъ Погодину и родился въ Петербургѣ 8-го іюля 1800 года. Отецъ его, уроженецъ Ревеля, служилъ въ царствованіе Павла въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку. Сынъ его Александръ началъ свое образованіе въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, но оно было прервано вступленіемъ въ 1812 году Французовъ въ Москву. Образованіе же свое Вельтманъ завершилъ въ Корпусѣ Колонновожатыхъ Н. М. Муравьева и въ 1817 году произведенъ былъ въ офицеры. Въ Турецкую войну 1828—1829 г. находился при главной квартирѣ старшимъ адъютантомъ Генеральнаго Штаба и начальникомъ Историческаго Отдѣленія арміи. Послѣ войны, по болѣзни, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя Русской Исторіи и Литературѣ. Въ 1842 году онъ снова вступилъ на службу помощникомъ директора Московской Оружейной Палаты. „Съ живымъ, пылкимъ“, говоритъ Погодинъ,—„часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ, и съ равною легкостью уносилось въ облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало море и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ Исторіи... Колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ остался тѣмъ же колонноважатымъ въ старости. Гуннами, Вестготами и Ост-

готами, Вандалами, Лонгобардами, Маркоманнами, Герулами, Аварами помыкалъ онъ еще гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ Бородинскимъ или Тарутинскимъ полками. Направо, налѣво, маршъ! Лонгобарды, что стали на дорогѣ, посторонитесь, уступите мѣсто Вандаламъ, вотъ такъ! Герулы назадъ, Маркоманны впередъ! Авары торопитесь!.. Въ Европѣ наконецъ Вельтману стало тѣсно, и онъ захватилъ Азію, перемѣнилъ совершенно пути Монголовъ и помѣстилъ ихъ гдѣ-то на границахъ Грузіи, заставивъ оттуда уже распространяться въ Европѣ и Азіи, черезъ Кавказъ, а не черезъ Уралъ... Это былъ", продолжаетъ Погодинъ,—„человѣкъ добрый, честный, благородный... Загоскинъ сдѣлалъ ему большое добро, доставивъ мѣсто своего помощника въ Оружейной Палатѣ... Безъ этого мѣста, ниспосланнаго ему какъ-будто свыше, мудрено сказать, что сталъ бы онъ дѣлать и какъ жить, ибо литературные труды не могли обезпечивать его содержанія... Къ какому бы предмету ни прикасался Вельтманъ, вездѣ онъ съ неистощимымъ своимъ воображеніемъ, умѣлъ находить стороны новыя, любопытныя и живо, талантливо показать ихъ читателямъ. По четвергамъ собирались у него вѣрные друзья и товарищи, между которыми первое мѣсто занималъ долго Владиміръ Петровичъ Горчаковъ" [171]).

Узнавъ стороною объ избраніи Вельтмана въ редакторы *Москвитянина*, Шевыревъ писалъ Погодину: „Я слышалъ отъ Лешкова, что ты окончательно передаешь *Москвитянинъ* Вельтману. Что же ты меня не увѣдомляешь объ этомъ? Я тому чрезвычайно радъ... Но все-таки надобно бы знать мнѣ, какъ теперь будетъ редакція и съ кѣмъ имѣть дѣло? Я радъ тому, что это даетъ мнѣ возможность уйти въ мои занятія и дѣлать свое дѣло. Отъ участія я не прочь, когда захочу, но желаю, чтобы *точнѣе были условія за статьи мои*".

Уклоненіе Шевырева отъ принятія въ *Москвитянинѣ* дѣятельнаго участія не раздражило Погодина, и, возвращаясь съ Шевыревымъ съ однихъ похоронъ, онъ 24-го января 1849 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Помолился порядочно. По-

ѣхалъ съ Шевыревымъ. Я разсказалъ ему происшествіе со мною, а онъ нѣсколько своихъ. Предоброе и премилое у него сердце, искреннее благочестіе и стремленіе къ совершенствованію, и жаль его странностей".

Справедливость требуетъ сказать, что совмѣстно съ Погодинымъ трудно было вести дѣло изданія журнала даже и добродушному Вельтману. Вотъ что мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина:

Подъ *11-мъ февраля 1849 года*: Досаденъ Вельтманъ своими спорами.

— *15-мъ ноября* — — : Нумеръ вышелъ поздно, и я сердился.

— *17-мъ* — — — : Дома. Еще досада отъ Вельтмана, который говоритъ, что выѣзжаютъ на немъ, между тѣмъ какъ онъ лѣнится.

— *17-мъ декабря* — — : Съ Вельтманомъ не сладишь о распредѣленіи.

— *24-мъ* — — — : Досада отъ Вельтмана.

— *30-мъ* — — — : У Вельтмана, который соритъ деньгами.

Съ своей стороны и Вельтманъ въ одномъ изъ своихъ писемъ писалъ своему товарищу: „Очень радъ, что вы проводили время и пріятно, и прохладно, и пишется вамъ любо,— преуспѣваете. Получивъ вашу писульку, мнѣ ужасно досадно было, что я не Шампольонъ, или по крайней мѣрѣ не Гульяновъ: тьму статей не разобралъ и не понялъ. По смыслу первой статьи выходитъ, что *вы въ деревнѣ* и *на осень и на зиму*. Не понялъ, что вы подразумѣвали... Вы уѣхали, не повидавшись со мною, и не распорядились, чтобъ журналы присылались прямо ко мнѣ, и я только что не сѣлъ на мель..."

Какъ бы то ни было, первый нумеръ *Москвитянина* 1849 года произвелъ благопріятное впечатлѣніе и вышелъ своевременно. „Поздравляю васъ", писалъ Погодину В. Н. Лешковъ (2-го января 1849 года), — „и съ обновленнымъ *Москвитяниномъ!* Какъ хороша первая книга перваго нумера. Вотъ это

отвѣтъ самый грозный противъ всѣхъ нареканій! Я отъ души радуюсь и, не бывъ пророкомъ, — предсказываю успѣхъ, если что-нибудь должно имѣть успѣхъ въ Русской Литературѣ!“ „*Москвитянинъ* занимателенъ“, писалъ Погодину И. И. Давыдовъ, — „дай Богъ ему тысячи три подписчиковъ“. Но А. Ѳ. Бычковъ предложилъ Погодину слѣдующее замѣчаніе: „Вашего *Москвитянина* упрекаютъ за отсутствіе въ немъ единства направленія, и въ глазахъ многихъ *судей рѣшительныхъ и строгихъ* онъ является сборникомъ статей. Я имѣлъ въ рукахъ только двѣ книжки нынѣшняго года и пожалѣлъ, что въ немъ теперь помѣщается такъ мало матеріаловъ для Исторіи и Литературы, которыми онъ былъ такъ богатъ въ прошлые годы. Не хвалятъ также критики, — но на всѣхъ и нельзя угодить“.

XXXV.

Познакомимся теперь съ сотрудниками *Москвитянина* 1849 года. Начнемъ съ членовъ миѳическаго комитета редакціи *Москвитянина*, который былъ, какъ мы уже знаемъ, яблокомъ раздора между Погодинымъ и Шевыревымъ.

Одинъ изъ членовъ этого комитета, И. Я. Горловъ, еще 18-го сентября 1848 года писалъ Погодину изъ Петербурга: „При свиданіи въ Москвѣ вы мнѣ говорили, что составляете списокъ статей, которыя войдутъ въ *Москвитянинъ* 1849 года, для объявленія его при программѣ, и что желали бы также отъ меня получить извѣщеніе, что̀ я предполагаю дать для журнала. Соотвѣтственно съ этимъ желаніемъ имѣю удовольствіе извѣстить васъ, что я думаю на будущій годъ вамъ прислать о *золотопромышленности въ Россіи* и о *средствахъ сообщенія*. Пожалуйста не забудьте приложеній: посмотрите, какъ *Библіотека для Чтенія* выдаетъ романъ Вальтеръ-Скотта. Еще никто изъ журналистовъ не касался романовъ Купера, которые оригинальностію Американскихъ сценъ природы и нравовъ дикарей едва ли даже не занимательнѣе Вальтерско-

товскихъ. Случайно мнѣ также попались путешествія Ledy Montagne, которая какъ вамъ извѣстно, первая проникла въ сераль Султана: если вы хотите издать что-нибудь изъ литературы прошлаго столѣтія, то это путешествіе никакъ не уступитъ и разнообразіемъ содержанія, гибкостію ума и тонкостію наблюдательности непремѣнно превосходитъ. Изданіе нѣкоторыхъ трагедій Шекспира въ хорошемъ переводѣ прозою было бы истинною заслугою для литературы. Но издавайте въ видѣ приложеній что хотите, только непремѣнно издавайте. Увеличьте нѣсколько объемъ журнала. Наши журналы — это не арена для разсмотрѣнія современныхъ вопросовъ о промышленности, литературѣ, театрѣ и пр., а несравненно болѣе cabinet de lecture, гдѣ хотятъ найти на цѣлый мѣсяцъ запасъ легкаго чтенія, какъ повѣсти, смѣсь. Потому-то *Библіотека для Чтенія*, которая не только по заглавію, но и содержаніемъ была библіотекою, имѣла такіе успѣхи“.

Горловъ не ограничивался подаваніемъ однихъ только благихъ совѣтовъ, но и старался дѣломъ быть полезнымъ *Москвитянину*. Такъ онъ чуть было не привлекъ къ участію въ этомъ журналѣ знаменитаго химика Зинина. „Съ Н. Н. Зининымъ“, писалъ онъ Погодину,—„я вчера былъ вечеромъ у С. П. Шипова и говорилъ объ участіи. Надо вамъ сказать, что Зининъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ химиковъ въ Россіи, а по органической химіи даже единственный; онъ много работаетъ въ лабораторіи и писалъ и пишетъ въ *Актахъ* нашей Академіи, въ Нѣмецкихъ ученыхъ журналахъ. Но о чемъ онъ будетъ писать для *Москвитянина*? Онъ такъ вчера меня и спрашивалъ, „что я буду доставлять въ вашъ журналъ, мои анализы не могутъ найти въ немъ мѣста“. Я ему отвѣчалъ, что его буду просить о *популярномъ* изложеніи нѣкоторыхъ *современныхъ* открытій по химіи и физикѣ. На это Зининъ согласился съ тѣмъ именно условіемъ, чтобъ ему *именно объявлять желанія, о какомъ предметѣ хотятъ имѣть его изложеніе*. Итакъ вы можете въ своей программѣ выставить его имя и прибавить какіе-нибудь

лестные эпитеты. Вотъ такого сотрудника и надо имѣть, который былъ бы готовъ дѣйствовать въ планѣ журнала и по мысли редакціи. А планъ непремѣнно долженъ быть; пожалуйста не помѣщайте случайныхъ статей, потому только что онѣ есть, хотя трактуютъ объ итересахъ на лунѣ. Долженъ быть *планъ* и *мнѣніе*, потому на вашемъ мѣстѣ я бы не помѣщалъ статей, которыя противорѣчатъ мнѣнію, сказанному въ прошедшемъ нумерѣ. А я того и гляди надѣюсь встрѣтить какое-нибудь опроверженьице моихъ идей въ статейкѣ, которую вамъ пришлетъ какой-нибудь дилетантъ. Вы пишите: поднимайте же *Москвитянина*. Но что̀ для этого дѣлать? Напишите. Пожалуйста вы не думайте, чтобъ надо было какъ можно вербовать болѣе сотрудниковъ. Имѣйте не многихъ, но дѣятельныхъ, работающихъ по плану. Что за выигрышъ для журнала, если подлѣ Зининыхъ статей будутъ статьи какого-нибудь лаборанта или аптекаря, а Зинина другаго для своего журнала Богъ знаетъ найдете ли вы. Что за выигрышъ подлѣ вашихъ, Шевыревскихъ статей читать произведенія лицъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ и безталанныхъ. Или подлѣ строгихъ, историческихъ (въ обширномъ смыслѣ) статей, читать мистическія и фантастическія, подлѣ изысканій—изліянія чувства и предчувствій? Редакція должна имѣть мнѣніе, а неужели, по вашему мнѣнію, Россія имѣетъ сходство съ Англіею? Но я уже увлекся. Очень бы хотѣлъ зимой пріѣхать въ Москву, и тогда бы сталъ съ вами стараться (если это будетъ нужно) о журналѣ. Я отъ всей души желаю успѣха и много размышляю о немъ, подчасъ горячо спорю съ пріятелями.“

Но къ сожалѣнію, Зининъ въ это время женился и сдѣлался невидимкой. На это Горловъ жалуется Погодину: „Зининъ съ тѣхъ поръ, какъ женился, сдѣлался невидимъ для всѣхъ старыхъ пріятелей. Жена и домъ для него весь міръ. Онъ въ іюлѣ уѣхалъ въ Москву, кажется, теперь въ Петербургѣ. Я могу справиться, гдѣ онъ, но не надѣюсь, чтобы онъ былъ занятъ литературнымъ дѣломъ“.

Другой членъ редакціи комитета *Москвитянина*, А. А. Григорьевъ, 22-го ноября 1849 года, откровенно писалъ Погодину: „Вы, я думаю, считаете меня сильно виноватымъ передъ вами—да и имѣете на то полное право. Человѣкъ вызвался у васъ работать, не сдѣлалъ ничего или надѣлалъ дряни, за которую взялъ даже нѣсколько денегъ—и не кажетъ глазъ цѣлыхъ полтора года... всѣ шансы на то, чтобы считать его нелѣпымъ, если еще не хуже. Оправдывать себя я не берусь, но такъ какъ вы меня порядочно хорошо знаете и знаете, что собственная моя натура немножко получше той, которую я было себѣ сдѣлалъ,—то вы, вѣроятно, и не переставали надѣяться на мое исправленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если полтора года безукоризненной жизни семьянина и столько же времени усердной и аккуратной службы въ званіи наставника могутъ служить для васъ ручательствами,—то имѣю честь ихъ представить. Я считаю себя вамъ должнымъ и желалъ бы расплатиться работой... Въ то время, какъ вы предложили мнѣ отдѣлъ въ *Москвитянинѣ*, я право еще не опредѣлилъ себѣ ясно, что̀ именно я могу дѣлать: во мнѣ было только смутное желаніе что-нибудь дѣлать и какъ-нибудь опредѣлить себя. Вспомните, что я только что вырвался изъ разныхъ безднъ умственнаго и моральнаго опьяненія!... Вы поручили мнѣ отдѣлъ Политики—нельзя было сдѣлать порученія неудачнѣе. Результатъ былъ только тотъ, что я вамъ задолжалъ и что потомъ, путаясь долгое время въ крутѣйшихъ обстоятельствахъ, совѣстился показать глаза. Теперь я знаю мѣру своихъ силъ и знаю, что могу дѣлать. Не стану предлагать себя въ сотрудники по такимъ отдѣламъ, въ которыхъ мы можемъ не сойтись во взглядѣ или, лучше сказать, не во взглядѣ, а въ углѣ взгляда—не стану, вопервыхъ, потому, что опытъ научилъ меня не жертвовать никогда дорого купленною самостоятельностію, какова бы она ни была, а вовторыхъ потому, что ни вамъ, ни журналу не было бы пользы въ дѣятельности насильственной: сознавая себя эклектикомъ, я не

стану подъ знамя ни той, ни другой партіи. Но я могу 1) переводить въ стихахъ и въ прозѣ, 2) дѣлать извлеченія изъ являющихся во Франціи и Германіи сочиненій по *Исторіи* и *Искусству*, 3) составлять монографіи о писателяхъ, которыхъ я изучилъ и т. д., дѣйствовать у васъ, однимъ словомъ, только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ не нужно ничего инаго, кромѣ добросовѣстнаго труда и литературной образованности. Съ этою цѣлью, съ этими намѣреніями, я просилъ М. Н. Загоскина представить меня А. Ѳ. Вельтману... Съ этою цѣлью я желаю представиться и къ вамъ. Черкните мнѣ, когда вы будете свободны вечеромъ — и я тотчасъ же явлюсь къ вамъ, безконечно-уважаемый мною Михайло Петровичъ!"

Писатели стараго поколѣнія, Загоскинъ и Вельтманъ, украшали *Москвитянинъ* 1849 года своими произведеніями. Разсказы Загоскина: *Русскіе въ началѣ осмнадцатаго столѣтія* читались съ удовольствіемъ. „Въ *Москвитянинѣ*" писалъ Устряловъ Погодину: „я успѣлъ прочесть романъ Загоскина: что за прелесть! И этого истиннаго художника наши неучи топчутъ къ грязь!" Съ этимъ мнѣніемъ Устрялова былъ совершенно не согласенъ И. И. Давыдовъ, который писалъ Погодину: „*Русскіе въ XVIII-мъ столѣтіи* здѣсь не находятъ сочувствія. М. Н. Загоскинъ уже выдохся; у него всѣ дѣйствующіе на одно лицо, изобрѣтательности мало, разсказъ сталъ длиненъ и тяжелъ" [172]).

Это произведеніе Загоскина вызвало слѣдующее замѣчаніе Погодина: „Романъ М. Н. Загоскина, помѣщенный въ *Москвитянинѣ*, возбудилъ во мнѣ нѣсколько историческихъ вопросовъ и сомнѣній: онъ выводитъ на сцену князя Шелешпанскаго, у котораго было будто четыре тысячи душъ. Не думаю я, чтобъ богатство въ ту эпоху считали у насъ душами. Да тогда, кажется, онѣ еще и считаны вообще не были, потому что первая ревизія была въ 1719 году. Душами начали у насъ считать, вѣроятно, со временъ Екатерины. М. Н. Загоскинъ повторяетъ также часто, что у князя Шелешпанскаго было много помѣстій. Думаю, что этого также нельзя было сказать,

какъ теперь нельзя сказать, что у такого-то генерала много жалований. Теперь генералъ получаетъ свое генеральское опредѣленное жалованье, тогда бояринъ или окольничій получалъ такой-то окладъ, такое-то помѣстье, къ которому за службу, въ рѣдкихъ случаяхъ, прибавлялось особое новое жалованье. А у недоросля никакихъ помѣстьевъ быть не могло, особенно въ Московскомъ уѣздѣ, распредѣленномъ преимущественно между сановниками. Шелешпанскому можно предоставить только нѣсколько отчинъ, но не слишкомъ много, потому что по-многу было весьма не у многихъ. Я задумался даже вотъ надъ чѣмъ: живали ль въ деревняхъ наши помѣщики... но нельзя сказать здѣсь помѣщики. Помѣщикъ въ этомъ смыслѣ есть слово новое. Когда мы говоримъ теперь помѣщикъ, мы разумѣемъ владѣльца крестьянъ и земли, главное понятіе здѣсь владѣніе; а когда человѣкъ, имѣвшій помѣстье, служилъ, и помѣстье было жалованьемъ; главное понятіе—служба. Надо сказать: живали ль у насъ въ старину по деревнямъ? Мало и рѣдко; служивымъ людямъ некогда было жить въ деревняхъ. Князь Пожарскій жилъ въ деревнѣ, лѣчась отъ ранъ, притомъ, когда въ городахъ не было безопасности; Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ и, кажется, Борисъ Ивановичъ Морозовъ жили въ деревняхъ, въ въ 1654 г. (какъ видно изъ письма, помѣщеннаго въ первой книгѣ *Временника*), во время моровото повѣтрія. При Петрѣ, впрочемъ, дворяне (особенно жильцы) по деревнямъ живали, что видно изъ свидѣтельства Посошкова, и жизнь по деревнямъ, я думаю, собственно и начинается съ его времени. Еще напрасно посадилъ авторъ Прокудина или Рокотова въ царскую думу. Думными дворянами пожаловать ихъ можно, а царская дума, состоявшая изъ извѣстныхъ бояръ, для нихъ была слишкомъ высока, и права романиста не простираются такъ далеко. Надѣюсь — читатели и авторъ извинятъ мои ошибки, если здѣсь онѣ найдутся, не потребуютъ отъ меня полныхъ изслѣдованій въ летучей журнальной статейкѣ, которая пишется по тому или другому случаю, безъ всякихъ справокъ, и прямо набѣло, только къ соображенію" [173]).

А. Ѳ. Вельтманъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1849 года своего *Чудодѣя,—приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго.* Къ этому произведенію тоже весьма неблагосклонно отнесся И. И. Давыдовъ, писавшій Погодину: „А Саломея въ *морѣ житейскомъ* изъ рукъ вонъ. Для чего вы тратите на это бумагу? Въ нынѣшнее время, когда надобно прочесть въ каждый день такую пропасть печатнаго и писаннаго, кто станетъ читать Саломею". Но не всѣ такъ думали о *Чудодѣѣ.* „Романъ Вельтмана", писалъ М. А. Дмитріевъ,—„чрезвычайно разнообразенъ, живъ и занимателенъ! Я не могъ отстать отъ него. Всѣ лица прекрасно нарисованы, всѣ характеры хорошо выдержаны; Саломея очень оригинальна. Молодой человѣкъ, собирающій литераторовъ; его отецъ и гость, надѣвающій мундиръ для генераловъ—въ противоположности съ молодыми гостями, чрезвычайно забавно и вѣрно обрисованы!" Потомокъ извѣстнаго Штелина Оттъ писалъ Погодину: „Я старикъ хохочу при невольныхъ странствованіяхъ *Чудодѣя* и его партнера".

XXXVI.

Одинъ изъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ друзей Погодина и сотрудниковъ *Москвитянина,* М. А. Дмитріевъ въ это время проживалъ въ своемъ Симбирскомъ имѣніи Богородскомъ, но и изъ своего сельскаго уединенія своимъ зоркимъ окомъ онъ слѣдилъ за *Москвитяниномъ* и содѣйствовалъ его ходу словомъ и дѣломъ.

Еще въ концѣ 1848 года онъ писалъ Погодину: „Посылаю вамъ мою обычную дань къ новому году. Я желалъ бы, чтобъ *Россія* была напечатана въ первомъ нумерѣ. Прочитайте послѣдніе два куплета: теперь никакая цензура не посмѣетъ поднять на нее руку! Готовлю вамъ и прозу, если удастся дописать. Читалъ я объявленіе о *Москвитянинѣ*: онъ годъ отъ году становится лучше. Дай Богъ только больше подписчиковъ: надо какъ-нибудь хоть разъ заманить ихъ, а

тамъ ужъ будутъ! Больше повѣстей и повѣсти впереди, чтобы бросались въ глаза; и если можно библіографію. Кто это добрый человѣкъ похвалилъ меня въ Московскихъ газетахъ, въ обзорѣ *Москвитянина?* Я уѣхалъ, не простившись съ вами. Вы знаете, что послѣдніе дни я все былъ боленъ". Желаніе Дмитріева было исполнено: *Россія* его была напечатана въ первомѣ нумерѣ *Москвитянина* 1849 года. Стихотвореніе это оканчивается такъ:

Покорный, кроткій, терпѣливый
Здоровъ и крѣпокъ твой народъ!
Ты вѣры край благочестивый!
Стой противъ буръ живой оплотъ!
Во дни народныхъ смутъ и боя,
Одна безмолвна и тверда,
Одна въ величіи покоя,
Свидѣтель Божія Суда!

Получивъ билетъ на *Москвитянинъ* 1849 года, Дмитріевъ такъ отзывается объ этомъ журналѣ: „Онъ нынѣшній годъ хорошъ, очень хорошъ, лучше всѣхъ нашихъ журналовъ! Развѣ одного ему недостаетъ—счастья, которое, по словамъ Княжнина, строитъ все на свѣтѣ: *Безъ ума таки жить можно, а безъ счастія никакъ*". Радуясь успѣхамъ историческихъ трудовъ Погодина, Дмитріевъ писалъ ему: „Вы пишете, что авось къ моему возвращенію въ Москву приготовите два тома; а я боюсь, чтобы къ моему пріѣзду вы не успѣли написать восьми! Когда я пріѣду, это одинъ Богъ знаетъ! Прошлаго года былъ совершенный неурожай: и потому нынѣшній годъ голодъ и безденежье! Надобно кормить и крестьянъ, и лошадей ихъ. Хлѣба я ни зерна не продалъ! Не знаешь, чѣмъ жить, а что впередъ будетъ —ума не приложишь! Вспомнишь о службѣ—probitas laudata est et alget—говоритъ Ювеналъ. Итакъ, говорить ли еще о себѣ? Хозяйничать нынѣшній годъ нечего и не надъ чѣмъ: молотьбы почти не было. Слѣдственно сижу въ деревнѣ, сложа руки, да по старой привычкѣ занимаюсь, какъ пустой человѣкъ, литературой, которой у насъ никому не надобно. Кое-что написалъ новаго, между прочимъ статью: *О характерѣ поэзіи, ея идеѣ и формѣ.* Но пере-

писывать некому, а самому чрезвычайно утомительно, а потому такъ и остается. Собралъ всѣ свои стихи; отъ нечего дѣлать хочу выбрать лучшее и современемъ напечатать все новое. Выйдетъ порядочный томъ, то-есть, по величинѣ. Но, вопервыхъ, обрѣжетъ цензура, вовторыхъ, для кого печатать? А втретьихъ, чтобы не обошлось въ убытокъ! Напечатаніе будетъ стоить дорого, а рукописи стиховъ, даже и процензурованной, ни одинъ книгопродавецъ не купитъ, особенно въ Москвѣ: нынче не требуется! Собралъ и томъ прозы, статей философическаго и литературнаго содержанія: этого товару и подавно никому не надобно! Такое у всѣхъ и ко всему равнодушіе, и такое уныніе!“

Въ первомъ нумерѣ *Москвитянина* 1849 года Погодинъ напечаталъ огромное и довольно тривіальное стихотвореніе Н. В. Берга, подъ заглавіемъ *Сокольники*. Какъ это стихотвореніе, такъ и вообще стихотворный отдѣлъ *Москвитянина* вызвалъ со стороны М. А. Дмитріева сильное порицаніе. „Стихотвореніями что-то у васъ не такъ богаты“, писалъ онъ Погодину,—„какъ прежде, и они ужь по-Петербургски стоятъ назади. Да напрасно, мнѣ кажется, вы напечатали *Сокольники* Берга. Въ поэзіи шутятъ не такъ, а остро и благородно! Да еще почему у васъ переводные стихи печатаются въ иностранной словесности? Поэтому переводъ Жуковскаго *Одиссеи* принадлежитъ не къ нашей словесности, а къ иностранной? Переводовъ въ поэзіи нѣтъ: они уже дѣлаются нашею собственностью, потому что требуютъ не одного знанія языка, а таланта: тутъ не найдете переводчика, по чемъ съ листа, и не всякій возьмется“.

Древній Горацій чуть не поссорилъ нашихъ друзей, и виновникомъ былъ А. Ѳ. Вельтманъ.

Мы уже знаемъ, что М. А. Дмитріевъ съ давнихъ лѣтъ занимался переводомъ сатиръ Римскаго поэта. 3-го марта 1849 года Дмитріевъ писалъ Погодину: „Если вамъ нужны стихи для *Москвитянина*, то не хотите ли напечатать мой переводъ двухъ сатиръ Горація? Вы видите, что говоря о

переводахъ j'ai ma cause! Въ такомъ случаѣ можете взять ихъ у моего сына Ѳедора. Если не хотите — я не въ претензіи. А если хотите, сперва напечатайте *шестую сатиру*; она лучше *первой* по содержанію, и въ ней меньше сатирическаго. Въ такомъ случаѣ не сочтете ли нужнымъ сдѣлать отъ себя маленькое примѣчаніе, что подчиваете такимъ старьемъ, такою несовременностью! Я перевелъ четыре сатиры. Хорошо ли—судить не мое дѣло" [174]).

Вопреки желанію Дмитріева Вельтманъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* вмѣсто *шестой* сатиру *первую о любостяжаніи* [175]) и, кромѣ того, позволилъ себѣ исказить ее, о чемъ и писалъ Погодину: „*Шестую* сатиру Горація перевода Дмитріева возвращаю, она не можетъ быть напечатана; а *первую* можно напечатать, исключивъ два стиха, которые нисколько не нарушаютъ ея существеннаго смысла". Само собою разумѣется, что это самоуправство крайне оскорбило переводчика, и онъ писалъ Погодину: „Я нѣсколько разъ просилъ васъ о возвращеніи мнѣ моего перевода двухъ сатиръ Горація; но нынѣ къ удивленію моему одна изъ нихъ напечатана, и къ моему огорченію вижу еще, что въ ней одинъ стихъ *переправленъ*, а три стиха *совсѣмъ исключены*, такъ что смыслъ остался не конченнымъ! Сколько разъ я просилъ васъ, въ случаѣ, если цензура не пропускаетъ чего въ стихахъ моихъ, то совсѣмъ ихъ не печатать. На это я, кажется, имѣю полное право. Неужели я, старинный доброхотный вкладчикъ вашихъ журналовъ, вмѣсто вниманія, заслуживаю такое пренебреженіе, какого никто никогда мнѣ не оказывалъ даже и въ моей молодости: то-есть, что всякій почитаетъ себя въ правѣ уродовать, что я напишу! На этомъ условіи я никакъ не соглашусь печатать ни въ какомъ журналѣ. И потому умоляю васъ не печатать другой моей сатиры и возвратить мнѣ ее черезъ сына, или, если это вамъ трудно, то изодрать ее и вовсе уничтожить".

Въ отвѣтъ на оправдательное письмо Погодина Дмитріевъ писалъ: „Вы пишете: *неужели я недоволенъ вашимъ объясне-*

нiемъ? Какимъ? Я никакого письма отъ васъ нѐ получалъ. Положимъ, что оно пропало на почтѣ. *Вельтманъ предполагалъ вслѣдствiе моего, вѣроятно, письма, что этою поправкою доставитъ мнѣ удовольствiе.* Я никакого письма къ нему не писалъ. Но оставимте это". Миръ между друзьями возстановился, и 16-го декабря 1849 года Дмитрiевъ писалъ: „Ваше письмо меня очень обрадовало. Итакъ, это были недоразумѣнiя, которыя и кончились! Я всегда любилъ и цѣнилъ васъ. Сверхъ того, старое знакомство, сдѣланное еще въ тѣ лѣта, когда люди живутъ безъ оглядки!"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дмитрiевъ писалъ и слѣдующее: „Въ послѣднiй разъ о Горацiѣ. У меня переведено изъ него уже семь сатиръ; хочется перевести еще двѣ-три, написать, предисловiе, примѣчанiя, и издать особой небольшой книжкой, подъ названiемъ: *Избранныя сатиры Горацiя.* Потомъ пошлю какъ-нибудь въ Петербургскую цензуру, которая и просвѣщеннѣе нашей, и умнѣе, и человѣчнѣе. За вѣрность моего перевода я ручаюсь; о достоинствѣ его не сужу, а слышалъ, что его расхвалили въ *Современникѣ.* Если будете увѣдомлять въ *Москвитянинѣ* о литературныхъ предпрiятiяхъ и надеждахъ, то нельзя ли упомянуть и о моемъ намѣренiи, и о томъ, что̀ уже готово?"

По заключенiи мира Дмитрiевъ по прежнему сталъ сообщать Погодину о своемъ положенiи и о своихъ занятiяхъ. „*Что мое здоровье?* Худо; часто бываю боленъ, и это отнимаетъ у меня единственную отраду читать, писать, мыслить.—*Занятiя?* Хозяйство плохо; два года неурожай. Литературой занимаюсь, когда здоровъ и покоенъ. Есть и стихи новые, и готовая проза. Вздумалъ еще написать *Воспоминанiя о князѣ И. М. Долгорукомъ и взглядъ на его сочиненiя*, въ двухъ статьяхъ. Это мнѣ доставляло удовольствiе, потому что, писавши о немъ, я вновь съ этимъ старикомъ пережилъ мою молодость; а между тѣмъ—это такой оригинальный характеръ! Но для жизнеописанiя здѣсь нѣтъ подъ руками никакихъ пособiй, и потому о его жизни неполно. Просилъ его сына, не пришлетъ ли

какихъ свѣдѣній, въ ожиданіи ихъ остановился. *Мои планы?* — Умереть, когда придетъ пора, только бы не здѣсь, а въ Москвѣ“.

Посылая свои стихи для *Москвитянина*, Дмитріевъ изливаетъ свое негодованіе на Московскую цензуру. „Московская цензура“, пишетъ онъ, — „такова, что гдѣ только есть мысль, тамъ и душитъ, не разбирая какая!“ и при этомъ впадаетъ въ забавное недоразумѣніе: вообразивъ математикомъ цензора *Москвитянина* профессора Государственнаго Благоустройства и благочинія В. Н. Лешкова, онъ такъ писалъ Погодину: „Да нельзя ли вамъ избавиться отъ этого Лешкова? Математикъ, слѣдовательно — неучъ; чего тутъ ожидать? Ему всякая живая мысль новость, которой онъ боится, потому что въ математикѣ они привыкли видѣть одну сушь и формулы, которыя съ малыми перемѣнами тянутся у нихъ отъ какого-нибудь Эвклида! Вѣдь это стыдно сказать передъ Европой, что въ Россіи запрещаютъ переводъ древняго поэта. Еще покорнѣйшая просьба: стихи, которые посылаю, настоятельно прошу, прежде прочтите сами и *не отдавайте меня на судъ Санскритскому стихотворцу, который написалъ такую прекрасную Пѣснь баядерокъ*“.

Послѣднія строки направлены по адресу А. Ѳ. Вельтмана, который дѣйствительно напечаталъ въ *Москвитянинѣ* стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Пѣснь баядерокъ.*

Библіографическій отдѣлъ *Москвитянина*, которымъ завѣдывалъ А. Ѳ. Вельтманъ, вызвалъ также порицаніе со стороны М. А. Дмитріева. „Да не позволите ли мнѣ“, писалъ онъ, — „прислать къ вамъ для напечатанія въ *Москвитянинѣ* уже написанное мною къ вамъ письмо, относящееся къ одному мѣсту вашей библіографіи? На Карамзина просто нынѣ лгутъ, и ваша библіографія тоже. А вотъ вамъ замѣчаніе о вашей библіографіи вообще: я говорю объ извѣстіяхъ собственно литературныхъ, а не историческихъ и не ученыхъ, нѣтъ ни одной книги, о которой было бы сказано мнѣніе, и какова она, и чѣмъ хороша, и чѣмъ дурна; а всѣ походятъ около нея да поговорятъ какія-то очень не острыя шуточки! Такъ по-

говорено было о Капнистѣ и о Долгорукомъ! И все невѣрно; а изъ Долгорукова, какъ на смѣхъ, приведены на выдержку стихи, что нѣтъ ихъ хуже, и никогда никто не повторялъ ихъ: все это напраслина! Можно бы въ двухъ словахъ сказать о Капнистѣ, но опредѣлить его характеръ, его мысли. Такъ и видно, что библіографъ не читалъ ихъ съ молодости, а только слыхалъ".

На великодушное предложеніе Погодина, сдѣланное Дмитріеву, получать гонораръ за свои произведенія, послѣдній отвѣчалъ: „Отъ предложенія *Москвитянина* по сту рублей за листъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, отказаться нельзя: c'est toujours quelque chose, какъ говоритъ народъ фразъ, Французы, и потому я его безъ церемоніи принимаю. Впрочемъ, я надѣюсь, что прозой не разорю васъ! Это не стихи, которые Богъ ихъ знаетъ какъ сами пишутся; проза требуетъ труда. Мыслей приходитъ много, но механическій трудъ усидчиваго писанья требуетъ здоровья".

Погодинъ давно уже мечталъ напечатать *Записки* И. И. Дмитріева и объ этомъ не разъ имѣлъ переговоры съ его племянникомъ. Сынъ послѣдняго, Ѳ. М. Дмитріевъ, 22-го іюня 1849 года, писалъ Погодину: „Папенька ..... проситъ васъ сообщить ему чрезъ меня, что̀ вы намѣрены дать за *Записки* дѣдушки Ивана Ивановича". Но самъ М. А. Дмитріевъ писалъ: „*Записки* Ивана Ивановича боюсь печатать. Увѣряю васъ, что изъ двухъ послѣднихъ частей половину выкинетъ цензура; я и васъ обману, и книгу на вѣкъ испорчу. Вспомните, какого труда мнѣ стоило выбрать какіе-нибудь отрывки для *Москвитянина!* А нынѣшняя цензура—да спаси Господи! подождемте лучшаго времени для нашей Литературы! Вотъ вы вѣдь обѣщали, кажется, прошлаго года напечатать *Записки* И. В. Лопухина? Въ одномъ Петербургскомъ журналѣ тоже было обѣщано; но ни у васъ, ни тамъ не было; стало быть нельзя; Ничего, ничего нельзя! — Labora, obedi, tace — вотъ и все. Радуюсь, однако, что у насъ еще пишутъ и что готовится столько литературныхъ новостей! Какъ это мы пишемъ! и еще

комедіи! Послѣдніе нумера *Москвитянина* я еще не получалъ и потому комедіи Московскаго Шекспира еще не знаю“ [176]).

XXXVII.

Таинственный Александръ Скарлатовичъ Стурдза принадлежалъ также къ числу постоянныхъ сотрудниковъ *Москвитянина* и неизмѣнныхъ, хоть и заочныхъ, друзей Погодина.

Мнѣнія объ этомъ во всякомъ случаѣ замѣчательномъ человѣкѣ были различны. Съ одной стороны до насъ долетаютъ самые рѣзкіе о немъ отзывы, а съ другой—совершенно имъ противоположные. Такъ, когда Гоголь собирался зимовать въ Одессѣ, то А. О. Смирнова писала ему: „Вамъ лучше быть поближе къ Западу, послушаться зова Александра Скарлатовича Стурдзы. Странно, я Стурдзы не знаю, но точно какъ будто мы родные. Мнѣ кажется, что еслибы я встрѣтила его, мы были бы тотчасъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Я давно уже смотрю на Одессу, какъ на отрадный островокъ, и единственно отъ того, что живетъ тамъ авторъ драгоцѣнныхъ *Писемъ объ обязанностяхъ священнаго сана*“ [177]).

Единомысленно съ Смирновою писалъ и И. С. Аксаковъ къ своему отцу: „Недавно прочелъ цѣлую книгу Стурдзы: *Письма о должностяхъ священнаго сана.* Книга очень интересная; вся жизнь священника, въ столкновеніи съ разными происшествіями и эпохами жизни, изложена въ *Письмахъ* его къ одному монаху. По крайней мѣрѣ я прочелъ ее съ пользой, и были минуты, когда мнѣ хотѣлось быть священникомъ“ [178]).

Хотя въ письмахъ своихъ къ Погодину Стурдза постоянно жаловался на Московскую духовную цензуру, но вотъ что писалъ въ своемъ *Обзорѣ Русской Духовной Литературы* историкъ Русской Церкви, архіепископъ Филаретъ: „Александръ Стурдза, Бессарабскій помѣщикъ, изъ Молдаванъ, довольно образованный. Онъ любилъ писать о многомъ, и нерѣдко писалъ о томъ, что самъ недостаточно зналъ. Изъ на-

зидательныхъ сочиненій его самое лучшее — *Письма о должностяхъ священника*, впрочемъ они не только исправлены, но и передѣланы во многомъ Московскою духовною цензурою. Иначе въ нихъ много-много было безотчетности, произволовъ и ошибокъ".

Въ *Москвитянинѣ* 1849 года Стурдза помѣстилъ статью о *Гуфеландѣ*. Когда же получилъ корректуру этой статьи, то писалъ Погодину: „Жаль, что цензура хочетъ выбросить цѣлое разсужденіе о *дворянствѣ*, ибо оно отстаиваетъ историческими доводами неразрушимость самаго *явленія*, указывая единственно на измѣненіе формъ. Ни одинъ либералъ въ свѣтѣ не написалъ бы этихъ страницъ. Въ нихъ сказано, что патріархальное дворянство смѣнено патриціатомъ Греціи и Рима, а этотъ послѣдній замѣненъ феодальнымъ дворянствомъ. Оно-то нынѣ уступаетъ новымъ формамъ на Западѣ, а у насъ на Руси можно ли отрицать, что табель о чинахъ и служебные разряды не измѣнили существенно коренного дворянства". Еще прежде того Стурдза отправилъ въ *Москвитянинъ* свои разсказы о Востокѣ; не видя ихъ въ печати, онъ спрашиваетъ: „Что̀ сталось съ моими разсказами о Востокѣ? Неужели велятъ имъ молчать въ то самое время, какъ въ Петербургѣ готовятся издать Русскій переводъ *Соборнаго посланія Восточныхъ патріарховъ*? Изъ этого вышло бы смѣшное и жалкое противорѣчіе. Но помню, что подъ луною вся возможна суть" [179]).

Упоминаемое въ письмѣ *Соборное посланіе* доставило великое утѣшеніе православно-богословствующему Хомякову. Дѣло въ томъ, что это *Соборное посланіе* было отвѣтомъ на *Окружное посланіе* папы Пія IX-го, отъ 6-го января 1848 г., къ Восточнымъ Патріархамъ. Отвѣтъ этотъ, въ переводѣ съ Греческаго, былъ напечатанъ по благословенію Св. Сѵнода въ 1850 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Окружное посланіе единой Святой Соборной и Апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ*. Въ немъ между прочимъ сказано, что у насъ „ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-либо новое, потому что хранителемъ благочестія у насъ есть тѣло Церкви".

По поводу этого Посланія Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Конецъ прошедшаго года и начало нынѣшняго показали намъ, что никогда нельзя угадать, что откуда возьмется. Примѣръ великолѣпнѣйшій этой истины находится въ *Окружномъ посланіи* и въ той тревогѣ, которая поднята имъ въ нашемъ духовномъ мірѣ. Кто ждалъ такого явленія? Кто повѣрилъ бы, что инстинктъ церковной истины дойдетъ до такого яснаго сознанія въ духовенствѣ мало просвѣщенномъ и глубоко-испорченномъ внѣшними обстоятельствами и своею схоластическою наукою? То, что мы говорили между собою и чего никто не смѣлъ и не могъ сказать или напечатать явно, высказывается во всемірное услышаніе: самое *анти-іерархическое ученіе*, разумѣя іерархію по западному, проповѣдуется высшими іерархами нашей Церкви, и такъ просто, съ такою несомнѣнною увѣренностью, что кромѣ добровольно слѣпого, всякій, слышавшій слово, долженъ мгновенно увидѣть всю внутреннюю и свободную жизнь Православія. Это очень важно для насъ; надѣюсь, что это будетъ еще важнѣе для Запада, восколько тамъ есть люди ищущіе правды. Я объ этомъ пишу Пальмеру. Истина духовная разъ допущенная и сознанная не ограничится и не можетъ ограничиться одною только областью догматики. Вѣра имѣетъ въ себѣ силу необходимо охватывающую всю жизнь; *признаніе народа церковнаго хранителемъ истины*, чѣмъ-то цѣлымъ и духовно-живущимъ, и погруженіе самой іерархіи въ народъ повлекутъ за собою другія послѣдствія не только въ жизни церковной, но и въ жизни общественной и гражданской; наконецъ самый фактъ *Окружного посланія* и проявленіе вселенства спокойнаго, самоувѣреннаго и живого въ минуту всеобщей разрозненности и борьбы, подѣйствуютъ какъ весьма сильный толчокъ въ сферѣ духовной, хотя разумѣется, что мы не должны ждать отъ него мгновенныхъ послѣдствій, какъ отъ журнальной статьи или правительственной мѣры во Франціи. Вообще мы не можемъ ничего ожидать скораго, ибо всегда должны помнить, что борьба наша не въ крови и плоти. Тѣ, которые

посвятили себя великому и всемірному труду христіанскаго воспитанія, а внѣ этого труда мы и значенія никакого не имѣемъ, тѣ прежде всего должны быть терпѣливы. Скажите это пожалуйста Ивану Сергѣевичу Аксакову: онъ это забываетъ...“ [180]).

Мысль о просвѣщеніи народа подъ покровомъ Церкви давно заботила многихъ, и въ числѣ ихъ С. А. Маслова. Въ 1848 году Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства издало три книжки подъ заглавіемъ: *О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи.* Погодинъ, всей душою сочувствуя мыслямъ, одушевлявшимъ Маслова, вотъ что, между прочимъ, писалъ по поводу изданныхъ книжекъ: „Мысль о распространеніи грамотности въ народѣ на религіозно-нравственномъ основаніи прекрасная, высокая, святая! Всѣ наши мудрѣйшіе государи питали ее: и Петръ, и Екатерина, и Александръ; въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано для нея еще болѣе, чѣмъ во всѣ прежнія. Всѣ наши знаменитѣйшіе писатели дорожили ею и употребляли съ своей стороны зависящія отъ нихъ средства убѣждать въ ней публику. Учить народъ, воспитывать его въ правилахъ Святой Вѣры, въ преданности Престолу и Отечеству — вотъ наша обязанность, и вмѣстѣ единственное средство предохранить праправнуковъ нашихъ отъ тѣхъ страшныхъ явленій, коими исполнена теперь несчастная Европа. Государи Европейскіе содержали войска, пеклись о правосудіи и покровительствовали наукамъ и художествамъ, строили дворцы и пр. и пр.,—а о простомъ народѣ кто изъ нихъ думалъ? Онъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, стѣснялся, бѣднялъ, дичалъ, и вотъ теперь яростнымъ звѣремъ грозитъ пожрать всѣ плоды долговременной Европейской цивилизаціи! Положимъ, дѣйствуетъ еще большею частію чернь городская, но ядъ началъ разливаться на Западѣ уже и по деревнямъ!—Возвратимся къ нашей грамотности. Мы разумѣемъ подъ нею не одно умѣнье читать и писать, а воспитаніе въ страхѣ Божіемъ, по кореннымъ Русскимъ началамъ. Трактирное, лавочное, ла-

кейское умѣнье читать и писать не приноситъ никакой пользы, и развѣ вредъ. Стараніе нашихъ филантроповъ, что земля около солнца движется, а не солнце около земли, также мало значитъ, а распространеніе въ народѣ книгъ Священнаго Писанія, книгъ Богослужебныхъ, книгъ Чети-Минейныхъ, Отеческихъ, однимъ словомъ книгъ, къ которымъ онъ всегда былъ преданъ, которыхъ и теперь онъ ищетъ и любитъ—съ объясненіями, толкованіями, — вотъ что для него нужно и полезно; религіозная основа — вотъ о чемъ должны всѣ друзья добра заботиться, а не колебать ее. Примѣръ передъ глазами, и примѣръ разительный. До чего дошелъ умъ въ Европѣ? Сердце — вотъ на что должно быть обращаемо главное вниманіе: въ простомъ сердцѣ Богъ почиваетъ. Знанія житейскія пріобрѣтутся современемъ и послужатъ прекраснымъ дополненіемъ къ первому сокровищу. Главнымъ представителемъ мысли о такомъ распространеніи грамотности является въ наше время Московское Общество Сельскаго Хозяйства съ своимъ непремѣннымъ секретаремъ С. А. Масловымъ: хвала и честь достойнымъ друзьямъ добра и просвѣщенія! Многіе пастыри Церкви содѣйствуютъ имъ святыми молитвами, словами участія и одобренія. Помѣщики по всѣмъ концамъ Россіи заводятъ у себя школы и принимаютъ мѣры къ обученію крестьянъ своихъ и крестьянокъ. Усладительно читать ихъ отчеты и донесенія Обществу! Впрочемъ эти извѣстія для бо́льшей гласности лучше бы печатать и перепечатывать во всѣхъ газетахъ, столичныхъ и губернскихъ“.

Масловъ, въ чемъ ему вполнѣ сочувствовалъ и Погодинъ, признавалъ, что *церковную*, а не *гражданскую* грамоту слѣдуетъ избрать для распространенія въ народѣ и рекомендуетъ три книги, изстари употреблявшіяся для наученія грамотѣ: церковную *азбуку*, издаваемую Св Сѵнодомъ, показывая ея преимущество передъ другими гражданскими азбуками, въ которыхъ „вмѣсто А—Ангелъ, Ангельскій, Б—Богъ, Божество, приводятъ такія произношенія: А—Арапъ, Ананасъ. Б—Быкъ, Барабанъ;—потомъ *Часословъ* и *Псалтырь*. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Масловъ полагаетъ, что грамотѣ можетъ учить всякой грамотный, а священники сельскіе должны уже объяснить учащимся и подготовленнымъ ученикамъ Заповѣди Божіи".

Мы уже знаемъ, что одною изъ жертвъ негласнаго Комитета 2-го апрѣля былъ В. И. Даль *). Вскорѣ послѣ того онъ былъ переведенъ въ Нижній Новгородъ на должность управляющаго Удѣльною Конторою. Увидавъ свое имя въ числѣ сотрудниковъ *Москвитянина* 1849 года, Даль 28-го января писалъ Погодину: „Хорошо вамъ, заугольникамъ, и писать письма, и отвѣчать вò-время, — а какъ день зà день, не зная воскресенья, сидишь съ утра до ночи за такими пріятностями, что съ души воротитъ, такъ вечеромъ и пера въ руки взять не хочется. Дай же вамъ Богъ любовь да совѣтъ; хорошъ теперь *Москвитянинъ*, и стали объ немъ теперь поговаривать, да не вѣрятъ еще: это-де ради надувательства, одна заманиха. Вамъ надо всѣмъ жертвовать, чтобъ выдержать во что бы то ни стало, тогда пойдетъ заведейка глаже, какъ по маслу. А на что, позвольте узнать, вы самолично изволите упражняться въ замѣткахъ — въ концѣ смѣси и между прочимъ ни къ селу, ни къ городу, придираться къ другимъ журналамъ и замѣчать несвоевременные ихъ выходы?.. Не соблаговолите ли тоже объявить, поставивъ меня чуть не въ *редакторы*, что я вовсе не буду участвовать? Пожалуйста удостойте, это необходимо; я не хочу слушать справедливыхъ, хотя и вовсе не заслуженныхъ попрековъ. Напишите, что *недосугъ*, и потому не обѣщаетъ ничего. Да смотрите, Михаилъ Петровичъ, не откладывайте, а то здѣсь какъ разъ подцѣпятъ и выведутъ исторію. Непріятностей, кромѣ Высочайшаго выговора, мнѣ не было; но, вѣроятно, будетъ современемъ, когда захотятъ доброхоты припомнить, что онъ-де ужъ *попадался*. Въ чемъ — это все равно; былъ *замѣченъ*, и довольно. На васъ мнѣ было бы грѣшно пенять за это; не знаю, кто именно изъ цензоровъ подвергся отвѣту — пожалуйста ударьте челомъ

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* С.-Пб. 1895, кн. IX, стр. 287—288.

моимъ именемъ: я этого не хотѣлъ. О чемъ же еще хотите, чтобъ васъ увѣдомить? Неужто не знаете, что это сдѣлано Комитетомъ, гдѣ гг. Бутурлинъ, Корфъ, Дегай? — Болѣе и я ничего не знаю. Увѣдомьте, при случаѣ, о подпискѣ, въ какой степени она хороша? Тысяча есть? Здѣсь тысяча едва-едва только покрываетъ расходъ". Затѣмъ Даль сообщаетъ, что въ то время, кромѣ, разумѣется, службы, онъ занимался только „пословицами и Словаремъ, которые даже намѣренъ соединить".

Лѣтомъ 1849 года Даль былъ проѣздомъ въ Москвѣ, о чемъ писалъ Вельтманъ Погодину (3-го іюля 1849 года): „Вчера проѣзжалъ Даль; онъ завернулъ ко мнѣ на минутку и тотчасъ отправился въ путь въ Нижній. Писать онъ не намѣренъ. Въ отношеніи хода *Москвитянина* мнѣнія его тѣ же, что и прежде — большой уже успѣхъ, если первый годъ окупится. Надо и то сказать, что еслибы не издержки на романъ Загоскина, то до сихъ поръ изданіе въ сущности стоитъ намъ дешевле пареной рѣпы".

Поселившись въ Нижнемъ, Даль вотъ что̀ писалъ Погодину съ новоселья: „Мы живемъ въ Удѣльной Конторѣ на Печерской улицѣ и пр.... Этой приписки именно вы желали и обѣщали довольствоваться ею — желаніе скромное, которое должно исполнить! Что̀ же я скажу новаго? День за день все по старому. Здоровье наше весьма изрядно; занятій много, но по силамъ; начинаю знакомиться и привыкать, а о Питерѣ не пожалѣлъ ни разу. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, смѣло радуешься посѣтителю, глядишь ему прямо въ лицо; тамъ, хоть задушевный другъ придетъ бывало — съ души воротитъ, знаешь, что подлецъ пришелъ съ какою-нибудь вздорною просьбою, о покровительствѣ..., а то бы не заглянулъ! Что же Вельтманъ, зачѣмъ обманулъ? Хоть бы теперь пріѣхалъ — вѣдь близко! Присылкой *Москвитянина* стыдите меня, въ гробъ гоните — за что, помилуйте? Чѣмъ заслужилъ или отслужу? Я ужь не *писатель*. Мельниковъ бываетъ почти каждый день, но доселѣ соглашается отдать Гермогена развѣ только за годъ до своей смерти. Въ Палестинахъ нашихъ такъ тихо, что писать вамъ

приходилось бы развѣ только о судѣ, который творю между Нижегородскими мужиками... Отчего же и не побить Русскаго человѣка, говоритъ Селифанъ, и побить можно, коли за дѣло; и этого правила придерживаются также мои подданные. Впрочемъ, Нагорные пять приказовъ—прекрасный, смирный, работящій народъ; а четыре Заволжскіе — на половину раскольники, все промысловые — это мошенникъ на мошенникѣ мошенникомъ погоняетъ, съ коими честь имѣю пребыть".

Не смотря на зарокъ Даля писать для печати, онъ къ концу 1849 года разразился цѣлымъ рядомъ произведеній. „Посылаю вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ", писалъ онъ, — „девять повѣстушекъ; чѣмъ богаты и проч. Десятка два ихъ уже отдано въ *Отечественныя Записки*, нѣсколько также въ *Современникъ* и десятокъ въ *Солдатское Чтеніе*. Если онѣ покажутся вамъ, то пришлю и продолженіе, нѣтъ, такъ отдамъ въ иное мѣсто, этимъ не стѣсняйтесь, а увѣдомите по правдѣ. Просите Шевырева, чтобъ онъ не гнѣвался за посвященіе ему повѣсти (*Отечественныя Записки*, 1849, № 1), безъ предварительнаго разрѣшенія: надѣюсь на дружбу его. Я написалъ ее по его вызову или мысли, представить дѣльнаго, толковаго Московскаго купца. Еслибъ онъ удостоилъ ее нѣсколькихъ словъ, на письмѣ, или въ разборѣ *Москвитянина*, высказавъ по этому поводу все, что̀ заблагоразсудится, то очень бы одолжилъ. Пусть бы указалъ, въ чемъ она, *напримѣръ*, грѣшитъ противъ Московскаго быта" [181]).

Извѣстная писательница Каролина Карловна Павлова украсила *Москвитянинъ* 1849 года не своимъ прекраснымъ романомъ, подобнымъ *Двойной Жизни*, а *Сильсфильдомъ*, помѣщеннымъ въ отдѣлѣ Иностранной Словесности. „Имя Сильсфильда", пишетъ Павлова, — „кажется, еще до сихъ поръ не пріобрѣло у насъ извѣстности, хотя этотъ писатель, безъ сомнѣнія, рѣдко замѣчательное явленіе въ теперешней Литературѣ. Современникъ Диккенса, можетъ быть, ему не уступающій, онъ вдвойнѣ соперникъ знаменитаго Англійскаго писателя, онъ художникъ Американскій. Быстро идетъ впередъ

эта Америка; вотъ уже и писатели ея становятся наравнѣ съ Европейскими“ [182]).

Другъ дома Павловыхъ Н. А. Мельгуновъ (18-го февраля 1849 года) писалъ Погодину: „Получилъ ли ты мою записку, гдѣ я напоминаю тебѣ о твоемъ обѣщаніи доставить Каролинѣ Карловнѣ тридцать экземпляровъ статьи о Сильсфильдѣ. У *автора* просятъ ее многіе изъ знакомыхъ, которымъ *онъ* (или *она*) долженъ (или должна) отказывать. Слово *авторъ*, какъ и слово *мужчина*, не имѣетъ женскаго рода. Есть злые языки, которые говорятъ, будто, за исключеніемъ, разумѣется, твоей статьи о маскарадѣ, весь послѣдній нумеръ *Москвитянина* состоитъ изъ одной статьи изъ Сильсфильда. Изъ этого можно вывесть то заключеніе, что—если ты забылъ приказать отпечатать отдѣльно тридцать экземпляровъ статьи, ты можешь вырѣзать ее изъ тридцати нумеровъ журнала, и онъ чрезъ это ничего не потеряетъ: ce part (новорожденный младенецъ) принадлежитъ автору по праву; и такъ какъ авторъ принадлежитъ въ свою очередь къ той прекрасной половинѣ человѣческаго рода, въ которой *Москвитянинъ* (см. рецензію о Парашѣ) нашелъ *Ангела* любви, то ужь никакъ нельзя сказать, чтобы ея part былъ la part du diable“.

Въ это время Погодинъ затѣялъ издавать при *Москвитянинѣ* альманахи, и онъ обратился къ Павловой съ слѣдующимъ письмомъ (23-го ноября 1849 г.): „Альманахъ *Москвитянина* печатается. Неужели онъ не будетъ украшенъ вашимъ именемъ? Повѣрьте моей опытности и вмѣстѣ усердію къ вашей славѣ... Литература наша проснулась. Посудите: *Одиссея* — вторая часть, *Нелюдимка*, комедія Ростопчиной въ пяти дѣйствіяхъ, *Банкрутъ*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ Островскаго, *Мертвыя Души* — Гоголя, *Кадриль* (неужели не кончена!), *Путешествіе*—Шевырева, и проч., и проч. *Псковитянка*—Мея, *Златъ и Бѣла*—Вельтмана, *Народныя пѣсни*—Берга. Вашего ли герба мы не увидимъ за рѣшеткой? А Николай Филипповичъ сидитъ все при своихъ тройкахъ *),

*) Здѣсь подъ *тройками* разумѣются извѣстныя три повѣсти Павлова.

и не подумаетъ, что имъ уже по двадцати лѣтъ! Далеко на нихъ не уѣдешь! Жаль мнѣ его". На это письмо отвѣчала не сама К. К. Павлова, а мужъ ея, о которомъ такъ соболѣзновалъ Погодинъ: „Жена нездорова. Глаза и горло. Теперь получше. Она поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что она благодарна за ваше участіе къ ея извѣстности, она желаетъ помѣстить что-нибудь въ альманахъ, да что?.. Есть у нея ея лучшее стихотвореніе, и она готова напечатать его въ вашемъ альманахѣ, но что̀ скажетъ цензура и не будетъ ли непріятности автору. Хотя пьеса и совершенно въ духѣ законномъ и написана съ доброй цѣлью, но какъ знать? Это *Разговоръ въ Тріанонѣ*. Если желаете, то я немедленно пришлю. Не замерзли ли вы и когда будете въ нашихъ краяхъ?" Цензура устами В. Н. Лешкова отвѣтила на этотъ вопросъ слѣдующее: „Прочитавъ *Сцены изъ Прометея*, да вспомнивъ ея *Разговоръ въ Тріанонѣ*, невольно подумалъ я о словахъ Н. И. Крылова: *не слишкомъ ли бойко пошелъ Москвитянинъ*? И Мирабо вѣритъ въ человѣчество и успѣхъ его дѣла. Подпишу, если васъ не пугаетъ мысль, что этими статьями *Москвитянинъ* открываетъ листы свои для рода подобныхъ стихотвореній [183]).

Поэтическое дарованіе К. К. Павловой высоко цѣнилъ И. С. Аксаковъ и вотъ что̀ писалъ онъ своему отцу: „Вѣра пишетъ, что Каролина Карловна разстроилась духомъ, говоритъ, что стихи не дѣльное занятіе и ищетъ себѣ дѣльнаго занятія. Передайте ей, что она ошибается. Дѣло ея жизни—воспитаніе сына и званіе матери. Въ этомъ смыслѣ она уже обезпечена и дѣльное занятіе у нея есть, слѣдовательно, безъ угрызеній совѣсти можетъ предаваться и не-дѣльнымъ занятіямъ. Скажите ей что̀ угодно, но только ради Бога—чтобъ она не переставала писать! Я люблю ея стихъ—живой и согрѣвающій, отъ своихъ я мерзну" [184]).

Талантъ Надежды Тепловой еще въ 1830 году былъ замѣченъ и оцѣненъ по достоинству М. А. Максимовичемъ, и вотъ въ 1849 году Погодинъ получаетъ отъ сестры ея Пель-

ской слѣдующее письмо: „Много недоумѣній и нерѣшимости должна я была превозмочь въ себѣ, чтобъ написать къ вамъ это письмо, не имѣя чести быть лично вамъ знакомой. Не знаю, вспомните ли вы имена наши, но надѣюсь, что ея имя, извѣстное въ Литературѣ, придетъ вамъ на память по дѣятельному участію вашему въ Литературѣ того періода, въ который она печатала свои стихи, и, можетъ быть, еще по нашей искренней дружбѣ съ Михайломъ Александровичемъ Максимовичемъ, который издавалъ и первое собраніе стиховъ ея*). Послѣ того она писала много, но мало печатала. Въ нынѣшнемъ году она, Надежда Сергѣевна, скончалась въ молодыхъ лѣтахъ во вдовствѣ, оставивъ послѣ себя малютку дочь. Пусть вкусъ къ поэзіи затерялся, но поэзія жива, и зачѣмъ же прекраснымъ ея произведеніямъ, вдохновленнымъ истиннымъ увлеченіемъ, и еще болѣе прекраснымъ, нежели тѣ, которыя печатались— оставаться въ неизвѣстности? Только ваше почтенное имя могло пробудить во мнѣ смѣлость и желаніе искать въ васъ участія къ моему намѣренію. Одинокая, печальная и чуждаясь всякаго соприкосновенія съ свѣтомъ, не имѣя той энергіи, которая необходима для дѣятельности, я нашла въ душѣ своей темное предвѣдѣніе, что встрѣчу въ Михаилѣ Петровичѣ Погодинѣ хотя слабое сочувствіе къ моему дѣлу и возможную помощь. Не знаю, не ошибусь ли я. Въ то же время обращаюсь къ вамъ, какъ къ издателю *Москвитянина*: у меня есть нѣсколько оригинальныхъ повѣстей, которыя при бѣдности нашей свѣтской литературы годились бы быть помѣщенными въ журналѣ. Во всякомъ случаѣ, если все то, что я писала, будетъ вамъ угодно—предоставляю со всѣмъ искреннимъ моимъ почтеніемъ вашей волѣ избрать средство сообщеній со мною. Самое простое и самое скорое будетъ для меня самое пріятное. Я на короткое время въ Москвѣ и желала бъ скорѣе знать ваше мнѣніе объ моемъ письмѣ“. Погодинъ не замедлилъ отвѣтомъ, на который въ свою очередь Пельская

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1890, книга III, стр. 4.

отвѣчала: „Душевно благодарю васъ за вашъ отвѣтъ. Простите мое замедленіе. Я нынче только возвратилась изъ Савина монастыря, гдѣ схоронена сестра моя, и гдѣ справляла по ней годовщину. Теперь исполнивъ предъ нею одинъ долгъ, спѣшу исполненіемъ другого. Вамъ угодно знать, чего я желаю. Вотъ собственно мое желаніе: чтобъ найти содѣйствіе, нельзя ли напечатать на счетъ Академіи полное собраніе стихотвореній моей сестры. Если же это невозможно, или очень трудно, то усердно прошу вашего совѣта, какъ мнѣ поступить чтобъ ихъ напечатать книжкой хорошаго изданія. Если, какъ я съ благодарностію и душевною радостію думаю, что ваше желаніе помочь мнѣ искренно и не есть только выраженіе учтивости, то извините меня, что я мѣшаю вашимъ занятіямъ, и еще утрудитесь хотя краткимъ увѣдомленіемъ меня о полученіи тетрадки и скажите мнѣ свое мнѣніе объ моихъ намѣреніяхъ. Стихи, означенные крестикомъ— тѣ, которые нигдѣ еще не напечатаны. Завтра я ѣду домой въ Дмитровъ, и если будетъ ваша милость отвѣчать мнѣ, то по слѣдующему адресу: въ Дмитровъ, Серафимѣ Сергѣевнѣ Пельской, въ домѣ Калачева, а тетрадку и книжку, когда вамъ будутъ не нужны, прикажите отослать по прежнему моему адресу въ домъ Воронцова на меня. Все, все предоставляю въ вашу волю, вполнѣ цѣня вашъ вызовъ сдѣлать мнѣ лучше, можетъ быть, много лучше, нежели я сама могу придумать... Еще одинъ вопросъ: Если Академія печатаетъ на свой счетъ, то въ чью пользу она предоставляетъ изданіе?“ [185]).

Намъ неизвѣстно, чѣмъ окончились эти переговоры.

XXXVIII.

Осенью 1849 года на своей тройкѣ гнѣдыхъ М. А. Максимовичъ предпринялъ путешествіе съ Михайловой Горы въ Москву. Свиданіе съ старыми друзьями и въ особенности пребываніе Гоголя въ Москвѣ были главными побужденіями для предпріятія этого путешествія.

Въ Москву Максимовичъ привезъ изданный имъ въ Кіевѣ *Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ*, въ предисловіи къ которымъ сказано: „Въ продолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ Украинскія народныя пѣсни; а теперь приступаю къ новому полнѣйшему ихъ изданію. Въ дѣлѣ искусства важенъ судъ художника, и потому я припомню здѣсь мнѣніе Гоголя, котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками Украинскихъ пѣсенъ: „Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ—ничего противъ этой говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о протекшемъ бытѣ этой цвѣтущей Россіи“.

23-го октября 1849 года Максимовичъ уже предсталъ предъ своимъ другомъ Погодинымъ на Дѣвичьемъ Полѣ и засталъ его пишущимъ рецензію на *Временникъ*, и въ тотъ же день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Максимовича пріятно было увидѣть. О Малороссіи. Старина воспоминаній“.

Въ осеннее и зимнее время въ Погодинскихъ палатахъ было довольно прохладно, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ владѣлецъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Холодно. Дровъ нѣтъ и скучно. Перебрались спать не раздѣваясь отъ холода. Благослови, Господи!“ [186]) Поэтому Максимовичъ, страдая ревматизмомъ, благоразумно уклонился отъ предложенія своего друга у него остановиться и нашелъ себѣ пріютъ возлѣ Сухаревой башни, вѣроятно, въ Университетскомъ Ботаническомъ саду; Погодину же онъ писалъ (отъ 10-го ноября 1849 г.): „Не трудись, друже, освобождать для меня отъ мебели свой флигель: я до весны не переберусь въ него, зане весьма великая даль отъ города. А для меня прошу назначить, коли найдутся лишнія, дрожки или санки, пора уже начать ѣзду на своихъ! На дняхъ увижусь съ тобой“ [187]).

„Помилуй — скажи“, отвѣчалъ Погодинъ, — „только что жильцы съѣхали, комнаты очищены, дрожки смазаны, а ты прочь. И не думай! Я жду тебя. Ѣхать въ санкахъ отъ насъ

любо, катанье“. Не смотря на то, что Максимовичъ поселился у Сухаревой башни, онъ часто посѣщалъ своего друга и даже по цѣлымъ днямъ проводилъ въ его Древлехранилищѣ.

О прибытіи Максимовича въ Москву Погодинъ заявилъ печатно: „Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, питомецъ Московскаго Университета и потомъ достойный любимый профессоръ Ботаники, который далъ-было у насъ жизнь этой наукѣ, пріѣхалъ въ Москву послѣ долговременнаго отсутствія—послѣ ректорства въ Кіевскомъ Университетѣ, имъ открытомъ, послѣ преподаванія тамъ Русской Словесности, изданія многихъ важныхъ книгъ и изысканій о томъ краѣ, наконецъ послѣ многихъ тяжкихъ болѣзней, принудившихъ его оставить службу, въ коей онъ приносилъ столько пользы. Цѣлью его было увидѣться съ старыми товарищами и знакомыми, оживить свои воспоминанія;—но онъ увидѣлъ въ Древлехранилищѣ М. П. Погодина многіе любопытные, неизвѣстные документы, относящіеся къ предмету его прежнихъ сочиненій; при немъ почти попалась Московскому собирателю драгоцѣнная книжка съ виршами на смерть Сагайдачнаго, которыхъ онъ долго искалъ, съ Имнологіей, поздравленіемъ Петра Могилы на престолѣ Кіевской Митрополіи и прочими Южно-Русскими рѣдкостями,—авторская и охотническая кровь заговорила въ немъ, и онъ, вмѣсто прогулокъ по Москвѣ, принялся за работу и рѣшился, между прочимъ, издать *Кіевлянинъ* въ Москвѣ....“

Къ довершенію удовольствія Максимовича въ это время, по пути изъ Одессы въ Петербургъ, посѣтилъ Москву старинный другъ его высокопреосвященный Иннокентій. 17-го ноября 1849 года Максимовичъ получаетъ слѣдующую записочку отъ Погодина: „Иннокентій здѣсь, желаетъ тебя видѣть. Остановился онъ въ Донскомъ монастырѣ, а ѣдетъ въ Петербургъ вечеромъ или завтра“ [188]).

Желанное свиданіе состоялось 17-го и 18-го ноября въ монастыряхъ Донскомъ и Симоновомъ. Въ *Дневникѣ* своемъ Погодинъ записалъ: „Иннокентій прислалъ за мною. Поговорили объ его затѣяхъ въ Крыму. Прекрасные..... Обѣдалъ въ Си-

моновѣ. Очень хорошо. Вчера въ Донскомъ. Слушалъ пѣніе. Графъ Шереметевъ. Чай и вечеръ. Бесѣдовали съ любезнымъ Иннокентіемъ обо всемъ. Пріѣхалъ домой весело".

По пути въ Петербургъ Иннокентій также остановился въ Харьковѣ у тамошняго епископа Филарета, который 7-го ноября 1849 г. писалъ объ этомъ А. В. Горскому: „Здѣсь былъ проѣздомъ въ Петербургѣ преосвященный Иннокентій, который довольно сказалъ новостей, а частію и странностей". Объ этихъ *странностяхъ* Преосвященный сообщаетъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Горскому: „Да, жутко бывало выслушивать или читать приговоры трудамъ или замысламъ отъ великаго Владыки нашего. За то какъ это много принесло пользы! Нѣтъ, какъ ни многимъ хочется записать себя въ разрядъ великихъ талантовъ или геніевъ, но доселѣ только одинъ есть въ Россіи и великій богословъ, и великій критикъ, и великій философъ! Не скоро дождется Россія подобнаго человѣка. Да, есть у меня и письма Владыки нашего, есть и письма другого, именующагося знаменитымъ ораторомъ (Иннокентій). Очень много слушалъ я разговоры Владыки нашего. Слушалъ недавно разговоръ именующагося знаменитымъ. Какъ послѣдній далеко ниже стоитъ перваго! Такъ далеко, такъ далеко, что, стоя около послѣдняго, не видать перваго. А къ сожалѣнію, видна охота у послѣдняго критиковать перваго. Къ чему бы, казалось, эти затѣи? Какъ не понять, что это не возвышаетъ, а унижаетъ его самого? Но таково самолюбіе наше" [189]).

Но также близко знавшій и умѣвшій цѣнить митрополита Филарета Н. А. Загряжскій былъ справедливъ и къ Иннокентію. „Вчера я", писалъ онъ Погодину, — „пріобщался у Иннокентія; чѣмъ ближе его видишь, тѣмъ болѣе любишь" [190]).

Пріѣздъ въ Москву Максимовича произвелъ на Гоголя самое животворное впечатлѣніе. Взглянемъ теперь на жизнь Гоголя въ Москвѣ до пріѣзда туда Максимовича.

Еще 24-го декабря 1848 года Погодинъ писалъ Максимовичу: „Гоголь здоровъ, спокоенъ и пишетъ" [191]). Иное пи-

салъ самъ Гоголь Жуковскому и притомъ въ такое время, когда Москва ликовала пребываніемъ Царской Фамиліи въ Москвѣ, а именно, 3-го апрѣля 1849 года: „Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять. Чувствуется только, что не безъ смысла. Время настало сумасшедшее. Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей, такъ что едва ли не долженъ теперь всякій истинный поэтъ и мыслитель думать прежде всего о воздержаніи, произнося: *Господи, положи храненіе устомъ моимъ*. Ты счастливъ, подчинивши себя слѣпцу Гомеру. Онъ не увлечетъ тебя съ дороги въ омутъ, хотя и слѣпецъ. Свой же собственный умъ, того и гляди, занесетъ куда-нибудь въ оврагъ“ [192]).

Именины свои, 9-го мая, въ 1849 году, Гоголь праздновалъ, по обычаю, въ саду Погодина. Приготовляясь къ этому обѣду, Гоголь писалъ С. Т. Аксакову: „Мнѣ хотѣлось бы—держась старины—послѣ завтра отобѣдать въ кругу короткихъ пріятелей въ Погодинскомъ саду. Звать на именины самому не ловко. Не можете ли вы дать знать, или сами, или чрезъ Константина Сергѣевича, Армфельду, Загоскину, Самарину и Павлову совокупно съ Мельгуновымъ? Придумайте, какъ это сдѣлать ловче и дайте мнѣ потомъ отвѣтъ, если можно заблаговременно“. Подъ 6-мъ маемъ 1849 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Гоголь желаетъ сдѣлать обѣдъ для своихъ знакомыхъ въ день имениныъ. *Чтобъ не вышло подозрѣнія*“. Свѣдѣнія наши объ этомъ обѣдѣ очень скудны и ограничиваются только нѣсколькими строками *Дневника* Погодина: „Обѣдъ Гоголя. Объ немъ съ Нащокинымъ. Закутилъ-было, не хотѣлъ пріѣхать на обѣдъ. Иванъ Аксаковъ подалъ руку“. Черезъ годъ послѣ этого обѣда, то-есть, въ 1850 году, И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Какъ удался нынче обѣдъ Гоголя? *Въ прошломъ* (то-есть, въ 1849 г.) онъ былъ очень неудаченъ, я былъ на немъ“ [193]).

Въ это время въ Москвѣ проявился извѣстный Иванъ Яковлевичъ, который привлекалъ къ себѣ много народа. На

другой день именинъ Гоголя отправился къ нему и Погодинъ и вотъ что̀ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ѣздилъ въ Преображенское смотрѣть Ивана Яковлевича. Примѣчательное явленіе. Какъ интересны приходящіе. Нѣкоторые особо. Я не спрашивалъ, но можетъ быть, онъ говорилъ нѣчто и на мой счетъ, впрочемъ неясно“. Объ этомъ своемъ посѣщеніи Погодинъ сообщилъ Гоголю.

Лѣтомъ 1849 года Я. К. Гротъ посѣтилъ Москву и возобновилъ свое знакомство съ Гоголемъ. „Изъ разговоровъ Гоголя“, писалъ Гротъ,—„мнѣ особенно памятно слѣдующее: Гоголь жаловался, что слишкомъ мало знаетъ Россію; говорилъ, что самъ сознаетъ недостатокъ, которымъ отъ этого страдаютъ его сочиненія... Чтобы лучше узнать Россію и Русскій народъ, мнѣ необходимо было бы путешествовать, а между тѣмъ ужь некогда: мнѣ около сорока лѣтъ; а время нужно, чтобы писать... Онъ рѣшился просить всѣхъ своихъ пріятелей, знакомыхъ съ разными краями Россіи, сообщать ему свои наблюденія по этому предмету: о томъ просилъ онъ у меня“. Я. К. Грота изумило, что во время пребыванія Гоголя за границей предметомъ чтенія и изученія его была *Россія* Булгарина, что при чтеніи этой книги Гоголь подчеркивалъ карандашемъ любопытнѣйшія мѣста [194]). Но это доказываетъ только проницательность Гоголя. Сочиненіе, извѣстное подъ именемъ *Россіи* Булгарина, имѣетъ такое заглавіе: *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи* (въ четырехъ частяхъ и двѣ части статистики) и принадлежитъ перу извѣстнаго профессора Николая Алексѣевича Иванова, а Булгаринъ былъ только издателемъ его. О сочиненіи этомъ съ полнымъ уваженіемъ отозвался въ свое время знаменитый Шафарикъ, да и до сихъ поръ, по мнѣнію А. А. Котляревскаго, „оно не сдѣлалось лишнимъ“ [195]).

При прощаніи Гоголь взялъ съ Я. К. Грота обѣщаніе доставлять ему замѣтки о тѣхъ мѣстахъ Россіи, которыя онъ увидитъ, и между прочимъ разспрашивалъ его о Финляндіи и интересовался ея флорою. Въ Москвѣ Гротъ останавливался у

стараго друга своего Д. С. Протопопова на Собачьей Площадкѣ. „Разъ вдругъ подъѣзжаетъ къ дому его красивая карета, и изъ нея выходитъ Гоголь. Гротъ разсказалъ ему, что хозяинъ его можетъ доставить ему много матеріаловъ для изученія Россіи, потому что долго жилъ въ разныхъ губерніяхъ и по службѣ имѣлъ частыя сношенія съ народомъ. Гоголь изъявилъ желаніе познакомиться съ Протопоповымъ, но въ тотъ разъ это было невозможно, такъ какъ другъ Грота былъ въ это самое время, хотя и дома, но занятъ по должности“ [196]).

Въ Москвѣ Гротъ не засталъ Погодина, и послѣдній, узнавъ объ этомъ, писалъ Шевыреву: „Спасибо тебѣ за память о моихъ. Я въ деревнѣ жилъ недѣлю одинъ одинехонекъ. Теперь пріѣхали прочіе. Останусь еще и еще. Пишу и пишу. Безъ помѣхи въ недѣлю сдѣлаешь, на чтò въ городѣ мѣсяцъ нуженъ. Уже и вторая обработка Исторіи приближается къ концу до Татаръ. Какъ ты поживаешь? Черкни словцо. На Сергіевъ день, можетъ быть, съѣзжу къ Троицѣ. Жалѣю, что не увидался съ г. Гротомъ. Это человѣкъ, кажется, благомыслящій. Какъ же ты не догадался показать ему самъ мои собранія? Если успѣешь—то покажи. И о новостяхъ вкратцѣ напиши строки двѣ. Я газетъ не читалъ двѣ недѣли“.

XXXIX.

Въ іюнѣ 1849 года А. О. Смирнова, по пути изъ Петербурга въ Калугу, останавливалась въ Москвѣ и, увидавъ Гоголя, взяла съ него слово погостить у нея въ Калугѣ. Гоголь исполнилъ свое обѣщаніе и вслѣдъ за нею вмѣстѣ съ Арнольди, въ тарантасѣ, отправился въ Калугу. По свидѣтельству П. А. Кулѣша, Гоголь пріѣхалъ къ Смирновымъ въ село Бѣгичево, Калужской губерніи, Медынскаго уѣзда. Его возили по окрестнымъ деревнямъ, и ему очень понравился домъ и садъ на Полотняномъ Заводѣ Гончаровыхъ. Онъ часто выходилъ на сѣнокосъ и любовался костюмами Бѣгичевскихъ

крестьянокъ, онъ даже находилъ въ нихъ сходство съ Италіанками. Его радовало здоровье простого народа и своеобразность его быта. Черезъ нѣсколько дней Смирновы съ Гоголемъ переѣхали въ Калугу. Дорогою его занимало: какъ ему покажется губернскій городъ, какъ будетъ устроенъ губернаторскій домъ и вообще, каковъ будетъ бытъ губернатора и всего, что̀ его окружаетъ. Къ Калугѣ подъѣхали вечеромъ. Гоголь пришелъ въ восхищеніе. *Да это просто великолѣпіе!*—сказалъ онъ:—*да отсюда бы я не выѣхалъ! Ахъ, какой здѣсь воздухъ!*

Гоголя помѣстили въ особомъ флигелѣ, гдѣ жилъ нѣкогда извѣстный писатель Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, дочь котораго была въ замужествѣ за Калужскимъ губернаторомъ княземъ Александромъ Петровичемъ Оболенскимъ. Флигель не отличался особою красотою, но Гоголю онъ нравился, потому что онъ былъ тамъ совершенно одинъ, и видъ изъ оконъ былъ прекрасный. Его особенно восхищали сосновый боръ и рѣка Яченка. Вправо отъ бора ему видны были главы Лаврентьева монастыря. Гоголь самъ пожелалъ, чтобъ ему служилъ человѣкъ Христофоръ, который нравился ему тѣмъ, что у него *настоящая губернская физіономія*. Онъ утверждалъ, что *именно такіе слуги должны быть въ губернскомъ городѣ у губернатора.* По утрамъ Гоголя не видали: онъ являлся въ домъ только въ три часа, къ обѣду. Онъ очень любилъ видѣть за губернаторскимъ обѣдомъ чиновниковъ и говорилъ, что *это такъ слѣдуетъ.* За столомъ онъ всегда разговаривалъ съ чиновниками и былъ съ ними очень любезенъ, но посѣщалъ только инспектора врачебной управы В. Я. Быковскаго, съ которымъ онъ познакомился, какъ съ землякомъ. Гоголя возили по окрестностямъ Калуги и, между прочимъ, въ село Ромоданово, откуда, по его словамъ, видъ на Калугу напоминалъ ему Константинополь. Костюмъ Гоголя въ это время раздѣлялся на будничный и праздничный. По воскресеньямъ и праздникамъ онъ являлся къ обѣду въ изысканномъ нарядѣ. Онъ находилъ, что это производитъ впечатлѣніе торжествен-

ности, и говорилъ, что въ праздники все должно отличаться отъ будничнаго; за обѣдомъ должны быть предсѣдатели, прокуроры и всякіе этакіе важные люди, и самое выраженіе лицъ должно быть особенно торжественно".

Въ Калугѣ Гоголь прочелъ А. О. Смирновой нѣсколько главъ второго тома *Мертвыхъ Душъ*, но при этомъ онъ требовалъ, чтобы никого при этомъ чтеніи не было и чтобы объ этомъ не было никому ни писано, ни говорено. Гоголь ежедневно приходилъ изъ своего флигеля къ Смирновой въ двѣнадцать и читалъ до двухъ часовъ [197]).

По возвращеніи Гоголя въ Москву Смирнова писала ему (1-го августа 1849 г.): „Какъ жаль, что вы такъ мало пишете о Тентентниковѣ, меня они всѣ очень интересуютъ, и часто я думаю о Костанжогло и Муразачѣ. Уленьку немного сведите съ идеала и дайте работу женѣ Костанжогло: она уже слишкомъ жалка. А впрочемъ все хорошо" [198]).

Но А. О. Смирнова не воздержалась и, вопреки требованію Гоголя, по секрету сообщила объ его чтеніи И. С. Аксакову, который, тоже по секрету, писалъ своему отцу: „О Гоголѣ я могу вамъ сказать кое-что утѣшительное. Только предваряю, что это секретъ, и если вы какъ-нибудь его не удержите, то вся вина обрушится на меня. Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О. Смирновой, которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не велѣно, однакоже кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ *Мертвыхъ Душъ*, не весь, но то, что̀ написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. „Какъ жаль,—пишетъ она,—что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ, Элабуевѣ, Улинькѣ, Чаграповой, генералѣ Быстрищевѣ..." и еще какая-то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что̀ написано и что̀ только набросано, совершенно поблѣднѣлъ. Можетъ быть, Константинъ и махнетъ рукой, но я просто освѣжился этимъ извѣстіемъ; нужно давно обществу блистаніе Божьихъ талантовъ на этомъ сѣромъ, мутномъ горизонтѣ. Атмосферѣ необхо-

димо разразиться громомъ, блескомъ и молніей великолѣпнаго Божьяго дара!.. Я прошу Смирнову проболтаться совсѣмъ. Только вы чуръ молчите. Если это дойдетъ до Гоголя, то онъ разсердится на Смирнову и на меня. Нельзя сердиться на Гоголя, что онъ вамъ не читалъ *Мертвыхъ Душъ*. Онъ видитъ въ настоящее время, что вы и Константинъ мало заботитесь о его производительности и не ждете отъ него ничего; даже не видитъ уваженія къ прежнимъ проявленіямъ своего таланта. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы, милый Отесинька, обрадуетесь этому извѣстію, да и Константинъ тоже“ [199]).

Лѣтомъ 1849 года князь Д. А. Оболенскій проѣздомъ черезъ Калугу въ имѣніе своего отца засталъ Гоголя, гостившаго у Смирновыхъ, и обѣщалъ ему, на обратномъ пути, заѣхать за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Москву. Пробывъ въ деревнѣ недолго, князь Оболенскій въ условленный день прибылъ въ Калугу и провелъ съ Гоголемъ весь вечеръ у А. О. Смирновой, а послѣ полуночи они рѣшили выѣхать. Весь вечеръ Гоголь былъ въ отличномъ расположеніи духа и сохранилъ его во всю дорогу. По описанію князя Оболенскаго, „живо справилъ Гоголь свой чемоданчикъ, заключающій все его достояніе; но главная забота его заключалась въ томъ: какъ бы уложить свой портфель такъ, чтобы онъ постоянно оставался на видномъ мѣстѣ. Рѣшено было поставить портфель въ каретѣ къ намъ въ ноги, и Гоголь тогда только успокоился за цѣлость его, когда мы усѣлись въ дормезъ, и онъ увидѣлъ, что портфель занимаетъ приличное и безопасное мѣсто. Портфель этотъ заключалъ въ себѣ только еще вчернѣ оконченный второй томъ *Мертвыхъ Душъ*“. Князь Оболенскій принадлежалъ къ числу тѣхъ поклонниковъ таланта Гоголя, которые и послѣ его *Переписки съ друзьями* не усомнились въ могучей силѣ его дарованія. Къ утру наши путешественники остановились на станціи чай пить. Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою,—это дѣлалъ онъ всякій разъ при остановкахъ. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи князь

Оболенскій нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого-то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ князя: „А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?“ И на отрицательный отвѣтъ сказалъ: „А вотъ я вамъ разскажу“. И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оргинальнымъ образомъ описывать сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни, и все это Гоголь выдѣлывалъ совершенно серьезно. Засимъ Гоголь разсказалъ князю Оболенскому, что какъ-то одно время онъ жилъ вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ и вечеромъ, ложась спать, они забавлялись описаніемъ разныхъ характеровъ и засимъ придумывали для каждаго характера соотвѣтственную фамилію. „Это выходило очень смѣшно“, замѣтилъ Гоголь, и при этомъ описалъ князю одинъ характеръ, которому совершенно неожиданно далъ такую фамилію, которую печатно назвать неприлично. За нѣсколько станцій до Москвы князь Оболенскій рѣшился сказать Гоголю: „Однако знаете, Николай Васильевичъ, вѣдь это безчеловѣчно, что̀ вы со мною дѣлаете. Я всю ночь не спалъ, глядя на этотъ портфель. Неужели онъ такъ и останется для меня закрытымъ? Гоголь съ улыбкой посмотрѣлъ на князя и сказалъ: „Еще теперь нечего читать; когда придетъ время, я вамъ скажу“. Въ Москвѣ они разстались. Князь Оболенскій отправился въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ возращенія въ Москву Гоголь отправился къ Шевыреву на дачу и тамъ, какъ въ Калугѣ у Смирновыхъ, его помѣстили въ уединенномъ флигелѣ, окруженномъ старыми соснами, и здѣсь онъ размѣстился съ своими портфелями. Людямъ, какъ во̀дится, запрещено было ходить къ нему безъ зову и вообще не вертѣться безъ толку около флигеля. Анахоретъ продолжалъ писать второй томъ *Мертвыхъ Душъ*. Шевыревъ ходилъ къ нему и они вмѣстѣ читали и перечитывали написанное. Это дѣлалось съ необыкновенною таинственностью [200]).

Отъ Шевырева Гоголь перекочевалъ къ Аксаковымъ въ Абрамцово, куда онъ пріѣхалъ на канунѣ Успенія.

Въ книгѣ С. Т. Аксакова сохранилось любопытное описаніе образа жизни и занятій Гоголя во время пребыванія его въ Абрамцовѣ: „Гоголь много гулялъ у насъ по рощамъ. По вечерамъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ переводы древнихъ Мерзлякова, изъ которыхъ особенно ему нравились гимны Гомера. Такъ шли вечера до 18-го августа“.

Надо замѣтить, что въ это время самъ С. Т. Аксаковъ писалъ *Записки Оружейнаго Охотника*.

„18-го августа (1849 года) вечеромъ“, повѣствуетъ С. Т. Аксаковъ,—„Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдугъ сказалъ: *Да не прочесть ли вамъ главу Мертвыхъ Душъ?* Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ *Мертвыхъ Душъ*. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобы принести ихъ сверху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ: *Нѣтъ, я уже вамъ прочту изъ второго*. И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь. Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу второго тома. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ,—и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и скоро ушелъ наверхъ, въ свою комнату...“ На другой день Гоголь требовалъ отъ С. Т. Аксакова замѣчаній; но имъ помѣшали говорить о *Мертвыхъ Душахъ*. Гоголь уѣхалъ въ Москву, и Аксаковъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по его мнѣнію, красоты. По увѣренію С. Т. Аксакова, Гоголь его письмомъ былъ такъ доволенъ, что „захотѣлъ видѣть его немедленно“. Онъ

нанялъ карету и вторично прикатилъ въ Абрамцово. Здѣсь у Аксаковыхъ онъ прожилъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. 6-го сентября, вмѣстѣ съ О. С. Аксаковой Гоголь уѣхалъ въ Москву" [201]).

О бывшемъ въ Абрамцовѣ С. Т. Аксаковъ не замедлилъ сообщить своему сыну Ивану: „Не могу долѣе скрывать отъ тебя нашу общую радость: Гоголь читалъ намъ первую главу второго тома *Мертвыхъ Душъ*. Слава Богу! Талантъ его сталъ выше и глубже. Мы обѣщали ему не писать даже и къ тебѣ; но нѣтъ силъ молчать. Глава огромнѣйшая. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью".

На это И. С. Аксаковъ отвѣчалъ: „Вотъ забавно мы другъ другу сообщаемъ одинъ и тотъ же секретъ! Я говорю о Гоголѣ. Требованіе его, чтобы вы не писали о *Мертвыхъ Душахъ* даже мнѣ, совершенно нелѣпо и не имѣетъ никакого основанія, а потому прошу васъ и не слушаться его. Напишите мнѣ обо всемъ подробно, одна ли глава написана или нѣсколько".

Возвратившись въ Москву въ сентябрѣ, Гоголь уже остался въ ней на зимовку. 15-го октября 1849 года мы видимъ его на вечерѣ у Погодина, который по этому поводу записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Вечеръ. Князь Енгалычевъ, Кирѣевскій, Григорьевъ (вѣроятно, Аполлонъ). Духовная бесѣда, а Гоголь скучалъ и улизнулъ".

Возвратившись домой съ этого вечера, сосредоточенный И. В. Кирѣевскій написалъ Погодину ироническое письмо: „Вчерашняя духовная бесѣда такъ подѣйствовала на мой грѣшный носъ, что я забылъ отъ него платокъ у тебя въ передней, платокъ прекрасный, въ смыслѣ Шевырева, то-есть, красный, и прямо для моего носа сотканный, потому что такой же толстый, какъ онъ. Прошу тебя приказать его поискать и при случаѣ мнѣ доставить. Мы надѣемся, что ты навѣстишь насъ прежде нашего отъѣзда" [202]).

Вскорѣ послѣ этого вечера Гоголь, какъ мы уже знаемъ,

имѣлъ утѣшеніе обнять своего любезнаго земляка Максимовича.

По свидѣтельству современниковъ, „въ гостяхъ Гоголь держалъ себя большей частію въ сторонѣ отъ всѣхъ. Если онъ сидѣлъ и къ нему подсаживались онъ, начиналъ дремать, или глядѣть въ другую комнату, или просто-за-просто вставалъ и уходилъ. Онъ измѣнялъ обыкновеннымъ своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался малороссіянинъ М. А. Максимовичъ, членъ того же Словенофильскаго кружка. Какимъ-то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и говорили нерѣдко между собою цѣлый вечеръ горячо и одушевленно, какъ Гоголь ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ Великоруссовъ. Еслижь не было упомянутаго малороссіянина, появленіе Гоголя на вечерѣ, иной разъ нарочно для него устроенномъ, было почти всегда минутное. Пробѣжитъ по комнатамъ; посидитъ гдѣ-нибудь на диванѣ, большею частію совершенно одинъ; скажетъ съ инымъ пріятелемъ два — три слова, изъ благоприличія, небрежно, Богъ вѣсть гдѣ летая въ то время своими мыслями — и былъ таковъ".

Любимымъ мѣстомъ свиданія Гоголя съ Максимовичемъ былъ домъ С. Т. Аксакова, гдѣ они упивались пѣснями Малороссіи. Однажды встрѣтившись съ Бодянскимъ Гоголь спросилъ его: „Будетъ ли онъ на вареникахъ?" „Подъ *варениками*", объясняетъ Бодянскій, „разумѣются обѣды у С. Т. Аксакова, по воскресеньямъ, гдѣ непремѣннымъ блюдомъ были всегда вареники для трехъ хохловъ: Гоголя, Максимовича и меня, а послѣ обѣда спустя часъ, другой, пѣсни Малороссійскія подъ фортепьяно, распѣваемыя второю дочерью хозяина Надеждою Сергѣевною, голосъ которой очень мелодическій. Обыкновенно при этомъ Максимовичъ подпѣвалъ. Пѣсни пѣлись по голосамъ Малороссійскихъ пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ" [203]). „Желалъ бы я очень", писалъ И. С. Аксаковъ, — „посмотрѣть на Максимовича и Гоголя, когда они слушаютъ Малороссійскія пѣсни. Я самъ слушалъ бы ихъ неравно-

душно и потому, что онѣ хороши, и потому, что отъ нихъ вѣетъ теплою стороною, лѣтомъ, южной природой, къ которой такъ и тянетъ меня отъ надоѣвшаго мнѣ Сѣвера“ [204]).

Въ числѣ весьма немногихъ Гоголь читалъ Максимовичу первыя главы второго тома *Мертвыхъ Душъ* и говорилъ ему о своемъ трудѣ: „Безпрестанно исправляю, и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще не написанныя“ [205]).

О своемъ житьѣ-бытьѣ въ Россіи Гоголь (14-го декабря 1849 г.) писалъ Жуковскому: „Полтора года моего пребыванія въ Россіи пронеслось, какъ быстрый мигъ, и ни одного такого событія, которое бы освѣжило меня, послѣ котораго, какъ бы послѣ ушата холодной воды, почувствовалъ бы, что дѣйствую трезво и точно дѣйствую. Только и кажется мнѣ трезвымъ дѣйствіемъ поѣздка въ Іерусалимъ. Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера; но строки лѣпятся вяло, и время летитъ невозвратно. Или въ самомъ дѣлѣ сорокъ два года есть для меня старость, или такъ слѣдуетъ, чтобы мои *Мертвыя Души* не выходили въ это мутное время... Здѣсь все, и молодежь, и старость, до того запуталось въ понятіяхъ, что не можетъ само себѣ дать отчета. Одни, въ полномъ невѣжествѣ, дожевываютъ Европейскіе уже выплюнутые жеваки; другіе изблевываютъ свое собственное несвареніе. Рѣдкіе, очень рѣдкіе слышатъ и цѣнятъ то, что̀ въ самомъ дѣлѣ составляетъ нашу *силу*. Можно сказать, что только одна Церковь и есть среди насъ еще здоровое тѣло“ [206]).

XL.

Изъ всѣхъ Московскихъ писателей графиня Е. П. Ростопчина всѣхъ болѣе сблизилась съ Погодинымъ и любила проводить съ нимъ время. Съ своей стороны и Погодинъ питалъ къ графинѣ Ростопчиной большое расположеніе, отечески заботился объ ея литературной славѣ и желалъ, чтобы собраніе

ея произведеній было издано въ свѣтъ. Прочитавъ гдѣ-то объявленіе объ этомъ, Погодинъ тотчасъ же сообщилъ ей о прочитанномъ; но графиня Ростопчина съ испугомъ писала по этому поводу своему поклоннику: „Могла бы я отвѣчать вамъ, что я и *знать не знаю*, и *вѣдать не вѣдаю*, почему, зачѣмъ, какъ, кѣмъ и отъ кого объявляется о моемъ *когда-то долженствующемъ явиться изданіи*, почтенный Михаилъ Петровичъ, ибо нѣтъ еще ничего рѣшенаго, а я только велѣла сказать Смирдину, что предлагаю ему *купить* у меня все, что ни есть у меня намарано... Ваше извѣстіе меня поразило; ради Бога, припомните и скажите, *въ какомъ нумерѣ* вы читали это неслыханное объявленіе.—Пушкинъ (меньшой) взялся увѣдомить васъ о моемъ возвратѣ и сказать вамъ, что если вы навѣстите меня, то будете награждены *гостинцемъ*. Въ самомъ дѣлѣ я принялась усердно за перо, пишу много, передѣлываю старое,—пріѣзжайте, все вамъ покажу.—За недосугомъ отъ своихъ и Европейскихъ дѣлъ, занимающихъ меня очень и очень, не успѣла еще прочитать *Москвитянина*, примусь за него, и тогда скажу вамъ свое мнѣніе. Но вѣдь я бѣдный знатокъ въ Исторіи,—*не про меня писано*? Завтра я дома цѣлое утро—вотъ вы бы завернули!“

Въ другомъ письмѣ Ростопчина писала Погодину: „Да развѣ вы не знаете, *что такое* мои тетрадки, когда онѣ не переписаны, а красуются въ своей первобытной формѣ?.. Самъ чортъ въ нихъ ничего не разберетъ. Къ тому же я не люблю выпускать изъ рукъ то, что еще не назначается къ печати,—это точно какъ дѣвушки-невѣсты, которыхъ встарину запирали до сватовства; таинственность была ихъ лучшей приманкой. Кромѣ того, у меня набралось и мелочи, которую я вамъ собиралась сообщить для *Москвитянина*: но не мѣшайте мнѣ *самой* вамъ прочитать мои новинки, мнѣ такъ хочется,—и вѣдь это большая причина для женщины!—Въ воскресенье я дома цѣлое утро, а до тѣхъ поръ, очень часто по утрамъ, особенно до двухъ часовъ. Пріѣзжайте когда-нибудь,—мы такъ давно не видались“ [207]).

Погодинъ любилъ посѣщать вечера графини Ростопчиной и бесѣдовать съ ней „о литературѣ, обществѣ“ и пр. На одномъ изъ такихъ вечеровъ Погодинъ прочелъ ей своего *Петра* и сообщилъ ей преданіе, что „Сердюкова родила отъ него дочь, прабабку Сушковыхъ. Сходство. Каково саданулъ“, отмѣтилъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* [208]).

Зимою 1849 года Ростопчины переселились съ Садовой на Басманную, въ приходъ Петра и Павла, и пожелали отпраздновать новоселье; но это торжество совпадало съ кануномъ Рождества. Графиня, желая видѣть у себя на этомъ праздникѣ Погодина, писала ему: „Сегодня (то-есть, 24-го декабря) по уставу не ѣмъ до звѣзды, буду у большой вечерни, потомъ всенощной, а *въ девять часовъ* не вижу причинъ не выпить чаю съ короткими своими и близкими, тѣмъ болѣе, что церковный день начинается вѣдь съ вечерни, и канунъ праздника есть уже настоящій праздникъ. Вотъ почему я желаю за одно встрѣтить святки, отпраздновать мое вчерашнее рожденіе и начать мое новоселье бесѣдою умною и дѣльною. Жалко и досадно до крайности, что вы нездоровы, добрый и любезный Михаилъ Петровичъ; вы мнѣ гость необходимый; если можно, явитесь въ сюртукѣ, дамъ двѣ всего, Новосильцева и моя матушка, онѣ вѣдь вамъ знакомы довольно и довольно нецеремонны, чтобы васъ не конфузить. Благодарю васъ много и много за себя, за Графа и за дѣтей, вашу славную хлѣбъ-соль мы ѣли отъ души, такъ какъ она была прислана; писать же тогда не могла, у меня не было ни чернилъ, ни стола. Теперь вами же все это обновлено; простите; до свиданья и будьте увѣрены во всемъ хорошемъ съ моей стороны“. Погодинъ очень сожалѣлъ, что по болѣзни не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ.

Но Шевыревъ не раздѣлялъ вкусовъ своего друга и неохотно посѣщалъ вечера графини Ростопчиной. На упрекъ Погодина, что онъ не посѣтилъ какого-то вечера Графини, Шевыревъ писалъ: „Что ни говори, въ нашемъ возрастѣ не хорошо до трехъ часовъ не спать и вставать въ пять. Такія

ночи не обходятся даромъ. А ты все мнѣ простить не можешь, что я не поѣхалъ на такую".

Въ это время графиня Ростопчина написала комедію въ пяти дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: *Нелюдимка.* Погодинъ былъ отъ нея въ восторгѣ и печатно заявилъ, что комедія эта „замѣнитъ собою всѣ Европейскія комедіи, и что Скрибъ съ братіею должны разбить свою *Verre d'eau*, изорвать свою *chaine*". На это Шевыревъ писалъ Погодину: „Скрибъ въ своемъ дѣлѣ первый и извѣстный мастеръ. А графиня Ростопчина, не смотря на свое дарованіе въ стихахъ, въ комедіи новичекъ, никому неизвѣстный". Въ другомъ письмѣ Шевыревъ писалъ: „Отучи графиню Ростопчину отъ хромыхъ риѳмъ. *Счастья* и *страсти* — не риѳмы.— Спасенью, велѣнья, терпѣньи — не риѳмы. Ей совѣстно такъ шалить и не осилить риѳмы. Воображаю, какъ К. К. Павлова трунитъ надъ нею, когда встрѣчаетъ такія хромыя. Она же на риѳмы—геній! У нея пять слоговъ риѳмуютъ разомъ".

Между тѣмъ графини Ростопчиной пришла мысль поставить свою *Нелюдимку* на Московскую, сцену и въ этомъ намѣреніи ее, кажется, поддерживалъ Погодинъ, ибо она писала ему: „Благодарю васъ премного, мой Аристархъ слишкомъ снисходительный, благодарю за участіе и попеченіе о мнѣ и о благосостояніи *моей Зои.* По несчастью, дирекція точно разгласила о ея существованіи и происхожденіи, чтобъ подстрекнуть любопытство публики, столь рѣдко посѣщающей Русскіе спектакли. Итакъ, чувствую всю мудрость вашего совѣта, и когда вамъ или Степану Петровичу Шевыреву захочется, придется, или понадобится ее прочитать въ вашемъ дѣльномъ и дѣлающемъ кругу, то она всегда будетъ къ услугамъ васъ обоихъ. Но *мнѣ* ее ни у себя, ни у другихъ *некому* читать: наше такъ называемое общество есть миѳъ, которому я давно перестала вѣрить. Оно не существуетъ! Есть дамы, нарядныя, вистующія, судящія, но вовсе не о литературѣ; есть старички служащіе и нѣтъ, кушающіе, *клобствующіе*, а изъ всего этого общества-то и не выдѣлы-

вается, а мнѣнія еще менѣе. Каждый самъ по себѣ и остается при своемъ!—До комедіи же имъ и дѣла нѣтъ!—И я почти никого не знаю, и знать не соберусь, я лѣнива, и у меня сплинъ. *Враговъ* свѣтскихъ коли у меня много, но право, не знаю почему; я никому зла не сдѣлала, и тѣ, кто наиболѣе на меня возстаютъ, меня въ глаза не видали. *Литературныхъ* же враговъ до сихъ поръ я у себя не подозрѣвала: чѣмъ могла я въ литературѣ кому-нибудь дорогу перейти, или досадить, у кого желала я *села его, вола, осла,* или *раба съ рабыней,* и безъ оной?.. Но пусть ихъ! Шикать и свистать въ богоспасаемомъ и благоустроенномъ семъ градѣ велѣніемъ полиціи воспрещается; кошки не бросятъ, — такъ съ этой стороны я безопасна; побранятъ да и перестанутъ, или просто не поѣдутъ смотрѣть моей *Нелюдимки.* Вотъ что гораздо важнѣе, это дѣло съ цензурой: она не своя сестра, да и самъ чортъ ей теперь не братъ; вашъ совѣтъ спасителенъ; подумаю, и воспользуюсь имъ. Я горжусь и тѣмъ, что мои фантазіи васъ заняли, васъ, столь занятаго дѣломъ и дѣйствительностью“.

Но когда графиня Ростопчина увидѣла на Московской сценѣ *Царскую Невѣсту* Мея, то писала Погодину: „Я вчера ѣздила смотрѣть *Царскую Невѣсту.* Какъ они ее изувѣчили, и какъ скверно ее, бѣдную, намъ представляютъ! Косицкая, это—существо рѣпообразное, съ головою въ родѣ арбуза, кочана капусты, или неправильной дыни. Косицкая просто противна. Она не умѣетъ читать стиховъ, она глотаетъ и портитъ лучшія и сильнѣйшія выраженія, она вовсе не понимаетъ своей роли. Вмѣсто пылкой, страстной, смѣлой и балованной любовницы боярина, она выходитъ какой-то простофилей, какой-то глупой и вѣчно улыбающеюся дѣвчонкой. Что̀ за гнусный, холопскій выговоръ! Это ужь и не сѣнная дѣвушка, а работница изъ мѣщанскаго дома, Матрешка или Палашка, съ орѣшками въ зубахъ. Рыкалова бы не плоха, но голосъ, бѣдовый голосъ!.. Ваша правда, Михаилъ Петровичъ, страшно за бѣдную *Нелюдимку*! Я пишу

къ Директору, прошу мнѣ показать Лаврову, которую тоже хвалятъ". Отъ актрисъ графиня Ростопчина переходитъ къ цензурѣ и пишетъ: „Отъ цензуры, нашей общей благодѣтельницы и кормилицы, еще нѣтъ отвѣта; неизвѣстно, проглотитъ ли она *всю* мою пьесу, или только насытится ея клочками. Помните Жуковскаго рыцаря, который по страшному договору съ адскою силою долженъ былъ бросить въ ея пасть своего перваго дѣтища?.. *Комедія* рѣшительно не перепишется, покуда не узнаю ея участи; но не менѣе того благодарю васъ душевно за *родственное* ваше о ней попеченіе".

Опасенія графини Ростопчиной касательно цензуры оказались не напрасны; ибо ценсоръ В. Н. Лешковъ по поводу ея стихотвореній, предполагаемыхъ къ напечатанію въ *Москвитянинѣ* (въ декабрѣ 1849 года), писалъ Погодину слѣдующее: „Не находите ли вы чего-то особеннаго въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной, напечатанныхъ въ этомъ листѣ, что̀ заставляетъ поостеречься. Я не понимаю ея *Молчанія*, но оно̀ можетъ быть краснорѣчиво истолковано. А *Молитва* ея — за кого-нибудь изъ живыхъ и извѣстныхъ. Не быть бы въ отвѣтѣ".

Въ то же время Погодинъ предложилъ графинѣ Ростопчиной прочесть *Нелюдимку* у него на вечерѣ, это приглашеніе она приняла съ признательностью и писала ему: „Съ радостію пріѣду *въ вашу келью* прочитать *Нелюдимку* вамъ, Шевыреву, Щепкину, Садовскому, Вельтману, если можно, нашему Гоголю, и вообще кому вамъ угодно. Назначьте мнѣ день и часъ; я заранѣе даю вамъ слово явиться аккуратно, а вы знаете, что слово мое *всегда* исполняется!" Когда же Погодинъ увѣдомилъ Графиню о приглашенныхъ имъ на этотъ вечеръ, то она писала ему: „Благодарствуйте, благодарствуйте, и отъ души, Михаилъ Петровичъ! да вы просто *Фея или самъ Чортъ. Чужія мысли угадывать вы стали налету!* Давно хотѣлось мнѣ дружески и братски пожать руку Мею, а теперь горю желаніемъ *низко, низко поклониться Островскому*. Спасибо вамъ, что вы доставите мнѣ это высокое удовольствіе! А о прочихъ, о Вельтманѣ, Перевощиковѣ, Максимовичѣ, скажу,

что мнѣ лестно, пріятно, но вмѣстѣ и немного страшно предстать предъ ареопагъ, составленный изъ всѣхъ нашихъ заслуженныхъ и дѣльныхъ знаменитостей; но этотъ страхъ изъ такихъ, что побѣждается съ наслажденіемъ, и я очень рада всѣмъ, *всѣмъ* вашимъ гостямъ. Дай Богъ, чтобъ Степану Петровичу Шевыреву выздоровленіе его больныхъ позволило присоединиться къ намъ; если нашъ Гоголь рѣшится осчастливить меня своимъ вниманіемъ, то я тѣмъ болѣе ему обрадуюсь, что ужь болѣе полугода съ нимъ не видалась и даже ничего не знаю о его здоровьѣ. Я буду стараться привезти графиню Сальясъ, нашу новую писательницу, но не надѣюсь, чтобъ она согласилась: она стала отшельницей и почти никогда не выѣзжаетъ; а надо бы вамъ съ нею сблизиться! Замѣчательная душа, озаренная свѣтлымъ и правдивымъ умомъ!“

Съ графинею Сальясъ Погодину было не трудно сблизиться чрезъ М. Максимовича, который былъ ея учителемъ и нѣкогда писалъ ей:

Ты опять мнѣ засвѣтилась,
Поднебесная звѣзда?
И съ тобой опять явилась
Благодатная мечта,
Ты мнѣ съ неба проглянула,
Озарила трудъ земной,
И душа опять дохнула
Лучшей жизни полнотой.
Но зачѣмъ блестишь такъ смутно,
Вѣковѣчная моя?
Иль возвратъ твой былъ минутной,
Иль дрожишь ты за меня?
О помедли, дай мнѣ свѣта
Наглядѣться моего!
Здѣсь такъ грустно безъ привѣта
И отвѣта твоего.

Когда же въ 1851 году Евгенія Туръ напечатала въ *Кометѣ*: *Первое Апрѣля*, сцены изъ свѣтской жизни, и *Антонину*, эпизодъ изъ романа, то Погодинъ объ этой писательницѣ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Первой повѣсти г-жи Туръ *Ошибки* я не читалъ, отученный отъ Петебургскихъ повѣстей; когда это имя получало извѣстность, я началъ-было

читать *Племянницу*, но оставилъ и ее; начало казалось мнѣ длиннымъ, даже не безъ скуки, но послѣдняя сцена, кажется, путешествіе въ сосѣднюю деревню, начинала возбуждать участіе. Между тѣмъ извѣстность Автора увеличивалась: я прочелъ еще *Капризъ*, — нѣтъ, скучно, вяло, странно, хотя и со многими прекрасными чертами, со многими замѣчательными подробностями. *Первое Апрѣля* насилу могъ я пересилить: пусто, натянуто и скучно; но я все-таки не оставлялъ Автора, — и мое терпѣніе, мои жертвы, вознаградились вполнѣ *Антониною*: это прекрасная вещь, прочувствованная, выстраданная, перенесенная: сердце сжималось за героиню разсказа; и участіе, и досада, и негодованіе, и состраданіе овладѣваютъ попеременно вами; вы волнуетесь, всѣ умственныя способности въ напряженіи. Г-жа Туръ выросла не по днямъ, а по часамъ. Можно теперь поздравить литературу съ новымъ талантомъ. Обстановка *Антонины* хуже, хотя Англійское семейство, не смотря на свои странныя и разнородныя черты, остается въ воображеніи“.

3-го декабря 1849 года состоялось у Погодина на вечерѣ чтеніе *Нелюдимки*. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ записалъ: „Графиня Ростопчина читала свою комедію, и очень желалъ ей успѣха, и кажется успѣла, по крайней мѣрѣ четвертое и пятое дѣйствіе поразили многихъ... А какъ сухъ Гоголь... Было человѣкъ пятнадцать и до трехъ часовъ“.

На этомъ чтеніи Шевырева не было, и онъ на другой же день писалъ Погодину: „Я поручилъ Гоголю извинить меня передъ графиней Ростопчиной, и онъ взялся за это. Еслибы Графиня ввѣрила мнѣ свою комедію для кабинетнаго прочтенія, мнѣ было бы это очень пріятно“. Но въ томъ же письмѣ Шевыревъ писалъ и слѣдующее: „Можно ли такъ хвалить комедію графини Ростопчиной? Не знаю, какъ она, а другой бы могъ принять это за насмѣшку. Это и для будущей комедіи не выгодно. Ты просто зашутился—остановись. Перевощиковъ сказалъ мнѣ, что онъ у тебя простудился, и

что *Нелюдимка* страшный вздоръ, писанный весьма хорошими стихами. Вотъ какъ разнообразны мнѣнія“.

Сама же графиня Ростопчина по поводу своего чтенія написала замѣчательное письмо къ Погодину съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Шиллера: *Это была душа, которая, много лѣтъ протомясь въ безмолвіи, вдругъ расторгла всѣ свои цѣпи и обрѣла въ своей сокровеннѣйшей глубинѣ ноты, которыя, ей самой невѣдомыя, божественно въ ней дремали.* Затѣмъ Графиня пишетъ: „Вотъ что̀ сказалъ мой любимецъ между Нѣмцами и вотъ что̀ я могу примѣнить къ *Нелюдимкѣ*, о которой буду вамъ говорить много и откровенно, отвѣчая съ благодарностью на ваше вчерашнее письмо, почтенный Михаилъ Петровичъ. Вы усмотрите, что и я взяла *свой большой форматъ*, предвидя длинную бесѣду. Начну съ того, что я душевно чувствую ваше доброе расположеніе ко мнѣ и желала бы, чтобы слова были не такая истертая и пошлая вещь, какую сдѣлало изъ нихъ злоупотребленіе,—чтобъ я могла словами выразить вамъ мою искреннюю признательность.—Я видѣла ваше о мнѣ попеченіе, но—признаться ли?—не видала, не примѣтила, не поняла вашего дружескаго страха... И знаете ли почему?.. Потому что я ничего не боялась... Я не боялась, потому что я не ожидала большого успѣха, потому что, ей-Богу! у меня нѣтъ самолюбія, или, по крайней мѣрѣ, у меня самолюбіе своего рода: писательница — я можетъ быть;—но прежде всего я женщина, довольно пустая, но очень добрая, откровенная, рѣзкая отъ излишней откровенности, и хочу чтобъ взамѣнъ всѣхъ тѣхъ, которые меня не терпятъ (Богъ знаетъ почему?), хотя немногіе меня немного понимали, немного уважали и, если можно, много любили!.. Никому не завидую, никому не заслоняю дороги, отдаю всякому справедливость, а Цесарю Цесарево: за что̀ бы другимъ видѣть во мнѣ соперничество, или помѣху?.. О пьесѣ своей у меня два убѣжденья. 1) *Jamais femme n'a fait de bon tragedie*, это правило, еще не нашедшее исключенья; это аксіома, коей истина доказана неудовлетворительными попытками г-жи

де Сталь и Жоржъ Занда,—этихъ двухъ геніальнѣйшихъ изъ всей нашей пишущей сестробратіи; 2) нѣчто соображенное, задуманное, написанное въ *три недѣли*, какъ бы невольно, безъ умысла и замысла не можетъ быть хорошо; но это произведеніе будетъ имѣть достоинство *правды* и отсутствія всякихъ притязаній, всякихъ колкостей обыкновенныхъ у записныхъ дѣлателей. *Зоя* драма лишь въ глазахъ моихъ, потому что теперь принято называть драмою всякое развитіе внутренней борьбы человѣка противъ судьбы, страстей и проч. *Зоя*,—это дуэль женщины противъ свѣта: противниками являются сначала *Валентинъ*, необдуманная, буйная, легкомысленная молодость, а потомъ, когда онъ побѣжденъ, *Юрій*, разсудокъ, страсть и мысль, уничтоженные и затмѣваемые этою слабостью мужчинъ, которую они всегда имѣютъ въ отношеніи къ свѣту, его мнѣніямъ, его соблазнамъ и выгодамъ. Далѣе, ненавидя и презирая все это жеманное поколѣніе *непонятыхъ женщинъ*, *истощенныхъ героинь*, презирающихъ заодно и людей, и Бога, и сердце, и счастье, и виноватаго, и праваго, все, что имъ неудалось или воспротивилось, — я хотѣла представить типъ характера сильнаго и страстнаго, но *добраго*, *но справедливаго*; хотѣла показать женщину уязвленную и растерзанную, но не убитую; христіанку—не вольнодумку и атеистку, каковы теперешнія созданья Европейской литературы; женщину полную еще сочувствія, теплоты, жизни, поэзіи, но прозрѣвшую и понявшую свѣтъ, — однимъ словомъ, такую женщину, которую можно и должно любить, и которая сама бы еще могла предаться голосу сердца, еслибъ нашла чувство, (дружбу или любовь) себя достойное. Мнѣ сказали намедни у васъ: *Zoé c'est vous, madame*, отчасти правда, отчасти нѣтъ. Я нарочно надѣлила ее всѣми прелестями и талантами, которыхъ у меня нѣтъ, чтобы не сказали, что это *я*, но, конечно, во многомъ она наслѣдовала мою опытность, мое воззрѣніе на міръ, и такъ какъ я главною цѣлію своей полагала *истину*, въ ней отразилось многое изъ того, что было перечувствовано, передумано, пережито мною. И я была *вполнѣ*

22

довольна, когда увидала слезы въ глазахъ добраго Щепкина, и признаки чувства на благородномъ, великодушномъ лицѣ Вельтмана. Я имъ очарована; тоже меня поразила умнѣйшая физіономія Максимовича. Я и не ожидала болѣе—*Нелюдимка* понравится особенно только женщинамъ; пусть строгіе и заслуженные судьи, каковы ваши гости, только ее не слишкомъ строго осудятъ! Повторяю вамъ, любезный и добрый Михаилъ Петровичъ, право, вы за меня имѣете болѣе самолюбія, чѣмъ я сама!“ [209]).

На замѣчаніе Погодина, что „наши авторы очень глупы и не умѣютъ обходиться съ женщинами“ [210]), графиня Ростопчина весьма основательно отвѣтила: „А что наши литераторы люди *не свѣтскіе*, въ этомъ виноваты не они, а все наше безграмотное, безтолковое, анти-національное высшее общество, не любящее ни Русскаго слова, ни Русскаго характера, ни Русскаго человѣка. Мои милые Французы и тѣ, которыхъ вы мнѣ называете, образовались въ лучшемъ кругѣ, возлѣ женщинъ, каковы были: Сталь, Рекамье, Pauline de Meulan (первая жена и воспитательница Гизо), слѣдственно, — какъ же сравнивать? — А посмотрѣли бы вы Тьера и теперешнихъ выскочекъ! Вотъ грубіяне, неучи и дикіе въ полномъ значеніи. Нѣтъ, и у насъ бывали люди, когда было кому ихъ образовать, когда были открыты домá Муравьева, Карамзина, княгини Волконской; а теперь, гдѣ свѣтъ, гдѣ теплота, гдѣ духовная жизнь, отъ которыхъ бы развиться нѣжнымъ цвѣтамъ свѣтскаго обхожденья, свѣтской ловкости, свѣтскаго навыка?.. Повторяю, люди есть, нужна имъ обработка, а это женское дѣло, а наши дамы играютъ въ преферансъ, злословятъ, сплетничаютъ между собой,

Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ, —

да принимаютъ ласково только камеръ-юнкеровъ, да богатыхъ жениховъ. Зачѣмъ имъ бѣдные поэты, не завитые писатели, не смазливые ученые?.. Cela déparerait leur salon, а вотъ потому-то и хочу я затѣять у себя сперва притонъ, и потомъ, мало-по-малу, завесть и *салонъ* для артистовъ, мыслящей и

пишущей братіи. Поможете ли вы мнѣ?.. Право, у меня благія намѣренія и сердечное, радушное желаніе всѣмъ угодить, всѣхъ обласкать, служить старымъ — разсѣяньемъ, а молодымъ—опорою и совѣтомъ, всѣмъ — *словомъ и дѣломъ,* сколько можно женщинѣ! — Избави Богъ отъ *бюро* d'esprit — какъ у г-жи Вертю Васильчиковой, избави отъ всякаго педантства,— но имѣть кругъ чисто литературный, пріютъ для мысли, для бесѣды, можно, должно, нужно! Попытать!! И опять спрошу васъ, какъ одного изъ двигателей, какъ заслуженнаго и старшаго, и особенно благонамѣреннаго, *будете ли вы мнѣ помогать?..*

„Гоголю я назвала Смирнову потому, что изъ всѣхъ свѣтскихъ измѣнъ и обмановъ, для меня всѣхъ тягостнѣе, всѣхъ ужаснѣе тѣ, которые происходятъ отъ существа, щедро одареннаго, особенно отъ женщины: я еще того устарѣвшаго, классическаго вѣрованія, что женщину Богъ послалъ на землю, чтобъ любить, мирить и благотворить... Виновата, — *я мщу,* говоря правду, тѣмъ хуже для тѣхъ, кому она глаза колетъ!" [211]).

Какъ будто сговорясь съ графинею Ростопчиною, Плетневъ писалъ Жуковскому: „Есть еще бѣдствіе для насъ, приписныхъ служителей. Ни за что въ свѣтѣ не допускаютъ насъ вытти изъ этой касты и хоть на время подышать атмосферой другой касты. Недавно за обѣдомъ у Уварова былъ Блудовъ съ дочерью и Тютчевъ. Общество, какъ видите, слишкомъ немногочисленное и слишкомъ неразнородное по составу. Но, къ изумленію моему, никакъ не вышло у насъ ничего общаго. Ужели, при разности чиновъ и служебныхъ обязанностей, должно уничтожаться все, чѣмъ связываетъ людей единство мыслей, единство вкуса и степень умственной сферы? Я думаю, что подобное разобщеніе при встрѣчѣ порядочныхъ людей возможно только въ нашей Россіи" [212]).

XLI.

Въ это же время на горизонтѣ Русской Литературы съ своею *Царскою Невѣстою* и *Псковитянкою* появился питомецъ Московскаго Дворянскаго Института и Царскосельскаго Лицея, Левъ Александровичъ Мей. Появленіе этого писателя радостно привѣтствовала графиня Ростопчина. „Хочу познакомиться съ Меемъ: что-то изъ этого выйдетъ?“ писала она Погодину. — „У меня такъ много воспоминаній о нашемъ Пушкинѣ, о моемъ Лермонщикѣ, что мнѣ, кажется, суждено служить звеномъ между ими и будущими ихъ преемниками... Всякая поэзія меня притягиваетъ и манитъ“. Познакомившись съ *Псковитянкою* Мея, графиня Ростопчина писала Погодину: „Нѣтъ словъ, чтобы выразить вамъ мой восторгъ: это совершенство! Какой языкъ, что за поэзія... Нѣтъ, нѣтъ мнѣ *Мей* не брать; отпираюсь отъ давешнихъ словъ. Онъ у насъ будетъ *старшой! самъ большой!* Давай Богъ, мы сиротствовали долго послѣ Пушкина и моего бѣднаго *Лермонщика* (какъ звали мы покойнаго въ нашемъ дружескомъ кругу) и должны съ благодарностью привѣтствовать наше новое солнышко“ [213]).

Другое произведеніе Мея, *Царская Невѣста*, было напечатано въ *Москвитянинѣ*, и когда оно вышло въ 1849 году отдѣльною книжкою, то Погодинъ напечаталъ о ней рецензію, которую начинаетъ такъ: „*Царская Невѣста* украшала страницы *Москвитянина*. Тѣмъ болѣе долженъ онъ сказать о ней свое мнѣніе, искренне и нелицепріятно. Крыловъ замѣтилъ:

Таланты истинны за критику не злятся;
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

„Главное достоинство въ этой пьесѣ есть языкъ, языкъ правильный, самъ себѣ вѣрный, языкъ *живой*. Второе достоинство — мысль взять изъ пѣсенъ два живыхъ лица, противъ

которыхъ не смѣетъ сказать ни слова никакая привязчивая историческая критика. Оба лица вѣрны и прекрасны: и пылкая страстная Любаша, и нѣжная добрая Марѳа". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ, что въ этой пьесѣ „завязка и развязка однообразны... Дѣйствія мало, и между тѣмъ много лишняго, кромѣ длиннотъ..." Погодинъ отмѣчаетъ также и нѣкоторыя историческія невѣрности, какъ, напримѣръ: „Сабуровы принадлежали къ первымъ, знатнѣйшимъ родамъ, въ древней Россіи, и тягались со многими князьями, а авторъ причисляетъ ихъ къ купцамъ. Не Ѳеодоръ былъ старшимъ сыномъ царя Іоанна, а Іоаннъ". Рецензію свою Погодинъ заключаетъ такими словами: „Какъ первый опытъ автора на драматической сценѣ, — это опытъ блистательный, а отрывокъ изъ новаго его произведенія: *Псковитянка*, помѣщаемый въ альманахѣ *Москвитянина*, показываетъ, что онъ быстро идетъ впередъ. Желаемъ усердно, чтобъ такому прекрасному началу соотвѣтствовало такое же окончаніе, желаемъ для него, для сцены, для Русской Словесности" [214]).

Чрезъ посредство Ю. Н. Бартенева Погодинъ вошелъ въ сношеніе съ извѣстною писательницею Юліею Жадовскою. 19-го мая 1849 года, изъ Ярославля, она писала ему: „Юрій Никитичъ, въ письмѣ своемъ, пересказалъ мнѣ ваше радушное участіе, вашу несравненную готовность помочь мнѣ въ случаѣ нужды въ моихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Не стану благодарить васъ ни многими словами, ни вычурными фразами, которыя со мной въ совершенномъ разладѣ, скажу только, что это отозвалось въ глубинѣ души моей и никогда не забудется. На этотъ разъ мнѣ приходится только поблагодарить васъ за ваше участіе, не воспользуясь имъ; сборникъ издаю не я, а нѣкоторые любители Литературы въ Ярославлѣ; моего тутъ немного, да и того половина не пропущена Петербургской цензурой. Странное направленіе, непонятная подозрительность! Какая, напримѣръ, злая мысль можетъ крыться въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Какъ хочешь, жизнь, какъ хочешь, ты иди,
И отъ меня ни слезъ, ни ропота не жди.
Возьми послѣднее... я горевать устала!
Бери! того давно, съ тоской, я ожидала:
Вотъ сердца радости, вотъ сны души моей.
Губи ихъ, разрушай, да только поскорѣй!
Смотри, какъ я тверда и ко всему готова.
Лишь объ одномъ молю: не осенью суровой,
А бурею весенней набѣги,
Измученной души моей не береги!
Нѣтъ! за однимъ одно,—въ печальномъ ожиданьи,
Я не хочу, чтобъ гибли упованья,
Всѣ благородныя, прекрасныя мечты,
Какъ гибнутъ, осенью, послѣдніе цвѣты..
Нѣтъ, лучше я хочу, чтобъ ихъ, всѣ, вдругъ сразила
Неодолимая судьбы могучей сила.
Пусть будетъ сила та нещадна и грозна,
Но бури красотой волшебною полна.

„Еще разъ благодарю васъ и еще разъ не нахожу словъ благодарить... Все мое небольшое дарованьице къ вашимъ услугамъ. Я буду счастлива, если на него падетъ хоть тѣнь того свѣта, которымъ всеобщее уваженіе и блистательная извѣстность окружаютъ ваше имя“.

Отзывчивая душа Погодина привлекала къ себѣ многихъ, и въ числѣ этихъ многихъ былъ человѣкъ не безъ поэтическаго дарованія, которое было замѣчено и оцѣнено самимъ княземъ П. А. Вяземскимъ, мы говоримъ о Сергѣѣ Александровичѣ (?) Николаевскомъ. Будучи въ 1848 году въ Москвѣ, Николаевскій счелъ долгомъ явиться къ Погодину, который по своему прекрасному обычаю никогда и никого отъ себя не отталкивалъ. Такимъ образомъ между ними завязалась переписка. „Ободренный вашимъ лестнымъ пріемомъ“, писалъ Николаевскій, 27-го января 1849 года изъ своей деревеньки, Марьина,— „не могу отказать себѣ въ удовольствіи поговорить съ вами на письмѣ. Вы обѣщались сами написать ко мнѣ; но мнѣ пріятно предупредить васъ въ этомъ случаѣ. Возвратившись отъ васъ, я, разумѣется, немедленно принялся за чтеніе вашихъ брошюръ. Первая—*Къ Юношѣ* *) была для меня особенно

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1894, кн. VIII, стр. 263—282.

пріятна: благодарю васъ, какъ юноша — за эту прекрасную, истинную, назидательную пѣснь!—Правда, для насъ — дѣтей несмысленныхъ въ наукѣ жизни немного горько такое слово. Но вы были правы, описывая вещь такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Истина должна быть безъ прикрасъ. Статья ваша *о Языковѣ* была не менѣе пріятна для меня. Она особенно понравилась мнѣ своимъ лиризмомъ, искусствомъ, съ какимъ вы въ такой тѣсной рамѣ сказали такъ много, такъ хорошо. Впрочемъ мы были бы въ правѣ ждать отъ васъ полной біографіи Языкова (онъ ея достоинъ). Я имѣлъ въ виду соединить жизнь Языкова съ критическимъ изслѣдованіемъ его произведеній, когда писалъ статью свою о немъ. Разумѣется, при этомъ моемъ трудѣ—не достало ни средствъ, ни собственныхъ моихъ силъ. Но все же любители изящнаго—вѣрно одобрятъ меня хотя легкимъ склоненіемъ головы за то, что первый изъ юношей сказалъ благодарственное, исполненное любви слово на свѣжей могилѣ того, кто заслужилъ полную признательность своихъ соотечественниковъ — какъ поэтъ, но,—оклеветанный, оставался нѣсколько времени чуждымъ, незамѣченнымъ для молодаго поколѣнія, не сумѣвшаго и не хотѣвшаго понять и оцѣнить талантъ его! Статья моя о Языковѣ была напечатана въ *Звѣздочкѣ*, 1848 г. Если найдете когда свободное время, то прочтите ее. Мнѣ пріятно будетъ слышать ваше мнѣніе. Я уѣхалъ изъ Москвы на утро того дня, въ который былъ у васъ, но у Иноземцева не былъ, ибо не могъ долѣе ни минуты оставаться въ Москвѣ — черезъ нѣсколько дней я вытерпѣлъ страшное испытаніе. Богъ послалъ на меня еще одного ученаго, который ужаснулъ меня своимъ адскимъ взглядомъ на все. Онъ во многомъ послѣдователь коммунизма; но коммунисты еще несравненно лучше его. — Долго не могъ я оправиться послѣ этого страшнаго явленія... Но вскорѣ Богъ утѣшилъ меня. Случай свелъ меня съ мужичкомъ, тронувшимъ меня до глубины души своимъ благороднымъ, рѣдкимъ характеромъ. Когда-нибудь я опишу вамъ исторію послѣдняго въ особомъ письмѣ. А здѣсь не могу

умолчать, что сравнивая эти двѣ противуположныя встрѣчи, я невольно помянулъ Того, Кто соблаговолилъ *утаить истину отъ мудрыхъ и разумныхъ и открыть ее младенцамъ*... Увѣренный, что вы принимаете искреннее участіе въ каждомъ ближнемъ вашемъ, стало быть и во мнѣ—скажу вамъ два-три слова о своемъ житьѣ-бытьѣ — въ деревнѣ. — Здоровье мое очень слабое, біеніе сердца почти прекратилось, — но грудь болитъ и внутри ея чувствую какую-то страшную пустоту. Впрочемъ мнѣ здѣсь хорошо и покойно. Я такъ люблю природу, что съ меня довольно видѣть цвѣтущее дерево, чтобы утѣшиться и развлечься: Кромѣ того, къ теперешнему моему пріюту присоединяются еще *воспоминанія*. Этого довольно, чтобы разнообразить жизнь; сколько позволяетъ здоровье, занимаюсь книгами... Будьте столь добры—доставьте мнѣ экземпляръ стихотвореній Хомякова. Я нигдѣ ихъ не нашелъ, хотя искалъ купить. Хомяковъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ моихъ поэтовъ. Если видитесь съ нимъ, то поклонитесь ему отъ меня. Чтобы доставить письмо это къ вамъ, я долженъ завтра проѣхать тридцать верстъ! Вотъ неудобства деревенской жизни. Оцѣните же мои чувства къ вамъ и утѣшайте сами меня въ болѣзни и одиночествѣ письмами вашими".

Деревенька, въ которую удалился Николаевскій, находилась близъ историческаго Углича. Здѣсь его иногда посѣщала Муза, вдохновляемый ею онъ писалъ Погодину 2-го іюля 1849 года: „Давно я имѣлъ честь получить отъ васъ мои стихи, и при нихъ записку вашу отъ 31-го марта. Искренно благодарю васъ за то и другое. Вы поступили, какъ истинно-благородный человѣкъ. Но долгъ вашъ былъ бы не вполнѣ исполненъ, еслибы вы отказались теперь выслушать мои объясненія по нѣкоторымъ предметамъ. — Прошу вашего вниманія на нѣсколько минутъ. Вы видѣли меня въ Москвѣ не въ нормальномъ моемъ положеніи, разстроеннаго, удрученнаго болѣзнію и нуждой. Это разстройство еще болѣе увеличилось со времени моего пріѣзда въ деревню. Больной, одинокій, окруженный мрачнымъ зрѣлищемъ Русской зимы, я не зналъ, что

подумать о вашемъ молчаніи, и просилъ васъ переслать мои стихи, боясь, чтобы не лишиться ихъ вовсе. Ваша записка нѣсколько огорчила, но не оскорбила меня: въ ней есть, кажется, легкая иронія. Вы желаете, чтобы просвѣтлѣло все мое туманное: оно просвѣтлѣло. Я чувствую себя лѣтомъ гораздо здоровѣе, веселѣе, бодрѣе духомъ, и нахожу все свое счастіе въ трудѣ. Я далъ вамъ ложное понятіе о себѣ. За поэтическіе труды мои никогда ни за что не возьму никакого денежнаго вознагражденія отъ васъ. Дайте мѣсто моимъ стихамъ въ *Москвитянинѣ* и въ награду пришлите годовой экземпляръ этого журнала, это отъ того, что я нуждаюсь здѣсь въ чтеніи. Посылаю вамъ новые стихи. Если угодно, перешлю и прежніе. Пишите прямо на мое имя въ Угличъ,—этимъ вы премного обяжете вашего покорнаго слугу... Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта. Вы получите стихи по городской почтѣ отъ одного моего Московскаго пріятеля“ [215]).

Въ 1849 году въ *Москвитянинѣ* появился сотрудникъ, перешедшій потомъ въ *Современникъ* и тамъ сложившій свою голову. Мы говоримъ о Михаилѣ Илларіоновичѣ Михайловѣ. Сынъ чиновника Горнаго Вѣдомства, онъ родился въ г. Уфѣ 3-го января 1826 года. Воспитаніе свое Михайловъ получилъ въ тамошней гимназіи и затѣмъ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ. Съ 1849 по 1852 г. онъ служилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ [216]). Въ Нижегородскій періодъ жизни Михайлова въ *Москвитянинѣ* было напечатано его стихотвореніе подъ заглавіемъ *Облака*, въ которыхъ не усматривается ничего политическаго:

...И снится рѣка мнѣ иная,
Угрюмыя горы надъ ней,
На берегѣ роща большая
Съ роскошною тѣнью вѣтвей;
Деревня за рощею темной,
Тамъ церковь съ крестомъ золотымъ,
И домъ одинокій, огромный,
Закутанный садомъ густымъ.
По прежнему церковь бѣлѣетъ,
И бѣдныя избы стоятъ,
Но домъ опустѣлый дряхлѣетъ

И глохнетъ заброшенный садъ.
Въ томъ домѣ, гдѣ людно такъ было,
Теперь, какъ въ гробу, тишина...
Въ разбитыя окна уныло
Вечерняя свѣтитъ луна.
Въ саду заросла та дорожка,
Гдѣ часто, какъ спрячется день,
Бродила прекрасная ножка
И бѣлая видѣлась тѣнь [217]).

Въ письмѣ своемъ, отъ 16-го іюля 1849 года, Михайловъ писалъ Погодину: „Посылаю при этомъ письмѣ нѣсколько моихъ стихотвореній и покорнѣйше прошу васъ напечатать ихъ въ вашемъ прекрасномъ журналѣ, если они заслуживаютъ эту честь. Въ числѣ ихъ находится переводъ Гетевой оды *Моя Богиня*, которую переводили Жуковскій и Струговщиковъ; но такъ какъ переводы обоихъ скорѣе можно назвать подражаніями (они вдвое длиннѣе оригинала), то я думаю, что мой переводъ, какъ сдѣланный почти слово-въ-слово и размѣромъ подлинника, не будетъ совершенно излишнимъ“.

Прочитавъ въ *Москвитянинѣ* библіографическія изысканія по Исторіи Русской Литературы Быстрова и Полтарацкаго, Михайловъ писалъ Погодину: „Въ № 13-мъ *Москвитянина* прочелъ я собранные г.г. Быстровымъ и Полтарацкимъ матеріалы для Исторіи нашей Словесности; такъ какъ Русская библіографія принадлежитъ къ любимымъ моимъ занятіямъ, то я желалъ бы знать, могутъ ли найти мѣсто въ вашемъ журналѣ мои труды по этой части. Я могъ бы доставить вамъ на первый разъ чисто библіографическую статью о Пушкинѣ, въ которой приведены мною: 1) варіанты его стихотвореній, 2) источники, откуда заимствованы нѣкоторые изъ нихъ, 3) указаніе, гдѣ помѣщены они были въ первый разъ—и наконецъ, 4) пьесы, не вошедшія въ полное изданіе Сочиненій Пушкина въ одиннадцати томахъ. Если вамъ, милостивый государь, можно удѣлить нѣсколько минутъ для извѣщенія меня посредствомъ письма (печатнаго отвѣта я не желалъ бы), то вотъ мой адресъ: Михаилу Илларіоновичу Михайлову въ Нижній-Новгородъ [218]).

Въ 1849 году переселился изъ Москвы въ Петербургъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ. По свидѣтельству В. В. Григорьева, Коссовичъ „представляетъ въ Исторіи Русской науки рѣдкій примѣръ благороднаго труженика на ея поприщѣ, который всѣ обширныя свѣдѣнія свои пріобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, пріобрѣтеніемъ ихъ обязанъ исключительно самому себѣ, и пріобрѣталъ ихъ среди обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ, никогда не упадая духомъ, никогда не позволяя себѣ усомниться въ своимъ призваніи и въ торжествѣ твердой воли надъ равнодушіемъ и недоброжелательствомъ людскимъ. Бѣлоруссъ по происхожденію, голодая и холодая на чердакѣ, мальчикомъ пристрастился онъ въ изученію Латыни и пріобрѣлъ такія въ ней свѣдѣнія, что изъ Витебской гимназіи отправленъ былъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь блистательное преподаваніе Д. Л. Крюкова еще болѣе укрѣпило въ Коссовичѣ расположеніе его къ Классической Филологіи: усерднѣйшимъ образомъ занялся онъ Греческимъ языкомъ, и въ 1836 году окончилъ онъ университетскій курсъ первымъ по познаніямъ въ этомъ языкѣ; въ 1839 году онъ получилъ мѣсто старшаго учителя Греческаго языка въ Тверской гимназіи; но и въ Твери онъ не оставлялъ мысли сдѣлать изъ себя филолога способнаго состязаться съ Европейскими корифеями этой науки. Овладѣвъ Еврейскимъ и Арабскимъ языками, Коссовичъ „самоучкою“ принялся за изученіе Санскрита. Въ 1843 году онъ былъ переведенъ въ Москву учителемъ Греческаго языка во Вторую гимназію и здѣсь оставался до 1849 года“ [219]). Въ Москвѣ въ лицѣ Хомякова Коссовичъ нашелъ горячаго поощрителя въ своихъ занятіяхъ Санскритомъ, и объ этомъ онъ торжественно заявилъ впослѣдствіи, а именно на своей лекціи въ память Хомякова, читанной 7-го октября 1860 года, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. „Въ нынѣшнюю бесѣду мою съ вами“, говорилъ онъ,—„я намѣренъ посвятить нѣсколько словъ памяти А. С. Хомякова: онъ былъ благодѣтелемъ моимъ, и онъ указалъ мнѣ, еще въ первой моей молодости, тотъ путь, которому я не перестаю и не

перестану слѣдовать въ моихъ трудахъ; его живое сочувствіе къ моимъ занятіямъ постоянно укрѣпляло и животворило меня и во все послѣдующее время". Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* Ѳ. И. Буслаевъ, говоря о Словенофилахъ, замѣтилъ, что къ нимъ „какими-то судьбами примкнулъ самый равнодушнѣйшій ко всевозможнымъ партіямъ и сектамъ дорогой мой товарищъ по студенческому общежитію, безподобный чудакъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ—надобно думать потому, что давалъ уроки классическихъ языковъ племяннику Хомякова Валуеву и былъ несказанно осчастливленъ тѣмъ, что Хомяковъ подарилъ ему очень дорогой Санскритскій словарь Вильсона, напечатанный въ Калькуттѣ".

Въ судьбѣ Коссовича не меньше участія принимали и Погодинъ съ Шевыревымъ. По ихъ рекомендаціи онъ получилъ въ Петербургѣ должность наставника въ домѣ Елизаветы Васильевны Дашковой, вдовы знаменитаго Министра Юстиціи, друга Карамзина; а потому, пріѣхавши въ Петербургъ, онъ по чувству сердечной признательности писалъ Погодину (9-го октября 1849 года): „Примите слово душевнаго привѣтствія отъ новаго Петербургскаго жителя, отъ вашего Коссовича. Суетливость предъотъѣзднаго времени не дала мнѣ возможности пріѣхать къ вамъ, въ Москвѣ, и поклониться вамъ на прощаніе; но это не значитъ, что душа моя не рвалась къ вамъ, что мою дремлющую память омрачило облакомъ, которое по Санскритски я бы назвалъ *облакомъ неблагодарности*. Почти во всю дорогу въ Петербургъ я утѣшалъ себя однимъ: не изъ Россіи же я ѣду, думалъ я, не для того, чтобы умереть нравственно, чтобы заглохнуть и онѣмѣть; вѣдь предстоитъ мнѣ, при Божіей милости, просторъ для полезнаго обществу дѣла воспитанія двухъ юношей, можетъ быть, будущихъ подвижниковъ добра въ нашемъ Отечествѣ, а въ этомъ просторѣ и золотой досугъ для своихъ трудовъ, которыми я долженъ оправдать передъ Богомъ мое земное существованіе. Моими трудами, моимъ дѣломъ, при Божіей милости, живя въ Петербургѣ, я буду говорить съ вами, безцѣннѣйшій Ми-

хаилъ Петровичъ, и съ моими Московскими, разумѣется, не сіятельными, друзьями и покровителями. Вы много помогли мнѣ, Михаилъ Петровичъ, вмѣнивъ въ обязанность моимъ юношамъ изучить непремѣнно Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Ваше слово вкоренилось въ душу моихъ юношей. Теперь сообща мы хлопочемъ о составленіи для себя, то-есть, для насъ исключительно, отборной Русской библіотеки, въ которую должны войти всѣ существенные памятники Русскаго слова, не въ смыслѣ увѣчномъ, но въ Московскомъ смыслѣ, то-есть, въ органической полнотѣ многовѣковой его жизни. Съ моимъ появленіемъ въ домѣ явился у насъ и *Москвитянинъ*. Не знаю, что дальше будетъ, но покуда необыкновенно я доволенъ тѣмъ, что мои слова находятъ полное сочувствіе и отголосокъ въ душѣ моихъ юношей".

Въ другомъ письмѣ Коссовичь обращается къ Погодину съ просьбою, которую самъ назвалъ *оригинальною*.

„Вашъ Московскій Коссовичъ", писалъ онъ, — „прибѣгаетъ къ вамъ съ просьбою довольно оригинальною, но я смѣло безпокою васъ, потому что она не можетъ быть для васъ тягостна. Вотъ въ чемъ дѣло. Одинъ изъ моихъ молодыхъ воспитанниковъ обѣщалъ вамъ изучить Карамзина отъ доски до доски: онъ обѣщалъ это искренно, и обѣщаніе его лежитъ у него нá сердцѣ. Однако разныя препятствія, правда и не всегда зависящія отъ него, мѣшаютъ ему приступить къ исполненію должнаго. Уже всѣ томы Карамзина лежатъ у него на столѣ: каждый день онъ смотритъ на нихъ, но знакомство съ ними ближайшее все идетъ въ даль. Правда, что много требуетъ съ него гимназія; но при его способностяхъ онъ можетъ изучить Карамзина безъ ущерба для гимназическихъ занятій. Чтобы его поощрить, чтобы дать ему сильный толчекъ къ этому дѣлу, я, положившись на ваше доброе расположеніе ко мнѣ, не поцеремонился и придумалъ слѣдующее. Не будете ли вы такъ добры, безцѣннѣйшій Михаилъ Петровичъ, принять на себя маленькій трудъ написать ко мнѣ писмецо и въ этомъ писмецѣ спросить меня, какъ сынъ

Дашкова Дмитрій Дмитріевичь далекъ въ Карамзинѣ? Потребуйте отъ меня въ этомъ писмецѣ, чтобы я увѣдомилъ васъ объ этомъ и подайте ему черезъ меня нѣкоторые совѣты, чему онъ долженъ слѣдовать при этомъ чтеніи. Разумѣется, если вы будете такъ добры, что не откажетесь сдѣлать это для меня и для отличнаго юноши, то я васъ попрошу написать это писмецо въ такомъ духѣ, чтобы онъ рѣшительно не могъ догадаться о моемъ участіи во всемъ этомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, дѣло бы испортилось. Итакъ будьте же добры, если только это васъ не обременитъ, не откажитесь исполнить въ скоромъ времени мою просьбу". Само собою разумѣется, Погодинъ съ величайшею охотою исполнилъ эту просьбу Коссовича, который писалъ ему: „Душевно благодарю васъ за ваше письмо: оно крѣпко помогло мнѣ. Я получилъ его третьяго дня: за столомъ я завелъ рѣчь о Москвѣ и говорю между прочимъ, что ко мнѣ пишетъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, и что въ письмѣ его есть вещи, относящіяся до молодыхъ людей, которыя я считаю моею обязанностію сообщить имъ. Послѣ обѣда, въ присутствіи ихъ матери, тетки и сестры, я прочиталъ имъ изъ писмеца то, что относилось прямо къ нимъ. Трудно представить себѣ, какое электрическое дѣйствіе произвели на нихъ строки ваши; но только не одинаково обнаруживалось это электричество: оно было съ одной стороны положительно, съ другой отрицательно. Старшій воскликнулъ: „А, ежели это такъ, то я тотчасъ же принимаюсь за Карамзина! я прочитаю его непремѣнно всего". Меньшой же: „О! я читать не стану: я не обѣщалъ никогда!" Старшій Дмитрій, тутъ же сталъ просить меня, чтобы я не спѣшилъ къ вамъ съ отвѣтомъ и обѣщалъ мнѣ скоро приняться за чтеніе; когда мы пришли къ себѣ на верхъ, то и тутъ онъ повторилъ мнѣ свои просьбы. Однако чтеніе Карамзина еще не началось; но это дѣйствительно происходитъ не отъ лѣности молодого человѣка. Онъ въ шестомъ классѣ гимназіи: предметовъ очень много, гимназія взыскательна, а онъ и есть въ ней, и хочетъ продолжать быть, первымъ. По крайней

мѣрѣ онъ твердо помнитъ теперь о Карамзинѣ, и мнѣ легко будетъ его подвинуть“.

Въ томъ же письмѣ Коссовичъ дѣлаетъ отзывы о членахъ почтеннаго дома, въ которомъ онъ жилъ: „Елизавета Васильевна Дашкова женщина прекраснѣйшая: съ ея стороны я постоянно вижу высочайшую деликатность, внимательность къ себѣ, вижу въ ней благородство души и образа мыслей. Изъ сыновей, о старшемъ Дмитріѣ вы уже имѣете понятіе; но зато меньшого, Андрея, опредѣлить трудно: жесткость характера, крайняя самоувѣренность, упрямство, страсть до неугомонной возни, отсутствіе всякой почтительности (это впрочемъ я завоевалъ у него для себя въ нѣкоторой степени), совершенное отсутствіе деликатности и видимой теплоты душевной: вотъ отличительныя свойства этого молодчика. Есть и хорошія стороны: прямота, хорошія способности, проглядываетъ и доброта сердечная. Забылъ еще два свойства: непослушаніе и лѣнь. Вотъ вамъ Андрей Дашковъ. Прибавьте къ этому, что это уже юноша пятнадцати лѣтъ, который почти выше меня ростомъ, и представьте себѣ теперь всю трудность моего положенія. Душѣ легче, когда скажешь доброму человѣку о своихъ радостяхъ и горѣ: сначала, въ моей жизни Петербургской по случаю этого молодчика преобладало одно горе: оно не могло скрыться въ моемъ письмѣ къ Бергу, который, по добротѣ души сильно почувствовалъ его, передавая вамъ о моемъ положеніи, но забылъ о другихъ выгодныхъ сторонахъ моего пребыванія въ этомъ домѣ. 1) Я въ немъ матеріально совершенно обезпеченъ. 2) При всей жесткости меньшаго юноши, они гимназисты, слѣдовательно, вся масса ученія лежитъ на Гимназіи, я же могу быть только ея помощникомъ; это сколько съ одной стороны печалитъ меня, ибо я не могу, при всѣхъ моихъ желаніяхъ, быть имъ полезенъ столько, сколько бы могъ и желалъ, съ другой—оставляетъ мнѣ бездну свободнаго времени для моихъ занятій и для меня. 3) Хозяйка дома женщина образованнѣйшая и отличнѣйшая. 4) Дикость мальчика не будетъ вѣчною, ибо въ эти два мѣсяца онъ уже очень во

многомъ перемѣнился и почти не походитъ уже на того необузданнаго дикаренка, какимъ проявился онъ черезъ недѣльку послѣ моего поступленія въ домъ. Не знаю, что будетъ, но надѣюсь, что̀, при помощи Божіей онъ обгладится и сдѣлается порядочнымъ и даже гуманнымъ человѣкомъ. Разумѣется, какъ не утѣшительны были бы условія жизни въ чужомъ домѣ, все оно не то, что у себя; но вѣдь судьба человѣка бѣднаго терпѣть и бороться. Слава Богу, что за борьбою видится покой, что здѣсь при многихъ удобствахъ въ настоящемъ, я имѣю хорошія надежды въ будущемъ. Москву для меня не замѣнитъ ничто, и я держался ея, покуда была въ ней надежда устроиться; когда и тѣни ея не стало, благодарю Бога за мое настоящее" [220]).

Съ своей стороны и Шевыревъ принималъ мѣры, чтобы пристроить Коссовича къ какому-нибудь государственному учрежденію, подъ сѣнію котораго онъ могъ бы безмятежно заниматься своею наукою. „Добрый и славный Шевыревъ", писалъ Хомяковъ Попову,—„онъ хлопоталъ какъ могъ и теперь хлопочетъ для Коссовича: я слышалъ, что онъ что-то другое ему пріискалъ. Шевыревъ ко мнѣ почти не ѣздитъ: боится Закревскаго. Это смѣшная сторона отличнаго человѣка. Мнѣ кажется не нужно прибавлять, что я буду пріискивать всякое средство быть полезнымъ для Каэтана Андреевича" [221]).

Поселившись въ Петербургѣ, Коссовичъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ *Москвитянина*. „Сочувствуя *Москвитянину*", писалъ онъ Погодину,—„и дорожа всѣмъ, что̀ только можетъ принесть какой-нибудь успѣхъ вашему журналу, я немножко хочу попенять на васъ. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій прежде постоянно получалъ отъ васъ *Москвитянинъ*. Какъ же это сдѣлалось, что онъ въ нынѣшнемъ году не получаетъ? Я потому напоминаю объ этомъ, что мы должны дорожить людьми талантливыми и пишущими. Срезневскій же и то, и другое. Получая *Москвитянинъ*, нельзя, чтобы онъ оставался безъ участія въ немъ. Итакъ, я бы про-

силъ васъ распорядиться, чтобъ нумера за нынѣшній годъ были къ нему отправлены. Впрочемъ, можетъ быть, я пишу къ вамъ объ этомъ и не впопадъ; въ такомъ случаѣ, смотрите на это какъ на мою преданность вамъ и сочувствіе къ *Москвитянину*, не болѣе". Получивъ это письмо, Погодинъ тотчасъ же отправилъ къ Срезневскому экземпляръ *Москвитянина* 1849 года. Сохраняя еще съ Погодинымъ добрыя отношенія, Срезневскій съ признательностью писалъ ему (5-го ноября 1849 года): „Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за возобновленіе вашего вниманія ко мнѣ и за *Москвитянинъ*, котораго вотъ уже два года слишкомъ ни одной книжки мы съ женою не могли имѣть въ рукахъ, и который слѣдовательно не могъ не явиться къ намъ какъ гость давно желанный. Цѣлый вечеръ вчера я просидѣлъ съ нимъ, не замѣчая, какъ шелъ шагъ за шагомъ, и не одинъ разъ повторилъ вамъ и Коссовичу душевное спасибо за удовольствіе. Я постараюсь не остаться въ долгу передъ вами за это одолженіе — на сколько хватитъ у меня силы, то-есть, отплатой денежки за рубль, скорлупкой за зернышко. А между тѣмъ, исполняя ваше желаніе, отдаю вамъ отчетъ на вопросъ вашъ—чтó я дѣлаю, прохваченный до неизвѣстной степени здѣшнею заразой. Не могу впрочемъ принимать слова *зараза* въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ здѣсь, то-есть, какъ искусство пользоваться временемъ и работать вдвое противъ силъ и средствъ. По прежнему зараженъ я заразой неумѣнья оканчивать къ сроку того, чтò бы могъ кончить, а кончать то, чего не былъ бы въ силахъ порядочно кончить и въ тройной срокъ. Будь у меня разсудительности болѣе, я бы вѣрно смогъ лучше воспользоваться здѣшнею заразой; а то пеняю только на себя, и всегда занятый, не могу не казаться человѣкомъ, который ничего не дѣлаетъ. По неволѣ сравнишь себя съ той Малорусской жинкой, которая пряла, пряла—и напряла

За рікъ три починки.
Тай не сама пряла:
Були помощницы—

и кума, и сестра и пр. и пр. И самъ работаю, и пользуюсь помощью другихъ,—и все-таки ничего не выходитъ, въ годъ не выйдетъ и трехъ починковъ. А какъ это дѣлается, судите сами: къ чтеніямъ въ Университетѣ и въ Институтѣ я все еще не могу не приготовляться, такъ что въ иную недѣлю ничего другого и не дѣлаешь. Кромѣ этой дневной работы, надобно читать хоть самое важное изъ современныхъ явленій по моей наукѣ, и на иное изъ явленій, какъ, напримѣръ, на *Гриммову Исторію* нельзя не употребить мѣсяца два-три, вотъ опять время. Потомъ, и приготовленіе къ лекціямъ, и чтеніе книгъ наводитъ на необходимость мелочныхъ изслѣдованій того или другого изъ мелкихъ вопросовъ науки, и хоть зачастую не придешь съ этими изслѣдованіями ни къ какому счастливому концу, а времени, проведеннаго за ними, хоть и очень счастливо, нѣтъ какъ нѣтъ. Я уже не говорю объ Академіи, о цензурѣ. Я нигдѣ не бываю, работаю не лѣнясь, сижу каждый день за работою не менѣе двадцати часовъ и между тѣмъ счастливъ только самымъ трудомъ, а не плодами труда. Поэтому и не могу похвалиться вамъ ничѣмъ оконченнымъ: даже и изслѣдованіе касательно Исторіи Русскаго языка, которое прочитано въ сокращеніи на университетскомъ актѣ вотъ уже девять мѣсяцевъ, еще до сихъ поръ не вышло изъ типографіи, хоть и очень не велико и выйдетъ съ разными ошибками. Конецъ концевъ, я стòю брани, и однако не знаю, какъ измѣниться, какъ дойти до искусства оканчивать начатое скорѣе и лучше, чѣмъ до сихъ поръ удавалось. Ужь вѣрно горбатаго могила исправитъ! Простите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, и не пеняйте на здѣшнюю заразу, а на личный горбъ. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Вельтману и Григоровичу".

XLII.

Со вступленіемъ миролюбиваго А. В. Вельтмана въ редакторы *Москвитянина* нѣсколько затихъ полемическій духъ

противъ людей иного направленія, съ которыми нѣкогда Шевыревъ боролся не на животъ, а на смерть. Но Н. А. Маркевичъ стремился возбудить этотъ затихшій духъ; кажется, это стремленіе не нашло поддержки въ самомъ Погодинѣ, который и самого Шевырева всячески старался умирять.

Историкъ Малороссіи, Николай Андреевичъ Маркевичъ, богатый Малороссійскій помѣщикъ, появился въ литературѣ еще въ 1829 году, издавъ въ Москвѣ свои *Стихотворенія Эротическія.* Въ 1849 году онъ вызывалъ Погодина на борьбу съ Западниками. Изъ своей Туровки (9-го января 1849 г.) онъ писалъ ему: „Получилъ я письмо ваше. Оно для меня было истинной усладой въ нынѣшнемъ горестномъ состояніи Отечественной Словесности; по немъ увидѣлъ я, что есть еще сердца благородныя, любящія Русь, преданныя прекрасному; что есть еще люди готовые стать за имена, приносящія честь родинѣ. Великіе писатели—тѣ же дѣятели; возвышая душу, они увлекаютъ соотечественниковъ къ добру, и, слѣдовательно, они благодѣтели народа, а неблагодарность къ благодѣтелямъ не только грѣхъ, но безчестіе. *Юридическая иронія давности не признается жизнью; совсѣмъ напротивъ, давность съ точки зрѣнія природы даетъ только одно право—право смерти,* *это слова Отечественныхъ Записокъ*: *Письма объ изученіи природы.* Оставя въ сторонѣ варварскій слогъ этой буйной выходки, вникните въ смыслъ: Жуковскому шестьдесятъ семь лѣтъ; заслуги его въ Отечественной Словесности поэтому ничтожны; то, что̀ увлекало насъ въ Великую войну, то, что̀ возвышало душу цѣлаго поколѣнія, стало ничтожнымъ. У него нѣтъ правъ на благодарность нашу, ему шестьдесятъ семь лѣтъ. У него остается право—умереть. Моему отцу семьдесятъ лѣтъ, онъ меня образовалъ, устроилъ мое благосостояніе, любилъ меня, какъ только могутъ любить родители дѣтей; но ему семьдесятъ лѣтъ, онъ выжилъ изъ ума, не имѣетъ правъ на сыновнюю любовь и благодарность; его право—право смерти. И мы молчимъ. Но подобныхъ литераторовъ должно клеймить, не жалѣя ни

лбовъ, ни штемпелей. Подготовленные штемпеля я полирую для отправки къ князю Петру Андреевичу Вяземскому. Между тѣмъ прошу васъ отнестись немедленно къ нему, чтобы онъ зналъ въ чемъ дѣло. Вступимъ въ борьбу! Мы выйдемъ изъ нея съ честью и славою. Намъ будетъ благодарна наша святая Русь, за то, что мы отстоимъ грудью ея благородный языкъ и народныхъ любимцевъ, которые насъ услаждали пѣснями лебедиными, разсказами о предкахъ нашихъ. Подаю вамъ руку, не измѣнявшую никогда чувствамъ сердца моего". Далѣе Маркевичъ пишетъ: „У васъ въ журналѣ есть отдѣлъ, въ которомъ можно бы помѣстить это письмо, вычеркнувъ только имя Вяземскаго. Это будетъ добрымъ началомъ войны. Что касается до моего имени, не бойтесь выставлять его предъ каждой изъ моихъ статей".

Не ограничиваясь этимъ письмомъ, Маркевичъ посылаетъ Погодину рядъ полемическихъ статей съ просьбою напечатать ихъ въ *Москвитянинѣ* и при этомъ пишетъ: „Рѣшась къ вамъ, вопервыхъ, переслать мои статьи, мою войну за Русскій языкъ, за людей, дѣлающихъ честь и славу соотечественникамъ, короче за Росское начало, я посылаю при семъ девять статей, которыхъ порядокъ я переименовалъ;—статьею первою поставилъ я ту, которая развязываетъ руки цензуры Московской пропустить остальныя; ибо если Петербургская осмѣлилась пропускать подобныя личности, то мои статьи должны быть пропущены.—Къ князю Петру Андреевичу Вяземскому я не послалъ ихъ по двумъ весьма важнымъ причинамъ. 1-е. Я не хотѣлъ безпокоить благороднаго и почтеннаго Нестора нашей Словесности безъ особенной на то надобности;—быть можетъ, и Московская цензура пропуститъ статьи, тогда мы напрасно утруждали бы старика. 2-е. Я вамъ, благородному словенину, русскому, москвичу и *Москвитянину* хотѣлъ отдать на судъ мною написанное. Я увѣренъ, что вы мнѣ отплатите за довѣренность довѣренностью и дадите прямой, дружескій отвѣтъ на вопросы, которые я сдѣлаю. Друзья истины и истинные дѣти Отечества—друзья

между собой, и потому-то требую отъ васъ откровенности дружеской. Полагаю пустить въ ходъ, въ вашемъ журналѣ, посылаемыя статьи, и въ концѣ года объявленіе во всѣхъ Вѣдомостяхъ о томъ, что, видя упадокъ отечественной Словесности и зная причины онаго упадка, я намѣренъ издавать ежегодный отчетъ о направленіи Журнальнаго Тріумвирата, раздѣливъ этотъ отчетъ на два отдѣла: 1-й. Прежняя жизнь этихъ журналовъ; 2-й. Обзоръ ихъ дѣйствій за прошлый годъ.— Что вы на это скажете? Другой вопросъ: Если которая изъ посылаемыхъ статей вамъ покажется неразкусимою для цензуры, вѣрно, вы согласитесь послать къ князю Петру Андреевичу Вяземскому при вашемъ письмѣ и меня увѣдомите о томъ; я же не медля напишу къ нему и отъ себя. 3-е. Если вы на первый вопросъ согласны, то-есть, оправдаете мое предположеніе, то угодно ли будетъ передъ первою статьею, какую прикажете же напечатать въ вашемъ *Москвитянинѣ*, сдѣлать примѣчаніе, что это начало труда довольно обширнаго, предпринятаго мною для пользы отечественной Словесности и для пользы молодыхъ людей, которые сбились съ прямой дороги, благодаря субстанціямъ Журнальнаго Тріумвирата. Это вопросы, а вотъ еще просьбы: Если вы примете въ вашъ журналъ, то велите оттиснуть десять экземпляровъ каждой статьи, особенно для пересылки ко мнѣ. Это все вознагражденіе, котораго я желаю. Если вы не рѣшитесь ихъ напечатать, то перешлите ихъ ко мнѣ. Другіе журналисты этого не дѣлаютъ, но вы не изъ тріумвирата. Отъ Жуковскаго, Дмитріева, Вяземскаго, Мордвинова, Баратынскаго и пр. и пр. я получалъ отзывы, коль скоро къ нимъ отзывался. Вы ихъ любили однихъ, другихъ любите; этому доказательствомъ служатъ новыя стихотворенія Василія Андреевича Жуковскаго, а потому я не могу сомнѣваться въ томъ, что эта просьба будетъ исполнена. Тутъ и общежительность, и благородство замѣшаны. Жаль, что я съ вами незнакомъ лично, но вашего сотрудника Шевырева я зналъ и знаю; помнитъ ли онъ меня? У меня въ альбомѣ есть его вещица ко мнѣ, напомните ему

обо мнѣ и скажите, что душевно радъ бы его увидѣть. Если вы будете отвѣчать, то уничтожьте накрахмаленное (какъ выражается Масловъ) милостивый государь, и если вы это сдѣлаете, то и я его при первомъ письмѣ уничтожу. Это насъ сблизитъ до перваго *фактическаго* свиданія двухъ *индивидумовъ*, изъ коихъ *я* имѣю къ вамъ *тенденцію*".

Какъ бы въ утѣшеніе Маркевичъ въ концѣ письма сообщаетъ Погодину, что у него „подготовлено еще двѣнадцать статеекъ" [222]).

Но Погодинъ, придерживаясь пословицы, что худой миръ лучше доброй ссоры, остановилъ воинственный пылъ Маркевича и не напечаталъ въ *Москвитянинѣ* ни одной изъ его полемическихъ статей. Въ то время, когда Н. А. Маркевичъ затѣвалъ словесную войну въ *Москвитянинѣ*, М. А. Максимовичъ велъ съ Маркевичемъ мирную переписку: *О первыхъ гетманахъ казацкихъ и первыхъ полковникахъ Прилуцкихъ* и печатное свое письмо М. А. Максимовичъ заключаетъ такими прекрасными словами: „Въ Прилуцкой старинѣ я люблю особенно то время, когда на укромныхъ островахъ медленноструйнаго Удая подвизался нашъ достопамятный молитвенникъ Исаія Копинскій и возникали тамъ святыя обители Густынская и Ладинская. И кто же изслѣдуетъ и представитъ намъ въ живой, полной картинѣ минувшую жизнь Прилуцкой Украйны, какъ не тотъ историкъ-поэтъ, который нѣкогда напѣвалъ намъ въ своихъ мелодіяхъ:

„Удай, Удай, мой родной,
Я люблю тебя — я твой" [223]).

Кіевскій профессоръ Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій напечаталъ въ *Современникѣ* 1849 года свою статью: *О характерѣ философіи Среднихъ вѣковъ*. Статья эта редакціею *Современника* была передѣлана или точнѣе искажена, согласно съ направленіемъ этого журнала [224]). Увидѣвъ ее въ печати въ такомъ неблагообразномъ видѣ, Гогоцкій обратился къ Погодину съ просьбою возстановить статью его въ *Москвитянинѣ* въ настоящемъ ея видѣ. „Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ", писалъ

Гогоцкій Погодину, — „я просилъ адъюнкта здѣшняго университета, Александра Ивановича Селина, обратиться къ вамъ съ моею просьбою о помѣщеніи въ *Москвитянинѣ* статьи, которая была уже однажды напечатана въ *Современникѣ* за іюнь мѣсяцъ. Въ письмѣ къ нему я объяснялъ и причины, побуждающія меня ко вторичному напечатанію этой статьи. Главная изъ нихъ та, что издатель *Современника* позволилъ себѣ сдѣлать въ моей статьѣ такія перемѣны, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ измѣняется духъ и тонъ ея. Не говорю уже о сокращеніи, отъ котораго происходитъ запутанность и неровность въ ходѣ мыслей и въ порядкѣ изложенія. Такъ какъ Александръ Ивановичъ извѣстилъ меня, что согласны помѣстить эту статью мою, то я въ полной надеждѣ на обѣщаніе, имѣю честь препроводить ее къ вамъ, милостивый государь, въ томъ видѣ, въ какомъ она была послана къ издателю *Современника*, со вторичною просьбою — не отказать ей въ мѣстечкѣ въ вашемъ *Москвитянинѣ*. Хорошо было бы, еслибы она могла быть напечатана еще въ настоящемъ году, хотя бы то въ родѣ прибавленія, если уже всѣ статьи подобраны на мѣсяцы ноябрь и декабрь. За это одолженіе я поставилъ бы себѣ пріятнѣйшею обязанностью благодарить васъ еще двумя статьями, которыя у меня совсѣмъ почти готовы и, какъ думаю, будутъ вполнѣ соотвѣтствовать духу *Москвитянина*. Въ подробное печатное объясненіе причины вторичнаго появленія моей статьи въ печати не вхожу — для избѣжанія журнальныхъ пересудъ. Прилагаю только, здѣсь же въ письмѣ, краткую выноску для припечатанія на первой страницѣ, гдѣ будетъ заглавіе и начало статьи. *Примѣчаніе для помѣщенія на первой страницѣ печатной статьи, внизу подъ чертою*: „Статья эта уже была однажды напечатана въ *Современникѣ* за іюнь мѣсяцъ; но такъ какъ тамъ она значительно измѣнена, то сочинитель рѣшился напечатать ее вторично — въ подлинномъ видѣ“.

Не получая никакого извѣстія объ участи своей статьи, посланной въ *Москвитянинъ*, Гогоцкій рѣшился вторично писать Погодину:

„Еще въ половинѣ октября я имѣлъ удовольствіе препроводить къ вамъ мою статью для напечатанія ее въ *Москвитянинѣ*. Не зная и не имѣя средствъ узнать, будетъ ли она напечатана въ издаваемомъ вами журналѣ, я осмѣливаюсь вторично утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою о напечатаніи ея. Къ этому побуждаетъ меня не капризъ и не пустое самолюбіе отъ малозначительныхъ перемѣнъ, сдѣланныхъ издателемъ *Современника*, но такія передѣлки, которыя противорѣчатъ моимъ убѣжденіямъ, или даже показываютъ непростительные промахи. Пусть моя подлинная статья имѣетъ еще болѣе недостатковъ; но они, вопервыхъ, будутъ въ другомъ родѣ, вовторыхъ, они будутъ мои — и въ такомъ случаѣ я отвѣчаю за свои, а не чужіе недостатки. Чтобы скорѣе можно было видѣть разницу между моею подлинною и напечатанною въ *Современникѣ* статьею, я прилагаю здѣсь указаніе страницъ *Современника*, которыя заключаютъ въ себѣ эту разницу:

На стр. 72 и 73 издатель свелъ отношеніе философіи къ христіанству на отношеніе философіи къ основнымъ законамъ природы, а вмѣсто *относительной* самостоятельности приписалъ философіи *неограниченную* самостоятельность.

На стр. 76 издатель слишкомъ много даетъ разуму власти. О *переоцѣнкѣ религіозныхъ преданій* у меня нѣтъ ни слова. На той же страницѣ издатель употребилъ нехорошія слова, когда дѣло идетъ о христіанствѣ: *традиціонныя представленія.*

На стр. 80 неприличны слова: *слѣпое воспріятіе представленій извнѣ.* У меня не такъ.

На стр. 87 издатель употребляетъ слово: *христіанско-католическій* — вовсе не употребительное и притомъ ошибочное. У богослововъ говорится Латинскій, Римскій или Римско-Католическій, или просто Католическій въ отличіе отъ слова *Каѳолическій.*

На стр. 89 издатель не только замѣнилъ мое слово: *римско-католическій* словомъ *христіанско-католическій*, но

и прибавилъ, какъ бы для поясненія *восточный*. Не понимаю рѣшительно, какъ можно было прибавить слово: *восточный* тамъ, гдѣ дѣло идетъ о Римскомъ вѣроисповѣданіи.

На стр. 89 издатель сопоставилъ два выраженія несходныя: *безотчетное предположеніе* и *вѣрованіе*. Это не одно.

На стр. 78 слова: *омраченнаго религіознымъ авторитетомъ католицизма*—обидныя и слишкомъ рѣзкія.

„Вообще, издатель употребляетъ чаще, нежели я, слово: *авторитетъ* и притомъ двусмысленно, такъ что можно думать о немъ, какъ угодно, скорѣе дурно, чѣмъ хорошо. Между тѣмъ, безъ авторитета обойтись нельзя.

„Не помню—гдѣ, сочинитель даже совсѣмъ выпустилъ мѣсто, гдѣ въ подлинникѣ говорится, что ученіе церкви должно быть выше тѣхъ волненій и перемѣнъ, которымъ подвержены философскія системы.

„О другихъ перемѣнахъ не упоминаю, потому что ихъ слишкомъ много“ [225]).

Но просьба Гогоцкаго не была исполнена.

XLIII.

Разбирая Рѣчи и Отчетъ Московской первой Гимназіи за 1847—1848 года, вниманіе Погодина обратила на себя рѣчь Богоявленскаго *О преподаваніи Древней Исторіи*, и по поводу ея онъ замѣтилъ, что рѣчь Богоявленскаго „написана очень хорошо и заключаетъ въ себѣ много основательныхъ мыслей. Мы скажемъ однакожь, что самая лучшая метода изъ устъ плохого учителя, точно какъ самые лучшіе законы въ рукахъ злого судьи, не принесетъ никакой пользы, а на оборотъ, плохую методу хорошій учитель сумѣетъ сдѣлать полезною. Толкованіе о методахъ принадлежитъ къ остаткамъ старой схоластики. Для Древней Исторіи, вмѣсто всѣхъ методъ, я совѣтовалъ бы всего лучше читать дѣтямъ *съ объясненіями* Плутарха, Плутарха и Плутарха, прибавляя къ нимъ и другія жизнеописанія изъ Ливія, Тацита, Светонія, Прокопія. Вни-

маніе учениковъ ничѣмъ, думаю, нельзя такъ привлечь, какъ подобнымъ живымъ чтеніемъ, а во вниманіи главное! Связать послѣ быти такъ пріобрѣтенныя хронологическими и синхронистическими узами немудрено. Не мѣшаетъ тогда выучить кое-что наизусть. Карты Древняго міра, изображенія памятниковъ—вотъ еще, на что не обратилъ вниманія почтенный наставникъ, а это наиважнѣйшее пособіе. Какъ можно болѣе сначала для глазъ, для воображенія, для памяти, для сердца, а умъ принадлежитъ уже Университету. Въ послѣднее время много болтали у насъ о методахъ, но все люди ограниченные, посредственные, не призванные, и много вреда причинили они юношеству! Педагогика—искусство великое, а за нее, какъ за медицину, хватается у насъ всякій". Погодинъ также находитъ, что Богоявленскій „напрасно отвлекся древними языками—они не составляютъ предмета его рѣчи. За то онъ и наказанъ: онъ сказалъ здѣсь много невѣрнаго: напримѣръ, отъ какого гимназиста можно требовать, чтобъ онъ далъ отчетъ о поэтическихъ образахъ Софокла" [226]).

Какъ бы то ни было, но Погодинъ пожелалъ завербовать Богоявленскаго въ сотрудники *Москвитянина* и обратился съ запросомъ о немъ къ В. Н. Лешкову, который и отозвался о немъ такъ: „На счетъ Богоявленскаго могу сказать только хорошо, хотя онъ и не товарищъ мнѣ по курсу; я даже былъ у него учителемъ; но знаю его порядочно. Это — достойный молодой человѣкъ, весьма знающій свое дѣло и умѣющій передавать свое знаніе. Говоритъ хорошо, пишетъ также; немножко такъ — фанфаронитъ, по молодости. Впрочемъ это такъ могло мнѣ показаться".

Въ 1849 году М. Н. Капустинъ, окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, продолжалъ сообщать въ *Москвитянинѣ* свои рецензіи на юридическія книги; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ Погодину: „Я не ограничиваюсь только сферою юридическою. Исторія составляетъ также одинъ изъ главныхъ предметовъ моихъ занятій" [227]). Въ *Москвитянинѣ* 1849 года М. Н. Капустинъ напечаталъ любопытное сооб-

щеніе, подъ заглавіемъ: *Корыстолюбіе Русскаго народа*. „Иностранцы“, пишетъ онъ,—„и съ ихъ голосу и сами Русскіе, не понимая дѣла, представляли иногда корыстолюбіе, какъ народный Русскій недостатокъ. Въ отвѣтъ на это объясненіе мы приводимъ недавній случай, въ истинѣ котораго совершенно ручаемся. Московской губерніи, въ сельцѣ Милетѣ, принадлежащемъ княгинѣ М. Д. Ухтомской, крестьянинъ Сидоръ Кузьминъ принялъ въ свою семью малютку Григорія, оставленнаго сиротой; на рукахъ добрыхъ крестьянъ, въ христіанской Русской семьѣ Григорій достигъ восемнадцатилѣтняго возраста. Во время послѣдняго набора, когда на призывъ Русскаго Царя всѣ съ готовностью шли исполнять его верховную волю, очередь въ поставкѣ рекрута дошла и до семьи Кузьмина. Бобыль вызвался самъ идти вмѣсто сына своего благодѣтеля, и, не смотря на представленіе всѣхъ, что онъ за это могъ бы взять деньги съ другихъ, Русскій человѣкъ не соглашался ни на какія условія, радуясь случаю, который давалъ ему возможность хотя, отчасти, уплатить неоплатный долгъ за всѣ благодѣянія, оказанныя ему сердобольнымъ семействомъ. Кто знаетъ, что за рекрута есть много охотниковъ заплатить большія деньги, тотъ пойметъ, какъ велико было чувство корыстолюбія въ Григоріѣ и перестанетъ голословно обвинять въ немъ всѣхъ Русскихъ. А вѣдь этотъ недостатокъ былъ когда-то даже темою для одной повѣсти. Когда же мы узнаемъ самихъ себя? Кстати напомнимъ читателямъ, что подобный разсказанный нами случай послужилъ содержаніемъ прекрасному очерку И. Т. Кокорева *Сибирка* въ *Москвитянинѣ* 1847 года“. Это дало поводъ и Погодину разсказать анекдотъ, который, пишетъ онъ, „я слышалъ года три тому назадъ, но не улучилъ записать въ свое время. Жилъ прикащикъ у одного овощнаго торговца въ Охотномъ ряду лѣтъ десять; служилъ усердно, денегъ бралъ мало на счетъ, и хозяинъ былъ всегда доволенъ. Вздумалъ онъ наконецъ жениться и завести собственное хозяйство. Приходитъ онъ къ хозяину и объявляетъ о своемъ

намѣреніи просить его *разсчесть*. Ладно, отвѣчаетъ хозяинъ, приди ко мнѣ въ воскресенье. Прикащикъ приходитъ въ воскресенье. Пойдемъ къ обѣднѣ, говоритъ хозяинъ. Пошли. Послѣ обѣдни возвращаются вмѣстѣ домой. Хозяинъ идетъ къ себѣ въ спальню, оставляетъ прикащика одного, чрезъ минуту выходитъ оттуда съ образомъ и хлѣбомъ съ солью, благословляетъ прикащика образомъ, отдаетъ хлѣбъ-соль и вручаетъ ему кипу ассигнацій: „Вотъ твои семь тысячъ, которыя слѣдуютъ тебѣ по нашему договору, а вотъ тебѣ двадцать тысячъ, которыя накопились отъ моихъ прибавокъ. Я не сказывалъ тебѣ объ нихъ, опасаясь, чтобъ ты не зазнался и не избаловался. Ступай же теперь съ Богомъ, живи и поживай, а на меня всегда надѣйся; я тебѣ во всемъ помощникъ" [228]).

Однимъ изъ старинныхъ сотрудниковъ *Москвитянина* былъ Сергѣй Петровичъ Побѣдоносцевъ. Возвратившись въ 1849 году въ Москву, онъ писалъ Погодину: „Тяжелая и упорная болѣзнь, удерживающая меня до сихъ поръ въ четырехъ стѣнахъ, препятствуетъ мнѣ видѣться съ вами лично. Пробывъ почти полтора года за границею, я возвратился оттуда съ крѣпко разстроеннымъ здоровьемъ, что̀ до сихъ поръ лишало меня возможности заняться любимою и отчасти уже привычною работою литературною. Возобновляя эти занятія, я желалъ бы предложить мои услуги издаваемому вами журналу и съ этою-то цѣлію пишу къ вамъ, прося васъ покорнѣйше почтить меня отвѣтомъ. Узнавъ отъ васъ объ условіяхъ, на которыхъ вы можете принимать мою работу, и о гоноріумѣ, положенномъ средствами редакціи, я могъ бы прислать вамъ то, что̀ у меня уже готово. Не лишнимъ считаю прибавить, что въ статьяхъ моихъ я буду сообразоваться съ направленіемъ журнала. Живу я въ Хлѣбномъ переулкѣ, что у Арбатскихъ воротъ, въ собственномъ домѣ".

Сочувствіе къ Словенамъ давно сблизило Погодина съ С. П. Шиповымъ, и хотя въ 1849 году это сочувствіе не совсѣмъ было удобно выражать гласно, тѣмъ не менѣе, 20-го

января 1849 года, Шиповъ писалъ Погодину: „Я весьма бы радъ былъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, повидаться съ вами! Вечеромъ, кромѣ завтрашняго дня, то-есть, пятницы, вы застанете меня каждодневно дома. Я съ удовольствіемъ согласенъ напечатать въ *Москвитянинѣ* статью мою *о любителяхъ Словенства*, но желалъ бы предварительно просмотрѣть оную вмѣстѣ съ вами и можетъ быть кое-что выправить, ибо она написана не для печатанія“.

Къ сожалѣнію, Московскій цензурный комитетъ, не считая себя въ правѣ разрѣшать къ печати статей политическаго содержанія, представилъ статью Шипова на благоусмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры. Съ своей стороны В. И. Назимовъ писалъ князю П. А. Ширинскому: „Сочиненіе *О любителяхъ Словенства въ Россіи* принадлежитъ генералъ-адьютанту Сергію Павловичу Шипову, котораго уже одно имя ручается за глубокую преданность Престолу и Отечеству, что вѣроятно не безызвѣстно и вашему сіятельству“. Но князь Ширинскій, по видимому, не раздѣлялъ мнѣнія Московскаго попечителя касательно этой статьи и въ своей всеподданнѣйшей докладной запискѣ писалъ: „Благонамѣренная цѣль сочинителя этой статьи состоитъ въ объясненіи хорошей стороны выказавшагося у насъ въ послѣдніе годы сочувствія къ Словенамъ, обитающимъ въ иностранныхъ государствахъ. Принявъ за основаніе, что существованіе верховной власти есть необходимая потребность племенъ Словенскихъ, и что всякій благомыслящій гражданинъ великаго союза Словенскаго, во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ, стремиться долженъ къ утвержденію въ своемъ Отечествѣ самодержавія, генералъ-адъютантъ Шиповъ защищаетъ идею Словенскаго монархическаго единства, относя ее впрочемъ къ распространенію общаго Русскаго начала въ областяхъ, входящихъ въ составъ Имперіи. Принимая въ соображеніе, что напечатаніе статьи *О любителяхъ Словенства въ Россіи* могло бы возбудить, по счастію уже упавшій у насъ, вопросъ о Словенофилахъ, а высокое званіе, которымъ облеченъ сочинитель, и одобреніе Главнаго Упра-

вленія Цензуры придало бы ей въ общественномъ мнѣніи особенный вѣсъ, котораго она не должна имѣть по современнымъ политическимъ обстоятельствамъ, я бы признавалъ за лучшее не разрѣшать изданія въ свѣтъ этой статьи".

На этомъ докладѣ императоръ Николай I, въ Петергофѣ, 2-го іюня 1850 года, начерталъ: *Не должно печатать.*

Въ то же время изъ Твери Погодинъ получилъ отъ П. Шестакова слѣдующее предложеніе: „Зная чисто своенародное направленіе журнала, издаваемаго вами, я увѣренъ, что вы не откажетесь помѣстить въ немъ народныхъ преданій, записанныхъ мною въ Твери. Картина Нѣмецкаго выходца списана мною съ натуры: много такихъ лицъ попадается тамъ и сямъ по нашей обширной Россіи. Выказать всю пошлость жизни этихъ искателей счастія было моею цѣлію. Я знаю, что произведеніе мое имѣетъ много недостатковъ въ самомъ изложеніи, но утѣшаюсь тѣмъ, что писанное мною — чистая правда, что оно выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ этихъ пришлецовъ, являющихся къ намъ безъ куска хлѣба, но за то съ большими претензіями на почетъ, будто заслуженный".

Контръ-адмиралъ П. Н. Кузмищевъ, извѣстный прекраснымъ собраніемъ мѣстныхъ словъ Камчатки и Архангельской губерніи, рекомендовалъ Погодину изъ Архангельска новаго Ломоносова. 26-го марта 1849 года онъ писалъ: „Къ наступающему празднику посылаю вамъ вмѣсто краснаго яичка *доморощенныя* наши стихотворенія. Авторъ ихъ свободный земледѣлецъ Анисимъ Нечаевъ. Если будетъ мѣстечко имъ въ вашемъ добромъ *Москвитянинѣ*, то вѣроятно — покровительствуя рождающемуся таланту — вы не затаите ихъ для одного себя. Не выдаю ихъ за образцы. У кого нѣтъ недостатковъ? И кто же въ началѣ писалъ совершенно? Припомните Державина съ его *Читалагайскими*, а далѣе и другихъ. Если угодно, то на потѣху *Библіотеки для Чтенія* тутъ есть и *дѣва*, и *луна*. Надо знать, что это пишетъ по страсти крестьянскій парень, не получившій совершенно никакого образованія.

Буде вы соизволите напечатать какія-нибудь изъ посылаемыхъ теперь стихотвореній Нечаева, то не лишнимъ считаю вмѣсто предувѣдомленія напечатать нѣсколько строкъ и моей сухой прозы. Тогда о талантѣ Нечаева мы оба съ вами можемъ воскликнуть:

Я первый, я открылъ.

„Если изъ сочиненій Нечаева напечатается что-нибудь, то обрадуйте его авторское самолюбіе доставленіемъ ему одного или двухъ экземпляровъ особо оттиснутыхъ его пьесокъ. Онъ обѣщалъ мнѣ доставить еще нѣкоторыя стихотворенія, и между ними *Прокопія Ляпунова...* Когда отъ насъ съ глубокаго и холоднаго сѣвера не можетъ быть яркаго свѣта и тепла, то мы посвѣтимъ хоть скоропреходящимъ и слабымъ сѣвернымъ сіяніемъ,—и того довольно".

Почти одновременно и И. Е. Бецкій рекомендуетъ Погодину нѣкоего Своехотова. „Завтра въ 10 часовъ", пишетъ онъ Погодину (26-го январи 1849 года),—„будетъ къ вамъ отъ меня г. Своехотовъ. На ловца звѣрь бѣжитъ—отдавалъ переписывать тетрадки: писарь мой, объявившій себя *неграмотнымъ*, принесъ мнѣ нынче показать басни. По очертанію лба мнѣ кажется, что нужно обратить вниманіе на этого человѣка, на эту *натуру* въ лѣтнемъ сюртукѣ при двадцати градусахъ мороза. Загляните въ басни, едва ли я ошибаюсь. Разговоръ же его таковъ, что я чуть было не усомнился, полно не разыгрываетъ ли онъ комедію со мною. *Отъ себя* я ничего не сказалъ ему, что̀ могло бы ему голову вскружить. При его бѣдности нужно лучше и не возвышать его въ собственныхъ глазахъ. А право чуть ли не природный въ немъ *талантъ*. Дай Богъ, чтобы я не ошибся при скоромъ взглядѣ на двѣ басни. *Цвѣтокъ дикій, въ крапивѣ выросъ, можетъ быть, стоитъ пересадки.* Помогите ему, дайте переписывать или употребите на что̀ придется. Но о талантѣ, сами знаете, говорить на первый разъ было бы вредно,—впрочемъ ученаго учить и пр. и пр." [229]).

Погодина давно занимала мысль образовать при *Москвитянинѣ* цѣлый корпусъ надежныхъ корреспондентовъ. Онъ

намѣревался даже выработать для нихъ инструкцію. „Нѣкоторые изъ нашихъ корреспондентовъ“, писалъ онъ,— „жалуются, что нечего описывать, потому что въ ихъ городахъ нѣтъ ни баловъ, ни концертовъ, ни спектаклей. Редакція проситъ покорнѣйше не извѣщать объ этихъ общихъ мѣстахъ, еслибъ они гдѣ и бывали; для нея гораздо интереснѣе, напримѣръ, новыя вольныя почты между Казанью и Оренбургомъ, число посѣтителей въ Карамзинской библіотекѣ въ Симбирскѣ, жизнь иноковъ въ Козельскѣ, пожертвованіе капиталовъ на вѣчныя времена въ пользу бѣдныхъ мѣщанъ въ Дмитровѣ, Коломнѣ, тысяча рублей вкладу отставнымъ унтеръ-офицеромъ въ церковь по умершей женѣ, въ въ Петербургѣ, и проч. Вотъ какого рода извѣстій просимъ мы отъ своихъ корреспондентовъ“ [230]).

Но въ это же самое время Погодинъ получаетъ отъ своего Шуйскаго корреспондента В. И. Борисова извѣстіе объ учрежденіи Я. П. Горелинымъ въ селѣ Ивановѣ-Вознесенскомъ публичной библіотеки, извѣстіе, оказавшееся впрочемъ, невѣрнымъ, и самъ Горелинъ писалъ Погодину (26-го марта 1849 года): „Въ *Москвитянинѣ* я прочиталъ объ учрежденіи мною въ селѣ Ивановѣ публичной библіотеки и, къ сожалѣнію моему, замѣтилъ, что сообщившій вамъ это извѣстіе слишкомъ ошибся въ изложеніи; а потому честь имѣю увѣдомить васъ, что въ селѣ Ивановѣ никогда не существовало и не существуетъ публичной библіотеки, а нѣсколько любителей чтенія пожелали выписывать изъ С.-Петербурга и Москвы нѣкоторые журналы и книги; слѣдовательно, что сдѣлано въ частности, то нельзя назвать общественнымъ и публичнымъ. Покорно прошу васъ напечатать мои увѣдомленія, дабы обличить неосновательность этого извѣстія: объ учрежденіи въ селѣ Ивановѣ публичной библіотеки, которая никогда не существовала и не существуетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, я никогда не жертвовалъ на это учрежденіе тысячи руб. серебромъ“.

Съ своей стороны и Ивановскій житель Николай Назаровичъ Бочаровъ (30-го апрѣля 1849 г.) сообщалъ Погодину: „Не такъ давно, кажется, что въ первой мартовской книжкѣ вашего журнала мнѣ случилось прочесть, что у насъ, въ селѣ Ивановкѣ, по старанію почетнаго гражданина Якова Петровича Горелина, устроена публичная библіотека, на которую онъ жертвуетъ и домъ, и книги, и деньги, и проч. и проч. Право, мнѣ странно показалось, какъ можно взносить на г. Горелина столько небылицъ, что онъ и десятой части не виноватъ противъ сказаннаго; даже мысль объ основаніи библіотеки принадлежитъ совсѣмъ не Якову Петровичу. Четыре года уже мы, то-есть, мы многогрѣшные граверы, колеристы, рисовальщики, механики, химики и проч., или мы пріѣзжіе, или, по народному Ивановскому выговору, мы натёки, сбирали между собою деньги и выписывали разные журналы и книги, но по жительству нѣкоторыхъ въ дальнемъ разстояніи одного отъ другого на двѣ, на три, и даже на пять верстъ, мы всегда затруднялись въ передачѣ оныхъ, а потому намъ и надобно было въ центрѣ Иванова отыскать квартиру, гдѣ бы намъ по праздникамъ удобно было сбираться, толковать кое о чемъ и мѣняться книгами. Вотъ тутъ-то намъ и помогъ Яковъ Петровичъ, предложивъ комнату, въ которую мы, уже на общія деньги, сдѣлали шкафы и освѣщаемъ, а также и библіотекарю платимъ жалованье изъ общей суммы. Яковъ Петровичъ еще никакихъ вкладовъ, не дѣлалъ да и дѣлать не обязывался, кромѣ того, какъ и каждый изъ насъ, внесъ на 1849 годъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ серебромъ. Вотъ, милостивый государь, основаніе библіотеки, для которой Яковъ Петровичъ совсѣмъ не столько благодѣтельствовалъ, какъ васъ увѣдомили, однако мы все-таки ему благодарны“.

Свой проектъ о корпусѣ корреспондентовъ Погодинъ представилъ на судъ М. А. Дмитріеву, который сдѣлалъ на него слѣдующее критическое замѣчаніе: „Инструкція для корреспондентовъ журнала — дѣло премудреное! Такъ мало внутренней и общественной жизни, что дѣйствительно не о чемъ писать.

У насъ общественная жизнь вездѣ одинакова: балы и карты. Публичная жизнь: праздникъ, молебствіе въ соборѣ и обѣдъ у начальника губерніи. Ученое происшествіе: экзаменъ и актъ въ гимназіи. И обо всемъ объ этомъ слѣдуетъ писать, по извѣстной формѣ, не смѣя сказать своей мысли. Заранѣе опредѣлено, что̀ надобно хвалить и о чемъ молчать. Что же тутъ напишетъ корреспондентъ журнала? — Посмотрите, какъ осторожно печатаютъ о неурожаѣ: „Всходы озимей были удовлетворительные, жатва была посредственна“, когда надобно сказать, что и сѣмянъ не собрали. Я не придумаю, что̀ имъ писать изъ губерній“.

Посѣтивъ Карамзинскую библіотеку въ Симбирскѣ, Дмитріевъ писалъ: „Видѣлся съ П. М. Языковымъ, который показывалъ мнѣ Карамзинскую библіотеку. Она безпрестанно умножается книжными вкладами, но читателей всего человѣкъ пятьдесятъ, и то большею частію семинаристы и мѣщане; дворянамъ некогда: съ утра до вечера мужчины въ клубѣ, а дамы по домамъ играютъ въ карты! Я сообщилъ нѣкоторымъ дамамъ выраженіе Карамзина, который говаривалъ о сидящихъ за карточными столами: сидятъ въ станкахъ! Но онѣ мнѣ отвѣчали въ одну рѣчь: да что же дѣлать? И я согласенъ, что имъ въ Симбирскѣ больше дѣлать нечего! Изъ книгъ библіотеки берутъ больше книги духовныя и историческія, а изъ литературныхъ произведеній читаютъ только Гоголя и Лермонтова. Вотъ вамъ отчетъ о библіотекѣ“.

XLIV.

Съ первой книжки *Москвитянина* 1849 года Погодинъ началъ печатать *Путешествіе въ Пруссію графа Ѳ. В. Ростопчина*, которое ему доставилъ сынъ его, графъ Андрей Ѳедоровичъ. 4-го января того же года, когда первая статья Путешествія была уже напечатана, графъ А. Ѳ. Ростопчинъ писалъ Погодину: „Перебирая на дняхъ бумаги отца, не нашелъ я Путешествія по Пруссіи, посему прошу васъ, если

эта рукопись находится у васъ, возвратить мнѣ ее. Нашелъ же я продолженіе того путешествія; оно теперь разбирается, переписывается и вамъ будетъ доставлено для напечатанія, если захотите. Поздравлять съ новымъ годомъ я никогда не поздравляю, ибо одинъ Богъ только знаетъ, чего болѣе всякому и каждому придется на долю: пріятностей или пакостей. Но пошли вамъ Богъ первыя и отсторони послѣднія" [231]).

На другой же день Погодинъ посѣтилъ Ростопчина и отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ростопчинъ нашелъ путешествіе и отдалъ мнѣ новую огромную тетрадь! Вотъ это прекрасно!"

Признательный Погодинъ печатно заявилъ: „Статья покойнаго графа Ростопчина очаровала всѣхъ читателей *Москвитянина.* Въ самомъ дѣлѣ, Русскій умъ, острота, иронія бьютъ въ ней живымъ ключемъ. Считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ, что автору былъ тогда только двадцать первый годъ! А что всего пріятнѣе будетъ услышать литературной публикѣ, такъ это вотъ что̀: графъ А. Ѳ. Ростопчинъ отыскалъ огромную черновую тетрадь путешествія, которое покойный началъ было переписывать самъ и дописалъ до тридцать третьей главы. Я имѣлъ уже удовольствіе получить ее, пересмотрѣлъ и увидѣлъ множество любопытнаго: напримѣръ, графъ Ростопчинъ встрѣтилъ въ Берлинѣ Мирабо, тогда агента отъ Французскаго Двора, и излагаетъ о немъ свое мнѣніе! Почеркъ въ тетради ужасный, разбирать очень трудно, но я надѣюсь вскорѣ приготовить ее къ печати" [232]).

При дружелюбномъ посредствѣ князя П. А. Вяземскаго Погодину удалось украсить свой журналъ печатаніемъ отрывковъ изъ Путешествій по Индіи и Персіи внука воспитателя императора Александра I-го, князя Алексѣя Дмитріевича Салтыкова. Надо замѣтить, что подлинникъ путешествія былъ писанъ по Французски, и въ *Москвитянинѣ* печатался переводъ, а потому цензоръ В. Н. Лешковъ вопрошалъ Погодина: „А что этотъ Салтыковъ? Зачѣмъ по Французски и во Франціи?" [233])

На этотъ вопросъ пусть за насъ отвѣтитъ самъ князь

П. А. Вяземскій: „Намъ сообщили отзывъ одной изъ лучшихъ Французскихъ газетъ о сочиненіи князя А. Д. Салтыкова. Читателямъ *Москвитянина* и вообще каждому русскому, безъ сомнѣнія, любопытно и пріятно будетъ прочесть этотъ отзывъ о нашемъ соотечественникѣ и о путевыхъ письмахъ его, изданныхъ на Французскомъ языкѣ и частью уже извѣстныхъ у насъ по нашимъ журналамъ. Здѣсь было бы неумѣстно упрекать путешественника въ томъ, что онъ писалъ письма свои не на Русскомъ языкѣ. Князь Салтыковъ не имѣлъ никогда притязанія на авторство. И въ этомъ-то особенная прелесть ихъ и главное достоинство. Письма эти всетаки наши, и мы можемъ радоваться ими за себя и за того, кто ихъ писалъ. Это всетаки вкладъ въ Русскую умственную сокровищницу. Русскими ли золотыми рублями, Французскими ли золотыми внесенъ этотъ вкладъ: это дѣло постороннее. Всетаки даяніе благо. И наша обязанность не придираться къ щедрому вкладчику за отчеканеніе золота, которымъ онъ подѣлился съ нами, а благодарить его за золото, которое онъ разсыпалъ передъ нами...

„Авторъ статьи судитъ о книгѣ князя Салтыкова не только какъ о замѣчательномъ литературномъ явленіи, но преимущественно оцѣниваетъ въ ней частное выраженіе и значеніе настоящей и будущей Россіи. Онъ признаетъ въ Русскихъ начало духовной силы и духовной живучести, которыя посреди Европейскихъ колебаній, посреди тревожнаго состоянія умовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнаго утомленія ихъ, должны неминуемо служить намъ опорою, предохраненіемъ и надежнымъ залогомъ. Онъ хорошо понялъ, или угадалъ, что наша умственная и литературная дѣятельность не есть, какъ было въ старой Франціи, почти исключительною принадлежностью одного отдѣльнаго и второстепеннаго сословія, что она у насъ изливается свыше, а не прорывается снизу, а потому въ этой дѣятельности нѣтъ ничего враждебнаго, завистливаго, насильственнаго. Дѣйствіе ея мирно и благодѣтельно, потому что она истекаетъ изъ полноты силы законной, благоустроенной, ко-

торой завидовать некому и нечему. Нельзя не замѣтить, что литературная дѣятельность наша, начиная отъ князя Кантемира до Пушкина, сосредоточивалась преимущественно въ высшемъ нашемъ сословіи. Дѣятельнѣйшія и блистательнѣйшія наши литературныя знаменитости придали своимъ почетнымъ и родовымъ именамъ блескъ новой и личной славы. Если и бывали исключенія, какъ, напримѣръ, Ломоносовъ, то и эти исключенія не долго оставались въ сторонѣ, но силою общаго порядка входили въ высшій кругъ и наравнѣ съ другими пользовались ихъ правами и преимуществами. Оскорбительнаго раздѣленія не было: слѣдовательно, не могло быть ни столкновеній, ни борьбы, ни противодѣйствія, а было единомысліе и единодушіе. Литература наша дѣйствовала всегда въ духѣ примиренія, любви и теплаго сочувствія къ немощамъ и недостаткамъ человѣческимъ и общественнымъ. Дворянство наше хорошо поняло и примѣнило къ дѣйствію прекрасный смыслъ Французскаго изреченія: дворянство обязываетъ, *noblesse oblige*. Оно всегда было въ передовой странѣ образованности и просвѣщенія. Занимавшіеся науками и литературою не были ему чужіе, и оно не было для нихъ ни чуждымъ, ни недоступнымъ. Въ этомъ отношеніи дворянство слѣдовало примѣру, данному ему свыше. *Служба общественному благу мыслію и перомъ всегда признаваемо было нашимъ правительствомъ за дѣйствительную службу.* Литературныя заслуги наравнѣ съ другими вознаграждались отъ верховной власти поощреніями, пособіями и отличіями".

Съ своей стороны Погодинъ, „счелъ обязанностью" сказать отъ себя нѣсколько словъ: „Въ Исторіи нашей", пишетъ онъ,—„непріязненнаго раздѣленія не было: слѣдственно, не могло быть ни столкновенія, ни борьбы, ни противодѣйствія, а было единомысліе и единодушіе. Всѣ сословія участвовали одинаково въ созданіи судебъ Отечества, а подлѣ имени князя Пожарскаго блистаютъ также ярко имена крестьянина Сусанина, купца Минина, келаря Палицына и патріарха Гермогена. Предъ рыбакомъ Ломоносовымъ и Пушкинъ, и Ка-

рамзинъ, и Державинъ, и Дмитріевъ благоговѣли такъ же, какъ благоговѣемъ всѣ мы, и будутъ благоговѣть наши потомки всѣхъ сословій. Повторяю здѣсь кстати еще нѣсколько положеній, напечатанныхъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ: Наше дворянство не феодальнаго происхожденія, не можетъ имѣть той гордости, какая течетъ въ жилахъ Испанскихъ грандовъ, Англійскихъ лордовъ, Французскихъ маркизовъ и Нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ Европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова, ибо пріобрѣло свои отличія службою Отечеству. За литературные труды, разумѣется, оно пріобрѣтаетъ себѣ новое право на уваженіе соотечественниковъ. Карамзину въ Россіи отъ государя до послѣдняго мѣщанина всѣ принесли должную дань почтенія; а какъ принимали Гиббона Лондонскіе вельможи, о чемъ онъ съ огорченіемъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ? Байронъ не столько славился своею поэзіею, сколько родствомъ съ Норманскими рыцарями, а наши умнѣйшіе государственные люди напротивъ ищутъ славы писателя. Всѣ сіи явленія не безъ историческаго основанія. Замѣчу еще, что наша умственная литературная дѣятельность, какъ изливается сверху внизъ, такъ и снизу подымается вверхъ, чему доказательствомъ служатъ, кромѣ Ломоносова,—Сильвестръ, Посошковъ, Ѳеофанъ, Платонъ, Михаилъ, Филаретъ, Иннокентій... все сословіе ученыхъ, не говоря уже о незнатномъ дворянствѣ, къ которому принадлежало большинство писателей".

Эти *нѣсколько словъ* Погодина не понравились цензурѣ, и цензоръ Ржевскій писалъ Погодину: „В. И. Назимовъ обратилъ вниманіе на выноску вашу въ статьѣ о письмахъ князя Салтыкова. Говоря, что между дѣятелями на поприщѣ Отечественной Литературы встрѣчается много лицъ, принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ, вы цитируете Ломоносова и потомъ цѣлый рядъ епископовъ и архіепископовъ нашихъ и между прочимъ Филарета. Но всѣ они и по сану, и по происхожденію принадлежали и принадлежатъ къ духовному сословію,

въ законахъ нашихъ сравненному съ дворянскимъ. Вѣроятно, Филарета оскорбило это замѣчаніе. Сообщаю вамъ это для того, чтобы при случаѣ вы знали, въ чемъ дѣло“ [234]).

Страсть къ путешествіямъ зародилась въ душѣ князя А. Д. Салтыкова съ дѣтскаго возраста. „Еще въ дѣтствѣ“, писалъ онъ, — „познакомился я съ извѣстнымъ нашимъ художникомъ Орловскимъ. Онъ былъ на Кавказѣ, и его кисть тогда уже переносила мое воображеніе на Востокъ. Въ то же время я узналъ о Персидскомъ посольствѣ въ Россію и ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, оно прибыло, въ 1816 году, въ С.-Петербургъ; мнѣ тогда было двѣнадцать лѣтъ. Въ одинъ туманный зимній день, въ три часа по-полудни, нетерпѣливое ожиданіе мое разрѣшилось трепетнымъ чувствомъ довольствія. У окна родительскаго дома на Дворцовой набережной, раздался торжественый звукъ кавалергардскихъ трубъ, и вдали появились двѣ громады, которыя медленно, съ страннымъ колебаніемъ, подвигались впередъ: это были слоны, предшествующіе поѣзду посольства! Въ чудномъ убранствѣ, фантастически расписанные, и въ сапогахъ, эти движущіяся колоннады прошли какъ чудныя созданія невѣдомаго міра. Слѣдомъ ѣхали два абисинца въ бархатной шитой золотомъ одеждѣ на ярыхъ жеребцахъ. За ними угрюмые Персіяне, въ своемъ обычномъ нарядѣ, вели подъ уздцы двѣнадцать коней. Потомъ слѣдовала толпа Персидскихъ всадниковъ въ великолѣпныхъ парчевыхъ и шалевыхъ одеждахъ, и наконецъ придворная золотая карета цугомъ, съ скороходами и камеръ-пажами. Въ ней сидѣлъ посолъ, Фетъ-Али-Шаха, Мирза-Абулъ-Гассанъ-Ханъ, въ бѣлой шалевой одеждѣ, съ алмазной звѣздой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали девять Персидскихъ всадниковъ, съ заводными странно-осѣдланными конями. Весь поѣздъ заключался казачьимъ полкомъ и кирасирскимъ эскадрономъ. Это странное видѣніе произвело на меня сильное впечатлѣніе и породило страстное желаніе видѣть Востокъ и особенно Персію. Спустя долгое время желаніе мое исполнилось: я былъ въ Персіи, прожилъ два года въ Индіи, изъѣздилъ ее

во всѣхъ направленіяхъ. Любопытство мое еще не вполнѣ удовлетворилось, а тоска по отчизнѣ томила уже меня, и я возвратился въ Россію, ожилъ чувствами... Но страсть къ путешествію завлекла уже чувства мои, Европу я видѣлъ; она уже мнѣ опостылѣла; въ Италіи и Испаніи мнѣ казалось все пошло и несносно; въ Англіи, Германіи и Франціи мелочно и нестерпимо: Индія возстала въ памяти моей столь плѣнительной, что желаніе пожить еще въ этой волшебной природѣ, посреди первоначальныхъ обычаевъ народовъ и нравовъ, не искаженныхъ мнимою образованностію, было во мнѣ непреодолимо. Я поѣхалъ въ Индію, пробылъ тамъ цѣлый годъ въ безпрерывныхъ поѣздкахъ, осмотрѣлъ много мѣстъ, которыхъ неудалось видѣть въ первое путешествіе; но второе впечатлѣніе было не на столько уже облечено очарованіемъ, какъ первое. Скоро пожелалъ я снова родины; но любовь къ Индіи еще не изсякла, и, можетъ быть, я навѣщу ее въ третій разъ и взгляну болѣе безпристрастнымъ взглядомъ, болѣе изучу и природу, и бытъ народа, столь строго и неуклонно живущаго въ исконныхъ обычаяхъ своихъ“ [235]).

Любопытство наше познакомиться съ личностью князя А. Д. Салтыкова отчасти удовлетворяетъ одинъ почтенный Лифляндецъ, который сохранилъ намъ и внѣшній образъ, и обстановку нашего знаменитаго путешественника во время пребыванія его въ Петербургѣ. „Салтыковъ“, пишетъ онъ,— „занималъ въ гостинницѣ Демута бель-этажъ, обращенный къ Мойкѣ. Мы входимъ въ залу, увѣшанную до потолка Персидскими коврами, а по угламъ украшенную Индѣйскимъ оружіемъ: длинными копіями, Гиндустанскими саблями, маленькими кривыми Малайскими кинжалами. Посреди большой столъ, на которомъ разложены фоліанты съ гравюрами на мѣди... Минуты черезъ двѣ изъ боковой комнаты вышелъ Князь, въ узкомъ кашемировомъ сюртукѣ, въ широкихъ красныхъ панталонахъ, въ желтыхъ Турецкихъ башмакахъ съ заостренными въ видѣ птичьяго клюва носками. Болѣе изящной и аристократической наружности я никогда не видывалъ.

Ему было около сорока лѣтъ. Волосы нѣсколько посѣдѣли, поступь мягкая, сохранившая юношескую гибкость, черты худощаваго, продолговатаго лица добродушно меланхолическія. Англійскій элементъ, какъ я впослѣдствіи имѣлъ случай замѣтить, хотя и умѣренный Русскимъ добродушіемъ, проникалъ его насквозь, не имѣя однакожь надъ нимъ рѣшительнаго преобладанія“.

Одинъ рисунокъ, находившійся въ коллекціи князя Салтыкова далъ поводъ къ любопытной бесѣдѣ Князя, Лифляндца и графа М. Ю. Віельгорскаго. Это видъ маленькаго уединеннаго домика въ Гималайскихъ горахъ, „настоящей Русской избы, но только менѣе изукрашенной рѣзьбой“.

Князь Салтыковъ. Эти украшенія встрѣчаются на храмахъ въ Голкондѣ, за исключеніемъ Русскаго просверленнаго колеса, похожаго на солнце.

Графъ Віельгорскій. Не указываетъ ли это на общее происхожденіе обоихъ народовъ?

Князь Салтыковъ. Не знаю, но меня поразило это сходство.

Графъ Віельгорскій. Но что̀ говоритъ Риттеръ о связи между Индѣйскими орнаментами и Русскою сельскою архитектурою?

Лифляндецъ. Объ этомъ онъ не говоритъ ничего, потому что гдѣ же ему знать Русскую избу, точно также, какъ и это пустынное мѣсто въ Гималаѣ, въ которомъ, можетъ быть, и побывать-то удалось только одному Князю? Но кто же живетъ въ этихъ домикахъ?

Князь Салтыковъ. Это не что иное, какъ скирды.

Въ Калькуттѣ Салтыковъ проживалъ по мѣсяцамъ у вице-короля. По вечерамъ, когда спадала жара, они выѣзжали на слонахъ прогуливаться по берегу Ганга. „Англійскія верховыя лошади были бы удобнѣе“, замѣчалъ князь Салтыковъ, „но это набросило бы тѣнь на ореолъ, которымъ вице-король считалъ нужнымъ окружать себя. Однажды за столомъ“, разсказывалъ князь Салтыковъ,—„замѣтилъ я удивительно прекраснаго мальчика—гиндуса. Я не спускалъ съ него глазъ, ибо мнѣ очень

хотѣлось снять съ него портретъ; но я не зналъ, какъ къ этому приступить, чтобъ не унизиться въ глазахъ Англичанъ, считающихъ туземцевъ за низшую породу людей и очень много придающихъ вѣсу моему общественному положенію и титулу. Въ теченіе обѣда мальчикъ исчезъ..! Онъ вдругъ умеръ отъ холеры". На вопросъ Лифляндца: „А вы сами не боялись холеры?" князь Салтыковъ отвѣчалъ: „Объ этомъ никто не думаетъ; въ нашемъ кругу не было вовсе такихъ случаевъ, да и не говорятъ объ этомъ. Воздерживаются только отъ плодовъ и пьютъ очень крѣпкій, немножко охлажденный хересъ". Однажды въ сильнѣйшую жару князь Салтыковъ послалъ съ письмомъ своего слугу гиндуса, и бѣднякъ едва сдѣлалъ сто шаговъ, какъ передъ глазами Князя былъ сраженъ солнечнымъ ударомъ. „Смерть его", говорилъ Князь—„лежитъ на моей совѣсти... Англичанамъ я не могъ повѣдать объ этомъ; имъ мои угрызенія совѣсти показались бы ребяческими, они не поняли бы моего горя".

Къ сожалѣнію, князь А. Д. Салтыковъ кончилъ свою жизнь въ Парижѣ, въ 1858 году. Лифляндецъ пишетъ: „Я ему часто предсказывалъ, что онъ закончитъ Парижемъ, чему онъ не хотѣлъ вѣрить, такъ какъ не любилъ Парижа. Тамъ онъ сажалъ огурцы и солилъ ихъ на Русскій манеръ. Онъ жилъ отшельникомъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ только хорошихъ рисовальщиковъ, такъ какъ и самъ былъ не изъ послѣднихъ" [236]).

„Путешествіе князя Салтыкова", пишетъ Погодинъ,—„есть одно изъ тѣхъ живыхъ, ярко изложенныхъ впечатлѣній пути и пребыванія въ Персіи и Индіи, какими отличаются немногіе изъ путешественниковъ. Перо и кисть дружно служили ему, чтобы передавать вниманію и любопытству домосѣдовъ роскошную природу, зодчество, нравы и обычаи Востока, со всей его яркостью, противоположностями и рѣзкими оттѣнками, которые тамъ близки еще къ чудному, великолѣпному и вмѣстѣ потому сказочному міру".

XLV.

Въ *Москвитянинѣ* Погодинъ завелъ прекрасный обычай сообщать соотечественникамъ, что̀ подѣлываютъ наши ученые и литераторы. Изъ этихъ сообщеній, почерпнутыхъ изъ *Москвитянина* 1849 года, мы узнаемъ: „*А. С. Хомяковъ* съ давнихъ лѣтъ занимается большимъ сочиненіемъ о Всеобщей Исторіи. Разумѣется, ученый свѣтъ, не только нашъ, но и Европейскій, найдетъ тамъ множество новаго, оригинальнаго, остроумнаго, глубокаго; но когда нашъ славный поэтъ и ученый окончитъ свой многотрудный подвигъ? Впрочемъ важнѣйшія части его обработаны; изслѣдованія относятся теперь ко второй уже половинѣ Среднихъ Вѣковъ. *М. Н. Загоскинъ* неутомимъ: онъ началъ новое собраніе разсказовъ, подъ заглавіемъ: *Осенніе вечера. К. К. Павлова* подаритъ скоро публику новымъ прекраснымъ сочиненіемъ *Кадриль*, гдѣ она разсказываетъ въ стихахъ,—и какихъ стихахъ!—исторію четырехъ женщинъ. Говорятъ о превосходной поэмѣ *Бродяга И. С. Аксакова*, котораго піитическій талантъ *Москвитянинъ* привѣтствовалъ, говоря о *Московскомъ Сборникѣ*. Послѣ князя *А. А. Шаховского* нашлось одно большое посланіе въ стихахъ и письмо о Петрѣ I и нашемъ времени, въ коемъ много предугадано. И. Е. Бецкій получилъ эти статьи, передалъ ихъ теперь въ *Москвитянинъ*. Только что получены въ Москвѣ превосходныя изданія заслуженнаго нашего археолога *И. П. Сахарова: Изслѣдованія о иконописаніи*; *Словено-Русская Библіографія* и второй томъ *Сказаній Русскаго Народа*. Изъ Петербурга слышно о комедіи *графа В. А. Сологуба*, имѣющей предметомъ мѣстничество. *В. И. Даль* не могъ, за недугомъ, доставить въ *Москвитянинъ* обѣщанныхъ имъ разсказовъ. Пожелаемъ, чтобы нашъ любимый повѣствователь не оставлялъ литературы. Съ слѣдующей книги начнется въ *Москвитянинѣ* печатаніе романа *А. Ѳ. Вельтмана*: *Чудодѣй*. *Ѳ. Н. Глинка* кончилъ поэму въ стихахъ: *Таинственная капля*. Написаны еще двѣ поэмы ду-

ховнаго содержанія: *П. М. Бакуниной: Іуліанія Никомедійская*; *С. Е. Раичемъ: Арета*. Превосходныя, простыя поученія священника *Путятина* вышли десятымъ изданіемъ. Вообще, духовная литература не перестаетъ обогащаться многими важными произведеніями. Неутомимый *Игнатій*, архіепископъ Воронежскій, издалъ *Исторію о расколахъ*. Преосвященный *Филаретъ*, епископъ Харьковскій, написалъ изслѣдованіе о кончинѣ царевича Димитрія. Профессоръ *А. В. Горскій* занимается изслѣдованіемъ о сочиненіяхъ св. Димитрія Ростовскаго; а профессоръ *Н. В. Калачевъ*—о сошномъ письмѣ. *В. М. Ундольскій* приготовилъ богатое собраніе снимковъ съ древнихъ рукописей, и печатаетъ большое изслѣдованіе о хронологіи и пасхаліи по Русскимъ и Греческимъ источникамъ. *К. И. Невоструевъ* почти окончилъ свое описаніе всѣхъ монастырей Симбирской епархіи (числомъ двадцать три). Трудолюбивый изслѣдователь тщательно пользовался всѣми доступными ему актами и посѣщалъ самыя обители. Профессоръ *Н. Г. Устряловъ* напечаталъ четвертымъ изданіемъ свою *Исторію*. Есть надежда, что скоро приступлено будетъ къ печатанію всѣхъ разрядныхъ книгъ, а Дворцовыя Записки, отъ 1612 г. до конца XVII-го столѣтія уже печатаются. *А. А. Куникъ*, который еще въ Москвѣ занимался много собраніемъ матеріаловъ для Литературы Русской Исторіи, получилъ въ свои руки бумаги покойныхъ Буле и Аделунга и продолжаетъ трудиться надъ полнымъ сочиненіемъ по этой части. Мы имѣетъ полное право надѣяться, что оно будетъ отличное. *Н. Н. Мурзакевичъ* въ Одессѣ приготовляетъ къ изданію въ свѣтъ собраніе подлинныхъ собственноручныхъ писемъ царевича Алексѣя Петровича къ его родителю и другимъ лицамъ. *Гансенъ*, privat-docent въ Дерптѣ, сочинитель Восточной Европы по Геродоту, другъ и родственникъ Прейсу по духу, скончался въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ намѣревался обработать Исторію Восточной Европы до Константина Порфиророднаго и сдѣлалъ для того обширныя филологическія и историческія приготовленія. Онъ хотѣлъ было писать также и на задачу нашей Академіи Наукъ о Визан-

тійской Хронологіи. Молодой Русскій ученый *П. М. Леонтьевъ* занимается сочиненіемъ о поклоненіи Зевсу *Ѳ. И. Буслаевъ* приготовляетъ сравнительную грамматику. *П. Н. Кудрявцевъ* написалъ разсужденіе о Италіи. Смутный періодъ получилъ еще талантливаго и трудолюбиваго дѣлателя. *П. В. Павлова*, который скоро издаетъ свое сочиненіе о Борисѣ Годуновѣ. *Е. П. Новиковъ* собралъ огромное количество матеріаловъ о Гусѣ. *С. П. Шевыревъ* приступаетъ къ печатанію своего путешествія, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ истинные друзья Русской Словесности и Древностей. *И. Т. Кокоревъ* готовитъ собраніе Московскихъ очерковъ и небольшихъ разсказовъ. *Н. В. Калачовъ* приготовляетъ Историко-Юридическій Сборникъ. Нельзя не порадоваться этому предпріятію: до сихъ поръ у насъ не было изданія, посвященнаго исключительно Русскому праву. Описаніе музея почтеннаго собирателя нашихъ древностей П. Ѳ. Карабанова, составленное *Г. Д. Филимоновымъ*, скоро поступитъ въ продажу. *К. Тихонравовъ*, во Владимірѣ, описалъ подробно монастыри Успенскій и Рождественскій. Мы говорили, что *П. И. Савваитовъ* собралъ богатое количество запасовъ для Исторіи Вологодской Іерархіи, а *К. И. Невоструевъ*—Симбирской. Теперь можемъ присоединить къ нимъ еще имя достопочтеннаго отца іеромонаха *Макарія*, который занимается пространнымъ сочиненіемъ объ Іерархіи Нижегородской.

„Богъ не безъ милости. Литература наша, зачахлая съ начала (1849 года), вдругъ паче чаянія, оживилась, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ всякій день въ Москвѣ слышалась какая-нибудь литературная новость, одна другой замѣчательнѣе, радостнѣе. Не знаемъ съ чего и начать. Графиня *Е. П. Ростопчина* написала большую комедію, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Кто имѣлъ удовольствіе ее слышать, тѣ согласно утверждаютъ, что Русская комедія затмитъ собою всѣ Европейскія комедіи этого рода, вышедшія въ послѣднее время, что Скрибъ съ братіею должны разбить свой Verre-d'eau, изорвать свою Chaine, и, чтобы выкупить Une faute, должны

выучиться по Русски и перевести Нелюдимку. *Н. Н. Островскій*), молодой писатель, извѣстный Московской публикѣ нѣкоторыми живыми очерками, написалъ комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ: *Банкрутъ*, превосходное произведеніе, которое, читаемое извѣстнымъ артистомъ нашимъ, П. М. Садовскимъ, производитъ общій восторгъ". Въ слѣдующемъ нумерѣ *Москвитянина* къ этому извѣстію явилась слѣдующая поправка: „Въ извѣстіи о комедіи А. Н. Островскаго *Москвитянинъ* сдѣлалъ въ послѣднемъ нумерѣ нѣсколько ошибокъ, вопервыхъ: комедія называется: *Свои люди—сочтемся*, а не *Банкрутъ*; вовторыхъ: комедія не въ пяти дѣйствіяхъ, а въ четырехъ; втретьихъ: принадлежитъ *А. Н.* Островскому, а не *Н. Н.* Въ томъ только не ошибся *Москвитянинъ*, что комедія производитъ общій восторгъ: Садовскій не начитается ею, а слушатели не наслушаются". *И. С. Тургенева Завтракъ у предводителя* принятъ очень хорошо на сценѣ. *Л. А. Мей* приготовляетъ новую драму *Псковитянка*. Заслуженный нашъ драматургъ *М. Н. Загоскинъ*, начавшій дарить сцену веселыми произведеніями своего пера вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ, Грибоѣдовымъ, Жандромъ, Хмѣльницкимъ, Сушковымъ — обратился къ ней снова, и даетъ новыя двѣ комедіи. Носятся слухи еще о: *Нахлѣбникѣ, Компаньонкѣ, Студентѣ. А. Ѳ. Вельтманъ* написалъ большую сказку въ стихахъ: *Златой и Бѣла*. Поговариваютъ о двухъ, трехъ романахъ, но это пока литературная тайна; поговариваютъ еще объ одномъ старомъ романѣ, но онъ изъ тайны сдѣлается, кажется, сюрпризомъ и перескочитъ черезъ ступень новости.

„*М. А. Максимовичъ*, которому здоровье позволило послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія посѣтить Москву, готовитъ къ печатанію продолженіе Малороссійскихъ пѣсенъ, начатое въ въ Кіевѣ, и издастъ скоро вторую книгу *Наума о великомъ Божьемъ мірѣ*, имѣвшую такой блистательный успѣхъ въ Русской литературѣ. *М. П. Погодинъ* издаетъ особое сочиненіе о князѣ Андреѣ Боголюбскомъ. Четвертый томъ его *Изслѣдованій* выйдетъ въ концѣ года. *А. Н. Клевановъ* напечаталъ

сочиненіе объ Южной Руси. *Е. П. Новиковъ* отпечаталъ разсужденіе о Лужецкомъ нарѣчіи, писанное имъ для полученія степени магистра. Превосходное изслѣдованіе вышло въ Троицкой Духовной Академіи — о св. Димитріи Ростовскомъ. Въ шестомъ томѣ *Временника* будетъ помѣщено изслѣдованіе о посланіи перваго или второго Русскаго митрополита Леонтія, преосвященнаго *Филарета* Харьковскаго. Высокопреосвященный *Игнатій* Воронежскій трудится неутомимо, и выдалъ новое сочиненіе о св. апостолѣ Петрѣ. Козельская Оптина пустынь продолжаетъ знакомить съ переводами незабвеннаго Паисія. Говорятъ очень много хорошаго о сочиненіи ректора Харьковской Семинаріи *Израиля*—обличительномъ противъ ложныхъ религій. *Миклошичъ*, ученикъ и преемникъ знаменитаго Копитара, извѣстный уже многими филологическими трудами, кончилъ Словарь Церковно-Словенскаго нарѣчія. Вышли стихотворенія *А. Н. Фета*, даровитаго поэта".

А. И. Артемьевъ въ письмѣ своемъ къ Погодину знакомитъ его съ дѣятельностью Казанскихъ ученыхъ:

Е. Г. Осокинъ, въ 1849 г., защитилъ свою докторскую диссертацію: *Изслѣдованіе о внутреннихъ таможенныхъ пошлинахъ въ Россіи*. *И. М. Симоновъ* приготовлялъ къ изданію Описаніе кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго имъ въ 1819—1821 гг., въ качествѣ астронома-наблюдателя, на шлюпкахъ Востокѣ и Мирномъ, подъ начальствомъ капитана Ѳ. Ѳ. Беллингаузена. *В. И. Григоровичъ* посвящалъ своихъ слушателей въ таинства Глаголицы. Соображая свои находки, сдѣланныя во время его путешествія по Турціи съ сказаніемъ, что св. Кириллъ, по прибытіи въ Херсонесъ, уже „обрѣте Евангеліе и Псалтирь Рушскыми письмены писана", Григоровичъ приходитъ къ такому заключенію: Глаголица древнѣе Кириллицы: ее-то нашелъ въ Херсонѣ Кириллъ, а Меѳодій первый началъ Греческими буквами выражать Словенскіе звуки. Копитаръ предполагалъ почти то же самое. Звуки же, для которыхъ въ Греческой азбукѣ не находилось знаковъ, выражаемы были

св. Меѳодіемъ буквами глаголитскими, только измѣненными. Въ доказательство возможности писать по Словенски Греческимъ уставомъ Григоровичъ представлялъ Греческія рукописи IX и X вѣка, почерки которыхъ совершенно сходны съ древнѣйшими Кирилловскими манускриптами. *И. Н. Березинъ* издалъ *Recherches sur la dialectes musulmans* и печаталъ первую часть Путешествія по Востоку и въ рукописи представилъ въ Академію Наукъ Персидскую грамматику. *О. М. Ковалевскій* оканчивалъ печатаніемъ свой Монгольскій Словарь. *П. Я. Петровъ* занялся составленіемъ карты древней Индіи. „А вамъ извѣстно“, писалъ Артемьевъ Погодину,—„какъ ревностно и какъ строго добросовѣстно онъ привыкъ заниматься каждою работою. При его свѣдѣніяхъ въ языкахъ Индустанскихъ, знаніи языковъ древнихъ, Семитическихъ и западныхъ, при его обширномъ знакомствѣ съ ихъ литературами, смѣло можно надѣяться, что этотъ трудъ будетъ выполненъ превосходно“. Кромѣ того, П. Я. Петровъ постоянно трудился надъ дешифровкою клинообразныхъ надписей, открытыхъ Боттою. *А. С. Савельевъ* приготовилъ къ изданію Результаты метеорологическихъ наблюденій, дѣланныхъ на различныхъ пунктахъ Казанскаго Учебнаго Округа“.

Въ томъ же письмѣ Артемьевъ сообщаетъ Погодину, что инспекторъ Казанской Духовной Академіи, архимандритъ Антоній, издалъ книжку подъ заглавіемъ: *Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ или Семь словъ Его на Крестѣ.* „Это прекрасное сочиненіе“, пишетъ Артемьевъ,—„хотя отпечатано безъ имени автора и отмѣчено одною буквою *А*, однако мы его всѣ знаемъ, потому что слышали его на публичномъ актѣ Академіи, въ 1846 году“ [237]).

Нижегородскій уроженецъ и питомецъ Московской Духовной Академіи Антоній Радонежскій, впослѣдствіи епископъ Оренбургскій, въ 1844 году былъ назначенъ баккалавромъ Казанской Академіи по классу чтенія св. Писанія. По свидѣтельству историка Казанской Духовной Академіи, о. Антоній „лекціи свои большею частію писалъ и отдѣлывалъ тщательно,

даже щеголевато: въ нѣсколько сентиментальномъ и благочестиво-мистическомъ духѣ; о манерѣ его писательства можно составить понятіе по его очень распространенному сочиненію *Семь словъ на крестѣ*. Но особенной талантливостью не отличался" [238]).

Иначе думали объ этой книжкѣ и Погодинъ, и Гоголь. Какъ только вышла она въ свѣтъ, Погодинъ въ *Москвитянинѣ* помѣстилъ о ней рецензію, въ которой между прочимъ сказано: „Еслибъ случайно попалась вамъ на глаза эта книга, и вы, раскрывъ ее, захотѣли бы прочитать нѣсколько строкъ сначала, или въ срединѣ, я увѣренъ, вы и не замѣтили бы, какъ прочитали бы нѣсколько страницъ, а прочитавъ нѣсколько страницъ, вы бы непремѣнно подумали, что надо прочитать эту книгу отъ начала до конца, и прочитать не бѣгло, а внимательно... Хотя въ ней и нѣтъ чисто нравственныхъ наставленій, но и самый предметъ сочиненія, и образъ изложенія его таковъ, что читатель не можетъ остаться безъ глубокаго нравственнаго назиданія. Все сочиненіе написано перомъ краснорѣчивымъ, проникнуто глубокимъ, живымъ, горячимъ чувствомъ... Кромѣ того, особенность этого сочиненія составляютъ подробность и обстоятельность повѣствованія,.. такъ что читатель какъ бы самъ дѣлается зрителемъ и свидѣтелемъ страданій Господа, какъ бы самъ находится въ числѣ слѣдовавшихъ за Господомъ... Онъ видитъ, какъ ведутъ Іисуса съ лиѳостротона по двадцати осьми ступенямъ на улицу, онъ видитъ это шествіе Спасителя съ тяжелымъ крестомъ на раменахъ на Голгоѳу... И при всей этой обстоятельности описанія авторъ сохранилъ полную вѣрность Слову Божію и преданію церкви..." [239]).

Въ 1849 году Гоголь писалъ Жуковскому: „Посылаю тебѣ замѣчательную книжку *Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ*. Авторъ ея скрылъ свое имя, не скрывши только того, что̀ онъ перечелъ по этому предмету и еще болѣе, можетъ быть, что̀ онъ перечувствовалъ. Отъ души буду радъ, если книжка придется по душѣ" [240]).

Въ 1849 году у Погодина явилась мысль помѣщать въ *Москвитянинѣ* обозрѣніе трудовъ всѣхъ современныхъ нашихъ писателей. Первый опытъ подобнаго обозрѣнія сдѣлалъ, по просьбѣ Погодина, отецъ Іоакинѳъ, и въ *Москвитянинѣ* явилась статья подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Современные Русскіе писатели. Отецъ Іоакинѳъ*. Въ предисловіи къ этому Обозрѣнію авторъ говоритъ: „Со времени моего возвращенія изъ Китая въ 1820 году по настоящій 1849 годъ изданы мною въ свѣтъ разныя книги, содержаніе которыхъ относится единственно до Китая съ зависимыми отъ него сосѣдственными странами. Читающая публика, по разнымъ причинамъ, не можетъ имѣть полнаго свѣдѣнія о сихъ книгахъ, а между тѣмъ явились желающіе имѣть понятіе о каждой книгѣ, какъ по заглавію, такъ и по содержанію, и я охотно удовлетворяю доброму желанію“ [241]).

Въ то же время Погодинъ писалъ М. А. Максимовичу: „Напиши или вели написать скорѣе статью: *Максимовичъ*. Такую же, какъ написалъ Іоакинѳъ. Исчисленіе всѣхъ сочиненій, хронологическое и толковое. Я прошу такъ всѣхъ авторовъ. Это будетъ вмѣстѣ и матеріалъ для будущаго словаря. А годится и для нихъ въ другомъ отношеніи“ [242]).

Но это предпріятіе Погодина ограничилось, кажется, только однимъ о. Іоакинѳомъ.

XLVI.

Въ 1849 году *Московскія Вѣдомости* явились въ новомъ форматѣ и напечатаны новымъ шрифтомъ. Это дало поводъ Погодину написать юмористическую статью подъ заглавіемъ: *Московскіе политики*. „У насъ есть множество почтенныхъ гражданъ“, пишетъ онъ,— „которые любятъ читать больше всего *Московскія Вѣдомости*. Это занятіе сдѣлалось существенною частію ихъ жизни. Прочесть въ урочный день газеты, отъ доски до доски, столь же необходимо, какъ пообѣдать, или уснуть послѣ обѣда. У иного привычка эта продолжается сорокъ, пятьде-

сятъ лѣтъ, и досталась въ наслѣдство отъ отца и дѣда, которые читали также въ продолженіе всей своей жизни. Вторникъ, четвергъ и суббота—дни особенныхъ удовольствій для нихъ, потому что они читаютъ газеты, а понедѣльникъ, среда и пятница, потому что ожидаютъ газетъ на завтра. Это люди самые добрые и любезные, и — охотники спорить о предметахъ своего чтенія, о Парижѣ и Лондонѣ, Папѣ и Султанѣ, Англійской аристократіи и Швейцарской демократіи. Всѣ дѣйствующія лица на поприщѣ политики имъ извѣстны съ малѣйшими подробностями, біографическими, хронологическими и всяческими. Личнаго, живого участія впрочемъ они принимаютъ мало въ своихъ герояхъ, и Эспартеро, Косидьеръ, Робертъ Блумъ, Виндешгрецъ, равняются для нихъ въ этомъ отношеніи небывалымъ рыцарямъ романовъ Вальтеръ-Скотта или Купера.

„Случилось двумъ такимъ охотникамъ нанимать въ одномъ домѣ: одинъ старичокъ занималъ верхній этажъ, другой — нижній, а третій, также имъ знакомый, равныхъ съ ними лѣтъ, то-есть, за шестьдесятъ, поселился въ сосѣдствѣ. Всѣ они трое собирались поочередно другъ у друга, и съ незапамятныхъ временъ проводили вмѣстѣ вечера въ пріятномъ чтеніи газетъ и интересныхъ разговорахъ о дѣлахъ міра сего. Жизнь ихъ текла спокойно и счастливо, какъ вдругъ неожиданное происшествіе совершенно разстроило ихъ гармонію, отравило всѣ ихъ наслажденія и счастливыхъ людей повергло въ бездну горести. Причина горя было то, что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* перемѣненъ былъ шрифтъ, шрифтъ, знакомый старичкамъ столько лѣтъ, къ которому привыкли ихъ глаза, къ которому прилажены были ихъ очки, шрифтъ крупный, любезный, родной, который такъ легко читался...“ Свой юмористическій очеркъ Погодинъ заключаетъ такими словами: „Жалобъ университетское начальство получило столько на перемѣну шрифта, что рѣшилось печатать газеты такимъ шрифтомъ, который гораздо разборчивѣе стараго. Можете себѣ представить радость нашихъ политиковъ,

когда они, сбираясь однажды бросать, по обыкновенію, газеты въ огонь, нечаянно увидѣли, что старый шрифтъ возвращается въ ихъ объятія. Они долго не вѣрили глазамъ своимъ, вглядывались, вглядывались... Это онъ, онъ! и остолбенѣли... И началось чтеніе, и пошло, какъ по маслу... Въ заключеніе выбранъ былъ депутатъ благодарить ректора Университета, Дмитрія Матвѣевича Перевощикова, которому онъ, передъ моими глазами, поклонился въ ноги. И вотъ историческая быль, чтобъ не сказать по-варварски фактъ. Да здравствуетъ Москва и ея патріархальные нравы!" [243]).

Не смотря на дружеское расположеніе Московскаго цензора В. Н. Лешкова какъ къ самому Погодину, такъ и къ его *Москвитянину*, онъ однако сдѣлалъ затрудненіе касательно переводовъ Диккенса, печатаемыхъ въ этомъ журналѣ: „Не изъ любопытства", писалъ цензоръ,—„хотѣлъ я знать имя переводчика Диккенса, а по законной необходимости. Цензоръ долженъ знать. Но этимъ мои спросы не кончаются. Что это такое? Романъ? Должно имѣть дозволеніе къ переводу. Повѣсть? Откуда взята и окончена ли въ изданіи?"

Это обстоятельство принудило Погодина, въ августѣ 1849 г., обратиться въ Главное Управленіе Цензуры съ слѣдующею просьбою: „Въ журналѣ *Москвитянинъ*, издаваемомъ мною въ семъ 1849 году, помѣщено было нѣсколько отрывковъ изъ новаго сочиненія Диккенса: *Жизнь, похожденія, наблюденія и замѣчанія Давида Копперфильда*. Помѣщеніе новыхъ отрывковъ цензоръ не допускаетъ, потому что сочиненіе Диккенса не кончено. Но сочиненіе Диккенса не есть романъ, а психологическая біографія въ формѣ романа, и во всѣхъ Петербургскихъ журналахъ помѣщались и помѣщаются подобныя сочиненія, хотя они и не были кончены... Что же касается до романовъ и повѣстей, въ разныхъ отношеніяхъ соблазнительныхъ, *Москвитянинъ* самъ по своимъ правиламъ, удерживался всегда отъ ихъ помѣщенія и старался удерживать даже другихъ своими замѣчаніями. Диккенсово сочиненіе совершенно чистое, нравственное и не заключаетъ въ себѣ никакихъ

заднихъ мыслей и намековъ непозволительныхъ. Я осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о позволеніи помѣщать изъ него въ *Москвитянинѣ* отрывки".

На бумагѣ этой Уваровъ сдѣлалъ слѣдующую резолюцію: *Просьба не имѣетъ основанія.*

Давній доброжелатель Погодина, С. Д. Нечаевъ, писалъ ему на другой день новаго 1849 года: „Ждалъ я отъ васъ обычной присылки билетовъ, и оттого самъ не подписывался на вашъ журналъ, возростающій въ силѣ и славѣ. Богъ и добрые люди не откажутъ вамъ въ помощи. Трудъ общеполезный и добросовѣстный вполнѣ того заслуживаетъ. Мужайтесь!" [244])

Самъ же Погодинъ, хотя и любовался своимъ журналомъ, но тѣмъ не менѣе дѣлалъ такія замѣтки въ своемъ *Дневникѣ*: „а подписка все-таки плоха, хоть мы и утѣшаемъ себя". Другая запись *Дневника* не радостнѣе: „Женщина является въ воображеніи. Однако подписка все-таки не шибко" [245]). Между тѣмъ, въ концѣ января С. Д. Нечаевъ писалъ Погодину: „Пріѣзжайте пожалуйста безъ *прошенія* повидаться со мною и получить мой сборъ за всѣ ваши пятнадцать билетовъ. Неужели это не стоитъ вашего визита? Развѣ вы такъ разбогатѣли, что и не заботитесь уже о такой суммѣ, которая составляетъ однако безъ малаго все мѣсячное жалованье нашего брата сенатора. Завтра я пробуду дома до двѣнадцати часовъ утра, а вечеромъ никогда почти не выѣзжаю".

Контора Погодина отличалась замѣчательною неисправностью. Не высылая журналъ подписавшимся, она нерѣдко высылала его не подписавшимся и при этомъ зачастую перевирала фамиліи. За примѣрами ходить недалеко. Почтенный историкъ Н. Г. Устряловъ писалъ Погодину (31-го января 1849 года): „Вчера я получилъ чрезъ почту пакетъ изъ конторы *Москвитянина*, съ надписью: *Профессору С.-Петербургскаго университета Стрелову*. Какъ у насъ подобной фамиліи нѣтъ, и я полагалъ, что чиновники почтамта перековеркали мою фамилію или, лучше, обрѣзали, то я рѣшился

принять пакетъ, и нашелъ въ немъ, къ особенному моему удовольствію, два первые нумера *Москвитянина* на сей годъ, съ приложеніемъ романа Вельтмана. Думаю, что этимъ пріятнымъ сюрпризомъ я обязанъ вамъ, и принося мою благодарность, покорнѣйше прошу принять на себя трудъ сдѣлать распоряженіе въ конторѣ *Москвитянина* о присылкѣ слѣдующихъ нумеровъ по мѣрѣ выхода на сей годъ; на каковой конецъ прилагаю при семъ назначенную сумму".

На неисправность конторы *Москвитянина* жаловался Погодину изъ Казани и В. И. Григоровичъ: „Осмѣливаюсь", писалъ онъ, — „обратиться къ вамъ. Нашъ единственный книгопродавецъ Мясниковъ, человѣкъ честный и точный, жалуется, что не можетъ выписывать *Москвитянина* за неаккуратностію конторы *Москвитянина.* Такъ, за 1847 годъ ему не выслали двухъ книгъ, хотя въ письмѣ и писали два раза, что высылаютъ. Также требуютъ отъ него понапрасну денегъ за не высланныя книги. Мнѣ кажется, что онъ справедливъ".

На просьбу распространять *Москвитянинъ* въ Симбирскихъ странахъ М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Вы пишете, чтобъ оглашать *Москвитянинъ,* но какъ оглашать въ чужомъ лѣсу! Я на дняхъ поѣхалъ-было къ сосѣду, предводителю. Проѣхалъ двѣнадцать верстъ по большой дорогѣ да только что своротилъ на проселочную, и не доѣхавъ до него всего двухъ верстъ, долженъ былъ воротиться: проѣзду нѣтъ, сбились съ дороги! Какое же тутъ сообщеніе между людьми. А гдѣ нѣтъ сообщенія не только умственнаго, но и саннаго, что тутъ хлопотать и о просвѣщеніи! Оно долго еще не пойдетъ дальше Москвы и Петербурга!"

Другой доброжелатель Погодина Н. Н. Мурзакевичъ тоже не радовалъ его своими сообщеніями изъ Одессы.

„Около трехъ мѣсяцовъ провелъ я въ офиціальныхъ разъѣздахъ по губерніи Херсонской и Екатеринославской и по морямъ Черному и Азовскому. Но и среди странствій я не забывалъ рекомендовать *Москвитянина.* Нѣкоторые обнадежили меня выпискою, а нѣкоторые наотрѣзъ отказались по

рѣшительному безденежью. До васъ конечно достигли только отголоски о бывшемъ падежѣ скотскомъ и болѣзни повальной людей, разстроившихъ почти въ конецъ нѣкоторыя хозяйства. Теперь многіе думаютъ только объ одномъ матеріальномъ питаніи: духовное же отлагаютъ до благопріятнаго случая".

Горячее сочувствіе къ *Москвитянину* и готовность распространять его выразилъ извѣстный астрономъ *Симоновъ*, который изъ Казани, 31-го марта 1849 года, писалъ Погодину: „Приношу вамъ мою живѣйшую благодарность за прекрасный *Москвитянинъ*. Читая его съ особеннымъ удовольствіемъ, я вижу, что онъ возродился какъ фениксъ, съ красотой и блескомъ. Очень радъ стараться о распространеніи его по нашему округу: присылайте только поскорѣе обѣщанныя вами объявленія, которыя мною еще не получены. Ожидая ихъ, я нѣсколько времени промедлилъ отвѣчать на ваше любезное письмо, но не получая до сихъ поръ объявленія, я рѣшился самъ просить васъ доставить мнѣ случай быть вамъ полезнымъ посильными моими услугами. По полученіи вашихъ объявленій, я немедленно разошлю ихъ ко всѣмъ директорамъ нашего округа съ настоятельною просьбою распространить прекрасный журналъ вашъ по училищамъ".

Въ то же время изъ Петербурга И. Я. Горловъ писалъ Погодину: „*Москвитянинъ* идетъ очень хорошо. Здѣсь полагаютъ, что онъ имѣетъ тысячу пятьсотъ подписчиковъ, и что въ прошедшемъ году было только триста пятьдесятъ. Это мнѣніе я привожу только для того, чтобъ показать, какъ здѣсь думаютъ объ успѣхахъ и завоеваніяхъ вашего журнала".

Между тѣмъ, исполняя желаніе Погодина имѣть свѣдѣніе о томъ, какое впечатлѣніе производитъ его *Москвитянинъ* въ Петербургѣ, П. Сумароковъ, 19-го января 1850 года, писалъ ему: „Вы желаете знать, милостивый государь, Михайло Петровичъ, здѣшнее мнѣніе о *Москвитянинѣ*. Прежде всего скажу вамъ, что *Москвитянинъ* составляетъ здѣсь библіографическую рѣдкость. Я бываю постоянно по крайней мѣрѣ въ двадцати домахъ: у генералъ-адъютантовъ, у князей, у графовъ, у свѣт-

скихъ денди, у офицеровъ разныхъ полковъ и наконецъ у людей ученыхъ, и *Москвитянина* нѣтъ нигдѣ. Многіе изъ моихъ знакомыхъ знаютъ, что я напечаталъ *Лицо и Изнанку*, но знаютъ объ этомъ изъ другихъ журналовъ. Хотятъ прочесть эту повѣсть, спрашиваютъ кое у кого *Москвитянина* и не находятъ нигдѣ. Нѣкоторые молодые люди, по видимому, слѣдящіе за ходомъ литературы, тоже *Москвитянина* отъ роду не читали и имѣютъ о немъ какое-то дикое понятіе. Напримѣръ, они думаютъ, что онъ до сихъ поръ придерживается допотопнаго слога и никакъ не оставляетъ *сихъ* и *оныхъ*. Наконецъ въ литературныхъ кружкахъ говорятъ вотъ что: *Отечественныя Записки* и *Современникъ* свою наружность улучшили съ нынѣшняго года, а *Москвитянинъ* измѣнилъ ее невыгодно для себя. Не нравится обертка *Москвитянина* и не нравится форматъ слишкомъ огромный. Про обертку, встрѣтившись въ типографіи съ г. Колошинымъ, я говорилъ ему, что она будетъ не хороша, и давалъ совѣтъ, какъ измѣнить ее, но онъ меня не послушалъ и сдѣлалъ очень худо. Для свѣтскаго человѣка *элегантная* наружность журнала значитъ много. Потомъ литераторы говорятъ, что *Москвитянинъ* сталъ толще и разнообразнѣе въ своемъ содержаніи; что въ немъ много хорошихъ беллетристическихъ статей, и смѣсь сдѣлалась занимательнѣе, но что слогъ переводныхъ повѣстей и романовъ тяжелъ до невозможности. Затѣмъ Краевскій прибавляетъ, что беллетристика въ *Москвитянинѣ* хороша не надолго, а что толщиной журнала никто и никогда его не перещеголяетъ. Въ ученомъ отдѣлѣ желаютъ видѣть какъ можно больше тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которыми *Москвитянинъ* всегда щеголялъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать пока о томъ, что слышалъ о вашемъ журналѣ. Я веду здѣсь жизнь чрезвычайно суетную и писать рѣшительно некогда...“

Да и самъ И. Я. Горловъ, впадая въ нѣкое противорѣчіе, писалъ Погодину: „Оставьте Петербургъ: этотъ городъ занятъ только собою. Московскія предпріятія, литературныя и какія бы то ни было, его не интересуютъ. Для васъ остается еще

пятьдесятъ двѣ губерніи. Забылъ, сколько губерній“ и тутъ же замѣчаетъ: „Но вашъ рецензентъ въ критикѣ и библіографіи сдѣлалъ ужасную географическую ошибку. Материкъ Россіи почти вдвое противъ Африки, почти равенъ Америкѣ и составляетъ едва ли не четверть материка всего земного шара. Молите Бога, что этого никто, кромѣ меня, не замѣтилъ“.

Между тѣмъ денежныя дѣла Погодина, судя по нижеслѣдующей записи его *Дневника,* были не въ цвѣтущемъ состояніи: *Подъ 14-мъ ноября 1849 года:* „Въ контору за деньгами. Нѣтъ. Занялъ у Шевырева пятьдесятъ, да у Базунова сто“.

Москвитянинъ печатался въ университетской типографіи. Сохранилось одно письмо, въ которомъ ярко рисуются патріархальныя отношенія Погодина къ сословію наборщиковъ. Нѣкто Смирновъ отъ лица своихъ собратій, въ январѣ 1849 года, писалъ ему: „Михаилъ Петровичъ! Просимъ васъ всѣмъ обществомъ (наборщики, тередорщики и пр.). Прошеніе состоитъ наше въ слѣдующемъ, а именно: вы знаете наше положеніе, что получаемъ жалованье очень малое, но какъ наслышаны, что нашъ штатъ вышелъ — жалованья девяносто рублей старшему, семьдесятъ пять младшему, шесть и сорокъ пять ученикамъ, на серебро, подписано г. Министромъ, но какъ наше начальство безжалостное, такъ и разсуждаетъ: имъ прибавить жалованья, то они будутъ-де пьянствовать и слушаться насъ не будутъ, рѣшили прибавить намъ на задѣльныя по пятнадцати копѣекъ на рубль, то-есть, на серебро, но какъ мы услыхали отъ г. фактора эту прибавку, сочли недостаточною противъ жалованной, ибо жалованья прибудетъ въ мѣсяцъ на каждаго по десяти р. асс., а задѣльныхъ по двѣнадцати р. на весь прогулокъ, и то когда хорошія задѣльныя. Начали просить Петра Александровича Курбатова, но онѣ сказали, что воля не моя, просите Дмитрія Матвѣевича Перевощикова. Мы отправились къ нему съ прошеніемъ, но онѣ прошенія не приняли, а на словахъ поговорили, и приказали подать прошеніе къ Дмитрію Павло-

вичу Голохвастову. На другой день пріѣзжаетъ въ типографію Дмитрій Матвѣевичъ, и приказываетъ двадцати к. на рубль. Г. факторъ и началъ переписывать, но мы отправились съ прошеніемъ къ Дмитрію Павловичу, и онѣ насъ приняли очень хорошо, и сказали, что я это дѣло разберу, и соболѣзновалъ о нашемъ маломъ положеніи, но какъ титулъ-то объ насъ искони-бы ведется, что типографскіе пьяницы, то что жь дѣлать; *терпи горя, пей медъ* (Русская пословица говоритъ), то и просимъ вашего совѣта, какъ намъ поступить и разузнать поскорѣе, дабы въ дальной ящикъ наше дѣло не пошло, а это дѣло продолжается болѣе двухъ лѣтъ, все мы ждали, но только оказалось нынѣшнимъ постомъ, а прошеніе подали къ Дмитрію Павловичу 11-го числа сего мѣсяца, и теперь не знаемъ, что будетъ и куда приклониться. Вы знаете, что у насъ ходатаевъ нѣту и надѣятся не на кого. То просимъ васъ, нельзя ли какъ-нибудь замолвить за насъ словечко у Дмитрія Павловича и подать имъ совѣтъ, дабы вышло въ нашу пользу, за что и будутъ васъ благодарить со всѣмъ вашимъ семействомъ, чтобъ продлилъ вамъ Всевышній здравія и благоденствія. Теперь позвольте намъ объясниться. Впослѣдствіи сего времени случившееся происшествіе 8-го марта, одинъ тередорщикъ опоздалъ и былъ выпивши, но какъ его отъ станка Данила Семеновичъ отпихнулъ и поставилъ батырщикомъ, но какъ онъ не могъ этого вытерпѣть, сталъ насильственно проситься на старое мѣсто, но его за это факторъ отослалъ къ смотрителю, а смотритель за дерзкій его разговоръ наградилъ безъ чего-нибудь пятью стами розогъ, такъ что едва могъ встать. Другое происшествіе, которое случилось въ воскресенье: двое машинистовъ и одинъ наборщикъ были въ гостяхъ и шли поздно домой, за крупный между собой разговоръ и взяты были унтеръ-офицеромъ въ часть, но какъ въ части проформа пишется одна въ пьянствѣ-буянствѣ, и представили къ Петру Александровичу Курбатову, онѣ рѣшили, чтобъ ихъ наказать, но какъ смотритель ихъ хотѣлъ наказывать, то онѣ бросились къ Петру

Александровичу. У него гости, онъ приказалъ человѣку: скажи имъ, что до моего пріѣзда не наказывать, но какъ смотритель такой сердобольный не сталъ дожидаться одного часа, приказалъ солдатамъ принесть розокъ и въ добавокъ палокъ, положилъ машиниста и сѣкъ немилосердно, что у него спина стала какъ котелъ синяя, но секуція эта не кончена, мы стали смотрителя упрашивать, видимъ такое ужасное наказаніе, а онъ еще пуще: катай, ребята. Положилъ также и наборщика и началъ тоже продолженіе, но какъ мы всѣ взгаркнемъ: не даемъ такъ сѣчь немилосердно, онъ на насъ, ахъ, вы бунтовщики, васъ всѣхъ перепороть надобно; но третій ушелъ къ Петру Александровичу, и онѣ его простили, тѣмъ себя спасъ; а перваго свидѣтельствовалъ частный докторъ и говорилъ Петру Александровичу: зачѣмъ такъ немилосердно наказывать, а онѣ отказались, что я не приказывалъ, а приказалъ только наказать такъ, какъ прежде, сапоги дня на два долой, чтобъ нельзя было со двора сойти. Теперь должно быть смотритель виноватъ всему дѣлу. Но что намъ дѣлать, участь наша горькая приходитъ, заступиться за насъ некому, то просимъ васъ веспокорнѣйше нельзя ли какъ-нибудь высказать Дмитрію Павловичу Голохвастову всѣ сіи происшествія, а то въ моду введется—не за что будутъ наказывать, но какъ указъ гласитъ, чтобы насъ не наказывать. А это что же значитъ? Просимъ васъ, чтобы вы некому не сказывали, чтобы однѣ и знали“ [246]).

XLVII.

На новый 1849 годъ Шевыревъ желалъ Погодину „кончить непремѣнно Исторію до Дмитрія Донского — и разбогатѣть отъ *Москвитянина*“.

Отъ *Москвитянина*, какъ мы видѣли, Погодинъ не разбогатѣлъ, но за то весьма ревностно занимался въ этомъ году Древнею Русскою Исторіею. Предметами его изслѣдованій въ этой области были: посадники, тысяцкіе, воеводы и тіуны съ

1054 по 1240 годъ, междоусобныя войны, сношеніе между собою удѣльныхъ князей и проч. за то же время. Среди этихъ своихъ занятій онъ узнаетъ отъ М. А. Максимовича, что найденъ Домбровскимъ, еще въ 1846 году, харатейный списокъ Нестора, и по поводу этого извѣстія восклицаетъ: „А мы ничего не знаемъ о томъ! Каковъ ученый міръ!“ [247])

Изслѣдованія о междоусобныхъ войнахъ привели Погодина къ убѣжденію о „безучастіи народа въ этихъ войнахъ“; но Лешковъ находилъ, что объ этомъ съ нимъ „весьма можно и должно спорить“ [248]).

Всѣ эти изслѣдованія Погодинъ печаталъ во *Временникѣ*. „Планъ моего изслѣдованія“, пишетъ онъ, — „былъ слѣдующій: я разсмотрѣлъ сперва междоусобія въ отношеніи ко времени, то-есть, выбралъ годы всѣхъ войнъ, представилъ въ одной таблицѣ, и оказалось, *что войны наши были не безпрерывныя*, а съ большими промежутками; по нѣсколько лѣтъ иногда сряду „мирно бысть“ или „ничто же бысть“. Потомъ я разсмотрѣлъ ихъ въ отношеніи къ мѣсту, то-есть, выбралъ всѣ собственныя имена мѣстъ, упоминаемыхъ въ описаніи войнъ, распредѣлилъ всѣ эти мѣста по княжествамъ, куда какое принадлежало, и оказалось, что они были не повсемѣстныя, а продолжались краткое время и ограничивались по большей части малыми пространствами, что многія страны были почти свободны отъ всякихъ войнъ. Потомъ, обратившись къ содержанію войнъ и опять перебравъ ихъ всѣ сподрядъ, нашелъ, что онѣ состояли часто изъ однихъ движеній или занятій безъ всякаго кровопролитія, и рѣшались почти всегда однимъ сраженіемъ, или даже однимъ походомъ, осадою, набѣгомъ. Походы, осады, сраженія — всѣ исчислены. Продолженіе выводовъ: вредъ отъ междоусобныхъ войнъ испытывали по большей части князья; терпѣли бояре и дружина. Много доставалось городамъ. Народъ страдалъ меньше, особенно въ началѣ этого періода, отъ 1055 до 1146, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ были зимою. Наконецъ, представляется самый любопытный вопросъ: за что̀ князья воевали? И опять,

перебравъ всѣ войны, я нашелъ, что главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, то-есть, владѣнія. Мы имѣемъ даже особый глаголъ, вышедшій теперь изъ употребленія и опредѣляющій характеръ междоусобныхъ войнъ, — *волоститься;* а князья и государи называются въ этомъ отношеніи волостелями. О многихъ войнахъ именно такъ и сказано самими князьями или лѣтописателями, безъ всякихъ околичностей, просто и ясно. Часто искали князья владѣній безъ всякаго предлога, иногда съ предлогами, болѣе или менѣе справедливыми, каковы месть, подозрѣніе, желаніе воротить свое. А для чего князья искали себѣ владѣнія? Для доходовъ. Волости и города они цѣнили количествомъ доходовъ. Кромѣ владѣнія, причинъ къ междоусобіямъ было мало, и то въ началѣ этого періода, а именно: принужденіе къ покорности, наказаніе, заступленіе; наконецъ, надо замѣтить немногіе походы съ общаго согласія. Очень немногихъ войнъ причины были неизвѣстны. Междоусобныя войны оканчивались — со стороны наступавшихъ достиженіемъ цѣли, то-есть, завладѣніемъ, принужденіемъ къ покорности, изгнаніемъ, опустошеніемъ волости, — безъ успѣха, бѣгствомъ, переговорами и мирами; со стороны оборонявшихся: уступкою послѣ обороны неудачной, уступкою безъ обороны, отраженіемъ. Междоусобныя войны не имѣли, особенно сначала, характера *непримиримости:* это были часто условныя, полюбовныя, если можно такъ выразиться, схватки, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ Богъ разсудитъ, то-есть, чья возьметъ, а послѣ враги становились друзьями, и на оборотъ. Это въ отношеній къ князьямъ, а въ отношеніи къ народу еще болѣе: князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа; они хотѣли владѣть тѣми городами, на кои нападали, слѣдовательно, не могли, для собственной пользы, разорять ихъ. По разборѣ междоусобныхъ войнъ во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, въ разложеніи ихъ на всѣ составныя части, предложено цѣльное ихъ описаніе, словами самихъ лѣтописей, исключая только лишнія и постороннія подробности; чтобъ

читатели могли получить отсюда яснѣйшее объ нихъ понятіе. Здѣсь вмѣстѣ представлены и подлинныя слова, подтвердительныя статьи (pièces justificatives), для всѣхъ прежнихъ утвержденій и положеній, подъ соотвѣтствующими годами.

„Какая сушь, закричатъ мои эксцентрическіе рецензенты: все это — одни числа, одни собственныя имена. Вездѣ только реэстры, каталоги. Никакой идеи, никакого разсужденія, никакой теоріи, никакой системы! Милостивые государи! это анатомія Исторіи, анатомія необходимая, ибо безъ нея вы не можете заняться физіологіею, то-есть, не можете сочинять никакихъ системъ и никакихъ теорій. Скажите же мнѣ спасибо, что я принялъ на себя здѣсь эту черную, тяжелую, скучную работу и обжегъ вамъ кирпичи, изъ которыхъ вы можете (если можете) строить изящныя зданія. А для рецензіи поищите лучше ошибокъ, которыхъ здѣсь *должно быть много*, ибо въ тысячахъ мѣстъ, лицъ, чиселъ, отношеній, войнъ, переходовъ и проч. нельзя ихъ избѣгнуть. Укажите, какая осада, битва пропущена, какое *лишнее* слово оставлено въ извлеченіяхъ изъ лѣтописи, гдѣ не выставленъ списокъ лѣтописи, гдѣ характеристическое слово не указано, и проч. и проч. Вотъ что̀ будетъ полезнѣе для меня и для науки, а въ введеніи къ указанію этихъ ошибокъ можете ругать меня сколько хотите.

„Я долженъ предупредить здѣсь, что во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ до 1111 года я беру мѣста изъ Лаврентьевскаго списка, а съ 1111 до 1240 изъ Ипатьевскаго, вставляя въ него недостающія извѣстія изъ прочихъ лѣтописей, подъ особыми знаками".

Въ статьѣ о тіунахъ, посадникахъ и тысяцкихъ Погодинъ представилъ всѣ мѣста изъ Кіевской и Суздальской лѣтописей, но ему замѣчали, что онъ не представилъ изъ юридическихъ памятниковъ и изъ Новгородской лѣтописи, на это Погодинъ отвѣчалъ, что критики не хотятъ никакъ вникнуть въ его планъ. „Вотъ, напримѣръ, чего хочу: *тіунъ*— по лѣтописямъ Суздальской и Кіевской, отъ 1111 до 1240, онъ означалъ вотъ кого. По Новогородской (ибо въ Новѣго-

родѣ эта должность могла имѣть отмѣны) — вотъ кого. По юридическимъ памятникамъ того же періода тіуномъ назывался вотъ кто. По житіямъ и проч. — вотъ кто. Наконецъ, по лѣтописямъ и памятникамъ позднѣйшимъ. — Когда все это будетъ сдѣлано, тогда и поймемъ мы и тіуна древняго, и его постепенное измѣненіе. Пишучи вамъ о тіунѣ 1111—1240, я не беру отнюдь на себя обязанности объяснить вамъ тіуна вообще, а берусь только доставить матеріалъ для его объясненія въ данное время; я не ссылаюсь даже нигдѣ на выводы свои о періодѣ 862—1055. Такъ и о прочемъ. Юридическихъ памятниковъ я не хотѣлъ изслѣдовать самъ потому, что надѣялся въ Н. В. Калачовѣ найти себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ. Если же онъ не захочетъ принять этого на себя, тогда я и самъ добавлю свое собраніе подлиныхъ мѣстъ прочими указаніями" [249]).

Къ этимъ изслѣдованіямъ Погодина весьма сочувственно отнесся высокопреосвященный Иннокентій: „Сейчасъ прочелъ я", писалъ Владыка, — „во *Временникѣ* вашемъ начало статьи о междоусобіяхъ. Что за прелесть! Вотъ какъ надобно дѣлать преподавателямъ историческимъ. Мнѣ всегда представляется этотъ методъ, какъ идеалъ, и я крайне обрадовался, что онъ употребленъ вами въ дѣло".

Въ 1848 году вышли въ свѣтъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, Изслѣдованія Ф. И. Круга, относящіяся къ Древней Русской Исторіи, надъ изданіемъ которыхъ трудился А. А. Куникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ Изслѣдованіямъ приложенъ написанный Куникомъ подробный очеркъ ученой, литературной и служебной дѣятельности Круга.

Въ это время у Погодина съ Куникомъ вышли какія-то недоразумѣнія. Въ письмѣ своемъ отъ 19-го января 1849 года Куникъ писалъ ему: „О *брани* или большой обидѣ противъ васъ у меня не было и рѣчи; меня крайне удивляетъ, что вы позволяете нашептывать себѣ подобныя вещи. Письмо, которое вы мнѣ послали лѣтомъ, содержало въ себѣ такія несправедливыя обвиненія, что я его уничтожилъ, чтобы оно мнѣ

о нихъ не напоминало. Какъ бы то ни было, я объясняю себѣ ваши обвиненія тѣмъ, что вы лишь наполовину были извѣщены обо всѣхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ ваши нападки. Я писалъ при посылкѣ *Krugiana* о томъ, что считалъ цѣлесообразнѣе оставить дѣло въ его настоящемъ положеніи, такъ какъ въ двухъ словахъ всего не скажешь. Итакъ, теперь я считаю это недоразумѣніе устраненнымъ. Изъ вашего сегодняшняго письма я почти могу заключить, что̀ вы мнѣ писали по полученіи *Krugiana*. Но я не получалъ отъ васъ за это время ни одного письма. Точно такъ же, судя по вашему письму, мнѣ сдается, что вы вѣроятно не получили моего письма, въ которомъ я васъ увѣдомилъ объ отсылкѣ *Krugiana*".

Приведенныя строки письма отличаются крайнею неясностью и не даютъ ни малѣйшаго разъясненія причинѣ недоразумѣній, которыя однако же возникли. Въ другомъ письмѣ Куника отъ 10-го февраля того же года мы читаемъ: „Пишите о моемъ изданіи сочиненій Круга, какъ вамъ угодно. Если вы отнесетесь ко мнѣ несправедливо, я буду защищаться, такъ какъ вашъ авторитетъ слишкомъ значителенъ. Позволяю себѣ поставить вамъ на видъ лишь одно обстоятельство: Министръ *) съ нѣкотораго времени расположенъ ко мнѣ враждебно и возсталъ противъ моего назначенія экстраординарнымъ. Какъ и почему—быть можетъ, напишу другой разъ. Для Министра не существуетъ ни моего введенія, ни приложенія. Избраніемъ же въ Археографическую Коммиссію я обязанъ не ему" [250]).

Между тѣмъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1848 года К. Д. Кавелинъ напечаталъ подробный критическій разборъ этого изданія Куника. Объ этомъ разборѣ Погодинъ сдѣлалъ въ *Москвитянинѣ* слѣдующій отзывъ: „Меня упрекали въ строгости приговоровъ нѣкоторымъ трудамъ молодыхъ Русскихъ ученыхъ по части Русской Исторіи. Можетъ быть, эта строгость происходила частію отъ моего отношенія къ нимъ, какъ

---

*) То-есть, графъ С. С. Уваровъ.

профессора; непремѣнно надо пройти нѣсколько времени, чтобъ профессоръ отвыкъ видѣть въ такомъ авторѣ своего студента: иначе, читая его, почти невольно пишешь или даешь категорическую аттестацію — пять, четыре, или менѣе. За то ничего не бываетъ пріятнѣе обязанности похвалить какой-нибудь прекрасный, примѣчательный трудъ ихъ или опытъ, впослѣдствіи. Прочтите рецензію Кавелина сочиненій Круга въ *Отечественныхъ Запискахъ*: любо читать! А мнѣ еще вдвое, потому что я давно предсказалъ о немъ, отвѣчая на его рецензію моихъ *Изслѣдованій*. Напомню кстати объ его прежней системѣ: вся Исторія въ личности, личности до Петра у насъ нѣтъ, слѣдовательно, и въ Исторіи искать нечего. Напомню и свой отвѣтъ: личность бываетъ различна: если нѣтъ одной, то есть другая. Ее-то и надо искать и опредѣлять въ нашей Исторіи. Въ лицѣ, напримѣръ, Филиппа митрополита нѣтъ западной личности, а кто же осмѣлится отказать ему въ особенной личности? Такъ личность западная и исключительность, сепаратизмъ отражается во всѣхъ явленіяхъ и учрежденіяхъ гражданскихъ, а у насъ начало общинное; потому-то западный человѣкъ и снизшелъ на степень пролетарія, а на Святой Руси никто съ голоду не умиралъ, и умереть не можетъ. Но возвратимся къ рецензіи Кавелина. Послушаемъ, какъ прекрасно, напримѣръ, онъ описываетъ ожиданіе Кругомъ суда отъ Шлецера: „Не нужно предполагать въ немъ непомѣрное самолюбіе, тщеславіе, или излишнее преклоненіе передъ авторитетами, чтобъ найти эту озабоченность весьма естественной и понятной. Кто знаетъ и умѣетъ цѣнить высокія заслуги Шлецера въ критической Русской Исторіи, кто когда-нибудь самъ выступалъ впервые съ новымъ взглядомъ—результатомъ добросовѣстныхъ трудовъ и мысли, вскормленной и взлелѣянной съ любовью — передъ судъ людей, составившихъ себѣ заслуженное имя въ наукѣ, уже много для нея сдѣлавшихъ и опытныхъ, тотъ не обвинитъ Круга". Или: „Мы не имѣемъ никакого понятія о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми должны были бороться наши ученые, какихъ-нибудь тридцать лѣтъ

назадъ". Въ рецензіи Круговыхъ разсужденій Кавелинъ ограничился, по большей части, только изложеніемъ ихъ содержанія. Но онъ прочелъ внимательно книгу, и слѣдовательно пріобрѣлъ много для будущихъ своихъ рецензій. Мы возвратимся скоро къ его статьѣ" [251]).

И. Я. Горловъ съ укоромъ писалъ Погодину: „Зачѣмъ вы обращаете такое вниманіе на Кавелина и придаете такую важность его всякой страничкѣ? чуть онъ напишетъ какой-нибудь разборъ, тотчасъ въ вашемъ журналѣ слышится голосъ, и еще вы угрожаете намъ цѣлою статьею. Увѣряю васъ, вы этимъ вредите своему предпріятію и поднимаете другихъ" [252]).

XLVIII.

Въ 1849 году въ *Москвитянинѣ* Погодинъ бросилъ *Словено-Норманскую перчатку*. „Въ Исторіи нашей Литературы", писалъ онъ, — „часто происходятъ явленія удивительныя. Иногда производятъ они досаду, иногда смѣхъ, а иногда наводятъ грусть. Пускай себѣ Коперникъ опредѣляетъ движеніе земли, пускай Ньютонъ представляетъ подтвержденіе его системы; но у насъ все еще послышится иногда: „Птоломей доказалъ, что земля неподвижна, Тихо-де-Браге...", а другіе такъ и сами, съ Гоголевымъ судьею, доходятъ до того же. Русская Исторія подвергается этой участи по преимуществу. Долго толковали ученые о происхожденіи Руси, написали библіотеку, и наконецъ кончили дѣло; въ послѣднія двацать лѣтъ нашлись, къ счастію, еще новыя неожиданныя свидѣтельства, и вопросъ этотъ, казалось, рѣшенъ былъ окончательно. Ученые пошли впередъ. Нѣтъ, время отъ времени, появляются новые атлеты, которые заводятъ старую пѣсню на новый ладъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* являются опять *Словене*, которые говорятъ, что они доказали „яснѣе солнца (*смерче солнце*) нѣкоторыя свои положенія, — „что за нихъ есть доказательствъ много (!) весьма ясныхъ и убѣдительныхъ (!!). Скандинавоманы опровергнуть ихъ не могутъ (!!!), но все-

таки имъ не вѣрятъ (!!!!). Что дѣлать? Поиграемте въ шахматы, милостивые государи! Предлагаю эту игру всей честной компаніи Словенофиловъ, какъ вы себя называете. Уступаю вамъ право перваго хода, даю впередъ двухъ слоновъ, двухъ коней, сколько угодно пѣшекъ, выступайте же соединенными силами чрезъ Петербургскіе журналы, то-есть, предлагайте мнѣ сообща какое угодно доказательство въ пользу Словенскаго происхожденія Варяговъ-Руси, или какое угодно опроверженіе мнѣнія о Норманскомъ происхожденіи. А я предложу вамъ свой отвѣтъ въ ближайшемъ нумерѣ *Москвитянина.* Потомъ выступайте вы со вторымъ, третьимъ своимъ доказательствомъ, до послѣдняго. Такимъ образомъ, переберемъ мы всѣ доказательства и опроверженія, одно за другимъ. Толковать объ этомъ вопросѣ много—для публики скучно, для ученыхъ не нужно, а прочесть по страничкѣ въ Смѣси никому не будетъ въ тягость. Мое условіе одно—ступать по одному шагу, какъ требуетъ правило шахматной игры.

„Я говорю, кажется, ясно, но во избѣжаніе недоразумѣній, поясню свое предложеніе примѣромъ. Положимъ, вы отказались бы начинать и пожелали бы, чтобъ это сдѣлалъ я — извольте. Я скажу тогда: 1) опровергните мнѣ Норманскія имена Рюрика, Трувора, Олега, Игоря, Свѣнельда, Руалда, Карла... Вотъ мой первый ходъ. Этого мало: я предложу вамъ, если хотите, двадцать своихъ ходовъ и позволяю избрать изъ нихъ какой *вамъ*, а не мнѣ угодно. Велите мнѣ, напримѣръ, начать съ Нестора или съ Арабовъ, или съ Русскихъ названій Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго, и проч.

„Точно также прошу я теперь и васъ—дайте мнѣ, коротко и ясно, одно какое-нибудь *ваше* доказательство, или опроверженіе, и я немедленно представлю вамъ мой отвѣтъ; послѣ представите вы второе, и такъ далѣе; но повторяю, для ясности и противъ скуки, по одному. Противники, разумѣется, никогда, не соглашаются, такъ не согласимся и мы; мы, вѣроятно, будемъ даже трубить побѣду, каждый въ своемъ станѣ,

но читатели, по крайней мѣрѣ, увидятъ, на чьей сторонѣ больше истины, если даже не вся.

„Арена открыта, перчатка брошена, ожидаютъ противниковъ!“ [253]).

Поднявъ эту „перчатку“, одинъ изъ Троицкихъ ученыхъ П. С. Казанскій писалъ Погодину: „Въ первый книжкѣ *Москвитянина* за 1849 годъ вы бросили Словено-Норманскую перчатку. Не принадлежа ни къ Словенофиламъ, ни Скандинавоманамъ, я не намѣренъ состязаться съ вами на этомъ полѣ. Позвольте предложить вамъ нѣсколько ходовъ игры въ дѣлѣ вамъ столько же знакомомъ, какъ и вопросъ о Скандинавствѣ первыхъ князей, именно вопросъ о писателѣ первой Лѣтописи. Вопросъ не новый, но онъ послужитъ, можетъ быть, для васъ поводомъ высказать новыя мысли. Съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ слѣжу я за вашими изслѣдованіями о древнихъ городахъ Русскихъ. Это дѣло необходимое для объясненія нашихъ Лѣтописей. Дивлюсь только, что ни вы, ни ваши ученые почтенные рецензенты не обратили вниманія на источникъ, которымъ, по моему мнѣнію, во многихъ мѣстахъ можно бы объяснить древнюю Географію, именно на *Акты Юридическіе*, *Акты Археографическіе*, *Коммиссіи* и *Акты Историческіе*, также на *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*. Эти изданія, снабженныя и Указателями, и полезны и необходимы даже въ такомъ дѣлѣ, чтобы составить полную Географію Древней Руси; чтобы разгадать всѣ мѣста, упоминаемыя въ Лѣтописяхъ, по моему, нужно было обнародовать фамильные акты столбовыхъ нашихъ дворянъ. Тутъ въ грамотахъ жалованныхъ, въ мѣновыхъ, купчихъ перечислены подробно всѣ селенія съ означеніемъ уѣздовъ; то же должно сказать и о жалованныхъ грамотахъ монастырямъ. Впрочемъ и то, что обнародовано, уже можетъ послужить значительнымъ пособіемъ для отысканія положенія многихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Лѣтописяхъ“ [254]). На это письмо Погодинъ отвѣчалъ печатно. „Вы удивляетесь“, писалъ онъ Казанскому,—„почему я въ своемъ опытѣ Древней

Русской Географіи не пользовался актами? Потому что акты всѣ позднѣе періода моихъ изслѣдованій 1054 — 1240. Я употреблялъ только современныя свидѣтельства, то-есть, лѣтописи и нынѣшнія карты. По актамъ можно и должно будетъ дополнить ихъ въ слѣдующихъ періодахъ“ [255]).

Казанскій, препровождая къ Погодину свою статью подъ заглавіемъ: *Еще вопросъ о Несторѣ. Можно ли думать, что писатель Житія преподобнаго Θеодосія Печерскаго и Лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, есть одно и то же лицо?* писалъ: „Руководимый желаніемъ разъяснить темное, подкрѣпить нетвердое, я и посылаю вамъ свои сомнѣнія о писателѣ первой Лѣтописи. Если вы пришлете мнѣ въ книжкѣ своей отвѣтъ, буду продолжать и далѣе игру, если съ перваго раза не дадите мата. Если вамъ угодно будетъ помѣстить мою статью въ своемъ журналѣ, то прошу васъ текста ея не измѣнять. А за ваши опытныя замѣчанія буду весьма благодаренъ“ [256]). И на этотъ пунктъ письма Погодинъ отвѣчалъ печатно: „Сомнѣніе ваше о тожествѣ перваго лѣтописателя съ лицомъ Нестора, сочинившаго житіе Θеодосія, препроводилъ я въ наше Общество Исторіи, гдѣ оно и будетъ напечатано. Я знаю твердо Лѣтопись, а Кубаревъ знаетъ Житіе Θеодосія. Онъ, вѣроятно, и разрѣшитъ тамъ ваше сомнѣніе, я же здѣсь не противъ вашего удара, а съ другой стороны, скажу только мимоходомъ, что Поликарпъ Печерскій (1228) въ посланіи своемъ къ архимандриту Акиндину говоритъ: „точно такъ Несторъ написалъ въ Лѣтописцѣ: о Даміанѣ, Іереміи, Матθеѣ и Исакіѣ...“, а эти самыя житія, и въ этомъ самомъ порядкѣ, встрѣчаются въ Лѣтописи, слѣдовательно, Лѣтопись принадлежитъ Нестору, сочинителю житія Θеодосія. Поликарпъ называетъ Нестора лѣтописцемъ еще въ Житіи св. Никиты“ [257]).

Между тѣмъ Куникъ продолжалъ свои изслѣдованія и изысканія источниковъ въ области Древней Русской Исторіи. „Какъ только печатаніе источниковъ подвинется нѣсколько впередъ“, писалъ онъ Погодину, — „я займусь изданіемъ нѣко-

торыхъ неизвѣстныхъ свидѣтельствъ о Древнѣйшей Исторіи, чтобы они были доступны по крайней мѣрѣ каждому. Въ числѣ этихъ источниковъ есть новое, довольно пространное извѣстіе о первой экспедиціи въ Каспійское море, о чемъ я уже издалъ неизвѣстное свидѣтельство одного армянина. Но эта первая экспедиція становится такимъ образомъ второю, такъ какъ мнѣ теперь сообщена, кромѣ того, одна замѣтка, изъ которой видно, что уже между 863 и 883 годами былъ предпринятъ походъ въ Каспійское море. Какъ курьезъ: не возможно, чтобы слова: *наша земля велика* и проч. *приходите княжити* и проч. могли быть такъ произнесены посланными; потому что эти выраженія встрѣчаются за долго до Нестора въ такомъ же изложеніи въ Сѣверо-Германскихъ источникахъ и т. д.".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ упрекалъ Погодина въ отсталости и довольно рѣзко писалъ ему: „Вы... не знакомы ни съ результатами естественно-историческихъ изслѣдованій, ни съ сравнительнымъ языкознаніемъ, и не знаете, какъ они подтверждаются Исторіею. Въ этихъ словахъ вы, конечно, не увидите намѣренія васъ оскорбить".

Съ своей стороны И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Всего любопытнѣе ваши собственныя статьи. Печатайте въ каждомъ нумерѣ что-нибудь горячее съ сковороды, чѣмъ вы теперь занимаетесь. Нельзя ли меньше пѣтушиться за Скандинавоманію? Удивительны свойства души человѣческой! Какъ засядетъ иногда какая-либо мысль, то и ломомъ ее не выколотишь. И Ломоносовъ, и чувство патріотическое все забывается" [258]).

4-го мая 1849 года Погодинъ началъ писать свое изслѣдованіе объ Андреѣ Боголюбскомъ. Судя по записямъ *Дневника*, изслѣдованіе шло успѣшно. „Писалъ Андрея и чувствую, что будетъ хорошо". Въ іюнѣ Погодинъ уже читалъ свое изслѣдованіе дѣтямъ. Во время чтенія пришелъ Гоголь, „прослушалъ и ни слова. Не досадно ли ему, что онъ потеряетъ свое первенство. Чего добраго!" [259]).

Самое изслѣдованіе объ Андреѣ Боголюбскомъ Погодинъ напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а разсказъ былъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ*. Больной Лешковъ, читая по обязанности службы это сочиненіе, писалъ его автору: „Болѣзнь ноги удерживала меня до сей поры дома. Время скучное провелъ я пріятно, читая вашего Боголюбскаго".

Увѣдомляя Погодина о печатаніи его изслѣдованія объ Андреѣ Боголюбскомъ, К. С. Сербиновичъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему: „Статья о Боголюбскомъ въ *Москвитянинѣ* очень занимательна. Вѣрно, у васъ и прочіе князья Древней Руси описываются такимъ же образомъ, чтобы потомъ изъ этого составить одно цѣлое. Послѣдняя половина статьи особенно оживлена. Только слогъ назовутъ пестрымъ, потому что попеременно то нынѣшніе обороты рѣчи, то старинные. Для избѣжанія нареканій надобно только было тщательно отмѣтить знаками все, совершенно несвойственное нынѣшнему слогу: такъ и отмѣчены нѣкоторыя слова, но еще остались иныя не отмѣченными, напримѣръ, *жалуя* (жалѣя), *жадать* (желать). Это, напримѣръ, слова южно-Русскія, а скажутъ, что усвоены вами и припишутъ слогу сочиненія. Вотъ мое незатѣйливое мнѣніе".

Познакомясь съ этимъ новымъ сочиненіемъ Погодина, М. А. Дмитріевъ писалъ ему: „Радуюсь, что вы печатаете изслѣдованія. Пора, давно пора. Ваши изслѣдованія будутъ для всѣхъ будущихъ историковъ необходимою настольною книгою. Андрея вашего читалъ, но *Ярополкъ* и *Владиміръ*— живѣе, живописнѣе. Здѣсь вы пересказываете, а тамъ изображаете. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Но есть мѣста прекрасныя".

Архіепископъ Нижегородскій Іаковъ находилъ, что „Андрей удовлетворителенъ" [260]). Однимъ словомъ, по замѣчанію самого Погодина, его „Андрей понравился всѣмъ" [261]).

Чрезъ дружелюбное посредство В. Д. Олсуфьева Погодинъ представилъ своего Андрея Государю Наслѣднику Це-

саревичу Александру Николаевичу и великому князю Константину Николаевичу. Въ письмѣ, отъ 26-го октября 1849 года, изъ Царскаго Села, Олсуфьевъ извѣщалъ Погодина: „Письмо ваше отъ 20-го сего октября съ приложеніями получилъ исправно и исполнилъ желаніе ваше слѣдующимъ образомъ: 1) Слѣдующіе великому князю Константину Николаевичу ящикъ съ древностями и экземпляры историческаго отрывка о великомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ и о Древнихъ Великихъ Княжествахъ съ письмами къ Его Высочеству и графу Кушелеву, я препроводилъ къ сему послѣднему, для представленія по принадлежности. 2) Государю Цесаревичу представилъ отрывокъ о Боголюбскомъ и получилъ повелѣніе васъ благодарить, что и исполняю съ величайшимъ удовольствіемъ, отношеніемъ *оффиціальнымъ*, хотѣлось бы замѣнить роднымъ словомъ, но не знаю какимъ, при семъ слѣдующимъ. Наконецъ, благодарю за собственно мнѣ присланное и съ большимъ удовольствіемъ прочитанное, *о Боголюбскомъ*; мнѣ особенно нравится сохраненіе вами древнихъ словъ лѣтописцевъ, черезъ это все дышетъ какою-то отрадною современностью... Я сейчасъ видѣлъ великаго князя Константина Николаевича, который очень доволенъ вашей присылкою, въ особенности изображеніемъ Бориса и Глѣба“...

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1848 года П. И. Небольсинъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ: *Покореніе Сибири*. По поводу ихъ Погодинъ замѣтилъ: „*Именитые люди Строгановы* не заслуживаютъ вовсе той чести и славы, которую восписывали имъ Русскіе историки; это были смышленые торгаши, которые умѣли пользоваться обстоятельствами и которые жертвовали казнѣ то, въ чемъ отказать не могли“. „Это“, утверждалъ Погодинъ,—„я печаталъ *десять лѣтъ тому назадъ*! А Небольсинъ, предлагая теперь въ *Отечественныхъ Запискахъ* описаніе *Покоренія Сибири*, доказываетъ подробно то же самое. Странная привычка у нѣкоторыхъ писателей нашихъ, указывающая на младенчество литературы — они силятся опровергать какое-нибудь мнѣ-

ніе, представляютъ себя первыми воителями противъ него, распространяются объ его адептахъ, которыхъ уничтожаютъ въ прахъ, и *забываютъ* упоминать о тѣхъ, которые прежде ихъ говорили то же самое, если иногда не такъ подробно, судя по цѣлямъ или объемамъ ихъ статей"; но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ отдаетъ справедливость Небольсину и находитъ, что статья его „имѣетъ большія достоинства". Въ заключеніе своей замѣтки Погодинъ пишетъ: „Скажемъ здѣсь кстати безъ всякаго отношенія къ почтенному писателю, который легко могъ пропустить журнальную рецензію. Въ рецензіяхъ моихъ, не говоря о лекціяхъ, разсыпано множество мыслей обо всѣхъ почти вопросахъ Русской Исторіи, но отрывочно, случайно; ихъ подбираютъ пролетаріи Русской Исторіи, кормятся ими, пробавляются, и меня же ругаютъ. Но вотъ скоро выйдутъ еще три тома, и „авантюристы постыдятся".

Статьями Небольсина остался весьма недоволенъ графъ С. Г. Строгановъ, и, по свидѣтельству Погодина, „жаловался на автора оффиціально, какъ отвергающаго заслуги его предковъ".

Въ то же время въ *Современникѣ* и въ *Отечественныхъ Запискахъ* печатался цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей С. М. Соловьева *о Междуцарствіи и Малороссіи*. Никитенко въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Въ *Современникѣ* печатаются чрезвычайно любопытныя статьи профессора Московскаго С. М. Соловьева. Никто еще изъ нашихъ историковъ не обнаруживалъ такого основательнаго и глубокаго анализа, какъ этотъ ученый. Отъ него многаго слѣдовало ожидать для нашей Исторіи... Но вотъ что случилось. Негласный комитетъ нашелъ, что статьи Соловьева хотя благонамѣренны и безвредны, однако ему не слѣдовало говорить въ нихъ о *Болотниковѣ*! — особенно въ журналѣ. Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе".

Но въ бумагахъ Погодина сохранилась собственноручная замѣтка его объ этихъ статьяхъ: „Г. Соловьевъ печатаетъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* Исторію Малороссіи, а въ *Современ-*

никъ Исторію междуцарствія. Это—просто Полевой по своей дѣятельности. Сходство между этими писателями впрочемъ не въ одной дѣятельности: та же смѣлость въ утвержденіяхъ, то же самоуправство съ источниками, та же легкость въ заключеніяхъ, такъ что мы не понимаемъ, какъ г. Соловьевъ не берется до сихъ поръ кончить *Исторію Русскаго народа.* Вотъ его настоящій трудъ, къ которому онъ призванъ, судя по его сочиненіямъ. Знатоки не нашли бы даже шва между началомъ Полевого и концомъ Соловьева! Но гораздо было бы лучше, для него и для науки, еслибъ онъ писалъ меньше, но обдумывалъ болѣе".

Жительствуя на историческомъ Дѣвичьемъ Полѣ, Погодинъ часто погружался въ созерцаніе судебъ этого мѣста и написалъ *1-е Декабря на Дѣвичьемъ Полѣ*:

„Морозная ночь. Звѣзды сверкаютъ ярко. Кругомъ тишина, ничѣмъ не возмущаемая.

Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бушуетъ вѣтеръ въ полѣ чистомъ.

„Очередной дьячокъ спитъ глубокимъ сномъ въ сторожкѣ у переднихъ воротъ Монастыря. Вдругъ чудится ему, что кто-то стучитъ въ окно и велитъ идти благовѣстить къ заутрени. Онъ просыпается, потягивается—не хочется оставить ему теплую печь, но дѣлать нечего: надо лѣзть на колокольню. Надѣваетъ тулупъ, сапоги, подпоясывается, выходитъ на дворъ.

„Посмотрѣлъ на небо—нѣтъ, еще слишкомъ рано, звѣзды вѣрнѣе всѣхъ часовъ сказываютъ ему обыкновенно время. Досадно старику, что бросилъ сладкій сонъ даромъ, и онъ возвращается досыпать въ сторожку.

„Лишь только сомкнулъ глаза, опять какъ будто толкаетъ его кто-то подъ бокъ: пора къ заутрени. Очнулся онъ и вышелъ въ другой разъ.

„Онъ смотритъ на небо—нѣтъ, все еще рано. Ворча про себя, дьячекъ уходитъ назадъ, сердитый, и ложится, не раздѣваясь, на прилавкѣ.

„Ступай благовѣстить, раздается снова у него въ ушахъ,

едва онъ позабылся. Дьячекъ вскочилъ испуганный. Досада его взяла. Ударю въ колоколъ, подумалъ онъ, не стану смотрѣть и на звѣзды; нужды нѣтъ, что рано: пускай посердится батько.

„Вышелъ изъ сторожки, но едва ступилъ нѣсколько шаговъ по двору, какъ почувствовалъ въ себѣ какой-то страхъ: нѣтъ пойду лучше по оградѣ, подумалъ онъ, воротился и по ближней лѣстницѣ пробрался вверхъ.

„Идетъ онъ стѣною и видитъ чрезъ зубцы, что по монастырю ходятъ взадъ и впередъ какіе-то люди съ фонарями и свѣчами, что къ паперти подъѣхало много пошевней тройками. Онъ остановился. Что̀ за причина? Смотритъ онъ и думаетъ: нѣтъ, у насъ что-то не даровое.

„Благимъ матомъ бѣжитъ онъ на колокольню, запирается извнутри, уставляетъ еще въ дверь упоромъ бревна три, что попались ему тамъ подъ руку, и ну — звонить во всѣ колокола, что ни есть мочи. Раздался громъ на все поле....

„Священники, причетники, сторожа, монахини, сосѣдніе жители просыпаются, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ къ церкви узнать, что̀ за тревога; народу собралось множество — и видятъ: въ заднія ворота скачетъ вонъ изъ монастыря, что есть духу, троекъ двадцать къ Москвѣ рѣкѣ.

„А царь Петръ Алексѣевичъ пировалъ въ то время на Пречистенкѣ у кого-то изъ своихъ вѣрныхъ слугъ. Полночь давно прошла. Бесѣда становилась живѣй, веселѣе. Кубки переходили изъ рукъ въ руки чаще и чаще и уже не оставались почти ни на минуту на столѣ ни полные, ни пустые. Вдругъ послышался трезвонъ. Что̀ такое? Гдѣ? Всѣ гости высыпали на улицу, прислушиваются. Кажись — въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Сани, скорѣе сани, кричитъ Петръ, и поскакалъ. Прощай пированье. „За солдатами“. Послышалось отъ него въ дорогѣ....

„Онъ испугался: въ Дѣвичьемъ монастырѣ живетъ заключенная его сестра, Софія Алексѣевна; онъ только что открылъ недавно заговоръ стрѣлецкій для ея выручки. Не слу-

чилось ли тамъ еще чего подобнаго? Онъ скачетъ по полю. Свѣжій снѣгъ трещитъ подъ полозьями. Прозябшіе кони мчатся во весь опоръ. А ему кажется все еще, что ѣдутъ тихо. Онъ понукаетъ, толкаетъ, толкаетъ возчика и деньщика. Пошелъ, пошелъ! Вдругъ трезвонъ умолкъ. Это что̀ значитъ? думаетъ онъ. Опасеніе увеличивается: не поздно ли пріѣдетъ онъ; не кончилось ли дѣло! Прискакали.

„Къ воротамъ. Ворота заперты. Стучатся. Не отпираютъ. Шибче и шибче. Нѣтъ ни отвѣту, ни привѣту. Ломай ворота, кричитъ Петръ, а между тѣмъ подъѣхали и прочіе спутники, уже показались вдали и солдаты. Приносятъ лома, заступы, рычаги, кому что случилось взять въ сосѣднихъ домахъ. Бьютъ, стучатъ, ломаютъ. Пополохъ во всемъ околоткѣ. Наконецъ кто-то попроворнѣе успѣлъ перелѣзть черезъ стѣну и растолковать испугавшемуся причту, что пріѣхалъ самъ Царь.

„Ворота отперли. Всѣ монахини высыпали къ Царю на встрѣчу, и повалились ему въ ноги, ни живыя, ни мертвыя.

„Что̀ у васъ сдѣлалось? спрашиваетъ Петръ.

„И всѣ въ одинъ голосъ начали они разсказывать, что къ нимъ пріѣзжали воры, что всѣ замки церковные сбиты, двери выломаны, образа, ризы, дорогія вещи, собраны были уже въ вороха и вынесены на паперть, но дьячекъ зазвонилъ тревогу, и воры, не успѣвъ покласть добра на воза, испуганные, ускакали.

„А зачѣмъ не отпирали вы воротъ? — Мы подумали, батюшка, что они воротились. Что же вы не ловили ихъ, сказалъ, разсмѣясь, успокоенный Петръ, и пошелъ осматривать монастырь, обошелъ всѣ церкви, паперти, лѣстницы, ворота.

„Ему захотѣлось поймать дерзкихъ разбойниковъ, которые прервали его веселую пирушку, надѣлали ему страха. Что же онъ сдѣлалъ? Обходя монастырь, онъ замѣтилъ, что вездѣ, по полу, по снѣгу, накапано было множество воску. Перехватать завтра всѣхъ, приказалъ онъ, кто попадется въ кафтанѣ, залитомъ воскомъ, — на рынкахъ, площадяхъ, по улицамъ, и привесть ко мнѣ.

„Приказъ исполненъ, и на другой день собрано было къ нему со всей Москвы множество народа, закапаннаго воскомъ, въ которомъ по лицамъ легко уже было зоркому взгляду отличить виноватыхъ отъ невинныхъ.

„Чудесное спасеніе обители отъ злоумышленныхъ враговъ положено праздновать ежегодно 1-го декабря торжественнымъ всенощнымъ бдѣніемъ, съ акаѳистомъ, что̀ и продолжается *до сихъ поръ* въ свидѣтельство истины этого происшествія (что касается до главнаго содержанія), разсказаннаго мною со словъ почтеннаго священника".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодину удалось получить отъ этого священника и слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о Дѣвичьемъ Полѣ: „За монастыремъ былъ нѣкогда мостъ черезъ Москву рѣку въ той сторонѣ, гдѣ впадаетъ въ нее Сѣтунь, и выходилъ на Смоленскую дорогу. Существованіе этого моста надо предполагать, а иначе не объяснилось бы, почему въ эту сторону великій князь Василій Васильевичъ и Митрополитъ торжественно, съ крестнымъ ходомъ, провожали въ Смоленскъ икону Одигитріи, а не въ ту, гдѣ теперь Дорогомиловскій мостъ. Впрочемъ свѣжо преданіе, что Дорогомиловскаго моста на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь, не было въ XVII столѣтіи. Даже рынокъ Смоленскій былъ прежде подлѣ монастыря въ *Кочкахъ*. Это мѣсто за теперешнимъ домомъ монастырскихъ штатныхъ служителей и за домами монастырскихъ священниковъ. Остатки этого рынка существовали до начала настоящаго столѣтія, но только въ одномъ заведеніи подъ ёлкою. По переведеніи вмѣстѣ съ мостомъ рынка ѣзда сдѣлалась не далѣе монастыря и огородовъ, и людность стала здѣсь умаляться. Теперь подъ Дѣвичьемъ пусто, одни огороды, да нѣсколько фабрикъ. А что̀ было прежде? Отъ Арбата и Зубова близъ лѣваго берега Москвы рѣки была Саввинская слобода, въ которой былъ Саввинъ монастырь, существовавшій въ XVII столѣтіи на мѣстѣ теперешней приходской Саввинской церкви, лѣвѣе широкая большая Царицынская улица, далѣе еще улица мимо теперешней дачи князя Вадбольскаго,

за дачею еще улица, и наконецъ еще далѣе улица. И все это было застроено то домами монастырскихъ служекъ, людей богатыхъ, когда при монастыряхъ были вотчины, то великолѣпными дачами Русскихъ бояръ. Тутъ живали князья Долгорукіе, Трубецкіе, Урусовы (на ихъ мѣстѣ впослѣдствіи Щербатовы), графы Разумовскіе, Салтыковы, дворяне Нащокины, Апраксины, Татищевъ, Воейковы, Бекетовы, Нарышкины, Юшковы, Еропкины. Подъ самыми же Воробьевыми горами въ Лужникахъ подлѣ усадьбы Шереметевыхъ была дача Мусиныхъ-Пушкиныхъ на прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, гдѣ лѣтомъ каждый праздникъ и каждое воскресенье было общественное многолюдное гулянье людей лучшаго тона. На полѣ щеголи Екатерининскихъ временъ имѣли обычай ѣздить верхомъ для прогулокъ. Подъ Дѣвичье изъ всѣхъ предмѣстій Москвы было самое лучшее, блистательнѣйшее.

„28-го іюля сюда бываетъ крестный ходъ, и потомъ въ монастырѣ и около его—народное гулянье, и довольно многолюдное. А что это въ сравненіи съ тѣми гуляньями, какія бывали въ XVII и XVIII столѣтіяхъ! Цари Михаилъ Θеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ и Θеодоръ Алексѣевичъ имѣли обыкновеніе встрѣчать крестный ходъ, и для того пріѣзжали сюда иногда еще на канунѣ праздника, останавливаясь въ шатрахъ, построенныхъ на полѣ, бывали въ монастырѣ у малой вечерни, у всенощной, а въ самый праздникъ и у ранней и у поздней обѣдни, и наконецъ кушали въ шатрахъ. Можно вообразить, сколько тогда бывало шатровъ на полѣ, и сколько народа, когда сами цари изволили имѣть обыкновеніе проводить здѣсь праздникъ? Еще недавно, даже въ началѣ текущаго столѣтія, тутъ гулянье было очень людное. Стояли шатры, подлѣ монастыря, и еще два отдѣленія такихъ же шатровъ, съ такими же утѣхами, одно къ концу Царицынской улицы, а другое къ Зубову. Катанье бывало въ экипажахъ въ нѣсколько рядовъ. Хотя въ меньшемъ размѣрѣ, однако, бывали гулянья и 13-го мая, и въ пятницу на Свѣтлой недѣлѣ, также съ катаньемъ. Въ пятницу кругъ

катающихся изъ Подновинскаго обыкновенно простирался подъ Дѣвичье“.

XLIX.

Давно и настойчиво Погодинъ во всеуслышаніе изъявлялъ желаніе, чтобъ „всѣ наши историческіе города были описаны...“, а потому появленіе въ 1849 году книги Доброхотова: *Памятники Древности въ Владимірѣ Кляземскомъ. Соборы: каѳедральный Успенскій и бывшій придворнымъ великаго князя Всеволода—Дмитріевскій*, вызвало въ Погодинѣ чувство радости. „Радуемся“, писалъ онъ,—„этой дѣльной любопытной книгѣ. *Москвитянинъ* давно уже и часто изъявлялъ желаніе, чтобъ всѣ наши историческіе города были описаны. Это необходимо и для Исторіи, и для народа. Можно любить только то, что̀ знаемъ. Мы проѣзжаемъ теперь историческія мѣста мимо, холодные и равнодушные, потому что не имѣемъ порядочнаго понятія о томъ, что̀ гдѣ происходило, какіе гдѣ остались слѣды отъ примѣчательныхъ лицъ нашей Исторіи, не знаемъ, что свидѣтельствуетъ краснорѣчивѣе лѣтописей о временахъ минувшихъ, о событіяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу отечества. Скажите, многіе ли изъ проѣзжавшихъ черезъ Владиміръ всходили на полати въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ, во время приступа Татарскаго, пріобщившись Святыхъ Таинъ, сгорѣло семейство великаго князя Георгія Всеволодовича, вмѣстѣ съ епископомъ Митрофаномъ, благословлявшимъ отшествіе ихъ изъ этого міра въ другой? Кто спрашивалъ, гдѣ погребена благочестивая княгиня Марія, супруга Всеволода, коей столько преданъ былъ весь народъ? Гдѣ лежалъ Александръ Невскій предъ пренесеніемъ мощей его въ Петербургъ? Есть ли какое-нибудь преданіе о несчастной Ксеніи, прекрасной дочери Бориса Годунова? Кто хотѣлъ приложиться къ иконѣ Знаменія—благословенію матери Александра Невскаго? Многіе ли прогуливались по берегу Нерли, гдѣ Андрей Боголюбскій основалъ свое мѣстопребываніе, перейдя изъ странъ Днѣпровскихъ? Не многіе, не многіе, потому что не знаютъ ничего почти

объ этихъ происшествіяхъ, объ этихъ лицахъ, потому что ничто не напоминаетъ намъ объ этихъ происшествіяхъ. Нѣтъ никакихъ описаній, никакихъ рисунковъ, никакихъ картинъ. А о литературѣ и говорить нечего: ни драма, ни повѣсть, ни изслѣдованіе не касались священныхъ, драгоцѣнныхъ для всякаго русскаго предметовъ. Еженъ Сю, Александръ Дюма, Фредерикъ Сулье ничего не писали о Золотыхъ воротахъ, о Рождественскомъ монастырѣ, о селѣ Кидекшѣ. Какой городишко въ Германіи, Франціи, Англіи, не имѣетъ своей исторіи, своего живописнаго альбома, своего описанія, и *лонбединтера*, который въ минуту вашего проѣзда является къ вашимъ услугамъ, предлагаетъ вамъ нѣсколько книжекъ и начинаетъ водить по городу, останавливаясь на каждыхъ десяти шагахъ: здѣсь родился Лейбницъ, здѣсь жилъ Руссо, здѣсь любилъ отдыхать Гёте, здѣсь прогуливался Шиллеръ, здѣсь останавливался Гердеръ, и проч. А скажите, въ какомъ домѣ родился Суворовъ, Румянцовъ, Карамзинъ, Державинъ, Филаретъ?...."

Прочитавъ въ первой главѣ книги Доброхотова исторію Успенскаго Собора, а во второй главѣ нынѣшнее его состояніе, Погодинъ замѣчаетъ: „Рецензентъ самъ недавно былъ въ Владимірѣ и можетъ засвидѣтельствовать, что описаніе сдѣлано вѣрно. Мѣлъ—лютѣйшій врагъ нашей археологіи: такъ густо покрываетъ онъ внѣшность и внутренность нашихъ древнихъ зданій, что дѣлаетъ ихъ совершенно похожими на выстроенные на канунѣ. Я увѣренъ, что стѣны Успенскаго собора во Владимірѣ скрываютъ на себѣ древнюю иконопись, подъ нѣсколькими слоями известки, точно какъ стѣны собора Дмитріевскаго и Софійскаго Кіевскаго. Подъ одной аркой сохранилась еще часть старинной стѣнописи, работы, какъ полагаетъ академикъ Солнцевъ, художниковъ Даніила иконника и Рублева, расписавшихъ стѣны Успенскаго храма въ началѣ XV столѣтія. Фрески изображаютъ праотцевъ Авраама, Исаака и Іакова, сѣдящихъ въ райскомъ саду; позади Авраама видно еще нѣсколько лицъ! Они писаны, безъ сомнѣнія, по образцу

фресковъ собора Дмитріевскаго и, какъ утверждаетъ Солнцевъ, въ XII вѣкѣ. Разсказываютъ, что при отбѣленіи стѣнъ иногда обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древняя живопись. Такъ случайное открытіе части древнихъ фресковъ Кіево-Софійскаго собора было причиною полнаго открытія и возобновленія ихъ. Мы смѣло можемъ надѣяться, что найдемъ много еще памятниковъ древней стѣнописи: въ Суздалѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Боголюбовѣ, и пр.—Солнцевъ возстановляетъ, говорятъ, успѣшно стѣнопись Кіевскую. Мы слышали отъ путешественниковъ, что превосходные опыты сдѣлалъ еще какой-то Французскій художникъ, при открытіи фресковъ на стѣнахъ Св. Софіи въ Константинополѣ. Любопытно было бы познакомиться и съ его процедурою, основанною на химическихъ изслѣдованіяхъ. Много палимпсестовъ пропало, прежде нежели Анжело Майо нашелъ свой секретъ. Стѣны тѣ же палимпсесты, только не бумажные, а каменные".

Въ заключеніи своей рецензіи Погодинъ выражаетъ надежду, что Доброхотовъ „приступитъ къ описанію и прочихъ достопамятностей Владиміра, столько богатаго ими, и подаритъ насъ скоро продолженіями своего прекраснаго труда. Пожелаемъ, чтобъ онъ получилъ ободреніе во вниманіи публики къ его общеполезнымъ занятіямъ, пожелаемъ, чтобъ къ описанію прикладывались рисунки, какіе далъ намъ г. Кіевскій гражданскій губернаторъ И. И. Фундуклей для города Кіева. Владиміръ счастливъ, имѣя очень много дѣльныхъ людей и охотниковъ до древностей; мы съ особеннымъ удовольствіемъ читали всегда въ тамошнихъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* статьи гг. Протопопова, Тихонравова и Добронравова. Имѣй эти труженики средства, и исторія Владимірскаго княжества получила бы такое обогащеніе, что немногаго бы желать историкамъ осталось" [262]).

Въ это время Нижегородская церковь нашла себѣ историка въ лицѣ іеромонаха Макарія, впослѣдствіи архіепископа Донского, нынѣ почившаго въ Бозѣ. Пользуясь покровительствомъ

Нижегородскаго святителя Іакова, Макарій безмятежно трудился надъ симъ священнымъ предметомъ.

„Извините меня“, писалъ онъ Погодину (5-го октября 1849 г.),—„что я безпокою васъ своими брошюрами. Цѣль у меня та, чтобы поскорѣе привести въ извѣстность труды мои, изъ коихъ я намѣренъ составить что-нибудь цѣлое. А то съ переведеніемъ меня изъ Нижняго можно лишиться и своихъ трудовъ, предоставивъ ихъ другому на употребленіе. Какъ бы то ни было, только и теперь посылаю вамъ: 1) найденную мною проповѣдь Димитрія Сѣченова, говоренную имъ въ санѣ іеромонаха въ Москвѣ и касающуюся Москвы; 2) два небольшихъ Городецкихъ лѣтописца, какъ матеріалъ для моихъ будущихъ трудовъ; 3) общее описаніе г. Балахны, послѣ котораго будетъ описаніе Балахнинскихъ церквей и упраздненныхъ монастырей; 4) описаніе Арзамасской Алексѣевской Общины. Извольте, открою предъ вами и намѣреніе свое. Я хочу, кромѣ частнаго описанія городовъ и значительныхъ селеній, написать Исторію Нижегородской іерархіи, раздѣливъ ее на три части. Въ первой части будетъ о Нижегородскихъ архіереяхъ, во второй о монастыряхъ нынѣшнихъ и упраздненныхъ, а въ третьей о соборахъ и замѣчательныхъ церквахъ въ Нижегородской губерніи. О препятствіяхъ же въ моемъ дѣлѣ, зависящихъ впрочемъ не отъ меня, пока не могу сказать. По крайней мѣрѣ, если поживу еще въ Нижнемъ, то начатаго, при помощи Божіей, не оставлю безъ окончанія. Учреждаемая у насъ временная Коммиссія для печатанія актовъ авось поможетъ моему занятію. Простите мнѣ въ таковой моей откровенности“.

Само собою разумѣется, что Погодинъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ трудамъ Макарія. Доказательствомъ сего можетъ служить свидѣтельство самого Макарія. „Благодарю васъ всеусердно“, писалъ онъ ему,—„за то участіе, какое принимаете вы во мнѣ и въ моихъ посильныхъ трудахъ... О причинѣ, почему началъ и буду посылать къ вамъ нѣкоторыя рукописи, скажу: она заключается въ нашей не-

осѣдлой жизни, по коей можно лишиться всякихъ плодовъ отъ труда".

Съ своей стороны и Погодинъ имѣлъ счастіе пользоваться благосклонностію Нижегородскаго святителя Іакова. 14-го ноября 1849 года, тотъ же Макарій извѣщалъ Погодина: „Письмо ваше здѣшнимъ Преосвященнымъ получено. Вамъ свидѣтельствуетъ онъ почтеніе и при удобномъ случаѣ будетъ отвѣчать. Между тѣмъ приказывалъ мнѣ, чтобы я узналъ отъ васъ мнѣніе ваше (хотя извѣстны ему мнѣнія другихъ) о подлинности соборнаго дѣянія на армянина Мартина мниха, то-есть, о подлинности того ветхаго пергамена, на коемъ оно написано. Вы, вѣроятно, видали оный пергаменъ; а ему случалось и случается говорить объ этомъ съ раскольниками. А мнѣ самому хочется узнать о томъ, кого должно разумѣть въ *Розыскѣ* подъ Питиримомъ, игуменомъ Успенскаго монастыря: Питирима ли — писателя *Пращицы*, или какого другого, только ему соименнаго".

Вслѣдъ за симъ письмомъ и самъ Преосвященный писалъ Погодину: „Благодарю за письмо, благодарю за совѣтъ по дѣламъ ризницы. Письмо ваше пріятно, совѣтъ стоитъ того, чтобы оный исполнить охотно и безъ отлагательства времени. Занимаютъ меня древности религіозныя и гражданскія, но болѣе я занятъ дѣлами раскола. При проѣздѣ чрезъ Москву, мнѣ предлежащемъ, интересно будетъ взглянуть, хотя бѣглымъ образомъ, на древности отечественныя, находящіяся въ этомъ царственномъ градѣ, но всего нужнѣе для меня видѣть списокъ *соборнаго дѣянія*, бывшаго въ Кіевѣ по случаю пересмотра ложнаго ученія Мартина мниха, армянина. Этотъ списокъ хранится гдѣ-то въ Москвѣ. Предполагая, что вы твердо знаете всѣ наши Русскія древности, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою доставить мнѣ возможность видѣть означенный списокъ при проѣздѣ моемъ чрезъ Москву".

13-го декабря 1849 года преосвященный Іаковъ, будучи въ Москвѣ, проѣздомъ въ Петербургъ, посѣтилъ Погодина.

Всесильный въ то время въ Духовномъ Вѣдомствѣ А. Н. Му-

равьевъ при посѣщеніи своемъ Нижняго Новгорода „познакомился“, какъ онъ пишетъ, „съ благочестивымъ епископомъ Іаковомъ, но мнѣ казались странными нѣкоторые его пріемы при священнослуженіи“. Объ этомъ Муравьевъ не преминулъ довести до свѣдѣнія митрополита Филарета. Онъ даже сообщилъ Митрополиту и о томъ, что преосвященный Іаковъ не пьетъ чая, будто бы по завѣту Юрьевскаго архимандрита Фотія, запрещавшаго монахамъ Юрьевскимъ пить этотъ напитокъ. Но Филаретъ, уважая и любя Іакова, писалъ Муравьеву (отъ 16-го декабря 1849 г.): „Я долженъ изъяснить о немъ то, что вы невѣрно поняли. Онъ не употребляетъ чая не по Юрьевскому примѣру, а потому, что страдаетъ разстройствомъ нервъ, и отъ употребленія чая подвергается не только безсонницѣ, что въ нѣкоторой степени бываетъ и съ другими, но и большому разслабленію. Та же болѣзнь затрудняетъ его и въ священнослуженіи. Но онъ видитъ вещи и судитъ по церковному: и мнѣ пріятно было съ нимъ бесѣдовать. Да поможетъ ему Богъ тамъ“, то-есть, въ Сѵнодѣ.

Поздравляя Погодина съ наступающимъ новымъ 1850-мъ годомъ, Макарій писалъ ему: „Благодарю васъ за ваше вниманіе ко мнѣ и къ моимъ ученымъ трудамъ. Чтобы имѣть вамъ понятіе объ нашей Нижегородской Семинаріи, посылаю краткую Исторію оной. Вмѣстѣ съ симъ посылаю и рукописное описаніе Арзамасскаго женскаго Никольскаго монастыря. Преосвященнаго нашего, вѣроятно, вы видѣли: жаль было разстаться съ такимъ добрымъ Архипастыремъ; но дѣлать было нечего, и ѣхать съ нимъ нельзя. Впрочемъ, пользуясь его пребываніемъ въ С.Петербургѣ, я послалъ туда въ Духовную цензуру: 1) Исторію Нижегородской іерархіи и 2) Описаніе жизни и чудесъ преподобнаго Макарія Желтоводскаго, своего Ангела, и описаніе Оранской пустыни, извѣстной по чудотворной Владимірской иконѣ. А на сихъ дняхъ собираюсь послать кое-что объ иконахъ и къ Ивану Петровичу Сахарову“.

На ученые труды Макарія обратили вниманіе и въ Петербургѣ. 10-го декабря 1849 года Императорское Географиче-

ское Общество сопричислило его къ числу своихъ членовъ. Съ нескрываемою радостію Макарій сообщилъ объ этомъ Погодину. „По своей откровенности“, писалъ онъ, — „предъ вами, не могу скрыть и того, что сдѣланъ или выбранъ я членомъ Русскаго Географическаго Общества, вѣроятно, за доставленіе мною въ оное этнографическихъ свѣдѣній объ инородцахъ въ Нижегородской губерніи и другихъ записокъ. Желательно мнѣ открыть путь и въ ваше Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ“.

Оказывая свое покровительство Макарію, Погодинъ вскорѣ пріобрѣлъ въ немъ агента для своего Древнехранилища. „Не забываю и о вашемъ порученіи“, писалъ тотъ,—„касательно Древностей. Когда будутъ доставлены мнѣ по моему распоряженію, то не замедлю извѣстить васъ о цѣнѣ“ [263]).

Историкъ Русской Церкви, вступивъ на Харьковскій святительскій престолъ, писалъ своему другу А. В. Горскому (7-го августа 1849 года): „Благодареніе Господу, здѣсь я покоенъ. Около двухъ мѣсяцевъ употребилъ на обзоръ Епархіи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ моихъ по пріѣздѣ въ Харьковъ было то, что предписалъ я окружно всѣмъ священникамъ завесть тетради для записыванія и описанія дѣлъ и случаевъ мѣстной церкви... Въ душѣ есть желаніе составить описаніе Харьковской Епархіи. Думаю, что это будетъ занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей Церкви Русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было записано ни строчки. Что̀ дѣлать? Здѣшній край имѣетъ свою Исторію, съ своими красками и штрихами. Россія не то, что какая-нибудь страна колбасъ. Югъ и Сѣверъ, Востокъ и Западъ вмѣщаетъ она въ себѣ. Полосы климата разныя и полосы быта житейскаго не одинаковыя“.

Это предпріятіе преосвященнаго Филарета увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и 7-го января 1851 года онъ писалъ Горскому: „Записки мои о Харьковской Украйнѣ подвигаются впередъ. Нѣкоторыя части почти совсѣмъ отдѣланы, другія приближаются къ отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, много матеріаловъ древ-

нихъ то погибло въ огнѣ, то затеряно небрежностью. Напримѣръ, какъ вамъ покажется слѣдующее распоряженіе преосвященнаго Владиміра (впослѣдствіи Казанскаго, а предъ тѣмъ Курскаго)? Въ Бѣлгородъ собраны были святителемъ Іоасафомъ старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ Польско-Литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію въ ихъ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Преосвященный Владиміръ приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычная исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискивался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украйны книгъ. Если такъ распорядился Епископъ, что̀ думать остается о священникахъ? По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ. Но теперь ихъ уже нѣтъ. Съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра. Было же время непонятной страсти къ Европейскому и ненависти или пренебреженія къ Русскому. Все, писанное на Французскомъ языкѣ, казалось образцомъ ума и чуть не святымъ, а все, что̀ писано было на Русскомъ, было предметомъ или насмѣшекъ, или холодности самой крайней“ [264]).

L.

Въ 1848 году Археографическая Коммиссія открыла для общаго пользованія цѣлый рядъ источниковъ Русской Исторіи: Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи (томъ II), Дополненія къ актамъ Историческимъ (томъ III), Supplementum ad Historiae Russiae Monumenta, Письма Русскихъ Государей (т. I) и Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей: Новгородскія и Псковскія Лѣтописи (томъ IV).

Свою рецензію этихъ изданій Погодинъ начинаетъ такъ: „Ни одно Общество въ Европѣ, ни одна Академія, ни одинъ Институтъ, не представляютъ ученому свѣту, въ такіе краткіе періоды, по стольку важныхъ трудовъ, какъ наша

Археографическая Коммиссія. И между тѣмъ работаютъ въ ней преимущественно три человѣка: Бередниковъ, Григоровичъ и Коркуновъ. Непосредственный наблюдатель — князь Шихматовъ и двигатель, ободритель — министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ. Честь и слава достойнымъ труженикамъ! Благодарность соотечественниковъ, почетное имя въ лѣтописяхъ науки просвѣщеннымъ начальникамъ и меценатамъ“ [265]).

Въ 1848 году Временная Кіевская Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, наконецъ, выпустила въ свѣтъ Лѣтопись секретаря Василія Леонтіевича Кочубея Самуила Величка. Лѣтопись эта, представляющая важный источникъ для Малороссійской Исторіи, была вовсе неизвѣстна какъ Бантышу-Каменскому, такъ и другимъ лицамъ, писавшимъ о Малороссійской Исторіи. Честь открытія этой Лѣтописи принадлежитъ Погодину.

Наблюденіе за изданіемъ Лѣтописи Самуила Величка Кіевская Временная Коммиссія поручила Николаю Аркадіевичу Ригельману. По этому поводу между нимъ и Погодинымъ завязалась переписка. „Ваше справедливое требованіе“, писалъ Ригельманъ, 6-го марта 1847 года, — „о помѣщеніи имени владѣльца въ предисловіи, со всѣми возможными объясненіями, будетъ въ точности исполнено. Извѣстите только, можно ли сказать, что *она найдена вами*; въ такомъ случаѣ, надо опредѣлить — *гдѣ и у кого*? Въ объявленіи объ изданіи имя ваше пропущено единственно въ неосмотрительной простотѣ сердца, безъ всякой дурной задней мысли“.

Печатаніе лѣтописи шло весьма медленно. Погодинъ очевидно торопилъ; Ригельманъ оправдывался: „Много я виноватъ передъ вами“, писалъ онъ 12-го іюля 1847 года, — „за мое молчаніе на ваше послѣднее письмо; вмѣсто всякаго извиненія и ссылки на разныя причины, мало отъ меня зависящія, я сообщу, надѣюсь, пріятное извѣстіе, что мы приступаемъ къ печатанію лѣтописи Величка; редакція ея поручена мнѣ, и вы повѣрите, что я употреблю все стараніе, чтобы подвинуть

и повести это дѣло какъ можно скорѣе и исправнѣе. Она, разумѣется, будетъ напечатана во всей полнотѣ, возможно красиво, и со всѣми рисунками, въ ней заключающимися. Къ первому же выпуску будетъ приложенъ словарь невразумительныхъ словъ и выраженій Южно-Русскаго нарѣчія, а къ послѣднему указатель предметовъ; Польскіе же акты, въ ней встрѣчающіеся, будутъ снабжены переводомъ. Но вотъ какая бѣда оказалась при ближайшемъ разсмотрѣніи—въ ней есть значительные пропуски. Не упоминая о нѣкоторыхъ недостающихъ листахъ, въ первомъ томѣ утрачено цѣлыхъ три части или главы изъ описанія войнъ Хмельницкаго. Эта утрата произошла, вѣроятно, прежде, нежели лѣтопись попала въ ваши руки, и она не вознаградима, потому что до сихъ поръ не оказывается и не имѣется даже слуху о существованіи списка съ этого подлинника—можетъ быть, даже его и никогда не существовало. По крайней мѣрѣ я не могъ найти ничего подобнаго, ни даже отрывковъ, въ другихъ рукописныхъ повѣствованіяхъ о Малороссіи, у насъ находящихся. Осипъ Максимовичъ Бодянскій, какъ наилучшій знатокъ въ этомъ дѣлѣ, могъ бы всего лучше рѣшить этотъ вопросъ; и если вы найдете удобнымъ, то сдѣлаете большую услугу Величкѣ, предложивъ этотъ вопросъ почтенному Секретарю Общества. При томъ же онъ обладаетъ спискомъ съ нея; и если этотъ списокъ сдѣланъ до переплета рукописи, то, можетъ быть, въ немъ и уцѣлѣло то, чего недостаетъ теперь въ подлинникѣ. Замедленіе въ изданіи лѣтописи Велички произошло отъ причинъ, отъ Коммиссіи не зависящихъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ригельманъ счелъ нужнымъ предувѣдомить Погодина, что онъ не относился къ Бодянскому съ своими вопросами прямо, потому что не знаетъ, будетъ ли этимъ доволенъ владѣлецъ рукописи. Получивъ разрѣшеніе Погодина, Ригельманъ отнесся къ Бодянскому, но послѣдній отказался отъ всякаго содѣйствія этому изданію, о чемъ Ригельманъ и увѣдомилъ Погодина: „О. М. Бодянскому я предлагалъ даже заплатить за находящійся у нихъ списокъ, но онъ отказалъ

подъ предлогомъ, будто что дѣло еще не кончено съ вами: почему я и не намѣренъ болѣе относиться къ нему объ этомъ" [266]).

Наконецъ, въ самомъ концѣ 1848 года, вышла въ свѣтъ *Лѣтопись событій Юго-Западной Россіи въ XVII вѣкѣ* Самуила Величка, и Погодинъ подъ 24-мъ декабря 1848 года записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Лѣтопись Величка вышла, и мнѣ хоть бы плюнулъ Ригельманъ въ предисловіи! Доброе слово у новаго поколѣнія какъ будто въ горлѣ останавливается. Досадно".

Въ краткой рецензіи своей на это изданіе Погодинъ, желая сохранить безпристрастіе, между прочимъ, писалъ: „Изданіе превосходное во всѣхъ отношеніяхъ и дѣлаетъ честь издателю, избранному Кіевской Коммиссіей. Ни одна Малороссійская лѣтопись до сихъ поръ не была такъ издана. Печатанными въ нашихъ *Чтеніяхъ* произвольно и безотчетно, можно было довольствоваться только ad interum, пока, впредь до лучшихъ изданій, кои теперь и начинаются. Это сокровище нашелъ я, и первое извѣстіе о немъ сообщилъ ученому свѣту нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а одну страницу изъ предисловія издалъ въ своихъ Образцахъ древлеписанія. Я не знаю только, о какихъ трехъ томахъ говоритъ издатель: сочиненіе одно, но я для удобства употребленія раздѣлилъ его на три переплета. Сколько мнѣ помнится, о томахъ нѣтъ въ подлинникѣ ни слова. Мы совѣтуемъ перепечатать относящіяся сюда страницы предисловія... Я хотѣлъ-было разсказать теперь, какимъ страннымъ образомъ эта драгоцѣнная лѣтопись уцѣлѣла и попалась мнѣ въ руки, но предметъ увлекъ меня, распространился,—мнѣ пришло на память много другихъ случаевъ, не менѣе странныхъ,—и я рѣшился оставить все до другой статьи, которую сообщу читателямъ вскорѣ подъ заглавіемъ: Археологическія приключенія" [267]).

Въ это время соперникъ Погодина Н. Г. Устряловъ съ успѣхомъ трудился въ Петербургѣ надъ Исторіею Петра Великаго и 29-го марта 1849 года писалъ Погодину: „Трудъ мой о Петрѣ, благодаря Богу, подвигается впередъ. Недавно

удалось мнѣ найти: ученическія тетради Петра, когда онъ учился Ариѳметикѣ, Адицію, Супстракцію, Мултипликацію, Дивизію. Онѣ писаны его рукой, почеркомъ еще весьма нетвердымъ. Нашелъ я также нѣсколько цифирныхъ писемъ царевны Софіи къ Голицыну, царицъ Наталіи Кирилловны и Евдокіи Ѳедоровны къ Петру, письма его къ матери изъ *первой* поѣздки на Переяславское озеро и всю переписку его съ Екатериной отъ 1706 до конца 1724. Сокровище неоцѣненное! Одинъ томъ у меня готовъ, но печатать примусь не прежде, какъ напишу по крайней половину, то-есть, пять или шесть томовъ, страницъ по восемьсотъ. Съ любовію я часто вспоминаю, какъ проводилъ я время въ вашемъ святилищѣ".

Н. Н. Мурзакевичъ въ Одессѣ приготовлялъ къ печати письма царевича Алексѣя Петровича и просилъ содѣйствія Погодина въ этомъ своемъ трудѣ. „Вотъ моя покорная къ вамъ просьба: Печатаю собственноручныя письма царевича Алексѣя Петровича съ подлинниковъ, принадлежащихъ князю М. С. Воронцову. Въ предисловіи нужно сказать что-либо о Царевичѣ, а кромѣ изданнаго вами въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на 1829 годъ и Французскаго перевода, изданнаго въ Нанси, и сокращеній у Голикова и князя Щербатова, я ничего не знаю. Нѣтъ ли чего новаго у васъ? Буде имѣете или знаете, будьте такъ добры, сообщите мнѣ, и поскорѣе, и укажите новые источники. Текстъ печатаю впередъ, не придерживаясь однако рабски тѣхъ неправильностей въ правописаніи, которыя дѣлалъ Царевичъ. Архаизмы удерживаю всѣ свято. Издать буква въ букву, кажется, нѣтъ особой надобности: кромѣ пестроты буквъ, покажется новому поколѣнію безграмотными. Жду на этотъ предметъ вашего мнѣнія". Въ другомъ письмѣ Мурзакевичъ спрашиваетъ: „Не знаете ли, гдѣ напечатанъ по Нѣмецки журналъ барона Гизена, гофмейстера царевича Алексѣя Петровича; если что знаете о немъ и о Царевичѣ, прошу васъ, сообщите поспѣшнѣе. Текстъ писемъ скоро кончу печатаніемъ". Наконецъ, 24-го ноября 1849 года Мурзакевичъ посылаетъ

свое изданіе къ Погодину. „Правлю тяжелый поклонъ“, писалъ онъ,—„съ легкимъ поминкомъ, добрѣйшій Михаилъ Петровичъ, поминокъ мой есть *Письма Царевича Алексѣя Петровича*, только-что вышедшія въ свѣтъ. Примите трудъ мой благосклонно и судите милостиво. Еслибы я проживалъ въ Москвѣ, то сообща сдѣлалъ бы лучше. Здѣсь же я одинъ“.

Изъ Петербурга (9-го марта 1849 года) А. Ѳ. Бычковъ извѣщалъ Погодина: „На дняхъ начинаютъ печатать, по повелѣнію Государя, въ числѣ тридцати экземпляровъ, *Гофъфурьерскія Записки*, матеріалъ чрезвычайно важный и любопытный для новѣйшей Исторіи. Это изданіе обнимаетъ время отъ царствованія Анны Іоанновны до царствованія Павла I-го“ [268]).

Въ *Москвитянинѣ* 1849 года Погодинъ заявилъ, что „скоро выйдетъ въ свѣтъ *Дневникъ Гордона*, служащій однимъ изъ важныхъ матеріаловъ для исторіи Петра I, переведенный съ Англійскаго языка на Нѣмецкій знаменитымъ Стриттеромъ. Подлинникъ его находится въ Музеѣ М. П. Погодина. Посссельтъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ о сношеніяхъ Петра I съ Лейбницомъ, принялъ на себя трудъ издать его, на иждивеніе почтеннаго ревнителя Русской Исторіи, князя М. А. Оболенскаго“. Но въ *Дневникѣ* своемъ подъ 4-мъ февраля 1849 г. Погодинъ съ неудовольствіемъ записалъ слѣдующее: „Поссельтъ, который напечаталъ Гордона безъ моего согласія на счетъ Оболенскаго, о которомъ я ничего не зналъ“.

Печатая въ *Москвитянинѣ* Автобіографію митрополита Платона, Погодинъ замѣтилъ: „Имя Платона, какъ имя Филарета, есть имя народное, Всероссійское. Всякая строка ихъ для Русскихъ, для ревнителей славы Отечества, драгоцѣнна, и потому я увѣренъ, что собственныя записки славнѣйшаго изъ прежнихъ Московскихъ митрополитовъ о своей жизни, теперь предлагаемыя, будутъ приняты публикой съ величайшимъ удовольствіемъ. О нихъ доселѣ и слыхомъ не было слыхано въ Русской Словесности; счастливый случай, среди моихъ безпрерывныхъ поисковъ о Русскихъ достопримѣча-

тельностяхъ, доставилъ мнѣ въ руки ихъ списокъ". По этому поводу Погодинъ высказываетъ свои мысли вообще о *Запискахъ*: „Скажу два слова вообще о запискахъ (mémoires): у насъ жалуются обыкновенно на ихъ недостатокъ. Это неправда: мы имѣемъ ихъ множество, но онѣ лежатъ большею частію подъ спудомъ. Назову теперь, кромѣ напечатанныхъ, Желябужскаго, Матвѣева, Медвѣдева, Нащокина, Шаховскаго, Данилова, Лопухина, Храповицкаго *), князя Ю. В. Долгорукаго (въ моемъ музеѣ подлинныя), князя И. М. Долгорукаго, княгини Дашковой, князя Н. В. Рѣпнина, Винскаго, Болотова, графа Ростопчина, И. И. Дмитріева, Карамзина, Бенигсена, и пр. и пр. Вмѣстѣ съ записками должно обратить вниманіе на письма, кои часто характеризуютъ время очень живо. У меня собрано ихъ множество, и я прошу у кого есть что-нибудь въ этомъ родѣ, и кому угодно было бы уступить мнѣ оное, увѣдомлять меня съ опредѣленіемъ своихъ условій; я готовъ платить деньги или высылать книги по назначенію" [269]).

Другъ Пушкина П. В. Нащокинъ указалъ Погодину на живой источникъ, изъ котораго можно черпать свѣдѣнія о людяхъ давно прошедшихъ. „У меня сидитъ", писалъ онъ Погодину, — „весьма замѣчательный человѣкъ по многимъ отношеніямъ—талантъ въ рубищѣ. Причина Русская. Главная черта его для васъ можетъ быть интересная—что онъ жилъ у графа Аракчеева, котораго хорошо очень объясняетъ. Вамъ какъ историку — это можетъ быть очень полезно. Если вы будете дома, я его постараюсь задержать и къ вамъ приду— онъ—и живописецъ, и музыкантъ, и поэтъ, и болѣе Русскій человѣкъ, не столько по духу, сколько, по увлекательности. Пришлите сказать, свободны ли вы или нѣтъ — мы придемъ чай пить. Мнѣ просто, а ему немного съ ромомъ".

П. П. Новосильцовъ возымѣлъ благую мысль начертать

---

*) Послѣднее изданіе ихъ вышло въ С.-Петербургѣ въ 1874 году подъ заглавіемъ: *Дневникъ А. В. Храповицкаго 1782—1793. По подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ.*

біографію князя Димитрія Владиміровича Голицына и по этому поводу обратился къ Погодину съ слѣдующими строками: „Когда и какъ могу видѣть васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ? Я сегодня въ ночь возвратился изъ деревни отъ дочери, живу въ Сокольникахъ, а иногда бываю въ городскомъ домѣ на Пречистенкѣ, чѣмъ бы и хотѣлъ воспользоваться, чтобы прочесть вамъ начало того, что съ благословеніемъ вашимъ написалъ *о князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ*. Не поѣдете ли вы сегодня по утру въ *городъ* и тогда не найдете ли возможнымъ заѣхать ко мнѣ и пожертвовать четвертью часа душевно преданному...“

Между тѣмъ почтенный адмиралъ Кузмищевъ о состояніи нашихъ архивовъ писалъ Погодину слѣдующее: „Какъ великому знатоку и любителю нашей Исторіи, какъ профессору, я прилагаю вамъ для свѣдѣнія листокъ изъ нашихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Вы тутъ увидите мое мнѣніе о матеріалахъ для нашей Новѣйшей Исторіи, если удосужитесь прочесть мое *Средисловіе* (не предисловіе и не послѣсловіе). Не затрудняю васъ прочтеніемъ всѣхъ ничтожныхъ статей „*Матеріалы для Исторіи Архангельскаго порта*“; онѣ важны только для насъ морскихъ и отчасти для губерніи. Но сколько бы доставилось матеріаловъ, еслибы разобрать всѣ наши архивы, пока они еще цѣлы! Надобно бы не одну Археографическую Коммиссію, еслибы сдѣлать выписки хоть до XIX столѣтія, или до вступленія на престолъ Александра 1-го. А скоро, скоро истлѣютъ и изчезнутъ наши архивы — и изчезнутъ невозвратно на вѣки. Аминь“.

Народность, составлявшая предметъ постояннаго изученія для Снегирева, очень интересовала Погодина. Получивъ отъ послѣдняго нумеръ *Херсонскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ заключалась статья *о Петровкахъ*, Снегиревъ писалъ ему: „Усерднѣйше благодарю васъ за радушіе, прошу покорнѣйше и впредь не оставлять меня подобными указаніями. Свѣдѣнія о народности нашей разсѣяны по разнымъ изданіямъ, коихъ имѣть и обнять нѣтъ возможности одному человѣку. Я тру-

жусь столько, сколько позволяютъ мнѣ силы и средства, весьма ограниченныя. Но статья эта мнѣ знакома; она взята изъ моихъ сочиненій, кои перепечатываются въ разныхъ изданіяхъ безъ имени сочинителя. Это я приписываю застѣнчивости издателей, а можетъ быть, и другому какому побужденію. Неужели мои посильные труды обращаются въ общеее, народное достояніе? Это утѣшительнѣе гласности моего имени; это значитъ, что имъ сочувствуютъ. Положимъ, что это мечта, но весьма пріятная. Такъ поступилъ и Зеленецкій, пользовавшійся моими сочиненіями и не давшій мнѣ мѣсто между Макаровымъ и Троманинымъ. Не имѣя на то притязанія, я жалѣю только, что бывшій нѣкогда моимъ ученикомъ, а теперь сочленомъ по цензурѣ, сдѣлалъ въ своей книгѣ много промаховъ, кои могутъ вводить въ заблужденіе учениковъ его и читателей; онъ даже не зналъ многихъ явленій въ нашей Литературѣ, перемѣшалъ имена. Я не знаю, почему онъ въ ряду Патріарховъ пропустилъ труды Филарета, Іоакима и Адріана? Почему не сказалъ, говоря о митрополитѣ Платонѣ, о двадцати томахъ его проповѣдей, умолчалъ объ Августинѣ, о протоіереѣ и докторѣ богословія Скворцовѣ? Неужели изданный Академіею Церковно-Словенскій Словарь принадлежитъ протоіерею (не академику ли?) Соколову? А гдѣ же *Церковный Словарь* протоіерея, законоучителя въ Московскомъ Университетѣ, Петра Алексѣева, которымъ всѣ пользовались? Такихъ вопросовъ можно сдѣлать очень много. Но я пишу не для печати, а желаю указать этимъ книгу достойную основательнаго разбора, книгу, не смотря на свои недостатки, важную и полезную по своему содержанію, какъ разсудительный отчетъ въ нашей письменности и словесности. Подобный разборъ не менѣе будетъ любопытенъ и нуженъ, какъ и самая книга; онъ даетъ поводъ сочинителю его исправить и дополнить свое сочиненіе. Прочное легко и опрометчиво не дѣлается. Живость и блескъ рѣчи не замѣнитъ никогда добросовѣстности хорошо обдуманнаго труда и основательности мыслей. Извините, почтенный Михаилъ Петровичъ, что занимаю ваше вниманіе многосло-

віемъ письма. Обращаясь къ вамъ мыслію, я забочусь о каталогѣ вашей драгоцѣнной библіотеки и объ участи національнаго Музея; желаю, чтобъ исполнились мои желанія и ваши обѣты ко благу отечественной науки. Пренебреженіе личныхъ мелочей ведетъ къ великому и высокому" [270]).

Въ формѣ письма къ Погодину Ѳ. И. Буслаевъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* статью объ одномъ старинномъ Русскомъ заклятьи изъ заговора отъ перелома. Погодинъ получилъ это заклятіе отъ П. И. Савваитова, у котораго, по словамъ Погодина, „собрано множество матеріаловъ для исторіи Вологодской Іерархіи", и Погодинъ изъявляетъ желаніе, „чтобы этотъ дѣятельный ученый, знатокъ нашихъ Древностей, получилъ средства издать свое описаніе" [271]).

Посылая свою статью для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, Буслаевъ писалъ Погодину: „Если вамъ угодно будетъ, чтобы я помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* статейку объ открытомъ вами заклинаніи или заговорѣ отъ перелома и ушиба, то прошу васъ дать мнѣ знать. Статья моя готова начерно; нужно только переписать. Она интересна въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, въ отношеніи науки, свидѣтельствуя о родствѣ Словенскихъ заклинаній съ Нѣмецкими; вовторыхъ, касательно васъ самихъ: вы напечатали ее, вовсе не думая, не гадая, что въ то же самое время въ Германіи было открыто сочиненіе VIII вѣка, почти слово въ слово отвѣчающее вашему заклинанью съ нѣкоторыми миѳологическими дополненіями. Моя статья въ видѣ письма къ вамъ: угодно ли вамъ напетатать въ этой формѣ, или же присовѣтуете измѣнить ее—что очень легко—прошу покорно извѣстить меня" [272]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ весьма охотно напечаталъ статью Буслаева въ своемъ *Москвитянинѣ*.

„Перечитывая историческіе матеріалы", писалъ Буслаевъ Погодину, — „помѣщенные въ вашемъ журналѣ, къ немалому удивленію своему встрѣтилъ я одно Русское произведеніе, поражающее сходствомъ съ Нѣмецкимъ стихотвореніемъ миѳологическаго содержанія, относящимся къ VIII столѣтію. Вамъ,

вѣроятно, не скучно будетъ прочесть нѣсколько строкъ о вашемъ же собственномъ открытіи, которому вы, можетъ быть, и не придавали столько значенія, когда обнародовали его, руководствуясь единственно просвѣщенною любовью къ сохраненію нашей старины. Произведеніе, о которомъ хочу говорить, помѣщено вами въ IV части *Москвитянина* за 1842 г.; это старинное Русское заклинаніе или заговоръ отъ перелома, ушиба и вывиха. Печатая этотъ заговоръ, вы, безъ сомнѣнія, не могли знать, что въ то же самое время, въ томъ же 1842 году, Берлинской Академіи Наукъ предложенъ былъ знаменитымъ Гриммомъ отчетъ объ открытіи двухъ древне-Нѣмецкихъ стихотвореній эпохи языческой, изъ которыхъ одно своимъ прямымъ отношеніемъ къ вашему открытію даетъ ему не малое значеніе". Послѣ тщательнаго изслѣдованія Буслаевъ приходитъ къ такому заключенію: „Разрѣшивъ, сколько достало моихъ средствъ, предложенные мною вопросы и обращаясь къ нашему прекрасному заклятію, можемъ сказать, что поэзіи въ немъ больше, нежели въ родственныхъ ему чужеземныхъ заклятіяхъ, не исключая и древне-Нѣмецкаго стихотворенія VIII вѣка. Неоспоримо то, что миѳологическіе намеки и языческія басни замѣнены въ Русскомъ заговорѣ прекрасною поэтическою прелюдіею: *зъбасалися-сиъпалися двѣ высоты вмѣсто.* Эта замысловатая, гиперболическая прелюдія, переносящая вѣщаго знахаря въ таинственный поэтическій міръ гаданій и чародѣйствъ, возбуждаетъ такое же поэтическое безотчетное ощущеніе, какое производитъ въ слушателѣ сказочникъ обычною своею припѣвкою, которою начинаются многія наши старинныя стихотворенія:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота Океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе...

Слушатель, увлеченный такимъ высокимъ и дальнимъ полетомъ мыслей разскащика, довѣрчиво отдаетъ свое вниманіе его чудеснымъ сказаніямъ".

Въ заключеніе своего письма Буслаевъ замѣчаетъ, что обнародованное Погодинымъ заклятіе, кромѣ того, „обогащаетъ Русскій Словарь новымъ словомъ *сбасаться*. Это слово тѣмъ важно, что оно, утраченное Русскимъ языкомъ въ продолженіе долгаго времени и теперь вновь пріобрѣтенное, доселѣ живетъ въ устахъ народа Сербскаго и означаетъ: стремиться куда-нибудь безъ оглядки“ [273]).

LI.

Въ концѣ лѣта 1849 года Погодинъ совершилъ путешествіе по Сѣверо-Восточной Россіи. Къ сожалѣнію, объ этомъ путешествіи мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія, которыми и принуждены довольствоваться при описаніи онаго.

Изъ оффиціальныхъ бумагъ намъ извѣстно, что въ іюлѣ 1849 года Погодинъ обратился къ графу С. С. Уварову съ слѣдующимъ покорнѣйшимъ прошеніемъ: „Имѣя нужду для историческихъ и древле-географическихъ изслѣдованій о древнихъ путяхъ сообщенія между древними Новгородскимъ и Суздальскимъ княжествами, городами Торжкомъ, Ростовомъ, Суздалемъ и Волокомъ-Ламскимъ сдѣлать мѣстныя розысканія, прошу покорнѣйше ваше сіятельство о дозволеніи мнѣ отправиться на два мѣсяца въ губерніи Тверскую, Владимірскую, Ярославскую, Нижегородскую и Московскую и о снабженіи меня открытымъ листомъ къ мѣстнымъ начальствамъ для законнаго содѣйствія и покровительства въ случаѣ какихъ-нибудь могущихъ мнѣ встрѣтиться нуждъ“. 15-го іюля того же 1849 года былъ выданъ Погодину, за подписью товарища Министра Народнаго Просвѣщенія князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, просимый имъ открытый листъ.

За содѣйствіемъ этому путешествію Погодинъ обращался также и къ графу А. А. Закревскому и къ Ѳ. И. Прянишникову, но безъ желаннаго успѣха. Ѳ. П. Корниловъ (30-го іюля 1849 г.) писалъ ему: „На выдачу казенной подорожной Графъ согласія не изъявилъ, но приказалъ дать открытый листъ,

который вамъ и посылаю, искренно жалѣя, что не могъ вполнѣ удовлетворить вашего желанія". Не болѣе утѣшительное извѣстіе Погодинъ получилъ и отъ своего друга Н. А. Загряжскаго: „Выпросить у Ѳ. И. Прянишникова для твоего путешествія открытый листъ или предписаніе о незадержкѣ тебя, не возможно; ибо онъ самъ уничтожилъ эти предписанія, какъ незаконныя, и строго за этимъ смотритъ, и такъ путешествуй, какъ знаешь, геній древностей Словенскихъ да сопутствуетъ тебѣ, не знаю поймутъ ли его ямщики".

1-го августа 1849 года, послѣ обѣда въ Сокольникахъ, у почтеннаго профессора И. Т. Глѣбова, Погодинъ предпринялъ путешествіе и началъ со Владиміра и Суздаля. Подъ руководствомъ Владимірскаго ученаго В. И. Доброхотова Погодинъ разсматривалъ древности этихъ городовъ. О посѣщеніи имъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря сохранилось письмо іеромонаха той обители Іоасафа, который писалъ: „Въ среднихъ числахъ августа была складка сѣна въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ, нисколько не занимательная для постороннихъ, нужная лишь для одной обители. Одинъ изъ братій вышелъ посмотрѣть на работы. Его вниманіе прервано было посторонними людьми, вышедшими изъ самаго монастыря — то были: мужчина съ дамой, вѣроятно, съ супругою, изъ Москвы. Они подошли къ иноку и заняли его разспросами о томъ, о семъ и о прочемъ. Бесѣда длилась; день склонялся къ вечеру. Предъ самыми сумерками взошли въ монастырь еще три посѣтителя: одинъ изъ нихъ въ картузѣ и въ бурнусѣ темно-коричневаго цвѣта, росту средняго, пожилой — лѣтъ за пятьдесятъ, съ палкою и нѣсколько прихрамываетъ, кажется, на лѣвую ногу, съ орденскимъ крестомъ на шеѣ; другой гораздо помоложе, въ шляпѣ и въ сюртукѣ нынѣшняго покроя, третій — малютка. Пройдя мимо бесѣдующихъ, молодой человѣкъ въ шляпѣ вдругъ оборотился и спросилъ у инока: „У себя ли о. архимандритъ?" У себя—былъ отвѣтъ. Когда одни изъ посѣтителей пошли въ монастырь, а другіе вышли изъ монастыря,

инокъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ и смотрѣлъ на рабочихъ. Но его занимала другая мысль: онъ думалъ о тѣхъ трехъ посѣтителяхъ и досадовалъ, зачѣмъ не спросилъ — кто они такіе и откуда?... Да, Михаилъ Петровичъ! дѣйствительно я крайне досадовалъ и сожалѣлъ, когда на другой день, по отъѣздѣ вашемъ, настоятель сказалъ мнѣ, что это были вы, и что на вопросъ вашего компаніона отвѣчалъ не другой кто-либо, а я. Досадую, жаль; потеря большая.... Въ вознагражденіе убыли, что я не имѣлъ счастія лично познакомиться съ вами и перемолвить слова два-три, прочтите хоть эту статью, которая, если не ошибаюсь, послужитъ объясненіемъ тѣхъ побужденій, съ которыми вы собственно пріѣзжали въ Суздаль". Къ этому письму о. Іоасафъ приложилъ цѣлый историческій трактатъ, который, къ сожалѣнію, не заключаетъ въ себѣ положительныхъ данныхъ о Суздальскихъ древностяхъ. Трактатъ этотъ заключается такими словами: „Все въ градѣ Суздалѣ хорошо, назидательно и поучительно. Одинъ лишь недостатокъ, котораго нельзя было не замѣтить безъ прискорбія: нѣтъ храма въ память св. Владиміру, виновнику христіанства града Суздаля и всей его страны".

Въ Суздалѣ Погодинъ познакомился съ нашимъ извѣстнымъ палеографомъ іеромонахомъ Амфилохіемъ, который въ санѣ епископа Угличскаго скончался въ Ростовѣ въ 1893 году; а отъ соборнаго діакона Петра Ивановича Солярскаго получилъ на разсмотрѣніе рукопись, заключающую въ себѣ Суздальскую лѣтопись [274]).

Пребываніе Погодина въ Нижнемъ описано имъ самимъ въ письмѣ его. Но здѣсь нашъ путешественникъ былъ занятъ не „историческими и древне-географическими изслѣдованіями", а пріобрѣтеніями для своего Древлехранилища. „Не ожидаете ли вы отъ меня извѣстій", писалъ онъ, — „сколько привезено чаю, чтобъ судить, вздорожаетъ ли онъ, вслѣдствіе малаго привоза, или подешевѣетъ, вслѣдствіе большого? Не хотите ли вы знать, на сколько милліоновъ купилъ его нашъ знаменитый Усачевъ, и пришла ль въ движеніе ярмарка: приступили ль

Кяхтинцы къ покупкѣ и заказу фабричныхъ произведеній, которые идутъ для мѣны съ Китайцами? Для васъ любопытно услышать, не было ли въ нынѣшнемъ году такой же смѣлой и умной операціи съ желѣзомъ, какую въ запрошломъ году сдѣлалъ одинъ Московскій купецъ, получивъ вдругъ огромный барышъ? Напрасно! Нѣтъ не въ ту сторону, не къ каменнымъ богатымъ магазинамъ, не къ многоцѣннымъ товарамъ, не къ милліонщикамъ-негоціантамъ направились сами собою шаги мои, когда пріѣхалъ я по новой прекрасной насыпной дорогѣ (настилкѣ, насыпкѣ, гати, мостовой, лишь только не шоссе) въ Нижній Новгородъ, — нѣтъ! меня привлекали прежде всего низменные лубочные балаганы, въ которыхъ сидятъ мои пріятели-антикваріи, съ древними рукописями, старопечатными книгами, старинными образами, рѣзными крестами, шитыми пеленами. Съ грустію я шелъ къ нимъ, опасаясь не найти еще кого-нибудь изъ моихъ пріятелей: послѣдніе два года съ холерою были особенно тяжелы для Археологіи: мы похоронили нашего добраго *Тромонина*, который любилъ древность искренно, хлопоталъ о сохраненіи разныхъ памятниковъ, срисовывалъ, ходя пѣшкомъ, списывалъ, печаталъ, и, къ сожалѣнію, авторствовалъ. *Никита Петровичъ Филатовъ*, добрый Московскій купецъ, приказалъ долго жить, ревностный, въ свое хорошее время, собиратель, уступившій мнѣ свою библіотеку, которая состояла изъ сотни рукописей и сотни старопечатныхъ книгъ. За нимъ послѣдовалъ *Алексѣй Ивановичъ Кастеринъ*, Петербургскій купецъ, охотникъ горячій, который давалъ за книгу все, что̀ съ него спрашивали, лишь бы понравилась ему, такъ что, по его смерти, дорогія книги упали по крайней мѣрѣ на тридцать процентовъ. Наконецъ, отправились на тотъ свѣтъ и нѣсколько продавцевъ: Нижегородскій мѣщанинъ *Михайло Зубовъ*, отъ котораго я, въ 1848 году, пріобрѣлъ Словенскій Скорининскій Акаѳистникъ, неизвѣстную азбуку Виленскую и Часословъ, печатанный въ Евю, да двѣ отличныя пищали, а г. Лобковъ, въ 1841 году, отличный харатейный Апостолъ и Евангеліе. Но кого мнѣ всего болѣе

жаль, такъ это Вязниковскаго крестьянина *Василья Өедорова Моржакова*, который, не умѣя ни читать, ни писать, торговалъ рукописями и старыми книгами, и такъ былъ счастливъ, такъ былъ ловокъ, что всякую ярмарку привозилъ множество отличныхъ вещей, да пріѣзжалъ еще въ Москву раза по два въ годъ, и всегда не съ пустыми руками. Мои собранія одолжены ему много. Это былъ Русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова: не зная грамотѣ, онъ взглянетъ на книгу и скажетъ вамъ, бывало, гдѣ она печатана — въ Острогѣ или Львовѣ, Кіевѣ или Венеціи. Этого мало — онъ узнáетъ: какая это книга—Тріодь или Псалтирь, Часовникъ или толковое Евангеліе. Въ рукописи, дорóгою, онъ заставитъ какого-нибудь дьячка прочесть себѣ страничекъ пять, которыя откроются, и потомъ назначитъ ей цѣну, всегда безъ ошибки. Въ прошломъ году онъ пріѣхалъ изъ Твери въ Москву и занемогъ здѣсь холерою. Мы помѣстили его въ Рогожскую больницу; я просилъ начальство о вниманіи къ странствующему антикварію, — и онъ начиналъ выздоравливать; вдругъ, ночью, онъ увидѣлъ у уснувшей сидѣлки жбанъ съ квасомъ, подползъ съ своей кровати, выпилъ на лобъ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Передъ этой послѣдней его поѣздкой онъ привезъ въ Москву прекрасный транспортъ, изъ котораго мнѣ достался Апостолъ митрополита Филиппа за 200 рублей, а прочее князю Оболенскому за 1,200 рублей — Псалтирь Скорины, прекрасная Палея, харатейная Тріодь, и проч. Но поспѣшимъ скорѣе въ ряды: Головастиковъ Нижегородскій, Иванъ Никоновъ Изергинъ изъ Вятки, Өедоръ Герасимовъ изъ-подъ Володимира, Тюлинъ изъ Мстеры, и наконецъ наши Московскіе старые заслуженные торговцы, Пискаревъ и Лопухины, — здравствуютъ и благоденствуютъ. Вотъ они. Ну есть ли что? Есть кое-что, хоть и не такъ, чтобы очень. — Показывайте...

„Я пріобрѣлъ: 1) прекрасный списокъ Домостроя, съ посланіемъ Сильвестра къ сыну, которое въ первый разъ было найдено, прошлаго года, Коншинымъ, и сообщено Голохвастовымъ Историческому Обществу. Въ пріобрѣтенномъ мною

спискѣ имя Сильвестра находится и при началѣ Домостроя, изъ чего ясно уже заключить должно, что все это сочиненіе принадлежитъ знаменитому опекуну и совѣтнику Ивана Грознаго. Чего бы не далъ я за эту рукопись, попадись она мнѣ прежде! Теперь уступилъ мнѣ ее одинъ нашъ Московскій охотникъ, И. В. Стрѣлковъ, за цѣну, имъ данную, десять руб. сер. — При Домостроѣ находится еще хорошій списокъ устава Іосифова (Волоцкаго) и нѣкоторыхъ его грамотъ. 2) Прекрасный списокъ посланія Ивана Грознаго къ Кирилловскому игумену Козмѣ въ одномъ сборникѣ. 3) Огромный сборникъ полемическій, съ разными возраженіями старообрядцевъ, въ началѣ прошедшаго столѣтія, чуть ли не самимъ знаменитымъ Андреемъ Денисовымъ (княземъ Мышецкимъ) собранный, съ его собственноручными отмѣтками. 4) Нѣсколько сочиненій Максима Грека. 5) Сокращенный Подлинникъ и проч.

„У одного серебряника купилъ я тридцать старыхъ монетъ, такъ-называемыхъ у Черткова неопредѣленныхъ. Завертывая ихъ въ бумажку, продавецъ проговорилъ: „Ну—послѣднія продалъ я теперь!“ Отчего послѣднія? спросилъ я. Да у меня ихъ было восемнадцать фунтовъ, отвѣчалъ онъ, и я продавалъ ихъ шесть лѣтъ! Шестнадцать фунтовъ серебра—монетъ одного времени! Въ 1845 году изъ этого собранія досталось мнѣ уже монетъ двѣсти.

„Д. В. Пискаревъ доставилъ мнѣ прекрасный образъ Св. Николая Чудотворца, рѣзной изъ одного камня съ рамою. Ликъ кажется очень древнимъ, а форма рамы новою. Отъ него же получилъ отличный мѣдный воздвизальный крестъ „съ предстоящими“, безъ буквъ, вѣроятно, Греческій; изображеніе Божіей Матери, съ пучкомъ змѣй на другой сторонѣ; три креста, которыхъ недоставало въ моемъ собраніи, и проч. Еще купилъ я нѣсколько разныхъ деревянныхъ образовъ — Троицы, Знаменія, серебряный крестъ съ изображеніемъ Св. Никиты, побѣждающаго дьявола, а о прочемъ послѣ“ [275]).

Въ Нижнемъ Погодинъ посѣтилъ іеромонаха Макарія и

здѣсь же сблизился съ Ярославскимъ антикваріемъ Серебренниковымъ, который, уже по возвращеніи Погодина въ Москву, писалъ ему: „Душевно желаю вамъ при всякомъ благополучіи совершеннаго здоровья и въ дѣлахъ вашихъ щастливаго успѣху. Кратковременное свиданіе ваше со мною въ Нижегородской ярморкѣ доставило мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе, хотя нѣсколько побеседовать съ вами. Въ надеждѣ еще увидеться съ вами, я даже не спросилъ васъ о рукописяхъ моихъ, доставленныхъ мною вамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, и которыя просилъ васъ покорнѣйше просмотрѣть и естли можно представить въ Московское Общество Русской Исторіи и Древностей для напечатанія въ издаваемыхъ отъ него книшкахъ. Но вы такъ поспешили уѣхать съ ярморки, что я не имѣлъ случая въ другой разъ видѣться съ вами. Любезный согражданинъ и другъ мой Егоръ Васильевичъ Трехлѣтовъ отъсюда ѣдетъ въ Москву и имѣетъ непременное желаніе быть у васъ и обозреть ваше собраніе Русскихъ древностей, въ чемъ, уверенъ, вы ему не откажетѣ. При этомъ удобномъ случаѣ прошу васъ покорнѣйше сообщить ему ваше откровенное мнѣніе о моихъ рукописяхъ, въ особенности *объ изслѣдованіи о построеніи города Ростова*. Можетъ ли эта статья быть въ такомъ видѣ напечатана въ трудахъ Общества, равно и прочіе статьи, чемъ премного меня обяжитѣ. Мы окончили ярморочныя дѣла. Все слава Богу благополучно. Я сію минуту сажусь въ тарантасъ и отправляюсь въ Ярославль, чрезъ Суздаль, тамъ есть у меня священная обязанность посетить мою родительницу, посвятившую остатокъ дней своихъ на служеніе Господу Богу въ иноческомъ чинѣ въ Покровскомъ монастырѣ. Возвратясь домой и приведя въ порядокъ ярморочныя дѣла, въ часы свободы и досуга займусь кой-какими иcлѣдованіями о родномъ краѣ и постараюсь сообщить вамъ для помещеніе въ *Москвитянинъ*, естли они того будутъ стоить. Впрочемъ, все это впереди, а теперь одно желаніе, при помощи Бога, возвратиться въ богоспасаемый градъ Ярославль“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что И. С. Аксаковъ во время пре-

быванія своего въ Ярославской губерніи сближался съ тамошними любителями древностей и, между прочимъ, былъ знакомъ съ купцомъ Серебренниковымъ; о немъ Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Я познакомился вчера съ купцомъ Серебренниковымъ, о которомъ говорилъ Чижовъ, съ человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательнымъ по своимъ историческимъ и археологическимъ знаніямъ и по своей любви къ труду. Онъ, между прочимъ, показалъ мнѣ двѣ грамоты, данныя г. Ярославлю и хранящіяся въ Магистратѣ, которыя ускользнули отъ вниманія Строева, когда онъ былъ здѣсь съ Археографической экспедиціей. Изъ первой грамоты, данной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, не упоминающей о грамотахъ Ивана Грознаго и сына его, — видно, между прочимъ, что были городскіе старосты, земская изба, завѣдывавшая доходами, городская собственность; говорится „о городовомъ дѣлѣ“. — Здѣсь есть купецъ Трехлѣтовъ, у котораго богатое собраніе старопечатныхъ книгъ и съ которымъ я еще не успѣлъ познакомиться“. Познакомившись и съ послѣднимъ, Аксаковъ писалъ: „Трехлѣтовъ изъ крестьянъ, да еще помѣщичьихъ. Занимался собираніемъ древнихъ книгъ, рукописей, изданій. Библіофилъ удивительный и очень умный человѣкъ. Я былъ у него, и онъ читалъ мнѣ статью свою о свадебныхъ обрядахъ въ помѣщичьемъ селѣ, къ которому онъ нѣкогда принадлежалъ. Эти обряды, совершаемые только въ томъ селѣ, любопытны чрезвычайно. Я запомнилъ два стиха изъ одной пѣсни про житье на чужой сторонѣ:

Что не жито—не вѣдано,
А пожито—отвѣдано.

„Замѣчательно, что женихъ не только безпрестанно видится съ невѣстой до свадьбы, но даже по обряду весьма часто и часто обязанъ цѣловаться съ ней“.

Въ Угличѣ Погодинъ сблизился съ мѣщаниномъ Серебренниковымъ и отъ него получилъ копію съ *Сказанія о убіеніи младенца Іоанна*, въ Угличѣ. Послѣ посѣщенія Погодина Угличъ посѣтилъ И. С. Аксаковъ и оттуда 18-го октября

1849 года писалъ къ своимъ родителямъ: „Здѣсь много занимаются древностью, особенно мѣщанинъ Серебренниковъ, корреспондентъ Погодина, который самъ въ августѣ мѣсяцѣ, говорятъ, проѣзжалъ черезъ Угличъ, раскольникъ, впрочемъ. Въ городѣ у нѣкоторыхъ сохранялись лѣтописи Угличскія; кажется, Погодинъ все перебралъ; впрочемъ, и Археографическая экспедиція взяла копіи со всѣхъ хранящихся здѣсь грамотъ и напечатала ихъ" [276]).

Возвратившись въ Москву, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Вотъ и я пріѣхалъ! Былъ въ Владимірѣ, Нижнемъ, Суздалѣ, Ростовѣ, Угличѣ и Колязинѣ. Ни въ одномъ Русскомъ городѣ не сохранилось столько древностей, какъ въ Суздалѣ. Привезъ много примѣчательныхъ вещей, — между прочимъ, отличнаго *Домостроя*, еще лучше Коншинскаго, съ именемъ Сильвестра и проч."

LII.

Въ это время Древлехранилище Погодина достигло до такой степени процвѣтанія, что владѣлецъ его, въ началѣ 1849 года, нашелъ возможнымъ заявить о немъ во всеуслышаніе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее:

„Академикъ М. П. Погодинъ собиралъ отечественныя достопамятности около тридцати лѣтъ въ Москвѣ, четыре раза путешествовалъ по Словенскимъ странамъ и нѣсколько разъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Это славное собраніе составляютъ двадцать четыре отдѣленія.

I. *Собраніе Рукописей.* Въ составъ сего собранія вошли, кромѣ собственной библіотеки Погодина, собираемой въ продолженіе тридцати лѣтъ, пріобрѣтенныя библіотеки Лаптева, Строева, Калайдовича, Филатова и пр. Владѣлецъ имѣетъ коммиссіонеровъ на всѣхъ почти ярмаркахъ и во многихъ древнихъ городахъ. Всѣ почти вѣдомства относятся къ академику Погодину за матеріаломъ для ученыхъ предпріятій.

II. *Собраніе Старопечатныхъ книгъ.* Здѣсь находятся

произведенія всѣхъ Словено-церковныхъ типографій: Черной Горы, Кракова, Венеціи, Бѣлграда, Острога, Вильны, Львова, Стрятина, Кіева, Могилева, Чернигова, Москвы, монастыря Кутеинскаго, Уневскаго, Евгю, Четвертни, и пр. Многія изъ нихъ, около ста, неизвѣстны библіографамъ. Собраніе Венеціанскихъ изданій не имѣетъ подобнаго нигдѣ, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, оно пріобрѣтено Погодинымъ во время четверократнаго путешествія за границу и посредствомъ Словенскихъ корреспондентовъ чрезъ Копитара, Шафарика, Ганку, Вука Караджича, Зубрицкаго, и пр. Число всѣхъ книгъ отборныхъ можно положить до четырехсотъ.

III. *Собраніе книгъ, печатанныхъ при Петрѣ Великомъ.*

IV. *Собраніе древнихъ грамотъ и судебныхъ дѣлъ* простирается до двухъ тысячъ. Здѣсь заключается все собраніе знаменитаго юриста нашего, Н. Н. Сандунова. Въ этомъ же отдѣленіи имѣется: собраніе подлинныхъ манифестовъ самыхъ рѣдкихъ, напримѣръ, осужденіе царевича Алексѣя Петровича, Волынскаго, Бестужева, манифестъ Іоанна Антоновича и пр. Подлинныя Ростопчинскія афишки.

V. *Собраніе автографовъ:* Меншикова, Я. Ѳ. Долгорукаго, Потемкина, Румянцова, Суворова, Сперанскаго, Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Богдановича, Карамзина, Пушкина и пр. Черновое письмо князя Василія Лукича Долгорукаго для Императрицы Анны Іоанновны, изъ Митавы, учебныя тетради Сперанскаго, путешествіе графа Ростопчина и пр.

VI. *Собраніе монетъ* простирается до двухъ тысячъ. Сюда поступило извѣстное собраніе А. А. Медынцева съ Ярославовой монетой, коей единственный экземпляръ извѣстенъ былъ въ собраніи графа А. И. Мусина-Пушкина и составлялъ главную его драгоцѣнность.

VII. *Собраніе иконъ* простирается до ста. Письма̀: Греческаго, Новгородскаго, Московскаго, Строгановскаго, Суздальскаго. Весьма важно собраніе символическихъ иконъ, напримѣръ, Богъ Саваоѳъ, Благое молчаніе, Софіи Премудрости

Божіей, Благовѣщенія, Страстного. Образковъ мѣдныхъ до двухсотъ. Между ними болѣе десяти такъ-называемыхъ Черниговскихъ гривенъ, съ изображеніемъ зміевъ, древнѣйшее изображеніе Рождества, Крещенія и пр. праздниковъ, мученика Никиты, Георгія и пр. Золотой образъ Іерусалимской Божіей Матери, Греческаго дѣла. Собраніе также единственное.

VIII. *Собраніе окладовъ.*

IX. *Собраніе крестовъ* простирается до пятисотъ, изъ коихъ многіе принадлежатъ къ глубочайшей древности, еще Византійской, и къ первымъ вѣкамъ христіанства. На этотъ предметъ до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія, и собраніе Погодина есть первое и единственное.

X. *Собраніе древнихъ печатей* до тридцати, между ними печать знаменитаго митрополита Кипріана, современника Дмитрію Донскому.

XI. *Собраніе серегъ, колецъ, пуговицъ, посуды* и пр.

XII. *Собраніе оружія.*

XIII. *Собраніе вещей*, найденныхъ въ Чудскихъ копяхъ, принадлежавшихъ Г. И. Спасскому.

XIV. *Письма и бумаги* собственноручныя императоровъ и императрицъ: Петра I, Екатерины II, Павла, Александра, великаго князя Константина Павловича, полководцевъ и писателей. Изъ бумагъ упомянемъ о четырехъ фоліантахъ словаря Ходаковскаго, о собственноручномъ Гордоновскомъ дневникѣ Стриттера, о бумагахъ А. С. Шишкова, Сандунова, о подлинномъ спискѣ записокъ князя Ю. В. Долгорукаго, о *Камнѣ Вѣры* Стефана Яворскаго, Псалтири Симеона Полоцкаго, о подлинномъ спискѣ Кантемирова перевода Анакреона, подлинномъ словарѣ митрополита Евгенія, объ экземплярахъ всѣхъ сочиненій Шлецера, принадлежавшихъ ему, съ собственноручными его замѣчаніями, о бумагахъ Штелина, Калайдовича и пр. Собраніе собственноручныхъ сочиненій всѣхъ почти новыхъ авторовъ. Въ собраніе матеріаловъ для новой Русской Исторіи отъ Петра Великаго поступаютъ всѣ бумаги,

кои почему-либо не поступаютъ въ печать и кои доставать случается собирателю.

XV. *Собранію лубочныхъ картинъ* нѣтъ подобнаго нигдѣ, ибо основаніе его составляютъ древнѣйшія, собранныя академикомъ Штелинымъ до 1780 года. Собраніе И. М. Снегирева поступило сюда же.

XVI. *Собраніе* первыхъ опытовъ *гравированія,* принадлежало также Штелину.

XVII. Между Русскими портретами находится множество рѣдкихъ, и Бирона современный портретъ, не доконченный граверомъ, единственный...

„Все Древлехранилище Погодина помѣщается въ пятидесяти слишкомъ шкафахъ и двухстахъ картонахъ. Оно открыто для всѣхъ, занимающихся Исторіей. Погодинъ принимаетъ мѣры, чтобы оно открыто было въ нынѣшнемъ году и для публики. Одно важное замѣчаніе можно сдѣлать объ этомъ единственномъ въ Отечествѣ собраніи, что оно помѣщается въ деревянномъ домѣ“ [277]).

Московскій лѣтописецъ, обозрѣвая частныя Московскія хранилища Древностей, замѣтилъ: „Москва искони есть хранилище Русской святыни и драгоцѣнныхъ памятниковъ прошедшаго. Живя въ ней мыслящей, любознательной жизнію, какъ-то невольно проникнешься благоговѣйными чувствами ко всему былому, какъ къ основѣ всего великаго зданія Россіи, невольно становишься любителемъ древностей. Здѣсь не изъ подражанія основались многія хранилища старины, но изъ внутренней потребности народной души, любящей свое прошедшее, питающей корень и настоящаго, и будущаго развитія, для котораго, разумѣется, необходимо „и солнце, и воздухъ— питаніе внѣшнее“ среди этихъ хранилищъ Древлехранилище Погодина заняло первое мѣсто“ [278]).

„Радуюсь“, писалъ Погодину И. И. Давыдовъ,—„распространенію вашего музея. Теперь да успокоится душа добродѣтельной Елизаветы Васильевны“.

Во время пребыванія въ Москвѣ Царскаго Семейства, въ

1849 году, Древлехранилище Погодина было озарено посѣщеніемъ Августѣйшихъ особъ. „Желаю“, писалъ Голохвастовъ Погодину, — „чтобы драгоцѣнное Хранилище ваше удостоилось того вниманія, котораго оно заслуживаетъ отъ Высокихъ посѣтителей“. И. И. Давыдовъ совѣтовалъ Погодину стараться показать свой музей великому князю Константину Николаевичу, ибо „Его Высочество“, писалъ Давыдовъ, — „великій любитель Отечественныхъ Древностей. Посѣщеніе Августѣйшаго гостя возвеличитъ ваше сокровище“.

Письмо это писано И. И. Давыдовымъ въ мартѣ, а 5-го апрѣля 1849 года Погодинъ получаетъ отъ Д. П. Голохвастова слѣдующее увѣдомленіе: „Господинъ гофмаршалъ В. Д. Олсуфьевъ просилъ меня увѣдомить васъ, что завтра въ 11 часовъ утра, Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна, изволятъ, можетъ быть, посѣтить ваше Хранилище Древностей“. Это извѣстіе и обрадовало, и озаботило Погодина, и онъ обратился по сему предмету съ вопросами и къ Д. П. Голохвастову, и къ И. Д. Лужину. Изъ ихъ отвѣтовъ мы узнаемъ, въ чемъ заключались вопросы Погодина. „Олсуфьева я не видалъ“, отвѣчалъ Лужинъ, — „но почти навѣрное могу вамъ сказать, что встрѣтить надо на крыльцѣ; что же касается до формы, то приличнѣе въ мундирѣ. Сейчасъ пишу къ Олсуфьеву о проѣздѣ, который я приказалъ по возможности исправлять“.

„Если вы хотите имѣть точные отвѣты“, писалъ Голохвастовъ, — „на ваши вопросы, то совѣтую вамъ часу въ девятомъ съѣздить къ В. Д. Олсуфьеву. Вы еще успѣете возвратиться домой къ 11 часамъ. Впрочемъ, такъ какъ въ отношеніи къ Особамъ Императорской Фамиліи не можетъ быть *лишней* вѣжливости, то мнѣ кажется, вы сами также хорошо можете рѣшить эти вопросы. Такъ, напримѣръ: если вы по праву службы имѣете мундиръ, почему не надѣть его? ибо еслибы В. Д. Олсуфьевъ пріѣхалъ къ вамъ съ своей

супругою, вы вѣрно не иначе бы приняли ихъ какъ во фракѣ. Почему въ одноэтажномъ домѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, не сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ, чтобы встрѣтить на подъѣздѣ Высокихъ посѣтителей, о приближеніи коихъ вамъ скажутъ въ надлежащее время".

Въ память посѣщенія Древлехранилища Погодинъ представилъ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ древнія святцы, при слѣдующемъ письмѣ отъ 3-го мая 1849 года: „Ваше Высочество. Осматривая мои древности, вамъ угодно было обратить вниманіе на старинныя святцы, гдѣ имена всѣхъ святыхъ, даже апостоловъ и пророковъ, написаны черпилами, а имена Русскихъ святыхъ золотомъ. Осмѣливаюсь представить ихъ вамъ предъ вашимъ отбытіемъ на чужую сторону, только возмущенную. Пусть наши угодники бодрствуютъ надъ вами и охраняютъ васъ святыми своими молитвами отъ всякаго злаго обстоянія, да будете вы всегда радостны, благополучны, мирны. Вы можете быть увѣрены, что къ этимъ молитвамъ присоединится очень много искреннихъ желаній съ вашей родины, гдѣ вы оставляете столько пріятныхъ и сладкихъ воспоминаній. Имѣю счастіе именоваться Вашего Высочества покорнѣйшимъ слугою Михаилъ Погодинъ". На письмо это воспослѣдовалъ изъ Царскаго Села, отъ 17-го мая того же 1849 года, милостивый отвѣтъ Великой Княгини: „Съ особымъ удовольствіемъ получила я присланныя вами святцы. Этотъ драгоцѣнный для меня подарокъ и чувства, изъясненныя въ письмѣ вашемъ, будутъ неразлучно связаны съ воспоминаніемъ счастливыхъ дней, проведенныхъ въ древней и доброй нашей столицѣ".

Но особенную радость доставило Погодину посѣщеніе его Древлехранилища Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государынею Цесаревною.

„Посылаю къ тебѣ верховаго", писалъ Погодинъ Шевыреву,—„поутру былъ у меня Наслѣдникъ съ Супругою—два часа. Любезность ихъ описывать нечего. Цесаревна не уступитъ и Ольгѣ Николаевнѣ. Только что проводилъ, какъ сей-

часъ получилъ письмо отъ графа Адлерберга, въ четверку, кругомъ собственноручное. Государь „повелѣлъ изъявить мнѣ“ свою благодарность за сообщеніе на его усмотрѣніе „Историческаго Памятника“ (я вчера далъ ему показать древнее изображеніе Измайлова, куда онъ собирался ѣхать), при чемъ Его Величество изъявилъ сожалѣніе, что краткость Высочайшаго здѣсь пребыванія и множество занятій не дозволяютъ ему осмотрѣть ваше достопримѣчательное собраніе древностей“, и проч. и проч. Графъ Адлербергъ проситъ меня завтра къ себѣ въ 11 часовъ. Если что услышу, пріѣду къ тебѣ—ахъ, какъ я тебя люблю, горячая твоя голова“.

„Весьма радуюсь“, писалъ Иннокентій Погодину,—„что вашъ музей обратилъ на себя такое вниманіе! Да какъ и не обратить—такому рѣдкому сокровищу, но не думайте, чтобъ дѣло этимъ уже и было сдѣлано. О, далеко еще до конца. Хотя я болѣе, нежели кто другой, желалъ бы противнаго“.

Когда узналъ объ этихъ посѣщеніяхъ графъ С. С. Уваровъ, удрученный въ то время болѣзнію жены, то писалъ Погодину: „Эта очаровательная минута служитъ нѣкоторымъ образомъ возмездіемъ за понесенные долговременные труды и пожертвованія. Вниманіе, обращенное на памятники нашей древности, возбуждаетъ и общее уваженіе къ симъ драгоцѣннымъ предметамъ и благодѣтельно дѣйствуетъ на общее мнѣніе“. Въ томъ же письмѣ Графъ сообщаетъ Погодину: „Здоровье Графини нѣсколько поправилось, но все-таки очень шатко. Ему посвящаю я каждую отъ служебныхъ занятій свободную минуту. Затѣмъ прощайте! Сомнительно, чтобы я побывалъ лѣтомъ въ Порѣчьѣ“.

Съ своей стороны и А. П. Елагина написала слѣдующія замѣчательныя строки къ Погодину: „Очень рада, что васъ посѣтили такіе дорогіе гости; еще больше, что имъ становится интересна наша старинная Русь. Авось дойдутъ и до православія, и жалко станетъ сажать на колъ Болгаръ“ [279]).

Вслѣдъ за Августѣйшими особами Погодинское Древлехранилище посѣтилъ графъ Д. Н. Блудовъ. Ожидая его по-

сѣщенія, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Скажи Блудову, что у меня вещи теперь на показѣ, и что я могу оставить ихъ такъ только до понедѣльника.... Блудова не совратили ль съ пути друзья? Мнѣ хотѣлось бы кончить это показыванье и потомъ приняться за дѣло. Двѣ недѣли слишкомъ я не принимался ни за что“.

19-го апрѣля 1849 года это посѣщеніе состоялось, и Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Блудовъ разсматривалъ собраніе и разсказывалъ многія любопытныя вещи. Олсуфьевъ заѣзжалъ проститься“.

Послѣ графа Блудова Древлехранилище посѣтили: князь Дадьянъ, князь Долгоруковъ, графъ Шуваловъ и многіе другіе [280]).

М. Н. Загоскинъ извѣщалъ Погодина, что онъ ѣдетъ къ нему смотрѣть его музей съ сыномъ графа Алексѣя Ѳеодоровича Орлова.

Въ глухую пору лѣта Н. Ф. фонъ-Крузе обратился къ Погодину съ слѣдующей просьбою: „Наслышавшись такъ много о вашемъ кабинетѣ рѣдкостей, я осмѣливаюсь безпокоить васъ моею всепокорнѣйшею просьбою позволить мнѣ пріѣхать къ вамъ посмотрѣть вашу коллекцію, какъ любителю древностей. Это будетъ для меня вмѣстѣ съ тѣмъ пріятнѣйшимъ случаемъ познакомиться съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ соотечественниковъ въ ученомъ свѣтѣ. Если вы будете такъ любезны, что не откажете мнѣ, то прошу васъ покорнѣйше назначить мнѣ день и часъ, когда это будетъ для васъ удобнѣе. Не имѣю словъ сказать вамъ, сколько вы меня этимъ обяжете“.

На другой день Рождества Погодинъ получилъ письмо отъ своего стараго университетскаго товарища Гусева, въ которомъ прочелъ: „Мы съ вами не видались съ 1837 года— шутка сказать двѣнадцать цѣлыхъ лѣтъ, хотя разъ въ Петербургѣ я встрѣтилъ васъ на первой недѣлѣ Великаго поста: вы шли, вѣроятно, къ С. С. Уварову, а я спѣшилъ на службу во Второй Департаментъ Государственныхъ Имуществъ (что въ Почтамтской улицѣ, въ тотъ домъ, гдѣ прежде живали

Министры Народнаго Просвѣщенія). Много воды утекло съ тѣхъ поръ; съ марта 1843 г. я проживаю въ Москвѣ и все сбирался къ вамъ, но недосуги ваши и мои препятствовали душевному моему желанію побесѣдовать съ вами *кое-о-чемъ, а больше ни о чемъ*. Предъ отъѣздомъ моимъ за границу въ ноябрѣ 1847 г. я подговаривалъ А. М. Кубарева вмѣстѣ прокатиться на Дѣвичье Поле и посмотрѣть вашъ музеумъ, но въ этомъ случаѣ виноватъ передъ вами остался не я, а старче Алексѣй Михайловичъ. Въ настоящее время у меня есть до васъ покорнѣйшая просьба: изъ Кіева на дняхъ пріѣхалъ изъ тамошняго Университета докторъ медицины, извѣстный по своей части въ Россіи, Владиміръ Аѳанасьевичъ Караваевъ, зять тоже извѣстнаго по другой части А. Д. Лухманова. Караваевъ пробудетъ здѣсь лишь нѣсколько дней; мнѣ хотѣлось бы показать вашъ музеумъ, а при этомъ удобномъ случаѣ и самому покороче познакомиться съ вашимъ драго- и многоцѣннымъ собраніемъ. Откликнитесь старому вашему университетскому товарищу, когда вамъ будетъ свободно насъ принять и показать все, что можно только показать?“ [281])

Поощренный вниманіемъ, оказаннымъ Древлехранилищу Августѣйшими особами и высокопоставленными лицами, Погодинъ рѣшился, чрезъ графа В. Ѳ. Адлерберга, послать письмо къ Царю, „прося у него пособія для постройки каменнаго помѣщенія“ для своего Музея. Извѣщая объ этомъ своемъ дерзновеніи Шевырева, Погодинъ писалъ ему: „Въ прочихъ письмахъ къ Адлербергу, Протасову, Олсуфьеву упомянулъ, что я не прошу и не хлопочу, а представляю къ свѣдѣнію. Пособятъ—хорошо, не пособятъ — нужды нѣтъ. Я хотѣлъ только симъ нѣсколько сложить съ себя отвѣтственность въ несчастномъ случаѣ, чего оборони Боже!“ На это Шевыревъ отвѣчалъ: „Радуюсь тому, что тебя, если не дѣломъ, такъ добрыми словами ласкаютъ. Но, мнѣ кажется, просьба о пособіи на каменный домъ едва ли обдумана: ну, какъ дадутъ, да тѣмъ и удовольствуются?“

Между тѣмъ И. И. Давыдовъ настаивалъ на томъ, чтобы Погодинъ принялъ мѣры для огражденія своего Древлехранилища отъ пожара: „Музей свой“, писалъ онъ ему,—„скорѣе изолируйте—и сами переходите во флигель. Какъ можно жить съ челядью тамъ, гдѣ пятьдесятъ шкафовъ и двѣсти картоновъ? Велика ваша смѣлость“.

Не получивъ пособія на постройку каменнаго дома для своего Древлехранилища, Погодинъ послѣдовалъ совѣту И. И. Давыдова и переѣхалъ на жительство во флигель. 9-го декабря 1849 г. Шевыревъ писалъ ему: „Мнѣ иногда приходитъ на умъ: твое собраніе безопасно теперь отъ пожара, но безопасно ли отъ воровства? Есть ли постоянный ночной и даже денной караулъ? Хороши ли замки? Надобно еженедѣльно, по крайней мѣрѣ, осматривать и входить внутрь. Вѣдь это касса и святыня. Это принадлежитъ и Отечеству, и тебѣ. Но о первомъ, въ вѣкѣ развитой личности, не *думаютъ*“.

LIII.

Древлехранилище Погодина вплоть до поступленія въ казну не переставало обогащаться новыми пріобрѣтеніями.

„Нѣкоторые охотники до Древностей“, писалъ Погодинъ,—„которыхъ число безпрестанно умножается, часто изъявляли мнѣ свое желаніе, чтобъ я извѣщалъ о своихъ пріобрѣтеніяхъ, и я рѣшился наконецъ исполнять ихъ желаніе, хотя вкратцѣ, вмѣстѣ съ обозрѣніемъ всего, что попадаетъ въ Москву въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что я по тридцатилѣтнимъ связямъ своимъ получаю свѣдѣнія самыя вѣрныя и скорыя“.

Исполняя такимъ образомъ желаніе этихъ охотниковъ, Погодинъ сталъ печатать въ Москвитянинѣ *Лѣтопись Погодинскаго Древлехранилища*, изъ которой узнаемъ, что въ 1849 году въ Древлехранилище поступило слѣдующее: Сборникъ XVI вѣка, отличнаго письма, въ коемъ помѣщено почти полное собраніе словъ митрополита Григорія Цамблака. Ларчикъ лубочный, раскрашенный, очень древній. Нѣсколько

мѣдныхъ образовъ новаго дѣла, то-есть, лѣтъ по ста и по ста пятидесяти. Харатейный Псалтирь толковый, не позднѣе XIV вѣка, отличнѣйшая, рѣдчайшая рукопись (харатейныхъ толковыхъ Псалтирей неизвѣстно нигдѣ). Харатейная Постная Тріодь XV вѣка. Греческая Псалтирь. Полууставъ Петра Могилы, прекрасный экземпляръ. Семь подлинныхъ патентовъ съ собственноручными подписями генералъ-фельдмаршаловъ князя Трубецкаго, Голицына, Долгорукаго, Миниха, Лассія, Гиссена, Геннина, и пр. Подлинный морской регламентъ Петра I, Московское изданіе 1724 г. Подлинное письмо графа Андрея Артамоновича Матвѣева. Складень Фряжскаго письма, въ рѣзномъ мѣдномъ футлярѣ. Складень Московскаго письма, царскихъ временъ. Рѣзная доска съ изображеніями костяными всей церкви, или чина. Нѣсколько костяныхъ фигуръ потеряно и приписано. Рѣзьба древняя, сто семидесяти семи лѣтъ. Нѣсколько Рѣчей Московскихъ профессоровъ — Шадена и другихъ. Извѣстные всѣмъ охотникамъ: толковый Псалтирь Максима Грека, отличный, почти современный списокъ, печатный патріарха Филарета Катехизисъ, и рукописная Степенная книга, за кои въ продолженіе трехъ лѣтъ спрашиваемо было пять тысячъ руб. сереб., теперь отдаются за двѣ, но также никто не даетъ. Филаретова Катехизиса отыскался еще одинъ экземпляръ, еще полнѣйшій, который принадлежитъ теперь нашему ревностному собирателю Т. Ѳ. Большакову. Онъ проситъ за эту книгу, кажется, пятьсотъ руб. серебромъ. У другого тоже дѣятельнаго антикварія, Д. В. Пискарева, есть Псалтирь царя Ивана Васильевича Грознаго, съ отличнымъ выходомъ, за которую онъ спрашиваетъ четыреста двадцать руб. ассигн. [282]).

Въ февралѣ 1849 года Погодинъ получилъ слѣдующее анонимное письмо: „Наслышась о вашей знаменитой библіотекѣ, я рѣшился послать къ вамъ нѣкоторыя рукописи и древнія книги, которыя вы, вѣрно, оцѣните лучше меня. Если онѣ вамъ понадобятся, то можете пріобрѣсть ихъ за нѣсколько цѣлковыхъ, тѣмъ болѣе, что я теперь нуждаюсь въ деньгахъ“.

Въ мартѣ того же года извѣстный ученый В. В. Красовъ

сообщалъ Погодину: „У меня есть очень хорошій знакомый, родственникъ знаменитаго генерала Кульнева. У знакомаго моего хранится множество писемъ покойнаго Кульнева, множество фамильныхъ бумагъ, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ царствованіямъ Алексѣя Михаиловича, Петра I и т. д., даже хранится тотъ самый мундиръ изъ толстаго, солдатскаго сукна, въ которомъ Кульневъ былъ убитъ, какъ равно и тотъ самый портретъ его, съ котораго былъ списанъ впослѣдствіи извѣстный портретъ, по волѣ императора Александра. Зная, какъ много вы любите отечественныя рѣдкости, я могу съ удовольствіемъ извѣстить васъ, что мой знакомый готовъ охотно подарить вамъ многое, если не все — изъ имѣющагося у него".

Въ апрѣлѣ того же года, изъ Иванова-Вознесенска, Бочаровъ писалъ Погодину: „Недавно разбирая бумаги отца моего, я нашелъ эти монетки; полагая, что онѣ довольно стары, я препровождаю ихъ къ вамъ, какъ любителю древностей. Не знаю, заслужатъ ли онѣ вниманіе ваше, что было бы для меня очень пріятно, тѣмъ болѣе, что я тогда считалъ бы это, хотя нѣсколько, уплатою за добро, которое вы, въ первый годъ изданія *Москвитянина*, мнѣ сдѣлали... Скажу вамъ, что въ Ивановѣ находится столько древностей, что въ другомъ губернскомъ городѣ столько нѣтъ, но онѣ больше въ рукахъ людей богатыхъ и притомъ закоренѣлыхъ раскольниковъ".

Вмѣсто „краснаго яйца" В. И. Григоровичъ присылаетъ Очаковскихъ временъ медаль, „которую", пишетъ онъ, — „плутоватый лавочникъ сдалъ вечеркомъ за цѣлковый и вѣроятно обрадовался, что удалось обмануть, но я остался за такой его поступокъ признателенъ и желалъ бы всегда быть подобно обманутъ. Можетъ быть, что̀ и вѣроятно, у васъ есть оная; но во всякомъ случаѣ надѣюсь, что и мою лепту въ ваше Древлехранилище не отвергнете".

Потомокъ извѣстнаго Штелина, Оттъ, принесъ въ даръ Древлехранилища три книги, до Россіи относящіяся: 1) Jakob

v. Stählin, *Nachrichten von der Tanzkunst u. v. der Musik in Russland.* 1769. 2) *Briefe über Russland.* 1770, неизвѣстнаго — не совсѣмъ лишенныя интереса. 3) *Journal d'un officier français.* 1776.

Черезъ Н. А. Загряжскаго В. И. Прянишниковъ приноситъ въ даръ Древлехранилищу портретъ знаменитаго Кулибина. „Эту знаменитую живопись", писалъ Погодину Загряжскій,— „храни ты, какъ достойную твоей художнической коллекціи".

Въ октябрѣ 1849 года Погодинъ получаетъ отъ П. И. Мельникова слѣдующее: „Я нижеподписавшійся, надворный совѣтникъ Павелъ Ивановъ сынъ Мельниковъ, въ здравомъ умѣ и полной памяти, завѣщеваю принадлежащую мнѣ рукопись *о явленіи Казанской Богородицы,* писанную собственноручно святѣйшимъ патріархомъ Московскимъ Ермогеномъ, — въ полное и потомственное владѣніе статскому совѣтнику и кавалеру Михаилу Петровичу Погодину. Нижній Новгородъ, октября 12-го, 1849 года. Къ сему духовному завѣщанію надворный совѣтникъ Павелъ Ивановъ сынъ Мельниковъ руку приложилъ. У сего духовнаго завѣщанія былъ и свидѣтельствую въ томъ, что завѣщатель находился въ полной памяти и здоровомъ разсудкѣ, руку приложилъ статскій совѣтникъ Даль. Дворянинъ Дмитрій Васильевъ сынъ Григоровичъ".

Съ своей стороны жена Даля писала Погодину: „Знаете ли вы, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что я самая усердная помощница и ходатайница ваша у Мельникова, и надѣюсь, что Гермогенъ не минуетъ вашихъ рукъ. Мужъ мой и сестра подсмѣиваются надъ моей тактикой,—пусть ихъ! А я надѣюсь на успѣхъ".

Въ то же время архіепископъ Нижегородскій Іаковъ писалъ Погодину: „Харатейныхъ обрывковъ теперь нѣтъ у меня никакихъ, а когда попадутся въ руки мнѣ, надѣюсь подѣлиться съ вами этими драгоцѣнными остатками старины. Поручаю васъ покровительству Всемогущаго Бога. Съ искреннимъ почтеніемъ и съ архипастырскою любовію имѣю честь быть ....."

Въ мартѣ 1849 года Погодинъ посѣтилъ Преображенское и вотъ что̀ подъ 14-мъ числомъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Превосходное собраніе книгъ и образовъ. Но что за комнаты, переходы, потолки, каморки. Портреты. Особо гдѣ-нибудь опишу впечатлѣніе. Можно, кажется, купить все. Что за чудеса творятся со мною!“

„Значитъ—я люблю тебя“, писа̀лъ Погодинъ Шевыреву,—„много даже больше, нежели самъ знаю. Какъ только что-нибудь со мной случается важное, такъ тотчасъ хватаешься за перо, чтобъ сообщить тебѣ. Цѣлая древняя раскольничья моленная со всѣми образами и книгами дается мнѣ въ руки. Какъ и что̀—писать долго. При свиданіи. Желаютъ десять тысячъ сер. Даю пять тысячъ сер. Слѣдовательно, сойдемся на семи или семи съ половиною. И еслибы—вотъ бы памятникъ aere perennius. Я завѣщалъ бы потомству такое же собраніе памятниковъ иконописи по всѣмъ иконамъ, какое уже есть у меня древней Словесности и Исторіи и проч. Нынѣ рѣшеніе. Деньги изъ Академіи получилъ, и уже всѣ ухлопаны: навезли съ Ростовской ярмарки кучу. Газеты подмогли также мнѣ. Со всѣхъ сторонъ предлагаютъ. Даже даромъ многіе. Ахъ, еслибъ сдѣлалъ меня Царь Директоромъ Московскаго Музея и Библіотеки, вотъ бы набралъ... Но некогда!“

Древлехранилище Погодина было доступно для всѣхъ нуждающихся въ немъ. Занимаясь біографіею И. И. Бецкаго, Горголи обратился къ Погодину съ слѣдующею просьбою: „Извѣстясь отъ статскаго совѣтника Кастора Никифоровича Лебедева, что при изящномъ и достопамятномъ вашемъ музеумѣ хранятся между прочимъ собственноручныя письма покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Бецкаго—благоговѣя къ памяти незабвеннаго для Россіи филантропа, основателя столь многихъ учрежденій къ пользѣ человѣчества и къ просвѣщенію юношества всѣхъ сословій — я имѣю многія объ И. И. Бецкомъ записки касательно его частной жизни и государственной службы и многихъ его подвиговъ на гражданскомъ поприщѣ, я обращаюсь къ вамъ, ми-

лостивый государь, съ покорнѣйшею моею просьбою сообщить мнѣ копіи съ писемъ И. И. Бецкаго и другія, какія имѣете объ немъ свѣдѣнія, чѣмъ премного меня обяжете — по полученіи коихъ я вамъ доставлю слитокъ золотой медали, которая ему поднесена была торжественно отъ Общаго Собранія Правительствующаго Сената *За Любовь къ Отечеству* и за подвиги гражданскіе, почесть, которую никто доселѣ не имѣлъ. — Я почитаю память И. И. Бецкаго какъ главноначальствующаго Перваго Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ я былъ воспитанъ, и надѣюсь современемъ—издать жизнеописаніе его столь мало извѣстнаго всѣмъ и почти забытаго, хотя самые камни о немъ гласятъ и монументъ Петра Великаго, который имъ воздвигнутъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, и тѣмъ имя Ея увѣковѣчилъ. Не смѣю себя ласкать, тотъ ли вы Погодинъ, котораго я имѣлъ честь знать при бывшемъ С.-Петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Балашовѣ, и пользовался пріятнымъ его знакомствомъ — я бы очень доволенъ былъ, еслибы вы были тотъ самый, котораго душевно припоминаю. Вѣроятно, что копіи писемъ И. И. Бецкаго будутъ сопряжены съ издержками, то я съ благодарностію приму на себя и съ тѣмъ чувствомъ вамъ доставлю“.

Старый знакомый Погодина по Москвѣ, а въ то время занимавшій постъ директора Департамента Министерства Юстиціи Корниліонъ-Пинскій тоже имѣлъ нужду въ Древлехранилищѣ Погодина. 3-го марта 1849 года онъ писалъ владѣльцу: „Слишкомъ за двадцать до сего лѣтъ профессоръ Московскаго Университета Сандуновъ издалъ приговоръ одного изъ древнихъ нашихъ судилищъ по дѣлу вотчинному или межевому, подъ названіемъ: *Правая грамота.* При всемъ стараніи, я никакъ не могъ отыскать здѣсь, въ С.-Петербургѣ, этого весьма для меня нужнаго изданія. Полагая, что у васъ, какъ любителя и собирателя рѣдкостей Русскаго книгопечатанія, должно быть это изданіе, можетъ быть, даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею прось-

бою сообщить мнѣ эту брошюру; если же у васъ одинъ только экземпляръ ея, то прикажите списать для меня вѣрную съ нея копію. По полученіи же этой брошюры я съ величайшею благодарностью буду имѣть честь доставить, по востребованію вашему, слѣдующія за нее и за пересылку деньги".

Извѣстный ученый Илья Васильевичъ Бѣляевъ, занимаясь расколомъ, имѣлъ также нужду въ Древлехранилищѣ Погодина. О допущеніи его туда ходатайствовалъ предъ владѣльцемъ двоюродный братъ Троицкаго ученаго И. Д. Бѣляевъ. „Братъ мой, податель сего письма", писалъ онъ,— „нарочно пріѣхалъ изъ Лавры, чтобы заняться въ вашей библіотекѣ. Ему нужно собрать нѣсколько историческихъ указаній о раскольникахъ относительно къ *Стоглаву*, о которомъ онъ пишетъ курсовую диссертацію, долженствующую идти на разсмотрѣніе къ митрополиту Филарету. Ему нужно бы было просмотрѣть нѣсколько Кормчихъ, Поморскіе Отвѣты, Пролога и еще бы полюбоваться сборникомъ князя Мышецкаго или Дениса, который вы пріобрѣли нынче по лѣту. Сдѣлайте милость, дозвольте ему сдѣлать эти справки по указаннымъ книгамъ".

Наконецъ, къ Погодину же обратился и самъ Н. И. Надеждинъ съ слѣдующимъ письмомъ: „Ты, кажется, на меня дуешься; а я такъ все по старому, обращаю къ тебѣ племянника моего, тебѣ уже знакомаго, съ тѣмъ, чтобъ ты снабдилъ его изъ твоей гамазеи книгами, какія признаешь нужными для руководства и помощи ему въ преподаваніи Всеобщей Исторіи. Тутъ первое мѣсто займутъ твои собственныя изданія разныхъ исторій, начиная съ Геерена и Демишеля, вышедшихъ еще въ мое время: счетъ за нихъ сведу я самъ съ тобой. О рукописяхъ твоихъ, которыя у меня, не безпокойся; всѣ цѣлехонки. Цѣлъ и я, по возможности, каковымъ и тебѣ пребыть желаю".

Къ этому письму Надеждинъ сдѣлалъ и слѣдующую приписку: „А что, братъ, за время то? Что за время?... Изъ одного этого я полагалъ бы—такимъ старикамъ, какъ мы съ тобой—слѣдуетъ не ерошиться другъ на друга по пустякамъ,

а брать примѣръ хоть съ свиней, которыя чѣмъ тѣснѣе имъ, тѣмъ ближе жмутся другъ къ другу ж..... Извини тривіальность примѣра: я повторяю его со словъ покойнаго Өедула Григорьича Громова, сказанныхъ имъ когда-то покойному же графу Канкрину; Русскій сказалъ это Нѣмцу о Нѣмцахъ. Cura ut valeas! Повтори это отъ меня и Максимовичу, письмо котораго изъ Москвы я получилъ, а отвѣчать на него буду, когда будетъ о чемъ".

Мы знаемъ, что И. И. Давыдовъ давно совѣтывалъ Погодину продать свое Древлехранилище. 29-го мая 1849 года онъ писалъ ему: „Привязанность ваша къ Древлехранилищу (такъ ли?) понятна, и, если можно смотрѣть на него безъ обиды дѣтей, надобно считать это дѣло пока оконченнымъ. Что же вы еще рѣшаетесь на новую покупку?" Въ другомъ письмѣ Давыдовъ спрашиваетъ Погодина: „Довольно ли будетъ, если пожелаю пристроить Музей вашъ за пол-милліона? Или желаніямъ человѣческимъ нѣтъ конца?"

Эти совѣты и желанія Давыдова, конечно, согласовались съ тайными желаніями сердца самого владѣльца. Въ *Дневникѣ* его, подъ 14-мъ марта 1849 года, мы читаемъ: „Не могъ уснуть. Все думалъ, какъ купить, а Уварову продать прежнее собраніе".

Въ Петербургѣ же въ это время разнесся слухъ, что Погодинъ продаетъ свое Древлехранилище. 18-го мая 1849 года Загряжскій писалъ ему: „Здѣсь слухъ разнесся, что твое собраніе куплено въ казну за сто тысячъ рублей. Все это по случаю высокихъ посѣтителей".

Поводомъ къ этому слуху, можетъ быть, послужила происходившая тогда между Погодинымъ и А. Ө. Бычковымъ переписка о продажѣ Погодинскихъ старопечатныхъ книгъ въ Императорскую Публичную Библіотеку. Еще 9-го марта того же 1849 года А. Ө. Бычковъ писалъ Погодину: „Поспѣшаю моимъ отвѣтомъ на ваше письмо, отъ 20-го февраля, въ которомъ вы предлагаете пріобрѣсти для Библіотеки нѣкоторыя изъ старопечатныхъ Словенскихъ книгъ, дѣйствительно чрез-

вычайно рѣдкихъ. Завѣдывая въ настоящее время, кромѣ Отдѣленія Рукописей, и Отдѣленіемъ Печатныхъ книгъ на Русскомъ и Словенскихъ языкахъ, я чрезвычайно обрадовался вашему предложенію, которое, какъ нельзя болѣе, согласуется съ моимъ желаніемъ составить, по возможности, при Публичной Библіотекѣ самое полное собраніе Словено-Русскихъ книгъ; но къ моему крайнему сожалѣнію, я долженъ вамъ сообщить, что средства, которыми Библіотека располагаетъ, до того ничтожны, что она можетъ удѣлять изъ нихъ ежегодно только самую ничтожную часть на покупку книгъ. Впрочемъ, не смотря на все это, я не теряю еще надежды хотя отчасти удовлетворить вашему желанію, и именно слѣдующимъ образомъ: я полагаю, что вы уже знаете о принесеніи въ даръ Библіотекѣ собранія Кастерина. По соединеніи его съ собраніемъ графа Толстого и собственно библіотечнымъ нашлось довольно много дублетовъ, между которыми, сколько можно судить по описанію Сахарова, встрѣчаются и такіе, которыхъ нѣтъ въ вашемъ собраніи (какъ, напримѣръ, нѣсколько книгъ Библіи Скорины и т. д.) Если вы будете согласны обмѣнять предлагаемыя вами книги на наши дублеты, въ такомъ случаѣ, по полученіи вашего объ этомъ увѣдомленія, я перешлю вамъ составленный мною списокъ дублетамъ. Если же вы найдете мое предложеніе для себя невыгоднымъ, то потрудитесь показать этотъ списокъ другимъ собирателямъ старопечатныхъ книгъ въ Москвѣ; быть можетъ, между ними найдутся покупщики, и тогда Библіотека будетъ имѣть возможность пріобрѣсти предлагаемыя вами книги на наличныя деньги. Все это предоставляется вашему усмотрѣнію. Чисто механическая работа по приведеніи въ порядокъ Библіотеки, запущенной издавна, отнимаетъ рѣшительно у меня почти все время, которое я могъ бы употребить съ гораздо большею пользою и для себя, и для науки. Начато многое—но Богъ знаетъ, когда все это будетъ приведено къ концу". Въ другомъ письмѣ А. Ѳ. Бычкова (отъ 15-го мая 1849 года) читаемъ: „Я передалъ Д. П. Бутурлину ваше предложеніе обмѣнять пять Венеціан-

скихъ изданій, вамъ принадлежащихъ, на библіотечный дублетъ Скорининской Библіи. Директоръ съ удовольствіемъ соглашается на это, но подъ условіемъ, чтобы предлагаемыя вами старопечатныя изданія были бы присланы сюда для предварительнаго осмотра. Полагаю, что это ни мало не затруднитъ васъ, тѣмъ болѣе, что вы то же самое высказали въ письмѣ ко мнѣ. Въ случаѣ, если мѣна состоится, вы получите дублетный экземпляръ Библіи лично отъ меня въ началѣ іюля, около котораго времени я надѣюсь быть въ Москвѣ. Тогда же вручу вамъ и составляемый мною реестръ дубликатамъ старопечатныхъ книгъ, которыя находятся въ Библіотекѣ, равно и *Наставленіе Ростовцева*, которое я уже пріобрѣлъ собственно для васъ“.

Но, кажется, все дѣло ограничилось одною этою перепискою; продажа и обмѣнъ въ то время не состоялись.

Замѣчательно, что почти одновременно Погодинъ велъ подобную же переписку съ И. П. Сахаровымъ о продажѣ Яковлеву тѣхъ же старопечатныхъ книгъ, которая тоже ничѣмъ не кончилась.

1-го марта того же 1849 года Сахаровъ писалъ Погодину: „Яковлевъ готовъ купить изъ вашихъ печатныхъ книгъ которыхъ у него нѣтъ; но онъ мнѣ сказалъ: 1) покупаю на *осязаніе* — то-есть, что увижу, то куплю, а заочно ничего не покупаю. 2) Книгъ *безначальныхъ*, *безконечныхъ* и *безутробныхъ* — не покупаю, то-есть, неполные экземпляры мнѣ не нужны. Если вамъ будетъ угодно внять сему заключенію Яковлева, то пришлите книги на мое имя, съ означеніемъ рѣшительной цѣны. Или вышлите прежде реестръ книгамъ. За все, что продано будетъ, немедленно вышлются деньги. Яковлевъ имѣетъ хоть сто тысячъ годового дохода, но съ разборомъ, и едва ли можно найти подобнаго купца въ Россіи, который бы показалъ все, что выходитъ въ Россіи печатнаго, имѣетъ славный минцъ-кабинетъ Русскихъ монетъ, минеральный кабинетъ и отличную Русскую библіотеку изъ четырнадцати тысячъ книгъ. Давайте на показъ хоть одного изъ вашихъ Московскихъ куп-

цовъ. Не о томъ, родимой, думаемъ-де, наше дѣло торговое. И Яковлевъ торгуетъ: имѣетъ каретную фабрику, два экипажныхъ магазина, пять домовъ. Вездѣ самъ смотритъ. И все-таки покупаетъ книги Русскія и другихъ надѣляетъ. Ваши купцы отъѣдаются какъ боровы и для дочекъ ищутъ промотавшихся чиновниковъ — облагородить свою фамилію. Моя-то Онюта тонцуе — вотъ ихъ просвѣщеніе. Скоты сущіе, не сберутся устроить городской библіотеки".

Какъ бы въ оправданіе Московскихъ купцовъ могутъ служить слѣдующіе строки Шевырева къ Погодину (9-го декабря 1849 года): „Я обѣдалъ съ Лобковымъ у Снегирева. Мы сидѣли рядомъ и говорили о тебѣ. У него есть прекрасная мысль на счетъ твоей коллекціи. Подходитъ двадцатипятилѣтіе. Купцы захотятъ поднести что-нибудь. Ну, вотъ бы твое собраніе. Но надобно заранѣе подумать объ этомъ, и безъ гордости съѣздить къ кому надо и попросить гдѣ нужно. Поговори-ка объ этомъ съ Лобковымъ".

LIV.

Интересною личностью для Погодина былъ Иванъ Петровичъ Сахаровъ. Онъ, подобно Погодину, пріобрѣталъ рукописи и подобно же Погодину мечталъ ихъ сбыть. „Смотря на расхищеніе библіотекъ Кирилловской, Троицкой и Кастерина", писалъ онъ Погодину, — „я почти запродалъ свою библіотеку сибиряку, въ Томскъ. Прощай книжки. Тоска находитъ, какъ подумаешь, что долженъ разстаться. Право жаль, какъ будто отца хоронишь. Ахъ, что за Палея есть? Однѣхъ библейскихъ книгъ четырнадцать. Вся книга Эноха, Іосифъ Флавій и Русская Лѣтопись. Сама ростомъ съ гору. Да и старенька ужь, голубушка: ста четыре лѣтъ. Вотъ съ чѣмъ разстаюсь. Еслибы были церковныя книги, не охнулъ бы ни по одной. Русской Исторіи до двухсотъ нумеровъ. Это чистоганъ-золото. Прощай все!" Намекая, вѣроятно, на И. Д. Бѣляева и В. М. Ундольскаго, занимавшихся въ то время описаніемъ

Погодинскаго Древлехранилища, Сахаровъ въ томъ же письмѣ продолжаетъ: „Писалъ къ вамъ три письма: молилъ, просилъ и кланялся: о, сударь родной, сжалься, скажи слово, что за книги изъ-за моря привезъ. Ни слова ласковаго, ни привѣта родного. Вотъ подумалъ: и человѣкъ добрый, не лукавый; грамота далась ему не какъ другому, а душу свою закабалилъ двумъ книжнымъ чертямъ. Поклонись этимъ чертямъ — и всѣ книги Погодина явятся на лицо. Такъ и въ этомъ, баринъ, упрекаешь ни за что, ни про что. Напиши, говоришь, такому, къ Сахарову, а они врутъ чертъ знаетъ что; авось да введемъ Сахарова въ олухи. Москали — народецъ! Еслибы грамотка была за подписью вашей милости — повѣрилъ бы, а душеприкащикамъ вашимъ — никому ни на грошъ. Они народъ съ изъянцемъ. Ужь коли на то пошло — то *пришли*, отецъ родной, грамотки: какія есть книги, чего я не зналъ, не вѣдалъ. Перепечатаю листъ-два для этого“.

Намъ уже извѣстно, что для своей корреспонденціи Погодинъ избѣгалъ почты, а пользовался оказіею, а потому насъ не удивятъ слѣдующія строки къ нему Сахарова: „Письмо ваше, писанное въ іюлѣ 1848 года, получилъ отъ Надеждина 8-го января 1849 года. Хоть бы изъ Америки!“

Въ то же время Сахаровъ сообщаетъ Погодину о томъ, что онъ „напалъ на слѣдъ Несторовой Лѣтописи“ и при этомъ пишетъ: „Добился наконецъ, отъ чего разница лѣтописи съ житіемъ Бориса и Глѣба. Сборникъ лежалъ у меня лѣтъ пять—порылся во время своей хворьбы и попалъ: что̀ въ лѣтописи, то не Нестора работа, а другого. Вотъ, отъ чего и разница. Довѣдался: отъ чего разнота и другихъ лѣтописей съ Лаврентіевскимъ спискомъ. Видно, не одинъ Несторовъ трудъ руководилъ ихъ. Въ Софійскомъ спискѣ вставокъ много. Кто и когда влѣпилъ чужую работу въ текстъ Несторовой Лѣтописи? Это пока загадка. А источникъ открытъ“.

Въ письмѣ отъ 4-го ноября 1849 года Сахаровъ увѣдомляетъ Погодина, что онъ свою библіотеку рукописей про-

далъ графу А. С. Уварову. Въ томъ же письмѣ Сахарова мы находимъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

„Сегодня принесли ко мнѣ сборникъ, гдѣ помѣщены любопытныя слова въ дополненіе къ нашей миѳологіи. Въ одномъ заглавіе: *Слово о поученіи дѣтямъ духовнымъ.* Начало: „Се же ти мало молвлю сыну: Божіихъ заповѣдей и святыхъ отецъ не забывай, правда блюдетъ твое сердце. Помни заповѣдь Господню реченную исперва“. Въ срединѣ этого слова помѣщено: „Уклоняйся предъ Богомъ невидимыхъ молящихъ человѣкъ, роду и роженицамъ не поревнуй, а *половину* и *мокоши* и *перешны* и всякимъ Богомъ мерзкимъ требамъ не прибьлижайся“. Рукопись писана въ четверку, письмомъ полууставнымъ начала XVI в. и слово написано на пяти страницахъ. Въ этомъ сборникѣ есть и другія Русскія статьи, и изъ нихъ одно слово св. Петра Митрополита, напечатанное уже въ *Твореніяхъ свв. Отецъ.* Въ томъ же сборникѣ, въ одной апокрифической статьѣ находится: *Что есть громъ?* „Два есть аггела громная и Елиньскый старецъ Перунъ, а Хорсъ есть жидовинъ, а два еста молоньи“. Странно, что отрывокъ изъ этого апокрифа усвоенъ нашимъ народомъ — о томъ, что земля наша устроена на трехъ китахъ. Вотъ гдѣ надобно искать источниковъ для Русской народной символики. Едва ли разсказъ Бѣлозерскаго волхва, внесенный въ лѣтопись, попалъ не изъ подобныхъ апокрифовъ?—Апокрифъ этотъ называется *Слово трехъ святителей.* Изслѣдователямъ нашихъ расколовъ необходимо нужно пересмотрѣть всѣ апокрифы. Въ одномъ моемъ сборникѣ была помѣщена полная *книга Еноха*, переводъ очень древній. Вотъ какимъ путемъ вносились разныя ереси въ Россіи; но откуда? Въ какое время? Едва ли разрѣшили — когда“.

Намъ уже извѣстно, что на мѣсто уволеннаго изъ Московскаго университета О. М. Бодянскаго назначенъ былъ Казанскій профессоръ В. И. Григоровичъ. По пути въ Москву Григоровичъ остановился въ Нижнемъ-Новгородѣ и тамъ занялся распродажею своего собранія рукописей, о чемъ Пого-

динъ получилъ подробную реляцію отъ своего агента Д. В. Пискарева. 27-го августа 1849 года онъ доносилъ Погодину: „Честь имѣю увѣдомить васъ, что 25-го августа въ ярморку изъ Казани пріѣхалъ извесный вамъ професоръ Викторъ Ивановичь г-нъ Григоровичь и который явился въ рядъ для продажи книгъ въ тотъ жа день, прежде къ Ивану Никонову и къ Василью Яковлеву и Головастикову, и что у него есть сказавши имъ и они все къ нему пошли, Головастиковъ и Лопухинъ и Тюлины, и купили у него книги, и книги очень редки, по ихъ речамъ, да и должно хороши, потому я замѣчаю, что я вчерашній день у него былъ въ Нижнемъ *на верхнемъ* базаре въ гостинице Барбатенкова и смотрелъ и оставшія книги, которыя *не* продаетъ. А книги редкія: *Библія* писменая влисть, очень редка книга, *Царствье* въ листь тожъ, оби на бумаги, и на пергаменте нотный асмушный *Ирмологій*, весма редкая и продчихъ, да ещѣ на пергаменте *Паремейникъ* четвертной, редокъ, и продчихъ есть у него хорошихъ вещей да не продаетъ оныхъ. А что онъ г-нъ Григоровичь продалъ, мне онъ гаварилъ да 20 книгъ. А иконики Тюлины мне сказавали, что до 30 книгъ, и я ево спрашивалъ, за сколка продалъ; и не сказываетъ, а аднако говорить, что за тысячю рублей серебромъ, и мне онъ сказавалъ, какіе книги, заочна что я могу припомнить: 1-я) Псалтырь на пергаменте Греческая и лицовая такъ редка чего болей и режи не бываетъ, и говорятъ что 11-го или 12-го века, но весма картины в ней хараши, иконнова писма, самова лутчева писма. 2-я) Паремейникъ пергаментной очень хорошъ и писанъ при царѣ Андронике и при сыне его Михаиле, хаша году неть, но извесна, что начала 14 века, когда былъ Андроникъ царь. 3-я) Варлаама и Ѳасафа царевича лицевая на пергаменте. 4-я) Апостолъ на пергаменте и все оные на Словянскае наречіи, а о которыхъ не могу я припомнить какія званія *есть* на бумаги Греческіе и на Болгарскомъ и продчихъ языкахъ да ещѣ изъ печатныхъ: Апостолъ—Скоринынъ, ещѣ Псалтырь Венецейская, тожъ, гаварятъ, очень хоро-

шія, а болій писать не припомню, потому я за нужная не почитаю темъ, что етать продавецъ г-нъ Григоровичь едитъ сего числа в Москву на почтовыхъ, то онъ сего же числа самъ будитъ въ Москве, онъ вамъ лична перескажетъ, какія книги и сколко на пергаменте и на бумаги сколка падробна и за какую цену продалъ. Вы лутчи моево узнаити. Онъ гаваритъ, едитъ въ Москву на место Бадянскава, правда или нетъ—я етава не знаю. Вамъ это извесна, но прошу васъ, пишити сюда писмо Василью Яковлеву Лопухину, чтобъ кроме никому не продавалъ, впродчемъ и я гаварилъ—я бы и собствене купилъ для васъ и гаварилъ я Тюлинымъ, потому они мне гаварили купить, дать ползу, и я думалъ дать барышъ, но Василей Лапухинъ взялъ за себя и какъ они между собою зделались—мне неизвесно. А опосле всо дело это узнаитца чередомъ, впродчемъ саветую вамъ уведомить Василья Лопухина—въ ярмонку писмо ище ево здесь застанетъ, всо будитъ лутчи, впродчемъ вы лутчи сами знайти, какъ съ этимъ деломъ распорядитца, но толка ненада вамъ упущать эти книги: для васъ будуть стоить вниманіе хорошова да нада попенять и ему г-ну Григоровичу, для чево эво понудило продавать кулакамъ, следовательно, онъ сортъ и порядакъ мало знайтъ, а професоръ; я очень этому подивился, куда ево трактъ надлежитъ и где настоящіе есть охотники и хорошія покупатели, а продалъ не туды, куды надлежитъ, впрочемъ ево собственность и какъ ему было угодна. А что вы писали у Головастикова Тактиконъ с Летописью, то далжно Лапухинъ купилъ, и теперь Федаръ Болшой в Москве, вы можете всо от него узнать“ [283]).

Одинъ изъ агентовъ Погодина по антикварной части, И. Ѳ. Тарховъ, откопалъ въ Одоевѣ, при храмѣ упраздненнаго Анастасова монастыря, нѣсколько надгробныхъ камней, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ одинъ, съ слѣдующею крупною преузорочною вязью изсѣченною надписью: *Лѣта 71 .. въ Московское разореніе убитъ въ Одоевѣ съ башни Никита Луповичъ Колупаевъ за то что с везмѣнники креста не*

целовалъ, а тѣло его погребено въ Настасовѣ монастырѣ. Родъ Колупаевыхъ нынѣ уже не существуетъ въ Одоевѣ; но въ Анастасовѣ монастырѣ находится небольшой колоколъ, пожертвованный, спустя пятьдесятъ лѣтъ, потомкомъ этой фамиліи, „напоминаніе родителя и дѣда Колупаевыхъ", какъ видно изъ надписи. По поводу этой находки Погодинъ восклицаетъ: „Слава тебѣ и честь, хотя и поздняя, вѣрный сынъ Отечества, принесшій въ жертву ему жизнь свою, безъ всякихъ видовъ, для исполненія одной обязанности. Признательность общая почтенному гражданину, который черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ доставилъ возможность своимъ открытіемъ посвятить страдальцу строку благодарственнаго воспоминанія" [284]).

Агенты Погодина были разсыпаны по разнымъ глухимъ мѣстамъ Русскаго царства, и ради ихъ ему приходилось не разъ имѣть столкновеніе съ полиціею. Для примѣра приведемъ два письма къ нему, полученныхъ имъ въ это время отъ полицейскихъ властей. „На письмо ваше", писалъ Погодину одинъ изъ таковыхъ чиновниковъ,—„отъ 25-го числа минувшаго марта (1849 г.) честь имѣю увѣдомить, что, по учиненной въ дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ Городническаго Правленія выправки оказалось: отобранное предмѣстникомъ моимъ, исправлявшимъ должность городничаго, г. уѣзднымъ судьею Корнутскимъ 18-го числа февраля сего года отъ крестьянина Владимірской губерніи, Вязниковской округи, г-жи Александры Нордштейнъ деревни Осинокъ, Пахома Степанова свидѣтельство, выданное вами ему 5-го марта 1847 года, на покупку на законномъ основаніи древнихъ вещей, книгъ и рукописей, по случаю встрѣченнаго въ ономъ сомнѣнія, для учиненія распоряженія къ выдачѣ вамъ представлено отъ г. Корнутскаго въ Московскую Управу Благочинія при рапортѣ отъ 25-го числа того жь февраля за № 309-мъ". Другой полицейскій чиновникъ В. Глинка сообщалъ Погодину: „Получивъ письмо ваше отъ 24-го минувшаго октября относительно крестьянина Каманина, вызвавшагося пріобрѣтать древности, имѣю честь

увѣдомить васъ, милостивый государь, что объ этомъ человѣкѣ, вѣроятно, передалъ уже вамъ теперь свѣдѣнія Московскій Оберъ-Полиціймейстеръ, которому я писалъ о семъ 21-го октября. Каманинъ проживалъ прежде въ Невьянскомъ заводѣ и теперь опять появился тамъ, не занимаясь совершенно никакою промышленностью. Пребываніе его въ заводѣ признано очень вреднымъ, потому что онъ выдаетъ себя за упорнаго раскольника съ явнымъ отвращеніемъ отъ православія, хотя въ мѣстѣ своего жительства и считается православнымъ. По такимъ его дѣйствіямъ заводское и духовное начальство вынуждено было обратить на него вниманіе, какъ на человѣка подозрительнаго; но онъ, чтобы дать видъ законности своимъ дѣйствіямъ и освободиться отъ преслѣдованія, показывалъ свидѣтельство, полученное отъ васъ на сборъ древностей, отзываясь притомъ, что для этой только именно цѣли онъ проживаетъ въ Невьянскихъ заводахъ и ничѣмъ болѣе не занимается. Между тѣмъ самый паспортъ, по которому Каманинъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ Невьянскъ, оказался въ дѣйствительности его сомнительнымъ; о чемъ мѣстный исправникъ и вошелъ съ кѣмъ слѣдуетъ въ переписку. Во всякомъ однакожъ случаѣ, поведеніе упомянутаго крестьянина столь подозрительно, что онъ не заслуживаетъ никакого довѣрія, и если оставить при немъ вышеозначенное свидѣтельство, то этотъ актъ онъ имѣлъ бы при себѣ какъ средство для оправданія неосновательнаго предлога къ дальнѣйшему его здѣсь проживанію, признанному вреднымъ, тѣмъ болѣе, что онъ завелъ бы тайную изъ своихъ видовъ торговлю старыми иконами и книгами, которыми вообще раскольники дорожатъ. Объ этомъ я желалъ предувѣдомить васъ, милостивый государь, въ отзывѣ моемъ, послѣдовавшемъ къ генералъ-маіору Лужину, распорядившись при томъ отъ Каманина свидѣтельство отобрать. Купилъ ли Каманинъ какія-либо древности для васъ, или были онѣ у него прежде въ запасѣ, мнѣ неизвѣстно. Я приказалъ спросить объ этомъ самого его съ тѣмъ, что если у него окажутся какія-либо книги, иконы и

проч., то всѣ таковые предметы были бы доставлены ко мнѣ, и если они не будутъ подлежать по закону конфискаціи, то я пріиму на себя распоряженіе о доставленіи ихъ по вашему назначенію—къ г. Вагнеру".

Съ своей стороны Погодинъ принималъ самое живое участіе въ судьбѣ своихъ агентовъ, и этимъ можно объяснить успѣхъ его собранія. Такъ, когда извѣстнаго знатока и собирателя древнихъ иконъ, Преображенскаго раскольника Андрея Сорокина, постигла какая-то полицейская невзгода, то за защитою онъ обратился ни къ кому другому, какъ къ Погодину. 8-го октября 1849 года онъ писалъ ему: „Первымъ долгомъ прошу у васъ милостиваго извиненія въ томъ, что я васъ утруждаю своимъ безпокойствомъ. Я очень жалѣю, что вчера вынудилъ васъ долго говорить со мною и тѣмъ отяготить вашу болѣзнь. Простите меня великодушно, великій мой благодѣтель, и позвольте мнѣ разсказать вамъ мою просьбу. Все мое дѣло состоитъ въ томъ: Мои прежніе претендатели Грапцовъ, подававшій его сіятельству графу Закревскому просьбу, и его поджига мой сосѣдъ Василій Осиповъ,—говоря, что онъ сыщикъ его сіятельства, просилъ съ меня денегъ, чтобы меня ничѣмъ не безпокоить. Они то самые передали г. квартальному Яузской части надзирателю Протопопову, что я домомъ владѣю неправильно и содержу изъ какой-то корысти богадѣльню и вновь открылъ моленную безъ дозволенія начальства. Поэтому г. Протопоповъ и донесъ г. полиціймейстеру Сычинскому обо мнѣ какъ о какомъ-то преступникѣ. Г. полиціймейстеръ Сычинскій, при всей его добротѣ сердца и благородствѣ души—рѣшился было пріѣхать ко мнѣ съ полиціею, но узнавъ отъ нашего г. частнаго пристава, что у меня моленная съ 1775 года, а старухъ я содержу не болѣе пяти и единственно къ сожалѣнію ихъ немощи,—и рѣшился только меня вызвать къ себѣ для распроса о дѣлѣ, дабы не могло и въ самомъ дѣлѣ сокрыться чего законопротивнаго. Когда же явился я въ домъ г. полиціймейстера, то распрашивалъ меня только одинъ доносчикъ Протопоповъ и

распросивъ сказалъ, что г. полковникъ приказалъ ѣхать мнѣ домой, и что онъ меня вызоветъ въ другой разъ. Гранцовъ и Осиповъ тогда еще, когда въ началѣ сего года просили съ меня деньги,—угрожали, что, если не дамъ я имъ денегъ, то рано или поздно, а доведутъ до того, что запретятъ мнѣ жить въ Москвѣ. По такимъ своимъ грознымъ словамъ Гранцовъ подавалъ его сіятельству просьбу, въ которой было ему отказано. Желая Гранцовъ эту неудачу поправить ночью приходилъ ко мнѣ въ домъ — крикомъ и угрозами требовалъ подлинныхъ крѣпостныхъ актовъ, а потомъ просилъ гг. квартальнаго надзирателя и частнаго пристава о выдачѣ ему копій со всѣхъ домовыхъ актовъ, а когда была ему выдаваема съ духовнаго завѣщанія копія въ части, оную не взялъ. Не видя удачи и въ этомъ, клеветалъ меня предъ родителемъ, что я перешелъ на Рогожское кладбище, потомъ въ Единовѣрческую, а потомъ въ господствующую Греко-Россійскую церковь,—это для того, чтобы меня поссорить съ родителями и тронуть нѣжнѣйшую ихъ струну, отголосокъ которой—для нихъ страшнѣе самой смерти. Это все показываетъ ихъ ко мнѣ злобу и стараніе чѣмъ бы нибудь да оскорбить меня: и если ихъ не прекратить клеветы силою закона, то никогда не будетъ имъ конца. Противъ огня и камень лопается, наконецъ и я потерялъ все терпѣніе и рѣшаюсь сдѣлать всѣмъ клеветамъ прошедшимъ и грядущимъ переломъ, такъ же, какъ иногда дѣлаютъ оный врачи въ болѣзняхъ. Я ѣду нынча къ г. полицiймейстеру Сычинскому и буду его просить рѣшить: — Если я незаконно владѣю домомъ и кормлю бѣдняковъ, то пусть меня накажутъ за это, истома хуже смерти. Если я правъ, то пусть оставятъ меня въ покоѣ владѣть, а клеветниковъ моихъ откроютъ и донесутъ объ нихъ его сіятельству для пресѣченія клеветы ихъ, которая была уже имъ пресѣкаема. А то чрезъ ихъ клеветы начальству напрасной трудъ, а мнѣ безпокойство, разъѣзды, потеря времени, упущеніе дѣлъ и лишеніе покоя, тогда какъ я обязанъ своимъ семействомъ и двумя домами своего родителя. Великій мой

благодѣтель! Будьте столько ко мнѣ милостивы,—помогите мнѣ въ такомъ переломѣ клеветъ, удостойте своимъ участіемъ поспѣшить пресѣчь зло моихъ клеветниковъ, какъ вы сами заблагоразсудите лучше и ближе. Ваше слово или письмо вездѣ меня защитятъ и спасутъ къ кому бы только вы оное обратили, къ его ли сіятельству или его превосходительству г. оберъ-полиціймейстеру или даже къ г. полиціймейстеру Сычинскому, только гдѣ бы лучше пресѣчь клевету. Я наисчастливѣйшимъ себя почту, если удостоюсь хоть какой-нибудь получить отъ васъ отвѣтъ и пребуду къ вамъ по гробъ мой съ истинною благодарностію".

Погодинъ тотчасъ же принялъ мѣры къ защитѣ Сорокина, и послѣдній съ признательностью писалъ своему защитнику: „Вопервыхъ, я приношу вамъ мою наиглубочайшую благодарность за ваше покровительство и ходатайство. Я объ ономъ узналъ потому, что при осмотрѣ моей моленной и писаніи объ ономъ постановленіи г. Протопоповъ разныя дѣлалъ придирочки, а потомъ отъ г. полиціймейстера пріѣхалъ къ намъ прямо бывшій за частнаго пристава у него квартальный надзиратель нашей части, и сказалъ что-то Протопопову, отъ чего у нихъ такая пошла поспѣшность, что безъ всякой медленности и придирокъ окончили постановленіе вскорѣ: только говорилъ Протопоповъ, что послѣ его будетъ самъ, а кто—не знаю. Только жалѣю я очень объ одномъ томъ, что г. Сычинскій выговаривалъ за медленность Протопопову, а Протопоповъ сказалъ, что будто въ томъ виноватъ нашъ квартальный надзиратель, который ничѣмъ никогда не былъ виноватъ и Протопопову нигдѣ не мѣшалъ, поэтому нашъ надзиратель боится, чтобы ему не было чего-либо непріятнаго по службѣ, тѣмъ больше, что Сычинскій самъ очень разсердился на эту медленность. Я отъ этой тревоги третій день и нынча ничего не могу писать, потому что болитъ отъ разстройства голова. Боюсь теперь того, что не затянули бы они въ даль дѣла слѣдствіями, котораго я не боюсь, но все время производства онаго—должно будетъ мнѣ являться и терять время занятія

моего, и тѣмъ могу разстроиться съ своими довѣрителями дѣлъ, отъ неисполненія ихъ требованій. Но впрочемъ надѣюсь и себя поручаю Богу и вамъ, и съ этимъ вопію къ вамъ: Спаси, благодѣтель мой—да не погрязну въ волнахъ клеветнаго моря!".

Когда же Сорокинъ рѣшился обратиться къ церкви, то просилъ Погодина занять мѣсто воспріемника. Погодинъ согласился и въ назначенный день поѣхалъ въ Рогожскую, въ единоверческую церковь, гдѣ прежде не бывалъ. „Съ Дѣвичьяго Поля до этой церкви верстъ десять," писалъ онъ, „и особенно если станешь выбирать дорогу поближе, по особенному свойству нашей матушки Москвы. Я опоздалъ. Вхожу въ двери, въ церкви уже почти никого не было. Меня встрѣчаютъ два-три, кажется, купца и поздравляютъ съ пріобрѣтеніемъ новыхъ духовныхъ дѣтей. Крестникъ мой, вмѣстѣ съ женою, вижу я издали, прикладываются къ мѣстнымъ образамъ. Они оборотились, услышавъ о моемъ пріѣздѣ, и подошли ко мнѣ цѣловаться; на лицахъ видна была какая-то особенная радость, удовольствіе. Священникъ вышелъ благословить.... Въ этой минутѣ, ей-Богу, было что-то піитическое, умилительное,— что также мудрено описать: мнѣ показалось..., какъ будто какіе странники и скитальцы, послѣ отдаленнаго путешествія по странамъ неизвѣстнымъ, послѣ долговременнаго пребыванія въ какомъ-то заточеніи, возвратились теперь домой, увидѣли предъ собою впервые святыню своихъ отцовъ и нашли въ своемъ сердцѣ желанное успокоеніе.... Можетъ быть, здѣсь играла моя фантазія, но кто знаетъ нашу Исторію, кто понимаетъ дѣло, тотъ со мною согласится, что такая фантазія не безъ основанія. И всю долгую дорогу, на возвратномъ пути, думалъ я о расколахъ, старообрядцахъ, Церкви. Боже мой, что еслибы всѣ отлученные обратились на прямую дорогу! Какая радость была бы, еслибы мы, бывъ въ это царствованіе свидѣтелями возвращенія уніатовъ, могли прижать къ своему сердцу и этихъ нашихъ родныхъ, любезныхъ братій. Пять вновь пріобрѣтенныхъ царствъ (на что намъ ихъ) и пятьдесятъ новыхъ золотыхъ рудниковъ (будетъ съ насъ и

прежнихъ) не доставили бы намъ сотой доли такого святаго удовольствія. Это было бы великое событіе для всего отечества—мнѣ кажется, сами святые чудотворцы наши, Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, Сергій, поднялись бы изъ гробовъ своихъ, чтобъ насладиться вмѣстѣ съ нами въ нашемъ древнемъ златоглавомъ Кремлѣ „сего добраго и свѣтлаго торжества". Моя фантазія разыгралась. Цѣлая длинная рѣчь написалась въ головѣ,—но, къ сожалѣнію моему, какъ я воротился домой, и осыпанъ былъ своими текущими дѣлами, она вся вылетѣла у меня изъ головы также скоро, какъ и прилетѣла. Повѣрятъ ли читатели, что я позабылъ все это утро, какъ будто бы нигдѣ и не былъ, ничего не видалъ, не слыхалъ и не думалъ, и только теперь, по закону сочетанія идей, вспомнилъ объ немъ сколько могъ. Да, мы всѣ слишкомъ заняты текущими дѣлами, мы слишкомъ глубоко застряли въ своихъ привычныхъ колеяхъ, мы слишкомъ усердно служимъ „дневи и злобѣ его" и не обращаемъ вниманія, что происходитъ вокругъ насъ, по сторонамъ, въ избѣ, на полѣ, въ передней, на улицѣ, а тамъ происходятъ явленія любопытныя и важныя для историка, философа и политика! Еслибы чаще мы туда обращалися, то находили бы тамъ гораздо больше пищи для ума, для сердца, для воли, чѣмъ въ длинныхъ и безконечныхъ столбцахъ Journal des Débats, Indépendance Belge, Allgemeine Zeitung, Times и Punch" [285]).

LV.

Соперничая съ Погодинскимъ Древлехранилищемъ въ Москвѣ, процвѣтала библіотека Н. И. Царскаго. Въ концѣ 1848 года П. М. Строевъ напечаталъ каталогъ этой библіотеки, подъ заглавіемъ: *Рукописи Словенскія и Россійскія. Разобраны и описаны Павломъ Строевымъ.*

Погодинъ написалъ на этотъ каталогъ рецензію, въ которой читаемъ: „Тысяча почти страницъ! Тѣни Монфоконовъ и Мураторіевъ, возрадуйтесь: и на далекомъ Сѣверѣ явля-

ются вамъ *достойные* подражатели, послѣдователи и преемники! Написалось имя Монфокона и подало мнѣ новую мысль. Монфоконъ издалъ библіотеку библіотекъ (Bibliotheca Bibliotecarum etc.) въ двухъ огромнѣйшихъ фоліантахъ. Что еслибъ Строевъ, посвятивъ тридцать лѣтъ трудамъ, по большей части, библіографическимъ, описавъ библіотеку Толстаго, Царскаго, Московскаго Общества и многихъ монастырей, получилъ средства и возможность описать библіотеки Софійскую, Патріаршую, Кирилловскую...., вотъ тогда воздвигнулъ бы онъ себѣ памятникъ, вотъ тогда наука поставила бы его изображеніе въ своемъ святилищѣ! Мнѣній Строева о древней Русской Исторіи я не только не раздѣляю, но всегда осуждалъ и осуждать буду, если онъ отъ нихъ не откажется, готовъ преслѣдовать при всякомъ случаѣ, ревнуя пользѣ науки,—слѣдовательно, голосъ мой въ этомъ отношеніи совершенно безпристрастенъ и произносится во имя той же науки. Строевъ можетъ сдѣлать это дѣло лучше всѣхъ. Скажу болѣе: Русская Исторія становится теперь на такую степень, что не можетъ довольствоваться поверхностнымъ знакомствомъ съ своими источниками. Бредни нѣкоторыхъ молодыхъ людей позабудутся, прозвучавъ въ воздухѣ, и явятся достойные дѣлатели, даже изъ нихъ, для которыхъ необходимы полныя указанія, гдѣ что они могутъ найти для своихъ основательныхъ изслѣдованій.

„Но возвратимся къ каталогу. Я прочелъ и просмотрѣлъ его отъ доски до доски. Прочесть его—трудъ! Что же стоило написать его? Что стоило его напечатать? И какой скучный, утомительный неблагодарный трудъ! Только особаго рода, особаго темперамента, особаго характера, труженики могутъ посвятить ему себя. Вообразите какой-нибудь сборникъ въ тысячу и болѣе листовъ, съ двумястами статьями. Каково выписать одни начала изъ этихъ статей!.... Только тридцать лѣтъ постоянныхъ занятій могутъ нѣсколько облегчить его, научивъ разнымъ пріемамъ, о коихъ новичекъ, не только верхоглядъ, и не можетъ имѣть понятія. Каталоги Строевскіе

обвиняютъ въ сухости сравнительно съ каталогами Востокова. Вотъ краткое и совершенно полное его оправданіе, съ коимъ я вполнѣ согласенъ. „Я держался правилъ библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя, не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ, малополезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ и проч.) выйдетъ только поверхностное; всѣ подобные предметы, въ полномъ ихъ развитіи, принадлежатъ къ области ученыхъ трактатовъ и монографій“. Каталогъ Востокова читать пріятнѣе, поучительнѣе, это правда, но потому, что Востоковъ вышелъ изъ предѣловъ библіографіи и не только описывалъ свои рукописи, но и прилагалъ изслѣдованія объ нихъ.

„Рукописи расположены по алфавиту названій. „Всякое другое распредѣленіе невозможно“, говоритъ Строевъ. Но я докажу ему, что возможно, когда выйдетъ мой каталогъ. А когда онъ выйдетъ—увы! не могу сказать навѣрное. Бѣляевъ трудится, трудится усердно, но, какъ Востоковъ, онъ не можетъ удерживаться отъ изслѣдованій, и до сихъ поръ поръ описалъ только семьсотъ пятьдесятъ рукописей (количество библіотеки Царскаго), а у меня давно уже перешло это число за тысячу пятьсотъ.

„Заключимъ наше краткое извѣстіе изъявленіемъ глубочайшей благодарности, отъ имени науки и ея служителей, преимущественно по части Русской Исторіи и Словесности, достопочтенному собирателю, который удѣлялъ во всю жизнь часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотые карнизы, не на лихихъ рысаковъ и златокованную сбрую,—но на собраніе и сохраненіе драгоцѣннѣйшихъ отечественныхъ памятниковъ, во славу отечества. Возблагодаримъ и достопочтеннаго ученаго, который посвящаетъ свое время съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою ревностію этой Египетской работѣ“.

Этою рецензіею Погодинъ никому не угодилъ. „Позвольте

выразить несогласіе“, писалъ рецензенту П. С. Казанскій,— „съ мнѣніемъ вашимъ касательно новаго труда Строева: *Описаніе рукописей Царскаго.* Безспорно, это дѣло изумительнаго терпѣнія, но тутъ работа чисто механическая. Доказательство у меня подъ руками. Подъ моимъ надзоромъ теперь трудится одинъ человѣкъ, умѣющій только писать, надъ описаніемъ рукописей Лаврской Библіотеки. Если нѣтъ подписи, то онъ не угадаетъ вѣка рукописи, но описаніе составляетъ такъ же, какъ составилъ Строевъ. Строева, при его обширныхъ познаніяхъ, нужно просить, возбуждать, чтобы онъ не былъ такъ скупъ въ дѣлежѣ своихъ познаній. По обнародованнымъ у насъ каталогамъ рукописей можно уже судить, что новаго еще не много встрѣтится. Отъ человѣка, столь знакомаго съ Древней нашей Литературой, мы бы желали видѣть результаты его изслѣдованій, его мыслей и замѣчаній объ этомъ дѣлѣ, результатѣ его знакомства съ этимъ предметомъ. Безъ знакомства съ содержаніемъ рукописей, безъ оцѣнки ихъ достоинства, онѣ—мертвый капиталъ для насъ. Новыя описанія библіотекъ будутъ повтореніемъ стараго. Мы узнаемъ, что въ такой-то библіотекѣ есть рукопись такого-то оглавленія, и т. д. Но что изъ этого? Хочется выслушать мнѣніе объ этихъ рукописяхъ человѣка, знакомаго съ ними; хочется знать оцѣнку ихъ изъ устъ человѣка, такъ много изучавшаго памятники Древней нашей Литературы. Вы не раздѣляете скептическаго направленія Строева, но мысль ученаго человѣка, у котораго есть свое добросовѣстное убѣжденіе, всегда пріобрѣтеніе для науки. Не скептическому ли направленію обязаны мы тѣми прекрасными изслѣдованіями, которыя мы имѣемъ о Древней нашей Исторіи. Скептицизмъ заставляетъ насъ глубоко входить въ предметъ, обращать вниманіе на тѣ стороны, которыя ускользали отъ насъ“.

На это Погодинъ отвѣчалъ: „Вы называете сочиненіе каталоговъ работой механической. Въ томъ-то и состоитъ ея достоинство. Новый верхоглядъ или скорохватъ возьмется построить вамъ двадцать системъ скорѣе, чѣмъ предпринять по-

добное описаніе. Мертвымъ капиталомъ назвать его нельзя; когда библіотеки наши будутъ такъ описаны, тогда всѣ изслѣдователи будутъ знать, чего гдѣ искать имъ должно. Каталоги дѣлаются теперь повтореніемъ одного и того же—это правда, и новые описатели, во избѣжаніе повтореній, должны принять ваше замѣчаніе на видъ.

„Кстати—вотъ еще работа механическая, за которую однако можно будетъ назвать работника благодѣтелемъ: разобрать, изъ всѣхъ каталоговъ (Толстого, Румянцова, Царскаго, и проч.) всѣ слова (Златоустаго, Григорія Богослова, и проч.) по азбучному порядку, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ. Его сочиненія по подлиннымъ изданіямъ суть:... Переведены на Словенскій языкъ слѣдующія—и здѣсь должны помѣститься они по началамъ ихъ, въ азбучномъ порядкѣ. При каждомъ словѣ легко прибавить: находится въ сборникѣ г. Царскаго, нумеръ такой-то, такой-то, и проч., древнѣйшіе списки находятся тамъ-то. Здѣсь вы увидите исторію нашей переводной литературы и вмѣстѣ нашего образованія, повѣрнѣе, чѣмъ въ Исторіи г. Милюкова и Хрестоматіи г. Галахова. При описаніи новыхъ библіотекъ можно будетъ только ссылаться на это сочиненіе, и трудъ облегчится много. Такую работу я посовѣтовалъ бы гг профессорамъ Русской Словесности въ Университетахъ и Академіяхъ предлагать для своихъ студентовъ. Молодые люди наработали бы въ одинъ годъ кипу. Касательно желанія вашего, чтобъ Строевъ дѣлился съ нами плодами своихъ бeзпримѣрныхъ трудовъ, я совершенно согласенъ“ [286]).

На рецензію Погодина справедливо напалъ и *Современникъ*, взявшій сторону нашего знаменитаго Археографа:

„Г. Погодинъ говоритъ, *что еслибы г. Строевъ, посвятивъ тридцать лѣтъ трудамъ библіографическимъ, получилъ средства и возможность описать библіотеки Софійскую, Патріаршую, Кирилловскую..., вотъ тогда воздвигнулъ бы онъ себѣ памятникъ, вотъ тогда наука поставила бы его изображеніе въ своемъ святилищѣ...* Помилуйте! Да это изъ рукъ вонъ! Людей судятъ тогда, когда они могли сдѣлать что-ни-

будь, да не сдѣлали. Поставилъ ли Строевъ свое изображеніе въ какомъ-то святилищѣ науки, какъ выражается Погодинъ, не знаю; но память Строева всегда будетъ драгоцѣнна для ученыхъ благодарныхъ. Бездѣлица! тридцать лѣтъ труженически работать! Описать такое множество библіотекъ, какое описалъ Строевъ—да кто же у насъ описалъ ихъ больше? Конечно, не авторъ *Черной Немочи* и не издатель переводовъ, сдѣланныхъ студентами. Самъ же говоритъ онъ, что прочесть каталогъ Строева — трудъ! Что же стоило написать его? Что стоило его напечатать? Какихъ же памятниковъ вамъ нужно, какихъ изображеній въ какомъ-то святилищѣ, созданномъ воображеніемъ? Наука требуетъ истины и не терпитъ пустыхъ метафоръ! Не понимаю, какъ не дрогнула рука Погодина, когда писалъ онъ свои фразы; тогда какъ черезъ нѣсколько строкъ самъ же онъ долженъ сознаться, что его каталогъ, надъ которымъ усердно трудится Бѣляевъ, выйдетъ—увы! неизвѣстно когда" [287]).

Въ своей рецензіи Погодинъ, какъ мы видѣли, выразилъ желаніе, чтобы П. М. Строеву даны были средства на описаніе библіотекъ Кирилловской, Патріаршей, Софійской, однимъ словомъ библіотекъ Духовнаго Вѣдомства. Это встревожило митрополита Филарета, и онъ 6-го мая 1849 года писалъ ректору Московской Духовной Академіи архимандриту Алексѣю. „Говорятъ, что чужіе люди (Погодинъ и Ундольскій) предпринимаютъ безъ насъ для Синодальной Библіотеки то, о чемъ я давно думаю, не достигая дѣла,—именно, составленіе отчетливаго каталога, и даже помышляютъ о напечатаніи. Посему скажите цензорамъ, чтобы, если что въ семъ родѣ явится въ цензуру, удержались отъ пропущенія безъ представленія Святѣйшему Синоду. И я желаю знать, если что такое встрѣтится. Но какъ желательно намъ самимъ, такъ какъ и нужно, сдѣлать дѣло, за недѣланіе котораго могутъ насъ укорить, то поговорите съ Горскимъ, не возьмется ли онъ за сіе дѣло, съ нѣсколькими сотрудниками, которыхъ можно было бы взять въ Москвѣ, и которыхъ дѣло онъ направлялъ бы и

повѣрялъ, посѣщая Москву по временамъ? Займитесь сею мыслію".

По свидѣтельству высокопреосвященнѣйшаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, профессоръ Историческихъ Наукъ въ Московской Духовной Академіи А. В. Горскій изъявилъ готовность принять на себя трудъ составленія Описанія Словенскихъ Рукописей, хранящихся въ Московской Сѵнодальной Библіотекѣ. Въ сотрудники себѣ онъ указалъ на профессора Симбирской Семинаріи Капитона Невоструева. Митрополитъ Филаретъ представилъ по сему предмету свои соображенія Святѣйшему Сѵноду. Святѣйшій Сѵнодъ, одобривъ эти соображенія, опредѣлилъ: 1) поручить составленіе описанія означенныхъ рукописей профессору Московской Академіи Александру Горскому; 2) въ сотрудники ему назначить профессора Симбирской Семинаріи Капитона Невоструева, освободивъ сего послѣдняго отъ профессорскихъ занятій по Семинаріи, и, вызвавъ его въ Москву, обезпечить въ средствахъ къ содержанію при исполненіи возлагаемаго на него порученія. Ученые профессоры Горскій и Невоструевъ не замедлили приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ (съ 1849 по 1863 г.) совокупными силами они трудидились надъ описаніемъ Словенскихъ рукописей Сѵнодальной Библіотеки, и плодомъ этихъ ревностныхъ и усиленныхъ трудовъ, въ особенности Невоструева, были четыре печатныхъ тома [288]).

Когда Филаретъ, епископъ Харьковскій, узналъ, что на его друга выпалъ счастливый жребій быть описателемъ Московской Сѵнодальной Библіотеки, то 7-го августа 1849 года писалъ ему: „То, что вы пишете о порученіи Сѵнода относительно Сѵнодальной Библіотеки, для меня новость и новость весьма отрадная, весьма пріятная. Дѣло, какъ очевидно для всѣхъ, весьма нужное, дѣло такое, которое давно слѣдовало сдѣлать. Сколько упрековъ проглочено? Пожалуйста не подражайте предшественникамъ: будьте настойчивы въ трудѣ и терпѣніи. Будутъ препятствія и остановки то отъ толковъ кривыхъ, то просто отъ

самолюбія. Переносите терпѣливо и идите, не останавливаясь, по голосу внутреннему. Прибавлю и то: не увлекайтесь и своими предположеніями, и желаніями сдѣлать трудъ образцовый". Въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 25-го декабря 1849 г.) Филаретъ писалъ Горскому: „Вы, милые мои, выученные подъ ферулою великаго критика-филолога-историка-философа-богослова, вы именно должны не оставлять безъ употребленія данныхъ вамъ теперь способовъ — знакомить съ памятниками древности, которыхъ съ такою жадностію ждутъ теперь всѣ. Издавайте, издавайте драгоцѣнную древность" [289]).

Въ то время, когда въ Москвѣ предпринималось грандіозное Описаніе Сѵнодальной Библіотеки, въ С.-Петербургѣ 11-го апрѣля 1849 года скончался на девяносто первомъ году жизни тайный совѣтникъ графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой. Онъ родился 16-го декабря 1758 года. Послѣдняя служба его была въ званіи сенатора. Заслуги покойнаго Графа на пользу Исторіи и Древностей Русскихъ дѣлаютъ имя его незабвеннымъ. Графъ Ѳ. А. Толстой одинъ изъ первыхъ у насъ началъ разрабатывать Отечественную Археологію, дѣятельно собирая старинныя рукописи и старопечатныя книги. Пріобрѣвъ большими пожертвованіями отличную и рѣдкую библіотеку по сей части, онъ не только сдѣлалъ ее доступною для ученыхъ изслѣдованій, но открылъ всѣмъ любителямъ Древности. Библіотекаремъ этой драгоцѣнной библіотеки былъ знаменитый археографъ нашъ—П. М. Строевъ, составившій обстоятельное и систематическое описаніе сего книгохранилища. Рѣдкое собраніе графа Ѳ. А. Толстаго щедротами императора Николая I вошло въ составъ Императорской Публичной Библіотеки... Искренно любя Русскую Литературу, графъ Ѳ. А. Толстой находился въ близкихъ и тѣсныхъ связяхъ почти со всѣми ея дѣятелями, и знаменитый Крыловъ, въ первой молодости своей, нашелъ и первое сочувствіе къ своему генію, и первую поддержку на пути жизни—въ домѣ покойнаго Графа, у котораго онъ жилъ нѣсколько лѣтъ.

Графъ Д. Н. Толстой этотъ некрологъ заключаетъ та-

кими словами: „Предоставляя себѣ впослѣдствіи издать полное жизнеописаніе графа Ѳ. А. Толстаго, мы заключимъ статью нашу искреннимъ повтореніемъ молитвы о душѣ его, которую Церковь еще читаетъ надъ его гробомъ: *Милости Божія, Царства Небеснаго, и оставленія грѣховъ его, у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего просимъ*“ [290]).

LVI.

Послѣ крушенія, постигшаго Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ въ концѣ 1849 года, какъ мы уже знаемъ, перемѣнился личный составъ управленія Общества. Президентомъ сталъ А. Д. Чертковъ, а секретаремъ И. Д. Бѣляевъ. Библіотекаремъ же по прежнему оставался В. М. Ундольскій. Для разсмотрѣнія начатыхъ изданій назначенъ комитетъ изъ И. Д. Бѣляева, М. П. Погодина и А. М. Кубарева. Органомъ Общества сталъ, вмѣсто *Чтеній*, *Временникъ*.

Хотя лица, взявшія въ свои руки бразды правленія Общества, были, по видимому, и близкія Погодину, но миръ не водворился, и ладу между новымъ секретаремъ и Погодинымъ по прежнему не было.

Въ дѣлахъ Общества принялъ дѣятельное участіе А. М. Кубаревъ: онъ всѣми силами старался оградить отъ всякихъ дрязгъ почтеннаго Президента Общества. 11-го января 1849 г. Кубаревъ писалъ Погодину: „Когда Общество? Пора бы говорить и сдѣлать что-нибудь. Если секретарь увѣдомитъ чрезъ газеты, то извините меня, если я не буду. Газетъ не читаю. Итакъ, увѣдомьте билетомъ. Много, много нужно говорить и твердо и рѣшительно и принять дѣятельныя мѣры. Грѣхъ намъ оставить Александра Дмитріевича Черткова безъ всякаго съ нашей стороны содѣйствія. Надо помочь ему въ Геркулесовомъ трудѣ очистить Авгіево стойло“.

Нижеслѣдующія записи *Дневника* Погодина свидѣтель-

ствуетъ намъ объ отношеніи Погодина къ обновленному персоналу Общества.

Подъ *9 января 1848 г.:* „Промотался по пустякамъ къ Черткову, и не поѣхалъ къ Закревскому въ толпѣ депутатовъ. Бѣляевъ просто колпакъ".

— *2 февраля* —: „Бѣляевъ норовитъ по своему, а ему многое не достаетъ".

— *8* — —: „Обѣдали Бѣляевъ и Кубаревъ. Первый, кажется, хитритъ".

— *26* — —: „Бѣляевъ хочетъ дурить тоже, какъ и Бодянскій".

— *5 марта* —: „Бѣляевъ все таки штукаритъ".

— *20* — —: „Съ Бѣляевымъ объ Обществѣ. Показываетъ и онъ свою дурную сторону".

— *26* — —: „Удивительно, какъ неспособенъ Бѣляевъ къ порядку".

— *17 апрѣля* —: „Спасскій и Бѣляевъ о пронырствахъ Ундольскаго, который укралъ Михайлову грамоту. И Бѣляевъ семинаристъ порядочный, кажется. Истинныхъ понятій о чести и благородствѣ онъ не имѣетъ, хоть можетъ быть и преданъ мнѣ пока. Гулялъ по саду".

— *3 мая* —: „Вчера въ Историческомъ Обществѣ. Гадкая выходка Бѣляева, который, кажется, хочетъ продолжать рядъ Бодянскихъ, Соловьевыхъ и пр. Пропалъ вечеръ даромъ, и съ досадою".

По поводу послѣдней записи Погодинъ писалъ Шевыреву: „Ты совершенно справедливъ, и я признаю себя виновнымъ. Бери же примѣръ съ меня и согласись, что я могу увлечься въ ту или другую минуту, но что я тотчасъ же способенъ опомниться въ своей ошибкѣ. Бѣляевъ скверно поступилъ вчера, а я глупость сказалъ въ предыдущемъ засѣданіи, но меня взяло зло тогда, что хотятъ начинать такъ же, какъ мы осуждали и проч.".

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. М. Кубаревъ жаловался на недоступность Бѣляева. „Да какъ бы мнѣ повидаться съ И. Д. Бѣ-

ляевымъ“, писалъ онъ къ Погодину,—„я ходилъ, ходилъ около его дому: загороженъ и запертъ со всѣхъ сторонъ“ [291]).

Кромѣ того, въ это время между Бѣляевымъ и Погодинымъ происходили и ученыя несогласія.

Область изслѣдованій древнихъ Русскихъ Лѣтописей Погодинъ какъ бы считалъ своею областію и не любилъ, чтобы въ нее вступали другіе безъ его, такъ сказать, благословенія, а между тѣмъ въ это время Бѣляевъ дерзнулъ написать и напечатать изслѣдованіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Русскія Лѣтописи по Лаврентьевскому списку съ 1111 по 1169 годъ.* Въ это же время, какъ нарочно, Погодинъ напечаталъ въ Трудахъ Одесскаго Общества Исторіи 1848 года свое изслѣдованіе о Лѣтописяхъ, котораго Бѣляевъ въ своемъ изслѣдованіи будто бы „не принялъ къ свѣдѣнію“. Познакомившись съ изслѣдованіемъ Бѣляева, Погодинъ, подъ 10-мъ декабря 1849 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бѣляевъ, которому намекнулъ, что онъ обокралъ мою статью, не сказавъ о томъ ни слова“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ написалъ письмо къ Бѣляеву, которое впрочемъ *не послалъ*; но сохранился собственноручный черный листокъ онаго, въ которомъ читаемъ: „Я прочелъ статью. Новаго въ ней—о фамильныхъ лѣтописяхъ: это и слѣдуетъ печатать, а что касается до оффиціальныхъ, то все это напечатано мною въ Трудахъ Одесскаго Общества. У васъ не нашелъ я ни одного лишняго замѣчанія и указанія. Зачѣмъ же повторять одно и то же. Объ оффиціальныхъ, слѣдовательно, должно сказать мимоходомъ, а говорить подробно свое. Мнѣ непріятно будетъ писать рецензію съ указаніемъ одинакихъ мѣстъ на двухъ, на трехъ страницахъ. Воля ваша, любезнѣйшій Иванъ Дмитріевичъ, вы увлекаетесь и напрасно не слушаете меня. Матеріаловъ у васъ множество, вы набили руку разбирать ихъ и соображать—ну, зачѣмъ же вы бросаете свои собственныя изслѣдованія о податяхъ, о сословіяхъ, о городахъ, и Богъ несетъ васъ въ повторенія, слишкомъ поспѣшныя! О лѣтописяхъ на вашихъ глазахъ писалъ я, перемѣнялъ редакціи раза три, а вы об-

вертываете около пальцевъ. О, люди! Новая игра ваша не стоитъ свѣчъ, а золотая руда собственная покидается. Эй, послушайтесь!"

Другое изслѣдованіе Бѣляева объ Александрѣ Невскомъ тоже не понравилось Погодину, и въ своей рецензіи онъ замѣтилъ: „И. Д. Бѣляевъ заслуживаетъ болѣе и болѣе признательности отъ всѣхъ друзей Русской Исторіи за сообщеніе драгоцѣнныхъ документовъ. А разсужденіемъ его объ Александрѣ Невскомъ мы довольны менѣе. Во всякомъ случаѣ, для публики, не для ученыхъ, не для критиковъ, это очень занимательная біографія, и, прочтя ее, получишь яснѣйшее и полнѣйшее, хоть нѣсколько пристрастное, понятіе объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ князей Татарскаго періода" [292]).

Авторъ, посылая брошюру своего изслѣдованія А. Н. Попову, писалъ ему: „Отправляю къ вамъ мою брошюру. Погодинъ напечаталъ, что остался ею недоволенъ, но не объяснилъ—почему, неужели это секретъ для рецензентовъ. Странное дѣло! Я же ему сказалъ, что недоволенъ его *Василькомъ*, но не секретничалъ, а напрямки объявилъ, что въ его разсказѣ не видно Василька Ростиславича" [293]). Припомнимъ, что Погодинъ печаталъ въ *Москвитянинѣ* обработанные отрывки своей Древней Русской Исторіи и въ числѣ ихъ напечаталъ: *князь Василько Ростиславичъ Теребовльскій* [294]). Иное впечатлѣніе произвелъ онъ на М. А. Дмитріева. „Нѣсколько словъ сказанныхъ вами о Василькѣ", писалъ онъ Погодину,— „заставили меня вздохнуть глубоко: *жалкій слѣпецъ умеръ въ старости, почти вмѣстѣ съ любимымъ товарищемъ братомъ, и мы не знаемъ, гдѣ покоится ихъ прахъ въ нынѣшнихъ Австрійскихъ владѣніяхъ.* Сказать это—безъ всякихъ прибавленій и разсужденій: это черта Тацитовская—стихотворцамъ позволено всячески бродить воображеніемъ; сверхъ того, они, я думаю, плохіе политики и дипломаты!" [295]).

Между тѣмъ *Александръ Невскій* Бѣляева весьма понравился А. Н. Попову, и авторъ съ признательностью писалъ ему: „Мнѣ очень пріятно, что мой *Невскій* вамъ понравился;

его одобряютъ многіе. Относительно же Татарщины скажу вамъ, что здѣсь я, можетъ быть, и пересолилъ; но дѣло вотъ въ чемъ: на этотъ предметъ никто не обращаетъ вниманія; отдѣлать же мнѣ его поотчетливѣе было некогда, а потому я пустилъ это дѣло какъ вопросъ, ожидая опроверженій, но только дѣльныхъ, а не голословныхъ, какъ изволятъ писать *Отечественныя Записки*, которыя, идя точь въ точь по слѣдамъ разруганнаго ими Погодина, диктаторски поговариваютъ: это *не такъ*...“

Какъ бы то ни было, труды Бѣляева по Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ были замѣчены и въ Петербургѣ. „Вы говорите“, писалъ онъ А. Н. Попову,—„что я тружусь въ Обществѣ почти одинъ. Что жь дѣлать? такова моя судьба въ этомъ дѣлѣ. Нельзя сказать, чтобы въ Обществѣ не было людей способныхъ трудиться; но они даромъ работать не хотятъ, а Обществу платить нечѣмъ. Я еще не сѣтовалъ бы, что мнѣ не помогаютъ; но вотъ грустно, что встрѣчаешь препятствія и неудовольствія даже въ настоящее время... Странно, я не искалъ секретарства и принялъ его только изъ уваженія къ Обществу, а на меня смотрятъ какъ на искавшаго сей должности“ [296]).

Изобразивъ отношеніе Погодина къ секретарю Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, приступимъ теперь къ описанію дѣятельности Общества, на сколько она выразилась въ его изданіяхъ.

Съ 1849 года Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вступило въ новую фазу своей дѣятельности и вмѣсто *Чтеній* стало издавать *Временникъ*. Забывъ свои частныя препирательства съ И. Д. Бѣляевымъ, Погодинъ привѣтствовалъ явленіе *Временника* такими словами: „Отечественная Исторія, слава Богу, идетъ у насъ очень успѣшно: безпрестанно являются новые дѣлатели, печатаются важные матеріалы, открываются драгоцѣнные документы. Московское Общество содѣйствовало успѣхамъ ея съ самаго своего основанія, иногда болѣе, иногда менѣе, смотря по обстоятель-

вамъ. Въ послѣднемъ его изданіи, *Чтеніяхъ*, встрѣчалось также много любопытнаго и значительнаго, за что можно было имъ прощать все лишнее и пустое. Трудолюбію редактора должно было отдавать честь, которой нельзя было только приписывать за разборчивость, ибо печаталось все, *что ни попало.* Общество приняло теперь мѣры, чтобы впредь отъ его имени выходило только достойное мѣста, занимаемаго имъ въ нашемъ ученомъ свѣтѣ. Редакторомъ новыхъ трудовъ его избранъ нынѣшній секретарь И. Д. Бѣляевъ, пріобрѣтшій уже себѣ почтенное имя своими изслѣдованіями. Статьи каждой книги будутъ разсматриваться имъ съ двумя членами, избираемыми для сего ежемѣсячно, и потомъ утверждаться Обществомъ и его предсѣдателемъ, также слишкомъ извѣстнымъ дѣлателемъ нашей Исторіи, А. Д. Чертковымъ, которому наша нумизматика, библіографія и критика одолжены столько" [297]).

Для поднятія значенія Общества Бѣляеву пришла мысль о поднесеніи великому князю Константину Николаевичу званія почетнаго члена Общества и объ этомъ, 11-го апрѣля 1849 года, онъ писалъ Погодину: „Очень сожалѣю, что не засталъ васъ дома. Я былъ третьяго дни у Александра Дмитріевича Черткова и говорилъ съ нимъ относительно избранія въ почетные члены Общества великаго князя Константина Николаевича; и онъ отвѣчалъ, что очень радъ, ежели это можно будетъ сдѣлать, и говорилъ, кто бы это ни сдѣлалъ, для него все равно. Теперь, слѣдовательно, дѣло въ вашемъ добромъ содѣйствіи. А посему я жду съ нетерпѣніемъ, когда и кто долженъ представить Великому Князю *Временникъ*, и можно будетъ просить при семъ Князя, чтобы онъ принялъ званіе почетнаго члена Общества. Можетъ быть, все, что я пишу, не больше какъ мечта неосуществимая, но эта мечта гнѣздится въ моей головѣ, ни для чего другого, какъ для пользы Общества".

Но мысль эта, кажется, не осуществилась:

Первая книжка *Временника* украшалась драгоцѣннымъ па-

мятникомъ нашей Древности, въ ней былъ напечатанъ *Домострой* Благовѣщенскаго попа Сильвестра съ предисловіемъ Д. П. Голохвастова.

Еще 29-го іюля 1848 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Коссовичъ возвратился изъ Твери и сказывалъ мнѣ, что Коншинъ открылъ новое сочиненіе Сильвестра: *Домострой*, въ которомъ описанъ весь бытъ внѣшній и внутренній Русскаго человѣка. Нашелъ онъ въ рукописи съ его именемъ — и, кромѣ того, имѣются другія рукописи для свѣрки, безъ имени Сильвестра. Теперь Коншинъ трудится надъ приготовленіемъ къ изданію этого сочиненія и намѣренъ напечатать въ *Чтеніяхъ* Общества...“ Вскорѣ послѣ того И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Есть ли у васъ рукопись XVII вѣка *Домострой?* Вотъ что слѣдовало бы напечатать, если не цѣликомъ, то выдержками въ журналѣ. Это превосходная вещь. Вообще не знаю, для чего вы не пользуетесь вашимъ собраніемъ рукописей для напечатанія болѣе замѣчательныхъ въ журналѣ“.

Самъ же Коншинъ, 19-го августа 1849 года, писалъ Погодину: „Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ бы я вамъ знаменитыя достопамятности, мной выписанныя изъ Древняго манускрипта, въ Новгородской семинарской библіотекѣ находящагося, но все, мной списанное, я тотчасъ же представилъ Д. П. Голохвастову, не взявъ, ибо спѣшилъ, копіи себѣ. Представитель сего, Забѣлинъ, сообщитъ вамъ всѣ подробности, какъ очевидецъ труда моего. Вотъ что я выписалъ для facsimile изъ посланія къ Іоанну: „И тебѣ, Великому Государю, которая похвала въ таковыхъ чужихъ мерзостяхъ! Въ гнилыхъ совѣтяхъ неразумныхъ людей, рабъ своихъ, самъ себе хощеши обезчестити предъ враги твоими“. Языкъ этого посланія есть громъ небесный. Краски разврата дворскаго такъ ярки, въ такой гнусной наготѣ представлены современные пороки, что дрожь пробѣгаетъ читая. Это все сокровище теперь у Д. П. Голохвастова, онъ сбирался все, что о Сильвестрѣ встрѣтитъ гдѣ-либо, напечатать. Замѣчательно, что на манускриптѣ, на заглавномъ листѣ, отыскалъ я стер-

тую и замаранную надпись: „*Сборникъ Сильвестровской*“, никѣмъ не замѣченную. Надѣюсь лично имѣть честь вамъ представиться и поклониться низко, какъ святому труженику въ неблагодарномъ доселѣ дѣлѣ Исторіи Русской“.

На запросъ Погодина объ этихъ посланіяхъ Д. П. Голохвастовъ (28-го августа 1849 года) отвѣчалъ: „Исполняя желаніе ваше и въ удовлетвореніе вашему любопытству, спѣшу при семъ препроводить къ вамъ, полученный мною отъ Копшина, списокъ *трехъ посланій* Сильвестра. Они не вновь открытые, потому что объ нихъ говоритъ митрополитъ Евгеній въ своемъ *Словарѣ*, а сверхъ того, *между нами сказать*, именно вамъ не слѣдуетъ принимать ихъ за новое открытіе, потому что древній и прекрасный списокъ съ нихъ есть въ одномъ сборникѣ, который вы же мнѣ сообщили. Я и думалъ объ этомъ сказать въ моей статьѣ. Изъявляя слишкомъ откровенно обрадованіе *объ открытіи*, вы какъ будто обвините себя въ томъ, что не знаете всѣхъ сокровищъ, которыми обладаете. По толщинѣ тетради вы увидите, что списывать съ нея копію для васъ было бы слишкомъ медленно. Посылая вамъ тотъ экземпляръ, который я имѣю, прошу васъ, по прочтеніи, мнѣ его возвратить. Твердо увѣренъ, что все это останется между нами, и вотъ для чего я этого желаю: съ нѣкотораго времени стали обращать вниманіе на Сильвестра, изъ котораго хотятъ сдѣлать вмѣстѣ и попа-невѣжу, и политическаго интригана. Моя цѣль систематически и съ возможной полнотою выставить его личность въ настоящемъ свѣтѣ. Грустно бы было, еслибы все, не безъ труда собранное, обдуманное, подвергнутое соображеніямъ и сличеніямъ, стало являться въ отрывочныхъ статьяхъ, послѣ коихъ моя была бы какъ изъ лоскутковъ сшитая. Чувствительно благодарю васъ за участіе въ моемъ здоровьѣ. Оно было и есть очень нехорошо. Паче всего мѣшаетъ мнѣ во всемъ какая-то упорная простуда, отъ которой избавиться не могу съ маія мѣсяца“.

По свидѣтельству Погодина, въ эти послѣдніе дни своей

жизни Д. П. Голохвастовъ „былъ приведенъ въ восторгъ *Домостроемъ*, погрузился въ разсужденіе о старой жизни, и былъ намѣренъ написать подробное изслѣдованіе о сочинителѣ *Домостроя*. Нельзя не жалѣть, что судьба помѣшала ему кончить начатый трудъ, на пользу Русской Исторіи“.

Между тѣмъ, когда *Домострой* печатался еще въ *Временникѣ*, мнительный Кубаревъ писалъ Погодину: „Если для изданія уже начатыхъ безъ цензуры печататься пьесъ необходимо одобреніе и соизволеніе Министра, то какъ же мы пустимъ въ своей книжкѣ *Домостройца* безъ его соизволенія? Скажи объ этомъ секретарю. *Домостроецъ* съ прочими піэсами необходимо долженъ быть представленъ къ Министру. Я не знаю, какъ мы выпустили это изъ виду и какимъ же образомъ прочіе піэсы, начатыя Бодянскимъ, представимъ Министру, а *Домостройца* не представимъ? Равно и казуистическія статьи, буде бы Бодянскій захотѣлъ кончить самъ, какъ можемъ отдать ему безъ соизволенія Министра? Онѣ всѣ принадлежатъ къ одной категоріи, ибо всѣ начаты еще до цензуры. Сообщи это секретарю и назначьте, когда намъ собраться хоть къ тебѣ, а лучше бы или къ тебѣ въ контору, или въ обыкновенную университетскую залу. Да скажи ему, чтобы вытребовалъ изъ типографіи и корректуры начатыхъ листовъ печатныя! Это нужно какъ для узнанія полноты піэсъ, такъ и для хозяйственныхъ счетовъ. Ибо что набрано, то-есть, что находится въ корректурахъ, за то мы платнмъ, за прочее не платимъ. Надо намъ повидаться. Я пустить *Домостройца* безъ соизволенія Министра никакъ не соглашаюсь“ [298]).

Наконецъ, *Домострой* явился въ печати, и Погодинъ съ радостію привѣтствовалъ это явленіе.

„*Домострой*... драгоцѣннѣйшее историческое открытіе, какое только сдѣлано въ продолженіе послѣдняго времени. Рукопись эта была извѣстна, но во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ недоставало послѣдней главы, изъ коей значится, что сочинитель ея былъ знаменитый Сильвестръ, другъ и совѣтникъ Грознаго отъ 1547 года до 1550 годовъ, слав-

нѣйшее лицо во всей Русской Исторіи. Это мой любимецъ, и во многихъ своихъ статьяхъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, я говорилъ объ немъ, пространнѣе въ разсужденіи о Грозномъ. Въ посланіи Сильвестра и наказаніи отъ отца къ сыну выражается вся эта чистая, прекрасная, высокая душа, получается драгоцѣнный комментарій на всѣ его дѣйствія, совершенно согласныя по лѣтописямъ и прочимъ документамъ съ этими сочиненіями, и наконецъ представляется идеалъ стараго Русскаго человѣка во всемъ его блескѣ. Вотъ, вотъ чему поклонялся и поклоняется *Москвитянинъ* въ древней Русской Исторіи! Вотъ древняя Русская личность, которую, не могутъ понять западные мудрецы, и еще менѣе восточныя ихъ обезьяны или недоросли. Вотъ древняя святая Русь во всей своей красотѣ и велелѣпіи. Безъ восторга, безъ неизъяснимаго, сладкаго, гармоническаго чувства, какое производятъ въ насъ оды Державина, стихотворенія Пушкина, картина великаго мастера, высокая духовная музыка, нельзя читать этихъ священныхъ излiяній души простой, любовной, праведной. Сокровища Русской Исторіи, сокровища Русской Исторіи,—о, какъ мы должны благодарить Бога, который осыпалъ насъ ими,—но благодаримъ ли мы Его? Сочиненіе Сильвестра соотвѣтствуетъ сочиненію Посошкова, жившаго послѣ чрезъ двѣсти почти лѣтъ. Но Посошковъ былъ человѣкъ болѣе дѣловой, болѣе правительственный, гражданинъ Имперіи Петровой, пережившій совсѣмъ другое время, который разсуждаетъ уже о хозяйствѣ государственномъ, какъ Сильвестръ о домашнемъ. До сихъ поръ только епископъ Филаретъ и профессоръ Горловъ обратили вниманіе на этого самороднаго Русскаго генія—о, невѣжество! о, обезьянство! Ни въ одной Нѣмецкой книгѣ, ни въ одной Французской газетѣ, онъ не цитованъ, и мы не смѣемъ упомянуть его имени. Я хочу перевести его по Нѣмецки и напетатаю въ Германіи! Авось Нѣмцы протрубятъ объ немъ, и мы тогда переведемъ ихъ аттестаты. Удерживаюсь говорить болѣе о знаменитомъ писателѣ Сильвестрѣ, потому что Д. П. Голохвастовъ обѣщаетъ

намъ въ своемъ предисловіи полное изслѣдованіе, а онъ пріучилъ насъ находить въ своихъ статьяхъ все, что относится къ предмету, и, слѣдовательно, намъ не нужно теперь принимать на себя лишняго труда. Мы надѣемся, что онъ воздастъ полную справедливость Сильвестру, коей не получилъ отъ него, по нашему мнѣнію, Палицынъ" [299]).

Мысль Погодина познакомить съ *Домостроемъ* Западную Европу пришлась по душѣ потомку извѣстнаго Штелина—Отту, и послѣдній писалъ Погодину: „Чтобъ вполнѣ доказать вамъ мое сочувствіе къ *Москвитянину*, посылаю вамъ при семъ, переведенный, по вашему намеку на Нѣмецкое, *Домострой Сильвестра*, который излился у меня изъ души. Весьма бы я обрадовался, еслибъ вы вспомнили намѣреніе свое напечатать этотъ Русскій памятникъ въ иностранномъ журналѣ и тѣмъ познакомить западную премудрость съ древнею Русскою простотою. Отверзите *Домострою* врата, и онъ обойдетъ свѣтъ. Лично прошу васъ принять этотъ переводъ, какъ самый слабый знакъ благодарности за безпрерывное ваше вниманіе въ полученіи вашего журнала" [300]).

Почти одновременно съ явленіемъ въ свѣтъ *Домостроя*, Ярославскій антикварій Серебренниковъ подарилъ И. С. Аксакову рукопись: *Сочиненіе Астраханскаго губернатора Татищева въ 1742 году объ управленіи деревнями и крестьянами.* Познакомившись съ этою рукописью, Аксаковъ (12-го января 1850 г.) писалъ своему отцу: „Не вѣрится, чтобы это писалъ Русскій человѣкъ. Тутъ говорится, сколько разъ крестьянинъ долженъ умывать руки, какъ вести себя въ каждый часъ дня, словомъ вся жизнь его подведена подъ самыя строгія правила аккуратности, которыя подчасъ хуже всякой тираніи. Удивительно, какъ скоро перешелъ къ намъ этотъ Нѣмецкій духъ! При этомъ вспомнишь поневолѣ, что этотъ духъ сдѣлался нашимъ вѣковымъ достояніемъ, имѣетъ уже свою старину, замѣняющую другую—древнѣйшую..." Вслѣдъ за симъ И. С. Аксаковъ писалъ: „Я прочиталъ на этой недѣлѣ *Домострой* попа Сильвестра и дивился, какъ могло ро-

диться такое произведеніе; такъ многое въ немъ противно свойству Русскаго человѣка! Я терпѣть не могу правила въ самой жизни и вообще не люблю обычая, какъ скоро уже онъ замеръ, какъ скоро онъ покушается сдѣлаться правиломъ и властвовать надъ жизнію. На этомъ основаніи я не люблю и монашескихъ уставовъ, гдѣ формулировано аскетическое стремленіе. Еслибъ у меня былъ наставникомъ Сильвестръ и докучалъ мнѣ своими нравоученіями, то я, и не будучи Іоанномъ Грознымъ, прогналъ бы его отъ себя за тридевять земель! Впрочемъ, нельзя не сознаться, что образъ жизни и поведенія, предписываемый этимъ попомъ, совершенно напоминаютъ теперешній купеческій образъ жизни и обхожденія, особенно тамъ, гдѣ цивилизація незамѣтна... *Все для гостей, все для показу*—главная тема Сильвестра и нашихъ купцовъ.—Женѣ у Сильвестра позволяется разговаривать (и только съ женщинами же) только о томъ: „какъ порядня вести и какое рукодѣлейцо сдѣлати“. Если жена не слушается, то мужъ обязанъ: „постегать ее плетью, только наединѣ, поучить, да примолвить, да пожаловать“. Такъ должна и хозяйка поступать съ людьми. Бить по „видѣнію“ и палкой не совѣтуетъ: то ли дѣло, говоритъ онъ съ чувствомъ, бить плетью бережно: „и разумно, и больно, и страшно, и здорово“. Поповъ и монастырскую братію—кормить при всякомъ удобномъ случаѣ.—Но что удивительно—это экономія, разсчетливость, аккуратность въ хозяйствѣ — болѣе, чѣмъ Нѣмецкая, и съ которой жизнь просто каторга: все записывать, все взвѣшивать, постоянно остерегаться, чтобы люди не обокрали“. За обѣдомъ у Ростовскаго головы, во время ярмарки, И. С. Аксаковъ нашелъ живой коментарій къ *Домострою*. „Съ полчаса“ пишетъ онъ отцу своему,—„проходитъ въ усаживаніи гостей за столъ: хозяинъ хлопочетъ, чтобы всѣ сидѣли по чинамъ и по званію, а потому разъ пять дѣлается перемѣщеніе. Ибо сѣвшій двумя стульями ниже, если и молчитъ, то тѣмъ не менѣе глубоко чувствуетъ оскорбленіе. Этотъ обычай весьма почтененъ, потому что древенъ, а что древенъ, такъ это доказы-

ваетъ *Домострой* Сильвестра, посвятившаго этому важному предмету цѣлую главу. Теперь купецъ повѣдаетъ о своемъ оскорбленіи только женѣ. Къ сожалѣнію, новѣйшая цивилизація не дозволяетъ уже ему въ подобныхъ случаяхъ спускаться со стула подъ столъ и, лежа тамъ, толстымъ своимъ брюхомъ приподнимать столовыя доски со всею посудою".

Сообщая своему отцу, что рукопись, сообщенная Серебренниковымъ, дѣйствительно принадлежитъ перу историка Татищева, И. С. Аксаковъ прибавляетъ: „Впрочемъ *Домострой* Сильвестра едва ли чѣмъ лучше" [301]).

LVII.

Въ первой книгѣ *Временника* И. Д. Бѣляевъ напечаталъ свое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: *Жители Московскаго Государства, ихъ права и обязанности.* Статья первая: *Дружина и Земщина.*

Приступая къ разбору этого изслѣдованія, Погодинъ дѣлаетъ такое предисловіе: „Я люблю Бѣляева, уважаю, считаю себя обязаннымъ ему за его содѣйствіе и участіе въ разныхъ моихъ предпріятіяхъ, но въ дѣлѣ науки, въ дѣлѣ Русской Исторіи, — и другъ, и врагъ, и братъ, и незнакомецъ, для меня совершенно всѣ равны. Пусть изъ моей рецензіи увидятъ, что я возстаю на нелѣпости „удалыхъ молодцевъ" Русской Исторіи, отнюдь не потому, что они принадлежатъ тѣмъ или другимъ лицамъ, а потому только, что онѣ нелѣпости". Засимъ Погодинъ возстаетъ противъ главной мысли этого изслѣдованія, что въ Москвѣ, равно какъ и въ другихъ городахъ Руси, жители прежде всего раздѣлялись „на земцовъ и княжчанъ или на земщину и княжую дружину". Это, говоритъ Погодинъ, „вопросъ важный и капитальный въ нашей Древней Исторіи, котораго и не подозрѣваютъ сумасбродствующіе о разныхъ отношеніяхъ". Не причисляя Бѣляева къ разряду послѣднихъ, Погодинъ однако замѣчаетъ, что мнѣніе Бѣляева „не удивляетъ" его и затѣмъ приступаетъ къ разбору,

въ заключеніе котораго замѣчаетъ, что это разсужденіе Бѣляева по своему направленію и взгляду принадлежитъ къ одной категоріи съ разсужденіемъ П. В. Кирѣевскаго, помѣщеннымъ въ *Москвитянинѣ* 1845 года *), и прибавляетъ, что онъ „радъ бесѣдовать съ ними вмѣстѣ: это не гг. ни NN, ни MM или SS".

Ко второй статьѣ того же изслѣдованія Бѣляева, помѣщенной въ третьей книгѣ *Временника* 1849 года, въ которой трактуется *о служилыхъ людяхъ*, Погодинъ относится благосклоннѣе. „Эта статья", говоритъ онъ,—„исполнена многихъ дѣльныхъ мыслей и прекрасныхъ замѣчаній, какъ и всѣ историческіе труды г. Бѣляева, — особенно, гдѣ онъ пишетъ по документамъ, по грамотамъ и лѣтописямъ, ему хорошо знакомымъ; но она не выдерживаетъ критики, когда авторъ начинаетъ гадательныя разсужденія о происхожденіи званій и первоначальныхъ ихъ отношеніяхъ, безъ документовъ. Въ этихъ разсужденіяхъ онъ бываетъ очень отваженъ, и, считая какъ будто грѣхомъ не рѣшить всѣхъ встрѣчающихся вопросовъ, онъ обходится съ ними произвольно и разрубаетъ узлы, а не развязываетъ. Въ этомъ разсужденіи, напримѣръ, онъ прямо говоритъ, что *бояре* переименовались въ *боярскихъ дѣтей*. Вопросъ о боярскихъ дѣтяхъ и ихъ происхожденіи есть одинъ изъ самыхъ мудреныхъ вопросовъ въ средней нашей Исторіи, и порѣшить его такъ вдругъ нельзя. „Если *бояре* обратились и переименовались въ *боярскихъ дѣтей*, то куда же, спрошу я его, дѣлись древніе *отроки* и *дѣтскіе*? Нѣтъ, бояре существовали и при *боярскихъ дѣтяхъ*, а съ другой стороны, боярскія дѣти упоминаются въ лѣтописи еще въ 1149 г., лѣтъ за двѣсти и за триста до его назначенія. Всего страннѣе то, что авторъ думаетъ доказать такими мѣстами свое положеніе, которыя ровно ничего не доказываютъ или доказываютъ противъ него..."

По поводу предисловія Бѣляева къ *Разрядной книгѣ* 1615 года, напечатанной въ первой книгѣ *Временника*

*) Жизнь и Труды М. П. Погодина. Кн. VIII. С.-Пб. 1894, стр. 126—138.

1849 года, Погодинъ замѣчаетъ, что въ этомъ предисловіи Бѣляевъ „разсѣялъ странное мнѣніе, существовавшее у насъ объ этихъ документахъ, и показалъ осязательно, изъ чего они состояли и что̀ они значили. Все, что у насъ было говорено о нихъ прежде, все то должно уступить мнѣнію Бѣляева, а Разрядная книга во всей своей полнотѣ и цѣлости, которая теперь является въ первый разъ, то-есть, послѣ Новикова, нами забытаго, открываетъ передъ нами новый рядъ источниковъ Отечественной Исторіи Царскаго періода“.

Разсматривая четвертую книгу *Временника* того же 1849 г., Погодинъ паходитъ, что „трудно указать книгу изъ вышедшихъ въ послѣднемъ году, гдѣ нашлось бы столько совершенно новыхъ, неслыханныхъ доселѣ документовъ для Средней Русской Исторіи, какъ во *Временникѣ*“. Писавши это, Погодинъ разумѣлъ помѣщенныя въ той книжкѣ *Временника*: *Книгу Сеунчей, Помѣстныя дѣла. Дѣла объ опредѣленіи губныхъ старостъ и воеводъ по городамъ и Книгу, а въ ней писанъ государевъ царевъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси указъ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу 7134 года.*

По поводу названія Книги *Сеунчей* Погодинъ замѣчаетъ: „Сеунчь есть слово Татарское, и значитъ вѣсть. Вообще сеунчемъ называлось у насъ въ періодѣ среднемъ донесеніе, что нынѣ называютъ реляціей. Странно въ этомъ отношеніи, какъ у насъ одни иностранныя слова вытѣснялись другими, и когда же они уступятъ мѣсто Русскимъ чистымъ?“

Съ особенною похвалою отнесся Погодинъ къ изслѣдованію В. М. Ундольскаго: *О значеніи вруцѣлѣта въ Пасхаліи, способѣ провѣрять имъ данныя, и рѣшеніе посредствомъ вруцѣлѣта того, что годъ сентябрскій предшествуетъ шестью мѣсяцами мартовскому.* „Разсужденіе Ундольскаго о вруцѣлѣтіяхъ“, говоритъ Погодинъ — „образецъ трудолюбія, начитанности, учености. Укажите, читатели, гдѣ въ Россіи, кромѣ Москвы, является столько тружениковъ, которые, не щадя живота, тратятъ свое время, силы на такіе, въ смыслѣ большинства, неблагодарные предметы. Написать такую статью

надо по крайней мѣрѣ мѣсяца два—три пристальной работы, а прочтетъ ее кто? Хавскій, потому что до него касается она непосредственно, рецензентъ, и то не всякій, редакторъ,

Да двѣ, три трепетныя лани,
Звѣршки бѣдные, безъ связи, безъ подпоръ.

„Прибавьте, что изъ этихъ десяти читателей половина станетъ бранить автора, а гдѣ ему награда, гдѣ ободреніе, гдѣ похвала? Замѣтимъ и мы, что авторъ началъ напрасно извиняться о выборѣ своего предмета, а еще болѣе — что авторъ всетаки не объяснилъ читателю, что такое вруцѣлѣто: Вруцѣлѣто (littera dominicalis) называется буква, одна изъ семи, показывающая въ извѣстномъ году воскресный *день*. Кто же пойметъ это?... Предоставляемъ Хавскому защититься отъ вруцѣлѣтій Ундольскаго...“ [302]).

Еще до выхода въ свѣтъ этой книжки *Временника*, Бѣляевъ, 2-го августа 1849 года, писалъ Погодину: „Первое, что я вамъ скажу, я еще не ложился спать, да нынѣшній день и не могу, такъ дѣла много, а посему и не взыщите, если я какова м....... задѣну по уху. 1-е. Снегиревъ, какъ всегдашній н......, вретъ! *Временникъ* выйдетъ на дняхъ, а посылается только статья Ундольскаго въ Петербургъ. 2-е. Въ статьѣ Ундольскаго нѣтъ ничего противозаконнаго, а с...... Хавскій просилъ цензора и Снегирева во что бы ни стало задержать статью, тѣ и говорятъ, что таблицы Хавскаго одобрены Академіею, а потому будто бы ихъ надобно только хвалить, хотя онѣ и сущій вздоръ. Если въ Петербургѣ не пропустятъ статьи Ундольскаго, то я пошлю просьбу къ Бутурлину, чтобы онъ вступился въ это дѣло“ [303]).

Между тѣмъ въ бумагахъ Погодина сохранилась слѣдующая замѣтка астронома Д. М. Перевощикова:

		У Хавскаго	
	Пасхи	годы март.	годы январск.
1158 г.	20 апрѣля.	31 марта.	20 апрѣля.
1159 „	12 „	20 апрѣля.	12 „
1160 „	27 марта.	12 „	27 марта.

„Видите, какъ вретъ г. Хавскій со своими мартовскими годами. Съ какого мѣсяца ни начните годъ, Пасха будетъ всегда въ одинъ день и мѣсяцъ. Посмотрите, то же самое вранье для 1849 года“.

По поводу междоусобной войны нашихъ хронологовъ Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* слѣдующее: „И у насъ въ Москвѣ появились свои жестокіе септембризеры (Septembriseurs). Это изслѣдователи, которые изъ всѣхъ силъ стараются доказать, что годъ въ лѣтописи Нестора и его продолжателей начинался *съ сентября.* Но у насъ есть еще и мартіалы, которые стоятъ твердо на томъ, что древній Русскій гражданскій годъ начинался *съ марта.* Военачальникъ первыхъ есть Петръ Васильевичъ Хавскій. Войско его—три огромныхъ квартанта хронологическихъ таблицъ, которыя онъ съ великимъ трудомъ и иждивеніемъ теперь только-что выдалъ въ свѣтъ. Предводитель мартіаловъ, къ дружинѣ которыхъ, вслѣдъ за Карамзинымъ, принадлежу и я—Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, нынѣшній секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ день послѣдняго засѣданія Общества, въ субботу, января 22, когда чтеніе кончилось, одинъ изъ дружинниковъ, В. М. Ундольскій, вдругъ объявилъ, какъ будто пустяся на воропъ, что по таблицамъ Петра Васильевича этотъ день, субботу, должно считать воскресеньемъ. Мы всѣ остолбенѣли отъ удивленія; самъ авторъ смутился. Можетъ быть, опечатка, сказалъ онъ запинаясь и между тѣмъ принялся разсматривать таблицу. Мы также, — и оказалось, что г. Ундольскій указалъ на задній, другой январь, въ году. Какой же другой задній январь есть въ году? спрашиваютъ читатели, не посвященные въ наши таинства: Тріодь, недѣля Мытаря и Фарисея, начинается, по времени Пасхи, въ нынѣшнемъ году ранѣе, а въ будущемъ позднѣе, потому что Пасха придется позднѣе, слѣдовательно, въ нынѣшней Тріоди 1849 года собираются два января, по обоимъ краямъ, изъ коихъ г. Ундольскій указалъ на второй. Кромѣ шутокъ, таблицы г. Хавскаго — трудъ почтенный, соста-

вляютъ теперь у насъ въ Москвѣ яблоко раздора и предметъ изысканій. Главный споръ состоитъ въ томъ, что по мнѣнію г. Хавскаго, въ настоящую минуту идетъ январскій годъ 1849-й, равно мартовскій и сентябрскій; а съ марта мартовскій пойдетъ уже пятидесятый, сентябрскій же пятидесятый съ сентября. Г. Бѣляевъ и проч. думаютъ иначе. Г. Ундольскій написалъ превосходное разсужденіе о хронологіи, по всѣмъ источникамъ, Греческимъ и Русскимъ. Что до меня, хронологическія таблицы г. Хавскаго замедлили изданіе моихъ Изслѣдованій. Я оставлялъ прежде хронологію въ сторонѣ, не считая важнымъ *слишкомъ точное* опредѣленіе времени въ происшествіяхъ однообразныхъ. Однако же у меня выписаны были всѣ показанія изъ лѣтописей, гдѣ, *вмѣстѣ* съ числомъ мѣсяца и года, означенъ недѣльный день и празднуемый святый. Когда я получилъ таблицы, я провѣрилъ ихъ по этимъ выпискамъ: однѣ подошли, а другія нѣтъ. Между тѣмъ я убѣжденъ былъ, по другимъ изслѣдованіямъ, что лѣтописи писались часто не только изъ года въ годъ, но изо-дня въ день, и ошибки быть здѣсь не могло. Съ другой стороны, не могло быть ошибки въ таблицахъ: если нынѣшній день, напримѣръ, поставленъ въ 1849 году во вторникъ, подъ 25-мъ числомъ правильно, то вчерашній также, и прошлогодніе, и за столѣтіе, и такъ далѣе. Откуда же разница? Это подстрекнуло любопытство и повело меня къ другимъ соображеніямъ. Я заключилъ, что дни и мѣсяцы должны быть въ лѣтописи вѣрны, а годы могутъ въ одной лѣтописи быть вѣрны, а въ другой нѣтъ; извѣстіе должно принадлежать той лѣтописи, гдѣ оно подъ вѣрнымъ годомъ, а гдѣ подъ невѣрнымъ, тамъ оно заимствовано изъ другой, чужее, и лишь только поставлено не на своемъ мѣстѣ; а это повело къ новымъ мыслямъ о заимствованіяхъ извѣстій отъ одной лѣтописи въ другую, слѣдовательно, объ ихъ генеалогіи, о коей были уже соображенія, основанныя на другихъ данныхъ; надо все это сравнить; въ резервѣ у меня записаны годы затмѣній солнечныхъ и лунныхъ, за коими обращусь я

къ Д. М. Перевощикову. Сличивъ всѣ эти показанія, можетъ быть, удастся добраться до любопытныхъ результатовъ. Концы, кажется, я держу ужe въ рукахъ. На все это потребуется много времени: конечно, прибавится лишняя глава въ четвертомъ томѣ Изслѣдованій, но печатаніе его замедлилось, за что все-таки я долженъ благодарить таблицы г. Хавскаго".

Основанное въ 1846 году въ Петербургѣ Русское Географическое Общество, дѣйствуя подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, на первыхъ же порахъ ознаменовало свое существованіе слѣдующими замѣчательными изданіями: *Записки Русскаго Географическаго Общества* (Кн. 1-я 1846. Кн. 2-я 1847), *Географическія Извѣстія*, издаваемыя подъ редакціею Н. И. Надеждина (1848. Выпуски 1, 2 и 3), *Карманная книжка для любителей Землевѣдѣнія* (1848). На всѣ эти изданіи А. Ѳ. Вельтманъ въ *Москвитянинѣ* напечаталъ рецензію, къ которой Погодинъ приписалъ слѣдующее: „Скажу и я нѣсколько словъ о Географическомъ Обществѣ. Самую большую хвалу, самую горячую благодарность заслуживаетъ оно отъ всѣхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія за то, что издаетъ свои труды на Русскомъ языкѣ. Ни къ одной наукѣ нельзя приложить лучше, какъ къ Географіи, Латинскаго изреченія: major et longinqua reverentia. Европейскіе географы стараются безъ памяти узнать внутренность Африки, радуются безъ ума, открывая какой-нибудь безплодный островъ на отдаленномъ океанѣ, а Европы не знаютъ! Какъ не знаютъ Европы? Да не передъ нашими ли глазами только Банъ Іелачичь могъ растолковать имъ, уже подъ Вѣною, что Словенъ въ Австріи двадцать милліоновъ, а Нѣмцевъ пять? Да не передъ нашими ли глазами Венгрія ниспала съ высоты своего сеймоваго величія, и на всѣхъ углахъ ея очутились враждебныя племена: на сѣверозападѣ Словаки, на сѣверовостокѣ Русины, на юговостокѣ Волохи, на югозападѣ Кроаты — со всѣхъ сторонъ Словене? Да не передъ нашими ли глазами закричали въ уши удивленныхъ Европейцевъ Галичане: мы Русскіе, а не Поляки? Такъ точно

и внутри Россіи представится богатая жатва Географическому Обществу. Мы не знаемъ еще предѣловъ нашихъ главныхъ нарѣчій, мы не знаемъ еще отмѣнъ частныхъ въ образѣ жизни, одежды, пищи, питья, произношенія, словоупотребленія многочисленныхъ обитателей Россійской Имперіи. Этнографія, разумѣется, есть любопытнѣйшая часть Географіи. Давно ли принялись мы за свою геологію, странствуя до сихъ поръ по Альпамъ и Апениннамъ? Что намъ *пока* за прибыль, если отыщется какая рѣченка, или островишка, или попадется новая какая порода жуковъ, металловъ, которыхъ такъ любятъ крестить наши натуралисты, а послѣ окажется, что это все старыя погудки, лишь на новый ладъ. Отдаленныя ученыя экспедиціи очень дороги. Лучше всего осмотрѣть, что поближе и понужнѣе. И во всякой губерніи найдется человѣкъ, который на одной вакаціи натаскаетъ вамъ столько свѣдѣній, что не оберетесь. Лишь надо умѣть его найти, поддержать, ободрить, и все это будетъ стоить всотеро дешевле. Географическое Общество превосходно поступаетъ, собирая мѣстныя свѣдѣнія всѣхъ родовъ о разныхъ частяхъ Русскаго Государства. Желаемъ, усердно желаемъ успѣховъ Географическому Обществу—да знакомитъ оно насъ болѣе и болѣе съ любезнымъ Отечествомъ, и заслужитъ прямую признательность всѣхъ друзей его“ [304]).

LVIII.

Въ іюлѣ 1849 года А. П. Елагина съ грустью писала Погодину: „Кругъ нашъ расходится безъ причины видимой; должно быть, не крѣпко былъ связанъ“ [305]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ и Шевыревъ находились въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ семьею Аксаковыхъ, хотя Погодинъ, по своему миролюбію, не окончательно разорвалъ связи съ этимъ семействомъ и, воспользовавшись днемъ рожденія О. С. Аксаковой, написалъ ей поздравительное письмо [306]) и получилъ добрый отвѣтъ: „Поздравленіе ваше, Михайло

Петровичъ, приняла я по прежнему, а можетъ еще и живѣе прежняго; благодарю васъ искренно, запиской вашей вы изгладили всякое непріятное воспоминаніе, которое невольно пришло бы мнѣ въ этотъ день; благодарю васъ и за всю семью; отъ всего сердца желаю вамъ спокойствія душевнаго и чтобы вы смотрѣли не свысока, какъ пишите, а просто по христіански *на тѣни міра сего*. Будьте здоровы и со всей милой мнѣ семьей вашей" [307])". Погодинъ сталъ даже посѣщать домъ ихъ, но, судя по записямъ *Дневника*, посѣщеніе это имѣло цѣлію карточную игру.

Подъ *19-мъ сентября 1849 г.*: „Пріѣхалъ Аксаковъ и пригласилъ меня обѣдать. Игралъ и проигралъ сто пятьдесятъ р. Это очень меня встревожило и обезпокоило".

— *22-мъ* — —: „Вечеръ у Аксаковыхъ и проигралъ отыгранное".

— *27-мъ* — —: „А хотѣлось бы ѣхать къ Аксакову, чтобы отъиграть".

— *19-мъ декабря* — —: „Вечеръ у Аксаковыхъ, выигралъ бы много, а все пришлось приплатить еще пятнадцать рублей... Когда выиграетъ, такъ пора спать, а проиграетъ— играй до двухъ, чтобы отыграться, и проч. Скучно, глупо, досадно".

Въ это время Словенофилы въ лицѣ Ю. Ѳ. Самарина и И. С. Аксакова проявили себя на поприщѣ политической дѣятельности.

Такъ называемыя *Рижскія письма* доставили Самарину громкую извѣстность и возбудили противъ него злобу. Еще 17-го февраля 1849 года И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Самаринъ передѣлалъ свои *Рижскія письма*, выкинувъ изъ нихъ рѣзкія, опасныя мѣста, ибо *Письма* до сихъ поръ возбуждаютъ сильную злобу Нѣмцевъ, вездѣ прославляющихъ его или шпіономъ Правительства, или опаснымъ вреднымъ либераломъ".

Подъ 11-мъ марта 1849 г. въ *Дневникѣ* Погодина записано: „Самаринъ въ крѣпости за Остзейскія письма". „Нѣмцы

торжествуютъ и Самаринъ сидитъ“, писалъ И. С. Аксаковъ своему отцу. „Когда приготовлялась вся эта развязка, то Самаринъ просилъ меня передать вамъ его убѣдительнѣйшую просьбу, чтобы вы умѣрили въ его знакомыхъ порывы негодованія, которые могутъ только пуще повредить ему. Взятъ онъ въ субботу, въ пятомъ часу пополудни. Мы еще никто не добились доступа къ нему. Не знаемъ еще: на гауптвахтѣ ли онъ крѣпостной или въ самой крѣпости“.

Само собою разумѣется, что въ Москвѣ это событіе произвело сильное впечатлѣніе. „Несчастное происшествіе съ Самаринымъ“, писалъ С. Т. Аксаковъ своему сыну,—„глубоко насъ всѣхъ огорчаетъ. Я надѣюсь на справедливость Государя. Когда онъ прочтетъ всѣ *Письма* Самарина, особенно третье и седьмое, то, я увѣренъ, обратитъ гнѣвъ на милость. Не можетъ быть, чтобъ онъ не почувствовалъ негодованія за положеніе Русскихъ въ Ригѣ: онъ Царь Русской Земли по преимуществу. Горько и временное торжество Нѣмцевъ; я не фанатикъ, очень много имѣю терпимости, много имѣлъ и имѣю пріятелей Нѣмцевъ, изъ коихъ многіе въ частныхъ личностяхъ люди хорошіе, но какъ каста, какъ партія, они всегда были мнѣ противны. Послѣднее происшествіе усилило общую ненависть къ Нѣмцамъ“. Въ томъ же письмѣ находится слѣдующая приписка К. С. Аксакова: „Я такъ былъ пораженъ твоимъ извѣстіемъ, что долго не могъ опомниться. Самаринъ въ крѣпости! Самый искренній, самый благородный, самый прямой человѣкъ и, сверхъ того, что не часто встрѣчается въ обществѣ, Русскій, всей душою преданный Русской Землѣ, и онъ въ крѣпости! Я объясняю себѣ это только тѣмъ, что Нѣмцы оклеветали его, и что Государь, вѣроятно, не успѣлъ прочесть всѣхъ *Писемъ*. Я помню, что Самаринъ и я желали, чтобы эти *Письма* дошли до Государя. Мы надѣялись, что Государь придетъ въ негодованіе, увидя, что терпятъ Русскіе отъ Нѣмцевъ“.

О положеніи узника И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу „Успокойте Ѳ. В. Самарина чрезъ Хомякова: скажите ему,

что сынъ его помѣщенъ весьма комфортабельно, имѣетъ бѣлье, книги и сигары. Перовскій выхлопоталъ позволеніе доставлять ему всѣ нужныя вещи и *ученыя* книги. Еслибы не мать Самарина, которую это извѣстіе должно сильно огорчить, то нечего было бы горевать, напротивъ, можно было бы радоваться потому что это обстоятельство должно принести самому дѣлу огромную пользу. Уже въ томъ польза, что *Рижскія Письма* будутъ прочтены тѣмъ, кому ихъ прежде всего слѣдуетъ знать. Общество принимаетъ, по своему, довольно живое участіе, то-есть, такое, какое можетъ принять Петербургское подлое общество. Говорятъ, впрочемъ, что и въ *высшей сферѣ* произошла реакція мнѣній въ пользу Самарина. Во всякомъ случаѣ надо замѣтить, что обвиненіе было не противъ содержанія *Писемъ*, но противъ распространенія ихъ. Долго ли будетъ продолжаться заключеніе, не знаю, но по общимъ слухамъ недолго. Ѳ. В. Самаринъ прислалъ письмо въ отвѣтъ еще на письмо сына, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что ему можетъ грозить наказаніе. Письмо это было прочтено сначала у насъ. Письмо прекрасное. Онъ не только не бранитъ сына, но благодаритъ его за нѣжность его чувствъ къ родителямъ и благословляетъ его и прибавляетъ: „Впрочемъ надѣюсь на справедливость и милость Государя". Прочитавъ это, С. Т. Аксаковъ писалъ: „Вчера получили мы письмо твое, милый другъ Иванъ. Хотя нѣтъ еще въ письмѣ твоемъ всѣми нами желаемаго и ожидаемаго извѣстія о благополучномъ возвращеніи Ю. Ѳ. Самарина на собственную свою квартиру; но все извѣстія твои успокоительны. Главное, чѣмъ мы и поспѣшили успокоить семейство Самарина, состоитъ въ томъ, что онъ можетъ имѣть свѣдѣнія объ отцѣ и матери. Воображая себя на его мѣстѣ, я приходилъ за него въ отчаяніе отъ неизвѣстности, что дѣлается дома? Живы ли отецъ и мать? Какъ перенесли такой ударъ?.. Мы вызвали къ себѣ Владиміра Самарина и сообщили ему кое-что изъ твоего письма. Наивность остальнаго въ письмѣ твоемъ превосходитъ всякую мѣру. Ты далеко за собою оставилъ Константина!

Когда мнѣ случается въ разговорахъ упомянуть о васъ, то я всегда говорю такъ: „всѣмъ извѣстно, что глупѣе умныхъ сыновей моихъ Ивана и Константина нѣтъ на свѣтѣ“... Оставя всякія шутки, я право не знаю, чему приписать твои нелѣпыя выходки. Вы по справедливости можете принять своимъ девизомъ выраженіе, что величайшая осторожность состоитъ въ величайшей неосторожности. Впрочемъ вы правы, чего опасаться тѣмъ людямъ, для оправданія которыхъ достаточно одного, то-есть, близкаго съ ними знакомства“ [308]).

Упованіе Аксакова и отца заключеннаго вскорѣ оправдалось. Государь дѣйствительно относительно Ю. Ѳ. Самарина „обратилъ гнѣвъ на милость“. Въ *Дневникѣ* А. В. Никитенка мы находимъ по этому событію слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

„Есть нѣкто Юрій Самаринъ, молодой и богатый аристократъ, человѣкъ весьма образованный и съ замѣчательными способностями. Этотъ Самаринъ теперь въ крѣпости. Онъ служилъ въ Ригѣ, при Суворовѣ. Самаринъ вздумалъ, въ видѣ писемъ къ друзьямъ, описать состояніе Остзейскихъ Нѣмцевъ и управленіе ими. Тутъ сильно достается и Нѣмцамъ, и Суворову. Авторъ смотритъ на вещи съ Словенофильской точки зрѣнія. *Письма* эти ходили по рукамъ. Суворовъ пожаловался сначала Перовскому, а когда тотъ принялъ жалобу равнодушно, то самому Государю, слѣдствіемъ чего и было заключеніе автора въ крѣпость“.

На канунѣ Благовѣщенія 1849 года Самаринъ выпущенъ изъ крѣпости. „Прямо изъ крѣпости“, свидѣтельствуетъ Никитенко,—„его позвалъ къ себѣ Государь. Такимъ образомъ онъ явился во дворецъ, какъ былъ, не бритый, въ платьѣ очень не парадномъ“. Происшедшій разговоръ свой съ Государемъ Самаринъ пересказалъ Надеждину, въ присутствіи Неволина, а послѣдній передалъ оный Никитенку, который съ его словъ сохранилъ этотъ достопамятный разговоръ въ своемъ *Дневникѣ*:

Государь. Обдумалъ ли ты, молодой человѣкъ, свое положеніе и свой поступокъ? Ты имѣлъ на то время.

Самаринъ. Если я моимъ поступкомъ имѣлъ несчастіе неумышленно оскорбить Ваше Величество, то прошу милостиво меня простить.

Государь. Ну, счеты наши кончены. Объ отцѣ твоемъ не тревожься: онъ успокоенъ. Садись.

При этомъ Государь обнялъ Самарина и поцѣловалъ. По вторичному приглашенію Самаринъ сѣлъ.

Государь. Теперь поговоримъ. Знаешь ли ты, что̀ могла произвести пятая глава твоего сочиненія? Новое четырнадцатое декабря.

Самаринъ сдѣлалъ движеніе ужаса.

Государь. Молчи! Я знаю, что у тебя не было этого намѣренія. Но ты пускалъ въ народъ опасную идею, толкуя, что Русскіе цари, со временъ Петра Великаго, дѣйствовали только по внушенію и подъ вліяніемъ Нѣмцевъ. Если эта мысль пройдетъ въ народъ, она произведетъ ужасныя бѣдствія.

„Что за тѣмъ говорено было“, пишетъ Никитенко, — „мнѣ не передано. Самаринъ однако пробылъ больше часа въ кабинетѣ Государя, который въ заключеніе милостиво простился съ нимъ, сказавъ: „Поѣзжай немедленно въ Москву и лично успокой отца. Мы скоро увидимся тамъ. Ты до сихъ поръ служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, я дамъ тебѣ другое назначеніе“ [309]).

Изъ письма С. Т. Аксакова мы узнаемъ, что извѣстіе объ этомъ Самарины получили отъ ихъ сына и сообщили его письмо Аксаковымъ. „Письмо было самое радостное для всѣхъ. Старикъ Самаринъ въ восторгѣ прислалъ просить къ себѣ Константина, который немедленно поѣхалъ къ нему и былъ принятъ отцемъ и матерью съ распростертыми объятіями. А. И. Васильчикова пріѣхала сама, рано утромъ, не бывъ еще у Самариныхъ, поздравить Константина. Мы отслужили молебенъ и пили за здравіе Государя....“

На первыхъ порахъ, по освобожденіи, положеніе Самарина было незавидное. Изъ Москвы С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну (11-го апрѣля 1849 г.): „До сихъ поръ судьба

Самарина не рѣшена. Я предполагаю, что его прикомандируютъ къ Закревскому, который къ нему весьма нерасположенъ и принялъ его очень сухо. Закревскій и прежде говорилъ, что слишкомъ ободрили Словенофиловъ, что они подняли голову, что онъ и безъ того не знаетъ, что съ ними дѣлать, а тутъ еще присылаютъ имъ на подмогу торжествующаго Самарина. Вообще большинство общества противъ него. Мы подозрѣваемъ съ Константиномъ, что Самаринъ не все намъ сказываетъ: очень хорошее умалчиваетъ для того, чтобъ Константинъ не обнадѣялся слишкомъ; а дурное, чтобъ не привесть его въ уныніе; однимъ словомъ: держитъ насъ въ среднемъ положеніи".

Въ провинціи арестъ Самарина произвелъ безразличное впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо И. С. Аксакова, изъ Ярославля, отъ 26-го мая 1849 года, къ своему отцу: „Исторію Самарина здѣсь всѣ более или менѣе знаютъ, но никто не принялъ въ ней живого участія, никто ея не понялъ: она является какимъ-то сказаніемъ изъ какого-то совершенно другого міра. Ярославль самъ по себѣ, а всѣ прочіе вопросы и весь волнующійся міръ самъ по себѣ". Когда же И. С. Аксаковъ узналъ, что Самаринъ опредѣляется на службу въ провинцію, то писалъ: „Самаринъ ѣдетъ въ Симбирскъ?... Такъ вотъ чѣмъ все это разрѣшается! Оно хотя и не мѣшаетъ ему послужить въ губерніи, но право, какъ-то грустно. Значитъ, не очень везетъ!...." Въ другомъ письмѣ, отъ 14-го ноября 1849 года, И. С. Аксаковъ писалъ: „Поздравляю Самарина съ удовольствіями губернской жизни. Для меня же нѣтъ несноснѣе жизни провинціальной. Впрочемъ для того, кто ее испытываетъ въ первый разъ, она любопытна и достойна наблюденія; къ тому же и Симбирскъ лучше Ярославля" [310]).

LIX.

Возвратившись въ концѣ 1848 года изъ Бессарабіи, И. С. Аксаковъ остановился въ Москвѣ только на нѣсколько дней

и спѣшилъ въ Петербургъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Предъ отъѣздомъ Хомяковъ сдѣлалъ въ честь его прощальный вечеръ и звалъ на оный Погодина, которому въ январѣ 1849 года писалъ: „Я къ тебѣ ѣхалъ сегодня по утру, но за холодомъ не доѣхалъ. Нынче ко мнѣ кое-кто собирается провожать Ивана Аксакова въ Петербургъ. Не будешь ли и ты? Впрочемъ я долженъ тебѣ сказать, что ты найдешь нѣкоторыхъ, съ которыми ты крѣпко не въ ладахъ (Соловьевъ и пр.). Не нужно говорить, что я тебѣ радъ; но я крѣпко былъ бы не радъ, еслибы тебя поставилъ какъ-нибудь въ непріятное положеніе. Если же найдешь, что тебѣ неудобства нѣтъ, то очень меня одолжишь пріѣздомъ“ [311]).

22-го января 1849 года Аксаковъ уже былъ въ Петербургѣ и находился въ самомъ „раздражительномъ состояніи“, такъ что отецъ принужденъ былъ писать ему: „Я считалъ тебя умнѣе, то-есть, разумнѣе, нежели ты оказываешься. Понимая дѣйствительность такою, какъ она есть, и сознавая въ то же время необходимость службы, ты долженъ былъ покориться условіямъ свѣта. Уступка неизбѣжна. Ты ѣхалъ въ Петербургъ, слѣдственно, ты долженъ былъ, по наружности ладить съ настоящимъ ходомъ служебныхъ дѣлъ, съ образомъ мыслей и жизни тамошняго общества. Самаринъ очень раскаявается, что далъ тебѣ совѣтъ перейти въ Петербургъ“.

Всю свою желчь Аксаковъ изливалъ въ письмахъ къ своему отцу. Предчувствуя недоброе, С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну: „Хотя въ перепискѣ нашей ничего нѣтъ такого, чего бы не могъ читать Государь; но бѣда въ томъ, что ее читаютъ другіе. Неужели ты до сихъ поръ не догадался, что каждое наше письмо прочтено и списано? Письма наши извѣстны не только тайной полиціи, твоему начальству и почтовому вѣдомству, но и другимъ властямъ. Отъявленный п...... Булгаковъ сообщаетъ ихъ Закревскому, по старинной дружбѣ къ нему и по личной ненависти къ намъ. Посуди же самъ, до какой степени мы всѣ должны сердиться на твое неблагоразуміе, или лучше сказать, безуміе? Не говорю уже о

прежнихъ твоихъ письмахъ, въ которыхъ ты писалъ чортъ знаетъ что. Въ каждомъ письмѣ ты ввернешь что-нибудь такое, чего писать тебѣ не слѣдовало. Война съ обществомъ опаснѣе войны съ Правительствомъ. Правительство можетъ быть великодушно къ противному мнѣнію, личность его не можетъ быть оскорблена; а общество, уязвленное въ самое чувствительное мѣсто, всегда подло, безжалостно и жестоко. Надобно поступать съ великою осторожностью, искуссствомъ и умѣренностію, чтобъ оно всѣхъ насъ не съѣло... Тебя считаютъ ожесточеннымъ фанатикомъ своихъ мыслей. Я постоянно прихожу въ бѣшенство, что ваше Министерство, по какимъ-то нелѣпымъ соображеніямъ, удерживаетъ тебя въ Петербургѣ. Я просто боленъ страхомъ за тебя. Я боюсь холеры и боюсь, что тебя долго продержатъ въ Петербургѣ. Если это опасеніе исполнится, то я съ ума сойду отъ безпокойства".

Предчувствіе родительскаго сердца сбылось. Вечеромъ 18-го марта 1849 года И. С. Аксаковъ былъ арестованъ и доставленъ подполковникомъ Левенталемъ въ Штабъ Корпуса жандармовъ, гдѣ его помѣстили въ столовомъ залѣ графа Орлова. Поводомъ къ аресту Аксакова была близость его съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, рѣзкость нѣкоторыхъ его выраженій въ семейныхъ письмахъ, попавшихъ въ руки тайной полиціи, и, наконецъ, подозрѣніе, возникшее въ оффиціальныхъ сферахъ, что начавшееся въ Москвѣ Словенофильское направленіе находится въ связи съ панславистскимъ ученіемъ на Западѣ [312]).

Объ арестѣ Аксакова въ *Дневникѣ* А. В. Никитенка, подъ 21-го марта 1849 года, отмѣчено слѣдующее: „Вмѣсто Самарина, посаженъ въ крѣпость И. С. Аксаковъ, братъ знаменитаго словенофила, который расхаживаетъ по Москвѣ въ старинномъ Русскомъ охабнѣ, въ мурмулкѣ и съ бородою" [313]).

Аксакову былъ предложенъ рядъ письменныхъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ собственноручно. По справедливому замѣчанію издателя писемъ И. С. Аксакова, эти *Отвѣты* „составляютъ нѣкоторымъ образомъ вѣроисповѣданіе Слове-

нофильства". *Отвѣты* эти были представлены Императору Николаю I, который не только прочелъ ихъ, но и сдѣлалъ на нихъ собственноручныя замѣчанія.

Итакъ, двадцатипятилѣтній коллежскій ассессоръ Иванъ Аксаковъ чрезъ посредство Третьяго Отдѣленія вступилъ въ непосредственное общеніе и въ обмѣнъ мыслей съ самимъ Императоромъ Николаемъ I.

Въ третьемъ отвѣтѣ И. С. Аксакова Государь подчеркнулъ слѣдующее: „По моему мнѣнію, старый порядокъ вещей въ Европѣ такъ же ложенъ, какъ и новый. Онъ уже ложенъ потому, что привелъ къ новому, какъ къ логическому, непремѣнному своему послѣдствію. Ложныя начала исторической жизни Запада должны были неминуемо увѣнчаться безвѣріемъ, анархіей, пролетаріатствомъ, эгоистическимъ устремленіемъ всѣхъ помысловъ на одни матеріальныя блага и гордымъ, безумнымъ упованіемъ на однѣ человѣческія силы, на возможность замѣнить человѣческими учрежденіями Божія постановленія".

Замѣчаніе Государя: *Святая истина!*

„Вотъ къ чему привели Западъ авторитетъ католицизма, раціонализмъ протестантизма и усиленное преобладаніе личности, противное духу смиренія христіанской общины. Не такова Русь. Православіе спасло ее и внесло въ ея жизнь совершенно другія начала, свято хранимыя народомъ".

Замѣчаніе Государя: *Слава Богу!*

„Взглядъ Русскаго народа на Правительство вообще высказанъ былъ въ оффиціальномъ объясненіи на извѣстный манифестъ, изданномъ въ февралѣ или мартѣ 1848 года, въ словахъ: всякая форма правительственная, какъ бы совершенна она ни была, имѣетъ свои недостатки и проч. Да не подумаютъ, что я хочу льстить,—Боже сохрани!"

Замѣчаніе Государя: *Все это справедливо.*

„Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право: не вѣрить, когда онъ вѣритъ; не соблюдать уставы Церкви, имъ соблюдаемые; не знать

языка, которымъ онъ говоритъ; забыть свою Исторію и преданія и глядѣть на него только, какъ на удобный матеріалъ къ „извлеченію изъ него доходовъ".

Замѣчаніе Государя: *Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи.*

„Говорю откровенно, противно мнѣ бывало смотрѣть на какого-нибудь износившагося въ пустой и развратной жизни франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе безумной роскоши своего господина. А господинъ этотъ полонъ глубокаго презрѣнія къ „грубому и невѣжественному" мужику... Такихъ господъ много. Они на каждомъ шагу попадаются въ Санктъ-Петербургѣ...."

Замѣчаніе Государя: *Очень понятно! Бываютъ такіе, но они неминуемо должны подвергнуться презрѣнію и осужденію всѣхъ благомыслящихъ людей, которыхъ еще довольно и которыхъ, слава Богу, съ каждымъ днемъ болѣе.*

„Отецъ мой говоритъ, что негодованіе мое можетъ быть принято въ другомъ смыслѣ, то-есть, въ либерально-западномъ. Если такъ, то весьма ошибутся тѣ, которые это подумаютъ".

Замѣчаніе Государя: *А потому и не надо подавать къ тому повода разными сужденіями, преувеличеніями и выходками, которыя однако надменностью и неопытностью отзываются и искажаютъ чистоту намѣреній.*

„Все написанное мною изложено съ самою полною откровенностью".

Замѣчаніе Государя: *Вѣрю, но и въ добрыхъ намѣреніяхъ можно ошибаться. C'est le ton, qui fait la musique.*

„Я писалъ (своему отцу), что отказался отъ предложеннаго мнѣ мѣста начальника Отдѣленія..., потому что цѣль моя на службѣ: ѣздить съ порученіями по Россіи и изучать ее во всѣхъ отношеніяхъ... Отецъ мой, по нѣжности своей ко мнѣ, вѣроятно, думаетъ, что подобный отзывъ, еслибы дошелъ до свѣдѣнія моего начальства, повредилъ бы мнѣ въ сужденіяхъ его обо мнѣ, какъ о чиновникѣ".

Замѣчаніе Государя: *Ничуть, цѣль прекрасная, и начальникъ доступенъ.*

Въ заключительномъ своемъ отвѣтѣ Аксаковъ сказалъ: „Я до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ я арестованъ и въ чемъ меня обвиняютъ или подозрѣваютъ... Я чувствую себя совершенно чистымъ предъ Богомъ, Россіею и Государемъ и вполнѣ надѣюсь на милость Божію и на правосудіе Правительства“.

По прочтеніи этихъ *Отвѣтовъ* Императоръ Николай I, возвращая бумагу графу А. Ѳ. Орлову, начерталъ на ней слѣдующія слова:

Призови, прочти, вразуми и отпусти.

Познакомившись съ *Отвѣтами* своего сына, С. Т. Аксаковъ писалъ ему: „Присланная тобою бумага написана смѣло и славно. Ее читали немногіе и всѣ восхищались ею. Мои собственныя замѣчанія я скажу тебѣ при свиданіи. По видимому, она должна была понравиться, но въ ней слышанъ тонъ, который никогда не бываетъ пріятенъ и замѣтка: *Mais c'est le ton, qui fait la musique*, вполнѣ подтверждаетъ мое мнѣніе, съ которымъ впрочемъ никто не согласенъ. Самаринъ больше всѣхъ доволенъ ею; но за то онъ же больше всѣхъ недоволенъ разными твоими выходками въ письмахъ...“ [314]).

Въ *Дневникѣ* А. В. Никитенка, подъ 26-мъ марта 1849 г., записано слѣдующее: „И. С. Аксаковъ выпущенъ. Впрочемъ онъ не былъ въ крѣпости. Его только три дня продержали въ Третьемъ Отдѣленіи. Хотѣли узнать его образъ мыслей и въ этомъ духѣ дѣлали ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ письменно. Государь, говорятъ, благосклонно принялъ эти отвѣты. Аксаковъ принадлежитъ къ партіи тѣхъ Словенофиловъ, которые возбуждаютъ духъ народный съ самого дна его и придерживаются старины въ этомъ смыслѣ. Ненависть къ Нѣмцамъ тутъ не иное что, какъ выраженіе мысли: пора дѣлать что-нибудь самимъ и изъ себя. Мысль эта гораздо глубже, чѣмъ кажется инымъ и многимъ. Партія такихъ Словенофиловъ должна быть сильна, ибо опирается дѣйствительно на народъ. Съ ней въ наружной оппозиціи партія Европей-

скихъ людей, послѣ-Петровскихъ, которые опираются на общечеловѣческія идеи, на идеи науки и исскуства" [315]). Самъ же И. С. Аксаковъ, 22-го марта 1849 года, писалъ отцу: „Я сейчасъ отъ графа Орлова, и онъ объявилъ мнѣ рѣшеніе Государя. Слава Богу, все кончилось какъ нельзя лучше; Государь поступилъ со мной такъ великодушно, что я просто былъ тронутъ и, конечно, не забуду этого. Завтра Поповъ ѣдетъ въ Москву, поэтому онъ передастъ вамъ обо мнѣ живыя извѣстія. Самъ же я, какъ только будетъ можно, не замедлю принять порученіе и тогда пріѣду къ вамъ въ Москву". Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Теперь вы уже, конечно, все знаете и, вѣроятно, такъ же довольны и рады, какъ и я. Вчера я дѣлалъ визиты лицамъ, принявшимъ во мнѣ искреннее участіе. Надеждинъ, ужасно струсившій, далъ чрезъ Карташевскихъ знать Кавелину, а тотъ ѣздилъ къ графу Орлову и прислалъ Княжевича къ Л. В. Дубельту. Я былъ у нихъ обоихъ. О томъ, когда я ѣду, — еще не знаю, но узнаю скоро: еще Министръ не далъ никакого разрѣшенія; можетъ быть, онъ имѣетъ особенные на меня виды. Сейчасъ былъ у графа Орлова—благодарить его за его доброе обхожденіе и участіе. Онъ ѣдетъ завтра въ Москву вмѣстѣ съ Государемъ. Послѣзавтра перехожу на квартиру Попова, потому что срокъ моей квартирѣ вышелъ".

Въ то время, когда случился арестъ Аксакова въ Петербургѣ, его мать видѣла во снѣ, что она въ церкви слышитъ слова изъ Евангелія отъ Луки: *Егда же приведутъ вы на соборища и власти и владычества, не пецытеся, како или что отвѣщаете, или что речете: Святый бо Духъ научитъ вы въ той часъ, яже подобаетъ рещи* (XII, 11 — 12). На это И. С. Аксаковъ отвѣчалъ: „Какъ поразили меня въ вашемъ письмѣ, милая моя маменька, слова изъ Евангелія, вами приведенныя. Это было писано во вторникъ, слѣдовательно—до происшествія со мной. Вы пишете, что у васъ изъ головы не выходятъ слова Спасителя: *не пецытеся, како или что отвѣщаете* и пр. Всѣ

мои знакомые именно озабочены были этою мыслью и опасались за мои отвѣты; но они-то меня и выручили, а написаны были безо всякаго приготовленія, экспромптомъ, набѣло!.. Спасибо тебѣ, Константинъ, за твое длинное и славное письмо. Поздравляю тебя еще разъ со днемъ твоего рожденія, крѣпко тебя обнимаю, и дай Богъ тебѣ въ предстоящій годъ совершить свою Грамматику. Какъ ты утѣшилъ меня этимъ извѣстіемъ".

Съ своей стороны С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну: „Ты уже знаешь, что мы, благодаря Бога, безвредно перенесли столь нежданное нами извѣстіе о послѣднемъ происшествіи съ тобою. Мы утѣшались мыслію, что правосудный Государь, убѣдясь въ чистотѣ всѣхъ твоихъ мыслей и дѣйствій, оградитъ тебя отъ гоненій общества, которыя ты, безъ сомнѣнія, возстановилъ противъ себя своими рѣзкими словами и даже поступками.... Вотъ вся твоя вина! Другихъ винъ нѣтъ за тобою... Это видитъ Богъ и знаемъ мы". Самъ же И. С. Аксаковъ съ глубочайшимъ самодовольствіемъ писалъ о себѣ самомъ своему отцу слѣдующее: „Сколько нелѣпостей узналъ я о себѣ! Само собою разумѣется, что такая исторія должна была сдѣлать меня предметомъ общихъ толковъ. Причины никто не зналъ, всякій выдумывалъ и сочинялъ въ волю. Разумѣется, теперь всѣ эти вздоры разсѣялись, и эта исторія, пополнивъ собою исторію Самарина, довершила убѣжденіе въ правосудіи и Русскихъ свойствахъ Государя".

Не смотря на болѣе чѣмъ благосклонное отношеніе самого Императора Николая I къ юному коллежскому ассессору, ни на комфортабельную квартиру въ столовой графа А. Ѳ. Орлова, И. С. Аксаковъ не унимался и продолжалъ клеймить то общество, среди котораго ему доводилось жить, было ли оно Петербургское или провинціальное. „Трудно представить себѣ", писалъ онъ отцу изъ Петербурга, 16-го апрѣля 1849 г.,— „до какой степени жизнь въ Петербургѣ дѣлаетъ всѣхъ этихъ господъ тупоумными! Что особенно противно здѣсь, такъ это самодовольствіе, написанное на всѣхъ лицахъ, особенно же

на лицахъ господъ, принадлежащихъ къ высшему обществу. Все это необыкновенно счастливо, довольно самимъ собою, обществомъ, прогрессомъ, чортъ знаетъ чѣмъ. Говорятъ, что сравнить нельзя теперешняго общества съ тѣмъ, которое было лѣтъ за десять и пятнадцать! Положимъ, то было просто глупо и не занималось никакими вопросами, а теперь и времена, и обстоятельства не тѣ. Необыкновенно противно видѣть, какъ эти господа сдѣлали себѣ тѣсто изъ одной доли христіанства, изъ двухъ четвертей языческой мудрости и изъ остальныхъ долей собственной человѣческой подлости, и изъ этого тѣста вылѣпили себѣ какой-то короткохвостый идеалъ нравственности, которымъ и удовлетворились и стали необыкновенно покойны и счастливы. Не говоря уже о томъ, какъ я васъ хочу видѣть, обнять и успокоить, мнѣ просто нужно освѣжиться ощущеніями природы, народа, труда.... и поэзіи! Мнѣ такъ хочется отрезвиться стихами, *Бродягой*, а здѣсь никакъ не пишется!.... Я теперь очень много работаю: дѣлаю все выписки изъ разныхъ дѣлъ".

Само собою разумѣется, что подобныя огульныя обвиненія не могли нравиться напуганному С. Т. Аксакову, и онъ писалъ своему сыну: „Неужели ты понадѣялся на то, что Государь милостиво принялъ и даже оцѣнилъ твои объясненія? Неужели ты не знаешь пословицы: жалуетъ Царь да не жалуетъ псарь? Неужели ты не понимаешь, что ты своими письмами и своими отвѣтами на вопросы у Дубельта сдѣлалъ всѣхъ псарей смертельными и непримиримыми врагами самому тебѣ и всѣмъ раздѣляющимъ твой образъ мыслей?"

Уже будучи въ Ярославлѣ на службѣ, И. С. Аксаковъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу съ холодною ироніею отнесся къ одному изъ своихъ подчиненныхъ чиновниковъ за то, что тотъ добродушно выразилъ ему свои чувства за „благородное обхожденіе" съ нимъ начальника. Эта черствость возмутила С. Т. Аксакова, и онъ писалъ своему сыну: „Замѣчу тебѣ, что твой духовный анализъ въ юмористическомъ духѣ простирается слишкомъ далеко. Что тутъ подлаго или

дряннаго, что твой подчиненный и даже ты самъ чувствовали удовольствіе отъ хорошаго обращенія начальника? Это дѣло самое естественное. Человѣкъ имѣетъ возможность безнаказанно быть грубымъ или, по крайней мѣрѣ, жестокимъ и сухимъ; вмѣсто того онъ привѣтливъ, внимателенъ. Не почувствовать отъ того удовольствія можетъ только человѣкъ жесткій и сухой. Тутъ не надъ чѣмъ глумиться; а то вѣдь дѣло далеко хватитъ: не останется никакого чувства человѣческаго, подъ которое нельзя бы было подкопаться и отыскать его основаніе въ себялюбіи, самолюбіи, лѣни, слабости, привычкѣ и проч. и проч.".

Послѣ ареста И. С. Аксакову очень хотѣлось встрѣтить Пасху въ Москвѣ съ своими родителями; но служебныя дѣла его задерживали въ Петербургѣ, и онъ написалъ по этому поводу очень рѣзкое письмо къ своимъ родителямъ, въ отвѣтъ на которое С. Т. Аксаковъ писалъ ему: „Во всякое другое время я разсмѣялся бы, воображая, какъ ты изволишь гнѣваться за то, что добрые люди говѣютъ, моются въ баняхъ и собираются жуировать на Святой! Да когда же ты будешь не только уменъ, но и разуменъ? Кому какое дѣло до твоего горячаго желанія увидѣть мать, отца и семейство, успокоить ихъ сердца своимъ появленіемъ между ними? Еще менѣе кому-нибудь дѣло до того, что ты желалъ горячо встрѣтить Пасху въ православной Москвѣ, при торжественномъ звонѣ ея колоколовъ, посреди богомольнаго народа и посреди своей родной семьи. Нѣкоторыя изъ этихъ стремленій покажутся даже дикими многимъ разсудительнымъ людямъ".

LX.

Желаніе С. Т. Аксакова объ удаленіи сына его Ивана изъ С.-Петербурга наконецъ исполнилось. Въ маѣ 1849 г. онъ получилъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ командировку въ Ярославскую губернію.

По свидѣтельству издателей писемъ И. С. Аксакова,

время, проведенное имъ въ Ярославской губерніи, было „въ исторіи его внутренняго развитія тяжелыми годами. Событія 1848 года оставили глубокій слѣдъ въ его душѣ; онъ не могъ уже вполнѣ удовлетвориться отвлеченными теоріями своего брата Константина, который по своему характеру и по обстановкѣ исключительно семейной жизни мало соприкасался съ дѣйствительностію, мало чувствовалъ потребности провѣрять живою жизнію воззрѣнія, выработанныя имъ на почвѣ изученія древнихъ историческихъ памятниковъ. Въ Ярославскихъ письмахъ часто высказывается это разногласіе между братьями“ [316]).

Въ письмахъ И. С. Аксакова, какъ въ зеркалѣ, отражается его міровоззрѣніе и насъ поражаетъ въ немъ та ненависть къ древнему боярству и дворянству, которая совершенно не согласуется съ домашнимъ бытомъ его родителей, родныхъ и всѣхъ друзей ихъ и единомышленниковъ. Что еслибы И. С. Аксакову довелось прочесть слѣдующія записи въ *Дневникъ* Погодина, касающіяся его родительскаго дома: „Обѣдать опять къ Аксаковымъ. Гадко смотрѣть на нашихъ помѣщиковъ,—совершенныя свиньи, а эти еще добрые. Отыгралъ сто рублей. Смѣшенъ Николай Тимоѳеевичъ Аксаковъ своими предводительскими подвигами. Вечеръ у Аксаковыхъ, гдѣ я напитываюсь злобою противъ невѣжества и барства“ [317]).

Познакомившись въ Рыбинскѣ съ однимъ купцомъ, Аксаковъ очень обрадовался, что нашелъ въ немъ исповѣдника Словенофильскаго ученія. „Писалъ ли я вамъ о Поповѣ купцѣ?“ спрашиваетъ онъ своихъ родителей. „Кажется, нѣтъ. Можете себѣ представить, что это человѣкъ, раздѣляющій наши убѣжденія сознательно во всей полнотѣ. Какъ-то мнѣ случилось разговориться съ нимъ (а онъ человѣкъ скромный и даже робкій), и я удивился, услыхавъ совершенно знакомыя и близкія сердцу рѣчи; я нашелъ у него *Московскій Литературный Сборникъ*, обѣ части; *Москвитянинъ*, *Сѣверное Обозрѣніе*. Мало того, меня поразило то, что онъ бранитъ Погодина и Шевырева, хвалитъ статьи *Сборника*, Хомякова.—

Откуда взялось у васъ это направленіе? спросилъ я.—Я обязанъ имъ частію своею принадлежностью къ купеческому сословію, частію историческимъ занятіямъ и большею частью чтенію, Московской Литературѣ, Сборникамъ. Вотъ они—невидимые плоды! Поповъ—почетный гражданинъ и купецъ первой гильдіи, человѣкъ лѣтъ тридцати слишкомъ, худой, какъ скелетъ, чахоточный, высокій, такъ что страшно смотрѣть, блѣдный, съ черною бородою, не совсѣмъ Русской, и въ Европейскомъ платьѣ. Платье носитъ онъ по привычкѣ. Такъ носилъ, можетъ быть, его отецъ; къ тому же платье надѣваютъ нѣкоторые и потому, что избавляются въ немъ отъ грубой и нахальной фамильярности благороднаго Россійскаго дворянства. Человѣкъ онъ очень не глупый, религіозный и добрый, какъ рѣдко встрѣчается. Мнѣ извѣстны тайныя его благотворенія, о которыхъ никто не знаетъ, дѣлая которыя, онъ требовалъ одного—тайны... Сильно проникнутый тѣмъ же убѣжденіемъ, какое носимъ и мы, онъ постоянно мучится и страдаетъ, видя, что все спѣшитъ наперскоръ туда, гдѣ намъ видится пропасть. Онъ приставалъ ко мнѣ, зачѣмъ не издается журналъ, и взялъ слово съ меня, что если будетъ издаваться журналъ или сборникъ, то непремѣнно на его бумагѣ. У него есть бумажная фабрика въ Угличѣ; самъ онъ Рыбинскій купецъ. Я подарилъ ему сейчасъ (онъ только-что ушелъ) Константинову драму,—да и познакомился я съ нимъ только 30-го августа, а узналъ его всего дней десять. Но онъ только одинъ и есть.—Есть и другой, хоть не Рыбинскій, а Ярославскій купецъ Щербаковъ. Я его не знаю, но нынче только мнѣ сказали, что онъ очень желаетъ со мной познакомиться, читаетъ *Сборникъ* и занимается Словенскими нарѣчіями,—но сынъ раскольника, чуждый связи съ Церковью, связи, передаваемой съ дѣтства воспитаніемъ,—и въ то же время слишкомъ просвѣщенный для участія въ заблужденіяхъ раскола,—онъ, по отзыву Попова, совершенно не имѣетъ религіозныхъ убѣжденій".

Вотъ, нашъ юный правовѣдъ и словенофилъ попадаетъ въ

Ярославлѣ на купеческій свадебный обѣдъ и балъ. Своими впечатлѣніями, вынесенными изъ этого торжества, онъ дѣлится съ своимъ отцомъ и пишетъ ему: „Обѣдалъ я на прошедшей недѣлѣ у одного богатѣйшаго купца, аристократа между купцами, Пастухова. Это былъ третій обѣдъ, данный по случаю свадьбы его родной племянницы, вышедшій замужъ за одного молодого купца. Я въ первый разъ обѣдалъ на купеческомъ обѣдѣ съ дамами. Немногія старушки были въ кичкахъ; остальныя одѣты по послѣдней Парижской картинкѣ, decolletées, и всѣ—нисколько не жеманны и не робки, а страшныя кокетки. Молодая—красавица. Послѣ обѣда, кончившагося довольно поздно, черезъ часъ начался балъ. Все это пустилось плясать; танцы, до которыхъ особенныя охотницы купеческія барышни и дамы—это польки, галопы и вальсы. Кавалеры—молодые же купцы, въ Англійскихъ фракахъ, завитые!.. Особенно отличалась одна молодая купчиха, чрезвычайно красивая собой,—изъ Шуи... Шуя перещеголяла еще Ярославль. Смотрѣть было чрезвычайно красиво, но въ то же время необыкновенно грустно и тяжело. Само собою разумѣется, что сбрасывая съ себя прежнюю обузу, онѣ ударяются въ другую крайность и непремѣнно пересолятъ. На этомъ же балѣ было пропасть стариковъ купцовъ, съ бородами. „Какъ вамъ это все кажется?“ спросилъ я одного изъ нихъ, слыша раздающійся восторгъ присутствующаго дворянства. — Такой ужь вѣкъ, отвѣчалъ онъ, съ недоумѣніемъ смотря на меня. — „Какъ вы думаете“, продолжалъ я, „лучшею ли сдѣлается матерью вотъ эта дама отъ того, что пустилась плясать польки, или вотъ эти обнаженныя плечи — послужатъ ли они крѣпчайшимъ ручательствомъ въ вѣрности мужу?..“ Купецъ вздрогнулъ: Неужели вы такъ думаете, сказалъ онъ, обрадовавшись и пожимая мнѣ руку: я совершенно согласенъ, и моей душѣ все это противно, да противъ рожна трудно прать... Впрочемъ, я долженъ сказать, что въ первый разъ вижу дворянина, который бы думалъ, какъ вы!—У насъ, въ Москвѣ, многіе такъ думаютъ, отвѣчалъ я...“

Угличъ навѣялъ на Аксакова слѣдующія мысли: „Не думайте,—что древній характеръ города и присутствіе священныхъ памятниковъ старины удерживаютъ жителей въ томъ видѣ, въ какомъ бы желалось ихъ видѣть, напримѣръ, Константину. Нѣтъ, они всѣ религіозны и помнятъ старину—не какъ дѣло быта, а какъ священное преданіе. То-есть, какъ бы вамъ это выразить яснѣе? Событіе, напримѣръ, Еврейской или Христіанской Священной Исторіи, будучи свято и съ вѣрою почитаемо, остается все же внѣ быта; такъ и старина Углицкая, получивъ чисто-религіозный характеръ, отрѣшилась отъ быта и свято, усердно, богомольно почитаемая, дѣйствуя даже на нравственный характеръ, не имѣетъ вліянія на внѣшній бытъ. И противъ церкви царевича Дмитрія на крови стоитъ трактиръ Фениксъ, принадлежащій набожному купцу, одѣвающемуся по Нѣмецки, а жены, жены купеческія, какъ и всюду, опережаютъ мужское племя по пути къ соблазну и не носятъ кичекъ, а одѣваются по послѣдней модѣ. Грѣшный человѣкъ, мнѣ пріятнѣе видѣть ихъ съ открытыми волосами, причесанными à la Reine Blanche, или въ этомъ родѣ, и съ бѣлыми зубами и съ шляпками Французскими, нежели чопорную купчиху въ кичкѣ, съ густо-набѣленными и нарумяненными щеками и съ черными зубами, купчиху чванную, спѣсивую донельзя, или бы купеческую дочь съ волосами, обращенными въ толстый, кулака въ три, жгутъ мотающійся назади. Согласенъ, что отъ Французской шляпки недалеко къ худшему; но еслибы можно было освободиться отъ некрасивой стороны національнаго характера и быта и сохранить нравственныя преданія, было бы хорошо!.. Я люблю крестьянина столько же, сколько и Константинъ, но терпѣть не могу древняго боярина и боярскаго быта, отличавшагося всегда отъ крестьянскаго спѣсью, гордостью, чопорностью... Бояре не пѣли пѣсенъ... Константинъ писалъ какъ-то разъ ко мнѣ по поводу моего письма, что я, хваля крестьянина, не говорю ничего новаго. Но я хочу выразить ту мысль, что бытъ крестьянскій вовсе не долженъ быть выраженіемъ старины, и

что крестьянинъ также мало похожъ на брюхана-боярина, какъ на брюхана-купца". Въ другомъ письмѣ Аксакова изъ Углича читаемъ:

„Нѣтъ, крестьянинъ настоящій, служа выраженіемъ истиннаго типа Русской народности, Русскаго духа вообще, какъ въ старину, такъ и теперь, не можетъ служить выраженіемъ древняго боярина. И какъ горячо я люблю перваго, такъ не лежитъ моя душа къ послѣднему. Бояринъ былъ человѣкъ служилый, правительственный, и этимъ однимъ уже много отличался отъ крестьянина, человѣка земскаго. Служилое сословіе было у насъ наслѣдственное. Сынъ боярина не былъ бояринъ, но не выходилъ изъ служилаго сословія никогда. Потомокъ дружины никогда не смѣшивался съ земскимъ человѣкомъ, а отъ того-то такъ легко было Петру и Екатеринѣ отдѣлить подъ общимъ наименованіемъ дворянъ все служилое сословіе, которому и занятія другого не было, кромѣ службы—привычка, сохраненная нами и доселѣ. И я убѣжденъ, что, не смотря на „тожество языка, понятій, вѣры и вкусовъ", различіе между служилымъ и земскимъ человѣкомъ существовало въ живомъ быту не по одной внѣшности. Далѣе. Въ самихъ нравахъ разница была немалая. Холопъ государевъ подчинялся вліянію Татарскаго и Византійско-царедворнаго элементовъ въ милліонъ разъ болѣе, чѣмъ крестьянинъ. Затворничества женщинъ не было въ быту крестьянскомъ, дородство не уважалось въ немъ. Въ ковахъ, крамолахъ, доносахъ, опалахъ, въ спѣси боярской (которая вошла въ пословицу), въ тяжбахъ о мѣстничествѣ, въ Разрядныхъ книгахъ, словомъ,—во всей этой жизни Московскаго двора—слышите ли вы, чуете ли вы крестьянина? Въ эпоху 1612 года народъ явился на сцену и осрамилъ бояръ. Не говорю про великаго выскочку Ляпунова и про талантливаго, честнаго простяка Пожарскаго. Развѣ въ быту боярскомъ до Петра, особенно около его времени, не слышите вы застоялости упорной, чопорной? Въ этомъ можно сознаться и не оправдывая всѣхъ дѣйствій Петра, и совершенно порицая явленія современной жизни. Но не

къ народу относится этотъ упрекъ застоялости, какъ не можетъ онъ относиться къ нему и теперь. Что и говорить: не было тогда такой разницы, какъ теперь, но была разница въ старину не въ одной цѣнности одеждъ. Поэтому-то съ появленіемъ Петра гнилое боярское сословіе мигомъ полетѣло вверхъ тормашкой, чего бы не могло быть, еслибъ въ немъ уже не лежало смерти; а образа смерти нѣтъ въ быту современнаго крестьянина. Отъ боярина несло запахомъ гнили и трупа; отъ крестьянина вѣетъ жизнью. Да возьмите вы хоть одно отсутствіе хоровода и пѣсни въ быту боярскомъ. Развѣ этого мало? Въ оргіяхъ царя Ивана Васильевича, не говоря уже о другомъ ихъ значеніи, я вижу гораздо болѣе Русскаго характера, чѣмъ въ быту боярскомъ, даромъ что безнравственностью своею эти оргіи противоположными кажутся быту крестьянъ. Въ этихъ оргіяхъ слышится желаніе сбросить съ себя цѣпи чопорности, чванства и спѣси боярской,—насмѣшка надъ ними. Но нападая на древняго боярина, я вполнѣ признаю древнія начала жизни, лежавшія не въ быту боярскомъ, а въ самой Церкви и въ народѣ. Теперь о купцахъ. Современный купецъ ближе къ крестьянамъ, нежели мы. Какъ ни считали мы себя близкими къ народу, мы отдѣлены отъ него пропастью: сознаніемъ и анализомъ жизни. Въ купцѣ этого нѣтъ. Въ лѣстницѣ сословій оба эти сословія стоятъ рядомъ. Набожностью, благотворительностью и одеждою своею купецъ сходенъ съ мужикомъ, сходенъ съ нимъ и рѣчью, ибо если купецъ и любитъ иногда выражаться красною безсмыслицею, то онъ умѣетъ владѣть и народною рѣчью. При всемъ томъ онъ очень отъ него далекъ, и въ немъ есть нѣкоторыя черты, не принадлежащія нашему сословію, но напоминающія древняго боярина. Это то же затворничество женщинъ, спѣсь, чванство и какая-то чопорность, крахмальность въ жизни. Только онъ лучше боярина, потому что ближе къ народу. И потому-то, повторяю, я въ купцѣ чую часто древняго боярина, хоть, разумѣется, всего этого нельзя принимать вполнѣ и рѣшительно, и если буду когда-нибудь

изображать древняго боярина, то припомню себѣ современнаго купца и его отличія отъ крестьянскаго быта, и думаю, что выйдетъ удачно. Что касается до чернозубія купчихъ, то, упоминая объ этомъ, я нападалъ на безусловное поклоненіе Константина древнимъ платьямъ и изяществу. Конечно, когда ему укажешь, онъ сознается, что то и другое скверно, но удивительно умѣетъ все это забывать, когда отъѣдетъ въ похвалы. Румяна, бѣлила и чернозубіе не современная принадлежность купчихъ, но древняя".

Жалуясь на краткость писемъ своего старшаго брата, И. С. Аксаковъ между прочимъ писалъ слѣдующее: „Собираясь писать и поговорить со мною, онъ сейчасъ своротитъ на скользкую дорожку, отопретъ свое негодованіе на Западъ: скверный Западъ, скотина Западъ, и пойдетъ, и пойдетъ! Словомъ, двѣ трети письма наполнитъ тѣмъ, что̀ я отъ него уже тысячи разъ слышалъ и что̀, слѣдовательно, ни ему, ни мнѣ не ново!"

Между тѣмъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Ярославля И. С. Аксаковъ развиваетъ такую мысль: „Чѣмъ больше я смотрю на нашихъ купцовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ они слѣпо, инстинктивно лѣзутъ туда, откуда мы уже возвращаемся, и мы непонятны другъ другу. Борода и привязанность къ старымъ обычаямъ, безъ разумѣнія, по преданію, по привычкѣ, не составятъ никогда нравственнаго отпо́ра соблазну. Этотъ нравственный отпоръ заключается только въ сознаніи, въ просвѣщеніи, даже—для нихъ—не въ религіи. Церковь наша и все духовенство поладили съ современностью, заслонили истину или, яснѣе, такъ обмотали Евангельскія истины своею обрядовою, административно-полицейскою стороною, что не всякій въ состояніи отдѣлить ее. Православное духовенство совращаетъ народъ, а раскольническіе учители, ища отпора только въ обрядовой сторонѣ, также внѣ истины и также не устоятъ... Можетъ быть, Провидѣнію угодно, чтобы всѣ побывали тамъ, откуда мы возвращаемся, чтобы всѣ прошли черезъ испытаніе и съ полнымъ, такъ сказать,

опытнымъ сознаніемъ зла возвратились къ истинѣ?... Можетъ быть, но насъ это не должно останавливать!... Константинъ укажетъ мнѣ на Хазова. Но Хазовъ исключеніе. Константинъ укажетъ на крестьянъ. Но чисто Великороссійскія губерніи, по многолюдству народонаселенія, полны крестьянами торговыми и промышленниками. Посмотрѣлъ бы на нихъ Константинъ! Я собралъ недавно объ ихъ бытѣ очень подробныя свѣдѣнія, которыя когда-нибудь сообщу. Я укажу на другія губерніи,—да тамъ Малороссы, да тамъ Чуваши, да тамъ Мордва, скажетъ Константинъ же. Поэтому, смотря на здѣшнее купечество, — я еще болѣе желаю учрежденія купеческаго училища, разумѣется, только съ тѣмъ, чтобы оно не походило на Французскій пансіонъ...“

Такимъ образомъ міросозерцаніе И. С. Аксакова во многомъ расходилось съ міросозерцаніемъ его отца и брата, и нерѣдко между ними происходили разногласія. Такъ, напримѣръ, вотъ что̀ онъ писалъ своему отцу (5-го декабря 1849 года): „Странны мнѣ ваши слова обо мнѣ. Я давно уже замѣчаю, что вы многимъ моимъ письмамъ придаете другой смыслъ. Въ свободѣ взглядовъ и въ снисходительности я не уступлю ни вамъ, ни Константину, особенно ему: я помню жестокіе приговоры, произнесенные имъ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, которыя я предлагалъ ему на разрѣшеніе. Я говорю только, что въ томъ случаѣ, если предоставляется отцу позволеніе или запрещеніе, я бы не позволилъ сыну жениться на актрисѣ; пусть она сойдетъ со сцены, другое дѣло. Само собою разумѣется, что это непозволеніе есть только неодобреніе, но гонять сына съ глазъ, проклинать, лишать наслѣдства—это вещи, которыя мнѣ и въ голову не приходили, о которыхъ мнѣ и не знающему чувства отца страшно было бы и подумать! Актриса! Несчастное званіе, которое открываетъ партеру право срамныхъ клеветъ, произносимыхъ самымъ покойнымъ, обыкновеннымъ образомъ; званіе, которое даетъ поводъ каждому обращаться къ ней съ любезностями и предложеніями своего рода; званіе, которое заставляетъ бѣд-

ную дѣвушку или женщину по прихоти автора веселить партеръ непристойнымъ костюмомъ или безстыдными рѣчами!... Служеніе искусству! Для этого надобно быть художникомъ по призванію, а не ремесленникомъ въ художествѣ, да и храмъ искусства давно уже превратился въ площадный балаганъ. Не любя, презирая званіе, я никогда не презиралъ,— душа моя неспособна презирать, — человѣческую душу, отыскиваемую мною вездѣ и всюду, въ самыхъ послѣднихъ исчадіяхъ человѣчества, отъ которыхъ отворотился бы Константинъ! Вы предупреждаете меня, чтобы я не впалъ въ дикость и проч. Да не я ли писалъ:

Предстанетъ каждая душа
Съ своими вѣчными правами!...“

Не взирая на личныя объясненія юныхъ Словенофиловъ Ю. Ѳ. Самарина и И. С. Аксакова съ самимъ императоромъ Николаемъ I, положеніе ихъ единомышленниковъ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, ухудшилось или по крайней мѣрѣ сдѣлалось *безпокойнѣйшимъ прежняго*. „Прежде“, писалъ онъ,— „надъ нами смѣялись, теперь начали бояться насъ“. По совѣту Самарина, К. С. Аксаковъ сталъ очень мало выѣзжать въ общество.

Какъ-то разъ, по приказанію отца, онъ отправился къ А. И. Васильчиковой поблагодарить ее за участіе. Тамъ онъ встрѣтился съ духовникомъ Государя протопресвитеромъ В. Б. Бажановымъ. Аксаковъ произвелъ на о. Протопресвитера „невыгодное впечатлѣніе своимъ платьемъ, видомъ и словами“. Сообщая объ этой встрѣчѣ сыну Ивану, С. Т. Аксаковъ писалъ: „Константинъ (въ присутствіи Протопресвитера) сказалъ: въ старину, то-есть, до Петра, когда не было еще министерствъ, а были приказы и проч.“. Бажановъ, не отвѣчая прямо ему, сказалъ хозяйкѣ: *Въ старину? Но до котораго времени ее считать? Вотъ иные полагаютъ, что старина только до Петра, а послѣ него все Нѣметчина и вольнодумство.* Константинъ благоразумно удержался отъ продолженія разговора“ [318]).

Между тѣмъ другіе изъ Словенофиловъ, именно смиренномудрые братья Кирѣевскіе, „о горнемъ помышляя, а не о земномъ", большую часть своего времени проводили въ тишинѣ своего сельскаго уединенія, изрѣдка навѣщая Москву. Вотъ что Н. П. Кирѣевская писала Погодину изъ села Долбина, 29-го ноября 1849 года: „Жалѣю, что не могу сообщить вамъ ничего сельско-интереснаго, безпутность пути лишаетъ сообщенія со всѣми. Одинъ только отважный Петръ Васильевичъ (Кирѣевскій) являлся изъ Орла для введенія въ крещеную вѣру младенца у Пелапидаса. По совершеніи такого святого дѣла явился къ намъ съ великимъ крехтомъ отъ дурной дороги, отдыхалъ у насъ недѣлю и вчера пустился въ обратный путь въ Орелъ, откуда по снѣжному пути располагаетъ ѣхать къ вамъ въ Москву мѣсяца на два. Иванъ Васильевичъ сидитъ на одномъ мѣстѣ безъ движенія, читаетъ, куритъ, иногда пишетъ, а куритъ всегда. Дѣти иногда шумомъ развлекаютъ однообразность нашей уединенной жизни, но болѣзнь моя не уменьшается, и не рѣдко бываютъ дни въ которые не въ силахъ даже встать. Утѣшьте насъ вашею дружескою бесѣдою, добрый Михаилъ Петровичъ! Напомните о насъ чувствомъ искренней дружбы Степану Петровичу Шевыреву, бесѣда друзей всегда есть лучшее удовольствіе, а въ нашемъ крѣпкомъ уединеніи—она будетъ отрадою" [319]).

Въ 1849 году изъ среды Словенофиловъ отошелъ въ вѣчность Василій Алексѣевичъ Пановъ. „Извѣстіе о кончинѣ Панова", писалъ Гоголь С. Т. Аксакову,—„меня опечалило. Все позабывается, что чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе съ каждымъ годомъ должны убывать и отходить всѣ близкіе сердцу, а не прибывать" [320]). Не менѣе огорченъ былъ этою кончиною и И. С. Аксаковъ. „Вы можете себѣ представить", писалъ онъ своему отцу (21-го ноября 1849 г.),—„какъ поразилъ меня вашъ postscriptum, какъ о вещи уже извѣстной: *Гриша пишетъ, что вдова Панова* и пр. Неужели это правда и точно относится къ Василію Алексѣевичу? Послѣднее передъ этимъ сообщенное мнѣ о немъ извѣстіе заключалось въ томъ, что

Гриша и Самаринъ хотѣли перетащить его на службу въ Симбирскъ. Странно, что Константинъ не пишетъ мнѣ объ этомъ ни слова. Я желалъ бы знать всѣ малѣйшія подробности. Ибо каждая смерть даже и неблизкаго человѣка для меня глубоко занимательное явленіе" [321]).

LXI.

Въ 1849 году возникли слухи о предстоящемъ будто бы закрытіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Стоявшій близко къ административнымъ центрамъ того времени А. В. Никитенко, подъ 7-мъ января 1849 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ городѣ невѣроятные слухи о закрытіи университетовъ. Проектъ этотъ приписываютъ Ростовцеву, который, будто бы, подалъ Государю записку о преобразованіи всего воспитанія, образованія и самой науки въ Россіи, и гдѣ онъ предполагаетъ на мѣсто университетовъ учредить въ Петербургѣ и Москвѣ два большіе высшіе корпуса, гдѣ наука преподавалась бы спеціально только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ" [322]). Вслѣдъ за симъ разнесся другой слухъ, что хотя университеты и не закрываются, но число студентовъ въ нихъ сокращается, и этотъ слухъ оказался справедливымъ. Въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ:

Подъ *21-мъ мая 1849 г.*: „Слухъ, что въ Университетѣ число студентовъ ограничивается тремя стами".

— 28 — — : „Извѣстіе Шевырева, что число студентовъ ограничивается тремя стами вездѣ, прошибло меня до слезъ. Что они дѣлаютъ? И никто не берется объяснить Государю, въ чемъ дѣло. Потому что никто не понимаетъ его. Думалъ написать письмо къ Адлербергу".

— 29 — — : „Уныніе, говорятъ, въ Университетѣ".

Всѣмъ слухамъ и сомнѣніямъ положили предѣлъ слѣдующія строки И. И. Давыдова къ Погодину:

„Достигъ ли до васъ слухъ объ уменьшеніи числа сту-

дентовъ университетскихъ? И по дѣломъ, потому что начали набирать всякую всячину. К. С. Сербиновичъ самъ привезъ мнѣ ваше письмо. Какъ холоденъ и хитръ! Не лежитъ душа къ такимъ людямъ. То ли дѣло теплое чувство и чистое сердце".

Прочитавъ эти строки, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Чувствую, какъ тебѣ горько должно быть въ Университетѣ. Мнѣ такъ горько вообще, когда я думаю о нашемъ положеніи. Благодарю Бога за свою Исторію: она мнѣ не только удовольствіе, но и утѣшеніе. Вчера прочелъ я Ламартиновскаго Рафаеля. Среди такихъ бурь — есть же время у нихъ для мыслей и чувствованій, а мы! Пріѣзжай, отрѣшась отъ впечатлѣній и дѣлъ минуты, побесѣдовать по человѣчески и по Русски".

Между тѣмъ вотъ что писалъ самъ Шевыревъ А. В. Веневитинову: „Намъ пріятно видѣть, что наша университетская молодежь ведетъ себя какъ нельзя благоразумнѣе. Всѣ заняты дѣломъ—ученьемъ, и сумасбродства въ головахъ нѣтъ" [323]).

Въ защиту университетовъ, какъ и слѣдовало, ожидать выступилъ съ самоотверженіемъ самъ министръ Народнаго Просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, и въ *Современникѣ* появилась статья подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О назначеніи Русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи.*

Въ предисловіи къ этой статьѣ сказано: „Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На Западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуетъ ни вѣра, ни законъ, ни право, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбивой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Россіи — эти

святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что̀ совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать назначеніе и благотворное *участіе Русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи,* чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить Исторія и Статистика".

Обращаясь къ Исторіи, авторъ статьи повѣствуетъ: „За сто безъ малаго предъ симъ лѣтъ, просвѣщенный Русскій вельможа И. И. Шуваловъ представилъ въ Правительствующій Сенатъ достопамятное мнѣніе объ учрежденіи въ Москвѣ университета. Всеподданнѣйшій докладъ императрицею Елисаветою Петровною Высочайше утвержденъ. Хранить небесный огнь науки и проливать благотворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ—таково было призваніе перваго Русскаго университета. И Московскій университетъ достойно исполнялъ свое назначеніе... Изъ перваго Университета вышелъ рядъ новыхъ писателей: Костровъ, Петровъ, Фонъ-Визинъ, князь Долгорукій, Муравьевъ... Славныхъ сановниковъ: Потемкинъ, Шереметевъ, Салтыковъ, Чернышовъ, Булгаковъ, Тепловъ, Лопухинъ, Татищевъ, князь Волконскій, князь Хованскій, Васильчиковы. Екатерина II оживила и возвеличила твореніе Петра и Елисаветы; Императоръ Александръ I даровалъ Университету новый и пространнѣйшій уставъ... Тогда же учреждены университеты: Харьковскій, Казанскій, С.-Петербургскій... Въ царствованіе Александра уже привыкли уважать университетскіе дипломы наравнѣ съ дворянскими грамотами. Къ этому періоду Университета и Университетскаго Пансіона принадлежатъ знаменитые писатели, наша гордость и слава: Карам-

зинъ, Мерзляковъ, Дашковъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ; краснорѣчивые проповѣдники слова Божія, митрополиты: Михаилъ, Серафимъ, Евгеній.—Если раскроемъ каталоги Русскихъ книгъ учебныхъ по части Словесности, Исторіи, Статистики, Математики, Физики, Астрономіи, Естественной Исторіи, Правовѣдѣнія, Медицины, то увидимъ труды университетскихъ питомцевъ и профессоровъ. Въ жизнеописаніяхъ чиновниковъ Имперіи и писателей нашихъ найдемъ вліяніе университетовъ: они—или питомцы ихъ, или ученики профессоровъ". Переходя за тѣмъ къ царствованію Императора Николая I, авторъ статьи, исчисляя все сдѣланное для народнаго просвѣщенія въ то время, говоритъ: „И тамъ, гдѣ впервые пролился свѣтъ Божественнаго ученія, разливается свѣтъ науки, въ юнѣйшемъ университетѣ Св. Владиміра". Вмѣстѣ съ тѣмъ не позабыто и слѣдующее: „А какою благодарностью Министерству Просвѣщенія", говоритъ авторъ,—„обязаны мы за ученыя изслѣдованія по разнымъ предметамъ съ академиками и профессорами Университетовъ, путешествія по обширному нашему Отечеству, за изданіе Словено-Русскаго Словаря, актовъ собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи (Археографическою экспедиціею П. М. Строева), Полнаго Собранія Россійскихъ Лѣтописей".

Представивъ такимъ образомъ очеркъ участія Русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи, авторъ, между прочимъ, останавливается на слѣдующемъ: „Иные возстаютъ на обученіе въ гимназіяхъ и университетахъ Греческому и Латинскому языкамъ — новая борьба тьмы со свѣтомъ! Осмѣливаются увѣрять не свѣдущихъ, будто самые кровожадные изверги Французской Революціи были глубоко ученые Латинисты и располагали свои замыслы и дѣйствія по урокамъ, вычитаннымъ ими въ Римскихъ писателяхъ, — что въ этихъ писателяхъ почерпается лишъ безбожіе, безначаліе, мятежь, развратъ! Такъ могутъ говорить не читавшіе Латинскихъ писателей: для нихъ Робеспьеры, Мараты, Равальяки кажутся глубоко-учеными и Латинистами!... Древніе пи-

сатели, по которымъ образовались Василіи Великіи, Іоанны Златоусты, Григоріи Назіанзины, Августины, Дантъ, Аріостъ, Тассъ, Шекспиръ, Юмъ, Ньютонъ, Лейбницъ, Лапласъ, Гете, Шиллеръ, Ломоносовъ, Сперанскій, Платонъ и всѣ великіе двигатели просвѣщенія,—эти писатели, по словамъ гасителей свѣта наукъ, преподаютъ уроки разврата и смутъ! Въ общественныхъ заведеніяхъ изучаютъ Гомера, Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида, Демосѳена, Виргилія, Цицерона: кто жь когда-либо читалъ въ этихъ писателяхъ уроки безбожія, безначалія и кровопролитія? Если мы въ Аристофанѣ и Ювеналѣ видимъ живую картину Аѳина и Рима, Саллюстіи и Тацитѣ неистовыхъ Катилинъ, грозныхъ Тиверіевъ, то это достояніе Исторіи. Развѣ она можетъ скрыть этихъ чудовищъ на скрижаляхъ своихъ?... И кто изъ древнихъ писателей можетъ сравниться въ униженіи человѣческаго достоинства съ новыми Французскими и Нѣмецкими, которыми думаютъ замѣнить Греческихъ и Римскихъ классиковъ? Какой ядъ ужаснѣе того, который подносятъ въ позлащенныхъ чашахъ Викторъ-Гюго и Кабе, Штраусъ и Фейербахъ? Для этого однако никто не подумаетъ истребить въ училищахъ языки Нѣмецкій и Французскій. Вѣка, просвѣщенные народы и опытъ давно рѣшили и всѣ единогласно признаютъ классическое ученіе лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ способомъ всесторонняго развитія, какъ ученіе, занимающееся самимъ человѣкомъ...“ Далѣе читаемъ: „Для идей нѣтъ ни стѣнъ, ни таможенъ: при всей бдительности, онѣ, не удержимыя и не уловимыя, переносятся черезъ моря и горы; противъ нихъ одинъ оплотъ—народное образованіе, основанное на благоговѣніи къ Православной Вѣрѣ, преданности къ православному Государю и любви къ Православной Россіи. Университеты и ихъ учебныя заведенія этими священными чувствами глубоко проникнуты“.

Обращаясь затѣмъ къ Статистикѣ, авторъ статьи извлекаетъ изъ нея слѣдующее свѣдѣніе: „Порицатели университетовъ не знаютъ даже того, изъ какого состоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять лѣтъ предъ симъ еще

поступали въ университеты воспитанники духовныхъ семинарій и академій и составляли большинство студентовъ; но въ наше время ежегодные отчеты Министерства Просвѣщенія показываютъ, что большая часть студентовъ — дворяне и дѣти чиновниковъ. Лучшіе студенты нынѣ въ университетахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и академій, а питомцы гимназій, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами даже половина дворянъ".

„Итакъ", заключаетъ авторъ свою замѣчательную статью,— „мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное обращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими доводами и статистическими выводами. Разливать благотворный свѣтъ современной науки, не меркнувшій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего *Православія* и *Самодержавія*, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать оному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу: вотъ *назначеніе Русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи.* Они, какъ міръ Божій, которому служатъ зерцаломъ, никогда не старѣютъ, а лишь только обновляются и совершенствуются. Подъ ихъ сѣнію воспитываются и ученые, и писатели, и мужи государственные. Отъ каѳедръ университетскихъ разливается свѣтъ народнаго образованія въ училища всѣхъ вѣдомствъ. Отсюда образованные, благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху" [324]).

LXII.

По свидѣтельству А. В. Никитенка, статья *О назначеніи Русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи* произвела сильное впечатлѣніе „на людей со здравымъ смысломъ—и на тѣхъ, кому дорога наука. Писалъ эту статью И. И. Давыдовъ, а Министръ исправлялъ ее, дополнялъ и въ заключеніе далъ позволеніе печатать" [325]).

По порученію Уварова И. И. Давыдовъ (20-го марта 1849 года) писалъ Погодину: „Графъ желалъ бы, чтобы статья *О назначеніи Русскихъ университетовъ* изъ *Современника* была у васъ перепечатана. Я писалъ объ этомъ С. П. Шевыреву, но велѣно и къ вамъ о томъ же написать. Это статья полуоффиціальная, и вы догадаетесь, для кого она написана". Хотя въ томъ же письмѣ И. И. Давыдовъ и сообщалъ Погодину, что „Графъ, Богу благодареніе, здоровъ и покоенъ: свыше повѣяло благосклонностью и милостью. Слава въ вышнихъ Богу—и въ нашемъ мірѣ миръ" [326]), на самомъ же дѣлѣ было иное.

17-го марта 1849 года Д. П. Бутурлинъ писалъ графу С. С. Уварову: „При обозрѣніи нашей журналистики за текущій мартъ, Комитетъ, Высочайше учрежденный во 2-й день апрѣля 1848 года, остановился на помѣщенной въ *Современникѣ*, никѣмъ не подписанной статьѣ: *О значеніи Русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи*. Въ статьѣ сей авторъ, исходя отъ того, что „съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго образованія, въ особенности университетовъ",—выставляетъ себя поборникомъ сихъ высшихъ учебныхъ заведеній и старается, защитивъ ихъ отъ мнимыхъ ложныхъ толковъ въ публикѣ, доказать необходимость сохраненія оныхъ. Статья сія, по *внѣшнему ея изложенію*, не имѣетъ ничего предосудительнаго. Напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ Правительству, о преданности Государю, о любви къ Россіи и пр. Но если вникнуть во *внутренній ея смыслъ*, то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло Правительства и, сверхъ того, подъ благовидною оболочкою сокрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати. Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ, что Правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ ли сей слухъ, или нѣтъ, но вдругъ, среди этого об-

щаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ—какъ бы въ отвѣтъ на приписываемое Правительствомъ намѣреніе—университеты защищаются противъ порицаній, пускаемыхъ „въ общественное мнѣніе" людьми *поверхностными*; гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять, тономъ законодателя, сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія; гдѣ оно впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія; гдѣ, наконецъ, въ числѣ оправданій противъ выведенныхъ имъ же самимъ порицаній, то же частное лицо дозволяетъ себѣ разныя странныя неприличія, напримѣръ, приведеніе—въ видѣ факта, относящагося къ похвалѣ университетовъ,—что въ нихъ значительно уменьшилось нынѣ число учениковъ изъ духовнаго званія, какъ бы званіе сіе было разсадникомъ людей зловредныхъ. Комитетъ не оспариваетъ, что сіи разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ видѣ скромныхъ желаній человѣка, почитающаго себя близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Но то, что̀ при семъ направленіи могло бы быть признано въ нихъ благонамѣреннымъ, принимаетъ совсѣмъ иной видъ, являясь въ печати, въ журналѣ. Такое преданіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію, представляютъ явленіе столь же новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній Правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ *частныхъ* мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ и вмѣсто того, чтобы,—какъ въ сей же статьѣ сказано—„за правое дѣло стояла Исторія", за свое дѣло будетъ проповѣдывать журналистика. Въ этомъ точно смыслѣ, какъ дошло до свѣдѣнія членовъ Комитета, статья сія понята и оцѣнена уже и многими въ нашей публикѣ,

обратившей на нее особенное вниманіе именно по связи съ вышеупомянутыми слухами. Вслѣдствіе сего Комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству, съ одной стороны, привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи, а съ другой, поставивъ въ виду редакторамъ всѣхъ вообще журналовъ и *Современника* въ особенности, а также и цензорамъ, что Правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было допускаемо. Таковое заключеніе Комитета Государь Императоръ, собственноручною на журналѣ онаго резолюціею, изволилъ 16-го сего марта утвердить, изъявивъ съ симъ вмѣстѣ Высочайшую волю „*знать, какъ сіе могло быть пропущено?*

„Сообщая о сей Высочайшей волѣ вашему сіятельству для зависящаго исполненія, покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу почтить меня увѣдомленіемъ какъ объ имени сочинителя статьи, такъ и по содержанію сдѣланнаго Государемъ Императоромъ вопроса“.

Получивъ столь оскорбительную бумагу, графъ С. С. Уваровъ, 21-го марта 1849 года, обратился къ самому Государю и писалъ ему: „Дѣйствительный тайный совѣтникъ *Бутурлинъ* сообщилъ мнѣ заключеніе Комитета, Высочайше учрежденнаго 2-го апрѣля 1848 года, о статьѣ, которая напечатана въ *Современникѣ*, подъ названіемъ: *О значеніи Русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи*. Къ этому онъ присовокупилъ, что вмѣстѣ съ утвержденіемъ положенія Комитета, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Высочайшую волю: *Знать, какъ сіе могло быть пропущено*. Поводомъ къ обвиняемой статьѣ, какъ сказано въ самомъ ея началѣ, было то, что въ столичномъ *обществѣ* начали *обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія*, въ особенности университетовъ. Комитетъ 2-го апрѣля, съ своей стороны, утверждаетъ, что „всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени *слухъ, что Правительство имѣетъ въ виду* преобразовать

университеты". Дѣйствительно, съ нѣкотораго времени были распространяемы въ здѣшней столицѣ подобные нелѣпые слухи, и я смѣю сказать, что отъ этого обстоятельства, отъ такой молвы нельзя было ожидать ничего благопріятнаго. Однако я считалъ не заслуживающими серьезнаго вниманія всѣ толки людей, незнакомыхъ съ сущностью учебнаго устройства: ибо мнѣ должно было быть извѣстно, что въ кругу Государственнаго управленія, Правительственная власть заключается единственно въ повелѣніяхъ Вашего Императорскаго Величества и въ исполнителяхъ священной воли Вашей. Ваше Императорское Величество не изволили изъявлять мнѣ Августѣйшей мысли объ уничтоженіи или преобразованіи нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій; напротивъ того, всегда благодушно ободряемый снисходительнымъ вниманіемъ Вашимъ къ устройству учебныхъ заведеній Министерства, я еще недавно удостоился слышать изъявленіе столь драгоцѣннаго для меня удовольствія Вашего Величества на счетъ похвальнаго общаго духа и порядка, сохранившихся и въ сіе тяжкое время между обучающимся юношествомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Я позволилъ себѣ сказать, что ходившіе по городу ложные слухи не могли произвесть дѣйствіе благопріятное, и мнѣ извѣстно, что они уже проникли во внутреннія губерніи Имперіи; что они успѣли нѣкоторымъ образомъ потревожить тамъ умы жителей; что родители опасаются за дальнѣйшее существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за средства къ окончательному образованію дѣтей своихъ. Эти не безвредные толки не ограничивались однако молвою о столичномъ говорѣ; они нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ подробной *запискѣ*, которая также стала ходить по рукамъ, которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой Русскимъ Правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы, которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ Русскихъ университетовъ, оставляя только одинъ Дерптскій неприкосновен-

нымъ. Не утруждая Ваше Императорское Величество представленіемъ, которое въ нѣкоторыхъ видахъ могло бы показаться доносомъ, я и тутъ счелъ достаточнымъ ограничиться словеснымъ объясненіемъ по этому предмету съ генералъ-адьютантомъ графомъ Орловымъ. Въ это время была мнѣ представлена статья, появившаяся потомъ въ *Современникѣ*,—статья, *въ которой не находится ни малѣйшаго намека ни на эти толки, ни на слухи о намѣреніяхъ Правительства*, о коихъ говоритъ Комитетъ,—статья, написанная съ благонамѣренностію, съ нелицемѣрною преданностію Правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части, наконецъ, съ любовью къ просвѣщенію истинному и благотворному. Общественное мнѣніе учащихъ и учащихся нуждалось въ скромной повѣркѣ и поясненіи—и я, не обинуясь, призналъ, что эта статья может содѣйствовать косвенно къ исправленію возбужденныхъ въ публикѣ превратныхъ толковъ и ошибочныхъ понятій. Комитетъ 2-го апрѣля самъ принужденъ сказать и говоритъ, „что статья эта, по внѣшнему ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ Правительству, о преданности Государю, о любви къ Россіи и проч.". При всемъ томъ Комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, *во внутренній смыслъ ея*, видитъ въ ней „неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло Правительства". — Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, не доставшійся въ удѣлъ смертному — даръ всевидѣнія и проницанія внутрь природы и человѣка,—даръ въ ыраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ совершенно тому противоположный? — Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе,—что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ

произволу и неправеднымъ обвиненіямъ въ такихъ намѣреніяхъ, которыя обвиняемому и на мысль не приходили. Такимъ образомъ, статью, написанную въ чистѣйшемъ духѣ, можно представить *„вмѣшательствомъ частнаго лица въ дѣло Правительства"*. Писателя благонамѣреннаго, опровергающаго порицанія, пускаемыя въ общество людьми поверхностными объ одномъ изъ вопросовъ народнаго образованія и обученія, можно обвинить *„въ принятіи тона законодателя, разбирающаго пользу государственныхъ учрежденій"*. Если писатель скромно и съ убѣжденіемъ человѣка знающаго дѣло исчисляетъ пользу Русскихъ университетовъ и показываетъ, въ какой мѣрѣ устройство, данное имъ Правительствомъ, соотвѣтствуетъ благой ихъ цѣли, то можно сказать про него, *„что частный человѣкъ впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія"*. Когда *духовное юношество* удерживается въ предѣлахъ *духовныхъ учебныхъ заведеній* какъ отъ того, что заботливостію ихъ начальства они поставлены нынѣ на высшую степень совершенства, такъ и отъ увеличившейся потребности въ молодыхъ людяхъ, основательно обученныхъ для опредѣленія на мѣста священниковъ, то даже этотъ фактъ неоспоримый, значительно уменьшившій число университетскихъ студентовъ изъ духовнаго званія, можно взять за основаніе, чтобы наперекоръ очевидности взвести на автора, „будто онъ *духовное званіе выдаетъ за разсадникъ людей зловредныхъ*". Комитетъ 2-го апрѣля признаетъ снова, „что сіи разсужденія могли быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства; что при семъ направленіи они могли быть признаны благонамѣренными". Потомъ, вопреки мнѣнію своему, представляетъ эти благонамѣренныя разсужденія въ печати, какъ будто *„преданіемъ вопроса правительственнаго на судъ публики"*. Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная—и Комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою— не можетъ отъ того только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется.

Въ заключеніе всего Комитетъ полагаетъ поставить редакторамъ *всѣхъ журналовъ* на видъ, что „*Правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати*". За появленіе статьи въ печати отвѣтствуетъ Цензура; если ею пропущено, чего пропускать не слѣдовало бы, то взысканіе должно дѣлаться въ кругу ея начальства. Но выставлять замѣчаніе, дѣлаемое Цензурѣ, на видъ *всѣмъ редакторамъ журналовъ*, которыхъ она должна удерживать въ предѣлахъ цензурныхъ постановленій, не значитъ ли унижать предъ ними ея достоинство и отнимать у нея спасительную власть надъ ними? Ежели напечатаніе въ журналѣ скромныхъ разсужденій, которыя могли быть представлены начальству, выдается „*за поставленіе журналовъ въ судьи вопросовъ государственныхъ*", то какъ назвать это осужденіе установленной отъ Правительства власти, *которое ставитъ ее на правежъ предъ газетчиками и журналистами?*

„Государь! Статья въ *Современникѣ* была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня. Въ такомъ положеніи вещей, когда, съ одной стороны, Министерство, руководствуясь своими узаконеніями и указаніями начальства, носящаго открыто и законную отвѣтственность, дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу, а съ другой—Комитетъ, состоящій внѣ Министерства, и безъ сношенія съ онымъ, не требуя никакихъ предварительныхъ объясненій, и не имѣющій въ виду никакихъ справокъ, дѣлаетъ свои заключенія, кои по Высочайшемъ одобреніи принимаютъ силу закона,—недоумѣнія и столкновенія были и будутъ неизбѣжны. Въ теченіе цѣлаго года я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы предупредить подобныя столкновенія, и смиренно ожидая послѣдствій этого положенія вещей на опытѣ, не утруждалъ Ваше Императорское Величество преждевременными домогательствами. Эти усилія согласить по возможности два различныя направленія и двѣ власти въ дѣлѣ, по себѣ уже трудномъ и гада-

тельномъ, остались, за силою вещей, тщетными. Нынѣ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ чистосердечіемъ, коимъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ я всегда руководствовался предъ Вашимъ Величествомъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не благоугодно ли будетъ, дабы дать цензурному дѣлу одно постоянное теченіе и прекратить столкновенія, неизбѣжныя въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлить отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всю цензуру вообще, или, по крайней мѣрѣ, повелѣть передать Комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, хотя *цензуру журналовъ и газетъ*, если первое окажется неудобнымъ. Такимъ образомъ и сообразно съ требованіемъ времени, власть, наблюдающая за ходомъ періодической литературы, будетъ и давать ей направленіе, и непосредственно отвѣтствовать за собственныя свои распоряженія. Единство, необходимое для охраненія служебнаго порядка и однообразнаго дѣйствія, будетъ опять возстановлено. Исполнители вашей воли не будутъ находиться въ тяжкой неизбѣжности утруждать Ваше Императорское Величество разнородными своими взглядами на одинъ и тотъ же предметъ, по существу коего можно въ одно время и съ равною благонамѣренностію смотрѣть съ разныхъ точекъ не столько въ разсужденіи началъ, сколько въ ежедневномъ приложеніи оныхъ къ суетливому и часто мелочному дѣлу.

„Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ полною откровенностію плодъ годичныхъ наблюденій и опытовъ, смѣю прибавить, что съ своей стороны я почту за особое благоволеніе, если излагаемое предположеніе удостоится Высочайшаго соизволенія; оно тѣмъ болѣе можетъ безъ затрудненія быть приведено въ дѣйствіе, что дѣло объ образованіи цензуры, внесенное въ Государственный Совѣтъ, еще не подлежало разсмотрѣнію. — По оффиціальной безгласности Комитета можно бы, смѣю думать, передать цензуру журналовъ и газетъ, частными лицами издаваемыхъ, въ Третье Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Вашего Величества, откуда

и поступитъ она въ Комитетъ 2-го апрѣля 1848, если на сіе воспослѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

„Наконецъ, смѣю выразить, что таковымъ или подобнымъ распоряженіемъ Ваше Величество изволите даровать мнѣ новыя силы и новую возможность посвятить болѣе времени существенной части Высочайше ввѣреннаго мнѣ Министерства, обращая сугубое вниманіе на охраненіе въ устройствѣ и тишинѣ многочисленныя учебныя заведенія, составляющія главную заботу Министерства и требующія и неусыпнаго попеченія, и спокойствія духа“.

На этой всеподданнѣйшей объяснительной запискѣ, 22-го марта 1849 года, собственноручно начертана слѣдующая Высочайшая резолюція: *Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ Современникѣ, неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши Правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, не согласно ни съ достоинствомъ Правительства, ни съ порядкомъ у насъ, къ счастію, существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя. Объявить цензорамъ, чтобы впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣній, спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ.*

LXIII.

1849 годъ былъ роковымъ годомъ въ жизни графа С. С. Уварова.

„Лѣто того года“, повѣствуетъ Плетневъ, — „Уваровъ жилъ на своей Петербургской дачѣ, что на Карповкѣ. Онъ по обыкновенію занимался дѣлами, но въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. 14-го іюля въ этомъ году онъ пораженъ былъ кончиною супруги своей и проводилъ время въ печальномъ пустынномъ домѣ, безъ семейства, почти безъ общества... Въ такомъ состояніи и настроеніи души засталъ его сентябрь“ [327]).

Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія писалъ Государю Наслѣднику Цесаревичу: „6-го сего сентября министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Уваровъ подвергся нервному паралитическому удару, послѣдствіемъ котораго было отнятіе правой руки и ноги, съ замѣтнымъ ослабленіемъ способности говорить, при чемъ сохранились, однако, умственныя способности, которыя дозволили ему передать мнѣ желаніе довесть о его положеніи до Высочайшаго свѣдѣнія. Не смотря на немедленное употребленіе медицинскихъ пособій, выздоровленіе графа Уварова, по отзыву врачей, сомнительно, и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ ему нельзя будетъ въ продолженіе нѣкотораго времени заниматься исполненіемъ служебныхъ обязанностей“. На этомъ докладѣ рукою Государя Цесаревича начертано: *Государь Императоръ крайне о семъ сожалѣетъ.* Въ Царскомъ Селѣ 8-го сентября 1849.

16-го сентября того же года И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Внезапная болѣзнь графа Сергія Семеновича была причиною остановки нашей переписки. Десять дней тому назадъ Графъ былъ совершенно здоровъ и веселъ, присутствовалъ въ Комитетѣ Министровъ, за обѣдомъ и послѣ обѣда много говорилъ, а спустя часъ почувствовалъ вдругъ ослабленіе силъ. Тогда я посовѣтовалъ позвать доктора, жившаго на дачѣ Графа, Геннадій же Владиміровичъ Грудевъ оставался при Сергіѣ Семеновичѣ. Не предполагая ничего опаснаго, когда докторъ пришелъ, я уѣхалъ домой. Черезъ полчаса послѣ меня у Графа поражена была правая сторона и языкъ сталъ коснѣть. Такое онѣмѣніе продолжалось сутки; но по прошествіи сутокъ движеніе возобновилось и возвратился языкъ. Каждый день здоровье возстановлялось лучше и лучше, а теперь, слава Богу, Графъ ходитъ, пишетъ и бесѣдуетъ по прежнему. Вотъ наша жизнь. Въ одно мгновеніе, въ моихъ глазахъ, исчезли всѣ надежды, всѣ предпріятія. Провидѣніе спасло государственнаго сановника и превосходнаго человѣка. Государь Императоръ соизволилъ изъявить самое милостивое участіе; ежедневно представляется во Дворецъ бюллетень о

состоянiи здоровья Графа. Итакъ, наше Министерство in periculo versatur. Въ первый разъ вы слышите это отъ меня. Если здоровье и силы Графа совершенно поправятся, то всетаки сомнительно, чтобъ онъ принялся за дѣла. По крайней мѣрѣ, врачи совѣтуютъ взять покой, жить въ тишинѣ, далеко отъ волненiй и тревогъ служебныхъ. — Что жь будетъ съ нами?" Болѣе утѣшительное извѣстiе, черезъ нѣсколько времени, Погодинъ получаетъ отъ Горлова (3-го октября): „Вы вѣрно знаете, что нашъ Министръ имѣлъ нервный ударъ, но теперь онъ внѣ всякой опасности. Великая княгиня Елена Павловна и принцъ Ольденбургскiй удостоили навѣстить больного".

Это событiе произвело на Погодина, конечно, грустное впечатлѣнiе, и въ *Дневникѣ* его мы встрѣчаемъ слѣдующiя записи:

Подъ *13-мъ сентября 1849 г.*: „Уваровъ уволенъ и ударъ. Жаль его. Протасовъ министръ".

— *14-мъ* — — : „Читалъ газеты и думалъ о нашемъ времени. Что за мертвая сторона. Нужно утѣшенiе".

— *28-мъ* — — : „Въ полтораста лѣтъ послѣ Петра мы не убѣдились, что науки полезны. Какое разительное доказательство нашего варварства".

Между тѣмъ Погодину вздумалось навѣстить больного Министра, и онъ просилъ И. И. Давыдова довести объ этомъ до свѣдѣнiя его. Порученiе это было исполнено, и Давыдовъ писалъ Погодину (2-го октября): „Докладывалъ графу Сергiю Семеновичу о намѣренiи вашемъ прiѣхать къ намъ и получилъ отъ него приказанiе написать вамъ слѣдующее: „Здоровье Графа поправляется; не смотря на это, для большей увѣренности, за министерство еще не скоро примется. По этому прiѣзду вашему былъ бы очень радъ и охотно все настоящее промѣнялъ бы на прошедшее, то-есть, на вашу Исторiю и бесѣду" [328]). Получивъ этотъ отвѣтъ, Погодинъ писалъ М. А. Максимовичу:

„Сiю минуту получилъ письмо изъ Петербурга, въ коемъ

Уваровъ зоветъ меня къ себѣ. Ѣхать мнѣ не хочется — печатаніе мое во всемъ разгарѣ. Подумаю, а между тѣмъ, ты все-таки пиши ко мнѣ въ Москву. Хочется мнѣ и его утѣшить; онъ человѣкъ добрый и умный, хотя и много можно сказать противъ него" [329]).

Погодинъ однако не поѣхалъ утѣшать неутѣшнаго Уварова и вотъ что̀ писалъ Шевыреву:

„Ѣхать еще не рѣшился. Если я поѣду, то это вѣдь для того, чтобъ говорить Сергію Семеновичу: выходите въ отставку, вамъ дѣлать нечего, и, подавая просьбу, напишите Государю разсужденіе, ваше мнѣніе о просвѣщеніи вообще, о наукѣ, объ ихъ состояніи въ Европѣ и для Россіи—кратко и ясно, голосомъ убѣжденія и вѣрноподданнической горести. Я вотъ какъ думаю, а понравится ли это, и я вмѣсто удовольствія могу причинить досаду. Изъ чего же разстраиваться мнѣ во всѣхъ дѣлахъ своихъ?"

Но и безъ совѣтовъ Погодина Уварову пришлось оставить Министерство. „Быть можетъ", писалъ Куникъ Погодину,— „вы въ данную минуту еще не имѣете точныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ случилось вчера. Вчера рано утромъ графъ Уваровъ получилъ окончательное увольненіе въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, и какъ удостовѣряетъ самъ Графъ, по его личной просьбѣ" [330]).

20-го октября 1849 года въ Царскомъ Селѣ воспослѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ начертано:

„Удостовѣрясь изъ письма вашего, что состояніе здоровья вашего препятствуетъ управленію ввѣреннымъ вамъ Министерствомъ, я съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ согласиться на испрашиваемое вами увольненіе отъ завѣдыванія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Мнѣ пріятно при семъ случаѣ изъявить вамъ искреннюю мою благодарность за долговременную, постоянно усердную и полезную вашу службу Престолу и Отечеству, оставаясь въ надеждѣ, что съ возстановленіемъ силъ вашихъ, вы возвратитесь на поприще дѣлъ

государственныхъ по званію члена Государственнаго Совѣта, которое вы сохраняете“ [331]).

Подъ 29-мъ октября 1849 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Указъ объ увольненіи Уварова порядочный. Я радъ за него. Говорили объ немъ“.

„Итакъ“, писалъ Сербиновичъ Погодину, — „мы разлучились съ нашимъ Министромъ, къ которому такъ привыкли въ шестнадцать лѣтъ. Съ нимъ началъ я изданіе *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* и мирно занимался этимъ дѣломъ все это время. Кто будетъ преемникомъ ему, рѣшительно неизвѣстно“.

Возвратившись изъ Москвы, И. И. Давыдовъ съ глубокою скорбію писалъ Погодину: „Поздравляю васъ со днемъ вашего Ангела. Сердечно желаю вамъ всѣхъ благъ возможныхъ, а паче всего здоровья и спокойствія духа; все же прочая приложатся. Послѣ кратковременнаго моего гощенія въ Москвѣ, по возвращеніи въ Сѣверную Пальмиру, встрѣтилъ я много перемѣнъ, сколько важныхъ, столько и неожиданныхъ. Графъ С. С. Уваровъ, прощаясь со мною, въ шутку сказалъ: „Не загоститесь слишкомъ долго въ Москвѣ; до весны надобно здѣсь доживать“. И вотъ, вмѣсто весны, развязка послѣдовала въ продолженіе двухъ недѣль. Конечно, всѣ, и довольные, и недовольные, сожалѣютъ, что болѣзнь заставила Сергія Семеновича разстаться съ любимыми его занятіями; но еще болѣе будутъ сожалѣть впослѣдствіи. Совершенства на землѣ нѣтъ; но если для ученыхъ всего важнѣе — пониманіе ихъ достоинства, то Графъ былъ совершеннѣйшій начальникъ, при всѣхъ недостаткахъ администраціи. Что жь дѣлается теперь въ нашемъ мірѣ, спросите вы? Остаемся въ неизвѣстности и въ ожиданіяхъ. Слуховъ носится много; но ничего еще нѣтъ вѣрнаго и опредѣленнаго. Пока продолжается Коммиссія, разсматривающая заведенія нашего Министерства, едва ли назначится преемникъ Графу. Всего вѣроятнѣе, что останется Товарищъ хозяиномъ; но это также одинъ изъ слуховъ. Г. В. Грудева мы ожидаемъ: не знаю, что̀ онъ мѣшкаетъ. Для Графа его

присутствіе нужно. Графъ говоритъ, будто онъ чувствуетъ себя лучше, спокоенъ; но на мои глаза онъ упалъ духомъ. Видно, что онъ въ непрерывной борьбѣ съ самимъ собою, оправдываетъ все, что̀ случилось, увѣряетъ себя, что это лучшій исходъ. Но кто знаетъ его, тотъ разумѣетъ противное. Жаль, что всходящіе на вершину горы не сходятъ оттуда во время, въ пору, кстати. Во всемъ нужно знать предѣлъ: est modus in rebus". „Жаль Уварова", писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ,—„что онъ оставилъ Министерство: онъ много сдѣлалъ для Университета. При другихъ обстоятельствахъ могъ бы сдѣлать и больше. Прошу у насъ писать біографію и оцѣнить человѣка!"

Всѣхъ томила неизвѣстность о преемникѣ Уварова. „Говорятъ", писалъ Куникъ Погодину,—„о Протасовѣ или Ростовцевѣ, какъ о преемникахъ графа Уварова. Корфъ имъ не будетъ: онъ назначается директоромъ Публичной Библіотеки на мѣсто Бутурлина". Шевыревъ спрашивалъ Погодина: „Правда ли, что Министра Просвѣщенія не будетъ, а что всѣ дѣла этого Министерства перейдутъ въ управленіе Наслѣдника? Это бы славно" [332]). „Никто не знаетъ", писалъ Плетневъ Жуковскому,—„кого назначатъ въ министры. Даже говорятъ, будто изъ нашего вѣдомства составятъ какъ, изъ Военно-учебныхъ заведеній, штабъ подъ главнымъ начальствомъ Наслѣдника. Это было бы для насъ лучше" [333]).

Въ такой же неизвѣстности томился и И. И. Давыдовъ; 16-го декабря 1849 года онъ писалъ Погодину: „Участь наша не рѣшена. Пока продолжается Коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа Д. Н. Блудова, пересматривающая всѣ постановленія нашего Министерства, вѣроятно, не будетъ назначенъ хозяинъ. Поэтому сидимъ у моря и ждемъ погоды. Во всякомъ случаѣ семейство мое весною переселяется въ Москву. Благоговѣйно благодарю Бога, что у насъ есть пристанище—свой домъ. Это придаетъ мужество и бодрость на служебномъ поприщѣ".

Еще до отставки графа Уварова перешелъ въ вѣчность

его современникъ, писатель Карамзинской школы, Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ. Не смотря на то, что писатель этотъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Москвитянина*, но кончина его не вызвала въ Погодинѣ слова воспоминанія. Только И. М. Снегиревъ помянулъ почтеннаго труженика двумя - тремя строками: „Вѣрно, вы знаете", писалъ онъ Погодину,—„о кончинѣ Н. Д. Иванчина-Писарева. Благочестивый по душѣ, поэтъ и аристократъ, онъ посвящалъ труды свои Отечественной Церкви, описалъ монастыри Симоновъ, Новоспасскій, Андроніевскій и Троицкую Лавру, гдѣ между словоизвитіями есть довольно дѣльныхъ замѣчаній. У него мысль подчинена выраженію, по Карамзинской формѣ. *Поѣздка по Коломенскому уѣзду* любопытна и важна. Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились".

Вскорѣ же послѣ отставки графа Уварова скончался попечитель Московскаго учебнаго округа Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Еще 27-го апрѣля 1849 года Голохвастовъ обратился къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующимъ письмомъ: „Совершенное разстройство здоровья, боль и слабость въ ногахъ поставляютъ меня въ необходимость покорнѣйше просить ваше сіятельство объ исходатайствованіи мнѣ Всемилостивѣйшаго увольненія отъ службы, которую я продолжалъ вообще слишкомъ тридцать два года, совершивъ болѣе половины оной по Министерству Народнаго Просвѣщенія, гдѣ я постоянно пользовался благосклоннымъ вниманіемъ начальства и былъ осчастливленъ Монаршими милостями. Осмѣливаюсь испрашивать при этомъ дозволенія носить въ отставкѣ мундиръ, присвоенный настоящему званію моему попечителя Московскаго учебнаго округа, и сохраненія пенсіи, получаемой мною на службѣ и заслуженной въ званіи помощника попечителя." Просьба эта, за отсутствіемъ Государя изъ Петербурга, была исполнена лишь 8-го августа 1849 г. На всеподданнѣйшей докладной запискѣ Министра Народнаго

Просвѣщенія было начертано Государемъ: *Уволить. Кто имѣется въ виду на его мѣсто?*"

„Вы на Дѣвичьемъ Полѣ," писалъ И. И. Давыдовъ Погодину,—„лишь только теперь услыхали, что Д. П. Голохвастовъ выходитъ. Это было уже предположено, когда вы еще щеголяли въ бѣлыхъ перчаткахъ."

Когда же воспослѣдовала Высочайшая резолюція, И. И. Давыдовъ 29-го августа 1849 года писалъ Погодину: „У васъ, вѣроятно, будетъ попечителемъ Предсѣдатель Историческаго Общества. Кажется, объ этомъ ему и во снѣ не снилось. Сообщаю вамъ это *секретно*. Для Москвичей это будетъ предметомъ толковъ недѣли на двѣ; а потомъ и къ этому привыкнутъ, какъ привыкаютъ ко всему. Какъ же это случилось, вы спросите? Отвѣтъ со всѣми подробностями узнаете отъ Геннадія Владиміровича Грудева". Получивъ это извѣстіе: Погодинъ немедленно же сообщилъ объ этомъ Шевыреву: „Попечитель—Чертковъ, Давыдовъ пишетъ ко мнѣ по секрету: не говори и ты никому, пока не узнаютъ отъ другихъ". Но слухъ этотъ оказался не вѣрнымъ. 1-го октября 1849 года въ Царскомъ Селѣ воспослѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату „о бытіи начальнику штаба шестого пѣхотнаго корпуса генералъ-адьютанту, генералъ маіору Назимову 1-му попечителемъ Московскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адьютанта". По свидѣтельству Каткова, новый попечитель „добрый человѣкъ, но дѣлаетъ все только по рекомендаціямъ", и что онъ „существуетъ только номинально, а вмѣсто него дѣйствуютъ различные тетушки, дядюшки и вся сволочь Московскихъ барынь. Онъ самъ жалуется на свое иго, но не смѣетъ и подумать стряхнуть его." Объ отношеніяхъ новаго Попечителя къ Погодину мы можемъ только судить по отрывочнымъ записямъ *Дневника* его:

Подъ *6-мъ января 1850 года*: „Хлопочутъ о томъ, кому подалъ руку Назимовъ. Уѣхать бы мнѣ куда на мѣсяцъ!"

— *14-мъ* — —: „Дома соснулъ и къ Попечителю съ новыми сомнѣніями. Дружескія разрѣшенія. Прекрасно. Слава Богу".

— *10-мъ марта* —: „Вечеръ у Назимова. Читалъ *Петра* и осыпанъ ласками“.

— *26-мъ апрѣля* — : „Вдругъ пріѣзжаетъ Назимовъ и пробылъ часа два... О Русской политикѣ, о Словенахъ, о Нессельродѣ и пр. Преоткровенно. Жаль, что при немъ явились Островскій, Колошинъ и Большаковъ. Разговоръ обратился на Древности. Просилъ написать проектъ о Музеѣ. Прекрасно бы“.

— *14-мъ мая* — : „Къ Попечителю. Очень любезенъ. Отобѣдавъ опять къ Попечителю. Толковалъ о Музеѣ и пр. Радъ на всякое добро“.

— *1-мъ іюня* —: „Обѣдъ у Шевырева. Между княземъ Волконскимъ и Окуловымъ. Потомъ Хлоповъ и Попечитель, который предлагалъ Шевыреву написать объ Университетѣ для устава. О законодателѣ“.

— *3-мъ* — — : „Къ Крылову. О дѣйствіяхъ Попечителя, котораго увлекаютъ“.

— *16-мъ* — —: „Вечеръ у Назимова. Говорилъ о просвѣщеніи, Шихматовѣ, Уваровѣ. Онъ вообще очень любезенъ“.

— *17-мъ* — —: „Назимовъ осматривалъ Музей. Въ восторгѣ и желаетъ непремѣнно присоединиться къ Университету“.

— *18-мъ* — —: „Послѣ обѣда къ Загряжскому, и съ нимъ къ Назимову, который очень любезенъ, доброжелателенъ, откровененъ“.

— *8-мъ ноября* —: „Назимовъ думаетъ о журналѣ отъ Университета, а не объ ученыхъ занятіяхъ. Глупитъ. Жалѣю бѣднаго. Какъ-то было тяжко!“

Съ своей стороны Шевыревъ писалъ Погодину: „У Попечителя я былъ два раза и все не заставалъ его. Наконецъ вчера онъ зашелъ ко мнѣ на лекцію, благодарный, радушный и привѣтливый еще болѣе, чѣмъ прежде. Вечеромъ я былъ у него, говорилъ съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Новаго не слыхалъ ничего объ Университетѣ. Дѣла всѣ идутъ хорошо“.

Между тѣмъ Погодинъ очень интересовался знать, кто будетъ помощникомъ Попечителя. Любопытство его было удо-

влетворено слѣдующими строками И. И. Давыдова: „О помощникѣ Московскаго Попечителя здѣсь ничего не слышно. Видно, назначенія и слухи идутъ изъ Англійскаго клуба. Старушка любитъ поболтать“ [334]).

Не долго Д. П. Голохвастову довелось прожить въ отставкѣ. Кончина его воспослѣдовала въ ночь съ 28-го на 29-е декабря 1849 года. Погодинъ писалъ: „Слишкомъ пятнадцать лѣтъ покойный былъ помощникомъ Попечителя Московскаго Университета и предсѣдателемъ Цензурнаго Комитета, пять лѣтъ президентомъ Медико-Хирургической Академіи и около двухъ лѣтъ попечителемъ. Почувствовавъ разстройство своего здоровья, онъ рѣшился оставить службу, съ цѣлію посвятить себя нѣжно любимому семейству, воспитанію дѣтей, но болѣзнь его безпрерывно послѣ того усиливалась,— и смерть прекратила наконецъ его страданія на пятьдесятъ второмъ году отъ рожденія, въ томъ же домѣ его на Тверскомъ бульварѣ и въ той же комнатѣ, въ которой онъ родился, 1798 года октября 16-го дня.

„Покойный былъ православный христіанинъ и свято исполнялъ всѣ обязанности, налагаемыя на насъ церковію. Предъ кончиною онъ исповѣдывался, пріобщился Святыхъ Таинъ и въ полной памяти благословилъ супругу и дѣтей. Покойный любилъ отечество и былъ приверженъ къ престолу. Честность и безкорыстіе его всѣмъ извѣстны. Правительство почтило его, довѣривъ ему въ полное распоряженіе, на особыхъ правахъ, болѣе трехъ милліоновъ рублей, на кои отстроилъ онъ новое зданіе Университета, Дворянскій Институтъ, старую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ помѣщены теперь Университетскія клиники, Вторую Гимназію на Разгуляѣ, Ермоловскій домъ для Первой Гимназіи, Лабораторію и пр., такъ что въ продолженіе десяти лѣтъ не послѣдовало никакого замѣчанія, не только начета, или жалобы. — Этой довѣренностію къ его честности покойный дорожилъ особенно и любилъ говорить объ ней, какъ о самомъ дорогомъ наслѣдствѣ для своихъ дѣтей. Покойный былъ добрый родственникъ и, желая спасти для

сиротъ разстроенное имѣніе меньшого своего брата, также, еще прежде его скончавшагося, онъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ поддерживалъ его состояніе. Чтобъ обезпечить сколько-нибудь участь сиротъ, онъ принесъ еще многія другія жертвы... Точно въ томъ же духѣ, безъ малѣйшаго прекословія, дѣйствовалъ онъ, исполняя завѣщанія своихъ богатыхъ бездѣтныхъ дядей Яковлевыхъ, которыхъ воля сохранена имъ была свято. Покойный былъ домовитый хозяинъ и попечительный помѣщикъ: крестьяне его никогда не терпѣли недостатка, и въ голодные годы, когда мука продавалась по четыре рубля, они получали продовольствіе по его распоряженію не дороже одного руб. сорока коп. за пудъ, а другіе и безденежно; съ возвратомъ при урожаѣ. Не смотря на строгость помѣщика, они благословляютъ его память, и извѣстіе его о кончинѣ приняли съ горькими слезами, испросили позволеніе нести тѣло покойнаго на рукахъ до заставы, а другіе провожать до мѣста фамильной усыпальницы Голохвастовыхъ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда въ погостѣ Субботинкахъ. Упомянемъ объ его справедливости, или, по крайней мѣрѣ, желаніи быть справедливымъ. Сердце его было мягче и нѣжнѣе, чѣмъ казалось, потому что, вообще любя порядокъ службы, или форму, онъ жертвовалъ иногда ей самымъ чувствомъ. Въ большомъ свѣтѣ, котораго онъ впрочемъ не любилъ, показываясь только изрѣдка, и то какъ бы въ исполненіе обязанности, онъ былъ пріятный собесѣдникъ, говорилъ очень складно, красиво, и любилъ говорить, даже распространяться, что̀ становилось уже недостаткомъ, особенно въ послѣднее болѣзненное время. За то покойный не только говорилъ, но и писалъ хорошо. Воспитавшись, до Французовъ, въ Московскомъ Университетѣ, у профессоровъ университетскихъ, онъ пріобрѣлъ, кромѣ основательнаго знакомства съ литературой Французской, Нѣмецкой, Англійской и Италіанской, прекрасныя свѣдѣнія въ Русскомъ языкѣ, Русскомъ правѣ и Русской Исторіи, коихъ плодомъ было нѣсколько его статей, помѣщенныхъ въ *Москвитянинъ*. Всѣ труды Д. П. Голохвастова отличаются дѣль-

ностію, обдуманностію, осмотрительностію, силою діалектическою и имѣютъ тѣсную связь, особливо первые, съ его гражданскимъ воззрѣніемъ".

Свои поминки о Голохвастовѣ Погодинъ заключаетъ такими словами: „Я старался найти и указать тѣ хорошія качества и достоинства покойника, кои мнѣ случилось узнать по опыту и по слуху. Но всякій человѣкъ имѣетъ не одни хорошія качества: опасаясь ошибиться, въ такое близкое время, мы, помня одно добро, не станемъ искать ихъ: онѣ найдутся, со всѣми нашими, на другомъ судѣ, на коемъ отъ сердца и желаемъ усопшему брату полнаго человѣческаго оправданія".

Отпѣваніе Д. П. Голохвастова происходило въ субботу 31-го декабря въ церкви св. Іоанна Богослова. Къ одиннадцати часамъ утра въ эту церковь съѣхались: князь С. М. Голицынъ, графъ С. Г. Строгановъ, С. В. Перфильевъ 1-й, В. И. Назимовъ, князь Г. А. Щербатовъ, Ректоръ, Проректоръ, деканы, профессора и студенты Университета, также многія почетныя лица столицы, родные, знакомые и незнакомые. Священнослуженіе отправлялъ преосвященный Филоѳей, епископъ Дмитровскій *). Протоіерей университетской церкви П. М. Терновскій произнесъ къ предстоявшимъ гробу въ память почившаго „поучительное и утѣшительное слово". Затѣмъ закрытый гробъ оставили въ церкви для препровожденія въ родовое его имѣніе.

Добрымъ словомъ отшедшаго отъ насъ почтилъ и его двоюродный братъ А. И. Герценъ и въ подтвержденіе Погодина засвидѣтельствовалъ о немъ слѣдующее: „Мнѣ кажется", писалъ Герценъ, — „что говоря о Д. П. Голохвастовѣ я не долженъ умолчать о его послѣднемъ поступкѣ со мною. Послѣ кончины моего отца онъ мнѣ остался долженъ сорокъ тысячъ руб. сер. Я уѣхалъ за границу, оставивъ этотъ долгъ за нимъ. Умирая онъ завѣщалъ, чтобы мнѣ первому было упла-

*) Впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

чено, потому что оффиціально я не могъ ничего требовать. Вслѣдъ за вѣстью о его кончинѣ я по слѣдующей почтѣ получилъ всѣ деньги“ [335]).

За пять дней до кончины Голохвастова на канунѣ Рождества 1849 года сошелъ въ могилу, хотя второстепенный, но дорогой для Московскаго университета дѣятель. Погодинъ задушевно почтилъ и его память:

„24-го декабря 1849 года“ писалъ онъ,—„скончался въ Москвѣ, послѣ кратковременной болѣзни, Александръ Вильгельмовичь Рихтеръ, на сорокъ-седьмомъ году отъ рожденія. Онъ принадлежалъ къ тому почтенному роду, который уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ служитъ у насъ наукѣ, просвѣщенію, Университету. Отецъ его, знаменитый Вильгельмъ Рихтеръ, сочинитель Исторіи Медицины въ Россіи, былъ одною изъ первыхъ звѣздъ, сіявшихъ на горизонтѣ Московскаго университета, въ незабвенное время М. Н. Муравьева. Старшій братъ покойнаго, Михаилъ Рихтеръ, наслѣдовалъ съ честію его каѳедру и отслужилъ уже двадцать-пять лѣтъ профессоромъ Повивальнаго искусства. Александръ Рихтеръ былъ около десяти лѣтъ библіотекаремъ и оказалъ библіотекѣ важныя услуги. Воспитывался онъ въ Университетскомъ Пансіонѣ и вступилъ въ службу въ Московскій Архивъ, вмѣстѣ съ Шевыревымъ, Титовымъ, Мальцовымъ, Мельгуновымъ, Ѳедоромъ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Веневитиновыми. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ вышелъ оттуда по разстроенному здоровью и прожилъ долго въ чужихъ краяхъ. Возвратясь, Рихтеръ принялъ должность библіотекаря и въ продолженіе своей службы, занимаясь своимъ дѣломъ ревностно, пріобрѣлъ богатыя библіографическія свѣдѣнія. Любимою его наукою всегда была впрочемъ ботаника, коей онъ былъ знатокомъ въ полномъ смыслѣ слова. Но не познаніями, какъ они ни были разнообразны и основательны, а своимъ характеромъ, кроткимъ, спокойнымъ, терпѣливымъ, а качествами своего любящаго сердца, привлекалъ къ себѣ общее расположеніе Рихтеръ. Живя вмѣстѣ мудрено людямъ, особенно ученымъ, не стал-

киваться между собою и не причинять другъ другу огорченій, болѣе или менѣе чувствительныхъ. Люди вообще касаются другъ друга своими, такъ сказать, поверхностями (внутри всѣ они лучше), а у ученыхъ поверхность такая нѣжная, такая щекотливая, въ родѣ растенія noli me tangere, что они безпрестанно или раздражаются, или раздражаютъ, огорчаютъ и огорчаются. Печальная принадлежность науки, на извѣстныхъ ея степеняхъ! Послѣ этого вступленія, какъ не удивиться, что Рихтеръ, впродолженіе тридцати лѣтъ своей жизни, находясь безпрерывно въ ученыхъ отношеніяхъ съ людьми, не имѣлъ ни съ кѣмъ ни минутной размолвки; всѣ одинаково его уважали, любили и всѣ съ одинакими чувствами собрались къ его гробу. Предъ гробомъ умолкаютъ всѣ страсти, должно сказать къ чести человѣческой природы, прощаются всѣ недостатки, и мы помнимъ только добро, мы молимся, съ большимъ или меньшимъ чувствомъ, за упокой души усопшаго брата, никто не смѣя думать, чтобъ былъ лучше его. Но предъ гробомъ Рихтера нечему было умолкать: у кого было на него неудовольствіе, кого онъ огорчилъ, кто имѣлъ право на него пожаловаться? — Никто, ни за что, никогда. Замѣчу еще, что и горести особенной не было примѣтно: всѣ мы провожали усопшаго въ другую сторону; у всѣхъ насъ было внутреннее безотчетное чувство, что въ той сторонѣ будетъ ему гораздо лучше, что „уснувшій проснется въ объятіяхъ отца“, и мысли о смерти рѣшительно не было, кажется, ни у кого! Итакъ, ты еще сдѣлалъ намъ добро.... Прости же, нашъ добрый товарищъ! Не нужно желать мира твоему праху, потому что ты въ мирѣ, безъ сомнѣнія, въ мирѣ. Пожелай же лучше ты намъ этого мира, „намъ оставшимся живымъ“, и прими отъ насъ, я говорю за всѣхъ твоихъ родныхъ и знакомыхъ, ближнихъ и дальнихъ, которые, безъ сомнѣнія, читая эти строки, мнѣ сочувствуютъ, прими отъ насъ искреннюю дань любви, почтенія и благодарности — и за твою жизнь, по тому воспоминанію, которое ты о ней оста-

вилъ, и за твою смерть, по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя она въ насъ произвела“ [336]).

LXIV.

Помянувъ падшихъ и умершихъ, обратимся къ живымъ.

Въ это время, то-есть, въ концѣ 1849 г., въ Московскомъ университетѣ снова водворился О. М. Бодянскій. Хотя въ началѣ того года И. И. Давыдовъ и писалъ Погодину: „Каковъ Малороссійскій волъ? Жаль, что о немъ и за него много говорено было“ [337]), но тѣмъ не менѣе Бодянскій именно черезъ Давыдова обратился къ графу С. С. Уварову съ слѣдующимъ письмомъ: „Такъ какъ каѳедра Исторіи и Литературы Словенскихъ нарѣчій при Московскомъ университетѣ по сю пору, какъ извѣстно, не замѣщена еще никѣмъ окончательно, и такъ какъ недавно г. Попечитель Московскаго учебнаго округа сдѣлалъ мнѣ словесно вызовъ отъ себя занять ее вторично, то я, принимая такое предложеніе его съ должною признательностію, съ своей стороны осмѣливаюсь еще обратиться къ вашему сіятельству съ моею нижайшею и покорнѣйшею просьбою объ утвержденіи меня на оной снова, по крайней мѣрѣ, въ званіи исправляющаго должность ординарнаго профессора. Посвятивъ всего себя навсегда своей наукѣ, я счастливъ буду, когда опять, такимъ образомъ, получу возможность предаться ей вполнѣ и безпрепятственно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ уже имѣлъ случай служить оной не безъ успѣха и пользоваться, въ награду за то, высокимъ вниманіемъ вашего сіятельства. Ласкаю себя твердою надеждою, что и впередъ своими трудами на этомъ поприщѣ успѣю не только оправдать такое живительное подкрѣпленіе для ученаго въ его занятіяхъ, но и еще больше дѣлаться достойнымъ одобренія и поощренія вашего сіятельства и тѣмъ показать, что единственнымъ желаніемъ моимъ было и будетъ стремленіе заслужить просвѣщенное благоволеніе вашего сіятельства къ своимъ посильнымъ дѣйствіямъ на ввѣренномъ мнѣ постѣ“.

Письмо это писано 14-го іюля 1849 г., слѣдовательно, застало Уварова въ то время, когда онъ оплакивалъ кончину своей жены. Не смотря на это, Уваровъ не оставилъ просьбу Бодянскаго безъ вниманія и 9-го августа того же года писалъ А. С. Танѣеву: „Уволенный Высочайшимъ приказомъ отъ службы профессоръ Бодянскій проситъ объ опредѣленіи его вновь на службу въ Московскій университетъ. Находя нужнымъ опредѣленіе вновь на службу Бодянскаго, имѣю честь сообщить объ этомъ вашему превосходительству для доклада Его Императорскому Величеству“.

Вскорѣ послѣ того Уваровъ заболѣлъ и долженъ былъ выйти въ отставку, а потому дѣло Бодянскаго перешло въ руки преемника Уварова, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, который 12-го декабря 1849 года писалъ помощнику попечителя Московскаго учебнаго округа, князю Г. А. Щербатову: „Высочайшимъ приказомъ 4-го сего декабря изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Бодянскій опредѣленъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора Московскаго университета. Сообщая о семъ вашему сіятельству, нужнымъ считаю объяснить слѣдующее: бывшій Министръ Народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе представленія Казанскаго попечителя, объ оставленіи въ Казанскомъ университетѣ профессора Григоровича, переведеннаго въ Московскій университетъ...., затрудняясь отказать Казанскому попечителю, просилъ Московскаго попечителя (отъ 2-го іюля того же 1849 г.) представить объ опредѣленіи вновь въ Московскій университетъ Бодянскаго. Представленіе о семъ не было получено ни отъ тайнаго совѣтника Голохвастова, ни отъ вашего сіятельства, а между тѣмъ Бодянскій вошелъ въ Министерство съ прошеніемъ объ опредѣленіи его въ Московскій университетъ. Графъ Уваровъ, озабоченный пользою университетовъ Московскаго и Казанскаго, отнесся къ Главноуправляющему Инспекторскимъ Департаментомъ гражданскаго Вѣдомства А. С. Танѣеву объ опредѣленіи Бодянскаго вновь на службу, о чемъ и состоялся Высочайшій приказъ. Хотя при такой перепискѣ

о Григоровичѣ и Бодянскомъ начальству Московскаго учебнаго округа слѣдовало поставить о семъ въ извѣстность начальство Казанскаго учебнаго округа, но этого однако же исполнено не было, и не сдѣлано даже въ свое время донесенія Министерству, вслѣдствіе вышеупомянутаго письма бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, и по сему Григоровичъ, какъ видно изъ росписанія лекцій въ Московскомъ университетѣ, находится уже въ Москвѣ. Какъ достойный этотъ преподаватель по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ, долженъ былъ сдѣлать переѣздъ въ Москву, а теперь обратно въ Казань, то желая вознаградить его въ этихъ неудобствахъ, я утверждаю его, Григоровича, исправляющимъ должность ординарнаго профессора въ Казанскомъ университетѣ и покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать ему отправиться въ Казань".

Въ то время, когда въ Москвѣ была получена эта министерская бумага, Д. П. Голохвастовъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ и Округомъ управлялъ его помощникъ, князь Г. А. Щербатовъ, который, 23-го декабря 1849 года, и отвѣчалъ на эту бумагу слѣдующее: „Сдѣлавъ надлежащее распоряженіе по сообщенному мнѣ нынѣ Высочайшему приказу, имѣю честь донести вашему сіятельству, что бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа, получивъ письмо графа С. С. Уварова, отъ 2-го іюня 1849 г., вызвалъ по оному къ себѣ для объясненія Бодянскаго и, отобравъ отъ сего послѣдняго письменный отзывъ о нежеланіи его занять въ Московскомъ университетѣ каѳедру Словенскихъ нарѣчій на предложенныхъ ему тогда условіяхъ, препроводилъ этотъ отзывъ Бодянскаго въ подлинникѣ къ его сіятельству при частномъ письмѣ, посланномъ 22-го іюня 1849 г. Почему тайному совѣтнику Голохвастову угодно было представить свое донесеніе въ формѣ частнаго письма, мнѣ не извѣстно. Что же касается до меня, то за помянутымъ отзывомъ Бодянскаго, препровожденнымъ къ графу С. С. Уварову, я не могъ входить уже ни съ какимъ по сему предмету представленіемъ въ Мини-

стерство Народнаго Просвѣщенія, не зная, какія угодно будетъ его сіятельству сдѣлать относительно Бодянскаго, за такимъ его отзывомъ, распоряженія. О бывшей же въ послѣднее время переискѣ Министра съ Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ объ опредѣленіи вновь Бодянскаго въ Московскій университетъ извѣстно мнѣ было только частнымъ образомъ".

Такимъ образомъ О. М. Бодянскій опять водворился въ Московскомъ университетѣ и ликовалъ. Въ *Дневникѣ* его подъ 18-мъ ноября 1849 года мы находимъ слѣдующую запись: „Сегодня еще въ постели подалъ мнѣ Андрей (человѣкъ мой) записку отъ Правителя Канцеляріи попечителя, что князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ проситъ меня пожаловать къ нему въ часъ пополудни для переговоровъ по имѣющемуся до меня дѣлу; наконецъ, блеснуло солнце и въ наше виконце, подумалъ я, и въ назначенное время явился къ нему. Послѣ поясненія о томъ, что я, по своему положенію, въ прошломъ году не могъ бывать у него на осеннихъ вечерахъ, боясь встрѣчи съ людьми, съ которыми не хотѣлось бы мнѣ встрѣчаться даже и въ раю, и въ адѣ, онъ показалъ мнѣ отношеніе Министерства объ опредѣленіи меня снова на прежнюю мою каѳедру въ Московскій университетъ, въ томъ же званіи, въ какомъ я былъ до вытѣсненія меня изъ онаго. Я спѣшилъ вамъ объявить объ этомъ первый, сказалъ Князь. Вѣдь вы, конечно, не слыхали о томъ ни отъ кого? прибавилъ онъ. „Да, но догадывался". Въ тотъ же вечеръ Бодянскій отправился къ графу С. Г. Строганову „съ вѣстію" о перемѣнѣ своей „судьбы". Строгановъ уже зналъ объ этомъ отъ Щербатова. Бодянскій „благодарилъ его отъ души за неоставленіе его во все время его отставки и содѣйствіе его въ теперешней перемѣнѣ". Между разговоромъ Бодянскій услышалъ отъ Строганова, что ректоромъ Университета будетъ Альфонскій. Бодянскій являлся къ Строганову на канунѣ диспута Грановскаго, о которомъ мы будемъ повѣствовать въ слѣдующей главѣ. По этому поводу между ними произошелъ слѣдующій діалогъ:

Строгановъ: „Теперь вы можете явиться завтра по старому, среди своей братіи, на диспутъ Грановскаго.

Бодянскій: Напротивъ.

Строгановъ: Почему же?

Бодянскій: Вопервыхъ, не имѣю права являться среди своей братіи, пока не получу оффиціальнаго увѣдомленія о своемъ опредѣленіи; вовторыхъ, явившись, я обратилъ бы тѣмъ общее вниманіе на себя и могъ бы заставить подумать людей неблагомыслящихъ то, чего мнѣ въ голову никогда не приходило, именно: о нетерпѣніи моемъ какъ можно поскорѣе надѣть на себя профессорскій фракъ; втретьихъ, быть на преніи въ своемъ отдѣленіи и не принимать въ немъ участія, особенно преніи о томъ, когда четыре года назадъ я былъ на диспутѣ его на магистра однимъ изъ главныхъ его совопросниковъ. Вообще, мое появленіе теперь могло бы подать поводъ многимъ къ естественному сближенію и сравненію нынѣшняго диспута съ прежнимъ. Зачѣмъ шевелить костями къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ“.

Бодянскій особенно дорожилъ благорасположеніемъ къ нему генералъ-адьютанта, генерала - отъ - инфантеріи и сенатора Сергѣя Павловича Шипова, а потому отъ Строганова онъ завернулъ къ нему, „чтобы тоже извѣстить о перемѣнѣ“ судьбы своей. „Онъ и супруга его, рожденная графиня Комаровская, Анна Евграфовна“, записываетъ Боданскій въ своемъ *Дневникѣ*,—„чрезвычайно обрадовались, и поздравленіямъ не было конца. Оба они принимали во мнѣ самое живое участіе“. На другой день, въ три часа пополудни, пришелъ къ Бодянскому М. А. Максимовичъ съ поздравленіемъ. „Выходя изъ Университета“, сказалъ онъ,—„я узналъ эту пріятную новость отъ Ѳ. И. Буслаева и полетѣлъ къ вамъ“. — Поздравленія продолжались и на другой день: 20-го декабря, рано, лишь только разнесли будочники № 276 *Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ былъ перепечатанъ приказъ объ опредѣленіи Бодянскаго въ Университетъ, родители Е. П. Новикова, его ученика и недавняго магистра, „прислали чело-

вѣка съ поздравленіемъ, а вскорѣ и сынъ ихъ явился съ тѣмъ же, но не засталъ дома. Вечеромъ Е. П. Новиковъ повторилъ свое посѣщеніе и сказалъ Бодянскому, что въ день диспута Грановскаго Викторъ Ивановичъ Григоровичъ сидѣлъ съ нимъ и былъ очень разсѣянъ и не въ духѣ". Передъ обѣдомъ посѣтилъ Бодянскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. В. Сушковъ, „всегда", замѣчаетъ Бодянскій,—„въ продолженіе послѣдняго особливо года, принимавшій въ моемъ положеніи самое горячее участіе. Я оказалъ ему услугу помѣщеніемъ въ *Чтеніяхъ* его статьи *Воспоминанія объ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ*. Знакомство же мое съ нимъ завязалось лѣтомъ 1848 года, на дачѣ въ Башиловкѣ у С. П. Шипова". Вечеромъ явились къ Бодянскому два болгарина С. Н. Палаузовъ и Мутіевъ. Наконецъ, 21-го декабря 1849 года, въ три часа пополудни, навѣстилъ Бодянскаго самъ Гоголь, пришедшій поздравить его съ побѣдою надъ супостаты. „Максимовичъ былъ у меня сейчасъ", сказалъ Гоголь,—„и сообщилъ мнѣ новость о васъ, и я немедленно же очутился у васъ, чтобы васъ обнять и поздравить съ побѣдою. Конечно, можно и безъ университета жить, но безъ средствъ къ жизни, что за жизнь? Вамъ же для вашихъ прекрасныхъ предпріятій болѣе другого нужны средства".

Вскорѣ по водвореніи Бодянскаго въ Московскомъ университетѣ Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „Бодянскій, вступивъ снова въ Университетъ, грызется неприличнымъ образомъ съ Шевыревымъ".

Въ январѣ 1850 года Бодянскій представлялся графу А. А. Закревскому и въ своемъ *Дневникѣ* записалъ слѣдующій діалогъ:

Закревскій: Что угодно вамъ?

Бодянскій: Обязанный столько милостивому участію въ судьбѣ моей, ваше сіятельство, я не хотѣлъ прежде взойти на свое каѳедру, какъ явившись вашему сіятельству и принести мою безконечно глубокую признательность.

Закревскій: Покорно благодарю. Вы знаете, что я взялъ

васъ на свою отвѣтственность? Будьте особенно осторожны въ словахъ. Что дѣлать? Таковъ вѣкъ. Незьзя же намъ желать всего того, что тамъ!.. (то-есть, на Западѣ). Не правда ли?

Бодянскій: Избави Богъ! [338]).

Между тѣмъ временный замѣститель О. М. Бодянскаго въ Московскомъ университетѣ, В. И. Григоровичъ, мечталъ занять мѣсто въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и съ этою цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Петербургъ; но домогательства его не увѣнчались успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ письма его къ Погодину. „Воротившись изъ Петербурга", писалъ онъ 16-го декабря 1850 года,—„позволю себѣ довести до вашего свѣдѣнія, что, не успѣвъ получить мѣста при Императорской Библіотекѣ и Академической Библіотекѣ, равно какъ и при Св. Сѵнодѣ, отъ прочаго я отказался, не находя себя приготовленнымъ къ другой службѣ. Его сіятельству графу Протасову я имѣлъ честь представить о себѣ записку. По болѣзни онъ отвѣчалъ мнѣ черезъ его превосходительство г. Сербиновича. Старавшись, какъ мнѣ кажется, поступать послѣдовательно, не пріискавъ себѣ должности, которая по крайнему разумѣнію моему соотвѣтствовала трудамъ моимъ, теперь, не успѣвъ, почитаю долгомъ, сколько можно скорѣе исполнить приказаніе начальства. Письма ваши я имѣлъ честь передать графу Уварову и его превосходительству г. Давыдову. Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ я имѣлъ честь свести или возобновить со многими уважаемыми учеными знакомство. Изъ нихъ Н. И. Надеждинъ, А. А. Куникъ и И. И. Срезневскій поручили мнѣ свидѣтельствовать почтеніе". Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 30-го іюня 1851 года, Григоровичъ, вспоминая свою неудачу, писалъ тому же Погодину: „Вамъ угодно предложить мнѣ уступить нѣкоторыя рукописи. Какъ это можно! Такая уступка была бъ крайне неблагоразумна. Небольшое мое собраніе (сорокъ пять рукописей) составляетъ цѣлость, и я крайне несчастливъ былъ бы, еслибы обстоятельства довели меня до разлуки съ нимъ. Оно содѣйствуетъ лекціямъ и повѣркѣ успѣховъ Словенской Филологіи. Мнѣ

не возможно не быть при нихъ... Это правда однакожь, что, зная относительную важность моего собранія и возможность уничтоженія его по какому-либо несчастному случаю со мною, думаю, что слѣдовало бы уступить его цѣлымъ Правительству, но и это сдѣлалъ бы не иначе какъ подъ условіемъ нахожденія при немъ. На этомъ предположеніи основывалъ вѣроятный успѣхъ безразсудной своей попытки искать мѣста при Библіотекѣ, богатой Византійско - Словенскими памятниками. Безумный! думалъ, что глаголитскимъ Евангеліемъ докажу необходимость сего".

LXV.

10-го марта 1849 года В. П. Боткинъ писалъ П. В. Анненкову: „Занятія нашихъ Московскихъ друзей все въ томъ же видѣ, то-есть, въ весьма непроизводительномъ; но Грановскій уже рѣшительно принялся писать диссертацію на доктора. Кудрявцева видаю очень рѣдко: онъ отъ нашей общины держитъ себя вдалекѣ; я думаю, это происходитъ отъ того, что онъ человѣкъ очень робкій, застѣнчивый и привыкшій къ своимъ спеціальнымъ формамъ жизни. Лекціи его превосходны, и онъ работаетъ ужасно". Въ апрѣлѣ И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „Скажите поклонъ Ректору, господамъ Шевыреву и Грановскому; слышу съ удовольствіемъ, что сей послѣдній готовится на ученую степень" [339]).

Осенью того же года докторская диссертація Грановскаго была уже отпечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Аббатъ Сугерій. Историческое изслѣдованіе.* Въ этомъ сочиненіи повѣствуется жизнь и дѣятельность человѣка, положившаго „первый камень политическаго зданія, достроеннаго Людовикомъ XIV, то-есть, Французской монархіи".

„Исторію", говоритъ Грановскій, — „не безъ основанія обвиняютъ въ несправедливости. Она часто даетъ успѣхъ неправому дѣлу, возлагаетъ вѣнецъ побѣды на недостойное чело. Иногда слава подвига достается не самому совершителю,

а другому, заслонившему его случайно или умышленно. Исторія довольствуется осуществленіемъ законовъ, которымъ подчинено ея движеніе... Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человѣкъ не имѣетъ права на такое безпристрастіе. Съ его стороны оно было бы грѣхомъ... Да будетъ же воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество... Строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современниковъ счастливою отвагою, геніальнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнію“ [340]).

Диспутъ Грановскаго происходилъ 19-го декабря 1849 г. Надо замѣтить, что сближеніе Грановскаго съ Уваровымъ не могло нравиться графу С. Г. Строганову, который, перебирая тезисы диссертаціи Грановскаго, на канунѣ диспута говорилъ Бодянскому, „что одинъ лишь изъ этихъ тезисовъ, собственно, достоинъ имени тезиса, кажется“, сообщаетъ Бодянскій въ своемъ *Дневникѣ*, „тотъ самый, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ во Франціи къ монархіи“. Въ заключеніе, увѣряетъ Бодянскій, Строгановъ „признался, что теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель; что чужое онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., но самъ создавать, выражать созданное не въ состояніи и вообще показываетъ неумѣнье, неловкость обращаться съ перомъ“. „Я“, говоритъ Бодянскій,— „внутренно сочувствовалъ графу Строганову, зная это давнымъ давно“ [341]).

Какъ бы то ни было диспутъ Грановскаго былъ блистательный. В. Н. Лешковъ, упрекая Погодина за отсутствіе, писалъ ему:

„Что жь вы не пожаловали на диспутъ Грановскаго? Толкуемъ о сочувствіи къ Университету, а мало принимаемъ участія. Ну хоть прочитайте диссертацію и печатно выскажите ваше мнѣніе объ Исторіи, которое такъ часто бываетъ

несправедливо,—объ историкѣ, который долженъ исправлять эти промахи и судить самую исторію, объ *Аббатѣ*, которому первому явилась мысль о необходимости крѣпкой монархической власти во Франціи, и гдѣ, какъ и вездѣ на Западѣ, церковная власть часто побѣдоносно боролась съ монархическою! Собраніе было великолѣпнѣйшее и обширнѣйшее“ [342]).

На диспутѣ Грановскаго присутствовалъ и пребывавшій въ то время въ Москвѣ М. А. Максимовичъ, который прямо съ диспута отправился къ своему земляку Бодянскому и на вопросъ послѣдняго: „А что же диспутъ?“ отвѣчалъ: „Безконечный панегирикъ отъ возражателей, такъ что сдѣлалось со стороны приторно. Да иначе и быть не могло. Представьте, что Шевыревъ хотѣлъ было что-то замѣтить изъ недостатковъ диссертаціи, какъ вдругъ раздалась въ залѣ пальба хлопушками“. Что же возражатель?—спросилъ Бодянскій. „Перемѣнилъ паруса, разумѣется“. „Другіе“, замѣчаетъ Бодянскій,—„хвалили этотъ диспутъ, но безусловно, вообще же всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями были два его ученика С. М. Соловьевъ и П. Н. Кудрявцевъ. Кромѣ того, всѣ находили предметъ диссертаціи *Аббатъ Сугерій* слишкомъ частнымъ, мелочнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ, и что диссертація носила названіе объ общинахъ во Франціи, но по распоряженію ректора Перевощикова измѣнено какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она и сузилась, обмелѣла“ [343]).

Показаніе М. А. Максимовича о *хлопушкахъ* подтверждается документальными свидѣтельствами: 28-го декабря 1849 года графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ управлявшему тогда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Ширинскому-Шихматову: „До свѣдѣнія Государя Императора дошло, что 19-го декабря во время публичнаго чтенія въ залѣ Московскаго университета профессоромъ Грановскимъ диссертаціи на степень доктора философіи, кто-то изъ постороннихъ посѣтите-

лей, дозволилъ себѣ неприличіе, обратившее на себя общее вниманіе собранія. Его Императорское Величество Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ покорнѣйше просить ваше сіятельство, не изволите ли сообщить мнѣ для доклада Государю Императору, какія правила установлены для публичныхъ засѣданій при защищеніи диссертацій на ученыя степени, и кто именно изъ постороннихъ лицъ допускается къ присутствованію въ сихъ засѣданіяхъ". Ничего не зная о происшедшемъ на диспутѣ, князь Ширинскій отвѣчалъ, что „по существующему нынѣ порядку къ присутствованію на диспутахъ изъ постороннихъ лицъ допускаются всѣ любители просвѣщенія". Этотъ отвѣтъ графъ Орловъ представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе, и 5-го января 1850 года писалъ князю Ширинскому: „Всеподданнѣйше докладывая Государю Императору содержаніе отношенія вашего..., представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе мнѣніе графа Закревскаго, состоящее въ томъ, чтобъ лицъ, не принадлежащихъ Университету, допускать къ слушанію ученыхъ диспутовъ не иначе, какъ по билетамъ... Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ узнать мнѣніе о семъ вашего сіятельства". Исполняя волю Государя, князь Ширинскій представилъ свое мнѣніе по этому предмету въ письмѣ своемъ къ графу Орлову: „Я не нахожу", писалъ онъ,— „препятствія къ принятію мѣры, предлагаемой графомъ Закревскимъ... Но какъ существовавшее доселѣ правило на счетъ объявленія, чрезъ посредство газетъ, во всеобщее свѣдѣніе о предстоящемъ диспутѣ, съ допущеніемъ къ присутствію на немъ всѣхъ образованныхъ людей имѣло цѣлію показать безпристрастіе, съ которымъ Университетъ возводитъ въ ученыя степени людей, истинно того заслуживающихъ..., то я признавалъ бы необходимымъ, оставивъ послѣднее условіе и на будущее время въ дѣйствіи, избѣжать односторонности приглашеній со стороны Университетскаго начальства... Принимая въ основаніе предположеніе графа Закревскаго, я бы полагалъ: 1) Предоставить ректору приглашеніе... извѣстныхъ ему лицъ по билетамъ въ неопре-

дѣленномъ числѣ. 2) Независимо отъ сего передавать всякій разъ декану факультета — пять, всѣмъ прочимъ профессорамъ по три, а адъюнктамъ по два пригласительныхъ билета... 3) Билеты при входѣ въ Университетъ отбирать и представлять ректору... Я находилъ бы удобнѣйшимъ... предписать эти правила къ исполненію попечителя Московскаго учебнаго округа въ видѣ мѣстной административной мѣры..." Съ мнѣніемъ князя Ширинскаго Государь согласился, но не вполнѣ.

„Государь Императоръ..." писалъ графъ Орловъ, — „Высочайше утвердить соизволилъ предположенныя вами правила о постороннихъ посѣтителяхъ при публичномъ защищеніи диссертацій, съ тѣмъ однако, чтобы правила эти, въ предупрежденіе безпорядковъ, были нынѣ же распространены на всѣ университеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы слушаніе ученыхъ диспутовъ сдѣлать любителямъ просвѣщенія доступнѣе, Его Императорское Величество изволилъ Высочайше разрѣшить число билетовъ, опредѣленныхъ вашимъ сіятельствомъ для раздачи декану и профессорамъ, увеличивать по усмотрѣнію попечителей учебныхъ округовъ".

Сообщая сію Высочайшую волю новому Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ прибавилъ: „При семъ нужнымъ считаю изъяснить, что эта мѣра есть послѣдствіе происшествія, случившагося при публичномъ защищеніи профессоромъ Грановскимъ диссертаціи... Я не могу не пожалѣть, что помощникъ вашего превосходительства (князь Г. А. Щербатовъ) не довелъ до моего свѣдѣнія въ свое время объ этомъ происшествіи, которое мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, чрезъ постороннее вѣдомство".

В. И. Назимовъ, оправдывая своего помощника, отвѣчалъ: „По поводу замѣчанія вашего сіятельства долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что во время защищенія Грановскимъ диссертаціи никакого особаго безпорядка, заслуживающаго, чтобы объ немъ доведено было до свѣдѣнія высшаго

начальства не было. Небольшой шумъ и замѣшательство, происшедшіе отъ брошенныхъ нѣкоторыми изъ посѣтителей хлопушекъ, тотчасъ же были прекращены; диспутъ не прерывался и окончился безъ дальнѣйшихъ происшествій".

Подозрѣніе въ возбужденіи этого дѣла пало на Шевырева, но Лешковъ писалъ Погодину: „Нынѣ былъ у меня С. П. Шевыревъ. Мы говорили долго о диссертаціи, и я убѣдился совершенно, что онъ не принималъ никакого участія въ извѣстномъ дѣлѣ. Спѣшу разсѣять ваше подозрѣніе" [344]).

Не присутствуя на диспутѣ Грановскаго, Погодинъ тѣмъ не менѣе изучилъ диссертацію его и сдѣлалъ о ней весьма ядовитый отзывъ, въ которомъ мы, между прочимъ, читаемъ: „Т. Н. Грановскій пользуется въ Москвѣ большою извѣстностію: лекціи и публичные курсы дали на нее право достойному профессору. По этой извѣстности, почти славѣ, литература ожидаетъ отъ него давно трудовъ, которые могли бы узаконить перенесеніе его имени изъ устъ дневной молвы въ лѣтописи науки. Къ сожалѣнію, въ пятнадцать лѣтъ самыхъ лучшихъ для развитія всякаго таланта литература не получила отъ него ничего, кромѣ двухъ обязанныхъ, неизбѣжныхъ диссертацій... Причтемъ пожалуй еще статью объ *Евреяхъ въ Средніе вѣка*, по Капфигу, которая открыла ему путь на каѳедру и въ чужіе края, да двѣ статьи *о Пруссіи*, начатую въ *Москвитянинѣ*, и о нѣкоторыхъ историческихъ книгахъ, начатую въ *Современникѣ*. И между тѣмъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи: „При бѣдности нашей исторической литературы, при недостаткѣ книгъ, удовлетворяющихъ существеннымъ потребностямъ Русскихъ читателей, каждое новое историческое сочиненіе должно оправдать свое появленіе важностію своего содержанія. Нуждаясь въ необходимомъ, мы не имѣемъ права на ученую роскошь. Германія справедливо гордится отдѣломъ своей литературы, доступнымъ однимъ спеціальнымъ ученымъ, безчисленными монографіями, въ которыхъ разобраны мельчайшія подробности каждой науки. Но намъ еще далеко до такого богатства. Ученая производительность идетъ у насъ не

въ уровень съ требованіемъ читающей публики. У насъ нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра. Нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы примкнуть частныя изслѣдованія". Умилосердись! Да кто же виноватъ въ этомъ несчастномъ положеніи исторической Русской Литературы? На комъ лежитъ обязанность помогать ей, прямая и непосредственная? Особенно, если мы говоримъ о такихъ людяхъ, которымъ дано десять, пять талантовъ, и къ которымъ принадлежитъ Грановскій? Я имѣлъ удовольствіе прослушать двѣ-три его лекціи и прочитать, разумѣется, все, что написалъ онъ, и скажу рѣшительно, безъ всякаго пристрастія, что это именно такой писатель, который могъ бы возбудить *въ публикѣ* участіе къ наукѣ, столько у насъ пренебреженной, наукѣ, которая отъ Цицерона названа учительницею жизни и не оставляетъ никогда невниманія къ ея урокамъ безъ строгаго наказанія. Его легкость, его пріятный языкъ, его искусство выбирать занимательныя подробности, его умѣнье раздѣлять ихъ на красивыя группы, принесли бы здѣсь несомнѣнную пользу, больше всякой учености и глубокомыслія, до коихъ намъ еще далеко,—а онъ ничего не печатаетъ и ничего не издаетъ. Даже въ оффиціальныхъ своихъ диссертаціяхъ что за предметы выбираетъ онъ, какъ бы дразня своихъ читателей! Ибо чѣмъ пріятнѣе читать ихъ, тѣмъ досаднѣе, что такъ незначительны или такъ общеизвѣстны. Кто опишетъ, напримѣръ, прекрасно Василь-Сурскъ, или Череповецъ, тому бы лучше описывать Кіевъ или Москву. Читая *Миргородъ* Гоголя, кто изъ мыслящихъ людей не посѣтовалъ, зачѣмъ не беретъ онъ Петербурга предметомъ своихъ картинъ. Это же должно сказать и о *Винетѣ* Грановскаго, хотя какой-то Петербургскій рецензентъ назвалъ ее вѣнцомъ искусства, эпохою въ критикѣ, предъ которою чуть ли не Шлецеръ долженъ преклониться. Это должно сказать и объ *Аббатѣ Сюжерѣ*".

Кромѣ того, въ своихъ *Историческихъ Замѣчаніяхъ* По-

годинъ напоминаетъ Грановскому и о Русской Исторіи: „Т. Н. Грановскій въ разсужденіи объ *Аббатѣ Сюжерѣ* причисляетъ къ его высокимъ политическимъ достоинствамъ то, что онъ первый созналъ единство Франціи, не смотря на бывшее тогда раздѣленіе феодальное. Это сознаніе имѣетъ отношеніе и къ его глубокой системѣ, переданной отъ него воспитаннику Лудовику VI. Представляю здѣсь нѣсколько (изъ множества) свидѣтельствъ лѣтописей, что у насъ понятіе объ единствѣ, цѣлости, началось гораздо прежде, чѣмъ на Западѣ. Оно было общее и исконное, никогда не прерывалось между князьями, духовенствомъ, воями, народами, лѣтописателями, не смотря ни на какое раздѣленіе, чувствовалось живо и приносило плоды“. И дѣйствительно, Погодинъ подтверждаетъ эту мысль цѣлымъ рядомъ выписокъ изъ Русскихъ Лѣтописей съ 1054 по 1205 годы[345]).

Вообще докторская диссертація доставила много горя и тревоги бѣдному Грановскому. Она подала поводъ „къ кривымъ толкамъ и цензурной придирчивости и возбудила странные толки и обвиненія противъ самого автора“. Здѣсь носятся престранные слухи о невинной книжкѣ“, писалъ онъ Фролову въ декабрѣ 1849 года,—„въ ней вычитываютъ то, что я не думалъ писать. Всѣ прежніе враги мои поднялись на ноги“.

По свидѣтельству біографа Грановскаго, „обвиненія, поднявшіяся противъ диссертаціи, выросли въ обвиненія противъ всей профессорской дѣятельности его. По слухамъ, доходившимъ до Грановскаго, его обвиняли въ томъ, что въ чтеніяхъ Исторіи онъ будто бы никогда не упоминаетъ о волѣ и рукѣ Божіей, управляющихъ событіями и судьбою народовъ“. Вслѣдствіе такихъ толковъ Грановскій вскорѣ долженъ былъ принести свои объясненія митрополиту Московскому, Филарету. Явясь къ Митрополиту, Грановскій принялъ его благословеніе и поцѣловалъ руку. *Я давно слѣжу за вашею дѣятельностію, говорилъ ему святитель, она оказываетъ сильное вліяніе на умы юношества; талантъ вашъ извѣстенъ, но*

въ вашей дѣятельности есть что-то скрытное, въ ней будто таится не высказываемая мысль. Грановскій въ отвѣтъ упомянулъ о невозможности отвѣчать на неопредѣленныя обвиненія, о томъ, что можно требовать, чтобы преподаватель не пользовался наукой для постороннихъ ей цѣлей, но что пока она существуетъ нельзя избѣгнуть выводовъ или толкованій, можетъ быть, и не всегда справедливыхъ. *Вы, кажется, думаете,* продолжалъ Митрополитъ, *что я намѣренъ вступать съ вами въ пренія... Я не для того вижусь съ вами.* Грановскій отвѣтилъ пастырю съ глубокимъ поклономъ: „Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ удалиться, объясненія мои съ вами были бы при неравныхъ условіяхъ". Митрополитъ движеніемъ руки пригласилъ Грановскаго садиться. *Вы меня не такъ поняли,* сказалъ онъ, и началъ разговоръ о диссертаціи Грановскаго. Отвѣчая на замѣчанія Митрополита, Грановскій заключилъ свое объясненіе ссылкою на личный опытъ пастыря, краснорѣчіе и духовныя произведенія котораго, какъ извѣстно, также нѣкогда возбуждали противъ себя обвиненія и порицанія: „Вы ранѣе меня начали свое поприще", сказалъ онъ,— „и уже могли испытать, какъ трудно бываетъ уложить свою мысль въ слово такъ, чтобъ она не допускала никакого толкованія". Митрополитъ простился съ Грановскимъ, осѣнивъ его своимъ благословеніемъ [346]).

LXVI.

Изъ членовъ Московскаго Университета, кромѣ Шевырева и Иноземцева, Погодинъ находился въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ съ А. О. Армфельдомъ, Н. И. Крыловымъ, І. В. Варвинскимъ и въ послѣднее время сблизился съ И. Т. Глѣбовымъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ Глѣбовъ, профессоръ Физіологіи и Сравнительной Анатоміи, докторъ медицины, акушеръ, родился 24-го іюня 1806 года въ селѣ Глѣбовѣ, городищѣ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда, отъ родителей духовнаго званія.

4-го сентября 1830 г. онъ окончилъ курсъ въ Московской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ пользовался руководствомъ и покровительствомъ своего знаменитаго земляка І. Е. Дядьковскаго. На первыхъ же порахъ по выходѣ изъ Академіи юному медику довелось вступить въ борьбу съ холерою и за свою отличную дѣятельность на этомъ поприщѣ, 4-го іюня 1831 года, онъ получилъ признательность отъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Уже будучи адьюнктъ-профессоромъ Академіи и докторомъ медицины, Глѣбовъ, въ іюлѣ 1837 года, былъ отправленъ Академіею въ Германію „для большаго усовершенствованія во врачебныхъ наукахъ“. Кромѣ Германіи, онъ посѣтилъ Англію, Францію и Италію. 1-го іюля 1840 года Глѣбовъ вернулся въ Москву. По закрытіи Московской Медико-Хирургической Академіи Глѣбовъ былъ перемѣщенъ въ Московскій университетъ профессоромъ же на каѳедру Сравнительной Анатоміи и Физіологіи и 19-го октября 1842 года „имѣлъ честь первый открыть“ эту каѳедру въ Московскомъ университетѣ.

По собственному его свидѣтельству, „сочиненій почти никакихъ не издалъ въ свѣтъ, потому что слишкомъ были разнообразны предметы его преподаваній“; но тѣмъ не менѣе, „еще въ бытность свою за границею онъ приготовилъ-было къ изданію трактатъ о способѣ изслѣдованія груди и въ болѣзняхъ ея посредствомъ физическихъ признаковъ, открываемыхъ осмотромъ груди (inspectio), мѣрою (mensuratio), ударомъ по груди (percussio) и слушаніемъ ея (auscultatio). По возвращеніи въ Москву въ теченіе восьми лѣтъ и десяти мѣсяцевъ, Глѣбову довелось наблюдать тринадцать тысячъ четыреста восемьдесятъ восемь грудныхъ больныхъ“ [347]).

Въ числѣ вольнослушателей Глѣбова былъ и знаменитый Герценъ, который въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 14-мъ февраля 1845 года, записалъ слѣдующее: „Сегодня Глѣбовъ вскрывалъ живую собаку. Въ первыя минуты зрѣлище страшное, отвратительное; но потомъ интересъ поглощаетъ все другое: вотъ ... сердце еще горячее, еще бьющееся. Я положилъ на него

руку—есть что-то торжественное въ этомъ святотатственномъ прикосновенiи къ тайнику жизни... При вскрытiи груди, когда воздухъ коснулся легкихъ, собака стала кашлять. Великая мистерiя жизни, это таинство не падетъ, оно болѣе и болѣе вселяетъ благочестиваго уваженiя къ себѣ“ [348]).

Въ январѣ 1849 года В. Н. Лешковъ писалъ Погодину: „Къ вамъ собираемся вдвоемъ съ Глѣбовымъ, утромъ на блины. Ему хотѣлось бы взглянуть на ваше собранiе“. Съ своей стороны и Глѣбовъ, желая завершить въ Сокольникахъ вакацiи 1849 года, писалъ Погодину: „Завтра 8-го сентября, въ четвергъ, ко мнѣ назвались Н. И. Крыловъ, В. Н Лешковъ, М. Ѳ. Спасскiй и пр. *на щи*, чтобы и заключить лѣто нынѣшняго года. Ежели можно вамъ расхлебать эти щи, то вы бы сдѣлали этимъ щамъ высокую честь и придали бы имъ премного самыхъ вкусныхъ качествъ. Я сижу другой день дома, по нездоровью; вы присутствiемъ своимъ были бы яко бальзамъ исцѣленiя и елей утѣшенiя въ болѣзни для меня. Господа хотѣли быть во второмъ часу. Вѣроятно, будетъ и докторство“.

Съ кореннымъ москвичемъ Александромъ Осиповичемъ Армфельдомъ дружба Погодина была давняя. Приглашая его на вистъ, Армфельдъ писалъ ему (19-го февраля 1849 г.):

„Вы откушали, отдохнули, возстали отъ сна, въ добромъ здравiи, освѣжились студеною водою, можетъ быть, уже и чашкою чаю;—остается важный вопросъ: не чувствуете ли вы особеннаго расположенiя разыграть пульку въ вистъ-преферансъ? Въ такомъ случаѣ вы найдете все на сей предметъ устроенное у вашего...“ [349]).

Съ Варвинскимъ и Крыловымъ Погодинъ велъ продолжительныя бесѣды „объ Университетѣ и просвѣщенiи“ [350]).

Иноземцевъ, охраняя здоровье своего друга предписывалъ ему (27-го iюня 1849 г.): „Живи и благоденствуй, любезный Михаилъ Петровичъ! Вотъ порядокъ твоей жизни:

1) Рано вставай.

2) Мало кушай.

3) Много ходи.

4) Раньше ложись спать.

5) Брось всякую головную работу. Можешь писать и читать только часъ въ день.

6) Если можно купайся въ рѣкѣ, но всегда до обѣда.

Новостей нѣтъ. Наши всѣ здоровы,—ура!

Прощай, Христосъ съ тобою".

Подобно посланію къ *Юношѣ*, въ 1849 году, Погодинъ написалъ посланіе къ *Ученому*. Въ *Дневникѣ* его подъ 22-мъ декабря 1849 г. записано: „Кончилъ къ *Ученому*, и сомнѣваюсь—печатать ли". За разрѣшеніемъ своего сомнѣнія Погодинъ обратился къ И. И. Давыдову и просилъ его прочесть это посланіе графу С. С. Уварову. Отъ Давыдова Погодинъ получилъ слѣдующій положительный отвѣтъ: „Статья къ *Ученому* не понравилась Графу, которому она читана, по вашему желанію; замѣчено даже: хорошо бы не печатать, или напечатанное уничтожить, если еще не опубликовано. Поводъ къ статьѣ самый жалкій. И не стыдно ли профессору пѣтушиться? Вѣдь этимъ можно такъ одурачиться, что запишутъ въ Тредьяковскіе...." [351]).

Не смотря на это, Погодинъ напечаталъ свое посланіе къ *Ученому* въ своемъ альманахѣ:

I.

„Ученый! Берегись покидать свой смирный кабинетъ, бойся мѣшаться съ толпою, бѣгай какъ можно далѣе отъ салоновъ, пропускай мимо ушей ихъ пустыя сплетни. Иначе—ты нарушишь спокойствіе души своей, помрачишь воображеніе, возмутишь сердце. Какого общества тебѣ лучше: Гомеръ, Софоклъ, Аристофанъ, Виргилій. Насладился ими — тебя ожидаютъ Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Альфіери,—или Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ, Гете. Займутъ они тебя пріятнѣе, въ часы отдохновеній, всякаго господина Аза, мадамъ Буки, барона Вѣди, маркиза Глаголя и княжны Добро. Или ты думаешь,

что эти мертвыя *буквы* принимаютъ ясное участіе въ твоихъ дѣйствіяхъ, принимаютъ къ сердцу твои мысли, раздѣляютъ твои желанія? Жалкое ослѣпленіе! Повѣрь — имъ нѣтъ никакого дѣла, цвѣтетъ литература или вянетъ, двѣнадцать ли пѣсенъ переведено и даже сочинено *Одиссеи*, или двадцать четыре; кто правъ скандинавоманъ или словенофилъ! Ученый, поэтъ—для нихъ тотъ же комедіантъ, лекція—пріятное щекотанье ушей, ученый споръ—бой Англійскихъ пѣтуховъ. Что онъ сказалъ, а какъ тотъ отвѣтилъ, хорошо ли разгорячился, скоро ли нашелся, — вотъ что ихъ занимаетъ, а тамъ будь ты Мильтонъ или Мевій, Гердеръ или Триссотинъ, для нихъ все равно: было бы разсказать что завтра поутру, было бы поспорить о чемъ ввечеру.

„Помни, что писалъ Ломоносовъ къ своему, такъ названному меценату, Шувалову, о столахъ знатныхъ господъ. Помни, что завѣщалъ намъ Пушкинъ:

Не чисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога, вдохновенье,
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.

„Ученый! Не обольщайся ихъ ласками: кому онѣ не расточаются? Не принимай ихъ комплиментовъ за чистыя деньги: это фальшивыя ассигнаціи, кои сыплются передъ всякимъ встрѣчнымъ, потому что ничего не стоятъ; не цѣни слишкомъ ихъ вниманія: они слушаютъ тебя по модѣ, хвалятъ тебя съ голоса, принимаютъ изъ видовъ. Нынче они превознесутъ тебя пожалуй до небесъ, завтра, если перемѣнятся обстоятельства и не будетъ въ тебѣ нужды, они пропустятъ безъ вниманія лучшее твое произведеніе, а послѣ завтра ожидай отъ нихъ уже всякой клеветы.

„Ученый! Будь увѣренъ, что самый блистательный салонъ есть твой кабинетъ, что самое лучшее общество есть твоя библіотека, самый вѣрный другъ—наука, самое пріятное наслажденіе — въ твоемъ сердцѣ, и самая вѣрная награда трудамъ твоимъ — въ совѣсти.

II.

„Ты грустишь, мой другъ! Клеветы, о тебѣ распущенныя, которыхъ долго ты разобрать, не только понять, не могъ, огорчили тебя до глубины сердца! О слабый! Чѣмъ ты огорчаешься? Развѣ это новость для тебя, развѣ у тебя не было всякихъ опытовъ и развѣ ты не привыкъ еще къ этой атмосферѣ, окружающей, испоконъ-вѣка, всякаго человѣка достойнаго, атмосферѣ, что производитъ нравственныя инфузоріи,— ихъ гораздо больше описанныхъ Еренбергомъ. На тебя клевещутъ! Добрый знакъ! Стало быть, ты стоишь клеветы: обыкновенные люди оставляются всегда въ покоѣ, подъ сѣнью смоковницъ. Ты помнишь ли, что сказалъ о клеветѣ Донъ-Базиль, а это вѣдь былъ мастеръ великій своего дѣла, знатокъ, законный судья.

„Но тебя смущаетъ всего больше, говоришь ты, что въ числѣ виноватыхъ носятся предъ тобою образы друзей твоихъ. Друзей! Такъ ты не выразумѣлъ еще этого имени? Ты не знаешь еще, что оно, въ нашъ вѣкъ прогресса, перемѣнило, вмѣстѣ съ прочими, свое значеніе на языкѣ человѣческомъ, и если „слово“ стало, по опредѣленію Талейрана, прикрытіемъ мысли, а не выраженіемъ ея, то „другъ“ еще прежде сдѣлался вражескимъ чиномъ. Помилуй!—Враговъ нынѣ уже нѣтъ между порядочными людьми, между людьми comme il faut: найди ты въ обществѣ одного человѣка, который бы не у всѣхъ жалъ руки безъ разбора, да еще съ какими умильными глазами! Врагъ — фи, какъ это старо̀, пошло, отстало! Отъ врага можно было отстрониться: онъ шелъ на тебя спереди; врага предупреждалъ тотъ, кто былъ проворнѣе его; врагу не всякій вѣрилъ о тебѣ. То ли дѣло—другъ! Откройся ему, попроси совѣта, — или дай хоть денегъ въ долгъ! Врагъ понялъ, что въ прежнемъ обветшаломъ своемъ костюмѣ онъ не могъ бы оказать тебѣ никакой настоящей дружеской услуги, по высокому курсу; не могъ бы запустить кинжала

подъ самую ложечку, такъ чтобъ тебѣ осталась одна минута вздохнуть, чтобъ ты успѣлъ только почувствовать квинтэссенцію его яда, на лезвіѣ, смежающимися глазами увидѣлъ, кто удружилъ тебѣ окончательно. „Это ты?“ Да, это я! Вспомни, съ кѣмъ прощался Пушкинъ, принявъ смертоносную пулю отъ руки какого-то поганаго бродяги! Съ книгами, — и напрасно нашъ добрый Жуковскій сомнѣвался въ смыслѣ его послѣднихъ словъ. Комментарій къ нимъ можемъ прочесть въ четвертой книгѣ *Онѣгина:*

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужь эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ недаромъ вспомнилъ я.
А что? да такъ я усыпляю
Пустыя, черныя мечты.
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпости такой,
Иль эпиграммы площадной,
Который бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ, какъ родной!

„Но нѣтъ, ты все еще недоволенъ моими убѣжденіями — я вижу по глазамъ твоимъ. У тебя проходятъ въ головѣ мысли, что ты находишься совершенно въ особыхъ обстоятельствахъ, кои никакъ не могли вызвать ни чьей зависти, ненависти, злобы, не могли породить клеветы; я живу, говоришь ты, всегда въ уединеніи, вдали отъ знати и свѣта, работаю на нивѣ особой, песчаной и каменистой, въ потѣ лица, люблю ближняго, не желаю ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елико ближняго моего, — я никому не мѣшалъ, ни у кого не перебивалъ дороги, ничего никогда не просилъ, не искалъ, не получалъ, а напротивъ, своей грубостію, гордо-

стію, или искренностію, можетъ быть, отталкивалъ отъ себя даже тѣхъ, кто былъ расположенъ сдѣлать что-нибудь доброе для меня. За что же на меня злиться, за что ненавидѣть меня? А друзья — за что они-то могли ожесточиться, остервениться? Имъ, кажется, стоило бы только вспомнить факты вмѣсто несбыточныхъ предположеній. Чего я не дѣлалъ для нихъ? Въ чемъ я отказывалъ? Какой случай пропустилъ я, чтобъ доставить удовольствіе? Когда не поторопился исполнить ихъ желаніе, сколько мнѣ то было возможно? Полно, полно—перестань, ты не понимаешь ничего, ты все еще младенецъ при разсужденіи о жизни настоящей, хоть и берешься рѣшать въ прошедшемъ всѣ вопросы о царяхъ и царствахъ, о племенахъ и народахъ. Что ни говорилъ ты мнѣ въ свою пользу, все это горящій уголь на твою голову... „Ты не искалъ, не желалъ"..., но очень естественно, ловко, пріятно, предполагать, для уравненія, что ты искалъ и желалъ..., не оставить же тебя всегда правымъ..., да это и быть не можетъ... Твои обстоятельства и отношенія ко врагамъ и друзьямъ отнюдь не особыя, не новыя; они всегда были, есть и будутъ, одинакія между людьми, въ какой бы сферѣ кто изъ нихъ ни находился, — и вмѣсто того, чтобъ думать, говорить, писать, а всего менѣе огорчаться ими, ты, далеко за второй половиной своей жизни, сознавая свое достоинство, долженъ забавляться ими и ихъ безпрерывными измѣненіями, какъ тѣнями въ Китайскомъ фонарѣ; а если въ припадкѣ слабости непремѣнно хочешь искать утѣшенія внѣшняго, такъ вотъ тебѣ оно: продолжай трудиться, и всякій новый твой трудъ будетъ уголовною уликою противъ всѣхъ клеветниковъ, местію самою дѣйствительною твоимъ врагамъ или друзьямъ, въ глазахъ людей мыслящихъ, безпристрастныхъ, благонамѣренныхъ, которыхъ, что ни говорится и что ни творится, а все еще есть у насъ много, потому что святая Русь не клиномъ сошлась. Они, вдали отъ рынковъ, площадей и салоновъ, слѣдятъ за твоими тяжелыми занятіями, знаютъ цѣну всѣхъ благородныхъ усилій и радуются на твои

ученыя пріобрѣтенія. Рано ли, поздно ли, а твое чистое сѣяніе дастъ прекрасный плодъ, ты увидишь его своими глазами, и одна минута этого наслажденія заставитъ позабыть тебя всѣ неудовольствія, огорченія, удары, язвы, которые ни за что, ни про что, сыплются на тебя сторицею. Впередъ, съ Божіей помощію!“ [352]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ДЕСЯТОЙ.

27-го октября 1895 года.
Пенза.

1) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 289.

2) *Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова.* Прага. 1867. II, стр. 2.

3) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 289. *Письма митрополита Московскаго Филарета къ архіепископу Тверскому Алексію.* М. 1883, стр. 54—55. *Полное Собраніе Сочиненій А. С. Хомякова*, II, стр. XVI.

4) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому*, стр. 214—215.

5) *Творенія Св. Отцевъ.* М. 1884, I, 332.

6) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. Муравьеву.* Кіевъ. 1869, стр. 363—364.

7) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 302.

8) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому, стр.* 227.

9) *Москвитянинъ* 1848, ч. I. Критика, стр. 143—145. *Письма*, XVIII.

10) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861. I, стр. 99—100.

11) *Письма*, XVIII.

12) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 300.

13) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, стр. 91.

14) *Письма*, XVIII.

15) *Русь* 1881, № 28, стр. 22—23. *Собраніе Сочиненій князя П. П. Вяземскаго.* Изданіе графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1893, стр. 529.

16) *Вѣстникъ Европы* 1891, іюль, стр. 637.

17) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, стр. 93.

18) *Чтенія* 1848, ч. III, № 9.

19) *Сочиненія П. И. Якушкина.* С.-Пб. 1884, стр. IV—VI, 462—463. *Отечественныя Записки* 1872 январь. Соврем. Обозрѣніе, стр. 289—290.

20) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина.* М. 1889. VII, стр. XXXVIII—XXXIX.

21) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго къ А. В. Горскому.* М. 1885, стр. 221—222.

22) *Письма*, XVIII.

23) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому*, стр. 224.

24) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина.* М. 1889. VII, стр. XXXVIII—XXXIX.

25) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 299.

26) *Дневникъ* 1848, подъ 1 августа.

27) *Письма*, XVIII.

28) *Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина*, VII, стр. XXXVIII—XXXIX.

29) *Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи.* М. 1850. IV. Пред., стр. III.

30) *Дневникъ* 1848, подъ 24 декабря.

31) *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* 1848, XXIII, стр. 70—146, 429—471.

32) *Письма*, XVIII. *Полярная Звѣзда* 1881, апрѣль, стр. 28—31. *Письма*, XVIII.

33) *Дневникъ* 1847, подъ 8 іюля.

34) *Москвитянинъ* 1848, ч. I. Критика, стр. 74—88.

35) *Сѣверное Обозрѣніе* 1848, т. II, стр. 59—62.

36) *Москвитянинъ* 1848, ч. II. Критика, стр. 125—130.

37) *Современникъ* 1848, X, стр. 113—146; XI, стр. 1 и т. д.

38) *Москвитянинъ* 1848, ч. V. Критика, стр. 97—100; VI, стр. 127—166.

39) *Письма*, XVIII, XVII.

40) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому*, стр. 186—187, 189, 194.

41) *Письма*, XVIII.

42) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому*, стр. 234.

43) *Москвитянинъ* 1848, ч. IV. Критика, стр. 46—51.

44) *Письма*, XVIII.

45) *Москвитянинъ* 1848, ч. IV. Историческіе матеріалы, стр. 171—172.

46) *Краткая Церковная Россійская Исторія*. М. 1805, стр. II—III.

47) *Архивъ Истор. Юрид. Свѣдѣній* Калачова, М. 1855. Кн. 2, полов. 1-я. Отд. III, стр. 80—82.

48) *Письмо о Кіевѣ*. С.-Пб. 1871, стр. 4, 6—8.

49) *Москвитянинъ* 1848, ч. I. Критика, стр. 179 — 181; № 11. Критика, стр. 40—93.

50) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго къ А. В. Горскому*, стр. 206.

51) *Москвитянинъ* 1848, ч. I. Критика, стр. 70 и пр.

52) *Письма*, XVIII.

53) *Москвитянинъ* 1848, ч. II. Критика, стр. 131—138.

54) *Письма*, XVII.

55) *Москвитянинъ* 1848, ч. I. Критика, стр. 89—94; ч. III. Критика, стр. 74—96.

56) *Словарь Достопамятныхъ Людей Русской Земли*. С.-Пб. 1847. I, стр. V—VII.

57) *Москвитянинъ* 1848, ч. III. Критика, стр. 53—69.

58) *Письма*, XVIII.

59) *Москвитянинъ* 1848, ч. III. Критика, 69—72; ч. V. Критика, стр. 46—79; ч. VI. Критика, стр. 1—29; ч. III. Критика, стр. 54; ч. IV. Критика, стр. 34 — 42; Моск. Лѣтопись. 1850. I, стр. 128.

60) *Письма*, XVIII.

61) *Русскій Архивъ* 1875. III, стр. 373.

62) *Письма*, XVIII.

63) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. С.-Пб. 1878, стр. 449—450.

64) *Письма*, XVIII.

65) *Дневникъ* 1848, подъ 12 февраля.

66) *Письма*, XVIII.

67) *Дневникъ* 1848, подъ 18 января, 13 февраля.

68) *Письма*, XVIII.

69) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. С.-Пб. 1882, стр. 46.

70) *Письма*, XVIII.

71) *Временникъ* 1849, IV. Смѣсь, стр. 9—12.

72) *Письма*, XVIII.

73) *Вѣстникъ Европы* 1891, ноябрь, стр. 143—144.

74) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 288.

75) *Вѣстникъ Европы* 1891, ноябрь, стр. 144—145.

76) *Письма*, XVIII.

77) *Дневникъ* 1848, подъ 5 марта.

78) *Письма*, XVIII—XIX.

79) *Дневникъ* 1848, подъ 19, 20, 26 августа.

80) *Письма*, XVIII—XIX. *Т. Н. Грановскій*, М. 1869, стр. 264—265.

81) *Москвитянинъ* 1848, ч. V. Московск Лѣтоп., стр. 1—9.

82) *Письма*, XVIII.

83) *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древност. Российск.* при Московскомъ

Университетѣ. М. 1887. I, стр. 136. *Дневникъ* 1848, подъ 18 апрѣля.

84) *Русскіе Палеологи.* С.-Пб. 1880, стр. 68—69.

85) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка.* С.-Пб. 1893. I, стр. 495—496, 505.

86) *Письма,* XVIII.

87) *Русская Старина* 1879, ноябрь, стр. 475—480.

88) *Письма,* XVIII.

89) *Чтенія* 1887, кн. I, стр. 136—137.

90) *Письма,* XVIII.

91) *Русскій Архивъ* 1886, № 10, стр. 240.

92) *Письма,* XVIII.

93) *Русскіе Палеологи,* стр. 62—63. *Письма къ М. П. Погодину изъ Словенскихъ земель.* М. 1879, стр. 350.

94) *Дневникъ* 1848, подъ 3, 11 декабря.

95) *Москвитянинъ* 1849, № 6, Внутр. Извѣстія, стр. 37—38.

96) *Русскій Архивъ* 1866, стр. 1065.

97) *И. С. Аксаковъ.* М. 1888. II, стр. 99—102, 112.

98) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева.* С.-Пб. 1885. III, стр, 610.

99) *Письма,* XIX.

100) *Русскій Архивъ* 1875, III, 374—375.

101) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя.* С.-Пб. 1857. VI, стр. 483.

102) *Письма,* XIX.

103) *Москвитянинъ* 1849, № 9, Р. Слов., стр. 1—13; ч. IV; Смѣсь, стр. 13.

104) *Письма,* XVIII, XIX.

105) *Современникъ* 1849, XIV, стр. 63.

106) *Москвитянинъ* 1849, № 1. Критика и библіографія, стр. 41—48; № 2, стр. 49—53; № 3, стр. 91—117.

107) *Письма,* XIX.

108) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя,* VI, стр. 496—497.

109) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева,* III, стр. 609, 610.

110) *Путешествіе на Востокъ.* Изд. графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1883, стр. VII—VIII.

111) *Письма,* XIX.

112) *Москвитянинъ* 1849, ч. IV, Внутр. изв., стр. 34—36; № 4. Московская лѣтопись, стр. 114—116. *Русская Старина* 1896, январь, стр. 91—92.

113) *Письма,* XIX.

114) *Москвитянинъ* 1849, №4. Московск. лѣтоп., стр. 114—115.

115) *Письма,* XIX.

116) *Москвитянинъ* 1849, № 4. Моск. лѣтоп., стр. 114—120.

117) *И. С. Аксаковъ,* II, стр. 115.

118) Сухомлиновъ. *Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и Просвѣщенію.* С.-Пб. 1889. стр. II, 492—495.

119) *Русскій Архивъ* 1879, № 11 стр. 335.

120) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Смѣсь, стр. 20—22.

121) *Изслѣдованія и Статьи по Русск. литературѣ и Просвѣщенію,* II, стр. 491.

122) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію.* М. 1878. II, стр. 462—463, 466.

123) *Москвитянинъ* 1849, № 4. Моск. лѣтопись, стр. 91.

124) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію,* II, стр. 465.

125) *И. С. Аксаковъ,* II, стр. 114—115, 117.

126) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 39, 40.

127) *Письма,* XIX.

128) *Дневникъ* 1849, подъ 30 марта.

129) *Письма,* XIX. *Мои Письма, Замѣтки и Выписки,* II. *Москвитянинъ* 1849, ч. III, № 8. Моск. лѣтопись, стр. 88—96, 107—138.

130) *Москвитянинъ* 1849, № 8. Моск. лѣтопись, стр. 149—154.

131) *Русскій Архивъ* 1879, I, стр. 383.

132) *И. С. Аксаковъ,* II, стр. 129—130.

133) *Москвитянинъ* 1849, ч. III,

Моск. лѣтопись, стр. 43—48. *Письма*, XIX.

134) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.* Кіевъ, стр. 301—302.

135) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 129—130.

136) *Москвитянинъ* 1849, ч. III. Моск. Лѣтопись. стр. 26—42.

137) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 135, 142—144. *Письма*, XIX. *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 308; 1879, I, стр. 373. *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 141—143.

138) *Письма*, XIX.

139) *Русскій Архивъ* 1879, I, стр. 383—384.

140) *Москвитянинъ* 1849, №8. Моск. Лѣтопись, стр. 106.

141) *Русскій Архивъ* 1887, № 6, стр. 249—250.

142) *Письма*, XIX.

143) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.* Кіевъ. 1869, стр. 302—303.

144) *Письма*, XIX.

145) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 308; 1871, I, стр. 373—375.

146) *Русская Старина* 1872, іюль, стр. 70—86.

147) *Біографія, Письма* и пр. *Ѳ. М. Достоевскаго.* С.-Пб. 1883, стр 80.

148) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 53.

149) *Письма.* XIX.

150) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 79.

151) *Сборникъ И. Р. Ист. Общества*, т. LXIII, стр. 104.

152) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 95.

153) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому.* М. 1868, стр. 78. *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.*, стр. 307—308.

154) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 104.

155) *Сборникъ И. Р. Ист. Общ.*, т. LXXIII, стр. 104.

156) *Русскій Архивъ* 1884, № 4 стр. 308; 1886, № 3, стр. 353.

157) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 220, 253.

158) *Письма*, XIX.

159) *Москвитянинъ* 1849, V. Разн. Изв., стр. 20—21.

160) *Русская Старина* 1882, февр., стр. 515—522.

161) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М.*, стр. 313.

162) *Сборникъ И. Р. Ист. Общества*, LXXIII, стр. 105—106.

163) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 220. *Русскій Архивъ* 1895, декабрь, стр.437—438.

164) *Письма*, XIX.

165) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* С.-Пб. 1884, IX, стр. 255.

166) *Записки и Дневникъ*, I, стр. 512—513.

167) *Письма*, XIX.

168) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ архимандриту Антонію*, II, стр. 502.

169) *Москвитянинъ* 1849, VII. Моск. Лѣтоп., стр. 55—57.

170) *Письма*, XIX.

171) *Русская Старина* 1871, октябрь, стр. 405—410.

172) *Письма*, XIX, XVIII, XIX.

173) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Смѣсь, стр. 20—22.

174) *Письма*, XIX.

175) *Москвитянинъ* 1849, IV, стр. 220—222.

176) *Письма*, XIX.

177) *Русская Старина* 1890, декабрь, стр. 656—657.

178) *И. С. Аксаковъ.* М. 1888, I, стр. 256.

179) *Письма*, XIX.

180) *Русскій Архивъ* 1879, № 11, стр. 333—334.

181) *Москвитянинъ* 1849, № 3. Крит. и Библіогр., стр. 118 — 127. *Письма*, XIX.

182) *Москвитянинъ* 1849, Ин. Словесн., стр. 101.

183) *Письма*, XIX.
184) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 359.
185) *Письма*, XIX.
186) *Дневникъ* 1849, подъ 12 — 13 ноября.
187) *Письма*, XIX.
188) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. С.-Пб. 1882, стр. 52—53.
189) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому*. М. 1885, стр. 245—246.
190) *Письма*, XIX.
191) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 48.
192) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1857. VI, стр. 482.
193) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 312.
194) *Русскій Архивъ* 1864, стр 177—178.
195) *Сочиненія А. А. Котляревскаго*. С.-Пб. 1889. II, стр. 129—130.
196) *Русскій Архивъ* 1864, стр. 177—178.
197) *Записки о жизни Н. В. Гоголя*. С.-Пб. 1856. II, стр. 224—226.
198) *Русская Старина* 1890, дек., стр. 656.
199) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 215—216.
200) *Русская Старина* 1873, дек., стр. 941 — 943; 1872, янв., стр. 125—126.
201) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. М. 1890, стр. 186—188.
202) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 216—217. *Письма*, XIX.
203) *Русская Старина* 1872, янв., стр. 120—121; 1888, LX, стр. 409.
204) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 283.
205) Пономаревъ: *М. А. Максимовичъ*. С.-Пб. 1872, стр. 59.
206) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 496.
207) *Письма*, XIX.
208) *Дневникъ* 1849, подъ 3 декабря, 1 ноября.
209) *Москвитянинъ* 1851. Критика и Библіогр., I, стр. 326. *Письма*, XIX.
210) *Дневникъ* 1849, подъ 3 декабря
211) *Письма*, XIX.
212) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. С.-Пб. 1885. III, стр. 666.
213) *Письма*, XIX.
214) *Москвитянинъ* 1849, ч. VI. Критика и Библіогр., стр. 80—82.
215) *Письма*, XIX.
216) Геннади. *Справочный Словарь о Русскихъ писателяхъ*. Берлинъ. 1880. II, стр. 328.
217) *Москвитянинъ* 1849, V, стр. 79.
218) *Письма*, XIX.
219) *Имп. С.-Пб. Университетъ*. С.-Пб. 1870, стр. 282—283.
220) *Письма*, XIX.
221) *Русскій Архивъ* 1884, II, стр. 309—310.
222) *Письма*, XIX.
223) *Москвитянинъ* 1849, ч. III. Науки и Худож., стр. 1—6.
224) *Современникъ* 1849, XV, стр. 65—96.
225) *Письма*, XIX.
226) *Москвитянинъ* 1849, ч. I. Крит. и Библіогр., стр. 65—67.
227) *Письма*, XIX.
228) *Москвитянинъ* 1849, № 4. Смѣсь, стр. 77—78.
229) *Письма*, XIX.
230) *Москвитянинъ* 1849, № 3. Смѣсь, стр. 76.
231) *Письма*, XIX, XVIII.
232) *Москвитянинъ* 1879, № 2. Смѣсь, стр. 57.
233) *Письма*, XIX.
234) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1879. II, стр. 418—426. *Москвитянинъ* 1851, № 9—10, кн. 1—2, стр. 123. *Письма*, XX.
235) *Путешествіе въ Персію*. М. 1849. I, стр. I—II.
236) *Русскій Архивъ* 1878, № 4, стр. 461—465.
237) *Москвитянинъ* 1849, ч. VI. Крит. и Библіограф., стр. 79; Смѣсь, стр. 48—49, 67; № 4. Смѣсь, стр. 90—92; ч. IV. Смѣсь, стр. 13—14; ч. V.

Смѣсь, стр. 33—34, 55—56; ч. II. Внутр. Изв., стр. 42—49.

238) *Исторія Казанской Духовной Академіи.* Казань. 1892. II, стр. 178—179.

239) *Москвитянинъ* 1849, № 7. Критика и Библіогр., стр. 42—45.

240) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя,* VI, стр. 481.

241) *Москвитянинъ* 1849, № 8. Крит. и Библіогр., стр. 88—98.

242) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу,* стр. 50.

243) *Москвитянинъ* 1849, № 3. Смѣсь, стр. 66.

244) *Письма,* XIX.

245) *Дневникъ* 1849, подъ 16 и 20 января.

246) *Письма,* XIX.

247) *Дневникъ* 1849, подъ 15 декабря.

248) *Письма,* XIX.

249) *Москвитянинъ* 1849, ч. III. Критика и Библіографія, стр. 127—130.

250) *Письма,* XIX.

251) *Москвитянинъ* 1849, № 1. Смѣсь, стр. 18—19.

252) *Письма,* XIX.

253) *Москвитянинъ* 1849, № 1. Смѣсь, стр. 16—17.

254) *Письма,* XIX.

255) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Смѣсь, стр. 14.

256) *Письма,* XIX.

257) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Смѣсь, стр. 11.

258) *Письма,* XIX.

259) *Дневникъ* 1849, подъ 12 мая, 4 іюня.

260) *Письма,* XIX.

261) *Дневникъ* 1849, подъ 14 октября.

262) *Записки и Дневникъ,* I, стр. 508. *Москвитянинъ* 1849, Московская Лѣтопись, стр. 58—62; ч. V. Критика и Библіографія, стр. 15—23.

263) *Письма,* XIX.

264) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому.* М. 1885, стр. 243, 251—253.

265) *Москвитянинъ* 1849, № 3. Критика и Библіогр., стр. 131—134

266) *Письма,* XVII.

267) *Москвитянинъ* 1849, № 2. Русск. Ист., стр. 82.

268) *Письма,* XIX.

269) *Москвитянинъ* 1849, № 4. Смѣсь, стр. 90; Науки и Художества, стр. 27.

270) *Письма,* XIX.

271) *Москвитянинъ* 1849, № 20, октябрь, кн. 2-я, стр. 103—112.

272) *Письма,* XIX.

273) *Москвитянинъ* 1849, № 20, октябрь, кн. 2-я, стр. 103—112.

274) *Письма,* XIX.

275) *Москвитянинъ* 1849, ч. V. Внутреннія извѣстія.

276) *Письма,* XIX. *И. С. Аксаковъ,* II, стр. 169, 256—257. *Письма,* XIX. *И. С. Аксаковъ,* II, стр. 235.

277) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 16.

278) *Москвитянинъ* 1849, № 2. Моск. Лѣтопись, стр. 53—54.

279) *Письма,* XIX.

280 *Дневникъ* 1849, подъ 24, 31 мая.

281) *Письма,* XIX.

282) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Смѣсь, стр. 14—15.

283) *Письма,* XIX.

284) *Москвитянинъ* 1849, № 6. Внутрен. Изв., стр. 50.

285) *Письма,* XIX. *Москвитянинъ* 1851. Совр. Изв., стр. 6—7.

286) *Москвитянинъ* 1849, № 2. Критика и Библіографія, стр. 62—64; № 6. Смѣсь, стр. 9—13.

287) *Современникъ* 1849, XIII. Смѣсь, стр. 208.

288) *Письма митрополита Московскаго Филарета къ архіепископу Алексѣю.* М. 1883, стр. 45—46.

289) *Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго, къ А. В. Горскому.* М. 1885, стр. 242.

290) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 47.

291) *Письма,* XIX.

292) *Москвитянинъ* 1849, ч. III.

Крит. и Библ., стр. 123—130; ч. VI, стр. 2—12.

293) *Русскій Архивъ* 1886, № 10, стр. 242.

294) *Москвитянинъ* 1849, № 22. Русск. Слов., стр. 97—111.

295) *Письма*, XIX.

296) *Русскій Архивъ* 1886, № 10, стр. 244, 241.

297) *Москвитянинъ* 1849, № 5. Крит. и Библіогр., стр. 13—14.

298) *Письма*, XIX.

299) *Москвитянинъ* 1849, № 5. Критика и Библіогр. стр. 19.

300) *Письма*, XIX.

301) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 268, 296, 301, 270.

302) *Москвитянинъ* 1849, № 5. Крит. и Библіогр., стр. 15—18; ч. V, стр. 1—5; ч. VI, стр. 2—12.

303) *Письма*, XIX.

304) *Москвитянинъ* 1849, № 3. *Смѣсь*, стр. 70—71; № 1. Крит. и Библіогр., стр. 33—34.

305) *Письма*, XIX.

306) *Дневникъ* 1849, подъ 1 марта.

307) *Письма*, XIX.

308) *И. С. Аксаковъ*, стр. II, 207, 118, 119, 120, 121—122.

309) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка*, I, стр. 511—512.

310) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 124—125, 136—138, 170, 215, 254.

311) *Письма*, XIX.

312) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 124—125, 136—137, 123—124.

313) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка*, I, стр. 512.

314) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 147—163, 137.

315) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка*, I, стр. 512.

316) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 125, 126, 127, 130, 135—137, 190, 129—130, 164.

317) *Дневникъ* 1849, подъ 20 сентября; 5 декабря.

318) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 223—224, 257—258, 236—237, 248—250, 261—262, 138, 261, 273—274.

319) *Письма*, XIX.

320) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*, VI, стр. 498.

321) *И. С. Аксаковъ*, II, стр. 254—255.

322) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка*, I, стр. 502—503.

323) *Письма*, XIX. *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

324) *Современникъ* 1849, XIV, стр. 37—46.

325) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенка*, I, стр. 514—515.

326) *Письма*, XIX.

327) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, стр. 223.

328) *Письма*, XIX.

329) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 50—51.

330) *Письма*, XIX.

331) *Московскія Вѣдомости* 1849, № 130.

332) *Письма*, XIX.

333) *Сочиненія и переписка П. А. Плетнева*, III, стр. 623—625.

334) *Москвитянинъ* 1849, № 4. Смѣсь, стр. 88. *Письма*, XIX. *Русскій Архивъ* 1888, № 8, стр. 493—494 *Письма*, XX.

335) *Москвитянинъ* 1850, II. Москов. Лѣтопись, стр. 62—65. *Московскія Вѣдомости* 1850, № 1. *Сочиненія А. И. Герцена.* Женева. 1879. VII, стр. 355.

336) *Москвитянинъ* 1850, I. Московская Лѣтопись, стр. 27—28.

337) *Письма*, XIX.

338) *Русская Старина* 1888, LX, стр. 397—403. *Русскій Архивъ* 1884, II, стр. 309.

339) *Письма* XIX—XX. *П. В. Анненковъ и его друзья*, стр. 557.

340) *Сочиненія Т. Н. Грановскаго* М. 1866. I, стр, 240—241.

341) *Русская Старина* 1888, LX, стр. 398—399.

342) *Письма*, XIX.

343) *Русская Старина* 1888, LX, стр. 400.

344) *Письма*, XIX.

345) *Москвитянинъ* 1850. Критика и Библіогр., стр. 4—16, 21—22.

346) *Т. Н. Грановскій.* М. 1869, стр. 241—242.

347) *Біограф. Словарь Моск. Университета*, I, стр. 209—225.

348) Сочиненія *А. И. Герцена.* Женева. 1875. I, стр. 266.

349) *Письма*, XIX.

350) *Дневникъ* 1849 подъ 20 апрѣля, 30 мая.

351) *Письма*, XIX.

352) *На новый годъ. Альманахъ въ подарокъ читателямъ Москвитянина* М. 1850, стр. 163—171.

